Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»
Ивановский филиал ЧОУ ВО «Институт управления»

ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО, ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ РОССИИ XX–XXI ВЕКОВ

Материалы XXI Международной научной конференции

Иваново, 30–31 марта 2022 г.

Иваново
Издательство «Ивановский государственный университет»
2022

ББК 63.3(2):86.372(2)
Г 72

Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXI Междунар. науч. конф., Иваново, 30–31 марта 2022 г. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2022. – 580 с.
ISBN 978-5-7807-1823-8

В сборнике представлены материалы XXI Международной научной конференции «Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков», в которых анализируются различные проблемы истории Русской Православной Церкви в контексте истории российского государства и общества, исследуются малоизученные аспекты этого сложнейшего периода в истории нашей страны, вводятся в оборот неизвестные источники, делается попытка найти новые подходы в изучении новейшей отечественной истории.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Ивановского государственного университета

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук **А. А. Корников** (ответственный редактор),
д-р ист. наук **С. М. Усманов**, д-р ист. наук **Ю. А. Ильин**,
д-р ист. наук **В. Л. Черноперов**,
канд. ист. наук **И. А. Комиссарова** (ответственный секретарь)

Рецензенты:

А. А. Федотов, д-р ист. наук, профессор
(Ивановский филиал ЧОУ ВО «Институт управления»)

Г. А. Будник, д-р ист. наук,
профессор кафедры истории, философии и права,
(Ивановский государственный энергетический университет)

За содержание материалов ответственность несут авторы

ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО, ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ РОССИИ XX–XXI ВЕКОВ

Материалы XXI Международной научной конференции

Иваново, 30–31 марта 2022 г.

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 24.02.2022 г. Формат 60 × 84 $^{1}/_{16}$. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 33,9. Уч.-изд. л. 34,5. Тираж 300 экз. Заказ 31.

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39. ☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru
Издательско-полиграфический комплекс «ПресСто»
✉ 153025 Иваново, ул. Дзержинского, 39, стр. 8 ☎ 8-930-330-36-20. E-mail: presto@mail.ru

ISBN 978-5-7807-1823-8

© ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», 2022

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
Ivanovo State University
Institute of Management, Ivanovo branch

STATE, SOCIETY, CHURCH IN THE HISTORY OF RUSSIA (20th – 21st CENTURIES)

Proceedings of the XXI International Scientific Conference

Ivanovo, March 30–31, 2022

Ivanovo
Ivanovo State University
2022

State, Society, Church in the History of Russia (20th – 21stcenturies): proceedings of the XXI International Scientific Conference, Ivanovo, March 30–31, 2022. – Ivanovo: Ivanovo State University, 2022. – 580 p.
ISBN 978-5-7807-1823-8

The proceedings include discussion of the XX International scientific conference «State, Society, Church in the History of Russia in the 20th – 21st centuries». A wide range of problems covering the history of Russian Orthodox Church, Russian State and society are analyzed. Aspects of the turbulent period of history that have not been studied a lot so far are explored. Unknown sources are introduced. An attempt to find new approaches to the study of Contemporary Russian History is made.

Printed according to the decision
of the Editorial Board of Ivanovo State University

Editorial board:

A. A. Kornikov, Doctor of History (Editor-in-Chief)
S. M. Usmanov, Doctor of History
Y. A. Ilyin, Doctor of History
V. L. Chernoperov, Doctor of History
I. A. Komissarova, Candidate of Science, History (Secretary-in-Chief)

Reviewers:

A. A. Fedotov, Doctor of History, Professor
(Institute of Management, Ivanovo branch)

G. A. Budnik, Doctor of History,
Professor of the Department of History, Philosophy and Law
(Ivanovo State Power Engineering University)

The content is the responsibility of the authors

ISBN 978-5-7807-1823-8 © Ivanovo State University, 2022

УДК 93/94+21/29
Ю. А. Лабынцев,
ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (Москва)

ИСПОВЕДНИК ЦЕРКОВНОЙ СОБОРНОСТИ: ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОТОПРЕСВИТЕРА ТЕРЕНТИЯ ТЕОДОРОВИЧА (1867–1939)

В статье представлены наиболее заметные и актуальные для нашего времени темы из истории русской православной жизни, раскрытые выдающимся ее исследователем и организатором протопресвитером Терентием Теодоровичем (1867–1939).

Ключевые слова: Православие, Русское зарубежье, соборность церкви, религиозность русской литературы, Всероссийский церковный собор 1917–1918 гг., патриарх Тихон, протопресвитер Терентий Теодорович

Ju. A. Labyntsev,
Leading research fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

CONFESSOR OF CHURCH CATHOLICITY: THE SPIRITUAL LEGACY OF PROTOPRESBYTER TERENTY THEODOROVICH (1867–1939)

The article presents the most notable and relevant topics from the history of Russian Orthodox life, revealed by its outstanding researcher and organizer, Protopresbyter Terenty Teodorovich.

Keywords: Orthodoxy, the Russian Abroad, conciliarity of the church, religiosity of Russian literature, All-Russian Church Council of 1917–1918, Patriarch Tikhon, Protopresbyter Terenty Teodorovich (1867–1939)

Будущего протопресвитера, уроженца глубинной Волыни, выросшего в семье потомственного сельского священника Павла Теодоровича, с детских лет окружала высокая религиозная атмосфера. После окончания духовного училища и Волынской семинарии он поступает в Московскую духовную академию, которая по собственному признанию Терентия Теодоровича очень многое ему дала, в том числе подлинное знание «великого русского народа» [9, с. 32]. Посвящение о. Терентия в иерея происходило в Почаевской лавре, после чего он служит несколько лет в сельском приходе Люблинской губернии, а затем в храмах Варшавы,

© Лабынцев Ю. А., 2022

где начинает активно печатать свои литературные труды, которые всегда считал особой важной формой пастырского проповедничества [2, с. 51–62; 3, с. 38–53].

В период эвакуации во время Первой мировой войны о. Терентий с семьей попадает в Петроград и от Варшавской епархии избирается в члены Всероссийского церковного собора, о котором сохранял светлую память до конца своих дней: «Одно воспоминание о Соборе, об этом единственном светлом событии в эти революционные дни, событии, на которое возлагали столько надежд не только церковного характера, но и общенародного, это воспоминание о Соборе и теперь, через восемнадцать лет, меня сладко волнует. Событие во всех смыслах единственное, уже неповторимое. Какая богатая собранность Иерархических церковных сил! Людей глубокой веры и благочестия, духовных талантов, высокого ума и знания во всех областях человеческого духа, людей всех званий, но всех объединенных в том, что самое важное и святое, что “едино на потребу”, – во Христе и верности Его Святой Церкви» [9, с. 135].

Возвращение с семьей в Варшаву летом 1921 г. не было для о. Терентия делом простым, как и вся оставшаяся жизнь в возрожденном Польском государстве, именовавшимся II Речью Посполитой. Благословляя Теодоровича на этот шаг патриарх Тихон писал ему: «Новая Варшава захотела жить по-новому – широкому, а лучше бы скромнее, и на месте виднее будет, что нужно. Господь да поможет Вам потрудиться во благо Св. Церкви и да устроит Ваш путь в благополучии» [9, с. 175].

Катастрофическое положение православной церкви в СССР, весьма драматичные, а потом и трагические условия ее существования в межвоенной Польше, усиливали остроту анализа о. Терентием происходивших событий применительно к самой сущности церковной жизни: «В Православии все эти три понятия – Церковь, Соборность и Приход – тесно соединены и в жизни неразрывно связаны. Церковь – Тело Христово, Христов организм, правильная жизнь которого поддерживается и укрепляется только соборностью членов его – живой и деятельной собранностью сил всего церковного организма. А Приход – начальная и основная клеточка церковного организма, из соединения которых и создается вся Церковь – Тело Христово. Но эта же церковная ячейка – Приход – является как бы микрокосмом всей Церкви. Состояние Прихода, его строй дают понятие о внутреннем строе и состоянии всей Церкви» [10, с. 351]. Проблематикой приходского устройства, этой, по его словам, «первичной семьи в церковном отношении», будущий протопресвитер начал серьезно интересоваться с момента своего священнического служения, а с 1905 г. стал публиковать исследования по данной тематике, отмеченные уже в 1907 г. выходом в свет специальной книги [8]. В ней, в частности, уделяя большое внимание огромной сложности создавшегося в Российской империи внутриполитического

момента, о. Терентий раскрывал и обосновывал механизмы и принципы «церковно-приходской жизни» в новых условиях. Через все годы своего служения о. Терентий пронес необычайное внимание и любовь к судьбе сельской приходской общины, ибо именно «приходская паства – даже крестьянская – это – не компактная, слепая масса, безразлично воспринимающая внушаемое ей, – это живая сила, сила действующая, способная слиться с пастырем своим в одно стройное целое… Тогда-то и может создаться приходская жизнь» [4, с. 465].

Тема «истинного пастырства» также была вечной и важнейшей для о. Терентия, который много писал об этом. Несомненно, одним из идеалов виделся ему св. Иоанн Кронштадтский, давший «в служении своем… возможно высокое на земле выражение идеи пастырства… в своем делании святыню пастырства, его смысл и лучшее оправдание» [5, с. 54]. Минуют многие годы – «о. Иоанна будут изучать как живую школу пастырства, у него будут учиться и вдохновляться на лучшее пастырство… О. Иоанн – слава пастырства, слава русской церкви, слава христианства…» [5, с. 56]. Христианское проповедничество, пастырство всегда связывалось о. Терентием с литературным трудом, в том числе, казалось бы, сугубо светским. В полной мере это найдет свое отображение уже в первый период варшавской жизни, особенно в очерке о Н. В. Гоголе [6], но более всего позднее, когда он сам становится одним из весьма активных деятелей Русского зарубежья. Многочисленные работы о. Терентия, печатавшиеся тогда в эмигрантских изданиях, в том числе и таком крупнейшим и известном как газета «За Свободу», редактировавшаяся одним из его ближайших знакомых Д. В. Философовым, с которым они совместно еще во времена Российской империи вступали в полемику с «самонадеянными» «представителями Католичества» [9, с. 129]. Свое трепетное отношение к Н. В. Гоголю – «великому человеку-христианину», как называл писателя о. Терентий, он сохранил и во все последующие годы, считая его «натурой религиозно-мистической», «проповедником, исповедником, “пророком”» [6, с. 1]. «Религия была, можно сказать, жизненной стихией Гоголя, – ею душа писателя питалась во все возрасты жизни, и ею же Гоголь больше всего был чужд передовым людям русского общества, даже своим друзьям» [6, с. 12].

В 1920–1930-е гг. о. Терентий становится свидетелем резкого и весьма жесткого наступления на права православной церкви в межвоенной Польше, христианском государстве, где почти сразу же в Варшаве варварски, с особым цинизмом был разрушен величественный Александро-Невский собор [1, с. 547–548], в котором он всего за несколько лет до этого произносил свои проповеди. Началось и массовое наступление на великорусские начала в церковной жизни, а постановления Всероссийского церковного собора стали объявляться чуть ли не еретическими.

Особенно доставалось при этом многим представителям Русского зарубежья, оказавшимся в Польше, смевшим противиться развернувшейся в государстве тотальной полонизации. Среди противившихся был и протопресвитер Терентий Теодорович, пытавшийся всегда мирно и сугубо по христиански разрешать возникавшие противоречия. Так, по долгу «бывшего члена Московского Всероссийского Собора со дня его открытия… до последнего заседания… и как приходской священник, поживший в большевистской России еще три года после закрытия Собора, уже в новых условиях церковной жизни» [7, с. 146], отец протопресвитер выступает защитником соборных решений, ибо «лучше силы Церковной России, по свободному выбору, были участниками Собора», а все обсуждения «велись совершенно свободно без давления какой бы то ни было власти; спокойно, без каких либо осложнений» [7, с. 146]. Идея соборности стала созидающей, воплощенной в самом факте проведения Всероссийского церковного собора и его постановлениях, а ныне «она оправдывает себя и спасает церковность даже в горестные дни лихолетия и дезорганизации Церковного Управления в России» [7, с. 148]. Избранного на Соборе святейшим патриархом Тихона протопресвитер видел святым, который «по мере возрождения Русской Православной Церкви все ярче будет блистать на православном горизонте как путеводная звезда» [10, с. 119].

Протопресвитер Терентий Теодорович верил не только в духовное возрождение России, но и ее будущее общее величие: «Придут “свои сроки” и Светлость Христа и окружающей Его святыни освободится в грешном человечестве от излишних исторических человеческих наслоений, и православие, своею широтой и углубленностью, больше всего способно к такому просветлению. И кто знает, не начнется ли оно – это просветление оттуда, где сейчас мрак, где сейчас духовная ночь. “Солнце догорает на Западе, а восходит на Востоке...”» [10, с. 279].

Библиографический список

1. *Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.* Александра Невского собор в Варшаве // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. 1.

2. *Лабынцев Ю. А.* Протопресвитер Терентий Теодорович как церковный писатель // Славяноведение. 1995. № 4.

3. *Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.* Православная литература Польши (1918–1939 гг.). Минск, 2001.

4. *Теодорович Т., свящ.* К вопросу об оживлении церковной жизни в приходах Привисленского края в связи с идеей о возрождении прихода по проекту А. Попкова // Варшавский епархиальный листок. 1905. № 39.

5. *Теодорович Т., свящ.* О. Иоанн Кронштадтский как учитель пастырства // Варшавский епархиальный листок. 1909. № 5.

6. *Теодорович Т., свящ.* Религия в жизни Гоголя. Варшава, 1909.

7. *Теодорович Т., протопресвитер*. В защиту Московского Всероссийского Церковного Собора (1917–1918 гг.) // Воскресное чтение. Варшава, 1927. № 11.

8. *Теодорович Т., свящ.* Современные задачи церковного прихода. Варшава, 1907.

9. *Теодорович Т. П., протопресвитер*. К сорокалетию пастырства. Варшава, 1935. Ч. 2.

10. *Теодорович Т. П., протопресвитер*. К сорокалетию пастырства. Варшава, 1935. Ч. 1.

УДК 271.2

Е. В. Ефимович,
доцент, Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка (Минск)
Т. И. Шупенько,
доцент, Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка (Минск)

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: РОЛЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Анализируется конституционный процесс в Российской Федерации и Республике Беларусь. Оценивается место и роль в этих процессах Православной церкви. Делается попытка оценить внесённые и предложенные изменения в Конституции наших стран.

Ключевые слова: конституционный процесс, православная церковь, семейные ценности, брак, семья, Бог, традиционные ценности, вера

E. V. Yefimovich,
associate professor, Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank (Minsk)
T. I. Shupenko,
associate professor, Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank (Minsk)

CONSTITUTIONAL PROCESS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS: THE ROLE OF THE ORTHODOX CHURCH

The constitutional process in the Russian Federation and the Republic of Belarus is analyzed. The place and role of the Orthodox Church in these processes is assessed. An attempt is being made to evaluate the amendments made and proposed to the Constitutions of our countries.

© Ефимович Е. В., Шупенько Т. И., 2022

Keywords: constitutional process, Orthodox church, family values, marriage, family, God, traditional values, faith

Более 30 лет назад прекратило существование такое государство, как СССР. Независимые республики начинали свою политическую историю. Одной из задач, которая стояла перед ними тогда – это сформулировать свой основной закон, т. е. Конституцию. Конституция Российской Федерации была принята 12 декабря 1993 г., а Республики Беларусь 15 марта 1994 г.

Конституция Республики Беларусь претерпела изменения в результате референдумов 1996 г. и 2004 г. Но все эти изменения касались только структуры документа и устройства политической власти. Спустя более 25 лет стали актуальными и многие другие вопросы, фиксируемые именно в Основной законе любого государства. Надо отметить, что в Российской Федерации в 2020 г, так и в Республике Беларусь в 2021 г. не остались в стороне от обсуждения поправок и представители основных конфессий этих государств.

Так принимая конституции в середине 90-х гг. туда были записаны следующие формулировки:

– статья 72 Конституции Российской Федерации «…защита семьи, материнства, отцовства и детства..» [1];

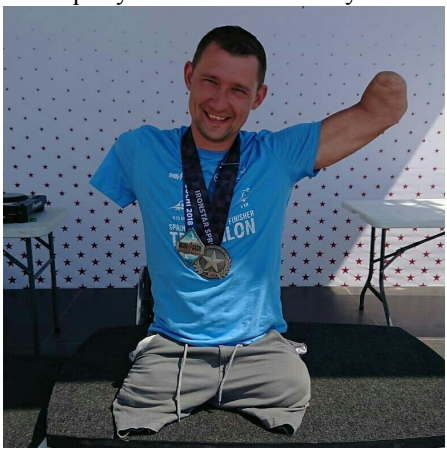
– статья 32 Конституции Республики Беларусь «Брак, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства. Женщина и мужчина по достижении брачного возраста имеют право на добровольной основе вступать в брак и создавать семью» [2].

На первый взгляд они кажутся правильными и подчёркивающими статус семьи и брака в соответствии с историческими традициями. Однако, когда в современном мире отношение к семье стало искажаться, данные формулировки оказались спорными.

Ни в конституции Российской Федерации, ни в Конституции Республики Беларусь оказался не закреплённым статус, что же такое семья. Даже формулировка из белорусской Конституции, что мужчина и женщина имеют право на брак не подразумевает, что только мужчина с женщиной имеют такое право!

Когда в 2020 г. по инициативе Президента В.В. Путина было инициировано внести изменения в Конституцию Российской Федерации, то к данной работе подключилась и Русская Православная Церковь. Так, отвечая на вопросы телеведущей Екатерины Грачёвой в передаче «Церковь и мир», которая выходит по субботам на канале «Россия-24» председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Илларион (Алфеев) по данному вопросу сказал следующее: «… очень важно то, что государство поддерживает семью как

союз мужчины и женщины. Известно, что сейчас в разных странах вводятся законодательные нормы, которые расширяют понятие семьи… Так вот в нашем законодательстве закрепляется основополагающий принцип, на котором веками строилось человеческое общежитие. Принцип согласно которому семья – это союз мужчины и женщины» [3].



Алексей Талай

В том же 2020 г. с инициативой внесения изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь к общественности обратился Президент А. Г. Лука-шенко. Одним из пунктов обсуждения на диалоговых площадках стала и статья 32. Так, многие участники обсуждения просили уточнить статью с точки зрения, что именно является браком. Один из членов конституционной комиссии и белорусский паралимпиец А. Талай является одним из тех, кто настаивает на редакции, что брак – это союз мужчины и женщины по *рождению*!

В Республике Беларусь на момент написания данного материала идёт обсуждение нового проекта Конституции, тем не менее вопрос об отстаивании традиционных ценностей семьи, в которой планируется рождение и воспитание детей в христианских или просто канонических ценностях человечества, стоит очень остро. В данной связи хочется сказать, что вышеуказанный Алексей Талай родился обыкновенным здоровым ребёнком. Но в возрасте 16 лет он подорвался не далеко от белорусского города Орша на мине, которая пролежала здесь со времён Великой Отечественной войны. Но Алексей не сломался, он стал мужем и отцом четверых детей, он научился плавать и в своей группе не однократно бил мировые рекорды. Его жизнь, даже с точки зрения семейных ценностей, является чудом. Его семья может быть примером семейных ценностей, на которых настаивает и Белорусская Православная Церковь.

Следует отметить, что Белорусская Православная Церковь отмечает, что будет настаивать на формулировке: «Брак – это союз женщины и мужчины по рождению». Об этом сообщили в Белорусском Экзархате 28 декабря 2021 г. Ещё в ноябре 2021 г. глава Белорусской Православной Церкви митрополит Минский и Заславский Вениамин поднял тему закрепления в Конституции традиционных христианских ценностей о семье и

браке. «Мир вошел в эпоху глобального кризиса – политического, экономического, и наиболее опасен кризис семьи. С середины 90-х гг. прошлого века, когда началось падение численности населения Беларуси, количество жителей страны сократилось почти на миллион человек», – подчёркивает предстоятель Белорусской Православной Церкви. Отмечается, что Белорусская Православная Церковь приветствует и поддерживает инициативу государства по укреплению семьи. В данной связи Владыка Вениамин говорит, что пророчески звучат слова преподобного Серафима Саровского о том, что «если разрушится семья, то низвергнутся государства» [4].

Ещё одним важным пунктом, к которому обращается общественность наших государств и, которые стали важными инициативами со стороны Православной Церкви – это с одной стороны сохранить светскость государства, а с другой прописать обращение к Богу.

Так, в процессе ещё обсуждения проекта Конституции Российской Федерации Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл говорил: «Пока этого ещё нет, но я думаю, что общими усилиями и молитвами мы будем содействовать тому, чтобы такая возвышенная идея, каковой является вера в Бога, которая формирует нравственность и личную, и общественную, и политическую, чтобы она присутствовала в том числе и в нашей Конституции» [5].

С предложением закрепить в тексте Конституции Российской Федерации, то что православная религия является основной религией России выступил российский паралимпиец, член рабочей группы Сергей Бурлаков [6].

Когда обращаешься к биографии и истории почему Сергей Бурлаков стал паралимпийцем, то узнаёшь, что в 20 во время службы в армии он попал в автомобильную аварию, затем получил сильнейшее обморожение, врачам удалось спасти ему жизнь. Правда Сергей Бурлаков остался инвалидом. Это не помешало ему стать мужем и отцом.

Авторам показалось уместно подчеркнуть истории таких двух уникальных людей как Алексей и Сергей. Ведь появившись на свет с руками и ногами, потеряв их в силу стечения обстоятельств, они не только не сломались, но стали образцовыми семьянинами, они же в процессе обсуждения вопросов общественного порядка в своих государствах активно поддержали основные концептуальные вопросы, вынесенные на рассмотрение Православной Церковью. Это подчёркивает и огромную заслугу Церкви, которая проводит огромную социальную и воспитательную работу!

В результате общественной дискуссии в Конституцию Российской Федерации было записано: «Российская Федерация, объединенная

тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство». В результате общественной дискуссии в Конституцию Российской Федерации было записано: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство».

Сергей Бурлаков

Как отмечал в своих ответах на вопросы Е. Грачёвой председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Илларион (Алфеев), за такую формулировку высказались даже представители буддизма, не говоря уже о других конфессиях Российской Федерации. Включение в текст Конституции Российской Федерации указания на веру в Бога, переданную народу России предками, не означает отказа от светского характера Российского государства поскольку по своей формулировке не сопряжено с конфессиональной принадлежностью, не объявляет наличие тех или иных религиозных убеждений обязательным в Российской Федерации [3].

В проект белорусской Конституции внесены некоторые нравственные категории. Так в статье 32 планируется записать, что родители или лица, их заменяющие, обязаны прививать исторические и национальные традиции Беларуси, что государство способствует духовному и нравственному воспитанию молодёжи. Предложения в 32 статью были также высказаны Белорусской Православной Церковью [4].

Таким образом можно сделать вывод, что Православная Церковь Российской Федерации и Белорусская Православная Церковь, как составная часть Московского патриархата сплочённо выступили с предложениями воспитания молодёжи в традиционных ценностях и сохранения семейных ценностей в наших государствах.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. М.: Айрис-пресс, 2013. 63 с.

2. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. 62 с.

3. Митрополит Волоколамский Илларион (Алфеев) Упоминание Бога в Конституции отражает консенсус всех традиционных религий России // Интернет-журнал Сретенского монастыря «Православие.ру» [Электронный ресурс]. URL: https://pravoslavie.ru/132265.html. (дата обращения: 03.01.2022).

4. Белорусская Православная Церковь будет настаивать на своих поправках в Конституцию // Интернет-портал Sputnik Беларусь [Электронный ресурс]. URL: https://sputnik-by.turbopages.org/sputnik.by/s/20211228/bpts-budet-nastaivat-na-svoikh-popravkakh-v-konstitutsiyu-1059070427.html (дата обращения: 03.01.2022).

5. Святейший Патриарх Кирилл предложил добавить в Конституцию РФ упоминание о Боге // Официальный сайт Московского Патриархата «Русская Православная Церковь» [Электронный ресурс]. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5586258.html (дата обращения: 03.01.2022).

6. В поправки к Конституции России 2020 г. внесли упоминание о Боге, религии, Церкви, Православии // Официальный сайт Никольского храма п. Добринка Липецкой области [Электронный ресурс]. URL: http://pravera.ru/index/pravoslavie_v_konstitucii_rossii_khotjat_utverdit_kak_osnovnuju_religiju_strany/0-5464 (дата обращения: 03.01.2022).

УДК 1 (091)(470)

Н. Н. Павлюченков,
доцент, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва)

«МЫ НЕ ЖИВЕМ ЦЕРКОВЬЮ»: СВЯЩЕННИК ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ О ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ЦЕРКОВНОГО НАРОДА В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье обсуждается вопрос о глубоких причинах расколов и нестроений в жизни Русской Церкви в первые годы советской власти. Приводятся оценки духовного состояния церковного народа, данные священником Павлом Флоренским в начале 1920-х гг.

***Ключевые слова*:** Церковь, общество, народ, Флоренский, духовная жизнь, история

© Павлюченков Н. Н., 2022

N. N. Pavliuchenkov,
Associate Professor, St. Tikhon's Orthodox university

"WE DO NOT LIVE BY CHURCH": PRIEST PAUL FLORENSKY ABOUT SPIRITUAL LIFE OF CHURCH PEOPLE IN RUSSIA AT THE BEGINNING XX OF CENTURY

The article examines a question about deep reasons of dissidences and unstructures in life of Russian Church in the first years of soviet power. Estimations over of the spiritual state of church people are brought, that were given by a priest Pavel Florensky at the beginning of 1920th.

Keywords: Church, society, people, Florensky, spiritual life, history

XX век в истории России дал уникальный опыт существования и деятельности Православной Церкви в различных общественно-политических условиях, которые для внешнего взгляда характеризовались различными степенями «церковной свободы». Так, очень многие современники периода правления православной монархии в начале XX в. были уверены в том, что Русская Церковь со времен Петра I оказалась «порабощенной» государству посредством «синодальной реформы» 1721 г. После 1917 г. Церковь, очевидно, существовала в явно враждебной обстановке государственного «воинствующего» атеизма, а 1990-е гг., вместе с попытками устроить государственный и общественный порядок по образцу «западных демократий», принесли Русской Церкви такую «свободу», при которой легче всего происходит вовлечение ее в различные политические, социальные, культурные и т. п. движения. После физических, экономических и «социальных» (попытки отделения «от общества») гонений вновь возникла угроза того, что называется «обмирщением» церковной жизни, забвения самого главного, ради чего Церковь существует и что на самом деле она собой представляет.

Безусловно, хорошее знание истории и связанного с ней исторического опыта способствует лучшему пониманию того, что происходит в настоящее время. В данном случае, как представляется, важна история не «внешняя», т. е. не история взаимоотношений Церкви с государством и обществом. Такая постановка вопроса представляется не совсем корректной, поскольку многие деятели из государственных структур и, тем более, значительная часть общества, входит в Церковь, если, конечно, под «Церковью» понимать не организацию епископата во главе с патриархом, а ту реальность, которую Церковь являет по самой своей природе, объединяя всех, кто так или иначе причастен к совершаемым в ней таинствам. Важна история, которую можно определить как процесс изменения качества духовной жизни церковного народа, т. е. той самой части общества, которая,

наряду с епископами, и представляет собой Русскую Церковь. И здесь большой интерес вызывает именно период, предшествовавший эпохе государственного атеизма, который, по некоторым мнениям, и стал причиной ее наступления. Новая атеистическая власть в стране с почти тысячелетней христианской историей, конечно, не смогла бы устоять без реальной поддержки значительной части общества, а для этого общество должно было быть достаточно расцерковленным.

В определенной степени раскрыть церковную историю с такой точки зрения помогают наблюдения и опыт современников, испытавших религиозное обращение в период конца XIX – начала XX в. Они обращались к Церкви, как правило, после увлечения грубым материализмом и позитивизмом и пережили период, когда в их сознании односторонне понимаемое научное мировоззрение противопоставлялось мировоззрению религиозному. Большой частью российской интеллигенции Русская Церковь воспринималась тогда, в лучшем случае, как отжившая свое время религиозная организация, которую нужно радикально реформировать или оставить в распоряжении тех, кто пока не способен идти в ногу с научно-техническим и (как многие тогда были убеждены) нравственным прогрессом человечества.

В этом отношении особо замечателен пример священника Павла Флоренского как ученого, выросшего в семье одного из представителей такой интеллигенции и испытавшего в юности «обвал» научного мировоззрения. В его случае этот «обвал» означал не отказ от науки как таковой, а открытие для себя всей ограниченности тех средств, которыми она познает мир [3, с. 578–586]. Флоренскому открылся мир, гораздо более «глубокий», чем «плоскость» видимого и изучаемого наукой вещества. Вместе с тем, он открыл для себя и Церковь, в которой также обнаружилось нечто неизмеримо более существенное, чем видимая «кора грязи», сотканная из свойственных любой организации человеческих недостатков. Флоренский понял, что Церковь – больше, чем человеческая организация. Во всяком случае, в июле 1905 г. он так писал А. Белому: «И тогда я видел тысячу недостатков, видел толстейшую кору, под которой для меня не было ничего, кроме выдохшихся символов. Но… я зашел внутрь всех скорлуп, встал по ту сторону недостатков. Для меня открылась жизнь, быть может, чуть бьющая, но жизнь; открылась безусловно святая сердцевина. И тогда я понял, что уже не выйду оттуда, откуда увидел всё это. Не выйду, потому что не верю… в возможность «устройства» Церкви. Церковь «наша», сказал я себе, либо вовсе нелепость, либо она должна вырасти из святого ядра. Я нашел его и буду растить теперь его, доведу до мистерий, но не брошу на пожрание социалистам всех цветов и оттенков. Если я виноват, ... что воспри-

нимаю жизнь и святость за толстой корой грязи (которая для меня, может быть, кажется гораздо толще, чем для других, потому что она мне делает *больно*), если грешно любить святое, то я действительно виноват перед всеми, кто расходится со мною. Но только могу сказать им: я могу притвориться, ... но не могу перестать чувствовать то, что чувствую» [2, с. 470–471].

Спустя восемь лет, в ноябре 1913 г., уже будучи преподавателем Московской духовной академии, он отмечал в письме-исповеди ректору, епископу Феодору (Поздеевскому): «Я имел возможность быть профессором по любимой мною математике; имел и другую возможность – заниматься богословием за границей (мой отец почти требовал этого и обиделся на меня за Академию). Если я отказался от всего этого и, избрав Академию, потратил на нее 10 лучших лет своей жизни и упорного труда – значит я хотел именно православия и именно церковности. Я хотел и хочу быть верующим сыном Церкви и, кроме того, всегда, и по характеру, и по убеждению, старался искренно почитать всякую законную власть, даже когда она бывала не на высоте положения, – подчиняясь ей для Бога» [1, с. 833]. Флоренский не изменил самому себе и в годы, последующие за потрясениями революции и гражданской войны [4, с. 195–200]. И потому его взгляд на внутреннее состояние Русской Церкви в начале XX в. представляется, если не совсем объективным, то, по крайней мере, гораздо более адекватным действительности, чем тех наблюдателей, которые давали свои оценки «извне», без понимания сути «церковности» и духовной жизни.

В 1920-е гг., с закрытием Московской духовной академии, Флоренский постепенно перешел на работу в научно-исследовательские учреждения, продолжая при этом (до конца 1920-х гг.) свое священнослужение. Свои лекции по истории философии он читал в Москве на частных квартирах, куда собиралась находящаяся в духовном поиске интеллигенция, готовая обратиться к Церкви, но смущенная также происходящими в ней, – на фоне общей смуты, – расколами и нестроениями. Из этих лекций, в данном случае, представляют интерес ответы священника Павла Флоренского на частные (оставшиеся, к сожалению, не записанными) вопросы, касающиеся положения в Церкви и будущего России и русского народа.

«На основании исторических данных, – говорил он, – и того, что чувствовалось с 1900-х годов, у меня двойственное отношение к жизни Церкви и России» [5, с. 461]. С одной стороны, Флоренский находил у большинства своих современников «глубоко несправедливое, жестокое, нехристианское отношение к русскому народу... Но русский народ обладает глубокою верою, преданностью исторически сложившемуся

строю, который имел связь с Церковью... А русская интеллигенция еще с половины XVII-го века, со времен царя Алексея Михайловича все вытравляла и вытравляла в народе прирожденный склад идей, религиозные элементы. Ну и, наконец, вытравила. Но думаю, что не до конца». «Я верю в русский народ и в то, что ему предстоят великие религиозные задачи, построение религиозной культуры, хотя долго еще в народ будут всасываться всякие яды...» [5, с. 461–462].

С другой стороны, эта, «оптимистическая» сторона его взгляда, как говорил Флоренский, дополняется «пессимистической». Ни народ, ни, тем более интеллигенция, не живут Церковью, а, в лучшем случае, только изредка в ней «бывают». «Если начать речь о догматических вопросах, то всякий церковный человек... скажет: да, да, я все это признаю. Скажет вежливо, но не слушая, как молодой человек отвечает на речи старушки... А что именно он признает и почему – он и сам не даст себе отчета. У нас даже не знают постановлений Вселенских Соборов... Мы похожи на владельцев сундука с ценностями, ключ от которого утерян. Так и мы лишены понимания церковных идей, заключающихся в нашей богослужебной и святоотеческой письменности...» [5, с. 463–464].

Говоря о Церкви, часто цитируют слова из Евангелия о том, что ее не одолеют «врата ада». «Но при этом, – отмечает Флоренский, – мы забываем, что дело идет о Церкви Христовой, а не о Русской. Это – со стороны формальной. А по существу, я верую, что Русская Церковь устоит в каком-то меньшинстве, выйдет на правильную дорогу, но большими страданиями, потрясениями. Должен быть величайший крах церковной жизни, распад на многие течения, которые могут быть все еретичны и нецерковны» [5, с. 462–463].

Как представляется, здесь вскрыты глубокие причины того, что наблюдалось в церковной жизни 1920–1930-х гг. в России. Внешние гонения и целенаправленные попытки новой власти подорвать Церковь изнутри явились лишь приложением грубой силы к тем разрушительным процессам, которые шли давно и начали разрушать церковную жизнь еще задолго до 1917 года. «Оптимизм» Флоренского, как и многих других, оставшихся верных Церкви в это тяжелое время, был основан на многочисленных фактах проявления той самой святыни, которую Флоренский еще в молодости нашел в Церкви под «корой грязи» и которая после 1917 года просияла в подвиге новомучеников. По сути, это было явлением того, что в христианской литературе иногда именуется «святыней под спудом» – скрытого, никому не видимого духовного сокровища, которое обнаруживает себя во время кризисов и тяжелых испытаний.

История не имеет сослагательного наклонения и, наверное, не нужно ставить и обсуждать вопрос, смогла бы Русская Церковь в начале

XX в. явить миру эту святыню, если бы не революционные потрясения. Непреложным остается лишь факт наличия этой святыни и то обстоятельство, что Флоренский в своих оптимистических прогнозах на будущее Русской Церкви не ошибся. А далее остается только надеяться, что так часто упоминаемые «уроки истории» не пройдут мимо внимания наших современников.

Библиографический список

1. *Андроник (Трубачев), игум*. Из истории книги «Столп и утверждение Истины» // *Флоренский П. А*. Сочинения. Т. 1 (2). Столп и утверждение Истины. М., 1990.
2. Павел Флоренский и символисты. Опыты литературные. Статьи. Переписка / сост., подг. текстов и коммент. Е. В. Ивановой. М.: Языки славянской культуры, 2004.
3. *Павлюченков Н. Н.* Идея «научной религии» в творчестве П. А. Флоренского // Гуманитарное пространство. Международный альманах. 2019. Т. 8. № 5.
4. *Павлюченков Н. Н.* Священник Павел Флоренский и его служение родине в годы советской власти // Образ Родины: Содержание, формирование, актуализация. Материалы V Международной научной конференции, Москва, 23 апреля 2021 г. М.: Издательство МХПИ, 2021.
5. *Флоренский П., свящ*. Сочинения: В 4 т. Т. 3 (2). М.: Мысль, 2000.

УДК 930.1

А. И. Ганчар,
доцент, Гродненский государственный аграрный университет (Гродно)

РЕОРГАНИЗАЦИЯ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКИХ СЕМИНАРИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1906–1915 гг. (на примере Виленской семинарии)

В статье показаны проекты реорганизаций римско-католических семинарий в Российской империи в период 1906–1915 гг. На примере функционирования Виленской римско-католической епархиальной семинарии демонстрируется открытость к диалогу светской власти с представителями Римско-католической Церкви по поводу реорганизации учебной и воспитательной деятельности в духовных учреждениях, не исполнение законодательных норм по подготовке римско-католического клира.

Ключевые слова: Римско-католическая Церковь, Российская империя, семинария, клирик, духовенство

© Ганчар А. И., 2022

A. I. Hanchar,
Associate Professor, Grodno State Agrarian University

REORGANIZATION OF RIMS-CATHOLIC SEMINARIES IN THE RUSSIAN EMPIRE IN 1906–1915 (ON THE EXAMPLE OF THE SEMINARY OF VILNA)

The article shows the reorganization of Roman Catholic seminaries in the Russian Empire in 1906–1915. On the example of the functioning of the Vilna diocesan seminary it is shown the openness to dialogue with the representatives of the Roman Catholic Church on the reorganization of the educational and training activities in spiritual institutions, not complying with the law on the activities of spiritual educational institutions for training of the Roman Catholic clergy are revealed.

Keywords: Roman Catholic Church, Russian Empire, seminary, clergy, clergy

В предыдущей нашей статье анализировался численный состав воспитанников Виленской римско-католической епархиальной семинарии (далее ВРКЕС) в период 1895–1905 гг. В исследовании отмечалось, что правительство Российской империи было открыто к диалогу с р.-к. духовенством по поводу увеличения количественного состава воспитанников ВРКЕС и осуществления необходимых распоряжений [1].

18 октября 1906 г. ректор ВРКЕС прелат Байко представил виленскому губернатору проект необходимых усовершенствований и улучшений в устройстве ВРКЕС. По мнению ректора семинарии, надлежало отменить § 41 и § 42 Устава 1843 г., касавшиеся наблюдения за поведением воспитанников через их товарищей, что деморализовало заведение. Необходимо было также более тесно подчинить семинарию епископу, пересмотрев отношения между ректором, инспектором и правлением. Кроме признания необходимым расширения курса предметов преподавания в семинарии, следовало разделить само заведение на два отделения (общеобразовательное и специально-богословское), с особым воспитательным режимом для каждого и с предоставлением лицам, прошедшим успешно курс общеобразовательных классов, прав и преимуществ по отбыванию воинской повинности и занятию гражданской службы, которыми пользовались лица, окончившие своё образование в других правительственных средних учебных заведениях. Затем признавалось необходимым предоставить права государственной службы всем вообще преподавателям и должностным лицам семинарии: не только светским, но и духовным. Расход на содержание прелат Буйко предлагал отнести на счёт казны.

Таким образом представленный проект предполагал полное уравнение трёх общеобразовательных классов ВРКЕС с четырьмя выс-

шими классами гимназий, что, по мнению попечителя ВУО, не могло быть достигнуто: в семинарию тогда бы поступали лица движимые не духовными интересами, а чисто материальными, рассчитывая получить в короткий 3-х летний срок права и преимуществ по отбыванию воинской повинности и по занятию гражданской службы, которые приобретались воспитанниками правительственных гимназий лишь после трудного и долгого прохождения 8-кл. курса этих заведений. Предоставление же равных прав с окончившими курс учения в средних общеобразовательных учебных заведениях и вовсе было признана попечителем вредной и явно несправедливой мерой по отношению к воспитанникам указанных заведений. В проекте также ни слова не говорилось о языке преподавания учебных предметов в семинарии, о преподавателях, об отношениях к учебному ведомству (например, о присутствии члена учебного ведомства на экзаменах) [2, l. 7–7 ар., 18–20, 34–35].

Следует отметить, что вопрос о допущении к поступлению в семинарии исключительно лиц, прошедших четыре класса гимназии, неоднократно поднимался правительством, но не мог быть осуществлён на практике, в виду недостаточности количества людей, желавших посвятить себя духовному служению, и опасения чрезмерного понижения контингента обучающихся в семинариях. Между тем непомерный недостаток р.-к. духовенства уже ощущавшийся в некоторых епархиях (как, например, в Келецкой), возбуждал население, что не входило в виды правительства Российской империи. Кроме того, прохождение четырёх классов гимназии в местностях с инородческим населением отнюдь не могло способствовать развитию в будущем семинаристе государственных понятий о любви к России, тем более, что, подчиняясь установленному правительственному требованию, молодые люди, уже предопределившие себя к духовному званию, будут, по убеждению директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий (далее ДДДИИ), расти в раздражении и внесут в семинарию ещё больший элемент непримиримости.

Установление для приёма воспитанников в семинарию нормы в национальном отношении, как это предлагал бывший Виленский, КовенскийиГродненский генерал-губернатор К. Ф. Кршивицкий, едва ли было практично, так как очень трудно было создать достаточно точный и правильный критерий для определения народности. При самоопределении таковой возможны были случаи как преднамеренного обмана, так и несознательного заблуждения. Возложение же определения национальной принадлежности кандидата на административную власть создало бы почву для обострения национальных отношений. Кроме того, нельзя было не считаться и с тем, что количество желавших поступить в семинарию лиц данной национальности могло бы оказаться фактически

совсем не в соответствии с установленной для каждой из них процентной нормой.

Устранение епархиального начальника от непосредственного управления семинариями, хотя и было установлено Уставом 1843 г., но представлялось настолько неканоничным, что фактически никогда и не было проведено в жизнь. Кроме того, правительству Российской империи всегда удобнее было иметь одно ответственное за всю епархию лицо, которое оно назначало по своему выбору и на которое могло воздействовать в известном направлении.

Равным образом совершенно было неосуществимо и подчинение всего внутреннего строя р.-к. семинарий на общем основании со светскими учебными заведениями надзору правительственных органов. Наиболее вероятным практическим результатом проведения этой меры явилось бы прекращение под влиянием духовенства поступления в семинарии молодёжи. Таким образом в недалёком будущем либо ощутился бы значительный недостаток духовенства, либо же правительство оказалось бы вынужденным предоставлять духовные должности священникам, получившим образование за границей вне всякой сферы влияния российской государственной власти [3, l. 125–128].

Наличие р.-к. семинарий в Российской империи и Царстве Польском (по состоянию на 1 января 1910 г.) [4, S. 95]

Название *архиепархий* и епархий	Семинарии		
	Количество	Воспитанники	
		большая семинария	малая семинария
Варшавская	1	138	–
Келецкая	1	85	–
Люблинская	1	129	–
Плоцкая	1	63	–
Сандомирская	1	91	–
Августовская (Сейнская)	1	82	–
Калишская	1	105	–
Могилёвская	1	?	–
Минская	?	?	–
Луцко-Житомирская	1	?	–
Каменецкая	1	?	–
Тельшевская (Самогитская)	1	137	–
Тираспольская	1–1	160	40
Виленская	1	146	–
Всего	13–1	1 136 (?)	40

Соответствующая высокому призванию научно-воспитательная подготовка р.-к. духовенства к практической и более полезной для Церкви пастырской деятельности составляла предмет постоянной заботы епархиального начальства. Благодаря новым условиям церковно-общественной жизни, необходимость этой подготовки выступала ещё более явственнее. Постоянно заботясь о надлежащем воспитании молодого духовенства, управляющий ВРКЕ апостольский протонотарий К. Михалькевич 27 февраля 1915 г. счёл нужным ввести в воспитание его некоторые преобразования.

Хотя существовавший порядок 4-х летних семинарских курсов и признавался достаточным для теоретического усвоения будущими священниками самых необходимых богословских познаний, однако К. Михалькевич отмечал недостаточную их практическую подготовку к беспосредственному исполнению священнических обязанностей и пастырской деятельности. Практическое преподавание по правилам Церкви духовных треб, ведение приходских дел и исполнение других всевозможных духовно-пастырских обязанностей требовали непременно более точного с ними ознакомления.

В виду этого управляющий ВРКЕ предложил ректору ВРКЕС, начиная с 1915 г., представлять ему к рукоположению окончивших 4-х летний семинарский курс воспитанников, продлив пребывание в семинарии каждого из них на некоторое время, смотря по надобности в каждом отдельном случае, для практической подготовки их к пастырской деятельности и окончательного усвоения необходимых познаний, при чём желательно было, чтобы в указанной подготовке обращалось особое внимание на практическую сторону строго церковного изъяснения истин р.-к. веры, проповедничества и дидактики, церковного богослужения, преподавания таинств, руководства духовной паствы, а также на более точное ознакомление будущих священников с государственным законодательством.

Между тем из имевшихся в Министерстве внутренних дел (далее МВД) отчётов представителей Виленского учебного округа, присутствовавших в 1913 г. и 1914 г. при производстве приёмных и вступительных экзаменов в ВРКЕС, видно, что в семинарии экзамену по отечественной географии подвергались только поступавшие в семинарию кандидаты. Что касается переводных экзаменов по русским предметам, то таковые были и вовсе отменены виленским р.-к. епископом Э. Роппом, хотя необходимость производства переводных испытаний предусматривалась § 32 высочайше утвержденного 19 октября 1843 г. Устава семинарий.

Ректор ВРКЕС переводные экзамены на всех низших курсах считал бесполезными, так как преподаватели ставили удовлетворительные

годовые баллы только тем воспитанникам, которые достаточно усвоили пройденный материал за весь год, не успевавшие же ученики оставлялись на второй год на том же курсе. Виленским епископом Э. Роппом в январе 1906 г., согласно § 32 в. ут. 19 октября 1843 г. Устава семинарий, который гласил, что испытания производятся всякий раз с разрешения епархиального начальника, вполне законно были упразднены экзамены по географии для воспитанников 4-го курса и отменены переводные экзамены на 3-х низших курсах по отечественной истории и русской словесности. О своём распоряжении епископ Э. Ропп официально уведомил МВД, которое, не протестуя до 1915 г., тем самым изъявило на это своё согласие.

Принимая во внимание, что установленные высочайшим повелением 21 февраля 1869 г. правила, как это было разъяснено в письме министра внутренних дел на имя начальников р.-к. епархий от 4 октября 1883 г. за № 5384, при котором им сообщён был текст состоявшегося в 1882 г. соглашения с Римской курией касательно устройства р.-к. семинарий, сохранили свою силу и подлежали соблюдению в установленном порядке, министр внутренних дел Н. А. Маклаков счёл необходимым 15 апреля 1915 г. сделать соответствующее внушение управляющему ВРКЕ [5, l. 1–1 ap, 23–24, 25–25 ap].

Таким образом, правительство Российской империи было открыто к диалогу с р.-к. духовенством по поводу реорганизации учебной и воспитательной деятельности в р.-к. духовных заведениях. Зачастую подобная отзывчивость светской власти обуславливалась упрочением международного положения Российской империи и, как следствие, необходимостью делать уступки Римско-Католической Церкви в столь чувствительной области, как обучение нового поколения священнослужителей. Строгое законодательство империи на местах соблюдалось не в должной мере, предоставляя возможность р.-к. клиру действовать сообразно каноническим нормам.

Библиографический список

1. *Ганчар А. И.* Регламентация количественного состава воспитанников Виленской римско-католической епархиальной семинарии (1895–1905 гг.) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XIX Междунар. науч. конф., Иваново, 25–26 марта 2020 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2020. С. 215–221.

2. Дело о реорганизации Виленской и Тельшевской р.-к. семинарий (12 января 1904 г. – 21 февраля 1907 г.). Lietuvos Valstybes istirijos archyvas (LVIA). F. 378. BS. Ap. 1906. B. 432. 28 l.

3. Дело о реорганизации Виленской и Тельшевской р.-к. семинарий (7 января 1909 г. – 11 ноября 1910 г.). Lietuvos Valstybes istirijos archyvas (LVIA). F. 378. BS. Ap. 1909. B. 159. 167 l.

4. Atlas Hierarchicus. Desriptio geographica et statistica et statistica S. Romanae Ecclesiae tum Occidentis tum Orientis juxta statum praesentem Accedunt etiam nonnullae notae historicae necnon ethnographicae / Consilio et hortatu S. Sedis Apostolicae elaboravit P. Carolus Streit: Sumptibus Typographiae Bonifacianae, 1913. 420 s.

5. Дело о содержании духовной семинарии и её воспитанников (1911–1931 гг.). LVIA. F. 694. Ap. 3. B. 54. 85 l.

УДК 13. 130.3

Т. А. Чикаева,
доцент, Московский художественно-промышленный институт

У КОГО ЕСТЬ СВОЁ ОТЕЧЕСТВО: ВЗГЛЯД ИЗ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

Статья рассматривает две концепции Отечества, разработанные в начале XX века и актуальные сейчас. Обосновывается вывод о правоте взгляда на Отечество как на высшую ценность, принадлежащую всем носителям культуры народа, независимо от социального и политического статуса.

Ключевые слова: Отечество, Родина, государство гражданские права, ценность, культура

T. A. Chikaeva,
Associate Professor, Moscow Art-Industrial Institute

WHO HAS THEIR OWN FATHERLAND: A LOOK FROM THE PAST AND PRESENT

The article examines two concepts of the Fatherland, developed at the beginning of the XX century and relevant now. The conclusion about the rightness of the view of the Fatherland as the highest value belonging to all carriers of the culture of the people, regardless of social and political status, is substantiated.

Keywords: Fatherland, Motherland, state, civil rights, value, culture

Категория «Отечество» рассматривается в научно-философской мысли как одна из ключевых ценностей личности и общества. Исторически формой проявления Отечества является государство. Наличие в государстве социальной дифференциации порождает вопрос о том, должны ли люди защищать Отечество и отстаивать его интересы, независимо от своего социального статуса. В более широком смысле это вопрос о том, принадлежит ли Отечество каждому человеку как преемнику и продолжателю культуры или только особой категории лиц, а для

© Чикаева Т. А., 2022

остальных обретение Отечества связано с выполнением определённых условий. В начале XX столетия в русской общественной мысли были сформированы две концепции Отечества, сохранившие свою востребованность в настоящее время, более того, на наш взгляд, схожесть социально-политической и культурной напряжённости позволяет утверждать, что предложенная тогда дискуссия является актуальной с научной и практической точек зрения.

Первая концепция представлена А. В. Васильевым. В 1905 году он публикует небольшую брошюру «Что такое отечество?», в которой, во-первых, ставит задачу разграничения понятий «Родина», «Отечество» и государство, а, во-вторых, уточнения сущности Отечества и его взаимосвязи с личностью. Согласно воззрениям мыслителя Родина первична по отношению ко всему, и каждый обладает Родиной. Отечество же возникает в процессе общественной деятельности по формированию и развитию культуры, «там, где общество преодолевает периоды дикости и варварства, обретает законы и строй жизни, отличный от естественно-природной совокупности животных» [1, с. 12], то есть там, где оформляется государство. Однако, по мнению А. В. Васильева, этого недостаточно. Для того, чтобы стать Отечеством государство должно наделить личность определённым набором гражданских прав, обеспечить её участие в управлении. Отсутствие у человека прав, не признание его в качестве гражданина государства, означает отсутствие у него отечества [1, с. 12]. Ссылки на пребывание человека на территории государства, участие в общественном производстве представляются малосостоятельными. Мыслитель достаточно резко замечает «рабы хотя и жили в государстве, … никоим образом не могли считать его своим отечеством …, потому, прежде всего, что они не имели никаких прав» [1, с. 12]. А. В. Васильев следующим образом формулирует понимание Отечества: «отечество состоит из сограждан земли, на которой они живут, их прав и закона, который ими управляет. Если на лицо нет какого-либо из этих условий, то нет и отечества [1, с. 50]. Согласно его позиции, условием обретения общего отечества является наличие совместной единой цели и желаемых усилий к её достижению. «Гражданин есть член свободного политического союза, образованного для достижения счастья каждого из его членов и всем вместе, то есть всеобщего счастья [1, с. 25]. Человек может сказать, что у него есть Отечество, только когда у него есть реализуемая на практике возможность участие в решении политических вопросов, когда государство, представляющее собой форму существования Отечества, предоставляет ему необходимые гражданские права. В этой связи мыслитель утверждает на демократический политический строй как на необходимый фактор обретения людьми Отечества.

Позиция А. В. Васильева, занимающего на политической арене довольно консервативную позицию и поддерживающего идеи постепенных преобразований, начинающихся с просвещения людей, была поддержана мыслителями-революционерами, рассматривающими радикальные общественно-политические преобразования как необходимость. Г. В. Плеханов [3, с. 90] и В. И. Ленин [2, с. 39] связывают возможность иметь Отечество как с политическими, так и с социальными и культурными правами. Человек, обладающий Отечеством, должен свободно распоряжаться своими способностями и своим трудом, поэтому в классовом обществе, до установления социализма у эксплуатируемых масс Отечества нет.

В настоящее время указанная концепция преобразуется в тезис о том, что между Отечеством и личностью существует договор, согласно которому личности должен быть обеспечен определённый набор прав, без которого требования принимать во внимание интересы Отечества обладают малой состоятельностью.

Вторая концепция была представлена в лекции Л. А. Тихомирова «Что такое Отечество», прочитанной им в Историческом музее в 1907 году. Отечество рассматривается как высшая нравственная ценность, необходимое условие существования и развития каждого человека, без различия статуса и роли в политической жизни государства. Для мыслителя очевидно, что Отечество – это «высшая сфера разумного и нравственного развития человеческой личности, высшая фактически сфера, в которой могут уясняться и развиваться разумные и нравственные отношения между людьми» [4]. Отечество возникают в результате деятельности людей по организации своей общей жизни, это «организованная нация, получающая завершение своей организации в государстве» [4]. Весь процесс развития Отечества представляется как принятие от предков всего культурного достояния, обладание им, совершенствование или исправление его, а затем передача этого достояния потомкам с тем, чтобы всё указанное снова повторилось. Без такой преемственности, по мнению Л. А. Тихомирова, нет смысла в существовании отдельного поколения, а, значит, и отдельной личности. Отечество, с данной позиции принадлежит всем людям, так как иначе лишаются того, что мы называем социальной составляющей человека как биосоциального существа. Л. А. Тихомиров называет Отечество «школой общественных чувств» [4] и приходит к выводу о том, что все его характеристики способствуют единению людей, осознанию ими своего культурного предназначения. Он указывает, что «в сфере мысли об Отечестве, наоборот, самый мелкий, самый личный, даже эгоистический вопрос жизни немедленно связывает нас с предшествовавшими поколениями, с окру-

жающим обществом и с будущим» [4], то есть обеспечивает культурную преемственность, ставит задачи достижения поставленных целей как для себя, так и для будущих поколений. Отечество для мыслителя – это то, где человек учится быть членом целого, понимать и любить общество, самосозидать, организовывать и управлять. Это необходимое условие для формирования общечеловеческого единства, которое иначе является только абстракцией.

Л. А. Тихомиров отвечает тем, исследователям, которые связывают обладание Отечеством, возможность говорить о том, что у человека есть его Отечество с рядом условий. Прежде всего мыслитель отмечает необходимость дифференциации общества через разделение общественных функций между разными его частями или сословиями, общественными группами. Выполнение каждой получает определённое вознаграждение. Без такого разделения объединение людей не имеет смысла. Эксплуатацию же философ видит только там, где обмен между социальными группами не пропорционален, забывая, однако, проанализировать реальное положение дел [4]. Рассуждая так, Л. А. Тихомиров, по собственному признанию, находит опровержение узкоклассовой теории, отрицающей наличие Отечества у трудящихся масс. Классовое отрицание наличия Отечества является, по его мнению, грубой ошибкой, ведущей к нравственным потерям. Философ опровергает также ширококосмополитическую идею отрицания Отечества, заключающуюся в том, что наличие Отечества вредно, так как препятствует общечеловеческому единению. Он подчёркивает важность существования Отечества для общечеловеческого развития, отмечает его атрибутивность. Л. А. Тихомиров пишет: «Между человечеством и Отечеством нет никакого противоположения. Напротив, Отечество лишь осуществляет идею человечества, дает реальную организованную солидарность людей, которой фактически не было и не может быть в человечестве до тех пор, пока оно не слилось в одно государственное целое» [4]. Наличие Отечества для Л. А. Тихомирова является основанием для общечеловеческой солидарности и развития, поскольку основывается на нравственности, прочие же основания для объединения им оцениваются отрицательно, так как они основаны на интересе и существуют только до тех пор, пока интерес удовлетворяется безотносительно к тому, как на самом деле члены объединения относятся друг другу, насколько они будут следовать принципам взаимной поддержки и создания условий для развития и совершенствования [4]. Таким образом, мы видим, что концепция, представленная взглядами Л. А. Тихомирова, рассматривает Отечество как нравственную ценность, сферу формирования, развития и совершенствования организованного общества, преемственности поко-

лений, поэтому человека как биосоциального существа вне Отечества нет. Следует заметить, что мыслитель, хотя и связывает Отечество и государство, не отрицает их и допускает возможность нарушения гармонии функционального разделения общественных групп, которое можно назвать эксплуатацией и которое подлежит исправлению. Данная позиция поддерживается в современной общественной мысли.

Для ответа на вопрос о том, какая концепция обладает большей доказательностью, следует обратиться к сущности категории Отечества. Проведённый нами ранее анализ позволяет прежде всего указать на то, что Отечество, безусловно, связано с категориями «Родина» и «государство», но не тождественно ни первому, ни второму. Отечество всегда связано с деятельностью личностей и общественных групп, оно может быть только у человека, в то время как Родина, будучи духовной субстанцией наличествует у всего. Мы можем говорить о Родине той или иной философской концепции, идеи, животного, новой технологии и т. п., но ни у идеи, ни у животных, ни у кого и ни у чего, кроме людей, нет Отечества. Государство, также нельзя отождествлять с Отечеством, так как функции государства ограничены, оно сосредоточено на решении конкретных задач в зависимости от того, какие субъекты обладают полнотой власти. Сведение Отечества к государству, как к политико-географическому образованию существенно упрощает его содержание, оставляя без внимания его существенные черты. Проанализировав научно-философскую литературу, применив логический метод формулирования вывода, мы приходим к следующей дефиниции категории «Отечество»: «Отечество – это результат соединения Родины как духовной ценности, святыни, существующей объективно и выполняющей роль порождающего начала с творческой, духовной деятельностью человека по преобразованию естественной природно-социальной среды, ее упорядоченности и управления… Это Родина как духовная ценность, святыня, соединенная с творчеством личностей, социальных групп [5, с. 109]. Это духовно-социальный объект, оно содержательно объективно-субъективно, поскольку существует независимо от формулируемой воли личностей и социальных групп, но находится в связи с их деятельностью. Потенциал возникновения и развития Отечества заложен в существовании Родины, оно начинает проявляться там и тогда, где возникает преемственность поколений, где от старшим к младшим передаются достижения культуры и традиции, которые будут совершенствоваться. Цели и ценности, воспринятые от предков и передаваемые потомкам составляют основу содержания Отечества [5, с. 110]. Отечество объективно есть, следовательно, у каждого человека, являющегося частью организованного общества. Косвенно правоту этой кон-

цепции подтверждают и многочисленные примеры того, как политические противники объединяли свои усилия перед задачей защитить Отечество от внешнего врага, как это было, например, во время Второй мировой войны.

Вместе с тем, надо принять во внимание то, что идентификация человека с Отечеством носит субъективный характер, то есть человек самостоятельно определяет свою связь с Отечеством, решает какую культуру ему развивать в своём творчестве и созидательном труде, так как Отечество являясь духовно-социальным объектом, предполагает активность личности. Это объясняет наличие концепций, связывающих признание Отечества своим для личности, с выполнением ряда условий, прежде всего, социально-экономического и политического характера, как в начале XX, так и в начале XXI столетия. Наличие таких теорий также свидетельствует о том, что организация общественного бытия далека от совершенства, что задачи развития и преемственности культуры остаются актуальными, часть людей отрицают наличие у себя Отечества или полностью отождествляют его с государством и готовы обменять на другое, где будут созданы более комфортные условия. Преодоление этой ситуации возможно только при совокупном выполнении нескольких условий: просвещения людей относительно содержания категорий «Родина», «Отечество», развития патриотического сознания; совершенствования системы общественного самоуправления, включения в него лучших практик предыдущих поколений. Отечество есть у каждого человека, но некоторым людям это ещё предстоит осознать.

Библиографический список

1. *Васильев А. В.* Что такое отечество? Ростов-на-Дону: Издание Н. Парамонова «Донская Речь», 1905. 63 с.

2. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Издание пятое. Т. 26. М.: Издательство политической литературы, 1969. 591 с.

3. *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 3. Москва: Государственное издательство политической литературы. 1957. 783 с.

4. *Тихомиров Л. А.* Что такое Отечество? [Электронный ресурс] URL: https://bookree.org/reader?file=1228921 (дата обращения: 03.01.2022).

5. *Чикаева Т. А.* Отечество как философская категория // Вестник Омского университета. 2018. Т. 23, № 2. С. 105–111.

УДК 94(47).084
И. В. Петров,
старший научный сотрудник, Институт истории СПбГУ (Санкт-Петербург)

СМЕНА ПАРАДИГМЫ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ И ГОСУДАРСТВОМ В 1939–1941 гг. (на примере стран Балтии)*

Рассматривается процесс смены парадигмы церковно-государственных отношений в странах Балтии в 1939–1941 гг., применительно к Православной Церкви. Материал основан на новейших исследованиях и архивных изысканиях автора.

Ключевые слова: Православная Церковь, Латвия, Литва, Эстония, Советский Союз, Вторая мировая война

I. V. Petrov,
Senior researcher, Saint Petersburg State University

CHANGE IN THE PARADIGUE OF RELATIONS BETWEEN THE ORTHODOX CHURCH AND THE STATE IN 1939–1941 (on the example of the Baltic states)

The report examines the process of changing the paradigm of church-state relations in the Baltic countries in 1939–1941, as applied to the Orthodox Church. The material is based on the latest research and archival research by the author.

Keywords: Orthodox Church, Latvia, Lithuania, Estonia, Soviet Union, World War II

Отношения между государством и Православной Церковью в странах Балтии: Латвии, Литве и Эстонии, претерпели серьезные изменения в момент их вхождения в состав СССР в 1940–1941 гг. С изменением государственного устройства балтийских республик иным стало и положение Православной Церкви, что отразилось в том числе и на переподчинении от константинопольских церковных властей московским.

© Петров И. В., 2022

* *Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых кандидатов наук № МК-4539.2021.2 Попытки отделения православных приходов Беларуси, Латвии и Эстонии от Русской Православной Церкви в 1941–1991 гг.*

The article was prepared with the financial support of the grant of the President of the Russian Federation for young candidates of sciences № MK-4539.2021.2 Attempts to separate the Orthodox parishes of Belarus, Latvia and Estonia from the Russian Orthodox Church in 1941–1991.

Бытует мнение, что в период так называемой «первой независимости» Православная Церковь претерпела существенные ограничения в своей деятельности от гражданской власти. Отчасти данная точка зрения подтверждается, особенно если мы берем в расчет господствующее ее положение в Российской Империи. В первые годы независимости Эстонии в Таллинне была снесена часовня Александра Невского, а в 1928 г. дебатировался вопрос о том, чтобы столица Эстонии лишилась Александро-Невского собора, однако этим планам, к счастью, не суждено было осуществиться. В Латвии «запал» националистического отношения к Православной Церкви также был характерен только для первых лет независимости, в Литве же ситуация была достаточно острой до середины 1920-х гг., когда в республике был установлен авторитарный режим Антанаса Сметоны, благоволившего православным. Особо следует отметить, что некоторые руководители государств Балтии межвоенного периода были выходцами из православных семей. Довольно известен пример эстонского лидера Константина Пятса, в годы авторитарного правления, которого одну из ключевых ролей в жизни Эстонской Апостольской Православной Церкви играл его брат протоиерей Николай Пятс, с 1936 г. – настоятель собора Александра Невского.

Наиболее заметным было вмешательство государства в дела Православной Церкви в Эстонии и Латвии в момент перехода этих автономных Церквей в юрисдикцию Константинопольского Патриархата. В случае Эстонии, местная Православная Церковь получила томос об автономии от патриарха Мелетия (Метаксакиса) в июле 1923 г., при том, что автономия от Константинополя была схожей с полученной от патриарха Тихона (Беллавина) весной 1920 г. [4, с. 41–45]. Еще больше государственного давления было оказано на Латвийскую Православную Церковь. После трагической гибели архиепископа Иоанна (Поммерса) в 1934 г. созыв Церковного Собора в республике был властями максимально затянут по времени, а затем министерство внутренних дел Латвии и вовсе сменило состав Синода (многих удалили по надуманным и голословным обвинениям). 3 ноября 1935 г. все тоже министерство пригласило в латвийскую столицу митрополита Фиатирского, экзараха Вселенского Патриархата в Западной и Центральной Европе Германоса (Стринопулоса). Вскоре Синод Латвийской Православной Церкви испросил разрешение на переход из подчинения церковных властей в Москве в юрисдикцию Константинополя по примеру Финляндской и Эстонской Православных Церквей. По советам митрополита Германоса был изменен состав Синода, а также устав Латвийской Православной Церкви, после чего наиболее консервативный по своим взглядам кандидат на возглавление ЛПЦ протоиерей Иоанн Янсонс и вовсе был МВД отстранен от участия в выборах. Итогом государственного вмешатель-

ства в латвийские церковные дела стало избрание главой Латвийской Православной Церкви бывшего даугавпилского военного священника Августина Петерсонса [3, с. 69–71]. Последний не пользовался авторитетом среди православных молодой республики, однако был готов следовать государственническому курсу латвийских властей.

На территории Литвы подобных противоречий не было по двум причинам. Первая заключалась в том, что историческая столица Литвы город Вильнюс находился в межвоенное время в составе Польши, в результате чего литовские власти хотели проводить отличную от польских политику, менее жесткую и прокатолическую. Вторая причина кроется в том, что именно на территории Литвы проживал митрополит Елевферий (Богоявленский) в конце 1920–1930-х гг. являвшийся последним епископом в Европе, поддерживающим митрополита Сергия (Страгородского).

Если же коснуться чисто количественных показателей, то число православных приходов на территории стран Балтии к началу Второй мировой войны не шло ни в какое сравнение с показателями по Советскому Союзу. Также, в отличие от СССР, в ряде стран в период первой независимости наблюдался рост православных верующих. Наиболее яркие статистические данные демонстрирует Латвия. Так, если в 1922 г. в этой республике проживало 138 тысяч православных верующих, через три года их количество возросло до 167 тысяч, а еще через 10 лет, в 1935 г. достигло цифры в 174 тысячи [5, с. 51–52]. Во многом подобный факт объясняется не только ростом числа мигрантов, но и активной деятельностью по вовлечению в Православную Церковь выдающегося архиерея прошлого столетия, мудрого политика архиепископа Рижского и Латвийского Иоанна (Поммерса) (1876–1934).

С момента советизации балтийских республик в жизни Православных Церквей на их территории наблюдались две тенденции. Первая заключалась в активизации сторонников просоветской «партии», лиц, высказывавших ранее недовольство программой богослужебных реформ в Церкви, смены юрисдикции, ярко выраженному «национальному» курсу. Вторая тенденция заключалась в регламентации всех сторон жизни верующих, постепенное приведение их под общесоветские стандарты. Приведем конкретные примеры реализации обеих тенденций на практике.

В Эстонии, Латвии и Литве, как только стало понятно, что государственное устройство этих республик существенным образом изменится, нашлись лица, в основном миряне, которые стали писать как светским властям, так и церковным авторитетам в Москве о неправдах прошлых двух десятилетий. В Эстонии первым таким приходом стал Сорокомученический приход в Петсери (Печерах). Товарищ председа-

теля данного приходского совета Петр Васильев, церковный староста Шкоков и другие члены Сорокомученического приходского совета отправили Литовскому владыке Елевферию специальное короткое прошение, в котором было особо отмечено, что они желают перейти в юрисдикцию Московского Патриархата и очень ждут положительного решения их вопроса от митрополита Литовского и Виленского. Смену юрисдикции в 1923 г. они называли самочинным отторжением, о котором они спрошены не были и против которого долго внутренне противостояли. Более того, свое будущее они желали видеть не только в составе Московской Патриархии, но и под «лучами солнца сталинской конституции» [1, 67-app.]. Похожий процесс, где «жалобщиками» уже были сами священники, начинается и в Латвии. В данном случае митрополитуЕлевферию пишут о неудачных реформах в Латвийской Православной Церкви (вплоть до большего числа абитуриенток-женщин на теологическом факультете латвийской столицы), предпринятых митрополитом Августином, перемещении духовенства в Риге, выдвижении на первые места пастырей, к которым благоволил митрополит Августин. В Литве же основной проблемой стала своеобразная «расплата» с теми, кто в годы польского владычества над Вильнюсом входил в состав Польской Православной Церкви и выступал с антимосковских позиций.

Что же касается основных черт советской антирелигиозной политики и ее перенесения в Балтию, то следует, прежде всего, отметить такие меры как запрещение религиозного образования в школах и университетах, закрытие религиозных печатных изданий, появление филиалов «Союза воинствующих безбожников» и антирелигиозной литературы в республиках. К тому же перед многими священниками в ту пору встает дилемма снятия с себя сана для того, чтобы прокормить собственную семью. Особый трагизм заключался в том, что часть расстриг с приходом немецких оккупантов была обвинена в сотрудничестве с советскими специальными органами и казнена (наиболее показателен пример священника-комиссара из Литвы Виктора Мажейка) [3, с. 105].

Московские церковные власти были невольными трансляторами советской политики. Дело в том, что решение об организации на территории балтийских республик Прибалтийского экзархата во главе с молодым митрополитом Сергием (Воскресенским) можно объяснить не иначе как политикой по «церковному» включению местных православных приходов в общесоветские стандарты. На территории предвоенного СССР не могло существовать разных православных юрисдикций, чей центр находился бы за пределами советской зоны ответственности. Особый замысел властей заключался в том, что «воссоединение» приходов оформлялось с помощью благих побуждений и фразеологии «возвращения в лоно Матери-Церкви», по причине неканоничности дейст-

вий епископата в период предыдущих двух десятилетий. Во многом запуганные перспективами будущих репрессий, к тому же понимавшие опасность собственной несговорчивости, по сути дела – главные акторы предыдущего разворота в сторону Константинополя, митрополиты Александр (Паулус) и Августин (Петерсонс) согласились в марте 1941 г. совершить поездку в советскую столицу для того, чтобы «раскаяться» в грехе раскола. Искренность подобного рода действий вызывает большие сомнения, дажеесли поверхностно взглянуть на их предыдущие действия. Наиболее смелые церковные иерархи, относящиеся к юрисдикции Польской Православной Церкви в 1920–1930-е гг., не поехали в Москву сославшись на проблемы со здоровьем, однако не стали открыто противостоять «возвращению».

Наконец, апофеозом политики первого советского года стали репрессии против православного духовенства и активных мирян. Важно отметить, что среди репрессированных были представители самых разных взглядов: как ярые поборники разворота в сторону Константинополя, так и апологеты «промосковской» линий. Так, были арестованы и не вернулись к служению активный сторонник воссоединения с московскими церковными властями, ранее отстраненный от управления своей епархией митрополитом Александром (Паулусом) епископ Печерский Иоанн (Булин); брат главы Эстонии отец Николай Пятс; наиболее известный сторонник латышиизации приходов Риги протоиерей Янис Намниекс; литовский военный священник Стефан Семенов и многие другие. Данные репрессии стали логичным завершением смены парадигмы взаимоотношений между Православной Церковью и государственной властью. Если раньше, в 1920–1930-е гг. светские власти лишь вмешивались в церковную жизнь для того, чтобы максимально оградить ее от российского/советского влияния, теперь новые власти, уже советские, воссоздали за первый год своего правления идентичную с другими территориями СССР систему церковно-государственных отношений, в собственных интересах поддержав «объединительные» тенденции местных приходов во взаимоотношениях с Московской Патриархией. Репрессии в данном случае были только логическим завершением этого процесса.

Взаимоотношения между Православной Церковью и государственной властью на территории стран Балтии, где в большей степени были обострены как чисто богословские, так и национальные противоречия, остались сложными с установлением там советской власти. Теперь те ключевые фигуры, которые ведали внутренней жизнью Православной Церкви в период первой независимости, попадали под подозрение в нелояльности новым властям, ориентирующимся на построение общества с ограничением любой религиозной активности. В перспективе их ждал арест или же существенное ограничение собст-

венного влияния на приходскую жизнь. Стратегия поведения здесь была самая разная: от отказа от священнического сана, выхода из состава Синода, до согласия на участие в «покаянных мероприятиях», призванных пересмотреть, а если говорить еще откровеннее, перечеркнуть начинания предшествующих десятилетий. К сожалению, рецепты решения имеющихся конфликтов в среде православных приходов Латвии, Литвы и Эстонии советскими властями оставляли желать много лучше. Участие же в этом процессе Московской Патриархии в будущем усугубило конфликты, замороженные до начала 1990-х гг. и периода второй независимости балтийских республик.

Библиографический список

1. Эстонский исторический архив (EAA). F. 1655. N. 3. S. 416. L. 67-app.

2. *Кулис А.* К вопросу об автокефалии Латвийской Православной Церкви в 30-х годах XX века // Православие в Латвии: исторические очерки. № 1. Рига, 1993. С. 65–70.

3. *Лаукайтите Р.* Литовская православная епархия под властью митрополита Сергия (Воскресенского) 1941–1944 // Православие в Балтии. 2015. № 3 (12). С. 97–109.

4. Православие в Эстонии. Т. 2. Документы / под ред. прот. Н. Балашова, С. Л. Кравеца. М.: Православная энциклопедия, 2010.

5. *Сахаров С. П.* Рижские православные пастыри за сто лет (1836–1936). Даугавпилс: издатель С. П. Сахаров, 1937.

УДК 930.1

А. Н. Кураев,
профессор, Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет)

НЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В РОССИИ В 1904–1907 ГОДАХ

В статье анализируется неполитические организации в России в 1904–1907 гг.: их сущность, причины возникновения, три этапа развития, основные направления их деятельности, взаимоотношения с властью, приобретенный опыт.

Ключевые слова: Россия, Первая революция 1905–1907 гг., неполитические организации, правительство, конституция, реформы

© Кураев А. Н., 2022

A. N. Kuraev,
Professor, K. G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University)

NON-POLITICAL ORGANIZATIONS IN RUSSIA IN 1904–1907

The article analyzes non-political organizations in Russia in 1904–1907: their essence, the reasons for their emergence, three stages of development, the main directions of their activities, relations with the authorities, acquired experience.

Keywords: Russia, the First Revolution of 1905–1907, non-political organizations, government, constitution, reforms

В период Первой российской революции 1905–1907 гг. в стране активно формировалось гражданское общество. В т. ч. – т. н. неполитичесие организации. Они занимались усовершенствованиями в области науки, образования, просвещения, здравоохранения, быта и др. В отличие от политических партий и массовых организаций, неполитические объединения не были вовлечены в политическую борьбу, в т. ч. борьбу за власть [2]. Первая революция была периодом активного роста и качественного развития неполитических организаций. Появлялись новые виды ассоциаций, возрастала их численность, общества формулировали свою позицию по актуальным вопросам революционного времени, многие из них заметно политизировались. По разным подсчетам, неполитических обществ только в период 1906–1909 гг. было образовано более 4800 [1, с. 37].

Неполитические организации прошли три этапа развития в годы Первой революции [3]. Главным смыслом *первого этапа* являлось увлечение идеей переустройства страны на либерально-конституционных началах и ее заявление в различных формах. Многие общества участвовали в движении за установление конституционного строя, достижение свобод и реформ.

Курс на поддержку конституционных реформ был взят легальными организациями после петербургского земского съезда 6–9 ноября 1904 г. Солидарность с резолюциями земских деятелей высказала авторитетная научная и народнохозяйственная ассоциация – Московское общество сельского хозяйства (МОСХ). Члены Общества заявили, что беспрепятственное проявление общественной инициативы и самодеятельности является прочным залогом успешной работы в области сельскохозяйственной промышленности, и призвали к правовому закреплению принципы свободы общественной самодеятельности. Педагогические общества выступили тогда с критикой действий бюрократии по отношению к средней школе и призвали общественность к участию в демократизации школьного режима, к обновлению начального и внешкольного образования.

Требования конституции и гражданских свобод прозвучали осенью 1904 г. на заседаниях Курского, Одесского и харьковского юридических обществ. Они раздавались также в собраниях многих обществ литературы и искусства, а также демократически настроенных учительских организаций. Медики выступили с критикой полицейско-бюрократического режима самодержавия, препятствовавшего правильному развитию общественной медицины, еще в начале 1904 г. В резолюциях съезда Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова, проходившего в январе 1904 г. в Петербурге, высказывались требования к правительству принять законодательные меры к предотвращению повального вымирания населения деревни. Перенявший эстафету январского съезда, противохолерный съезд врачей-пироговцев в марте 1905 г. постановил, что никакая мирная культурная работа невозможна при существующем строе и что нужно исходить из медицинских запросов самого населения.

Революционизирующую роль подобных съездов испугала власть. Ответом правительства на участие добровольных обществ в движении за конституционные реформы стало запрещение многих из их собраний. Серия запретов последовала в декабре 1904 г. Закрыли и мартовский съезд врачей.

В результате начался *второй этап* в развитии неполитических организаций. Сыграв заметную роль в подготовке общественного мнения к конституционным реформам, лидеры ряда старейших неполитических обществ перешли в 1905 г. от слов к действиям, т. е. к открытым политическим акциям. Центром легальной оппозиции правящей власти становится в 1905 г. Вольное экономическое общество (ВЭО). Руководимое в 1895–1905 гг. видным общественным деятелем П. А. Гейденом и включившее в свой состав земских деятелей Ф. И. Родичева, П. Д. Долгорукова, Д. И. Шаховского и др., ВЭО заметно демократизировалось и стало центром либеральной общественности.

В ответ на расстрел безоружной демонстрации в Петербурге 9 января ВЭО устроило заседание, где были подвергнуты порицанию действия правительства. Вечером 9 января 1905 г. в помещении ВЭО состоялось многолюдное (800 человек) собрание по поводу мирного шествия народных масс с петицией и их расстрела. Собравшиеся писатели, адвокаты, врачи, инженеры, студенты сообщали о фактах убийства мирных жителей и призывали к организации самообороны. Активисты ВЭО составили обращение к офицерам русской армии с призывом не подчиняться незаконным распоряжениям властей и не расстреливать безоружный народ. Тогда же было положено начало созданию Союза союзов и организовано ядро этой организации. Большинство членов примкнуло к возникшим профессиональным союзам инженеров и тех-

ников, писателей, присяжных поверенных. В помещении ВЭО устраивались собрания Петербургского Совета рабочих депутатов.

К протесту ВЭО в январские дни 1905 г. присоединилось МОСХ. В постановлении, изданном в количестве 15 тыс. экземпляров, оно признало действия правительства преступным произволом и призвало к немедленному созыву Учредительного собрания. Вице-президент МОСХ ученый-агроном А. В. Тесленко вошел в Московское бюро Союза союзов.

В 1905 г. в заседаниях ВЭО звучали доклады о постигшем многие губернии неурожае и необходимости широкого общественного противодействия этому бедствию. Анализируя характер аграрного движения в различных регионах страны, лидеры ВЭО приходили к выводу о невозможности уберечься от систематических голодовок в России без политических реформ, гарантирующих права человека и улучшающих государственных строй. Старейшее научное общество России активно участвовало в организации продовольственной помощи голодающим. Оно командировало уполномоченных в неурожайные губернии для устройства народных столовых.

Старейшее и наиболее влиятельное объединение технической интеллигенции и промышленной буржуазии, почетным членом которого являлся император, – Русское техническое общество (РТО) – также было вовлечено в политику. С марта 1905 г. в его помещении в Соляном городке еженедельно устраивались многолюдные собрания с участием студентов, курсисток и рабочих, где собирались пожертвования в поддержку революционного движения. Вкладом РТО в события 1905 г. стало изучение рабочего вопроса, а также рождение профессионального движения инженеров и техников. На банкете инженеров в декабре 1904 г. было положено начало Всероссийскому союзу инженеров и техников. Инженеры выступили за созыв представителей народа для выработки новых оснований государственной жизни и предложили отменить положение об усиленной охране, ввести свободу печати, добиться амнистии осужденных и административно высланных за политические преступления. В Союз инженеров и техников вступили многие члены РТО. В школах РТО в Петербурге и в образовательных учреждениях, открытых комиссией по техническому образованию в Москве, проводились несанкционированные собрания с участием сотрудников нелегального Центрального бюро профессиональных союзов и велась агитация рабочих в духе социалистической идеологии.

Акции протеста политике правительства происходили в 1905 г. на собраниях Педагогического общества при Московском университете. Оно собирало средства на пропаганду среди рабочих и на вооружение народа, постановив «употребить все силы для предотвращения кар и

взысканий в отношении учащихся средней школы за участие в забастовках и за представление заявлений политического характера». Вину за беспорядки в средней школе представители наиболее гуманной профессии возлагали на самодержавие. Педагогическое общество выступило сторонником установления демократического школьного строя, возложив на существующий строй вину за распространение в средней школе сыска, шпионства и национально-религиозной нетерпимости. В 1907 г. Общество было закрыто постановлением Совета министров, а его имущество передано университету.

По мере усиления мер правительства по борьбе с революционным движением, Департамент полиции начал активизировать действия по пресечению оппозиционных настроений в неполитических организациях. В мае 1905 г. был издан указ Сенату, предоставивший товарищу министра внутренних дел, заведующему полицией право закрывать общества, собрания и союзы, деятельность которых была вредна для общественной безопасности и порядка, сроком до года [4, с. 192–193]. МОСХ, Московское отделение РТО и Педагогическое общество устроили совместное заседание по поводу этого акта, признав действия правительства административным произволом и нарушением законных прав обществ. Меры по запрету собраний были признаны противоречащими созидательной работе общественных сил страны, предоставленной указом 18 февраля о легализации петиций. Общественники утверждали, что политика правительства неминуемо приведет к общенародному взрыву.

К просветительским обществам полиция относилась с наибольшим пристрастием, считая их главным орудием демократии.

Третий важный *этап* деятельности неполитических общественных организаций логически вытекал из первых двух. Он получил развитие с появлением в апреле 1906 г. представительного органа власти – I Государственной думы – и избранием туда многих лидеров и видных деятелей неполитических организаций. Общественники получили легальную трибуну для работы, как политической, так и экспертно-аналитической. Наиболее ярко себя проявили члены юридических обществ В. А. Маклаков, С. А. Муромцев, И. В. и В. М. Гессены, А. А. Кизеветтер и др., игравшие видную роль в думских комиссиях и заседаниях. Правоведы обсуждали в своих обществах программу Партии народной свободы, а также структуру представительных органов власти, и принципы их формирования (куриальная система либо всеобщее избирательное право).

Представители технической интеллигенции не желали уступать юристам. Русское техническое общество планировало в 1906 г. «стать компетентным техническим экспертом для членов Государственной

Думы» и высшим технически-хозяйственным арбитром для всей страны». В январе 1907 г. при РТО создан отдел содействия труду, призванный осуществлять аналитическую работу в сфере организации труда. Он занялся изучением экономических и правовых условий жизни отдельных групп рабочих, его возглавил экономист С. Н. Прокопович и горный инженер Л. И. Лутугин. Активисты Московского отделения РТО инициировали в 1907 г. исследование по вопросу введения восьмичасового рабочего дня.

Выражавшее чаяния врачей, Пироговское общество также высказало пожелание помогать народным представителям в обновлении страны. Так, на съезде врачей-пироговцев 1907 г. звучали пожелания предложить Думе законопроекты по рабочему вопросу (о социальном страховании рабочих и восьмичасовом дне). Медики говорили об экспертной роли, которую должны играть общественные организации, а также о том, что выработанные ассоциациями законопроекты должны стать исходным пунктом для работы парламентских комиссий, готовивших реформы в различных областях.

Нередкими были обращения лидеров добровольных обществ к Думе с предложениями реформ. Так, Общество российских писателей обратилось в апреле 1906 г. с петицией об организации народовластия и всеобщего избирательного права, разрешении аграрного вопроса. Русское женское взаимно-благотворительное общество подготовило петицию с требованием распространения на женщин избирательного права и признания их равноправными с мужчинами во всех областях жизни. В думской Комиссии по гражданскому равенству была образована подкомиссия по равноправию женщин под руководством юриста Л. И. Петражицкого.

Как видно, формы неполитической самоорганизации российского общества в 1904–1907 гг. постоянно развивались и совершенствовались. Главный лейтмотив развития неполитических организаций в годы Первой революции состоял в поступательном движении от заявления конституционной доктрины в 1904 г., к политическим акциям в поддержку конституционного строя и участию в кампании петиций в 1905 г., к шагам в направлении выработки проектов конституционных реформ в областях своей деятельности и взаимодействию с представительной властью в 1906–1907 гг. Происходил переход общества от провозглашения оппозиционных лозунгов к участию в конституционном реформировании государства.

Легальные неполитические организации вышли из революции, обогащенные опытом участия в протестном движении и проектами реформирования сфер деятельности, за которые они были ответственны. Конфликты обществ с властью были порождены различием умонастроений обеих

сторон: общественники жаждали конституционных реформ и закрепления завоеваний Первой революции, а большинство представителей власти противились подобным переменам. Отсутствие тесного сотрудничества между общественными организациями и властью негативно сказывалось на судьбе столь необходимых для России того времени реформ.

Библиографический список

1. *Ануфриев Н. П.* Правительственная регламентация образования частных обществ в России // Вопросы административного права. Кн. 1. М., 1917.

2. *Кураев А. Н.* Россия на пути к гражданскому обществу. Массовые общественные организации в период революции 1905–1907 годов. М., 2008.

3. *Туманова А. С.* Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008.

4. *Туманова А. С.* Самодержавие и общественные организации в России. 1905–1917 годы. Тамбов, 2002.

УДК 281.93

С. М. Усманов,
профессор, Ивановский государственный университет

ПРОТОИЕРЕЙ ГЕОРГИЙ ФЛОРОВСКИЙ О ЦЕРКОВНОМ ИСТОРИКЕ ВАСИЛИИ ВАСИЛЬЕВИЧЕ БОЛОТОВЕ

Автор рассматривает отношение выдающегося богослова Русского Зарубежья протоиерея Георгия Флоровского к наследью русского церковного историка Василия Васильевича Болотова. Прослеживается изменение восприятия творчества В. В. Болотова в трудах протоиерея Георгия Флоровского.

Ключевые слова: Протоиерей Георгий Флоровский, В. В. Болотов, Церковная история

S. M. Usmanov,
Professor, Ivanovo State University

ARCHPRIEST GEORGE FLOROVSKY ON THE CHURCH HISTORIAN VASILY VASILYEVICH BOLOTOV

The author examines the attitude of the outstanding theologian of the Russian Diaspora, Archpriest George Florovsky, to the legacy of the Russian church historian Vasily Vasilievich Bolotov. The change in the perception of Bolotov's work in the works of Archpriest George Florovsky is traced.

Keywords: Archpriest George Florovsky, V. V. Bolotov, Church History

© Усманов С. М., 2022

Как известно, в 1937 г. выдающийся православный богослов XX столетия протоиерей Георгий Флоровский выпустил в свет, наверное, самый главный труд своей жизни – огромное по объему исследование «Пути русского богословия». Эта книга не имела большого отклика в русской эмиграции, но со временем оказала очень значительное воздействие на православных богословов и исследователей русской мысли как в России, так Западе. В своей книге отец Георгий, конечно, не мог пройти мимо наследия одного из самых авторитетных русских церковных историков девятнадцатого столетия Василия Васильевича Болотова (1853–1900).

О Болотове в книге «Пути русского богословия» протоиерей Георгий Флоровский пишет очень уважительно: «Болотов соединял в себе дар историка и проникновение богослова. Это более всего чувствуется в его первой и молодой книге об Оригене (1879). (…) Это есть исторический анализ, сделанный богословом. И богословская чуткость делает самый анализ особенно убедительным. (...) О Болотове как историке всего больше свидетельствует его академический курс, изданный по студенческим записям после его смерти. (…) Здесь сказывается в полной мере дар исторической композиции и проникновение богослова, и сразу чувствуется, что все построение методически проверено во всех частностях и подробностях. У Болотова всегда чувствуется эта особая надежность и достоверность…».

Что и говорить, оценки отца Георгия трудам В. В. Болотова в его программной книге были очень высокие и по-человечески теплые. В то время как многие другие русские богословы и церковные историки в книге Флоровского рассматривались куда более критически. Тем более неожиданным оказались суждения протоиерея Георгия Флоровского о В. В. Болотове в его письме протоиерею Александру Шмеману 26декабря 1950 г.: «Болотова я до сих пор чту, но сознаюсь, имею сомнения: как мог историк с чутьем и кругозором вообразить, что «мудрено сказать что-нибудь новенькое» в области древней истории, якобы «заезженной» немецкими гандбухами (учебными руководствами. – *С. У.*) и т. п. От гандбухов Болотовской эпохи осталось только смутное воспоминание, и в области именно древней истории за эти 50 лет со времени его смерти сказано не только «много новенького», но просто «вся бысть нова», и это новое открылось чуть ли не всего легче именно там, где Болотов отчаялся искать. Он все-таки, при всей его эрудиции и благочестии оставался семинаристом XIX века и богословского пульса Церкви не ощупывал достаточно чутко».

Эти резкие суждения вызвали недоумение даже у главного знатока и истолкователя творчества протоиерея Георгия Флоровского профессора университета Святого Фомы в г. Сент-Пол (штат Миннесота)

профессора Павла Гаврилюка, который в своей публикации в примечании к данному письму напоминал, что в печатных работах Флоровский о Болотове высказывался с большим уважением.

Впрочем, многие недоумения может рассеять обращение к статье протоиерея Георгия Флоровского «Положение христианского историка», напечатанной в1959 г. в сборнике в честь известного германского и американского теолога Пауля Тиллиха. В ней, конечно, отцу Георгию неудобно было бы пренебрежительно отзываться о немецких «гандбухах», хотя бы и ушедших времен. Напротив, в этой статье Флоровский почтительно упоминает десятки германских, американских, британских, французских и итальянских историков, теологов и философов. Из русских историков в этой статье назван только один, и это – как раз Василий Васильевич Болотов. И опять – в критическом ключе: «Историки, особенно принадлежащие к старой школе, часто считают, что в их работе ими движет стремление знать прошлое так, «как знает свидетель», то есть в каком-то смысле превратиться в «свидетеля» прошедших событий, «все видеть своими глазами» (здесь Флоровский дает отсылку к публикации «Лекций по истории древней Церкви» В. В. Болотова). Однако отец Георгий Флоровский решительно отвергает подобные надежды: «Но именно этого историк никогда не делает, сделать не может, и не должен даже пытаться, если хочет быть хорошим историком». Далее отец Георгий объясняет читателю, что все преимущество историка над современниками и свидетелями состоит в ретроспективности его взгляда на события прошлого.

Итак, в итоге у протоиерея Георгия Флоровского получается, что Василий Васильевич Болотов все-таки по-настоящему «хорошим историком» так и не смог стать. Что было следствием, прежде всего, ограниченности «старой школы» в исторической науке. К достоинствам которой сам Флоровский ранее относился гораздо благожелательнее, но – шагая в ногу с достижениями исторической науки XX столетия – увидел недостаточность такого рода исторического анализа. С этим выводом, можно было бы, наверное, и согласиться. Однако, как нам представляется, русский историк Василий Васильевич Болотов был не так прост и однозначен, как это временами казалось отцу Георгию Флоровскому. Болотов и в самом деле очень внимательно следил за разработками немецких теологов и историков, многое из их достижений принимал во внимание и использовал в своих трудах. Многое, но не все. Отвечая в частном письме одному из своих коллег, он очень образно определил свой подход к европейской учености: «отправляюсь к немцам: ем их готовый Brot (хлеб. – *С. У.*), а от их Wurst (колбасы. – *С. У.*) отвращаюсь: не приемлет ее душа моя, и никакой доктор не обязывает меня есть ее».

Секция 1

«РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ (РУБЕЖ XIX–XX вв. – НАЧАЛО XXI в.)»

УДК 929.62
И. М. Афонасенко,
магистр исторических наук, эксперт сайта «Геральдика.ру»

ДВОРЯНСКИЕ ГЕРБЫ ПРОТОИЕРЕЕВ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье рассматривается вопрос пожалования дворянских гербов протоиереям Русской Православной церкви в Российской империи. Анализируются гербы священнослужителей и основные геральдические фигуры, использованные в родовых эмблемах протоиереев.
Ключевые слова: Русская Православная церковь, герб, протоиерей, эмблема, дворянство, геральдика, орден

I. M. Afonasenko,
Master of Historical Sciences, expert of the site «Geraldika.ru»

NOBLE COATS OF ARMS OF THE ARCHPRIESTS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE RUSSIAN EMPIRE

The article deals with the issue of granting noble coats of arms to the archpriests of the Russian Orthodox Church in the Russian Empire. The coats of arms of the clergy and the main heraldic figures used in the family emblems of the archpriests are analyzed.
Keywords: Russian Orthodox Church, coat of arms, archpriest, emblem, nobility, heraldry, order

Пожалование дворянского достоинства и герба священнослужителям Русской Православной церкви в Российской империи было далеко не редким явлением. Большинство протоиереев были возведены в дворянство благодаря пожалованным орденам (любая степень всех российских орденов приносила права потомственного дворянства для лиц духовного звания Православной церкви [1, с. 47]), и Департамент

© Афонасенко И. М., 2022

геральдии Сената в обязательном порядке учитывал все заслуги кавалера при создании родового герба для новой духовной аристократии.

Значительная часть дворянских гербов протоиереев были «профессиональными», т. к. их сюжет указывал на основное занятие гербовладельца. Естественно, что основные геральдические фигуры таких родовых эмблем имели отношение к символам христианства – Евангелие, крест, свечи и т. д.

Евангелие, как геральдическая фигура, располагалось в гербах протоиерея при Богородицкой церкви г. Стерлитамака Федора Ивановича Базилевского – «Щит разделен на три части, из коих в первой в красном поле представлено Евангелие с золотым до половины видным над ним крестом, а под оным две дубовых ветви, во второй части в голубом поле шестиугольная серебряная звезда, а в третьей пространной в золотом поле представлен натурального цвета улей с четырью летящими над ним пчелами. Щит увенчан дворянским шлемом и короною с тремя на оной страусовыми перьями. Намет на щите серебренный и золотой, подложенный голубым и красным» и протоиерея Александра Матвеевича Орлова – «В золотом щите червленое Евангелие с золотыми украшениями, окруженное двумя зелеными масличными ветвями, соединенными снизу. Над щитом дворянский коронованный шлем. Нашлемник: червленый крест с широкими концам, окруженный двумя зелеными масличными ветвями, скрещенными внизу. Намет: червленый с золотом» [3]. Дополнительными фигурами в этих гербах выступают пчелы, которые в геральдике символизируют трудолюбие, и масличные ветви, которые означают мир и связаны с изготовлением елея.

Фигура креста была самой распространенной в гербах протоиереев Русской Православной церкви. Наиболее часто изображался православный восьмиконечный крест: гербы протоиерея Иоанна Иоанновича Успенского – «В серебряном щите черный православный осьмиконечный крест. В червленой главе щита две противообращенные золотые орлиные головы. Щит увенчан Дворянским коронованным шлемом. Нашлемник: пять страусовых перьев, из коих первое, четвертое и пятое – серебряные, а второе и третье – червленые. Намет: червленый с серебром. Девиз: «С помощью Божиею», червленными буквами на серебряной ленте», протоиерея Василия Александровича Акимова – «В золотом щите, черное опрокинутое острие, обремененное золотым православным осьмиконечным крестом и сопровождаемое двумя черными светильниками с червленым пламенем. Щит увенчан Дворянским коронованным шлемом. Нашлемник: серебряный пеликан с червленым клювом и лапами. Намет золотой, подложенный чернью. Девиз: «Любовь и правда – меч мой», черными буквами на золотой ленте», протоиерея Константина Гавриловича Изразцова – «В черном щите золотой

православный осьмиконечный с сиянием крест, сопровождаемый по сторонам внизу двумя золотыми же пчелами в столб. Щит увенчан Дворянским коронованным шлемом. Нашлемник: черный с золотым клювом и лапами кондор. Намет черный, подложенный золотом. Девиз: «Верен до смерти» золотыми буквами на черной ленте» [4, л. 6], протоиерея Максима Ивановича Сапежко – «В червленом щите золотой православный осьмиконечный крест, сопровождаемый снизу серебряным с золотой рукоятью выгнутым мечом. Щит увенчан Дворянским коронованным шлемом. Нашлемник: три страусовых пера, из коих среднее золотое, а крайние червленые. Намет червленый, подложенный золотом. Девиз: «Служи правде, помни долг» золотыми буквами на червленой ленте» и т. д. Не менее часто в гербах использовался классический четырехконечный крест (лапчатый или равноконечный): например, гербы протоиерея Кирилла Станиславовича Хрусцевича – «В червленом щите золотой высокий лапчатый крест, сопровождаемый четырьмя серебряными натуральными розами. Щит увенчан дворянским коронованным шлемом. Нашлемник: золотой высокий лапчатый крест между двумя серебряными натуральными розами. Намет червленый с золотом», протоиерея Ивана Семеновича Державина – «В верхней половине щита, диагонально от верхних углов к середине разрезанной двумя чертами в лазуревом поле изображен золотой крест, а в боковых частях в золотом поле по одному черному орлиному крылу. В нижней черной половине находится митра и над нею горизонтально означена червленая полоса с серебряною звездою. Щит увенчан дворянскими шлемом и короною. Намет: лазуревый и червленый, подложенный золотом» и протоиерея Андрея Ивановича Чернышева – «В лазуревом щите золотое солнце, среди которого червленый лапчатый крест. Щит увенчан дворянским коронованным шлемом. Нашлемник: три страусовых пера, среднее золотое, крайние лазуревые. Намет лазуревый с золотом». Во второй половине XIX в. в дворянских гербах священнослужителей Русской Православной церкви все более часто изображался трилистный крест: гербы протоиерея Александра Андреевича Измайлова – «В щите рассеченном золотом и лазурью, трилистный крест, переменных финифти и металла. Щит увенчан дворянским коронованным шлемом. Нашлемник: рука держащая лазуревый трисвечник с золотыми горящими свечами. Намет лазуревый с золотом», протоиерея Николая Ивановича Ильинского – «В лазуревом поле золотой подсвечник с горящею серебряною свечою и сопровождаемый двумя золотыми трилистными крестами. Щит увенчан дворянским шлемом и короною. Нашлемник: золотой длинный трилистный крест. Намет справа лазуревый с золотом, слева лазуревый с серебром. Девиз: «Aliis serviendo consumor» золотыми буквами на лазуревой ленте» [5, л. 216]. Более сложносоставными мож-

но назвать герб протоиерея Евлампия Ксенофонтовича Арнольдова – «Серебряный щит, усеянный черными наискось поставленными трилистными крестами. В лазуревой главе щита, золотое всевидящее око. Щит увенчан Дворянским коронованным шлемом. Нашлемник: пять страусовых перьев: среднее серебряное, второе черное, третье лазуревое, а крайние – золотые. Намет: справа черный с серебром, слева – лазуревый с золотом» и герб обер-священника Высочайшего Двора, духовника императоров Николая I, Александра II и Александра III протоиерея Василия Борисовича Бажанова [6, с. 353] – «В золотом поле червленое сердце, обремененное золотым трилистным крестом; вокруг сердца две внизу соединенные зеленые ветви. Щит увенчан дворянскими шлемом и короною. Нашлемник золотой трилистный крест. Намет: справа – червленый с золотом, слева – зеленый с золотом». В таких гербах крест часто сопровождался разнообразными дополнительными фигурами (розы, лампады, солнце), с целью отличия от значительной массы похожих гербов европейской аристократии.

Часть дворянских гербов протоиереев были «гласными», т. е. их сюжет указывал на фамилию гербовладельца. К таковым родовым эмблемам можно отнести гербы протоиерея Алексея Дмитриевича Цветкова – «В четверочастно-скошенном щите, в верхней и нижней лазуревых частях, по одной серебряной лилии. В боковых серебряных частях, по одной лазуревой лилии. Щит увенчан Дворянским коронованным шлемом. Нашлемник: золотой Русский крест, между двумя черными орлиными крыльями. Намет: лазуревый с серебром», Федора Яковлевича Дубянского, духовника императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II [2, с. 313], – «Щит разделен диагональной чертой с правого верхнего угла к левому нижнему на два равные поля золотое и зеленое, в которых изображено дерево дуб с растущими на нем желудями переменных с полями цветов. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с павлиньими перьями, на середине коих виден золотой крест. Намет на щите зеленый, подложенный золотом» и протоиерея Андрея Ивановича Соколова – «В серебряном щите, на зеленой скале, натуральный сокол, попирающий черного змия, с червленными глазами и языком, держащий в лапе золотой меч. Щит увенчан Дворянским коронованным шлемом. Нашлемник: три страусовых пера, среднее – черное, правое – серебряное, левое – золотое. Намет: справа черный с серебром, слева – черный с золотом». Но и в «гласных» гербах встречаются отсылки к христианской символике, указывающие на принадлежность гербовладельца к клиру Православной церкви.

Таким образом, процедура высочайшего пожалования дворянского достоинства и герба священнослужителям Русской Православной церкви в Российской империи имела свои характерные особенности, но

в целом соответствовала общему правилу нобилитации. Более 90 % протоиереев стали обладателями дворянских дипломов благодаря пожалованным орденам – к концу XIX в. в Российской империи существовало восемь государственных орденов [1, с. 46–47], в «Учреждении орденов и других знаков отличия» 1896 г. они перечислены в следующей последовательности: 1) Св. апостола Андрея Первозванного, 2) Св. Екатерины, 3) Св. Александра Невского, 4) Белого Орла, 5) Св. Георгия, 6) Св. Владимира, 7) Св. Анны, 8) Св. Станислава [7]. Лица духовного звания чаще всего награждались орденом Св. Владимира III и IV ст. и орденом Св. Анны III ст. Пик награждения пришелся на конец XIX – начало XX в., тогда же резко возросло количество священнослужителей, пожалованных дворянством. Характерно что специалисты Гербового отделения Департамента герольдии Правительствующего Сената очень активно использовали христианскую символику при создании родовых гербов для нобилитированых священнослужителей, таким образом создавалась эмблематическая корпоративность – дворян, выходцев из духовного сословия, можно было легко узнать по их геральдическим эмблемам. Гербы протоиереев Русской Православной церкви являлись достаточно интересным феноменом в рамках российской геральдической традиции и заслуживают более пристального внимания исследователей.

Библиографический список

1. *Афонасенко И. М.* Возведение в дворянское достоинство и пожалование герба в Российской империи // Преподавание истории в школе. 2021. № 1. С. 46–48, цв. вкладка.

2. *Ключевский В. О.* Сочинения: в IX т. М., 1989. Т. IV.

3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 26. Д. 4028.

4. РГИА. Ф. 1343. Оп. 49. Д. 690.

5. РГИА. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 71.

6. *Чистович И. А.* История Санкт-Петербургской Духовной Академии. СПб., 1857.

7. *Шепелев Л. Е.* Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб., 1999.

УДК 930.1
К. Е. Балдин,
профессор, Ивановский государственный университет

ИЗ ИСТОРИИ ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА: ВСЕРОССИЙСКИЕ СБОРЫ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ В ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

На рубеже XIX–XX вв. увеличился поток паломников из России в Святую Землю. Императорское Православное Палестинское общество взяло на себя заботу о том, чтобы их поездки были безопасными и не очень затратными; для этого оно ежегодно в Вербное воскресение собирало денежные средства.
Ключевые слова: Русская Православная церковь, русское паломничество, Императорское Православное Палестинское общество, Палестина, православное духовенство, религиозно-нравственные чтения

K. E. Baldin,
Professor, Ivanovo State University

FROM THE HISTORY OF THE FINANCIAL ACTIVITIES OF THE IMPERIAL ORTHODOX PALESTINE SOCIETY: ALL-RUSSIAN FUNDRAISERS ON PALM SUNDAY

At the turn of the 19th–20th centuries, the flow of pilgrims from Russia to the Holy Land increased. The Imperial Orthodox Palestine Society took it upon themselves to ensure that their trips were safe and not very costly; to do this, it annually collected money on Palm Sunday.
Keywords: Russian Orthodox Church, Russian pilgrimage, Imperial Orthodox Palestine Society, Palestine, Orthodox clergy, religious and moral readings

В период Средневековья поездки из России на Ближний Восток с целью поклонения святыням вселенского христианства имели очень эпизодический характер. В Новое время они становились все более частыми: в XVII в. туда ехали единицы, в XVIII в. – десятки, а в первой половине XIX в. – сотни паломников. Подлинно массовый характер это движение приобрело на рубеже позапрошлого и прошлого столетий.

Русские паломники сталкивались в странах Восточного Средиземноморья с массой неудобств и опасностей. Поиски недорогого и безопасного жилья в Палестине, постоянные поборы и стеснения со стороны османских властей, ксенофобия со стороны местного иновер-

© Балдин К. Е., 2022

ного населения в отношении тысяч русских паломников стали одной из причин создания такой общественной организации как Императорское Православное Палестинское общество (ИППО). Главной его задачей стало создание в Святой Земле инфраструктуры для паломников – странноприимных домов, консульского обеспечения для них, организации морского сообщения от русских портов до Яффы, которая тогда являлась воротами в Святую Землю, обеспечение того, что можно назвать мирским термином «экскурсионное обслуживание» паломников при выезде из Иерусалима в Вифлеем или Назарет.

Все это в той или иной степени было сделано, разумеется – не сразу. Кроме такого рода сопровождения паломников, ИППО ставило своей целью материальную, моральную и религиозную поддержку местного православного населения, состоявшего из местных арабов. Целью общества было также научное изучение истории, археологии, архитектуры Палестины [4, с. 9–10].

Для реализации этих целей требовались значительные денежные средства, нужда в которых возрастала буквально с каждым годом. В этом отношении ИППО могло рассчитывать скорее не на правительственные субсидии, а на доброхотные даяния от самых разных слоев населения. Во многом с этой целью в последнее десятилетие XIX в. открываются одно за другим епархиальные отделы общества. Именно через них осуществлялись сборы средств во всероссийском масштабе. Они производились разными способами – с помощью подписных листов, специальные «палестинских» кружек, куда опускали деньги или просто в виде единовременных пожертвований. Однако самые значительные средства ИППО получало в ходе массовых всероссийских акций, которые проводились ежегодно в Вербное воскресенье перед Пасхой, т. е. в праздник Входа Господня в Иерусалим.

В данной публикации мы проследим процесс подготовки, организации и результаты этих Вербных сборов на материалах трех губерний. Для примера нами выбраны церковно-административные единицы, принадлежавшие в разным районам страны: Владимирская в Центральном промышленном районе, Новгородская – на северо-западе и Вятская – на северо-востоке Европейской части страны.

В Палестинском обществе были выработаны правила проведения сбора в неделю Ваий (церковное название Вербной недели). Во время Великого поста их заблаговременно направляли для напоминания из Петербурга в епархиальные отделы общества. Всего таких правил было девять, в первых пунктах этой инструкции говорилось о том, что полученные из правления общества соответствующие воззвания о проведении очередного сбора должны быть напечатаны в местных духовных официозах – «Епархиальных ведомостях». Полученные из столицы в

сотнях экземпляров воззвания и печатные надписи для «сборных блюд» из епархиального центра переправлялись на места духовными консисториями. Консисторские чиновники напоминали священникам о том, что они «в точности» должны следовать полученным предписаниям [1, 1895. № 6, прил.].

На практике в большинстве случаев эти указания неукоснительно соблюдались как на епархиальном и благочинническом, так и на низовом, приходском уровне. Периодический орган Вятской епархии в начале января 1899 г. сообщал, что еще в декабре 1898 г. в Вятку через Российское общество транспортных кладей (оно доставляло по стране значительные по размеру посылки) были получены 4 ящика с воззваниями о проведении Вербного сбора и отпечатанными типографским способом надписями для сборных блюд. В ящики были упакованы 800 отдельных пакетов, которые разослали по городам и уездам обширной Вятской епархии [2, 1899. № 1, с. 3].

Адресатами доставки этих пакетов являлись благочинные городских и сельских храмов, экономы архиерейских домов, настоятели местных монастырей, руководители духовных семинарий и училищ, епархиальных женских училищ [2, 1902. № 2, с. 19]. Таким образом, в информационном сопровождении очередного Вербного сбора была задействована вся разветвленная структура епархии сверху донизу.

По упоминавшимся выше правилам, за неделю до Вербного воскресения, воззвания, приглашавшие к взносам, вывешивались на дверях храмов, а в день сбора священники устно рассказывали о целевом назначении средств, которые будут собраны. Сбор проводил непосредственно приходской священник по время богослужения в церкви, он обходил с тарелкой свою паству [1, 1895. № 6, прил.).

В первые годы проведения Вербные сборы давали не очень богатый результат как в масштабах отдельных епархий, так и в целом по стране. Это объяснялось не скупостью верующих, а тем, что, кроме Вербного сбора, в течение года в храмах проводились десятки аналогичных кампаний. Например, в начале XX в. в Новгородской епархии проводились следующие сборы: в пользу построения храмов в Москве во имя св. А. Невского, в пользу попечительства о глухонемых, в пользу заключенных в тюрьмах, на построение храма в память св. равноапостольной княгини Ольги, в пользу братства св. Софии в Новгороде и др. [3, 1914. № 1–2, с. 18–19]. Причем этот список можно бы было продолжить и увеличить вдвое-втрое.

В дальнейшем среди местных батюшек выделились свои активисты Палестинского общества, которые были очень деятельны в период Вербных сборов. Например, во Владимирской губернии особенно большую активность на этом поприще проявил о. Евлампий Правдин –

настоятель Воскресенского собора г. Шуи. В первый же год деятельности Владимирского отдела ИППО он собрал среди прихожан 133 р. – больше, чем любой другой клирик епархии [1, 1896. № 9, с. 152]. В дальнейшем, отец Евлампий не снижал своей активности на этом поприще. Его деятельности упоминалась практически в каждом годовом отчете Владимирского отдела ИППО [1, 1901. № 9, с. 139; 1903. № 10, с. 223]. В дальнейшем в Воскресенском соборе собирал средства на те же цели священник Павел Светозаров – преемник и зять Евлампия Правдина, которые впоследствии, в 1922 г., был обвинен в сопротивлении властям во время изъятия церковных ценностей и расстрелян (причислен к лику святых как новомученик в 2000 г.) [1, 1909. № 17, прил., с. 5].

В ежегодных отчетах отделов ИППО публиковались итоги сборов по отдельным храмам, о деятельности отдельных клириков в этом направлении. Во Владимирской епархии по итогам сбора 1895 г. суммы по отдельным церквям выглядели очень по-разному. За этот год протоиерей из Иваново-Вознесенска о. В. Соловьев сдал 137 р., а протоиерей И. Александровский из того же города – всего 8 р. Мало поступало денег от монастырей: от Спасо-Евфимиева (Суздаль) – 6 р. 40 к., а от Николо-Шартомского (Шуйский уезд) – 1 р. [1, 1895. № 20, с. 489–490].

Сборы, которые проводило ИППО, использовали как повод для своего обогащения различные аферисты. В «Вятских епархиальных ведомостях» появилась заметка «Предупреждение о сборщиках на святые места». В ней сообщалось, что по деревням ходят люди, которые уверяли местных жителей, что они являются священниками из Иерусалима, и собирают средства на святые места в Палестине. При этом мошенники были одеты в монашескую одежду, а некоторые – в священнические рясы с наперсным крестом. Местные священнослужители чаще всего стеснялись спросить документы, чтобы не оскорбить мнимых «собратьев по профессии». Авторы информации в епархиальной газете призывали требовать от таких бродячих сборщиков разрешения на их деятельность [2, 1903. № 7, с. 291].

Большая активность священников-активистов делала Вербные сборы все более весомыми. В Новгородской епархии в 1898–99 финансовом году собрали на 8 % больше денежных средств, чем в предыдущем, в некоторых храмах сборы увеличились в три и даже четыре раза. В 1899–1900 году сборы снова возросли, на этой раз уже на 9,4 % [3, 1899. № 20, с. 1024; 1900. № 14–15, с. 869]. В 1899–1900 г. во Владимирской епархии было собрано 3193 р., а в следующем году – 3258 р. [1, 1900. № 10, с. 217; 1901. № 9, с. 141].

Увеличение сборов стало возможным благодаря подготовительной работе, которая проводилась в епархиях на протяжении всего года, но особенно деятельно – в течение Великого поста. Это время было благо-

приятным для обращения к массовой крестьянской аудитории, т. к. зимой и ранней весной у сельчан было гораздо меньше работы, чем летом.

В период Великого поста в городских и сельских приходах проводились чтения о Святой Земле. В ходе их горожане и крестьяне знакомились с сакральной историей и географией. Представители духовенства рассказывали им о городах Палестины, в которых находились священные достопримечательности – Иерусалиме, Вифлееме, Назарете, Иерихоне, Яффе, а также о Мертвом море, Тивериадском озере и пр. Во время чтений говорилось также о тех серьезных изменениях, которые благодаря Палестинскому обществу происходили в жизни российских паломников в Святой Земле – о построенных для их проживания подворьях, об хорошо организованных массовых походах из Иерусалима по другим священным местам, об удешевлении железнодорожных и пароходных билетов, что позволяло накопить деньги и съездить на поклонение святым местам даже крестьянину среднего достатка. Методическими пособиями для таких чтений служила изданная Палестинским обществом серия брошюр под общим названием «Чтения о Святой Земле» [3, 1898. № 1, с. 60–61].

В селах чтения – проводились местными священниками. В городах аудитория такого рода массовых мероприятий была более притязательной, чем простые крестьяне – мещане, купечество, интеллигенция. Перед ними выступали представители духовенства с академическим образованием – соборные протоиереи, преподаватели духовных семинарий и училищ, епархиальных женских училищ. Например, в Новгороде чтения проводил инспектор духовной семинарии иеромонах Евдоким, а проходили они в максимально торжественной обстановке – в Софийском соборе, главном храме епархии. [3, 1897. № 24, с. 1546]. В небольшом уездном городе Сарапуле Вятской епархии духовенство проводило чтения в зале городской думы, в духовном училище и даже в тюремном остроге [2, 1897. № 13, с. 630, 634].

В ходе чтений широко применялся принцип наглядности. В частности, использовалась демонстрация «туманных картин» через «волшебный фонарь», т. е. слайдов через диапроектор. Такие картины обычно изготовлялись на стекле в крупных городах частными фирмами. Они были черно-белыми или раскрашенными от руки. Характерно, что отделам ИППО и членам этой организации слайды по соответствующей тематике продавались со скидкой в 20 % [2, 1897. № 13, с. 634; 3, 1898. № 1, с. 60–61].

На слайдах были изображены отдельные виды Святой Земли, сюжеты Нового Завета. Такого рода наглядность очень позитивно воспринималась аудиторией. Впечатление, производимое на аудиторию

профессиональными лекторами, было большим, тем более, что оно сочеталось с «видеорядом», который воспроизводился совершенно новым для слушателей способом. Вполне естественно, что следовавшие затем призывы духовенства жертвовать «на Святую Землю» не оставались без ответа. Вербные сборы со временем увеличивались в объеме.

Однако, в годы Первой мировой войны наступил заметный спад в этой деятельности. Во-первых, это было связано с тем, что поток паломников в Палестину прекратился т. к. Османская империя, которой принадлежала Святая Земля, выступила в войне на стороне Германии. Во-вторых, общественность жертвовала в этот период средства, прежде всего, на военные цели – обеспечение армии всем необходимым, на помощь раненым и больным воинам. После февральских событий 1917 г. деятельность Палестинского общества в России если не прекратилась, то на некоторое время почти замерла.

Библиографический список

1. Владимирские епархиальные ведомости.
2. Вятские епархиальные ведомости.
3. Новгородские епархиальные ведомости.
4. *Степашин С. В.* Императорское Православное Палестинское Общество: к 130-летию со дня основания // Императорское Православное Палестинское Общество: к 130-летию со дня основания. Международная научная конференция. Москва. 10 ноября 2011 г. М.: Индрик, 2012.

УДК 908

Е. А. Бурдин,
профессор, Ульяновский государственный педагогический университет
К. В. Сафин,
студент 2 курса, Ульяновский государственный педагогический университет

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ ПРАВОСЛАВИЯ В СРЕДНЕВОЛЖЬЕ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в. (на примере культовых объектов культурного наследия)

В статье рассматривается возрождение Церкви, которое наглядно иллюстрирует процесс восстановления построенных до 1917 г. культовых зданий, сооружения новых, а также возврата построек и церковной собственности. Приводятся яркие примеры этой деятельности на территории Среднего Поволжья.

Ключевые слова: возрождение, Русская православная церковь, Среднее Поволжье

© Бурдин Е. А., Сафин К. В., 2022

E. A. Burdin,
Professor, Ulyanovsk State Pedagogical University
K. V. Safin,
2nd year student, Ulyanovsk State Pedagogical University

ABOUT SOME TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF ORTHODOXY IN THE MIDDLE VOLGA REGION AT THE END OF XX – BEGINNING OF XXI CENTURIES (on the example of cult objects of cultural heritage)

The article discusses the revival of the Church, which clearly illustrates the process of restoration of religious buildings built before 1917, the construction of new ones, as well as the return of buildings and church property. Vivid examples of this activity in the Middle Volga region are given.

Keywords: revival, Russian Orthodox Church, Middle Volga region

В 1985–1991 гг. в СССР произошло резкое ослаблению прежних идеологических устоев государства и в конечном итоге возрождение традиционных религиозных систем, в т. ч. и православия. Безусловно, мощный импульс процессу возрождения христианских традиций придала юбилейная дата – тысячелетие крещения политической элиты и части городского населения Киевской Руси (около 988 г.). В регионах ренессанс наступил чуть позже и в первую очередь в крупных городах. Началась регистрация новых приходов, соответственно увеличилось и количество духовенства, причём стала расти доля молодых и образованных служителей.

Одним из самых негативных результатов антирелигиозной политики советской власти стало массовое разрушение православных храмов. Так, по данным Н. А. Косенковой, в Самарской власти до нас дошли только 88 из 381 церквей (сведения начала XX в.), т. е. всего лишь 23 %. Она писала: «К настоящему моменту (примерно 2000 г. – *Е. Б.*) полностью уничтожено 45 церквей по региону (35 % от общего числа культовых зданий региона), 3 церковно-приходских школы и 4 дома священнослужителей и духовенства. Наибольшие потери понесли Пестравский (30,4 %) и Богатовский (28,2 %) районы. Кроме того, многие из сохранившихся ныне построек находятся в руинированном состоянии и требуют грамотных подходов к их восстановлению и доформированию утраченного образа построек. Часть храмов пустует или используется не по первоначальной функции» [2, с. 109].

Ярким проявлением новой эпохи стало начало процесса восстановления старых храмов, сооружения новых, а также возврата принадлежавших государству культовых зданий и церковной собственности.

Особенно показательной в этом плане на территории Среднего Поволжья, на мой взгляд, являлась активная общественная кампания за возвращение верующим Петропавловского собора (XVIII в.) Казани. Именно она стала знаковой для Казанской епархии. Оказалось, что совместные усилия гражданского общества и РПЦ в данных исторических условиях могут привести к успеху.

А. В. Рощектаев писал: «Для всех, кто помнит те месяцы, это событие представляется уникальным и беспрецедентным для нашей республики по масштабам вовлечения в него общественности. Огромную роль в мобилизации общественного мнения сыграла популярнейшая в то время газета «Вечерняя Казань» (официально признанная в те годы лучшей региональной и городской газетой России) и лично ее редактор Андрей Петрович Гаврилов. Серия публикаций поставила власть предержащих в условия, когда не выполнить требования православной общины было бы крайне «недемократично». А триумфальное избрание А. П. Гаврилова народным депутатом СССР на первых альтернативных выборах весной 1989 г. открыло новые возможности. Учитывая смену общего курса в стране, руководство города и республики в том же году объявило об одновременном возвращении православным – Петропавловского собора, а мусульманам – Азимовской мечети.

13 июля 1989 г. Госмузеем были торжественно переданы ключи от собора, а уже 25 июля владыка Анастасий освятил престол и совершил первое богослужение. С тех пор вот уже 15 лет в Петропавловском соборе совершаются ежедневные утренние и вечерние богослужения, и жизнь епархии невозможно себе представить без этого храма» [6].

Думаю, неслучайно символом возрождения РПЦ в Республике Татарстан (РТ) стал самый высокий, красивый и оригинальный собор Казани (возможно, и всего Средневолжья), который сейчас является главным в Казанской епархии. Тогда же, в конце 1980-х гг., власти провели внешнюю реставрацию и другого значимого памятника – Благовещенского собора (XVI в.) Кремля. Позже, в 1996 г. начался его капитальный ремонт, завершившийся в 2005 г. [6].

Далеко не все культовые здания, до 1917 г. принадлежавшие РПЦ, были сразу же ей возвращены. Иногда борьба за них растягивалась на несколько лет. Так произошло со Свято-Воскресенско-Германовским собором в г. Ульяновск. Его возвели в первой половине XVIII в., с 1931 г. в храме размещался областной государственный архив. После возрождения в 1989 г. Симбирской епархии владыка Прокл неоднократно ходатайствовал перед руководителями региона о возврате собора РПЦ. В результате в 2003 г. здание официально передали в собственность епархии, но власти не могли найти новые помещения для архива и необходимые средства на их ремонт. Дело дошло до суда.

В 2007 г. по решению федерального арбитражного суда Поволжского округа бывшее культовое здание отдали Симбирской и Мелекесской епархии (архив освободил занимаемые помещения в течение 2007–2009 гг.). В храме начались ремонтно-восстановительные работы, которые продолжались до 2012 г. [1; 4].

Наглядно демонстрируют процесс возрождения РПЦ приходы современной Казанской митрополии, совпадающей с территорией РТ. Их изучение позволяет выделить три условные группы: 1) исторически сложившиеся приходы, которые возобновили свою деятельность в 1980–1990-е гг.; 2) церковные общины с непрерывным стажем или закрывавшиеся на короткий срок в советское время; 3) приходы заново построенных храмов [9, с. 127]. Показательно, что большинство нынешних приходов относятся к первой группе.

По официальным данным, в Казанской епархии сейчас насчитывается 135 и 73 построенных соответственно до 1988 г. (фактически до 1917 г.) и после 1988 г. церквей, Альметьевской – 13 и 28, Чистопольской – 31 и 36 [5]. Всего в РТ находится 179 (56,5 %) и 137 (43,4 %) храмов по двум вышеуказанным периодам, а в итоге – 316. Даже учитывая количество разрушенных в советское время церквей, которые не вошли в современную статистику, число возведённых после 1988 г. храмов впечатляет и является маркером энергичного возрождения православия. Приведённые цифры говорят о том, что наибольшее развитие православия до советского времени наблюдалось на территории современной Казанской епархии, а после 1988 г. – в Альметьевской и Чистопольской.

Интересно проследить отмеченные выше тенденции на примере микрорегиона Западного Закамья с преимущественно русским населением – Спасского района РТ.

По авторским подсчётам, на первое января 2018 г. в Спасском благочинии Чистопольской епархии находилось 10 зарегистрированных приходов и 11 действующих культовых зданий, в т.ч. 9 храмов и два молитвенных дома. Как минимум семь приходов было основано в XVIII–XIX вв., два – в советское и постсоветское время. Деятельность семи приходов возобновилась в период с 1993 по 2013 гг., причём этот процесс наиболее активно шёл в 2002–2013 гг. Получается, что прерванная православная традиция постепенно возрождается. Правда, пока далеко не в тех масштабах, которые были раньше, особенно в конце XIX – начале XX в. В четырёх приходах богослужения ведутся в старых храмах, в которых с разной интенсивностью идут ремонтно-восстановительные работы (они почти завершены только в приходах с. Никольское и с. Три Озера).

В одном из них (с. Куралово) вместо разобранной в 1955 г. деревянной церкви с 2013 г. строится новая, на другом месте. В приходах

храмов Казанской иконы Божией Матери (с. Бураково) и Покрова Пресвятой Богородицы (с. Кузнечиха) культовые здания соответственно 1851 и 1878 гг. постройки[1] не используются и разрушаются [7, с. 339, 340–341]. Вместо них службы проводятся в молитвенных домах.

Отдельно следует сказать о приходе, к которому относятся два молитвенных дома – оба Свято-Троицкие (в г. Болгар и п. Ржавец). Первый заработал в 2000 г., второй – примерно в 1956 г. или чуть позже. Данный приход фактически является преемником прихода Троицкой церкви с. Ново-Мордово, которое в первой половине 1950-х гг. попало в зону затопления Куйбышевской ГЭС. В данном случае мы имеем дело с возобновлением деятельности (в два этапа – со второй половины 1950-х гг. и затем с 2000 г.).

Кроме действующих старых и новых культовых зданий, на территории Спасского района есть шесть заброшенных каменных храмов XVIII – начала XX в.: Троицкий (с. Танкеевка, 1859 г.), Александро-Невский (с. Бугровка, 1895), Казанско-Богородицкий (с. Красная Слобода, 1859 г.), Михаило-Тверской (с. Щербеть, 1761 г.), Воскресенский (с. Гусиха, 1875 г.) и Обновления храма Господня (с. Кузнечиха, 1904 г.) [7, с. 339–344]. Пожалуй, по степени сохранности среди них в лучшую сторону можно выделить церкви в сёлах Танкеевка и Бураково. Пять храмов пустуют, и лишь один – Троицкий, используется как склад для хранения зерна.

История возрождения прихода и спасения Покровской церкви в с. Полянки заслуживает особого внимания. Вообще село, основанное в 1658 г., является одним из старейших на территории Спасского района [3, с. 232]. Первые приход и церковь, вероятно, появились здесь примерно в это время. А позже, в 1778 г., вместо обветшавшего деревянного культового здания построили каменный. Он является четвёртым в районе по возрасту, уступая Успенской церкви (с. Болгары, ныне музей в составе Болгарского музея-заповедника), Михайло-Тверской (с. Щербеть, заброшена) и Христо-Рождественской (с. Три Озера, действует). Сейчас Покровский храм и находящиеся рядом захоронения представителей дворянского рода Лихачёвых признаны культурным объектом регионального значения и охраняются государством.

Вот что рассказал о церкви её настоятель иерей Е. Столбов: «Храм закрыли в 1939 году, в нём устроили машинно-тракторную мастерскую, вся утварь была растащена, фрески почти полностью погибли. Сейчас мы частично отреставрировали здание, оно скоро должно про-

[1] Здесь и далее все даты сооружения (приводится последний год строительства) храмов сверены по: Свод памятников истории и культуры Республики Татарстан. Т. I: Административные районы. Казань, 1999. С. 337–344.

сохнуть (крыша была дырявая, кирпич пропитался влагой), создан приход и с 2002 года проводятся богослужения. Ещё одна серьёзная проблема – из-за создания Куйбышевского водохранилища стал активно обрушиваться берег, поэтому я с прихожанами обратился к властям за помощью в его укреплении (а то до церкви осталось метров 50) – мы ездили в Казань, Москву. В итоге нам выделили федеральные средства в размере 62 млн рублей, и на эти деньги в 2011–2014 гг. берег основательно укрепили. Строители сказали – ещё бы немного, и это сделать было бы нельзя» [8, с. 1]. Так в 2000-е гг. благодаря большим усилиям прихожан и священника при содействии государства оказалось возможным не только воссоздать приход и частично отремонтировать храм, но и спасти последний от верной гибели. Этот случай должен послужить примером действий и партнёрства общества и власти, направленных на сохранение объектов культурного наследия, в т.ч. православного.

Судя по материалам Спасского района и Среднего Поволжья в целом, можно говорить о серьёзном росте в 1990–2010-е гг. количественных показателей РПЦ – приходов, храмов, духовенства и т. д. Конечно, они являются важными маркерами возрождения и оживления христианства на данной территории, но вместе с тем сейчас на первый план выходит задача духовного наполнения православной жизни. Необходимо учитывать, что здесь существует зависимость от социально-экономического положения той или иной местности. Например, тот же Спасский район относится к одним из наиболее депрессивных в РТ. Вопрос – а для кого тогда создавать приходы и восстанавливать или строить церкви, если сельское население стремительно убывает, а многие действующие храмы посещают преимущественно люди пожилого возраста? Но нельзя забывать о большой роли, которую здесь играет и активность служителей РПЦ.

Библиографический список

1. История архива [Электронный ресурс]. URL: http://www.ogugauo.ru/istoriya-arkhiva.

2. *Косенкова Н. А.* Принципы сохранения и преемственного развития православной архитектурно-градостроительной традиции региона (на примере Самарского Поволжья): дис. … канд. архитектуры. Самара, 2003.

3. *Насыров Р. Г.* Сельское расселение Западного Закамья во второй половине XVI – начале XVIII в.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2005.

4. О храме. Возрождение Воскресенско-Германовского собора [Электронный ресурс]. URL: http://german73.cerkov.ru/main-page/.

5. Православие в Татарстане. Монастыри, храмы и часовни. Статистика храмов [Электронный ресурс]. URL: http://tatmitropolia.ru/temples/.

6. *Рощектаев А. В.* Путеводитель по святыням Казанской епархии. Петропаловский собор [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/r/roshektaew_a_w/putevoditel.shtml.

7. Свод памятников истории и культуры Республики Татарстан. Т. I: Административные районы. Казань, 1999.

8. *Столбов Е. С.* Воспоминания / записал Е. А. Бурдин 06.11.2017 г. в с. Полянки (Спасский р-н РТ).

9. *Фахрутдинова И. А.* Архитектура сельского православного прихода Казанской епархии середины XIX – начала XX века: дис. … канд. арх. наук. Казань, 2000.

УДК 908

М. Ю. Горожанина,
доцент, Кубанский государственный университет (Краснодар)

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО КУБАНИ В 1920-е ГОДЫ

В статье освещается процесс становления взаимоотношений между РПЦ и советской властью. Особое внимание отводится выделению причин сильных позиций обновленчества на Кубани. В исследование показаны также последствия тесных контактов духовенства с советской властью, обозначены изменения в конфессиональной политике в конце двадцатых годов XX века.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, советская власть, взаимоотношение, обновленчество, Кубанская епархия, казачество, церковная жизнь

M. Yu. Gorozhanina,
Associate Professor, Kuban State University

THE SOVIET GOVERNMENT AND THE ORTHODOX CLERGY OF KUBAN IN THE 1920S

The article highlights the process of formation of relations between the Russian Orthodox Church and the Soviet government. Particular attention is paid to highlighting the reasons for the strong position of renovationism in the Kuban. The study also shows the consequences of close contacts between the clergy and the Soviet authorities, outlines changes in confessional policy in the late twenties of the twentieth century.

Keywords: Russian Orthodox Church, Soviet power, relationship, renovationism, Kuban Diocese, cossacks, church life

© Горожанина М. Ю., 2022

В современных реалиях сращивания РПЦ с российской властью, превращением православия в рупор существующего политического режима особенно значимо рассмотрение взаимоотношений Церкви и государства в первое десятилетие Советской власти. Сегодня как некогда актуально не допущение торжества возрождающегося обновленчества, угрожающего не только единству РПЦ, но и духовности всего российского общества.

Наступление второго десятилетия XX века ознаменовалось установлением Советской власти на Кубани. К этому времени кубанское общество было представлено различными социальными группами, среди которых доминировало не казачье, а иногороднее население. Не было социального единства и среди православного духовенства, внутри которого выделялось как консервативное крыло (в основном представленное военным духовенством и священниками черноморских станиц) так и либеральное, радеющее за обновление церковной жизни. Именно последнее стало основой обновленческого движения. Невзирая на консерватизм кубанского населения, его приверженность к православию, именно в этом регионе обновленчество имело наиболее крепкие позиции. По нашему мнению, причинами этого стали следующие факторы:

– Резкое сокращение в годы гражданской войны коренного казачьего населения, замещение его выходцами из других регионов подрывало духовное единство кубанского общества, ослабляло позиции православия.

– Неоднородность политических предпочтений жителей Кубани. Наличие как сугубо казачьих территорий, поддерживающих старый монархический режим, так районов особо сочувствующих большевикам. Как известно, одним из крупных центров эсдеков и эсеров был Армавир, население которого принимало активное участие во всех революционных выступления, начиная с 1905 г. Не удивительно, что именно здесь обновленцы будут именно особенно крепкие позиции.

– Превращение Кубани в годы гражданской войны в один из форпостов старого режима способствовало появлению здесь не только сомнительных личностей, но и лиц, стремившихся выжить любой ценой. В то время, как другие регионы медленно восстанавливались от духовных потрясений, Кубани предстояло их еще пережить. Подобно разрушительному цунами, духовный кризис, зародившейся в центре Российской империи особой силы достиг на ее окраинах.

– Сильная зависимость православного духовенства Кубани от казачьего войска негативно отражалась на духовной жизни. В то время как почти во всех российских монастырях имелись свои святые, вышедших из этих обителей, на Кубани таковых не было. Монастыри

здесь были не столько духовными центрами сколько центрами социальной помощи и поддержки.

– В отличие от других регионов России, Кубанская епархия была создана только в 1919 г., и походила на новорожденного младенца, нуждающегося в помощи и опеки. Не имея материального достатка, епархиальное управление, с целью сохранения епархии, легко шло на сотрудничество с советской властью, тем более, что первоначально она стремилась расположить к себе лояльное духовенство.

Рассматривая истоки обновленчества, не следует сбрасывать со счетов и тот факт, что на Северном Кавказе его поддержали особо образованные священники, активно занимающиеся при старом режиме миссионерством. По нашему мнению, это явилось следствием тесных контактов духовенства с государственной властью и обмирщением Церкви. К сожалению, для ряда священнослужителей главным стало не служение Богу, а угождение власть имущим, с целью сохранения личного благополучия, хотя среди обновленцев, конечно были и те, кто неверно понял происходящее и примкнул по ошибке.

Именно к таким, по нашему мнению, относился епископ Кубанский и Черноморский Иоанн. Его первый контакт с советской властью приходится на 1921 г., и связан с поддержкой идеи сбора средств голодающим Поволжья. В ответ советское правительство призывало «не чинить препятствий священникам в деле оказания помощи голодающим». Действительно, на Кубани, в отличие от центральных губерний России, изъятие церковных ценностей в общей своей массе проходило в рамках соблюдения строгих инструкций, присланных вышестоящими органами власти. Особо обращалось внимание на недопущение недовольства верующих данной кампанией. Все изъятое имущество находилось под строгим контролем. Во многом такой подход препятствовал массовым протестам, а в некоторых случаях даже способствовал поддержке кампании со стороны верующих. Так в одном из докладов товарища Шевченко на заседании Пленума Кубчеробласткома РКП(б) особо подчеркивалось: «Были случаи, когда граждане сами приносили церковные ценности без давления с нашей стороны. Сегодня были представители церковного совета из Краснодарского отдела из станиц Динской, Платнировской, Пластуновской. Они сами спрашивали, когда будет проведено изъятие» [10, л. 7].

Вместе с тем, была и иная реакция. Жители ст-цы Славянской изначально приняли решение просить органы Советской власти не изымать ценности в их церквях, так как они и без того бедные. Правда, потом сами предложили свою помощь. Примечательно, что представители Советской власти, проводя расследование по данному вопросу, подчер-

кивали полное равнодушие духовенства ст-цы Славянской к нуждам голодающих Поволжья, что было недопустимо [11, л. 23].

Нередко новая власть шла навстречу верующим и удовлетворяла их просьбу о замене того или иного церковного предмета денежным взносом. Так, приходской совет Александро-Невского собора ходатайствовал об оставлении серебряной ризы Владимирской иконы Божией Матери и получил разрешение внести взамен 10 фунтов серебра [7, с. 475].

Как показало время, сотрудничество с властью не спасало духовенство от будущих репрессий. Сбор средств был для советских и партийных работников лишь предлогом начала открытой борьбы с тихоновцами. Все духовенство, проходившее ранее по войсковому ведомству либо относящееся к казачьему сословию, бралось на особый контроль, также особым отделом Кубчека отслеживалась деятельность бывших служителей церковного клира, решивших порвать с «темным прошлым».

Изъятие церковных ценностей по Кубанской области и Черноморской губернии было завершено к 22 июля 1922 г. Всего было собрано 136 пуд. 1 фунт 40 золотников серебра и 4 фунта 65 золотников 55 долей золота. В пересчете на современную меру веса это составляет 383,5 кг серебра и около 70 г золота. Кроме того было принято серебряных денег на сумму 408 р. 83 к. и медных монет на сумму 20 р. 69 к. [3, л. 177]. Для богатых кубанских храмов это небольшая цифра. Причина такого резкого обеднения православных приходов Кубани требует особого рассмотрения. По нашему мнению, не последнюю роль сыграл огромный приток беженцев в годы гражданской войны, тем более что документы часто сообщали о грабежах храмов как белыми, так и красными.

Разочарованные в результатах проведенной кампании по изъятию ценностей, коммунисты стали искать виновных. Еще в 1921 г. появилось особое распоряжение, приказывающее любое сопротивление изъятию ценностей рассматривать как сочувствие контрреволюционным элементам. Основной же причиной притеснения тихоновцев было стремление ослабить позиции РПЦ, подчинить ее новой власти. Проводя политику «разделяй» и «властвуй» советская власть усиливала агитационно-пропагандистскую работу. Ужев 1921 г. на Кубани появляются первые антирелигиозные общества, местные власти спешат донести: с религией покончено, всюду попы побеждены [2, л. 62].

В этом же 1921 году всем кубанским отделам было предписано провести разъяснительную работу с населением, особо обратить внимание на молодежь и осветить отношение коммунистов к церковным праздникам. В первый день Пасхи устроить воскресник и провести те-

атральные представления антирелигиозного характера [8, с. 27]. Особенно делался акцент на противопоставление советских праздников и традиций православным. Данная методика вскоре стала давать положительные результаты, постепенно крестные ходы были вытеснены различного рода демонстрациями, только теперь народ вместо икон и христианских знамен нес портреты лидеров советского государства и флаги советской России. Популярные на Кубани церковные праздники повсеместно заменялись советскими.

Понимая опасность ущемления чувств верующих, новая власть внедряла свои традиции постепенно. Противопоставляя старое и новое поколения, она основную ставку делала на молодежь. Уже в 1923 г. в Краснодаре состоялось комсомольское празднование Рождества, которое, по сути, вылилось в антиправославную пропаганду. Именно молодежь в лице кубанских комсомольцев принимала самое активное участие как в снятии церковных колоколов, так и в изъятии церковной собственности.

Советская власть таким образом постепенно вытесняла Церковь из жизни кубанского общества. Церковные службы еще не были запрещены, но были взяты под строгий контроль. Так, особым указом предписывалось в 1923 г.: «Согласно декрету Совнаркома по отделению Церкви от государства вмешательство органов советской власти во внутренние дела Церкви не допустимы и являются нарушением Декрета, но за Советскими органами остается право введения борьбы против Церкви всеми средствами и способами, а именно: а) убеждать верующих во лжи Церкви через прессу, пропаганду, инсценировки, но отнюдь не личным вмешательством во внутренние дела; б) надлежит вести слежку за священниками и в целом за обществом верующих, не ведут ли они открытой или скрытой контрреволюционной пропаганды, не участвуют ли в заговорах» [3, л. 3–4].

Примечательно, что в 1920-е гг. на Кубани еще оставалось немало верующих людей, нередко были они и среди представителей власти. Так, в 1924 г. в госинфсводке по Армавирскому отделу ГПУ сообщалось о 10000 верующих, принимавших участие в праздновании Крещения Господня. Речь шла об освящении воды на реке, после которого верующие окунались в проруби [1, л. 109]. В этом же году в ст-це Ладожской произошел инцидент, который бы в 1933 г. стоил его участникам жизни. Но в данном случае никто не пострадал. Согласно проведенному расследованию 6 января 1924 г. по инициативе Агафьи Давыдовой и Марии Сотниковой группа вдов обратилась к местному священнику с просьбой отслужить панихиду по павшим мужьям (среди погибших были как красные, так и белые). Председатель волисполкома не разрешил провести ее на братской могиле, тогда панихиду, на которой присутствовало

свыше 200 чел., отслужили на могиле расстрелянных белых офицеров. В ходе следствия все опрошенные, в том числе и председатель волисполкома, свидетельствовали о том, что в могиле никого из местных похоронено не было, а панихиду служили там, так как на братской могиле было не разрешено. За отсутствием состава преступления дело было закрыто. Вместе с тем при более внимательном знакомстве с архивными документами бросается в глаза некая недосказанность. Можно предположить, что те, кто проводил расследование, просто вошли в положение и пожалели несчастных вдов павших офицеров.

С каждым новым годом Советской власти наступление на Церковь становилось все заметнее. В 1924 г. в Краснодаре стало действовать «общество безбожников». К 1925 г. подобные организации существовали уже по всей Кубани. Они создавались при клубах, предприятиях, учебных заведениях [9, с. 164]. Кроме борьбы с верой постепенно начинается экономическое давление на церковные приходы, которые стали облагаться огромными налогами и повинностями. Так, клир Александро-Невского собора г. Краснодара обязали оплачивать уборку четырех близлежащих улиц. Кроме этого подняли плату за электричество, теперь ее взимали по высшей ставке, по которой обычно платили рестораны и бары [6, л. 4]. Крайне тяжелым стало материальное положение всего кубанского духовенства, в сложившихся условиях оно было вынуждено существовать исключительно за счет треб, которые резко сократились.

Начав борьбу с тихоновцами, Советская власть стала под любым предлогом устранять неугодных священников. Заметно редели их ряды. С каждым годом увеличивалось число обновленцев. Уже к 1926 г. на Кубани действовало всего 48 тихоновских храмов и 453 обновленческих [5, л. 1]. Примечательно, что новая власть, ослабив позиции РПЦ, безжалостно расправлялась со своими бывшими союзниками. Так, в 1938 г. согласно данным архива Управления ФСБ по Ростовской области по обвинению в антисоветской деятельности был расстрелян протоиерей Ф. И. Делавериди, активно содействовавший развитию обновленчества на Кубани в 1920-х г., по его вине в свое время были арестованы многие кубанские священники, выступившие против обновленчества [12, с. 46].

Таким образом, активное сотрудничество Церкви с властью, превращение ее в соглашающийся во всем и всегда орган, не только негативно отражается на положении самой Церкви, но и подрывает ее авторитет в обществе, ослабляет его духовные основы.

Библиографический список

1. Архивный отдел администрации Армавира. Ф. Р. 45. Оп. 1. Д. 2. Л. 109.

2. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. Р. 102. Оп. 1. Д. 138. Л. 62.

3. ГАКК. Ф. Р. 102. Оп. 1. Д. 287. Л. 177.
4. ГАКК. Ф. Р. 382. Оп. 1. Д. 521. Л. 3–4.
5. ГАКК. Ф. Р. 1519. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
6. ГАКК. Ф. Р. 1700. Оп. 2. Д. 926. Л. 4.
7. Екатеринодар – Краснодар 1793–1993. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1993. С. 475.
8. Отец Максим Топоров. Православная Церковь на Кубани в первые два десятилетия Советской власти // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Армавир – Отрадная, 2019. Вып. 7. С. 26–30.
9. *Ратушняк В. Н.* История Кубани в датах, событиях, фактах. Краснодар, 2008. С. 164.
10. Центр Документации Новейший Истории Краснодарского края (далее ЦДНИКК). Ф. 1 . Оп. 1. Д. 209. Л. 7.
11. ЦДНИКК. Ф. 12500. Оп. 1. Д. 51. Л. 23.
12. *Шадрина А. В.* Репрессии и фальсификация репрессивных дел против православного духовенства в 1937–1938 годах в Ростовской области // Вестник Удмуртского университета. 2018. Т. 28, вып. 1. С. 40–48.

УДК 821.161.1
А. Н. Долгих,
профессор, Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

ПРОБЛЕМА ЦЕРКОВНОГО РАСКОЛА В РОССИИ XVII ВЕКА В РУССКОЙ И СОВЕТСКОЙ РОМАНИСТИКЕ

В данной статье рассматриваются основные российские исторические романы, посвященные истории церковного раскола XVII в., дается характеристика достоверности излагаемого в них материала в рамках достижений современной науки.

Ключевые слова: церковный раскол, Аввакум, Никон, Алексей Михайлович, Православная церковь, исторический роман

A. N. Dolgikh,
Professor, Lipetsk State Pedagogical University
named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky

THE PROBLEM OF THE CHURCH SCHISM IN RUSSIA OF THE XVII CENTURY IN RUSSIAN AND SOVIET NOVELISTICS

This article discusses the main Russian historical novels dedicated to the history of the church schism of the 17th century, and characterizes the reliability of the

© Долгих А. Н., 2022

material presented in them within the framework of the achievements of modern science.

Keywords: church schism, Habakkuk, Nikon, Alexey Mikhailovich, Orthodox Church, historical novel

Стоит прежде всего отметить, что до 1990-х гг. в отечественной историографии одной из явно «забытых» тем стала отечественная история XVII в. До недавнего времени фактически единственной возможностью изучения этого столетия были творения В. О. Ключевского (а также некоторые исторические романы) [2; 3; 9; 10; 18; 19; 20]. Вся эта эпоха рассматривалась лишь как предтеча настоящей имперской истории XVIII столетия, начавшегося грандиозными преобразованиями Петра Великого, 350-летний юбилей со дня рождения которого собирается пышно отметить нынешняя Россия. Именно эйфорический взгляд на Петра и его реформы, развившийся в советское время до необычайных высот (при этом классическим стало изображение этой эпохи в романе А. Н. Толстого «Петр Первый», одном из самых фальсифицированных романов той эпохи) [7; 14; 17], не позволял до недавнего времени пристальнее вглядеться в те победы и поражения, которые имели место на пути модернизации России в XVII столетие. Лишь сегодня можно встретить иные, не заниженные оценки ее в правление первых Романовых, особенно Федора Алексеевича и Софьи Алексеевны, и выдвижение в том или ином виде концепции «петровско-голицынской альтернативы», при этом по многим параметрам, если не по большинству, вариант преобразований второй половиныXVII столетия здесь выглядит более благоприятным для населения России [4; 5].

Единственной темой, «принятой» в советское время применительно к данной эпохе, являлись народные движения, прежде всего, крестьянская война под руководством С. Т. Разина и городские восстания XVII в. [13]. Тогда считалось, что чем их больше (в частности, крестьянских войн), тем лучше. Однако при этом «в загоне» был вопрос о церковном расколеXVII в., вызванным рядом обстоятельств, в том числе и преобразованиями патриарха Никона. Обращать внимание на какие-то нюансы в отношении борьбы направлений в Русской Православной церкви считалось делом ненужным. Отражением этого последнего явления стала и художественная историография раскола, которой посвящена данная статья. Нами выбраны наиболее значительные, на наш взгляд, произведения этого жанра, посвященные данной тематике. При этом мы рассматриваем их не столько с точки зрения филологической, но с позиций исторической науки, в отношении исторической достоверности событий и их соответствии интерпретации их в современной науке [6].

Рассмотрение материала на эту тему здесь стоит начать с единственного еще дореволюционного романа, посвященного данной тематике. Роман этот довольно странен. Сам автор, писатель конца XIX в. Н. П. Машкин, даже называл его «былиной». Действие этого романа – «Царь-колокол, или Антихрист XVII в.», (впервые опубликованный в 1892 г.) – происходит примерно с 1665 по 1671 гг., в царствование Алексея Михайловича. В центре событий романа, наряду с личностями самого царя, ряда бояр, в том числе А. Матвеева, патриарха Никона, неистового раскольника Аввакума и даже упомянутого в конце произведения Степана Разина, а также рядовых людей с их страстями и помыслами, находится сюжет, связанный, с одной стороны, с начавшимся расколом русской церкви (налицо негативное изображение известного борца с никонианством Аввакума) и противостоянием Алексея Михайловича и Никона, закончившееся осуждением последнего на церковном суде 1666–1667 гг. Несмотря на неплохое изображение жизни и быта Москвы, и особенно Немецкой слободы, назвать данный роман достаточно достоверным сложно, потому что, как в типичной старой былине, действие в нем сжато гармошкой, а события, происходившие в разное время, соединены. Особенно неверным нам представляется местоположение и поведение в те годы Аввакума, неплохо известное нам и из научной литературы, и из его «Жития» [11].

Классикой жанра по данным сюжетам является роман писателя-демократа Д. Л. Мордовцева (1830–1905) «Великий раскол» (1878). Автор его рассматривает период середины XVII в. как эпоху масштабного «великого раскола» русского общества, центральное место в котором играет, с одной стороны, реформа Никона (начатая в 1653 г.) и вызванная ею реакция крайне консервативного русского общества, представленного фигурами Аввакума, Мелании, Морозовой и Урусовой, а также поддерживающих их лиц из народа, воспитанных не только на духе, но и на букве российского церковного «закона», и не желавших отступать от него ни на йоту, причем автор, рисуя их героическое поведение, показывает одновременно и их заскорузлость, неприязнь в отношении всего нового, всех элементов «новой культуры». Вместе с тем он же не обращает особого внимания на социальные причины раскола, хотя и указывает на фигуру Степана Разина, правда, рассматриваемого им как своеобразного клеврета Никона, то есть никак не старообрядца. Сам же Никон, согнанный со своего патриаршего престола и осужденный церковными деятелями и светской элитой, отправленный умирать в отдаленный монастырь, не вызывает особых симпатий автора как себялюбец, но представляет из себя великолепный образец борца, не желающего смиряться перед обстоятельствами. К этому произведению вполне применимо известное высказывание А. С. Пушкина из «Маленьких

трагедий»: «Ужасный век, ужасные сердца». Автор рисует бесперспективность репрессий против всех инакомыслящих, к которым постепенно склоняется «тишайший» Алексей Михайлович: проявления жестокости против них вызывают стремление у их последователей идти по их стопам. В этом весь смысл самого названия романа [12; 16].

Довольно традиционен в этом отношении и роман В. А. Бахревского «Никон» (1988). При этом автор рассматривает деятельность своего героя только до середины 1560-х гг., то есть не берет полосу его краха. Обращается внимание на то, что и сам Никон, и его оппоненты, были «ревнителями благочестия», либо входя в кружок духовника монарха Стефана Вонифатьева, либо находясь вне его, указывая на то, что в ту пору беспорядки в церкви были весьма значительны (в частности, «попам разрешалась служба, когда они разом читали всяк свое. Слова понять в таком гаме было невозможно, а молящиеся и не пытались понимать: судачили о своих делах, бродили по церкви. И всем было хорошо, попам и прихожанам»). Этому реформаторскому движению за исправление церкви был не чужд и сам царь Алексей Михайлович, «задавшись, – как пишет автор, – целью построить на русской земле царство, во всем угодное богу, превосходящее святостью Царьград и сам Иерусалим». При этом именно в Никоне царь видел человека неравнодушного, способного заняться и исправлением церкви, и даже государственным управлением (в отличие от других «думцев»: «Алексея Михайловича тоска в Думе разбирала, по умным тосковал. Может, и Никона полюбил за один только огонь в глазах. Поглядишь на него, и сразу видно – живет человек. Иные-то за всю жизнь от дремы и не очнутся»), и с его избранием патриархом «безвременью и безволию в Московском царстве пришел конец» – последнее мнение и царя, и, видимо, автора. В подтверждение этого мнения отмечена, например, активная роль патриарха Никона в весьма ответственном решении власти о присоединении Украины. Что же касается его реформ в церкви, то они в значительной степени поданы как его личное решение [1].

Картину возникновения раскола в церкви дает беллетризированная биография Аввакума (Петрова) советского автора Д. А. Жукова (1972), создатель которой обращал особое внимание на личностные взаимоотношения известных деятелей эпохи – Никона, Арсена Грека, Аввакума, Неронова и др., доходившие часто до взаимной неприязни, приводившей, кроме всего прочего, по мнению автора, и к масштабным идеологическим расхождениям, в том числе и между самими раскольниками. Кстати, во всех этих произведениях практически не был затронут такой важный аспект никоновской реформы как создание определенных условий для грядущей инкорпорации Украины в состав России, как об этом пишут некоторые историки. В жанре исторической миниа-

тюры написан небольшой рассказ В. С. Пикуля «Аввакум в пещи огненной». При несомненном восхищении автором данной исторической фигурой за ее храбрость и верность своим принципам отметим неверную оценку правления «слабоумного», по его мнению, Федора Алексеевича, что не подтверждается историческими источниками [4; 5; 8; 15].

Таким образом, художественная литература восполняет определенный вакуум в знаниях о «великом расколе» XVII в., следы которого до сих пор сохраняются в нашей стране.

Библиографический список

1. *Бахревский В. А.* Никон. Роман. М.: Советский писатель, 1988.
2. *Бахревский В. А.* Свадьбы. Роман. Киев: Дніпро, 1988.
3. *Бахревский В. А.* Тишайший. Роман / послесл. В. Свининникова. М.: Современник, 1992.
4. *Богданов А. П.* В тени Петра Великого. М.: Армада, 1998.
5. *Данилов А. Г.* Альтернативы в истории России: миф или реальность (XIV–XIX вв.). Ростов-на-Дону: Феникс, 2007.
6. *Долгих А. Н.* Роман истории: русская художественная литература о российской истории: учебное пособие. Вып. 1: Допетровская эпоха. Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2020.
7. *Долгих А. Н.* Эпоха Петра I глазами Д. С. Мережковского // Историк – художественная литература и публицистика: тезисы докладов и сообщений научной конференции. Орел, 1991. С. 23–26.
8. *Жуков Д. А.*, *Пушкарев Л. Н.* Русские писатели XVII века / вступ. статья акад. Д. С. Лихачева. М.: Молодая гвардия, 1972.
9. *Злобин С. П.* Степан Разин. Исторический роман: в 2 кн. М.: Художественная литература, 1978.
10. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 3 // Соч.: в 9 т. Т. III. М.: Мысль, 1988.
11. *Машкин Н. П.* Царь-колокол, или антихрист XVII века. М.: Мир книги: литературы, 2010.
12. *Мордовцев Д. Л.* Великий раскол. М.: Вече, 2013.
13. Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век / гл. ред. Н. М. Дружинин. М.: АН СССР, 1955.
14. *Павленко Н. И.* Комментарий к роману «Петр Первый» // Россию поднял на дыбы. Век XVII–XVIII. Т. 1 / сост. Н. И. Павленко. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 428–448.
15. *Пикуль В. С.* Аввакум в пещи огненной // Избранные произведения. Т. XII. М.: Голос, 1996. С. 5–15.
16. *Пушкин А. С.* Скупой рыцарь // Полн. собр. соч.: в 10 т. Изд. 3-е. М.: Наука, 1964. С. 353.
17. *Толстой А. Н.* Петр Первый // Избранные сочинения: в 6 т. Т. 5. М.: Советский писатель, 1952.
18. *Чапыгин А. П.* Гулящие люди. М.: Московский рабочий, 1984.

19. *Чапыгин А. П.* Разин Степан: роман / примеч. В. Акимова. Л.: Лениздат, 1986.

20. *Шукшин В. М.* Я пришел дать вам волю: Роман. М.: Эксмо-пресс, 1999.

УДК 34.08; 348.819.3; 908

А. Е. Коняев,
сотрудник, Ярославская региональная общественная организация
«Ветераны боевых действий»

С БЛАГОДАРНОСТЬЮ ОТ АРХИЕПИСКОПА (Нотариус города Углича Иван Иванович Башилов: подробности карьеры)

В 1898 году началась трудовая биография «нотариуса по городу Угличу Ярославской губернии» Ивана Ивановича Башилова. Его карьера по-своему уникальна: Башилов стал единственным нотариусом региона, за свою работу удостоившимся благодарности от архиепископа Ярославского и Ростовского.

Ключевые слова: Иван Иванович Башилов, нотариус, церковное землевладение, Углич, архиепископ Ионафан (Руднев)

A. E. Konyaev,
Member of the Yaroslavl Regional Public Organization «Veterans of Hostilities»

WITH GRATITUDE FROM THE ARCHBISHOP (Notary of the city of Uglich Ivan Ivanovich Bashilov: career details)

In 1898, the work biography of Ivan Ivanovich Bashilov, «a notary in the city of Uglich, Yaroslavl province», began. His career is unique in its own way: Bashilov became the only notary in the region who received gratitude from the Archbishop of Yaroslavl and Rostov for his work.

Keywords: Ivan Ivanovich Bashilov, notary, church land ownership, Uglich, Archbishop Jonathan (Rudnev)

В «Ярославских губернских ведомостях» за 31 июля 1898 года было напечатано объявление: «Кашинский окружной суд вызывает желающих занять должность младшего нотариуса на имеющуюся вакансию в городе Угличе» [12]. На него-то и откликнулся Иван Иванович Башилов – один из самых ярких деятелей в истории пореформенного нотариата Ярославского края.

К сожалению, не сохранилось его «Дело о службе», так что биографию Ивана Ивановича приходится восстанавливать по крупицам. Из

© Коняев А. Е., 2022

документов Ярославского губернского отдела юстиции видно, что Башилов родился в 1871 году и, похоже, не отличался физическим здоровьем: от воинской службы был «освобождён по болезни» [5, л. 46]. «Памятная книжка Ярославской губернии на 1906 год» сообщает, что по происхождению Иван Иванович «обер-офицерский сын» [10, отд. II, с. 454]. Обычно так именовали детей мелких чиновников, чьи родители вышли из податных сословий, но сумели поступить на госслужбу (не обязательно военную) и сделать карьеру. Там же указано, что будущий угличский нотариус «окончил курс в духовном училище». Губернская «Справочная книга» на 1908 год конкретизирует: «Окончил 1 класс Тверской духовной семинарии» [13, отд. II, с. 38].

Это прямо указывает на скудость доходов родителей Ивана Ивановича. Плата за обучение в семинариях была меньше, чем за «светское» образование аналогичного качества, поэтому многие небогатые разночинцы в то время отдавали своих детей в учебные заведения «ведомства православного исповедания». Прекратить обучение можно было досрочно – если студент получал знания, по его мнению, достаточные для последующей жизни и труда. Башилов, судя по всему, именно так и поступил.

Тогдашнее российское законодательство устанавливало минимальный образовательный ценз для кандидатов на должность нотариуса, так что И. И. Башилов смог стать работником системы нотариата. Доказано, что его родной брат – Николай Иванович Башилов – в первой половине 1890-х гг. недолго трудился нотариусом в городе Кашине Тверской губернии («дело о службе» Николая Ивановича, увы, также не сохранилось). Поскольку в те времена судебные округа не совпадали с границами регионов, то существовал особый Кашинский окружной суд, в ведении которого с 1890 года находились не только 5 уездов Тверской, но и два (пограничных с ней) уезда Ярославской губернии – Мышкинский и Угличский. Одну из двух вакансий «нотариуса по городу Угличу» и занял Иван Иванович Башилов.

Тридцатого октября 1899 года угличский художник Ф. П. Смирнов закончил работу над двумя портретами – местного нотариуса И. И. Башилова и его супруги Елены Александровны, дочери богатого городского купца Пивоварова [8, с. 3, 11]. Столь быстрое вхождение Ивана Ивановича в элиту тогдашнего Углича явно указывает на выдающиеся качества его личности, в т. ч. и профессиональные – что и подтвердит в дальнейшем благодарность от архиепископа Ярославского и Ростовского владыки Ионафана (Руднева).

Любопытно, какое приданое взял И. И. Башилов при заключении брака: тесть выкупил для молодых «дом Ожгихиной и Огняновой» на тогдашней Московской улице (ныне проспект Ленина в Угличе): здесь

до этого нотариус Башилов арендовал помещение под свою контору. Теперь всё здание стало собственностью «госпожи Башиловой». Как земельная владелица, Елена Александровна получила право участия в выборах гласных городской думы, каковое право и «передоверяла» каждые 4 года своему супругу. Впервые Иван Иванович стал одним из угличских гласных по итогам выборов 1902 года и в дальнейшем переизбирался вплоть до революции 1917-го.

О том, кто входил в круг общения молодого угличского нотариуса, многое говорят даже его правоустанавливающие документы на землю. Сохранился, например, «чертёж дачи Угличского уезда пустоши Медведковой» от 18 мая 1901 года [3]. Это был участок земли площадью 165 десятин, находившийся в совместном владении 8 частных лиц и одного казённого ведомства – «Костромско-Ярославского управления государственными имуществами». В те времена подобные «дачи» часто приобретались для получения статуса «землевладельца Угличского уезда» (необходимого, например, для участия в выборах в уездную земскую управу). Цена земли в этих участках была минимальной из-за «общего» (без выделения доли каждого совладельца) характера землевладения, но статус местного собственника всё равно давала.

Так вот – совладельцем пустоши Медведковой, сразу вслед за «угличским нотариусом Иваном Ивановичем Башиловым», в плане указан «ростовский купец Андрей Александрович Титов». Сегодня он известен, прежде всего, как выдающийся ярославский краевед; организатор реставрации Ростовского кремля; собиратель и публикатор древних актов по истории Ростово-Ярославской епархии. Трудами Титова был составлен и издан уникальный библиографический указатель – полный перечень статей неофициальной части «Ярославских епархиальных ведомостей» за первые 30 лет их существования. При посещениях Ростова Великого архиереями РПЦ именно А. А. Титова чаще всего приглашали быть экскурсоводом, знакомившим владык с церковными древностями города. Одним словом, у ростовского «соседа Башилова по даче» были прекрасные и давние отношения с губернскими церковниками.

К таким же отношениям уже вскоре после своего переезда в Углич пришёл и сам Иван Башилов – как местный нотариус.

По подсчётам специалистов, «в начале XIX века церквам Ярославской епархии принадлежало около 26 тыс. десятин земли»; к 1860-м годам это количество выросло в 1,5 раза; «с середины XIX до начала XX в. земельная собственность церквей епархии возросла лишь на 7,5 %, зато монастыри увеличили свои владения почти в 7 раз. Этому способствовали значительные земельные пожертвования частных лиц в их пользу» [6, с. 111, 112].

Процедура перехода недвижимости в церковную собственность была в царской России одной из наиболее сложных и запутанных. Самый незначительный объект (типа деревянного дома или крохотного участка земли) мог стать владением храма или монастыря только после того, как своё «соизволение» на это давал лично император по соответствующему докладу Обер-прокурора Синода. Процедура сопровождалась составлением значительного количества самых разных документов.

По данным знаменитой энциклопедии Брокгауза и Ефрона, к 1890-м годам именно в Угличе наблюдалась, скажем так, наивысшая концентрация храмов и монастырей на душу населения; по этому показателю город обгонял даже старинную «столицу» Ростово-Ярославской епархии Ростов Великий. В Угличе на 9964 жителя приходилось 2 монастыря и 24 храма [14, с. 492]; в Ростове – 5 монастырей и 22 храма на 14342 жителя [11, с. 136].

Иван Иванович Башилов сумел быстро освоить тонкости юридического оформления недвижимости в пользу РПЦ. Сохранившееся в Государственном архиве Тверской области дело «О вводе во владение Угличского Алексеевского монастыря» от ноября 1900 года [1] показывает: городской нотариус Башилов вёл всю процедуру вплоть до самого последнего эпизода – решения Кашинского окружного суда об «укреплении» недвижимости за монастырём. При этом денег с церковников он брал по минимуму: за нотариальное удостоверение подписи под документами монастырского архимандрита Власия и т. п. мелкие процедуры.

О каждом «высочайшем соизволении на укрепление» недвижимости за храмами и монастырями епархии обязательно сообщала официальная часть «Ярославских епархиальных ведомостей». Всего, по данным издания, за период 1898–1901 гг. состоялось 26 таких актов; ровно половина из них (13 решений) касались земель и зданий в Угличе и Угличском уезде. Любопытно, что по городу Ростову Великому и Ростовскому уезду не последовало за 3 года ни одного пожертвования недвижимости в пользу РПЦ; по Ярославлю и его уезду зафиксировано за тот же период 4 случая.

Неудивительно, что уже в 1901 году труды угличского нотариуса И. И. Башилова на пользу Ярославской епархии были замечены её высшим начальством. В официальной части «Епархиальных ведомостей» за 10 июня читаем: «Преподано Архипастырское благословение Его Высокопреосвященства [архиепископа Ярославского и Ростовского Ионафана (Руднева)], с выдачею установленного свидетельства, за заслуги по епархиальному ведомству /…/ от 27 апреля: нотариусу города Углича Ивану Ивановичу Башилову, Елене Александровне Башиловой» [9, с. 347]. Супруга нотариуса тоже не оставалась равнодушной к церковным делам, по тогдашней традиции участвуя в делах благотворительности.

Это был уникальный случай в истории дореволюционного нотариата Ярославской губернии. Больше никто из нотариусов региона подобного поощрения не удостаивался.

Став гласным Угличской городской думы, И. И. Башилов продолжил совмещать нотариальную практику и общественное служение. Сохранился любопытный договор, совершённый Иваном Ивановичем 11 ноября 1914 года [4, л. 39–40]. Угличская городская управа выкупала у дворянки Е. М. Турне участок земли под строительство городской женской гимназии, действуя при этом на основании «журнального постановления» городской думы. То есть, сначала Башилов, как гласный, участвовал в принятии решения об открытии в Угличе гимназии для девочек, а потом, уже как нотариус, оформил в собственность города землю под это учебное заведение.

Занимая в Угличе высокое общественное положение и пользуясь уважением горожан, Иван Иванович не нажил каких-то особенных богатств. В 1917 году у Башилова вышел спор с налоговыми органами [2]. Угличское участковое по подоходному налогу присутствие оценило его годовой доход в 4000 рублей, нотариус же настаивал на сумме, указанной в его «книге сборов» – 1200 рублей. Для 1917 года с его инфляцией – явно немного, даже если соглашаться с мнением налоговиков.

Напоследок скажем, что биография Ивана Ивановича Башилова ещё не дописана. Последние по хронологии документы, касающиеся его личности, недавно обнаруженные нами в Государственном архиве Ярославской области, относятся к 1919-1920 годам. Из них следует, что Иван Иванович при Советской власти трудился народным судьёй 3-го участка Угличского уезда, занимая эту должность с 29 октября 1918 года [7, с. 32]. Для яркого представителя дореволюционной уездной элиты и мужа купчихи-домовладелицы – очень удачный вариант «новой страницы биографии» во времена гражданской войны и «красного террора».

Видимо, не только архиепископ был благодарен И. И. Башилову за труды на пользу церкви и города Углича, но и кое-кто повыше….

Библиографический список

1. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 661. Оп. 2. Д. 314.

2. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 100. Оп. 5. Д. 1826.

3. ГАЯО. Ф. 455. Оп. 2У. Д. 620.

4. ГАЯО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 2396.

5. ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 43.

6. *Ельцова О. Д.* Церковное и монастырское землевладение в Ярославской епархии в середине XVIII – начале XX в. // Путь в науку: сборник научных

работ аспирантов и студентов Исторического факультета / под ред. А. М. Селиванова. Вып. 7. Ярославль: Ярославский государственный университет, 2002. С. 111–112.

7. *Коняев А. Е.* Жизнь замечательных нотариусов. Краткие биографии выдающихся тружеников нотариата Ярославского края пореформенного периода. Ярославль, Рыбинск: Рыбинский дом печати, 2021.

8. *Коняев А. Е., Кистенёва С. В.* История одного портрета. Угличский нотариус Иван Иванович Башилов: подробности биографии: коллективная монография. Ярославль, Рыбинск: Рыбинский дом печати, 2017.

9. О преподании архипастырского благословения // Ярославские епархиальные ведомости. Ч. офиц. 1901. № 23. С. 346–347.

10. Памятная книжка Ярославской губернии на 1906 год. Издание Ярославского губернского статистического комитета / сост. член-секретарь Комитета С. Н. Беллерт. Ярославль: Типография Губернского правления, 1906.

11. Ростов Великий // Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. XXVII. СПб.: Типография АО «Издательское дело, бывшее Брокгауз-Ефрон», 1899. С. 136–138.

12. Служебные перемены // Ярославские губернские ведомости. Ч. офиц. 1898. № 160. С. 1.

13. Справочная книга Ярославской губернии на 1908 год. Издание Ярославского губернского статистического комитета / сост. член-секретарь Комитета А. П. Морозов. Ярославль: Типография Губернского правления, 1908.

14. Углич // Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. XXXIV-А. СПб.: Типография АО «Брокгауз-Ефрон», 1902. С. 492–494.

УДК 94(47).083

В. И. Короневский,
лаборант-исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет

УПОДОБЛЕНИЕ ЧЛЕНОВ ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ ПРАВОСЛАВНЫМ СВЯТЫМ КАК СПОСОБ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ МОНАРХА В ПОЗДНЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (на примере культа св. Евфросинии Полоцкой)

В последние десятилетия своего существования российская монархия, нуждалась в дополнительной легитимации. Статья посвящена попыткам конструирования более благочестивого и близкого народу образа членов императорской семьи при помощи обращения к фигурам почитаемых святых.

Ключевые слова: Евфросиния Полоцкая, православие, Николай II, легитимация

© Короневский В. И., 2022

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-48-04402): "RSF-DFG: Святые и герои: От христианизации к национализму. Символ, Образ, Память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)"

V. I. Koronevsky,
Research laboratory assistant, St. Petersburg State University (SPbU)

IDENTIFICATION OF THE IMPERIAL FAMILY MEMBERS AS ORTHODOX SAINTS AS A WAY TO LEGITIMATE THE POWER OF THE MONARCH IN THE LATER RUSSIAN EMPIRE (on the example of the cult of St. Euphrosyne of Polotsk)

In the last decades of its existence, the Russian monarchy needed additional legitimation. The article is an attempt to construct a more pious and close to the people image of members of the imperial family by referring to the figures of revered saints.

Keywords: Euphrosyne of Polotsk, Orthodoxy, Nicholas II, legitimation

Апелляция к культам почитаемых в народе святых для повышения легитимности власти правителя не являлась чем-то необычным ни для Российской империи, ни для любой другой европейской монархии. В истории России одним из наиболее ярких образцов подобного является, например, сравнение св. Александра Невского с Петром I в годы правления последнего [12, с. 140–141].

Такого рода практики, бывшие востребованными в эпоху расширения и укрепления империи, не могли не обрести еще большей значимости в кризисные для нее времена. При Александре III, вступившем на престол после потрясшего российское общество убийства Александра II народовольцами, значительный размах обретают масштабные религиозно-патриотические мероприятия, призванные сплотить население вокруг православного царя. Крупнейшим из них стало празднование в 1888 г. 900-летия Крещения Руси, ставшее прообразом большинства последующих торжеств, организованных уже при его преемнике. Хотя сам император и не присутствовал на основных торжествах, проходивших в Киеве, сопутствующая мероприятию пропаганда делала акцент на его роли в организации празднования, подобно тому, как роль Владимира подчеркивалась в деле самого Крещения [13, с. 17]. Владимир интерпретировался как «второй Константин» или даже «второй Павел», а Александр III – как его современный аналог, подобный и самому Владимиру, и Константину [13, с. 19]. Сравнение со столь значимыми святыми сообщало дополнительную легитимность фигуре царя, словно подвергая ее еще большей сакрализации.

Подобные параллели еще сильнее проявились в годы правления Николая II, причем на всех уровнях: начиная с коронационных торжеств, где звучали слова о том, что Николай является для России тем же, чем был Давид для народа Израиля [13, с. 98], и заканчивая провинциальной религиозной прессой, где император мог уподобляться особо

почитаемым в той или иной местности святым – например, князю Глебу [3, с. 573].

Новый император нуждался в подобной легитимации в несравненно большей степени, чем некогда его отец. Нерешенные социальные проблемы подрывали его популярность в среде подданных, что стало особенно заметно после 1905 г. Неодобрительным разговорам о царе, который «не дал землю» и «спаивает народ» [8, с. 49, 50, 208], нужно было найти противодействие. К тому же, в эпоху развития периодической печати и повышения уровня публичности власти правящая фамилия должна была заботиться о соответствующем образе не только абстрактной царской власти, но и конкретных представителей династии Романовых. В первую очередь, монархия должна была стать более близкой и понятной народу. Способы изыскивались разные: выходили, например, брошюры, изображающие царя и его семью как скромных тружеников, близких нуждам народа [10, с. 216–217]. Однако главным источником образов, способных сблизить власть и народ, являлась православная вера и православные святые, как правило, жившие во времена воспринимаемой в полуутопическом ключе допетровской Руси.

В годы правления Николая II масштабных празднеств в свою честь удостоилось несколько святых, среди которых наиболее значимыми были Серафим Саровский, Анна Кашинская, патриарх Гермоген и Евфросиния Полоцкая. Последней была посвящена торжественная церемония перенесения ее мощей из Киево-Печерской лавры в Спасо-Евфросиниевский монастырь, вылившаяся во внушительное религиозно-патриотическое мероприятие, не имевшее аналогов в истории Северо-Западных губерний Российской империи.

Следует оговориться, что доминирующей идеей, красной нитью проходившей через всю символику торжества, являлось утверждение «исконно русского и православного» облика Северо-Западного края, однако эту линию, равно как и содержащийся в идеологии мероприятия мощный антикатолический заряд, мы оставим в стороне, поскольку к заявленной теме они не относятся. Нас интересует другой мотив, в масштабах всей Российской империи имеющий даже большую важность, чем русификация Западных окраин. Речь идет о попытке сблизить фигуру императора и членов его семьи с наиболее почитаемой локальной святой, коей в Полоцке, безусловно, являлась св. Евфросиния.

Несмотря на то, что сам Николай II не смог лично присутствовать на церемонии, вместо него в Полоцк прибыла целая группа представителей императорского дома: великий князь Константин Константинович с сыновьями Игорем и Олегом, королева Греции Ольга Константиновна и великая княгиня Елизавета Федоровна. Их роль не ограничивалась формальным присутствием на торжествах. Наоборот, согласно разрабо-

танному плану, они должны были принять активнейшее участие в мероприятии. Так, сам Константин Константинович принимал участие в транспортировке мощей и лично раздавал полоцким кадетам освященные у мощей иконы святой [4, с. 294], а Елизавета Федоровна «всю ночь, не сменяясь, простояла у раки Преподобной, оправляя ее покров и служа крестьянам – подавала им иконки, вату, омоченную елеем из лампады и пр.» [7, с. 190]. Выходившие в то время брошюры акцентировали внимание на набожности, проявленной высочайшими особами, а Елизавета Федоровна и вовсе сравнивалась «с ангелом, с неба спустившимся в Полоцк» [5, с. 63]. Великая княгиня, облаченная в одежды основанной ей Марфо-Мариинской обители и демонстрировавшая искреннее благочестие, вызывала у рядовых участников церемонии интерес и благоговение [4, с. 291]. Сам образ Елизаветы Федоровны прекрасно подходил для участия в церемониях, посвященных святым инокиням, прославившимся при жизни смирением и христианскими добродетелями – именно такой была Евфросиния Полоцкая. Ту же роль играла великая княгиня и в торжествах 1909 г., посвященных Анне Кашинской (интересно, что к 1910 г. было написано немало икон, на которых Анна и Евфросиния изображались вместе [9, с. 81], что наталкивает на мысль о сознательном сближении их образов). При жизни Анна, как и Елизавета Федоровна, лишилась супруга и по этой причине тяжко страдала. Таким образом, выстраивалась своеобразная параллель между благочестивой древнерусской святой Анной Кашинской, вдовой варварски убитого татарами Михаила Ярославича, и благочестивой Елизаветой Федоровной, вдовой убитого революционерами Сергея Александровича. В свою очередь, на Евфросинию Полоцкую великая княгиня походила тем, что так же, как и она, основала женскую обитель. Участие в торжествах Елизаветы Федоровны, которая, безусловно, отличалась искренней набожностью, оказывало благотворное влияние на образ императорской семьи, поскольку через великую княгиню, сходство которой с Евфросинией Полоцкой и Анной Кашинской очевидно подчеркивалось, демонстрировались одновременно и близость династии к народу, и ее подлинно «народное», искреннее благочестие. Местное духовенство активно способствовало распространению этой идеи. Звучали речи о том, как сложно не заметить «черт, сродных с Праведной Евфросинией в ее отдаленных сродницах» – великой княгине Александре Петровне и великой княгине Елизавете Федоровне [6, с. 656]. На наш взгляд, именно Полоцкие и Кашинские торжества 1909–1910 гг. внесли существенный вклад в развитие образа женщин династии Романовых как «ангелов», «инокинь», «милостивых сестер милосердия», который будет активно транслироваться через средства государственной пропаганды уже в годы Первой мировой войны [8, с. 276–277, 379–380].

Самому императору, публичный образ которого все же заметно отличался от образов Александры Федоровны или Елизаветы Федоровны, отводилась двоякая роль. Во-первых, делался акцент на том, что именно благодаря решению Николая II мощи святой наконец-то вернулись в ее родной город [5, с. 2]. Его представляли благодетелем, покровителем святых торжеств, подобно тому, как К. П. Победоносцев представлял Александра III главным покровителем празднеств 1888 г. Во-вторых Николай характеризовался как «потомок» Евфросинии и, отчасти, продолжатель ее дела по укреплению православной веры. Об этом говорилось не только в изданных в 1910 г. брошюрах [11, с. 14], но и в официальных речах, произносимых в кафедральном соборе [6, с. 651]. Образ милостивого и почти «по-отечески» относящегося к своим подданным царя, находящегося, тем не менее, слегка «над» происходящим, дополнялся императорским рескриптом на имя Киевского митрополита Флавиана (Городецкого) и телеграммой на имя Полоцкого епископа Серафима (Мещерякова), в которых Николай, «радуясь вместе со всеми», выражал свое благоговение перед святыней и удовлетворение происходящим [2, с. 192; 1, с. 173].

Рассмотренный нами случай с Евфросинией Полоцкой является всего лишь одним из эпизодов имевшего место в конце XIX – начале XX вв. конструирования приемлемого образа императорской власти. Наиболее характерные черты этого образа – благочестие и «народность», обращенные в прошлое, во времена святой допетровской Руси – удобнее всего было культивировать именно при помощи апелляции к фигурам почитаемых в народе православных святых.

Библиографический список

1. Высочайшая телеграмма // Полоцкие епархиальные ведомости. 1910. № 19. С. 173.

2. Высочайший рескрипт, данный на имя Преосвященного Митрополита Киевского Флавиана // Полоцкие епархиальные ведомости. 1910. № 22. С. 191–192.

3. *Дамиан, архимандрит.* Не в силе Бог, а в правде // Смоленские епархиальные ведомости. 1915. № 17. С. 570–575.

4. Дневник великого князя Константина Константиновича. 1909–1910 гг. / под ред. Т. А. Лобашковой. М., 2015. 560 с.

5. *Довгялло Д. И.* Перенесение св. мощей преп. Евфросинии из Киева в Полотск. Подробное описание церковно-народных торжеств по пути следования св. мощей с изображением преподобной Евфросинии и многими рисунками. Вильна, 1910. 80 с.

6. *Евграф (Овсянников), протоиерей.* Слово в день Священного Коронования Их Императорских Величеств // Полоцкие епархиальные ведомости. 1910. № 28. С. 651–661.

7. *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия, излож. по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994. 678 с.

8. *Колоницкий Б.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. 664 с.

9. *Мыслівец Г. М.* Традыцыя шанавання Еўфрасінні Полацкай: генезіс, развіццё, сучаснасць: дыс. … канд. гіст. навук. Мінск, 2015. 160 с.

10. *Подболотов С.* Царь и народ: популистский национализм императора Николая II // Ab Imperio. 2003. № 3. С. 199–223.

11. Торжественное перенесение святых мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой из Киева в Полоцк (19 апреля – 22 мая 1910 года). Киев, 1913. 69 с.

12. *Шенк Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти. М., 2007. 592 с.

13. *Strickland J.* The Making of Holy Russia: The Ortodox Church and Russian Nationalism Before the Revolution. Jordanville, New York. 2013. 305 p.

УДК 94:352:281.93

В. Л. Кукушкин,
доцент, Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н. В. Верещагина

И. А. Кукушкина,
преподаватель, Вологодский областной медицинский колледж

ЗЕМСКОЕ СЛУЖЕНИЕ ВОЛОГОДСКОГО СВЯЩЕННИКА А. В. БЕЛЯНОВСКОГО

В статье описывается участие священника Русской Православной Церкви А. В. Беляновского в деятельности земского самоуправления Вологодской губернии в 1868–1911 гг.

Ключевые слова: Местное самоуправление, земство, земская медицина, земское образование, православная церковь, православное духовенство

© Кукушкин В. Л., Кукушкина И. А., 2022

V. L. Kukushkin,
Associate professor, Vologda State Dairy Farming Academy
named by N. V. Vereshchagin

I. A. Kukushkina
Teacher, Vologda Regional Medical College

THE SERVICE OF THE PRIEST A. V. BELYANOVSKY IN THE VOLOGDA ZEMSTVO

The article considers the activities of the priest of the Russian Orthodox Church A. V. Belyanovsky. He served in the system of zemstvo municipal administration of Vologda Guberniya in 1868–1911.

Keywords: Local self-government, zemstvo, zemstvo medicine, zemstvo education, Orthodox Church, Orthodox clergy

Для российского общества на современном этапе исторического развития особое значение имеет поиск эффективных форм взаимодействия населения с системой местного самоуправления и муниципальными учреждениями [4, с. 62]. В деятельности по решению вопросов местного значения могут участвовать все категории населения муниципального образования, в том числе – представители духовенства. Тем не менее, роль служителей церкви в местном самоуправлении в настоящее время все еще недостаточно определена. В условиях же распространения коронавирусной инфекции на местах требуется объединение усилий всех групп населения в борьбе с эпидемией. В этом смысле представляется полезным изучение и обобщение опыта участия представителей провинциального духовенства во всесословной системе земского самоуправления, существовавшей в России во второй половине XIX – начале XX века. Судьба вологодского священника Афанасия Вениаминовича Беляновского, свыше 40 лет тесно связанная с деятельностью Вологодского земства, является незаурядным образцом такого участия.

Афанасий Вениаминович Беляновский родился предположительно около 1843 г. Он появился на свет и воспитывался в многодетной семье дьякона Введенской кладбищенской церкви в городе Вологде. С 1862 г. после окончания Вологодской духовной семинарии отец Афанасий был назначен священником Иоанно-Богословской церкви в городе Великом Устюге, затем с 10 марта 1868 г. – Спасской церкви города Лальска Устюжского уезда Вологодской губернии. 10 мая 1868 г. по решению Вологодского епископа Павла А. В. Беляновский был переведен в Вологду и стал священником Петропавловской церкви на Московской улице на территории бывшей Новинковской слободы. Здесь он уже служил непрерывно до своей смерти в 1911 г. [1; 12, с. 128–129].

Приход храма Петра и Павла не отличался многолюдностью, поэтому на отца Афанасия была возложена дополнительная миссия – исполнять требы больных и персонала в находящейся рядом с церковью губернской земской больнице. Больничная служба священника не представляется простой. В любое время дня и ночи, невзирая на погоду и настроение, он должен являться к больным людям, чтобы исповедовать, причастить их, благословить на лечение служителей больницы, найти важные слова утешения и надежды для всех страждущих [2, с. 134]. При этом сама атмосфера больницы, переполненная человеческими страданиями, не располагает к оптимистичному восприятию жизни, угнетающе воздействует на сознание [10, с. 132]. Тем не менее, отец Афанасий в этих условиях, самоотверженно следуя своему пастырскому предназначению, сумел заслужить уважение и любовь пациентов, врачей и персонала больницы. Он мог лечить словом утешения любого. Директор народных училищ В. А. Флеров, вспоминал, как он, убитый горем после смерти сына в больнице, сам на себе испытал целительную силу слов отца Афанасия, которые ободрили его и возвратили к деятельной жизни [9; 13, с. 487].

Наряду с этим, служба священника в больнице была сопряжена с опасностью смертельной болезни. Обычные приходские священники города Вологды, как правило, могли заболеть во время эпидемий, содействуя работе участковых подкомиссий по сбору сведений о заразившихся прихожанах для последующего оказания им медицинской помощи [6, с. 99]. Священник земской больницы рисковал значительно больше. По долгу службы он должен был регулярно посещать заразно-эпидемиологическое отделение больницы. Здоровье всерьез подвело А. В. Беляновского только однажды, во время войны 1877–1878 гг., когда вместе с пленными турками в Вологду попали возбудители сыпного тифа. Организм священника справился с этим недугом. Афанасий Вениаминович с новой энергией продолжил свою деятельность [2, с. 134; 9]. Старший врач губернской земской больницы Ф. Ф. Ульрих отмечал, что отец Афанасий проявлял трогательную заботу об устройстве детей, оставшихся сиротами после смерти от заразных болезней их родителей, работавших в больнице фельдшерами, сиделками и сторожами [12, с. 131].

В 1872 г. для подготовки медицинских кадров среднего звена при Вологодской губернской земской больнице открылась фельдшерская школа [5, с. 148]. Перед отцом Афанасием появились новые перспективы проявить себя уже в качестве преподавателя. Судя по отчетам Вологодского губернского земства за 1907–1909 гг., учебная нагрузка А. В. Беляновского в фельдшерской школе была весьма умеренной и составляла 5 часов в неделю. При этом 1 час в неделю на первом курсе

он преподавал будущим фельдшерам Закон Божий и 4 часа – Латинский язык. Общая годовая нагрузка варьировалась в пределах 136 140 часов (23 часа Закона Божия и 113–117 часов Латинского языка) [3, с. 53–54; 7, с. 140–142]. Очевидно, ограниченность количества часов, отпущенных на преподавание в фельдшерской школе, и интерес к профессии учителя подтолкнули отца Афанасия к поиску дополнительных занятий в других учебных заведениях города. Так, в Памятной книжке Вологодской губернии за 1893 г. он упоминается в качестве учителя Закона Божия Четвертого приходского мужского училища [8, с. 35].

Активная общественная деятельность А. В. Беляновского была высоко оценена руководством Вологодского губернского земства. В 1893 г. в связи с 25-летним юбилеем службы в Вологодской губернской земской больнице отцу Афанасию преподнесли золотой украшенный драгоценными камнями наперсный крест и вручили Благодарственный адрес [12, с. 128]. На 35-летний юбилей службы в 1903 г. А. В. Беляновскому Вологодское губернское земство вновь выразило благодарность, повысило жалование на 150 рублей в год, преподнесло в дар икону – копию образа Спасителя из Спасовсеградского собора Вологды и ходатайствовало перед епархиальным руководством о присвоении отцу Афанасию сана протоиерея. На основании ходатайства губернского земства А. В. Беляновский был рукоположен в сан протоиерея 16 мая 1903 г. [13, с. 482–483].

Когда человеку исполняется 60 лет, наступает время подведения итогов его жизненного пути. К этому времени у Афанасия Вениаминовича и его супруги Екатерины Андреевны выросли дети, в профессиональном призвании которых показательно проявились лучшие способности их отца. Сын стал врачом, а дочь – учительницей [11, с. 42; 13, с. 486–487]. Высоких чинов и состояний отец Афанасий не заслужил, так как чертой его характера была редкая прямолинейность, из-за которой он неоднократно страдал [9]. Причины своего продолжительного труда в качестве священника земской больницы сам же А. В. Беляновский объяснял так: «Можно ли отказать этим страдальцам в слове утешения и ободрения к терпеливому перенесению страданий и к спокойному переходу в загробную вечность? Нет, невозможно. Эти страдальцы ждут помощи, ждут слова утешения и ободрения, ждут участия и настолько сильно, глубоко, искренно чувствуют сочувствие к себе, что нередко благодарность свою за это выражают слезами благодарности. Вот источник силы и энергии, источник усердной и плодотворной моей деятельности» [13, с. 485]. Сострадание к пациентам, желание облегчить их мучения побудили его продолжать службу в больнице до последнего дня. 17 января 1911 г. в больницу поступил больной с тяжелой формой натуральной оспы. Отец Афанасий, испове-

довав и причастив его, сам заразился этой опасной болезнью. Умер священник 13 марта. В память о нем отчет Вологодской губернской земской больницы за 1911 г. предварялся некрологом [9].

Богослужебная и преподавательская деятельность Афанасия Вениаминовича Беляновского во второй половине XIX – начале XX века весьма органично вписывалась в функционирование вологодских земских учреждений здравоохранения. За службу он получал от земства жалование, имел возможность совмещать обязанности приходского священника с режимом работы земского служащего. В связи с работой в земской больнице и педагогическим трудом он был более широко известен в Вологде по сравнению с пастырской деятельностью в качестве приходского священника. Именно роль отца Афанасия Беляновского в решении вопросов местной жизни получила наибольшее признание и освещение в региональных информационных изданиях, а также в периодической печати. В этой связи протоиерей А. В. Беляновский представляется человеком хорошо образованным, интеллигентным, обладающим активной жизненной позицией. На протяжении многих лет он пользовался авторитетом в коллективе врачей губернской земской больницы и в команде служащих Вологодского земства. Личность А. В. Беляновского привлекательна тем, что в ней в большей степени преобладало кредо светского общественного деятеля над церковным, однако это обстоятельство в тех исторических условиях не препятствовало Афанасию Вениаминовичу успешно сочетать в своей деятельности оба этих начала.

Учреждения, в которых служил отец Афанасий, проявили удивительную жизнестойкость. Губернская земская больница и сегодня функционирует на том же месте, что и в начале XX века, но уже в качестве городской поликлиники № 1 на Советском проспекте. Фельдшерская школа, помещавшаяся в небольшом здании во дворе земской больницы, трансформировалась в Вологодский областной медицинский колледж, располагающийся во вместительном учебном корпусе на улице Герцена. Церковь Петра и Павла уцелела буквально чудом. Стараниями городских властей и общественных благотворителей она была восстановлена из руин, и сегодня, являясь прекрасным украшением города, хранит память о своем выдающемся настоятеле – Афанасии Вениаминовиче Беляновском.

Библиографический список

1. Беляновский Афанасий // Православные приходы и монастыри Севера. URL: http://parishes.mrezha.ru/clergyL.php?id=4228 (дата обращения: 25.12.2021).

2. Благодарственный адрес от Вологодского губернского земства о. Афанасию Беляновскому // Прибавление к Вологодским епархиальным ведомостям. 1893. № 11. С. 134–135.

3. Годовой отчет по Фельдшерской школе Вологодского губернского земства за 1908–1909 учебный год // Краткий медико-хозяйственный отчет по лечебным учреждениям Вологодского губернского земства за 1908 год: по общей соматической, глазной и психиатрической Кувшиновской больницам. Вологда: типография И. И. Соколова, 1909. С. 133–144.

4. *Ковров Э. Л., Кукушкин В. Л., Ухов А. Е.* Местное самоуправление в России как основа демократии: проблемы правовой теории и практики // История и современность. 2020. № 1 (35). С. 45–65.

5. *Кукушкина И. А., Кукушкин В. Л.* История Вологодского медицинского училища в XIX–XXI вв. // XX век в истории России: актуальные проблемы. V Международная научно-практическая конференция: сборник статей / МНИЦ ПГСХА. Пенза: РИО ПГСХА, 2009. С. 148–151.

6. *Кукушкина И. А., Кукушкин В. Л.* Организация взаимодействия органов власти и населения по санитарному благоустройству города Вологды в 1870–1890-х годах // Проблемы демографии, медицины и здоровья населения России: история и современность: сборник статей VII Международной научно-практической конференции / МНИЦ ПГСХА. Пенза: РИО ПГСХА, 2009. С. 97–100.

7. Отчет по Фельдшерской школе Вологодского губернского земства за 1907 – 1908 учебный год // Краткий медико-хозяйственный отчет по лечебным учреждениям Вологодского губернского земства за 1907 год: по общей соматической, глазной и психиатрической Кувшиновской больницам. Вологда: Типография Знаменского и Цветова, 1909. С. 45–57.

8. Памятная книжка Вологодской губернии на 1893–1894 гг.: издание Губернского статистического комитета. Вологда: Типография Вологодского губернского правления, 1893.

9. Протоиерей А. В. Беляновский: некролог // Медико-хозяйственные отчеты по лечебным учреждениям Вологодского губернского земства за время с 1 января 1911 года по 1 января 1912 года. Вологда: Типография Н-ков Гудкова-Белякова, 1912. С. 1.

10. Речь священника Иоанно-Предтеченской церкви Владимира Смирнова в день празднования 25-летия служения при земской больнице о. Афанасия В. Беляновского // Прибавление к Вологодским епархиальным ведомостям. 1893. № 11. С. 132–134.

11. Список лиц, служащих в духовно-учебных заведениях Вологодской епархии в начале 1906–1907 учебного года // Вологодские епархиальные ведомости. 1907. № 3. С. 39–42.

12. Чествование настоятеля Вологодской градской Петропавловской церкви священнка А. В. Беляновского по поводу исполнившегося 25-летия служения его при Вологодской губернской земской больнице // Прибавление к Вологодским епархиальным ведомостям. 1893. № 11. С. 128–131.

13. Чествование настоятеля градской Петропавловской церкви отца А. В. Беляновского по поводу исполнившегося 35-летия служения его при Вологодской губернской земской больнице // Прибавление к Вологодским епархиальным ведомостям. 1903. № 17. С. 482–487.

УДК 271.2
О. Л. Малышева,
доцент, Казанский научный исследовательский технологический университет

ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ РПЦ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТРЯСЕНИЙ НАЧАЛА XX ВЕКА

Революционные потрясения начала XX века отразились на состоянии Русской Православной Церкви, часть духовенства которой требовала ее модернизации, поддержав Временное правительство. Однако значительная часть духовенства выбрала крестный путь вместе со своей паствой.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Временное правительство, «демократическое духовенство», модернизация РПЦ, епархиальные собрания, репрессии, Новомученическая церковь

O. L. Malysheva,
Associate Professor, Kazan Scientific Research Technological University

RELATIONS BETWEEN THE STATE AND THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE CONDITIONS OF REVOLUTIONARY UPHEAVALS

The revolutionary upheavals of the early twentieth century were reflected in the state of the Russian Orthodox Church, some of whose clergy demanded its modernization, supporting the Provisional Government. However, a significant part of the clergy chose the way of the cross along with their flock.

Keywords: Russian Orthodox Church, Provisional Government, “democratic clergy”, modernization of the Russian Orthodox Church, diocesan meetings, repression, New Martyr Church

Революционные потрясения начала XX века, вздыбив страну, подвергнув коррозии умонастроения всех слоев общества, не оставила в стороне и Русскую Православную Церковь. Митрополит Вениамин (Федченков), отмечая «недуховное состояние России», с горечью констатировал: «Теперь, после потрясений революции, принято у многих хвалить прошлое. Да, было много прекрасного. Но вот беда: мы сами не хотели замечать его… Нужно сознаться, что внешность религиозная у нас продолжала быть еще блестящей, но дух очень ослабел» [1, с. 259].

Элита общества, включая и некоторых представителей великокняжеской семьи, была заражена оккультизмом. Многие представители

© Малышева О. Л., 2022

государственного аппарата и лидеры либеральных политических партий входили в масонские ложи. Не удивительно, что православие изгонялось из высших слоев общества. В этой связи типичным было отношение к православию великого князя Александра Михайловича: «Я завидовал своей теще. Ее слепая вера в истинность каждого слова Писания давала еще нечто более прочное, нежели просто мужество… Разве не повторяла она все время: «На все воля Божья». Ее метод был восхитителен в своей простоте. Хотел бы и я принять его, но тогда пришлось бы принять и все то, что к нему прилагалось. Священников. Соборы. Чудотворные иконы. Официальное христианство с его циничной доктриной о грешности плоти» [2, с. 471]. Особенно активно демонстрировала свои атеистические настроения интеллигенция. Епископ Никон с горечью предрекал: «Чувствуется, что скоро начнутся массовые отхождения от Церкви наших интеллигентов. Уж слишком много в них накопилось своеволия, при величайшем невежестве в вопросах вероучения, при сомнении и гордыни безмерной» [3, с. 12]. Религиозное равнодушие охватило даже слушателей семинарии. Митрополит Вениамин (Федченков) вспоминал: «Большинство из нас учились не для священства, а чтобы получить места преподавателей, иногда – чиновников, и лишь десять процентов шли в пастырство, то есть на пятьдесят–шестьдесят человек курса каких-то пять-шесть» [4, с. 259–260]. Некоторые семинаристы и вовсе пополнили ряды революционного движения. Среди руководителей партии социалистов-революционеров (эсеров) выходы из семинарий составляли 9,4 % (в том числе лидер энесов А. В. Пешехонов), среди руководителей партии большевиков – 3,7 %, кадетов – 1,6 % [5].

На этом фоне все громче раздавались голоса об изменении структуры управления Православной Церковью. Значительная часть священства выступала за созыв Поместного собора. 14 января 1906г. Синод вынес определение о создании Особого Присутствия под председательством митрополита Антония для подготовки собора, задачей которого было избрание Патриарха. Но не только. Предсоборное Присутствие выступало за дистанцирование от государственной власти, ограждение Церкви от политических страстей, раскола и модернистских инициатив. А последние все громче заявляли о себе. В Петербурге был создан Союз (Братство) ревнителей церковного обновления (СРЦО) во главе со священником П. Кремлевским. В «Проекте церковных реформ», принятом СРЦО 19 октября 1905г. вводились положения, которые ничего общего не имели с духовной традицией Православной церкви. Предлагалось:

* превратить каждый приход в некое «свободное братство», которое было бы юридически самостоятельным, а значит абсолютно бесконтрольным по отношению к правящему епископу;

* ввести выборность клириков и епископов;

* монастыри освободить от «бесконтрольного господства настоятелей» и преобразовать их в братства для занятия благотворительностью. Заметим, что только этот пункт программы выхолащивал саму духовную суть монашеской жизни. Другие предложения привели бы к полной дезорганизации церковной жизни.

Февральская революция, открыв шлюзы для революционной стихии, вывела на историческую арену Временное правительство. Заявляя о невмешательстве в церковные дела, Временное правительство сплошь и рядом нарушало провозглашенные им же принципы. Управление РПЦ осуществлялось через обер-прокурора Святейшего Синода, которым стал октябрист князь В. Н. Львов. В первую очередь он взялся очищать РПЦ от «реакционеров», массово увольняя архиереев, не поддержавших переворот. 20 марта 1917 г. Временное правительство издало постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», которое объявляло о равенстве всех религий перед законом. По нему РПЦ лишалась особого статуса, а государственная власть – традиционной идеологической основы. Недовольство членов Синода было потушено уже привычным способом – непокорные были уволены. Среди них были архиепископы Новгородский Арсений (Стадницкий), Литовский свт. Тихон (Белавина), Гродненский Михаил (Ермаков), Нижегородский сщмч. Иоаким (Левицкий) и другие. Протест членов Синода не возымел действия.

20 июня 1917 г. Временное правительство приняло постановление об объединении учебных заведений разных ведомств в ведомстве Министерства народного просвещения. Это был еще один тяжелый удар по Православной церкви, которая теряла влияние на народное образование. В светских школах преподавание Закона Божия уже не было обязательным и чаще всего изгонялось из учебного процесса.

14 июля 1917 г. было принято постановление «О свободе совести», которое провозглашало свободу совести и религиозного самоопределения для каждого гражданина, достигшего 14-летнего возраста, отмену правовых ограничений по конфессиональному признаку, свободу перехода из одной конфессии в другую и т. д. В августе пост обер-прокурора был отменен и учреждено Министерство исповеданий во главе с профессором В. А. Карташевым. Но суть конфессиональной политики оставалась прежней. Более того, был взят курс на раскол РПЦ. Еще в марте 1917 г. Временное правительство инициирует создание «Союза демократического духовенства» во главе с обновленцами А. И. Введенским и А. И. Боярским.

Епархиальному начальству рекомендовано было проводить съезды с принятием резолюций в поддержку Временного правительства. Под давлением новой власти постановления о поддержке и готовности содействовать Временному правительству были приняты многими

епархиальными съездами и собраниями духовенства ряда городов. Казань была в том же ряду. 7 марта 1917 года состоялось экстренное собрание «Казанского городского и отдельных представителей сельского духовенства Казанской епархии вместе с корпорациями Казанских духовно-учебных заведений», которое хоть и без энтузиазма признало Временное правительство. Но уже прошедший в мае 1917 года в Казани Экстренный Съезд духовенства Казанской Епархии, принял постановление, в котором приветствовались Временное правительство и «совершившийся, по воле Божией и народной, государственный переворот, выведший на путь свободного самоуправления и широкого развития не только русское государство, но и русскую православную Церковь» [6, с. 238].

Апофеозом стал Всероссийский съезд православного духовенства и мирян 1 июня 1917 г., принявшим декларацию, которая признавала падение монархии закономерным, а «народоправие» объявляла лучшей формой государственного устройства.

Часть духовенства по всей стране с энтузиазмом восприняла ликвидацию самодержавия и выступала за «свободу самоуправления» РПЦ, что предполагало выборность епископата, участие приходских священнослужителей в управлении епархиями, уравнивание в правах белого и черного, монашеского, духовенства; справедливое распределение церковных доходов между членами причта [7]. Такая радикализация настроений была в значительной степени результатом позиции Священного Синода и правящих архиереев. Но не только. Священнослужители стали заложниками массового революционного настроя. Вот как об этом вспоминает княгиня Н. В. Урусова: «Помню, как в церкви хорошо знакомый мне средних лет священник, казавшийся всегда весьма благочестивым и духовным, читал акт об отречении. Церковь была полна, все пришли нарядные и с оживленными лицами. Начиная со священника, все торжествовали, радовались и приветствовали этот приговор России, поздравляя друг друга. Я же горько плакала. Прошел после этого один год. Встречаюсь я с этим батюшкой и он мне говорит: «Знаете, когда я читал акт об отречении Государя, то, увидев Вас плачущей, я поразился и подумал: “Вот странный человек, не только ни отдается общей радости, а еще заливается слезами. Теперь я понял Вас и как заплакал бы вместе с Вами”» [8, с. 17–18]. Отказ от Царя и государственно-монархической идеологии, как и публичное приветствие Временного правительства, привел не только к подрыву авторитета этих священнослужителей, но и спровоцировал рост антирелигиозных настроений. Массовые изгнания клириков, их публичное поношение, осквернение святынь началось именно в условиях Февральского переворота. Газеты и журналы все чаще приводили примеры кощунственных случаев: то

студент прикурил папиросу от лампады в Казанском соборе; то в Почаевской Лавре солдаты, одев ризы священников, идут в пляс; то сектанты срывают православную литургию; то глумление над святыми мощами. Случаи эти росли по геометрической прогрессии. Ответ властей был ожидаемым: «Теперь свобода и каждому можно делать все, что угодно».

И все же Святая Русь еще жила вокруг отдельных, тогда еще многочисленных, пастырей, монастырей. Многие представители РПЦ понимали всю трагичность последствий низвержения монархии, революционного бунта и выбрали крестный путь вместе со своей паствой. Под маховик репрессий попало большинство духовенства. Из 130 архиереев, окормлявших РПЦ до революции, в 1941 г. оставалось на кафедрах всего 4, то есть менее 4 %. В Казани были расстреляны епископы Гурий (Степанов) и Борис (Шипулин). Из 112 тыс. священно- и церковнослужителей к 1941 г. продолжало служить около 2 % от прежнего числа. В ходе гонений на РПЦ в период 1917–1941 гг. было умерщвлено не менее 200 тыс. чел., всего было репрессировано 350 тыс. чел [9]. В ТАССР в 1937 г. было репрессировано 35 % священников, остальные выведены за штат. Из репрессированных тройкой НКВД ТАССР представителей духовенства 75 % были расстреляны [10]. В Казани были закрыты все храмы кроме церкви Ярославских чудотворцев на Арском кладбище. Но и она была передана властями обновленцам.

Эти огромные цифры потерь среди православного духовенства не являются исчерпывающими. Более 1700 новомучеников прославлены Русской Православной Церковью в лике святых мучеников и исповедников, превратив ее в Новомученическую.

Библиографический список

1. Митрополит Вениамин (Федченков). Встречи со святыми. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2000.

2. Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М.: Изд-во Харвест, 2004.

3. Протодиакон Сергий (Голубцов). Московское духовенство в преддверии и начале гонений 1917–1922 гг. М.: Изд-во Правосл. Братства Споручницыгрешных, 2002.

4. Митрополит Вениамин (Федченков). Встречи со святыми. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2000.

5. *Бабкин М.* Духовенство Православной Российской церкви и свержение монархии (начало XX в. – 1918 г.). URL: http://vsevteme.ru/network/1741/2015/03/14/pravoslavnaya-imperiya/svyaschenstvo-i-tsarstvo-m-babkin (дата обращения: 10.11.2021).

6. Известия по Казанской Епархии. 1917. № 17–18 (1–8 мая).

7. *Бабкин М.* Приходское духовенство Российской православной церкви и свержение монархии в 1917 г. URL: 1260.org/mary/text (дата обращения: 12.11.2021).

8. Княгиня Н. В. Урусова. Материнский плач Святой Руси. М.: Изд-во Русский Паломникъ, 2006.

9. Протоиерей Сергий Кударенко. Церковь и репрессивная политика Советского государства в период с 1917 по 1941. URL: http://slovo.odessa.ua/word/17184-cerkov-i-repressivnaya-politika-sovetskogo-gosudarstva-v-period-s-1917-po-1941-gody.html (дата обращения: 12.11.2021).

10. URL: https://yandex.ru/search/?lr=43&clid=9403&oprnd=2096722713&text=К (дата обращения: 15.11.2021).

УДК 908

И. С. Менщиков,
доцент, Курганский государственный университет

СЕЛЬСКОЕ ДУХОВЕНСТВО И КРЕСТЬЯНСКИЙ МИР В ЗАУРАЛЬЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматриваются некоторые аспекты отношений православного сельского духовенства и крестьянской общины-мира в начале XX века в Зауралье. Между этими сословиями не всегда имело место взаимопонимание. Духовенство жаловалось на невежество крестьян, но зависело от них в материальном смысле, а крестьяне считали, что доходы священников высоки.

Ключевые слова: сельское духовенство, крестьянская община, Зауралье, сибирская деревня начала XX века

I. S. Menshchikov,
Associate Professor, Kurgan State University

RURAL CLERGY AND PEASANT COMMUNITY IN THE EARLY XX CENTURY

The article examines some aspects of the relationship between the Orthodox rural clergy and the peasant community-the world in the early twentieth century in the Trans-Urals. There was not always mutual understanding between these estates. The clergy complained about the ignorance of the peasants, but depended on them in the material sense, and the peasants believed that the incomes of the priests were high.

Keywords: rural clergy, peasant community, Trans-Urals, Siberian village of the early 20th century

© Менщиков И. С., 2022

Вопрос о взаимоотношениях сельского духовенства и русской крестьянской общины-мира в начале XX века не является принципиально новым для отечественной исторической науки. В годы советского атеизма выходило немало публикаций, как откровенно популярного характера, так и претендующих на научность, в которых доказывалась глубокая враждебность православного духовенства всем трудящимся, в том числе и крестьянам. Со своей стороны, народ платил «попам» тем же, интуитивно улавливая, что они являются частью класса эксплуататоров. Многочисленные сказки, пословицы, поговорки, частушки свидетельствовали о силе и глубине антиклерикального и антирелигиозного устного творчества народа. Примером такого исследования может служить книга, в которой доцент МГУ С. И. Василенок собрал фольклорные материалы (в большинстве своем созданные, судя по всему, агитпропом) и снабдил большим послесловием, в котором утверждал: «Церковь оправдывала и всячески идеализировала эксплуататорский строй феодального и буржуазного общества с его законами, по которым угнетался народ» [3, с. 272].

В конце XX века, после краха государственного атеизма, сформировался устойчивый интерес к истории православной церкви и её месту в русском обществе накануне революционных потрясений 1917 г., появилось достаточно много работ, посвященных данной проблематике. В числе основных следует назвать книгу Н. А. Бернштам, в которой она исследовала жизнь прихода в XIX – начале XX века и сделала прекрасный историографический обзор по исследуемой проблеме [2]. В последние двадцать лет появилось немало публикаций и диссертационных исследований, в которых затрагивается проблема взаимоотношений сельского духовенства и крестьянства в различных регионах России. Среди прочих хотелось бы отметить монографию Ю. И. Белоноговой [1]. Более подробный обзор литературы дан Б. Н. Мироновым [9].

Положение сельского духовенства как в России, так и в Зауралье в частности было сложным и неоднозначным. Этому способствовал целый ряд факторов. Остановимся на наиболее значимых. Как достаточно убедительно показал в своем исследовании Б. Н. Миронов, белое православное духовенство было к началу XX века замкнутым сословием, лишь очень небольшой процент его пополнялся из других социальных групп. Это создало особую сословную субкультуру, которая закреплялось образованием в семинариях, и это образование находилось в разладе как с понятиями образованных людей, так и с понятиями простого народа [8, с. 105–108]. Б. Н. Миронов характеризует его как «сословие которым все недовольны и которому все ставится в вину – и далекая от идеала жизнь, и замкнутость, и свирепость цензуры» [8, с. 105].

Сельские пастыри хорошо осознавали, что в отношении образованности и умственных качеств они гораздо выше своих прихожан и нередко смотрели на них свысока. Это прекрасно понимали и крестьяне, которые относили духовенство к «господам» и воспринимали его как чужеродный элемент русской деревни. Именно этим можно объяснить тот факт, что во время так называемых картофельных бунтов 1842–1843 гг. в Зауралье именно представители духовенства наряду с представителями сельской администрации стали главным объектом жестокости восставших. Это нельзя объяснить просто классовой ненавистью, поскольку преследованию подвергались и представители низшего уровня причта, которые были нередко беднее крестьян. Более правильно объяснить эту внезапно проявившуюся ненависть отношением к духовенству как к чужим [7]. Эти отношения, базировавшиеся на взаимном непонимании и недоверии, сохранились и в начале XX века. Страницы церковной прессы того времени полны жалобами клириков на невежество, грубость и суеверность крестьян. Как отмечают многие авторы клерикальных изданий, вся вера народная выражается в постах, обрядах и обычаях. Народ любит в религии лишь внешнюю ее сторону. Это и должен иметь в виду священник, обращаясь к прихожанам, пишет корреспондент «Церковного вестника» в разделе «Руководство для сельских пастырей» [10, с. 22]. Письма и заметки такого содержания постоянно встречаются в этой газете. Как справедливо отмечает Ю. И. Белоногова, христианство в его житейском понимании было сложной и многообразной системой представлений и убеждений, которая соединяла в сознании крестьянства традиции и церковное обрядоверие, архаические представления и народную догматику. Отсюда рождалось и постоянное противоречие, с одной стороны, между почитанием храма и праздников, а с другой – пренебрежительным отношением самих крестьян к духовенству, накладывавшийся на достаточно невысокий общий нравственный уровень народа [1, с. 115–116].

Необходимо также учитывать и финансовую, материальную сторону отношений между крестьянством и духовенством. Здесь необходимо отметить, что зажиточное зауральское крестьянство, не знавшее крепостного права, держалось по отношению к сельскому причту независимо, а иногда снисходительно или даже надменно. Весьма показателен и информативен в этой связи дневник Е. Д. Золотова, который был в начале XX века причетником и диаконом в селе Пески Шадринского уезда Пермской губернии. Он пишет: «Ни в каком сословии нет такой зависимости от людей как в положении духовенства и в среде своего прихода» [4, с. 40]. Прежде всего, здание церкви и другие храмовые постройки, а нередко и дом священника строились и содержались на

крестьянские деньги, поэтому прихожане считали, что все это принадлежит им. Ю. И. Белоногова приводит в этой связи слова одного сельского священника: «Каждый может назвать церковь своею, потому что церковь на народные рубли и, больше того, на народные гроши, строена и народом содержится» [1, с. 110]. Хотя причт получал государственное жалование, оно составляло в начале XX века по подсчетам Б. Н. Миронова около 20 % дохода духовенства, а основная часть складывалась из плат за требы (руги) и пожертвований прихожан [9, с. 71–72]. Этот доход не был фиксирован и зависел от воли дающих. Е. Д. Золотов верно подметил, что надо «разделить отношения прихожан к священнику – как служителю Божию при совершении (обрядов) таинств и богослужений, и как вообще к человеку. В первом отношении священник почитается как Ангел Божий, во втором отношении при житейских столкновениях, зависимостью от прихожан в материальном отношении, при постоянном обращении к ним со своими нуждами во время сбора различных продуктов питания самолично престиж священника в высшей степени понижается и отношение к нему бывает другое и прихожане начинают сознавать себя господами положения, теряют к нему уважение, неделикатны, бесцеремонны, в суждениях к нему между собой не стесняются, выражаясь: “без попа как без помойного ведра”… И в силу необходимости духовенству доводится всё переносить» [4, с. 40]. Такое двойственно отношение было характерно для всей России. Корреспондент «Церковных ведомостей» пишет, что крестьяне вполне могут ругаться со священником, не заплатить ему за требу или иным способом обмануть или просто «заиграть на гармошке во время шествия священника с иконами и крестом… все это явления обыденные» [5, с. 99]. Вне церкви, особенно в общественном месте, на железнодорожной станции, крестьяне относятся к духовному лицу запанибрата и начинают заводить разговор с незнакомым священником или псаломщиком в шутливом тоне и, подхватив под руку, обращается с предложением: «А что, отец, не выпить ли по одной» [4, с. 40]. Конечно, некоторые представители духовенства, особенно дьячки и псаломщики, давали повод для такого фамильярного обращения. Так, Павел Ладыжников который служил дьяконом вс. Пески более сорока лет имел весьма строптивый характер, часто выпивал, а пьяном виде«был жесток по отношению к жене и детям, с прихожанами ссорился, но по службе был исполнительный» [4, с. 39]. Крестьяне считали нужным угостить представителей духовенства на Пасху: «их угощали чуть ли не в каждом доме водкой и пивом. Особенно злоупотребляло младшее духовенство» [4, с. 151].

Еще одной сферой, где духовенству приходилось сталкиваться с крестьянской общиной-миром было землепользование. В дореволюци-

онной России сельские священники и младшие служители культа нередко имели участок земли, который в бедных приходах сами и обрабатывали. В зажиточной зауральской деревне к началу XX века давно утвердился так называемый принцип старозаимочности, который состоит в том, что крестьяне считали себя фактическими собственниками земли, хотя формально она принадлежала государству. В Зауралье практически отсутствовали переделы земли, участки фактически находились в собственности крестьян. Некоторая часть земли по обычному праву принадлежала церкви данного прихода и рассматривалась как часть платы духовенству. Часть земель могла находиться в личной собственности священника или арендовалась у местной общины. Так или иначе, землю надо было обрабатывать и собирать урожай. Уборка хлеба у священников в Зауралье, как правило, проводилась посредством помочей. Помочи – это совместный бесплатный труд членов общины в тех случаях, когда требовалось много людской силы или нужно было быстро завершить какую-либо работу. В исследуемом регионе в начале XX века бытовало два вида помочей: очередные и по зову. В первом случае участник помочей по очереди работали друг у друга, например, женщины рубили и квасили капусту. Во втором случае приглашал людей (помочан) помочь в какой-либо работе. Поскольку, как уже отмечалось выше, деньги за помочи не давались, то в качестве платы выступало угощение и выпивка. Именно таким образом убирали урожай у зауральского духовенства. Об этом как о само собой разумеющемся упоминают в своих краеведческих заметках шадринские священники Т. Успенский и П. Кыштымов. Священник села Першинского Шадринского уезда Иван Маркович Флоринский, имея трех батраков, тем не менее, устраивал у себя помочи, обычно по завершению уборки хлеба. Для угощения он не жалел ни вина, ни еды. Как вспоминал его односельчанин Е. Ф. Мальцев, еды и вина было так много, что не один человек упился на них до смерти [6, с. 77]. Е. В. Золотов также пишет, что в начале XX века бывали помочи при уборке хлеба и сена у священников повсеместно. Песковский и першинский священники устраивали помочи, «угощали хорошо водкой, вином, кто сколько мог выпить», а также пряниками, орехами, чаем, хлебом. «Иные допивались до того, что их приходилось развозить по домам на лошади» [4, с. 150]. Вероятно, поэтому съезд пермского духовенства признал недопустимым угощение духовенством своих прихожан на некоторых сельскохозяйственных работах в пользу служителей церкви, например, на помочах [11].

Таким образом, можно видеть, что отношения сельского духовенства с крестьянской общиной-миром носили сложный и разноплановый характер. Хотя формально священники не были членом общины, им приходилось активно взаимодействовать с крестьянами, от которых

во многом зависело материальное благополучие причта. Как отмечал Б. Н. Миронов «доходы духовенства не являлись секретом для крестьян… и они казались им большими или даже чрезмерными. Церковнослужители имели более скромный достаток, но все же выше среднего уровня сельского и городского населения. Поэтому большинству крестьян жалобы духовенства на тяжелое материальное положение казались безосновательными» статья [9, с. 74]. Это обстоятельство также осложняло отношение крестьян и сельского духовенства. К сожалению, рамки данной статьи не позволяют более подробно остановиться на исследуемой проблеме. Возможно, исследование её будет продолжено в других публикациях.

Библиографический список

1. *Белоногова Ю. И.* Приходское духовенство Московской епархии и крестьянский мир в начале XX в. (по материалам Московской епархии). М.: Издательство ПСТГУ, 2010. 176 с.

2. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. СПб.: СПбГУ, 2007. 311 с.

3. *Василенок С. И.* Народ о религии: На материалах русского, украинского и белорусского фольклора. М.: Госполитиздат, 1961. 312 с.

4. *Золотов Е. Д.* Першинская летопись // Фольклор и литература Зауралья: Из истории русской фольклористики. Хрестоматия. Курган: Изд-во Курганского гос. университета, 2005. С. 22–179.

5. *Куппетский М.* Церковно-религиозная жизнь в России // Церковные ведомости. 1898. № 1. С. 99–100.

6. *Менщиков И. С.* Культура Южного Зауралья во второй половине XIX – начале XX века: монография. Курган: Изд-во КГУ, 2006. 156 с.

7. *Менщиков И. С., Павлуцких Т. Г.* Сельское духовенство и картофельные бунты в Зауралье в 1842–1843 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2, История. История Русской Православной Церкви. 2020. № 92. С. 75–92.

8. *Миронов Б. Н.*Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб.: Дмитрий Булавин, 2000. Т. 2. 548 с.

9. *Миронов Б. Н.* Жизненный уровень российского приходского православного духовенства в имперской России // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 1 (25). С. 65–80.

10. *Сл-ский Ст.* Что может содействовать успеху церковно-народной проповеди? // Церковный вестник. 1872. № 1. С. 17–26.

11. Ходатайство и предложения пермского съезда // Церковный вестник.1896. № 4. С. 120–121.

УДК 271.2(091)-36
С. И. Минько,
главный специалист Дзержинского райисполкома

СВЯТАЯ БЛАЖЕННАЯ ВАЛЕНТИНА МИНСКАЯ

В статье показан жизненный путь святой блаженной Валентины Минской, отражены условия ее духовного роста в служении Богу и людям.
Ключевые слова: православие, церковь, коллективизация, Великая Отечественная война, митрополия, паломничество

S. I. Minko,
Chief Specialist of the Dzerzhinsk District Executive Committee

SAINT BLESSED VALENTINE OF MINSK

The article shows the life path of Saint Blessed Valentine of Minsk, reflects the conditions of her spiritual growth in serving God and people.
Keywords: orthodoxy, church, collectivization, the Great Patriotic War, metropolitanate, pilgrimage

Святая блаженная Валентина Минская (Валентина Федоровна Сулковская, в девичестве Чернявская) родилась 7 (20) апреля 1888 года в д. Коски в семье протоиерея Феодора Чернявского, настоятеля Свято-Никольского храма села Станьково Минского уезда. Мать Валентины, София Петровна Чернявская, была из священнической семьи, своими корнями восходящей к древнейшему православному роду князей Свирских. В благочестивой семье о. Феодора Чернявского кроме Валентины было ещё три дочери: Анна, Ксения и Ольга.

Феодор Иосифович Чернявский окончил Минскую духовную семинарию. В 1873 году епископом Минским и Бобруйским Александром (Добрыниным) был рукоположен в сан иерея. Вскоре вместе с супругой уехал на Полесье, где служил в приходах сел Качановичи и Достоево Пинского уезда. В 1885 г. семья переехала в Станьковский приход Минского уезда.

Рождение Валентины Чернявской в 1888 г. было ознаменовано двумя важными событиями: постройкой отцом большого дома для семьи и отстройкой (не единожды горевшей) Свято-Аннинской церкви д. Коски [3, с. 8].

С раннего детства Валентина была глубоко верующей и посещала церковь. Когда ей исполнилось пять лет, она принесла из леса малень-

© Минько С. И., 2022

кую елочку и посадила ее неподалеку от храма в Косках. Девочка усердно поливала ель и молилась Господу, чтобы дерево росло и крепло. Елочка выросла крестообразной и стоит и поныне [3, с. 10].

Когда Валентина подросла ее отдали учиться в Минское женское духовное училище. Позднее, так получалось, что она заменяла своего отца и вела уроки закона Божьего для маленьких детей в Станьковском народном училище. Помогала она отцу и в других церковных послушаниях, пела на клиросе.

В отрочестве Валентина сподобилась получить у отца Иоанна Кронштадского благословение. По рассказам людей, именно в те дни произошел случай, который указал на ее богоизбранность. Когда они с отцом плыли в Кронштадт, их судно неминуемо должно было столкнуться со встречным. И тогда сзади Валентины появился святой великомученник и целитель Пантелеймон и сказал ей: «Непрестанно молись!» Девушка стала усердно молиться и корабли чудом разминулись [3, с. 11].

В 1912 г. Валентина вышла замуж за Федора Васильевича Сулковского, происходившего из духовного сословия. Он работал коллежским советником и служил в Минском уездном управлении. Федор Сулковский, родившийся в 1868 г., являлся потомком известных в Минской епархии священнических родов Сулковских и Железняковичей.

Вскоре грянула Первая мировая война. Ф. Сулковский принял в ней участие в качестве чиновника военного ведомства, где занимался вопросами тылового обеспечения действующей армии Западного фронта [3, с. 14].

В конце 1916 – начале 1917 г., Валентина Федоровна окончила в Минске трехмесячные курсы по машинописи. В августе 1917 года она с супругом выехала в Оршу, где и пребывала до отступления немецких войск с территории Беларуси.

Великая Октябрьская революция внесла значительные изменения в жизнь людей. Начались гонения на Церковь и священнослужителей.

С началом общественных перемен супруги Сулковские поселились в Трухановичах (совр. Слуцкий район Минской области), родном селе Федора Сулковского. Здесь они занялись сельским хозяйством, где стали пахать и сеять хлеб, вести хозяйство. Кроме того, за Сулковскими оставался земельный надел и в Косках.

В ноябре 1929 года советское правительство взяло курс на коллективизацию. В 1930 году в Косках был основан колхоз под названием «Пробуждение», куда вынуждены были записаться и Сулковские. Однако это не помогло, и семью Сулковских «раскулачили» – лишили дома и имущества. В доме священника разместили школу, а Сулковские были вынуждены перебраться в небольшую пристройку для церковного сторожа.

В 1931 г. по ложному доносу Ф. В. Сулковского арестовали и сослали в Тем Лаг (недалеко от станции Потьма Московско-Казанской железной дороги). До апреля 1933 г. Феодор Васильевич был заключен там, а со сменой начальства получил разрешение выехать на «вольное поселение» в Астрахань. Там его вновь арестовали, выслав на Дальний Восток, где он и погиб. Место его погребения не установлено [1, с. 11]. Был посмертно реабилитирован 20 ноября 1989 г.

Оставшись без мужа, Валентина по-прежнему проживала в Косках, где ухаживала за престарелой матерью. В начале 1937 года умирает София Петровна Чернявская. Гибель мужа, смерть матери, расстрел многих знакомых священнослужителей Минской епархии стали горнилом, в котором укреплялся дух Валентины, чтобы в смирении принять на себя подвиг блаженного служения Господу [1, с. 13].

Из-за потери родных и близких людей, нервных переживаний и потрясений Валентина Сулковская подорвала здоровье. Как гласит предание, блаженная Валентина шла «по кладке через реку Уссу, помыла ноги, и после этого уже отнялись ноги и заболели почки. Ей приснился сон: пришел к ней ангел и сообщил, что она до конца своих дней будет лежать в постели и лечить людей» [2, с. 165].

Несмотря на то, что Валентина лежала в постели много лет у нее не было ни пролежней, ни застойных явлений. К тому, кто приходил к ней не с чистыми и добрыми мыслями, относилась плохо – могла не принять или даже выгнать из дома. Святая Валентина «наяву» видела прошлое и будущее каждого человека, она имела дар предвидения и пророчества. И если считала нужным, то говорила людям об их судьбе или судьбе их родственников [2, с. 166].

Известно, что к довоенному периоду относятся и первые свидетельства о чудесах, происходившим по молитвам блаженной Валентины. Она, обладая прозорливостью, предвидела Великую Отечественную войну и говорила односельчанам: «Придется увидеть железные птушки…» [3, с. 31].

В годы войны к блаженной каждый день приходили солдатские жены, которые измученные ожиданием писем с фронта, просили сказать, где находится и жив ли их муж… Гибель большого количества людей стала для Валентины Феодоровны личным горем. Она беспрестанно молилась об убиенных и тех живых, кто мучался в тюрьмах и лагерях. А ее сердце было открыто для всех, кто искал Божией помощи в тот трудный час.

С началом Отечественной войны блаженная Валентина категорически отказалась уезжать в лес, чтобы сохранить свою жизнь. Она оставалась в домике в Косках прикованная к постели. Немцы, изредка захо-

дившие в дом и увидев женщину, лежащую в кровати вреда ей не причиняли. Смеем предположить, что они что-то чувствовали, её святость, её энергетику, которая передавалась людям на расстоянии и без слов.

На небольшом столике-тумбочке, возле кровати Валентины, лежали церковные книги, Библия, Новый Завет, кресты и крестики, молитвенники, другая церковная литература. В ее головах помещалась большая Ахтырская икона Пресвятой Богородицы. На столике горела свеча, в углу лампадка [2, с. 169].

Современники вспоминали, что блаженная Валентина с любовью принимала людей, но говорила мало, наставляла, чтобы не забывали о Боге, молитве. Речь ее была чистая, внятная, ясная, голос был невысокий, часто она говорила иносказаниями. Манера разговора была спокойной, старица не кричала и не ругалась, а если надо было кого-то пристыдить, то делала это с юмором, с улыбкой [3, с. 32].

Одно время в церковных кругах говорили, что блаженная Валентина служит Божественную литургию, что полностью противоречило церковным канонам и традициям. Тогда, в 1960 г. Митрополит Гурий направил несколько священников к Валентине Феодоровне чтобы убедиться в этом. Она достойно приняла гостей, которые убедились, что перед ними поистину святой человек. На прощание Валентина попросила передать Владыке Гурию почтовый ящик с сухарями (сухари – предвестник дороги). И в скором времени Митрополит Гурий был переведен в Ленинградскую митрополию [2, с. 161].

А вот что гласит предание о другом Митрополите – Филарете, возглавившем Минскую кафедру в 1978 году. За 12 лет до этого события блаженная говорила: «…Вот летит к нам из Германии Владыка Филарет». В то время Владыка Филарет был православным Экзархом Западной Европы [3, с. 75].

Другие предания из жития блаженной Валентины говорят, что она сподобилась лицезреть самого Господа Иисуса Христа. «Он меня трижды на своих ручках вокруг хаты обнес», – рассказывала блаженная Валентина.

Еще одно свидетельство святости блаженной Валентины рассказывал отец Алексей Зиновьев. Он, заночевавший в домике в д. Коски «…увидел небо, потолок как бы расступился и с неба спустился ангел. Ангел приблизился к кровати матушки и подложил под нее свои крылья. Прошло некоторое время – и ангел так же удалился, и все пришло в первоначальное состояние» [3, с. 53].

Матушка Валентина ушла из жизни 6 февраля 1966 года. Похоронили ее на местном кладбище деревни Заболотье Дзержинского района Минской области без священника и отпевания. На ее могиле за

скромной металлической оградкой был поставлен крест из нержавеющей стали и табличка с надписью: «Валентина Федоровна Сулковская».

Глубокое народное почитание блаженной Валентины ярко проявилось в 1990-е годы, когда паломничества к месту ее упокоения в д. Заболотье приобрели массовый характер, а местное духовенство начало регулярно совершать панихиды на ее могиле.

Многолетнее служение Богу и людям сделали Валентину Сулковскую святой. Неслучайно глубокое народное почитание блаженной Валентины ярко проявилось в 1990-е годы, когда паломничества к месту ее упокоения в д. Заболотье приобрели массовый характер, а местное духовенство начало регулярно совершать панихиды на ее могиле. Это положение сохраняется до сих пор, только теперь на могилку к Валентине Минской приходят не только белорусы, но и приезжают и россияне, и украинцы, а порой даже гости из Америки.

Ровно через 40 лет после кончины, 6 февраля 2006 года, в Минском Свято-Духовом кафедральном соборе по благословению митрополита Минского и Слуцкого Филарета состоялся чин прославления Валентины Минской в сонме блаженных и причисление ее к Собору Белорусских святых (местночтимых).

В 2007 году на могиле матушки Валентины был установлен дубовый крест с надписью: «Блаженная Валентина Минская, моли Бога о нас». А к 6 февраля 2012 года над могилкой блаженной была возведена сень-часовня [1, с. 19].

Предстоятель Белорусской православной Церкви митрополит Минский и Заславский Павел в 2016 году выступил с инициативой обретения мощей Святой Валентины Минской. Был организовали и сбор подписей за перенесение мощей в Свято-Духов кафедральный собор в Минске, чтобы поклониться блаженной Валентине могло еще больше людей.

По его словам, в последнее время верующие неоднократно обращались в Экзархат с такой просьбой, а также просто в беседах со священниками высказывали такие просьбы. Владыка вместе с тем сообщил, что есть и противники того, чтобы мощи блаженной Валентины Минской были выставлены для поклонения [4].

В апреле 2018 года Минский областной исполнительный комитет принял решение придать могиле святой статус историко-культурного наследия третьей степени. С инициативой присвоения такого статуса выступил Дзержинский райисполком. Таким образом, в связи с присвоением могиле Валентины Минской статуса историко-культурного наследия для эксгумации мощей требуется получение дополнительного разрешения от Министерства культуры Республики Беларусь.

В настоящее время могила блаженной Валентины Минской находится на благоустроенном сельском кладбище д. Заболотье Дзержинского района Минской области. Здесь обеспечен удобный и свободный подъезд паломников по трассе Брест – Москва (М1/Е30) в любое время суток (координаты: 53.678698, 27.25661).

Блаженная Валентина Минская, пережившая Первую мировую войну, гражданскую войну, Великую Отечественную войну, репрессии и потерю родственников, многочисленные гонения на Церковь и священнослужителей, стала отражением судьбы людей многих поколений, сопричастных к церковной истории Минской епархии XX столетия.

Несмотря на продолжающуюся секуляризацию общества в XXIвеке блаженная Валентина Минская продолжает служение Богу и людям. Ведь согласно жизнеописания блаженная завещала перед тем, как покинуть этот мир: «Приходите ко мне на могилку, как к живой. Всем добрым людям помогу».

Библиографический список

1. Блажэнная Валянціна, духоўная заступніца зямлі Мінскай. Мн., 2018. 20 с.
2. *Валаханович А. И.* С верой в душе. Минск: ФУАинформ, 2012. 231 с.
3. Житие Блаженной Валентины Минской / свящ. Ф. Кривонос, Т. Н. Дашкевич. Минск: Православное Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске, 2007. 79 с.
4. Материалы сайта sputnik.by (https://sputnik.by/20180506/moshchi-valentina-minskaya-krysovo-1035233452.html).

УДК 271.2
М. Н. Начапкин,
доцент, Российский государственный профессионально-педагогический университет (Екатеринбург)

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ О СОБЫТИЯХ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Революция 1917 года стала поворотным событием в истории России. Она совершила переворот в устоявшемся веками укладе жизни. Опубликованные недавно исторические документы, письма и воспоминания открывают возможность объективного изучения причин революционных событий. Исторические документы позволяют ответить на вопросы: как революционные события были восприняты представителями Православной церкви, от низового, приходского духовенства до архиереев и руководства Священного Синода. В статье

© Начапкин М. Н., 2022

рассматривается позиция Священного Синода в отношении отрекшегося от престола Николая II. Анализируется отношение Временного правительства к Православной церкви в это период, причины отставки архиереев.

Ключевые слова: революция, воспоминания, духовенство, Священный Синод, архивы, Временное правительство, духовенство

M. N. Nachapkin,
Associate Professor, Russian State Vocational Pedagogical University (Ekaterinburg)

RUSSIAN ORTHODOX CHURCH ABOUT THE EVENTS OF THE FEBRUARY REVOLUTION OF 1917

The 1917 revolution marked a turning point in the history of Russia. She made a revolution in the way of life that had been established for centuries. Recently published historical documents, letters and memoirs open up the possibility of an objective study of the causes of revolutionary events. Historical documents allow us to answer the questions: how the revolutionary events were perceived by representatives of the Orthodox Church, from the grassroots, parish clergy to bishops and the leadership of the Holy Synod. The article examines the position of the Holy Synod in relation to the abdicated Nicholas II. The article analyzes the attitude of the Provisional Government towards the Orthodox Church during this period, the reasons for the resignation of bishops.

Keywords: revolution, memories, clergy, Holy Synod, archives, Provisional government, clergy

В последнее время было опубликовано несколько интересных сборников документов, исследований посвященных оценке русской революций 1917 г. представителями Православной церкви. Интересный сборник документов подготовил М. А. Бабкин [5]. В 2002 г. Вышло серьезное исследование С. Л. Фирсова [6]. Любопытные архивные материалы – письма о событиях февральской революции 1917 г. были опубликованы в 2014 г. [3; 4].

На протяжении своей истории Православная церковь была прочно связана с государством. Революция стала детонатором антирелигиозных настроений. С. Л. Фирсов отмечал, что после падения самодержавия уважение к духовенству пошло вниз. Интересной темой для ученого является исследование отношения Священного Синода к отречению Николая II и приходу к власти Временного Правительства. Обнародованные недавно архивные документы Святейшего Синода говорят о равнодушном отношении к отречению царя, стремление всемерно поддерживать политику Временного правительства.

Как свидетельствуют архивы, недовольство населения, приведшее к свержению монархии 2 марта 1917 г., стало формироваться еще в конце 1916 года. В документах и письмах, прежде всего, отмечается

острый продовольственный и транспортный кризис, вызванный отсутствием ремонта техники и сильными морозами. Так, в письме С. Ястребцова к митрополиту Петроградскому Владимиру, датированному 12 января 1917 г. сообщается об остром продовольственном кризисе: «В Москве переживается острый кризис с ржаной и пшеничной мукой. С раннего утра народ стоит громадной вереницей, дожидаясь выпечки черного и белого хлеба и, к великой досаде, часто не получает ни того, ни другого. Озлобление заметно растет, и неизвестно, чем все кончится» [1]. Следующей причиной революции следует выделить неэффективное государственное управление.

В других письмах говорилось о страшном недовольстве правительством, радикальных настроениях в армии, дороговизне, алчности спекулянтов, разрухе, смуте в мыслях и шатаниях. Отдельные представители духовенства предвидели потрясения. Так член Государственной Думы священник Рудич в письме иеромонаху Рудичу в Сергиев Посад 14 февраля 1917 г. писал: Разгон Государственной Думы неизбежен; когда он будет – это вопрос нескольких дней. Эта Государственная Дума не желает с нами идти, она добивается парламентаризма, но на это мы не пойдем, так как эта форма правления для нас неприемлема … Неужели нам придется пережить революцию?» [2].

С. Л. Фирсов отмечал, что к февральской революции православное духовенство в целом было не готово. Когда товарищ обер-прокурора Св. Синода Н. Д. Жевахов 26 февраля 1917 г., на заседании Синода предложил митрополиту Владимиру (Богоявленскому) выпустить воззвание к восставшему населению, которое бы грозило ослушникам церковной карой, он отказался это сделать. Изучая опубликованные документы по этой теме, можно прийти к следующим выводам: церковные иерархи, на редкость спокойно отнеслись к отречению Николая II и с легкостью присягнули на верность Временному Правительству. Уже 6 марта 1917 года появилось определение Священного Синода № 1207 «Об обнародовании в православных храмах актов 2 и 3 марта 1917 г.». Руководители Священного Синода, выслушав акты об отречении Николая II и об отказе Михаила Александровича от восприятия верховной власти приказали объявить их в храмах «…с совершением молебствия Господу Богу об утишении страстей, с возглашением многолетия Богохранимой Державе Российской и Благоверному Временному Правительству…» [5, с. 23]. Девятого марта 1917 года Священный Синод обнародовал послание «К верным чадам Православной церкви». В нем население призывалось довериться Временному Правительству: «Временное Правительство вступило в управление страной в тяжкую историческую минуту…Ради многих жертв, принесенных для завоевания

гражданской свободы, ради спасения ваших собственных семейств, ради счастья Родины оставьте в это великое историческое время всякие распри и несогласия, объединитесь в братской любви на благо России, доверьтесь Временному Правительству, все вместе и каждый в отдельности приложите все усилия, чтобы трудами и подвигами, молитвами и повиновением облегчить ему великое дело водворения новых начал государственной жизни и общим разумом вывести Россию на путь истинной свободы, счастья и славы» [5, с. 32]. М. А. Бабкин сделал вывод, что Священный Синод повелел народу присягать Временному Правительству до того, как призвал ему повиноваться. Еще одним интересным документом, где оценивается старый порядок является определение Св. Синода № 1893 «О содействии со стороны духовного ведомства успешному распространению «Займа свободы 1917 года». В первом приложении: «Поучение с церковного амвона о «Займе свободы» говорилось о том, что старое правительство довело Россию до гибели, лишило ее хлеба, снарядов: «И произошло это потому, что при старой власти не готовилось снарядов, выдавались планы немцам, предавались русские люди. Нельзя перечислить всех тех действий, которые претерпела Россия из-за этих негодных людей. И вот народ восстал за правду, за Россию, свергнул старую власть, которую Бог через народ покарал за все ее тяжкие и великие грехи. Учредительное Собрание, которое изберет весь народ, установит новую форму правления, при которой будут решены все важные задачи, устранено все то зло, которое еще осталось у нас от старого строя» [5, с. 40].

Положительное отношение к Временному Правительству во многом было связано с тем, что в условиях провозглашенного им курса на демократизацию всех сторон жизни, высшие церковные иерархи обратили внимание на необходимость изменения во всех сторонах церковной жизни. Они приветствовали политическую амнистию, восстановили в священном сане священнослужителей, лишенных сана за политические убеждения (Определение Св. Синода № 2458 от 28 апреля 1917 г.). Эти положительные моменты перевешивали в тот момент опасения, что либеральное Временное правительство пойдет в церковном вопросе по пути западных демократий, т. е. отделения церкви от государства и образования. С. Л. Фирсов правильно сделал вывод, что крушение империи имело для главной конфессии тягостные последствия: «Церковь должны была испытать всю ненависть люмпенизированных масс. Построение нового общества связывалось с необходимостью разрушить прежние… религиозные институты» [6, с. 485]. Временное правительство, по мнению А. В. Карташова допустило большую ошибку, сохранив должность обер-прокурора, присвоив себе право утверждения решений

Святейшего Синода. Новый обер-прокурор Св. Синода В. Н. Львов уже 4 марта потребовал от Синода удаления митрополитов Петрограда и Москвы, запятнавших себя в связях с Распутиным. 14-го апреля 1917 г. Временное правительство издало указ об освобождении всех членов Святейшего Синода. За короткое время 12 архиереев были удалены со своих кафедр, в том числе, Макарий, митрополит Московский, Питирим, митрополит петроградский, Антоний (Храповицкий), архиепископский Харьковский, Варнава, архиепископ Тобольский и т. д. По мнению Т. Г. Фруменковой, в течение 1917 г. было уволено 20 глав епархий. М. И. Вострышев критически оценивает отношение Временного правительства к Православной церкви, которым был взят курс на отделение церкви от государства. Церковно-приходские школы были переданы Министерству народного просвещения. Из обязательных школьных программ был изъят Закон Божий. С лета 1917 года начался повсеместный захват крестьянами церковных земель. Но при этом, диктатор А. Ф. Керенский не решился на открытую борьбу с Православной церковью. Положительным итогом деятельности Временного правительства состояло в постепенном возрождении традиций церковного самоуправления, выборных епархиальных съездов. Так духовенство обратились 29 апреля 1917 г. с посланием к Священному Синоду о необходимости созыва Всероссийского Поместного Собора, для избрании Патриарха Московского и Всея Руси. Николай Жевахов отмечал, что иерархи Православной церкви, добившись от Временного правительства согласия на созыв Всероссийского Церковного Собора и восстановление патриаршества, мечтали сбросить, как они думали «вековые оковы рабства». Однако ожидания духовенства не оправдались. После прихода к власти большевиков в октябре 1917 года гонение на церковь стало наглым и циничным. Только что получившая долгожданную свободу Православная церковь, разобщенная и смятенная, не смогла противостоять сатанинской власти большевиков. Уже через два месяца после прихода начался расстрел представителей духовенства. Людям запрещалось молиться, церковное имущество разворовывалось, храмы и монастыри превращались в тюрьмы. Судьба избранного Тихона, Патриарха Московского и всея Руси была трагичной. В январе 1918 г. патриарх произнес анафему большевистской власти, где он осудил гонения большевиков на Святую Церковь Православную, аресты и расстрелы без всякого права и суда, кощунственное осквернение храмов (Александро-Невской Лавры, Почаевскрй лавры), призвал верующих и верных чад церкви выступить на ее защиту. После этого мужественного выступления были и другие его поступки. В июле 1918 года патриарх Тихон осудил злодейское убийство Николая II в Екатеринбурге, отметив, что

его совесть, как верующего христианина не может с этим примириться. Большевистские власти попытались привлечь патриарха к судебной ответственности за «контрреволюцию». Вплоть до своей смерти 23 марта (5 апреля) 1925 г. под чекистским надзором.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 265. Д. 1068. Л. 90.

2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 58.

3. Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918 гг.: в 4 т. М.: Политическая энциклопедия, 2014. Т. 1: Эволюция взглядов / отв. ред. В. Н. Журавлев. 636 с.

4. Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918 гг.: в 4 т. М.: Политическая энциклопедия, 2014. Т. 2: Консерваторы: великие разочарования и великие уроки / отв. ред. А. В. Репников. 652 с.

5. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 г. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / сост., автор предисловия и комментариев М. А. Бабкин. М.: Индрик, 2006. 504 с.

6. Фирсов С. Л. Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). Культурный центр «Духовная библиотека». М., 2002. 623 с.

УДК 94(470+571)

В. А. Паршуков,
ведущий инженер, Муниципальное бюджетное учреждение
«Управление инженерной защиты» (Ульяновск)

ОТ КАЗАЧЬЕГО ОФИЦЕРА ДО СВЯЩЕННИКА: ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ МИХАИЛА КАРГОПОЛОВА

В статье представлены биографические сведения о священномученике Михаиле Каргополове и его отце казачьем офицере полковнике М. С. Каргополове. Из послужных списков и иных источников приведены данные о прохождении ими военной службы.

Ключевые слова: священномученик Михаил Каргополов, Енисейская губерния, енисейское казачество, офицеры, казаки

© Паршуков В. А., 2022

V. A. Parshukov,
Lead engineer, Municipal Budgetary Institution
«Engineering protection Department» (Ulyanovsk)

FROM THE COSSACK OFFICER TO THE PRIEST: LIFE JOURNEY OF MIKHAIL KARGOPOLOV

The article represents biographical details about the holy martyr Mikhail Kargopolov and his father, the Cossack officer Colonel M. S. Kargopolov. From service records and other sources, data are given on their military service.

Keywords: holy martir Mikhail Kargopolov, Yenisei province, Yenisei Cossacks, officers, Cossacks

Историкам и краеведам, исследующим историю Енисейской губернии и енисейского казачества, известно имя священномученика Михаила Каргополова, канонизированного Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в 2000 году. Думаю, что многие задавались вопросом: почему этот казачий офицер, имеющий чин есаула вдруг оставил военную службу и посвятил себя до последнего мгновения жизни – служению Богу. В последние годы были опубликованы монография [6, с. 240, 243] и статьи, в которых он упоминается как казачий офицер [9, с. 225] или как священномученик [5, с. 76–77; 8, с. 667]. Но специальных исследований, посвященных его военной службе или жизненному пути, до последнего времени не было.

В 2021 году по благословению Главы Красноярской митрополии, митрополита Красноярского и Ачинского Пантелеимона был выпущен новый историко-публицистический альманах «Сибирский крест» [18]. Среди заслуживающих внимания работ в этом сборнике, следует назвать статью известного ученого-историка из г. Омска Владимира Александровича Шулдякова о М. М. Каргополове [20]. В ней автором «привлечены для рассмотрения архивные документы и малодоступные для читателя материалы по истории казачества и Гражданской войны в Сибири. Это позволило существенно дополнить и уточнить целый ряд эпизодов биографии мученика, а в итоге – реконструировать биографическую канву жизни этого неординарного представителя сибирского казачества и духовенства. Благодаря проведенным автором поискам, верующие теперь могут увидеть и единственную фотографию М. М. Каргополова (времен его обучения в 1-м Сибирском Императора Александра I кадетском корпусе)» [18, с. 10–11]. Статья имеет значительный объем и занимает 18 страниц вместе с приложениями, несмотря на это, автор сообщает, что не все известно на сегодняшний день о М. М. Каргополове, поэтому требуют «дальнейшего изучения и, соот-

ветственно, кропотливых архивных поисков обстоятельства и время трагической гибели священномученика, а также дальнейшие судьбы его вдовы, детей, отца полковника М. С. Каргополова» [20, с. 94].

Бобров Р. Е., в рамках исследовательского проекта «Сибирский крест», посетивший место предполагаемой гибели о. Михаила Каргополова и имевший беседы с местными жителями, склоняется к тому, что «нужно проводить глубокое исследование, сопоставлять известные факты из жизни не только самого священномученика и связанных с ним людей, но и всего края» [2, с. 424]. Автор статьи о жизни и деятельности священнослужителей переселенческих приходов, опубликованной в этом же сборнике, сообщает, что «Михаил Каргополов, был убит при невыясненных достоверно обстоятельствах в 1919 г.» [1, с. 120]. В то же время, известный сибирский ученый Александр Петрович Шекшеев утверждает, что имеются свидетельства о том, что «сам Щетинкин, предварительно лишив священника шубы, расстрелял его из нагана» [19, с. 318]. Из приведенного выше следует, что нужны дополнительные краеведческие изыскания об этих событиях, а так же поиск биографических сведений об о. Михаиле Каргополове и его родных.

Михаил Михайлович Каргополов родился 7 ноября 1885 года в городе Красноярске в семье офицера Красноярской казачьей сотни. Общее образование он получил в Сибирском кадетском корпусе, полный курс которого окончил 22 июня 1904 г. Распоряжением Главного управления военно-учебных заведений 31 августа 1904 года назначен в Николаевское кавалерийское училище, куда прибыл и был зачислен в младший класс сотни юнкером рядового звания. 27 сентября 1905 г. ему присвоен чин урядника. По окончании полного курса наук в училище 24 марта 1906 года «Высочайшим приказом по Военному ведомству произведен в хорунжие в Красноярскую казачью сотню Забайкальского казачьего войска» [11, л. 177 об.].

Чин сотника, Михаил Каргополов получил 6 мая 1909 г., а подъесаула – 5 октября 1913 г. В конце этого года он убыл в командировку в город Минусинск за приводом новобранцев. Вернувшись из командировки, он рапортом № 3 от 3 января 1914 г. донес, что «с командой молодых казаков Минусинского уезда наряда 1914 года в числе 25 казаков и 25 лошадей, прибыл» [15, л. 2 об.]. Поприбытию в сотню, подъесаул Каргополов принял должность адъютанта, казначея и квартирмистра Красноярской отдельной казачьей сотни.

Со своей семьей он проживал в Красноярске в собственном доме на улице Узенькой. В списке офицеров сотни, имеющих собак указано, что у него имелся «рыжий кобель» породы лайка по кличке «Бобка» [15, л. 14 об.].

5 марта 1917 года на общем собрании офицеров и казаков дивизиона подъесаул Каргополов Михаил Михайлович единогласно был избран на должность командующего дивизиона [12, л. 1]. Бывший командующий дивизиона есаул Могилев А. А. был арестован по постановлению совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов, якобы за неподчинение новой власти после того как царь Николай II отрекся от престола.

Михаил Михайлович Каргополов, как и его отец, полковник Михаил Семенович Каргополов, род которых происходил из простых таштыпских казаков, имели непререкаемый авторитет в казачьей среде. Исследователи называют М. М. Каргополова любимым начальником у казаков [19, с. 318]. Он постоянно проявлял отеческую заботу о казаках. Так 17 апреля 1917 года, Каргополов отправил в штаб Иркутского военного округа списки казаков дивизиона «на предмет возбуждения ходатайства о выдачи им дополнительного пособия, т. к. при мобилизации 1914 г. им было выдано только по 125 руб.» [13, л. 137–141]. Основанием для выдачи дополнительного пособия, по его мнению, был приказ по Военному ведомству № 134 от 14 марта 1917 г. Как писала красноярская газета, по просьбе казаков, командующим дивизиона подъесаулом М. М. Каргополовым были изысканы деньги для открытия в дивизионе торговой лавки. С целью повышения самообразования казаков, начался сбор книг для организации дивизионной библиотеки [7].

Подъесаул М. М. Каргополов неоднократно отправлял рапорты об отправке на фронт своего казачьего дивизиона. В августе 1917 года на его имя поступила ответная телеграмма из Петрограда: «Военный министр приказал благодарить дивизион за готовность положить свою жизнь на защиту дорогой родины, но не находит возможность отправить его в действующую армию, ввиду необходимости иметь достаточную силу для защиты окраины и для сохранения порядка округа» [3, с. 4].

Дивизион на фронт так и не был отправлен, а настойчивые просьбы его командующего подъесаула Каргополов были услышаны и он получил направление в действующую армию. К сожалению, до настоящего времени, документы о новом месте его службы не обнаружены. Что испытал этот офицер на фронте – неизвестно, но вернувшись с войны уже в чине есаула, он оставил военную службу и в апреле 1918 г. был рукоположен во диаконы к Благовещенской церкви г. Красноярска. Затем, уже, будучи священником Петропавловской церкви села Петровского Ачинского уезда, принял мученическую смерть в январе 1919 года, по некоторым сведениям от красных партизан, «в буквальном смысле с крестом в руках» [20, с. 92].

Его отец Каргополов Михаил Семенович родился 17 ноября 1857 г. всемье казака Таштыпского форпоста Семена Прокопьевича

Каргополова и «законной жены его Веры Ананьевны» [4, л. 235 об. – 236]. Михаил получил общее домашнее образование, а военное – в Иркутском юнкерском училище по 2 разряду. На действительной военной службе казаком, он состоял с 1 февраля 1877 г., а в офицерском чине хорунжего с 11 мая 1883 года. На конец 1904 года был в чине есаула и занимал должность командира 3-й сотни Красноярского казачьего дивизиона. Был женат и имел 6 детей [14, л. 8]. Согласно другого документа, на 1 января 1909 года Михаил Семенович имел пять детей: три сына, возраст которых 23, 17 и 12 лет, а так же две дочери – 21 и 15 лет. Должность командира Красноярской казачьей сотни он занимал с 28 марта 1908 года [10, л. 178 об. – 179].

Полковник Каргополов М. С. участвовал во всех съездах (Больших кругах) Енисейского казачьего войска (ЕКВ), состоял членом правления ЕКВ. На конец 1918 года он занимал должность помощника войскового атамана и получал оклад 680 рублей [16, л. 24].

По сведениям исследователя истории Сибирского кадетского корпуса Е. Ю. Тюлькова и историка В. А. Шулдякова в Сибирском кадетском корпусе учился, не только старший сын Михаила Семеновича Каргополова – Михаил, ставший офицером. Но и средний сын Иван, родившийся 13 ноября 1891 г. (ст. ст.). В августе 1905 г. он был зачислен сразу в 3-й класс корпуса из Иркутской приготовительной школы, «два года просидел в этом классе, наконец, окончил его, но в 1907 г. был отчислен из корпуса, очевидно, за неуспешность в науках» [21, с. 6]. Во время Гражданской войны казак Иван Михайлович Каргополов «за хорошее поведение и знание службы» приказом по ЕКВ от 25 июля 1919 г. был произведен в младшие урядники [17, л. 309]. В советское время он был репрессирован и расстрелян в г. Красноярске 25 июля 1938 г. [21, с. 6].

Про самого младшего сына полковника Каргополова ничего неизвестно, зато найдены документы, где упоминается одна из двух его дочерей – Мария Михайловна Каргополова, которая приказом по 1-му отделу ЕКВ, находящегося в Красноярске, была принята на службу в этот отдел «в качестве писца» с 6 октября 1919 года [17, л. 109].

Таким образом, в данной работе, на основе архивных источников, были представлены новые сведения о военной службе М. М. Каргополоваи его отца полковника М. С. Каргополова. Найдены некоторые документы о его сестре Марии и брате Иване. Необходим дальнейший поиск документов о жене, детях Михаила Михайловича Каргополова, а так же о прохождении им службы на фронте.

Библиографический список

1. *Бобрик И. Е.* Пастыри-переселенцы на ачинской земле (1910–1930-е гг.): испытание верой // Сибирский крест: Историко-публицистический альманах. Красноярск: Издательский дом «Восточная Сибирь», 2021. С. 98–122.

2. *Бобров Р. Е.* Экспедиция на ачинскую землю (2018) // Сибирский крест: Историко-публицистический альманах. Красноярск: Издательский дом «Восточная Сибирь», 2021. С. 414–448.

3. Вестник енисейского казачества. 1917. № 3. 21 августа.

4. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 824. Оп. 1. Д. 38.

5. *Дворецкая А. П.* Православный человек в круговороте Гражданской войны (на материалах Приенисейской Сибири) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2017. № 2 (28). С. 74–78.

6. *Дементьев А. П., Елисеенко А. Г., Мармышев А. В., Новиков П. А., Паршуков В. А.* 1917. Гроза над Енисеем: Русская революция в Енисейской губернии. Красноярск: Поликор, 2017. 448 с.

7. Наш голос. 1917. № 7. 19 марта.

8. *Панихина М. И., Копцева Н. П.* Новомученики и исповедники русской православной церкви XX века в Сибири// Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. С. 667.

9. *Паршуков В. А.* 1917-й год и начальный период Гражданской войны в истории енисейского казачества // Казачество России в бунтах, смутах и революциях (к столетию событий 1917 года): материалы Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 4–5 окт. 2017 г.). Ростов-на-Дону, 2017. С. 225–232.

10. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 408. Оп. 1. Д. 13227.

11. РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 268.

12. РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 559 А.

13. РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 566.

14. РГВИА. Ф. 1503. Оп. 1. Д. 80.

15. РГВИА. Ф. 14294. Оп. 1. Д. 14.

16. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39515. Оп. 1. Д. 283.

17. РГВА. Ф. 40214. Оп. 1. Д. 243.

18. Сибирский крест: Историко-публицистический альманах. Красноярск: Издательский дом «Восточная Сибирь», 2021. 460 с.

19. *Шекшеев А. П.* Красные партизаны и религия на Енисее // Сибирский крест: Историко-публицистический альманах. Красноярск: Издательский дом «Восточная Сибирь», 2021. С. 312–325.

20. *Шулдяков В. А.* «…со словом любви и с крестом в руках»: материалы к биографии священномученика о. Михаила Каргополова (1885–1919) // Сибирский крест: Историко-публицистический альманах. Красноярск: Издательский дом «Восточная Сибирь», 2021. С. 84–97.

21. *Шулдяков В. А.* XX век для России страшнее монгольского нашествия // Православное слово Сибири: официальное издание Красноярской митрополии. Красноярск, 2021. № 03–04, март – апрель. С. 6–7.

УДК 94(470.342)“19”
М. Ю. Половникова,
доцент, Вятский государственный университет (Киров)

ВЯТСКАЯ И СЛОБОДСКАЯ ЕПАРХИЯ ПРИ ЕПИСКОПЕ НИКОНЕ В НАЧАЛЕ XX в.

В статье на основе архивных и опубликованных материалов рассматривается период управления Вятской и Слободской епархией епископом Никоном (Софийским). Он поддерживал религиозный курс развития Вятской епархии, выработанный предыдущими вятскими архиереями.
Ключевые слова: Вятская епархия, епископ, губернатор, религиозная политика, Вятское братство Святителя и Чудотворца Николая

M. Yu. Polovnikova,
Associate Professor, Vyatka State University (Kirov)

THE VYATKA AND SLOBODA DIOCHY UNDER BISHOP NIKON AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Based on archival and published materials, the article examines the period of administration of the Vyatka and Sloboda diocese by Bishop Nikon. He supported the religious course of development of the Vyatka diocese, worked out by the previous Vyatka bishops.
Keywords: Vyatka diocese, bishop, governor, religious policy, Vyatka brotherhood of St. Nicholas the Wonderworker

Начало XX столетия в Российской империей было ознаменовано обострением политической ситуации как внутри страны, так и ростом напряженности вне ее. Внутренние проблемы были связаны в том числе с ростом недоверия к деятельности Русской православной церкви, что проявилось в увеличении количества уходящих из православной веры прихожан. Под влиянием представителей иных христианских течений, в первую очередь протестантства, а также в связи с повышением активности сектантов в Российской империи ослабевало положение духовенства Русской православной церкви. Влияние Русской православной церкви в начале XX столетия ощутимо пошатнулось, что было основной религиозной проблемой государства и церкви.

Вятская епархия, совпадающая в границах с Вятской губернией, находилась в некотором отдалении от центральных городов, в том числе столицы, поэтому в конце XIX в. в религиозной сфере проблемы ощу-

© Половникова М. Ю., 2022

щались, но не приобретали значительного масштаба. Деятельность местных религиозных организаций, а также отделений центральных обществ позволяла контролировать ситуацию среди православного, старообрядческого и иноверческого населения Вятской губернии. В конце XIX в. численность сектантского населения в Вятской губернии была минимально, что также не вызывало особой озабоченности. Но в начале XX в. в Вятской губернии стали все ощутимее проявляться проблемы религиозного характера, особенно накануне и в ходе Первой российской революции. Это требовало изменения работы местного духовенства и переориентации руководителей епархии.

На рубеже XIX–XX вв. во главе Вятской епархии стоял энергичный епископ Алексий (Опоцкий), управлявший епархией с августа 1896 г. по ноябрь 1901 г. [5]. За период его руководства Вятской и Слободской епархией была изменена и активизирована деятельность религиозных организаций – Вятского братства Святителя и Чудотворца Николая, Вятского комитета Православного миссионерского общества. Также епископ Алексий приложил значительные усилия для развития Вятского отдела Императорского Православного Палестинского общества, расцвет деятельности которого был связан с поддержкой со стороны епископа.

В связи с частой сменой епархиальных архиереев, что было особенностью религиозной политики Российской империи, епископы состояли во главе епархий непродолжительный период времени. Так, следующий епископ Никон также находился во главе епархии недолго – с конца 1901 г. по конец 1904 гг. Но в отличие от епископа Алексия он не смог инициировать важные для Вятской епархии изменения.

Епископ Никон (в миру Николай Андреевич Софийский) родился 14 мая 1861 г. в Чухломском уезде Костромской губернии в семье священника. Оставшись в трехлетнем возрасте без отца, будущий епископ был вынужден претерпевать многочисленные трудности. Его детство было трудным и бедным.

Достигнув ученического возраста и получив начальное образование, будущий епископ пошел по стопам своего отца. Так, он обучался в Солигаличском духовном училище, после окончания которого поступил в Костромскую духовную семинарию.

Получив среднее духовное образование, он назначается надзирателем Макарьевского духовного училища. А в 1883 г. будущий епископ был рукоположен в священники и начал службу в с. Мамонтово Макарьевского уезда. После потери жены в 1884 г. он возвращается к учебе и поступает в Санкт-Петербургскую духовную академию. На четвертом курсе обучения в академии, в 1887 г., он принимает монашеский постриг под именем Никон.

Служба Никона продолжилась и была связана с духовными семинариями: сначала он был назначен инспектором Петербургской духовной семинарии, затем ректором Владимирской духовной семинарии. Как учитель он оставил о себе добрую память. Ученикам запомнились его оригинальные лекции и простые, но вдумчивое объяснение материала.

В 1898 г. Никон получил повышение – он был назначен епископом Вольским, викарием Саратовской епархии. В скором времени, 10 декабря 1901 г., он был переведен в новую епархию и назначен епископом Вятским и Слободским. В этой должности епископ Никон состоял до 27 ноября 1904 г.

В должности епископа Вятского и Слободского Никон продолжил дело своих предшественников в плане развития миссионерской работы среди нерусского неправославного населения – среди марийцев, татар, удмуртов. По его инициативе в Вятской епархии были организованы миссионерские «инородческие» курсы для обучения представителей нерусских народов. После окончания курсов местные жители могли работать псаломщиками, учителями церковно-приходских школ, затем и священнослужителями. Это, с одной стороны, восполняло недостаток кадров низших категорий духовенства, с другой стороны, в отдаленных уездах среди местного населения, особенно нерусского, подобные представители пользовались большим уважением и доверием. Это привлекало местное население в православные церкви, а также увеличивало доверие к церковно-приходским школам, в которые местное население с меньшим недоверием отпускало своих детей для обучения.

Но в скором времени епископ Никон был переведен на новую должность. «В ноябре 1904 г. с возведением в сан архиепископа Никон направлен в г. Владимир, а с 1906 г. становится Экзархом Грузии» [4, с. 271], где в Тифлисе мученически погибает 28 мая 1908 г. в результате террористического нападения.

В период управления Вятской и Слободской епархией епископом Никоном вятским губернатором состоял Павел Федорович Хомутов. Сроки его руководства губернией почти совпали в периодом архиерейства Никона. П. Ф. Хомутов возглавлял губернию официально с 19 октября 1901 г. (прибыл в Вятку 15 января 1902 г.) по 23 декабря 1904 г.

П. Ф. Хомутов родился в 1856 г. в Костромской губернии, как и епископ Никон. В 1870-е гг. он состоял на военной службе. «На службу поступил из Нижегородской графа Аракчеева военной гимназии в первое военное Павловское училище» [6, л. 99] в 1873 г. П. Ф. Хомутов находился на военной службе до 1881 г. (он являлся участником русско-турецкой войны). После ухода на гражданскую службу он сменил несколько должностей, пока в 1900 г. в чине статского советника не был

назначен енисейским вице-губернатором. В октябре 1901 г. был назначен вятским губернатором.

П. Ф. Хомутов уделял большое внимание развитию народного образования и культуры в Вятской губернии, а также городскому благоустройству. В ходатайстве городского головы Вятки по поводу заслуг губернатора указывалось, что он относился «весьма сочувственно к нуждам города»: «такое важное предприятие, как устройство электрической станции, могло быть осуществлено в очень короткий срок лишь благодаря тому, что Павел Федорович лично ходатайствовал о скорейшем разрешении займа на это сооружение; ему же Городское Управление во многом обязано благоприятным разрешением вопроса о выдаче из Министерства Внутренних Дел ссуды на расширение водопровода; точно также он принимал участие в ходатайстве Городского Управления о проведении Петербург-Вятской железной дороги…» [7, л. 1]. В 1904 г. П. Ф. Хомутов был назначен казанским губернатором.

Вятский губернатор П. Ф. Хомутов не успел оказать должной поддержки вятскому духовенству, не внеся вклада в разрешение назревающих проблем. Его связи с епископом Никоном ограничивались официальным общением.

Так, епископ Никон в вопросах управления епархией пользовался относительной свободой, но это не принесло значительных результатов. Религиозная обстановка в Вятской губернии в плане работы среди неправославного и нерусского населения не вызывала сильной обеспокоенности у епископа Никона, поэтому он не предпринимал в этом направлении каких-то кардинальных мер. Вятская епархия продолжала свою консервативную жизнь.

Относительно вклада в развитие религиозно-просветительских и миссионерских организаций Вятской епархии нужно отметить, что епископ Никон также не внес каких-либо изменений в их, нужно отметить, отлаженную ранее работу. Вятское братство Святителя и Чудотворца Николая продолжало свою деятельность среди старообрядческого населения. Вятский комитет Православного миссионерского общества принимал меры для привлечения неправославного и нерусского населения в миссионерские и братские школы.

Вятский отдел Императорского Православного Палестинского общества также продолжал свою просветительскую работу среди населения епархии. Епископ Никон в Вятском отделе занимал почетную должность товарища председателя, сменив на этом посту в 1903 г. епископа Глазовского Варсонофия (Курганова). Нужно отметить, что при епископе Никоне начинается снижение численности членов Вятского отдела Императорского Православного Палестинского общества: при епископе Алексее в 1899–1901 гг. оно колебалось в рамках от 224 до

214 членов [1; 2], при епископе Никоне отмечается снижение до 203 членов в 1903–1904 отчетном году [3].

Так, епископ Никон управлял Вятской и Слободской епархией в начале XX в., накануне серьезных политических потрясений в Российской империи. Его руководство было связано с поддержкой отлаженной работы вятского духовенства и религиозных организаций Вятской епархии. Религиозно-просветительские и миссионерские организации при епископе Никоне продолжали свою работу в соответствии с ранее обозначенными целями и задачами в установленном порядке.

Библиографический список

1. Отчет Вятского отдела Императорского Палестинского общества за 1899–1900 г. Вятка, 1900. 57 с.
2. Отчет Вятского отдела Императорского Палестинского общества за 1900–1901 г. Вятка, 1901. 64 с.
3. Отчет Вятского отдела Императорского Палестинского общества за 1903–1904 г. Вятка, 1904. 55 с.
4. Очерки истории Вятской епархии (1657–2007): 350-летие Вятской епархии / под. ред. митр. Вятского и Слободского Хрисанфа. Вятка, 2007. 640 с.
5. *Половникова М. Ю.* Деятельность епископа Вятского и Слободского Алексия (Опоцкого) в конце XIX – начале XX в. // Государство, общество, Церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XIX Международной научной конференции. Иваново, 2020. С. 141–146.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1349. Оп. 2. Д. 964.
7. Центральный государственный архив Кировской области (ЦГА КО). Ф. 582. Оп. 146. Д. 187.

УДК 001(091)(470)”1960/1970”

Д. И. Сазонов,
протоиерей, доцент, Костромская духовная семинария

ИЛЛЮЗОРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ПРОВОДИМЫХ СОВЕТСКОЙ ЕВГЕНИКОЙ ОПЫТОВ ПО СОЗДАНИЮ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА (на примере религиозных общин Верхне-Волжского региона в 1960–1970-е годы)

Начиная с 1920-х годов в СССР широко использовался евгенистический эксперимент по созданию нового, безрелигиозного советского человека. Исследование достижений по данному вопросу на примере религиозных организаций Верхне-Волжского региона показало, что планы советской власти по созданию homosoveticus окончились провалом. При изучении современного этногенеза

© Сазонов Д. И., 2022

становится очевидным, что опыты по созданию нового человека в СССР не прошли бесследно. Последствия эксперимента сказываются на состоянии религиозности не столько в количественном измерении, сколько в качественном изменении человека и его религиозности.

Ключевые слова: человек, эксперимент, атеизм, наука, пролетарий

D. I. Sazonov,
Archpriest, Associate Professor, Kostroma Theological Seminary

ILLUSOR REALITY OF THE EXPERIMENTS CARRIED OUT BY THE SOVIET EUGENICS TO CREATE A NEW HUMAN (On the example of religious communities of the Upper Volga region in the 1960s and 1970s)

Beginning in the 1920s, the eugenics experiment was widely used in the USSR to create a new, non-religious Soviet man. A study of achievements on this issue, using the example of religious organizations in the Upper Volga region, showed that the plans of the Soviet government to create a homo soveticus ended in failure. When studying modern ethnogenesis, it becomes obvious that the experiments to create a new man in the USSR did not go unnoticed. The consequences of the experiment affect the state of religiosity not so much in quantitative terms, but in a qualitative change in a person and his religiosity.

Keywords: man, experiment, atheism, science, proletarian

Евгенистический эксперимент по созданию нового человека в СССР продолжался без малого 73 года. Особенно жесткой селекции было подвергнуто население СССР с 1917 по 1957 год. Понять психологию эксперимента дает знакомство с книгой профессора психиатрии Калифорнийского университета Джоэла Димсдейла «Мрачное убеждение». В ней автор убедительно показывает технологию евгенистичского эксперимента запущенного с одобрения руководства СССР. Согласно версии Димсдейла, в СССР целенаправленно вычищалась дореволюционная элита страны, классово чуждые пролетариату: аристократия, привилегированное офицерство, духовенство, ученые, предприниматели и зажиточные крестьяне. Голод, откровенный грабеж, расхристианизация общества, коллективизация, система распределения и изъятия, шпиономания, репрессии и стравливание с классовыми врагами, все применяемые для укрепления нового государственного строя меры создавали благоприятную среду и для евгеники. Методы террора против своего народа порождали атмосферу страха и беспомощности, ломали психологические стереотипы, способствовало возникновению у граждан СССР стадного чувства. На вершину выводимой элитарной человеческой породы был поставлен пролетарий-интернационалист, идеалом и предназначением которого было построение коммунизма. В книге

«Утопия у власти» М. Геллер и А. Некрич указывают на два столпа советской идеологии – некритическая вера в партию и ненависть к врагу как неотъемлемое качество нового человека homo soveticus.

Идейная конструкция государства имела все характерные черты религии. Коммунистическая ритуально-мистическая религия во главе с верховным жрецом – Генеральным секретарем партии, с культом святых мощей героев коммунизма, крестными ходами в виде демонстраций, диалектического материализма в виде догматики. «Открылась возможность удивительного психологического парадокса, – писал диакон Владимир Русак, – верующего безбожника» [7, с. 115]. К носителям идеологической конструкции прочно была закреплена приставка «советский». Советский врач, советский прокурор, советское правосудие. Советское было отличным и локальным по сравнению со всем мировым опытом. О «советском» исказившем нормы жизни писал В. Астафьев в повести «Прокляты и убиты».

Характеризуя опыты коммунистической евгеники и выводимую социалистическим государством породу новых людей оказавшийся в эмиграции философ И. Ильин писал: «Государственная власть не считает личную душу человека самостоятельным источником воли, мысли и дел» [5, с. 191]. Власть видела в человеке в первую очередь, по выражению Ильина, объект произвола, а не субъект права. Человек в понимании социальных технологов мыслился лишь как трудовой механизм. Власть считала, что она вправе вмешиваться в его личную жизнь, диктовать ему, во что ему верить, как думать, как жить. Государство присвоило себе монопольное право владеть как самим человеком-винтиком, его жизнью, так и владеть правом по своему усмотрению давать ему то, в чем он нуждается. То, что государство считало полезным для человека социальной общности. В любой момент власть могла посчитать, что эти homo подлежали унижению или уничтожению, ссылке в концлагеря или к ним должны быть применимы методы профессора А. В. Снежневского, и несогласные с провозглашенной доктриной счастья должны быть помещены в психиатрическую больницу.

Обращаяськ партийным селекционерам, совершающих эксперимент над людьми Н. Бердяев в своих философских исследованиях об отношениях людей и природе души говорит об индивидуальности каждого человека, о влиянии национальных, расовых, сословных, семейных особенностей на его генетический (органический) код. «Ваш отвлеченный, арифметический человек, – писал он, – есть фикция, а не реальность, он лишен всякого содержания» [3, с. 404].

К 1957 году провал социалистического эксперимента стал очевиден. По всей стране в 1950–1960-е гг. прокатились рабочие восстания: в Новороссийске и Новочеркасске, Бронницах и Кривом Роге, Воркуте и

Норильске. В Верхнем Поволжье – в Ярославле, Муроме. Экономические отсталость СССР от стран Запада была также очевидна – в начале 1960-х годов, при восторженных заклинаниях пропаганды об успехах в коммунистическом строительстве, в стране не хватало товаров первой необходимости. Провалы обнаружились и в национальной политике, и во всех областях жизнедеятельности государства. Происходила деградация личности советского человека. «Воровство и коррупция приобрели всеобщий характер, – писали М. Геллер и А. Некрич. Ситуация в 1960-х годах позволяла сделать вывод о превращении СССР в «клептократическое государство» <...> В 1973 году на одного жителя СССР приходилось 28,5 л. водки. Только в 1974 г. к суду было привлечено 600 000 шоферов за вождение машины в «нетрезвом виде». Каждое дело заканчивалось осуждение на лагерный срок» [4, с. 738]. В 1960-м году был принят новый уголовный кодекс РСФСР, особенностью которого было ужесточение наказания за хищение социалистической собственности (экономические преступления), которое приравнивалось к общественно опасным деяниям, посягающим на государственный строй СССР.

На протяжении всего периода истории СССР в стране была организация, которую большевикам не удалось уничтожить – это Русская Православная Церковь. Несмотря на провозглашенную официально лояльной советской власти, несмотря на относительную советскость своих чад, Церкви удалось сохранить в людях дух свободы и дух индивидуальности. Своим наличием в советском обществе Церковь свидетельствовала о сопротивлении коммунистической утопии. Ее пастырями стали после революции 1917 года бывшие дворяне и офицеры, философы и педагоги, экономисты и врачи. Назовем дворянина Патриарха Алексия (Симанского, 1877–1970), сына адмирала ярославского протоиерея Бориса Старка (1909–1996), лауреата Сталинской премии хирурга святителя архиепископа Луку (Войно-Ясенецкого, 1877–1961). На волне протестного движения голосом свободной Церкви были религиозные диссиденты священник Г. Якунин, рукоположенный в Костроме Н. Эшлиман, миряне рязанец А. Солженицын и кировчанин Б. Таланов.

Вплоть до 1990-х годов, до момента легализации, в стране наличествовали незарегистрированные православные общины. Особенно их было много в Ивановской и Владимирской областях Верхнего Поволжья. Об «безгрешных катакомбах» подробно рассказывают А. Беглов и прот. А. Маковецкий. Мотивированной советской статистикой религиозность населения в СССР (верующих РПЦ) обычно показывалась на уровне 20 %. Исследователи указывают на некорректность статистики. Она не учитывала тайных христиан. Наличие незарегистрированных религиозных общин показывает, что при наличии жесточайшего контроля партийных государственных и следственных органов, находились

те, кто был не согласен с политикой и идеологией правящей партии. Те, кто жили в мире своих идеалов и их исповедовали. Например, на приходе в Толпыгино Ивановской области при отсутствии официально зарегистрированных монастырей в 1960-е годы образовалась монашеская община. Такая же монашеская община находилась в д. Тетеринское Нерехтского района Костромской области и в кафедральном Воскресенском соборе г. Костромы. Молодой реставратор Алексей в1982 году стал священником, в 1979 году принял священнический сан зав. кафедрой иностранных языков костромского пединститута Г. Эдельштейн. Уроженец Костромской области философ А. Зиновьев раскрыл черты и охарактеризовал тип нового коллективного человека – homo soveticus. Все они свидетельствовали о тщетности принимаемых властями усилий по созданию бесклассового, безрелигиозного общества.

Несмотря на всеобъемлющий характер атеистической пропаганды, рост религиозной обрядности был повсеместным явлением на территории СССР. В Костромской, Ивановской, Владимирской и Ярославских областях рост регистрируемой обрядности с средины 1950-х годов вызывал недоумение у советских и партийных органов. Согласно статистике, приводимой Д. Поспеловским, коэффициент людей, верующих в Бога, или тянущихся к вере, в 1960–1970-е годы стал не ниже, чем 50–60 лет назад, несмотря на заверения пропаганды еще в 1930-е годы в СССР не будет верующих.

Как только наступило время изменения государственно-общественных отношений, стала проявляться активность верующих. Данные по Костромской области за почти 10 лет, с 1989 по 2000 годы, указывают, что численность храмов в ней увеличилось с в 3, 6 раза (с 71 до 256 церквей, плюс 46 часовен). Было возрождено 11 монашеских обителей. Также, в 3,6 раза увеличилось количество священнослужителей (с 66 до 226 клириков). При Богоявленско-Анастасиинои и Пахомиево-Нерехтской обителях учреждены богадельни и приюты для детей-сирот. Детский дом семейного типа был создан в с. Ковалева Нерехтского района [2, с. 239].

Наряду с тщетностью потраченных на воспитание людей в духе атеизма усилий, он отмечал произошедший в стране упадок нравственности и снижение духовно-нравственного влияния Церкви на жизнь человека. «Атеизм явился распространителем этического нигилима, цинизма, ощущения беспочвенности и бессмысленности жизни в полном соответствии с пророческими словами послания православных епископов Советскому правительству», – писал Д. Поспеловский [6, с. 87].

Изменения общественного и государственного строя начавшиеся в СССР в конце 1988 годов показали непримиримые противоречия ценностей в обществе и человеческой личности, которые закончились

крахом социалистической системы и способствовали распаду страны. Противоречия показывали на ложные иллюзии творцов «нового мира» – большевиков изменить человека, которые не соответствовали реальному состоянию общества в СССР. Оказалось, что прописываемое пропагандой народное единство в значительной мере держалось на тоталитарно-авторитарной форме управления, на идеологии советского патриотизма и на общих историко-культурных ценностях, в том числе, ассоциирующих СССР с имперской Россией.

Между тем, нельзя не указать, что евгенистические опыты не прошли даром. В настоящее время их можно видеть в постсоветской России на примере противоречий будоражащих общество: национальных, социо-культурных, политических. Современное состояние общества показывает, что преодоление техногенных иллюзий прошлого по унификации человека посредством соответствия его евангельскому учению будет способствовать духовно-нравственному оздоровлению общества и человека. «Таким образом, все проблемы века сводятся к главной: атеистическому помутнению человека, засилью государственного атеизма, – писал философ и богослов В. Аксючиц. Он указывал, что «только христианство способно вывести современный мир и из духовного тупика», и уточнял: «только русское православие как тысячелетний духоводитель народа может стать средоточием духовного оздоровления народа, общества, человека» [1, с. 233]. С ним трудно не согласиться!

Библиографический список

1. *Аксючиц В.* Атеистическая идеология. Государство. Церковь. // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси: сб. ст. / сост. М. Назаров. М.: Столица, 1991. С. 233.

2. *Александр (Могилев), митр.* Больше всего на свете люби Церковь Божию: Проповеди, слова и речи, интервью, статьи, выступления. Астана, 2017. С. 239–241.

3. *Бердяев Н. А.* Духовные основы русской революции (статьи 1917–1918 г.). Философия неравенства. Pasris: YMKA-PRESS, 1990. С. 404.

4. *Геллер М., Некрич А.* Утория у власти. История советского Союза с 1917 года до наших дней. Лондон, 1989. С. 738.

5. *Ильин И.* Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов: в 2 т. Т. 2. М.: МП «Рарог», 1992. С. 191.

6. *Поспеловский Д.* Подвиг веры в атеистическом государстве // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси: сборник. М.: Столица, 1991. С. 87.

7. *Русак В.* Пир сатаны: Русская Православная Церковь в «ленинский» период (1917–1924). London (Canada): Заря, 1991. С. 115.

УДК 261
Ю. Н. Сергеев,
доцент, Бирский филиал БашГУ
А. П. Александров,
доцент, Бирский филиал БашГУ

РЕПРЕССИИ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА УФИМСКОЙ ЕПАРХИИ В 1930-е ГОДЫ

В статье рассматривается на основе преимущественно опубликованных источников численность репрессированного православного духовенства Уфимской епархии. Анализируется структура репрессированных, их национальный и возрастной состав.

Ключевые слова: духовенство, епархия, епископ, священник, Уфимская епархия, монастыри, игумен, архимандрит

Yu. N. Sergeev,
Associate Professor, Birsky branch of BASHGU
A. P. Alexandrov,
Associate Pofessor, Birsky branch of BASHGU

REPRESSION OF THE ORTHODOX CLERGY OF THE UFA DIOCESE IN THE 1930S

The article examines, on the basis of mainly published sources, the number of repressed Orthodox clergy of the Ufa diocese. The structure of the repressed, their national and age composition is analyzed.

Keywords: clergy, diocese, bishop, priest, Ufa diocese, monasteries, abbot, archimandrite

Монографического исследования истории Уфимской епархии в 30-е гг. XX в. не создано. Нет и обобщающих статей по численности репрессированного духовенства епархии. Между тем, создан список репрессированных под названием «Новомученики и исповедники земли Уфимской». Частично вопрос о репрессиях был освещен в статьях Васильевой И. Л. и Зиминой Н. П. о деле «фашистского центра церковников», протоиерея В. П. Сергеева о почитании святынь в Уфимской епархии в условиях 1930-х гг. и диссертационном исследовании Абдулова Н. Т. [1, с. 134; 3, с. 216–222]. К началу 30-х гг. XX в. Уфимская епархия по-прежнему делилась на три церковных течения: обновленческое, автокефалистское и староцерковническое, которое в светской

© Сергеев Ю. Н., Александров А. П., 2022

прессе получило название «сергианское» (по имени лидера – митрополита Сергия Страгородского). Все три течения заявили о лояльности советской власти, проходили процедуру государственной регистрации. Максимально просоветскую позицию занимали обновленцы. Умеренно просоветскую – сергианцы, минимально сотрудничали с Советами автокефалисты. К началу 1930-х гг. сергианцев в епархии возглавлял архиепископ Иоанн Поярков, обновленцев – архиепископ Павел Масленников, автокефалистов – епископ Руфин Брехов (с 1933 г.). Епископ Руфин был хиротонисан в мае 1925 г. из игуменов Саткинского единоверческого монастыря во единоверческого епископа Сатки архиепископом Андреем Ухтомским и епископом Львом Черепановым. В 1928–1933 гг. он находился в лагерях Севера, затем служил в Крестовоздвиженской церкви Уфы, ставшей собором уфимских автокефалистов.

Местные власти проводили политику стравливания лидеров церковных направлений Уфимской епархии, под шумок склок, закрывая церкви любой ориентации. Еще в конце 20-х гг. XX в. было покончено с монастырями епархии. После фактического закрытия большинства монастырей епархии в начале и середине 20-х гг. XX в., часть из них, в основном, – женские, попыталась продолжить свое существование в виде сельскохозяйственных сообществ (артелей). Так, до 1924 г. существовала сельхозартель из монахинь и послушниц Уфимского Благовещенского монастыря, до 1927 г. продержалась сельхозартель «Первый колос» из монашествующих Георгиевского монастыря «Святые кустики» [7, с. 48; 2, с. 10].

С начала 30-х гг. XX в. стала проводиться политика жесткого ограничения крестных ходов и колокольного звона. Усилилась интенсивность закрытия приходских церквей под разными надуманными предлогами. Часто такие закрытия сопровождались арестами духовенства. Так, в 1930 г. для закрытия храма в селе Табынском приезжал вооруженный конный отряд милиции из Красноусольска, который арестовал активных прихожан во главе с диаконом А. Аттиковым. Такой же эпизод произошел и с закрытием церкви в селе Преображенка, когда был арестован настоятель храма – священник Петр Варламов. 11.03.1930 г. он был расстрелян в Уфе, куда его пригнали пешком (130 км). [4, с. 128] Кроме него в 1930–1932 гг. пострадало еще несколько священнослужителей Уфимской епархии: были расстреляны священники Стрелков Г. П. (известный миссионер), Мурдаков А. А.; погиб в тюрьме протоиерей Орлов П. Ф. (1932 г.), были осуждены на различные сроки заключения с последующей ссылкой священники: Кабанов К. И., Канафьев И. И., Надеждинский В. А., Похитун К. Д., Сазонов Н. И., Сизов С. Х., Соловьев К. Н., Тюмеров Г. И., Уряев П. М., Фомин П. П., Харинский И. С., Хлыстов Я. П., Цыпышев Б. Ц., Юновидов Е. П., Яковлев А. А.; диако-

ны: Щербинин П. Д., Перминов Д. И., псаломщики: Ильинский А. В., Катков К. Г., Шанев П. В.

По данным протоиерея-историка В. П. Сергеева, к декабрю 1933 г. Советская власть «арестовала» все чудотворные иконы в Уфе и окончательно запретила крестные ходы. 05.04.1934 г. накануне пасхи Башкирский ЦИК запретил колокольный звон оставшихся в городе Уфе трех действующих церквей. Началась компания по снятию и переплавке колоколов. В течение одного только 1934 было заготовлено 130743 кг. колокольной бронзы [1, с. 17; 4, с. 134]. С 1935 г. усилились аресты духовенства и активных прихожан. Начался организационный разгром всех трех течений в Уфимской епархии. К этому времени староцерковников-сергианцев возглавлял епископ Дионисий II Прозоровский (1934–1936 гг.), которого в 1936 г. сменил архиепископ Григорий Козлов (1936–1937 гг.). Численность приходских храмов, поддержавших линию митрополита Сергия, заметно выросла (1931 г. – 115; 1934 г. – 185). Обновленцев епархии в 30-е гг. XX в. возглавляли: архиепископ Феофан Соколов (1934–1936 гг.), затем митрополит Стефан Корнеев (1936–1937 гг.). Количество обновленченских храмов заметно уменьшилось (с 47 в 1931 г. до 31 в 1934 г.). Группой автокефалистов продолжал руководить епископ Руфин Брехов. Количество храмов автокефалистов оставалось неизменным, их поддерживала 21 церковь в Уфимской епархии и 4 в Златоустовской. Процентное соотношение различно ориентированных приходских храмов к 1934 г., по данным Зиминой Н. П. было 78 % к 13 % и 9 % соответственно.

Первый удар был нанесен по уфимским обновленцам. В 1935 г. под давлением Башкирского НКВД было распущено обновленческое епархиальное управление. В 1936–1937 гг. раскручивался так называемый «фашистский церковный заговор», жертвой которого должна была стать вся верхушка епископата патриаршей (староцерковнической) организации во главе с местоблюстителем митрополитом Сергием. Во всех епархиях были проведены аресты правящих архиереев. В процессе «дела» решили присоединить к ним ряд региональных обновленческих и автокефалистских епископов с окружением. В итоге, в Уфимской епархии было арестовано 1241 человек из духовенства, членов их семей и активных прихожан. Из них было расстреляно 207 человек, в том числе все три уфимских архиерея. Староцерковнический епископ Уфы Григорий Козлов был арестован 01.08.1937 г. со всем причтом Сергиевской церкви: протоиереями Г. Еварестовым, Ф. Геллертовым, И. Слесаревым, И. Егоровым. 29.11.1937 г. он был расстрелян в Уфе [5, с. 224–226]. По делу 1937 г. были расстреляны видные священники епархии: Бельский Ф. А., Григорьев Е. Е., Егоров А. С., Елисеев Н. И., Еремеев Н. И.,

Ефимов Т. Т., Зимовец М. И., Зубов А. Г., Кириллов Н. К., Конев И. В., Кудряшов П. В., Лисенко И. П., Макаров Л. Д., Михайлов В. М., Протекторов Ф. В., Протекторов Н. В., Салтыков К. М., Сапожников И. И. (псаломщик), Сарлай Е. А., Семенов О. С., Семеновых Г. Г., Сидоренко И. Е., Сизов С. Х., Соловьев М. И., Столбоушкин Г. В., архимандрит Иоасаф Баев. К концу 1937 г. Уфимская епархия как отдельная территориальная единица перестала существовать. Аресты, расстрелы и закрытия храмов продолжались, хотя и заметно меньше, и в 1938–1939 гг. Тогда были расстреляны еще несколько уцелевших священников: Курмыгин Д. М. (1938 г.), Надеждин И. М., Черных Н. Г. Сотни людей были сосланы в лагеря, выселены на север. Списки репрессированных, опубликованные в У.Е.В. насчитывают более 700 фамилий. По данным Н. Т. Абдулова в епархии к 1940 г. оставалось всего восемь незакрытых церквей, по данным протоиерея В. П. Сергеева – девять [1, с. 133].

Формальное управление разгромленной Уфимской епархией взял на себя местоблюститель митрополит Сергий Страгородский. Он тайно назначил протоиерея Николая Бурдукова настоятелем Сергиевской церкви и благочинным церквей епархии. Сергиевская церковь была занята автокефалистами сразу после ареста архиепископа Григория и всего духовенства церкви. Протоиерею Н. Бурдукову удалось вернуть Сергиевскую церковь в лоно патриархии. Между тем, в 1937 г. закрыли главный храм автокефалистов – Крестовоздвиженскую церковь Уфы.

В 1940 г. по епархии пошла волна арестов обновленческих священнослужителей. В апреле 1941 г. последний священнослужитель Сергиевской церкви – протоиерей Н. Бурдуков был отдан под суд «за спекуляцию» и до 1942 г. богослужение в храме не совершалось. Однако, храм закрыт не был. Попытка закрытия Сергиевской церкви в апреле 1941 г. натолкнулась на упорное сопротивление прихожан. В итоге, церковь отстояли и протоиерея Н. Бурдукова оправдали (через месяц). Тогда его удалили из епархии, отправив на фронт [6, с. 348].

В 1941 г. была закрыта Покровская церковь Уфы – центр столичных обновленцев.

Начиналась война и резкое изменение государственно-церковных отношений.

Библиографический список

1. *Абдулов Н. Т.* Уфимская епархия в системе государственно-церковных отношений (1917–1991 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Уфа, 2006.

2. *Борисова Т.* Монастыри большевикам мешали // У.Е.В. 2001. № 56.

3. *Васильева И. Л., Зимина Н. П.* Дело антисоветского фашистского центра церковников // ЕКБ ПСТБИ. Материалы. М., 1998.

4. *Сергеев В. П.* Открытое почитание святынь в Уфимской епархии в условиях репрессии 1930-х гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск, 2011. № 1 (31).

5. *Зимина Н. П.* И поведут вас за имя мое: архиепископ Григорий Козлов в коллизиях церковной истории 1920–1930 гг. // Проблемы теологии. Вып. 5. Материалы 5-й Международной богословской конференции. Екатеринбург, 2008.

6. *Сергеев В. П., прот.* Судьбы святынь и подвижников Уфимской епархии в период 1940–50-х гг. // XX СБКПСТГУ. Т. 1. М., 2010.

7. *Сергеев Ю. Н.* Уфимский Благовещенский женский монастырь. Очерки истории… Уфа, 2006.

УДК 93/94

И. А. Суздальцева,
доцент, Дагестанский государственный педагогический университет (Махачкала)

СТРОИТЕЛЬСТВО ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ В ПОРТ-ПЕТРОВСКЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

В статье нашли отражение факты строительства православных храмов в городе Петровске Дагестанской области во второй половине XIX – начале XX в. Церковное строительство было связано с получением Петровском статуса портового города, ростом городского населения, строительством железной дороги. В начале XX в. на территории Порт-Петровска находилось 4 православных храма, относящихся к Владикавказской епархии.

Ключевые слова: укрепление, Дагестанская область, слобода, портовый город, военный храм, православный собор, поселок железнодорожников

I. A. Suzdaltseva,
Associate Professor, Dagestan State Pedagogical University (Makhachkala)

CONSTRUCTION OF ORTHODOX CHURCHES IN PORT-PETROVSK (SECOND HALF OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY)

The article reflects the facts of the construction of Orthodox churches in the city of Petrovsk, Dagestan region in the second half of the 19th – early 20th centuries. Church construction was associated with the receipt of the status of a port city by Petrovsky, the growth of the urban population, and the construction of a railway. At the beginning of the XX century on the territory of Port-Petrovsk there were 4 Orthodox churches belonging to the Vladikavkaz diocese.

Keywords: fortification, Dagestan region, settlement, port city, military temple, Orthodox cathedral, village of railway workers

© Суздальцева И. А., 2022

Города Дагестана всегда отличалась многонациональным и многоконфессиональным составом населения, которое активно взаимодействовало в различных отраслях экономики и культуры.

Важным экономическим центром региона в конце XIX – начале XX в. стал портовый город Петровск. Он вырос на основе военного укрепления, заложенного в ходе Кавказской войны в 1844 г. в 640 м. от моря, на каменной гряде Анжи-аркa. Укрепление было названо Петровским – в честь императора Петра I. Указ военного министра «Об именовании укрепления, сооружаемого у Тарковского рейда, Петровским» от 12 июня 1844 г. гласил: «Укрепление, сооружаемое у Тарковского рейда, взамен Низового, на месте бывшего в 1722 г. лагеря Петра Великого именовать Петровским» [8, с. 100]. По преданиям, во время Персидского похода Петр I 12 августа 1722 г. раскинул лагерь на берегу Каспия, через три дня отслужил литургию в походной церкви Преображенского полка и положил возле неё камень. То же самое он предложил сделать другим участникам похода. Так вырос каменный холм на месте будущего укрепления, а затем города Петровска [7, с. 7–8].

У стен Петровской крепости вырос «форштадт, или город, с несколькими лавками и изрядными домиками на берегу моря» [5, с. 30]. По словам А. Л. Зиссермана, «с постройкой первых 30 домов и дворов» здесь «сформировались девять небольших кварталов, четыре улицы, пять переулков и две площади, из коих одна торговая, а другая для военных парадов» [5, с. 30]. Основную часть населения составляли семейные офицеры, солдаты и представители «торгующего сословия». Так при Петровском укреплении вырос поселок, положивший начало будущему городу.

В 1846 г. в Петровское укрепление перевели 6-ю легкую батарею 20-й артиллерийской бригады, и было «заложено пять новых кварталов форштадта, в которых взято до 35 мест под дома семейных артиллеристов и солдат батальона, вытребовавших свои семейства в Петровское из родины» [4, с. 20]. Таким образом слобода с гражданским населением вокруг Петровского укрепления стала разрастаться.

В 1852 г. в Петровскую слободу переехала часть населения Темир-Хан-Шуры. И. С. Костемеревский писал по этому поводу: «Сорок семей переехали из Темир-Хан-Шуры и заложили два больших квартала на песках чуть не в морских бурунах. … С прибытием этих переселенцев и с водворением в Петровском нескольких семейств дагестанских евреев и татар (представители местного мусульманского населения – *автор*) число кварталов возросло до 18, между ними сформировалось до 15 переулков. Сверх упомянутых двух площадей появилась третья для распродажи дров и сена. Главные улицы удлинились. Домов житель-

ских возросло до 150, казенных больших и малых до 33-х. Число оседлых жителей обоего пола дошло до 600 человек» [4, с. 22].

Население укрепления и слободы разрослось. Для нужд гарнизона в Петровском 28 апреля 1853 г. заложили первый православный храм. Газета «Кавказ» сообщала, что церковь заложена «во имя Св. Петра и Павла на площади форштадта укрепления Петровского священником Петром Половицким. … Храм строится по подписке, из пожертвований чинов линейного № 14 батальона и частных приношений» [6, с. 322]. Наследник Государя (будущий император Александра II) пожертвовал на его сооружение 1 500 руб. серебром. Название церковь получила в память остановки в 1722 г. в этих местах императора Петра I [6, с. 322–323]. Её строительство по неизвестным причинам не было завершено.

24 октября 1857 г. по представлению кавказского наместника князя А. Н. Барятинского было утверждено «Положение об образовании при Петровской крепости портового города Петровска для развития торговли и промышленности на северо-западном берегу Каспийского моря». Так Петровск получил статус города. Портовый город быстро рос и развивался больше как русский город. Его выгодное расположение на берегу Каспийского моря привлекало переселенцев (крестьян, купцов, рабочих) из разных регионов России. К началу Первой мировой войны численность «горцев кавказских» в составе населения Петровска составляла всего около 10 % [10, с. 58].

Вопрос о строительстве православной церкви вновь был поднят в конце 1866 г. Место для неё выбрали новое, на возвышенной площадке, около казенного дома. Был составлен план, утвержденный наместником, и подготовлена смета на 65 тыс. рублей [1, с. 129]. Средств, заложенных на строительство, в наличии не было, поэтому начальник Дагестанской области разрешил постройку временной церкви «хозяйственным способом», то есть своими силами, без привлечения финансов и рабочих извне. Временную церковь было решено возвести близ места, утвержденного для каменного храма. Строили ее из материалов, оставшихся от сломанных казарм 14-го линейного батальона. Е. И. Козубский писал, что «к октябрю 1869 г. стены церкви были уже на половину возведены, вместимостью 300 человек» [1, с. 129].

В 1871 г. состоялась закладка храма во имя Александра Невского «в честь памяти пребывания в Петровске Императора Александра II» [12, л. 1–1 об.]. Его решено было строить на склоне горы Анжи-Арка. Площадь земельного участка, выделенного под строительство, составляла 1 600 кв. сажень [11, л. 104]. По словам Э. М. Далгат, собор строился на высоком основании, на которое с 4 сторон вели ступени. Он хорошо просматривался с разных точек города и был виден с моря [2,

с. 120–121]. Храм имел статус военного. От государства и армии были выделены средства на его сооружение, но в 1873 г. они закончились, и строительные работы приостановились. В 1888 г. благодаря Александру Михайловичу Дондукову-Корсакову строительство храма возобновилось. 29 августа 1891 г. он был освящен протопресвитером военного и морского духовенства Александром Алексеевичем Желобовским. Поскольку храм был воздвигнут на Ново-базарной площади, вокруг него находились торговые ряды, шла бойкая торговля.

В формировании православного населения Дагестана большое значение имела Владикавказская железная дорога, строительстве которой велось в 1890-х гг. На сортировочной станции Петровск-Кавказская, которая располагалась в нескольких километрах от порта, на территории нынешней Махачкалы-1, был построен поселок железнодорожников. В начале 1890-х гг. здесь было начало строительство церкви. Первоначально это была деревянная церковь. Строительство каменного храма началось в 1905 г. Работами руководил протоиерей собора Александра Невского. Николай II выделил на ее строительство 1 тыс. руб. Остальные средства пожертвовали местные жители. Все строительные работы были закончены 24 февраля 1906 г. На следующее утро церковь была освящена в честь Иберской иконы Божьей матери. Первым настоятелем церкви стал осетин отец Афанасий (Габо Албегов). В честь Успения Богоматери храм был освящен в 1943 г., когда после долгого перерыва в ней вновь начались богослужения [3, с. 44].

В целом, к 1917 г. в городе Петровске было 4православных храма: 1. Николаевская приходская церковь; 2. Николаевская церковь при Петровском арестантском исправительном отделе; 3. военно-местная церковь во имя Александра Невского, которая относилась к православным причтам ведомства протопресвитера военного духовенства, церковь Иберской Божьей матери на железнодорожной станции Петровск-Кавказская. Все они находились в подчинении Владикавказской епархии.

Библиографический список

1. Дагестанский сборник. Вып. II / сост. Е. И. Козубский. Темир-Хан-Шура: «Русская типография» В. М. Сорокина, 1904.

2. *Далгат Э. М.* Формирование внешнего облика Порт-Петровска // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 2006.

3. *Данилюк М. Ю.* Становление церковной организации в городах Дагестанской области во второй половине XIX – начале XX века // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. № 4. С. 42–45.

4. *Егорова В. П.* И. С. Костемеревский (1813–1891) – представитель русской интеллигенции в Дагестане. Махачкала, 2000.

5. *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе. Ч. 2. СПб., 1876.

6. Кавказ. 1853. № 74.
7. *Кажлаев А. Н.* Возникновение и экономическое развитие Махачкалы. Махачкала, 1967.
8. Махачкала. 1844–1998 / науч. ред. А. Г. Гаджиев. Махачкала, 1999.
9. *Сергеев А. Ю.* К истории православной культовой архитектуры города Махачкалы (XIX в.) // Вестник Дагестанского научного центра. 2013. № 49. С. 76–84.
10. *Суздальцева И. А.* Проблемы формирования русского городского населения Дагестана на рубеже XIX–XX вв. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 6 (154). С. 57–60.
11. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 205.
12. ЦГА РД. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1.

УДК 93/94

Л. В. Табунщикова,
доцент, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

АНТИРЕЛИГИОЗНЫЕ ДИСПУТЫ 1920-х гг. В ДОНСКОМ РЕГИОНЕ

В статье, на основании архивных документов, а также данных региональной периодики рассматриваются особенности организации антирелигиозных диспутов на территории Донской области в 1920-х гг. Особое внимание уделялось привлечению в качестве оппонентов священников и бывших священников (ренегатов).

Ключевые слова: антирелигиозные диспуты, антирелигиозная пропаганда и агитация, священнослужители, Донская область

L. V. Tabunshchikova,
Associate Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don)

ANTI-RELIGIOUS DISPUTES OF THE 1920S IN THE DON REGION

In the article, on the basis of archival documents, as well as data from regional periodicals, the features of the organization of anti-religious disputes on the territory of the Don region in the 1920s are considered. Particular attention was paid to attracting priests and former priests (renegades) as opponents.

Keywords: anti-religious disputes, anti-religious propaganda and agitation, clergy, Don region

© Табунщикова Л. В., 2022

В церковной истории Донского региона особенно выделяется 1923–1924 годы. Именно теперь власти наносят удар по т. н. «бытовой религиозности» путем проведения всевозможных антирождественских и антипасхальных кампаний, публикацией антирелигиозных фельетонов в печати, организацией массовых антицерковных резолюций трудящимися, привлечением и использованием священников-ренегатов, созданием изб-читален. Особая роль отводилась организации и популяризации антирелигиозных диспутов с привлечением священнослужителей и представителей науки в качестве оппонентов.

Первый диспут в Донской области, согласно данным донской периодики, состоялся в 1920 году, 14 июля, в железнодорожном клубе имени III Интернационала на тему «Религия и социализм». Диспут, по сообщению прессы, прошел очень оживленно [6, с. 4].

В следующем, 1921 году, решение о проведении диспутов было принято на уже местном партийном уровне. Донская областная конференция РКП(б) прошедшая в августе 1921 года, в докладе «Как вести агитацию в области антирелигиозного понимания» заявляла: «Мы должны быть сугубо осторожны. Мы все время травили попа толстобрюхого, но в течение революции поп сумел несколько изсохнуть и поэтому дальше агитировать в том же духе нельзя. Наша антирелигиозная пропаганда должна быть построена на чисто научную почву и должна быть перенесена в плоскость диспутов сточки зрения взгляда на этот вопрос научного марксизма» [14, л. 266].

В 1922 г., в связи с кампанией по изъятию церковных ценностей, Донской комитет РКП(б) принял решение временно воздержаться от религиозных диспутов и резких выступлений в печати и на митингах [13, л. 130].

Подлинный расцвет данной формы антирелигиозной пропаганды в Донской области произошел в 1923 году. По сообщению прессы, регулярные антирелигиозные диспуты устраивались молодежью в ст. Митякинской Донецкого округа [2, с. 4]. С участием священников был устроен диспут в ст. Морозовской, по инициативе морозовского окружного парткома. Тематика была представлена на выбор священникам, которые остановились на теме «Религия в согласии с наукой». Докладчиком выступил священник Яковлев. Слушатели подавляющим большинством приняли резолюцию, гласящую о то, что религия тормозит науку, а источник, из которого «попы берут свою лживую игру – содержит ложь и явные противоречия» [5, с. 2].

Не только православных священников приглашали для участия в подобных диспутах. В селе Б.-Козинка, Ростовского округа комячейкой было разрешено прочесть лекцию-диспут одному из видных баптистов Акимочкину на тему «Библия и её значение». На лекцию собралось все

население Козинки. «Долго говорил защитник бога Акимочкин. Но вот выступил тов. Федичев. Один из видных коммунистов в селе, он стал доказывать неосновательность священных книг и ложность миропонимания её последователей, основываясь на доказательствах науки» [8, с. 3]. Разумеется, по сообщению прессы, все слушатели были на стороне тов. Федичева, который последовательно и «научно» доказал ложь и нелепость священных писаний. По поводу диспута баптиста и коммуниста в «Трудовом Доне» впоследствии были помещены соответствующие карикатуры и стих [10, с. 4].

В селе Крым Донской области на диспут, устраиваемый местным антирелигиозным кружком, священников пригласить не удалось [7, с. 3].

Подлинный размах практика проведения диспутов получила в Таганрогском округе. Начавшаяся в марте 1923 г. кампания по закрытию церквей «всколыхнула» широкие рабочие и трудящиеся массы. Проводимые диспуты-лекции на тему «Религия и пролетариат», «О значении религии и веры в бога», «Религия и рабочий класс», «Класс пролетариата и религия, возникновение и борьба с нею», «Миф о непорочном зачатии», «Религия, наука и борьба с религиозными предрассудками» и т. д. прошли с большим оживлением при огромном количестве рабочих, служащих и трудящихся гор. Таганрога, согласно официальным отчетам Ликдвидкома [11, л. 274].

В следующем, 1924 году, диспуты были продолжены. Особенностью их было использование священников-ренегатов, как это произошло в ст. Константиновской. На диспуте, где присутствовало свыше 500 человек, выступил 60-тилетний крестьянин, произнесший антирелигиозную речь, закончившуюся словами: «не было и нет бога, чудес и черта» [12, с. 3]. Бывший священник принял участие и в проводившемся 25 марта в г. Пролетарске антирелигиозном диспуте, который длился 7 часов. Организатором выступил местный историко-религиозный кружок безбожников [9, с. 5]. Диспут расколол аудиторию на две части; «отцов», стоящий за веру, и материалистичных «детей».

Еще один показательный диспут состоялся в г. Ростове-на-Дону. 14 сентября 1924 г., в помещении театра состоялась лекция-диспут на тему «Есть ли Бог?». Лекцию прочел прибывший из Ленинграда член научного общества марксистов и ассоциации антирелигиозников тов. Куразов. Зал театра оказался переполнен. Сразиться с «безбожниками» пришли 5 священников, сектанты, старики. Диспут продолжался с 7 вечера до 1 часу ночи. Профессор Попов доказывал, что религия и наука совместимы. Ему противостоял тов. Анапский, который поднимал профессора на смех. Аудитория раскололась: старики и старухи демонстративно покинули зал. За религию выступили ещё три оппонента. Священники молча сидели, не выступая [4, с. 3].

Необходимо заметить, что диспуты не являлись обязательным компонентом антирелигиозной политики именно 1923–1924 гг., они были продолжены и в последующие годы. Так, в 1925 году в г. Шахты возле Покровского собора был организован диспут, как ни странно, самим священником, что повлекло за собой волнения верующих [1, л. 148]. Данные мероприятия продолжались до конца 1920-х гг., пока не вышло постановление о запрете на проведение подобных мероприятий. Последний зафиксированный выявленными источниками антирелигиозный диспут в Донской области состоялся в 1929 году [3, л. 71]. Оппонентами выступали профессор Покровский и некий митрополит Петр. Тема, избранная профессором, «Об историчности Иисуса», оказалась, по отзывам очевидцев, «шаткой, недоказуемой и для данной публики неубедительной – было 95 % верующих <…>. Диспут завершился небывалым ликованием поповщины и торжеством публики…» [там же]. В дальнейшем, с изменением тональности церковно-государственных отношений в 1929 г., диспуты попадут под запрет и перестанут использоваться в антирелигиозной пропаганде 1930-х гг.

Библиографический список

1. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Ростовской области (Архив УФСБ РФ по РО). П. 41430. Дело Мартынова Б. Г. 1926 г.

2. В церковь не ходи // Трудовой Дон. 1923. 16 марта.

3. ГАРФ. Ф. Р-5407. Оп. 2. Д. 108.

4. Есть ли Бог? (диспут в театре ПУСКВО) // Молот. 1924. 16 сентября.

5. Морозовский округ. Религиозный диспут // Трудовой Дон. 1923. 17 марта.

6. По Донской области. Новочеркасск // Советский Дон. 1920. 21 июля.

7. Против бога и попов // Трудовой Дон. 1923. 20 декабря.

8. Спор баптиста с коммунистом // Трудовой Дон. 1923. 12 апреля.

9. Спор о боге (Сальский округ) // 1924. 10 апреля.

10. Спор о религии и богах // Трудовой Дон. 1923. 21 апреля.

11. Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области (ТФ ГАРО). Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 244.

12. Умирающая поповщина // Трудовой Дон. 1924. 21 февраля.

13. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 134 а.

14. ЦДНИРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 64.

УДК 9 (908)
Е. А. Шушканова,
доцент, Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М. Ф. Решетнева (Красноярск)

ЦЕРКОВНЫЕ РАСХОДЫ В БЮДЖЕТЕ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ

Рассматривается место церковных расходов в бюджете сельской общины на основе архивных материалов Красноярского уезда Енисейской губернии. Определяются источники формирования доходов и расходы сельского православного прихода.

Ключевые слова: Енисейская губерния, приход Русской православной церкви, сельская община

E. A. Shushkanova,
Associate Professor, Siberian State Universityof Science and Technology
named after academician M. F. Reshetnev (Krasnoyarsk)

CHURCH EXPENSES IN THE BUDGET OF THE RURAL COMMUNITY OF THE YENISEI PROVINCE

The place of church expenses in the budget of a rural community is considered on the basis of archival materials of the Krasnoyarsk district of the Yenisei province. The sources of income generation and costs of the rural Orthodox parish are determined.

Keywords: Yenisei province, a parish of the Russian Orthodox Church, a rural community

Крестьянская община являлась уникальным социальным институтом в российской истории. Ее специфику, а особенно перспективу в модели русской государственности, рассматривали крупнейшие мыслители самой разной идейной направленности. Философ-богослов А. С. Хомяков называл общину единственным институтом, сохранившемся «из достойно прошлой России». Хотя и справедливо обращал внимание на утрату ею многих естественных качеств под влиянием «мерзости административности» [5]. В этом плане сибирская община выгодно отличалась от формата в европейской России и имела высокий уровень внутренней автономии. Исследователь сибирской общины Б. Е. Андюсев обращает внимание, что в ней «не было передела общинных земель, «мир» не вмешивался в индивидуальную хозяйственную деятельность домохозяев». Автор выделяет такие признаки сибирской

© Шушканова Е. А., 2022

общины, как высочайший статус личного труда и индивидуализма, чувства собственности и свободы [3].

Сельская община в Сибири выполняла не только податные, социальные и нравственные задачи, но являлась важным элементом местного самоуправления. Соответственно она располагала бюджетом, позволяющим решать разнообразные общественные нужды. Общинные средства формировались соборно и дифференцированно. По раскладке сумма сборов в Сибири оказывалась немалой, в том числе по сравнению с европейской Россией. В рядовом, типичном селении Красноярского уезда по нашим подсчетам около 2 р. 90 коп. на душу. Для сравнения: на мирские сборы в европейской части России в среднем выходило 1 руб. 58 коп. на душу [4, с. 24].

Предметом данного исследования являются церковные расходы: их структура и место в общей смете общинных трат. Они начинались с возведения часовни или церкви. На крестьянском сходе составлялся не только приговор, который отправлялся епархиальным властям, но для утверждения строительства требовался еще один значимый документ– Показание. Он заверялся подписями присутствующих на сходе и круглой печатью сельского старосты. В «показании» подробно излагались обязанности, которые брало на себя сельское общество по строительству и дальнейшему содержанию храма: сбору средств, вырубке и вывозке леса, строительству, благоукрашению и пр.

Аспекты обозначенной темы рассматриваются на примере деревень Барабановской, Карымской, Додоново и Шиверской Красноярского уезда, которые составляли один приход. Его можно считать типичным сельским сибирским приходом по нескольким критериям: количеству населения; по степени хозяйственной мощности (надельной земле, урожайности, численности скота); а также по внешним условиям (отсутствие золотоносных приисков, ярмарок, крупных предприятий).

Приход возник в середине XIX в. «чаянием крестьян». Первоначально к приходу собирались присоединиться жители пяти поселений. Но деревня Татарская по каким-то причинам от союза уклонилась. А потому на сходе указывалось, что от первоначального замысла иметь священника, диакона и двух причетников решено отказаться и иметь только священника и двух псаломщиков. Ведь расходы на содержание церковного причта пропорционально раскладывались на все домохозяйства, составлявшие новый приход [6, с. 12].

Изучение взносов крестьянских дворов на строительство храма Святой Параскевы в с. Барабановском показало, что они были не равными: кто-то вносил больше, а кто-то совсем немного. Общая картина сборов по упомянутому приходу выглядела следующим образом [2].

Деревня	Пожертвование деньгами (серебром)	Пожертвование хлебом (пшеница или рожь)
Барабановская	149 руб. 7 коп.	85 руб.
Шиверская	93 руб. 60 коп.	17 руб.
Додоново	77 руб.	65,5 руб.
Карымская	134 руб. 30 коп.	91 руб.
Итого:	**453 руб. 97 коп.**	**258,5 руб.**

Обычно для получения необходимой суммы на строительство храма использовалась помощь богатых благотворителей. Так было и с Параскевской церковью: крупную сумму внес гильдейский купец И. И. Токарев, который был родом из этих мест. Церковь была возведена за два года строительными трудами самих жителей.

Интерес вызывает вопрос о том, какую долю общинных расходов занимали средства на содержание отстроенной приходской церкви и на какие конкретные нужды они шли. Данные на этот счет были обнаружены в архивном фонде Красноярского окружного по крестьянским делам присутствия, где хранятся дела о сметах общинных расходов. Они показывают, что церковные расходы в общинной кассе не первенствовали. Наиболее значимая доля трат шла на содержание волостного правления, которое являлось управленческим звеном между губернскими властями и сельским поселением. Например, сход села Барабановское Частоостровской волости выделил в 1897 г. на содержание волостного правления более половины всего мирского бюджета. Средства тратились: на содержание аппарата волостной управы (старшину, заседателей, писаря, сборщика податей). А также на содержание волостной избы: отопление, освещение, покупку клеенки на столы и пр. [6, с. 77].

Высокими по значимости были расходы на земские нужды, прежде всего на содержание гоньбы. Дорожная повинность (содержание трактов) считалась в Сибири особенно тяжелой. Так, с. Барабановское выделяло на эти нужды в том же 1897 г. 35 руб. 66 коп. (около 16 % всех расходов). Кроме того, существовала близкая к дорожной, но самостоятельная статья на наем земский для проезжающих чиновников (в том числе для выделения им подвод). На эти нужды барабановские крестьяне определили в 1897 г. весьма солидную сумму в 47 руб. [6, с. 76]. Кроме этого существовала статья для найма земской дворянской квартиры для проезжающих чиновников. Жители д. Додоновой Красноярского уезда выделяли на это в 1897 г. 20 руб. [1, д. 18, л. 248].

На содержание приходского храма у общин выходила сумма менее дорожных издержек и составляла третью позицию в иерархии расходного бюджета. Основная доля этой суммы шла на содержание церковного клира и на содержание церковного здания. Расходы эти раскладывались по всем домовладениям деревень, составлявшим приход. Например, в 1896 г. сельский сход в д. Шиверской Красноярского уезда выделял на отопление приходской Параскевской церкви 30 руб., на найм квартиры для причетника 12 руб. Жители деревни Додоново, входящей в тот же приход, на отопление церкви и караулки выделяли 10 руб., на найм квартиры для псаломщика 2 руб. 72 коп. [6, с. 76].

Поскольку сельское хозяйство в рассматриваемый период оставалось преимущественно малотоварным, кроме денежных средств использовались натуральные взносы. Например, в Сибири продолжала существовать церковная хлебная руга. Жители указанных деревень выделяли из своих хлебных магазинов (складов): священнику 20 пудов зерна, псаломщику 7 пудов, просфорне 2 пуда в месяц [6, с. 33]. Учитывая, что крестьяне все неохотнее относились к ружной повинности, выделение руги осуществлялось по распоряжению Главного управления Восточной Сибири. Однако этот натуральный налог уходил в прошлое.

Следует отметить, что губернские и уездные власти в отдельных случаях оказывали административный нажим на формирование мирских бюджетов. И не только в части обязательных земских повинностей таких, как гоньба или содержание проезжающих чиновников. Отдельная группа расходов шла на образование, хотя, судя по наполненности сельских школ, крестьянские дети плохо посещали уроки. Тем не менее, в мирских расходах мы видим расходы на: содержание волостного училища, церковно-приходских школ, на пособие Красноярской учительской семинарии. По имеющимся данным Барабановского сельского общества соотношение указанных выше расходов в 1897 г. было следующим: 19 руб. 18 коп. / 25 руб. 54 коп. / 2 руб. 84 коп. [1, д. 18, л. 23].

Кроме денежных средств и натуральных взносов, мирской бюджет косвенным образом формировали повинности. В том числе церковные: так, обычно из среды молодых крестьян на сходах избирали трапезников. Трапезниками называли мирских служителей при церкви. В задачи их входила уборка храма и мелкий ремонт, изготовление иордани (проруби) на реке накануне праздника Крещения Господня, звон в колокол и другие поручения. Как свидетельствуют сельские приговоры выбирали обычно двух человек «людей поведения хорошего, которые под судом и следствием не были». Кроме того, на сходах выбирали караульщиков. В их задачи входил периодический обход храмовой территории в ночное время с правилом звонить в церковный колокол каждый час. Хотя сельские церкви достаточно хорошо защищались от воров: отворялись

наружу, имели прочные висячие и внутренние замки, на всех окнах имелись железные решетки, – все же ночная охрана была необходима, учитывая высокий процент ссыльных поселенцев в этих местах.

Обращает на себя внимание еще одна статья средств в смете общинных расходов – на подписку книг и газет. Невзирая на то, что подавляющая часть жителей сибирской глубинки была неграмотной, крестьяне деревни Шиверской внесли в смету сельских расходов: выписку газет и книг на 3 руб. 25 коп. [1, д. 18, л. 246]. Детальную информацию о тематике выписываемых изданий мы находим в приговоре с. Барабановское: на выписку новых книг и бланков, на выписку «Красного креста» и «Сельского вестника». В приговорах повсеместно присутствует (по всей вероятности, по решению властей) также выписка весьма дорогого периодического издания – «Российский царственный дом Романовых» с годовой стоимостью 12 руб. 28 коп.

Итак, сельские общины формировали разнообразные статьи расходов. Главными из которых были расходы на взаимодействия с государственной властью и Церковью. В целом сметы по структуре своей оставались год от года неизменными. Например, в дополнение к указанным издержкам, в документах стабильно присутствовали расходы на содержание перевоза во время разлива рек, похороны безродных, на покупку медикаментов.

Наличие сложного сельского бюджета говорит о достаточно высоком уровне самоуправления на местах. Сибирский крестьянин не был бесправным. Существовала налаженная система решения различных вопросов текущей жизни, которую в немалой степени финансировала сама крестьянская община. Сельская церковь отчасти являлась общинным институтом: строилась и частично содержалась она за счет самих крестьянских хозяйств. Хотя жалование церковного клира обеспечивалось государством, крестьяне делились частью своего урожая (хлебная руга). И сам церковный клир становился элементом общины: например, практически во всех сибирских селах часть общинных земель выделялась в пользование клирикам. Это были преимущественно сенокосные земли, учитывая, что полноценно заниматься аграрным производством духовенство было не состоянии.

Библиографический список

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 12. Оп. 1.

2. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 170. Оп. 11. Д. 661. Л. 30–35.

3. *Андюсев Б. Е.* Сибирское краеведение. Хозяйство, быт, традиции, культура старожилов Енисейской губернии XIX – начала XX в. Красноярск. 2003. С. 45.

4. *Гордеева М. А.* Волостной сход в системе местного крестьянского самоуправления Томской губернии в начале XX века // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 51.

5. *Хомяков А. С.* О сельской общине (ответное письмо приятелю). Полное собрание сочинений. Т. III // Азбука веры. Православная библиотека [Электронный ресурс] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Homyakov/polnoe-sobranie-sochinenij-tom-3/46

6. *Шушканова Е. А.* Церковь Святой Параскевы села Барабановское Енисейской губернии в контексте сибирской истории (вторая половина XIX – XX в.). Красноярск, 2019.

УДК 281.9(470.43)

В. Н. Якунин,
профессор, Поволжский православный институт
имени Святителя Алексия, митрополита Московского (Тольятти)

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ САМАРСКОЙ И СЫЗРАНСКОЙ ЕПАРХИИ В 2004 г.

В статье исследуется повседневная жизнь Самарской и Сызранской епархии в 2004 г. по материалам текущего архива Самарского епархиального управления. Уделяется внимание крупнейшим форумам, конференциям, другим мероприятиям, проводившимся с участием епархии и её правящего архиерея архиепископа Сергия (Полеткина), которые нашли отражение в прессе и получили широкий общественный отклик.

Ключевые слова: Самарская и Сызранская епархия, епархиальное управление, правящий архиерей, духовенство, власть, государственно-церковные отношения

V. N. Yakunin,
Professor, St. Alexius Orthodox Institute of Volga region (Togliatti)

MAIN EVENTS AND DAILY LIFE OF THE SAMARA AND SYZRAN DIOCESES IN 2004

The article examines the daily life of the Samara and Syzran dioceses in 2004 based on the materials of the current archive of the Samara diocesan administration. Attention is paid to the largest forums, conferences, and other events held with the participation of the diocese and its ruling bishop, Sergius (Poletkin), which were reflected in the press and received a wide public response.

Keywords: Samara and Syzran diocese, diocesan administration, ruling bishop, clergy, power, state-church relations

© Якунин В. Н., 2022

Главным событием в жизни Самарской епархии и всего региона в 2004 году стало празднование Всероссийских дней славянской письменности и культуры с 22 по 24 мая. Кульминацией стало празднование в Самаре, на которое прибыли сопредседатель оргкомитета по проведению праздника, постоянный член Священного Синода Русской Православной Церкви митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, архиепископ Пензенский и Кузнецкий Филарет, архиепископ Йошкар-Олинский и Марийский Иоанн, архиепископ Верейский Евгений, министр культуры и массовых коммуникаций Александр Сергеевич Соколов и другие почетные гости. Центром празднования стал собор святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, который был освящен 23 мая 2004 года Великим чином. Вечером того же дня митрополит Ювеналий освятил памятник святым равноапостольным Кириллу и Мефодию перед собором. На молебне присутствовал автор памятника известный скульптор и общественный деятель Вячеслав Михайлович Клыков [1, л. 5].

В этот же день в Самарской областной филармонии прошла международная научно-практическая конференция «Славянский мир: общность и многообразие». 23 мая митрополит Ювеналий возглавил Всенощное бдение в Преображенском соборе Тольятти. Гости посетили также мравославную классическую гимназию.

24 мая в Покровском кафедральном соборе г. Самары митрополитом Ювеналием была совершена Божественная Литургия. По ее окончании состоялся Крестный ход до площади Славы, где прошла символическая церемония передачи вечевого колокола. Было оглашено послание патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго участникам и гостям Всероссийских дней славянской письменности в Самаре и состоялся большой концерт самодеятельных коллективов [1, л. 6].

2 июня 2004 г., в день небесного покровителя Самарского края Святителя Алексия, митрополита Московского и всея России Чудотворца, после литургии в Покровском соборе состоялся многотысячный Крестный ход к Алексиевской часовне.

Знаменательным событием в жизни Самарской епархии в 2004 году стало десятилетие возрожденной Самарской духовной семинарии. Торжества начались 9 октября с традиционных Иоанновских чтений, которые были расширены за счет конференции «Духовное образование в современном мире». Перед началом гости и участники ознакомились с выставкой в епархиальном музее, которая была посвящена юбилею духовной школы [1, л. 7].

В 2004 г. правящий архиерей придал новый импульс сбору материалов для канонизации новомучеников и исповедников Российских XX века, пострадавших за Христа на территории Самарской епархии. В канун праздника Обрезания Господня в Петропавловском храме

г. Самары состоялось прославление еще одного самарского священномученика – Василия Витевского, служившего здесь у алтаря Божия в тридцатые годы и пострадавшего ха Христа «даже до крове». В те же сроки в православном издательстве под началом протоиерея Евгения (ныне архимандрита Георгия) Шестуна вышла книга о священномученике Константине Сухове, пострадавшего в 1918 году в Бугуруслане. Эти события церковной жизни стали важным подготовительным этапом к подготовке прославления Собора Самарских святых [1, л. 8].

10 октября 2004 г. на Божественной литургии в Покровском кафедральном соборе произошло церковное прославление Собора Самарских святых. На Богослужении был зачитан Указ Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго о прославлении Собора Самарских святых из подвижников веры и благочестия, ранее канонизированных Поместными и Архиерейскими Соборами Русской Православной Церкви. Церковное празднование Собора Самарских святых определено ежегодно 12 августа [1, л. 9].

11 октября, в день преподобных Кирилла и Марии в домовом храме Самарской духовной семинарии торжества продолжились Божественной Литургией, на которой архиепископу Самарскому и Сызранскому Сергию сослужили прибывшие на юбилей семинарии архиепископ Саранский и Мордовский Варсонофий и епископ Нижегородский и Арзамасский Георгий. Было оглашено приветствие Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго. По окончании Литургии и крестного хода в актовом зале состоялось торжественное собрание и вручение студенческих билетов первокурсникам.

В Пасхальные дни в г. Октябрьске были обретены мощи схимонаха Пантелеимона (Прохорова), основателя Костычевской Смоленской женской общины Сызранского уезда Самарской губернии. Это было воспринято верующими людьми как Божие благословение на трудное дело возрождения экономически депрессивного города. В Самарской филармонии состоялся благотворительный концерт солиста Мариинского театра, уроженца Октябрьска, весь сбор от которого поступил в Фонд строительства храма Вознесения Господня в родном городе артиста. Храм задумывался как символ возрождения Октябрьска [1, л. 3; 2, с. 288–294; 3, с. 125–130].

В июле Самаре посетили участники социальной акции автопробега Москва-Владивосток «Россия против наркотиков», который проводился по благословению патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго и был организован душепопечительским православным центром святого праведного Иоанна Кронштадского совместно с московским управлением Федеральной службы РФ по контролю за незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ при

поддержке региональных органов государственной власти. Встреча участников автопробега в музее имени Алабина открылась оглашением Приветствия патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго и продолжилась выступлениями самарских священнослужителей, представителей государственных и общественных организаций [1, л. 11].

21–22 августа в селе Царевщина Красноярского района состоялся первый учредительный съезд Союза православной молодежи, организованный молодежным отделом Самарской епархии. В работе съезда приняли участие более ста человек, представляющих Самару, Тольятти, малые города и районы области.

8–12 сентября в Самарской области прошел Девятый международный фестиваль «Кино-детям», включавший в себя большую православную программу.

Накануне Церковного новолетия тысячи самарцев провели традиционный Крестный ход вокруг города, который продолжился до праздника Рождества Пресвятой Богородицы.

27 октября в Самару в специальном храме-вагоне из Уфы прибыли святые мощи преподобномучениц Великой Княгини Елисаветы Феодоровны и инокини Варвары. После молебна на привокзальной площади святые мощи были Крестным ходом доставлены в Покровский кафедральный собор, где они пребывали до 29 октября при постоянном притоке верующих. Малый ларец с частицами св. мощей в эти дни находился в Преображенском соборе г. Тольятти [1, л. 15].

Важным событием ноября 2004 г. стал Первый международный фестиваль православных СМИ «Вера и слово», который проходил в Москве с 16 по 18 ноября. Самарская делегация присутствовала на форуме и приняла участие в работе нескольких его секций и «круглых столов». Итоговые документы, принятые фестивалем, стали для его самарских участников предметом содержательных дискуссий с представителями светских СМИ губернии, а также поводом для появления новых совместных проектов в прессе и на телевидении [1, л. 16].

Архиепископ Самарский и Сызранский Сергий на протяжении 2004 г. проводил богослужения в храмах епархии, совершал поездки по благочиниям и встречался с руководителями районов и городов, благотворителями и представителями широкой общественности.

25 января, в день святой мученицы Татианы, архиепископ Сергий освятил место под строительство храма великомученицы Татианы на территории Самарского госуниверситета [1, л. 18].

3–4 февраля архиепископ Самарский и Сызранский Сергий возглавил самарскую делегацию на Русском Народном Соборе в Москве, а 5 февраля принял участие в заседании Оргкомитета празднования Дней славянской письменности и культуры в Самаре.

17 февраля архиепископ Сергий председательствовал на встрече с директорами школ г. Самары и области в рамках подготовки к празднованию Дней славянской письменности и культуры.

В марте 2004 г. на новом городском кладбище в Тольятти, что на Южном шоссе, архиепископом Сергием были освящены перед водружением купол и крест церкви Всех Святых, строящейся на православной части кладбища, отслужен молебен в сослужении городского духовенства.

8 июля архиепископом Сергием и ректором СамГПУ была подписана программа долгосрочного сотрудничества между СамГПУ и Самарской Духовной семинарией: проведение совместных научных конференций и исследований, осуществление подготовки регентов на регентские специализации СамГПУ, совместная издательская деятельность, выпуск научных сборников и методической литературы, чтение курсов преподавателями СамГПУ в САмПДС и преподавателями семинарии в педуниверситете, участие хоровых коллективов семинарии в различных мероприятиях педуниверситета, пополнение библиотеки семинарии книгами, изданными СамПГУ, и многое другое [1, л. 19].

11 июля в епархиальном церковно-историческом музее в присутствии архиепископа Сергия состоялось открытие выставки работ на библейские темы. В этом событии приняли участие настоятельница Иверского женского монастыря, священнослужители, представители СМИ и творческой интеллигенции.

В августе 2004 г. состоялось заседание Священного Синода, в котором архиепископ Сергий принял участие в качестве приглашённого члена Священного Синода.

14 декабря по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго архиепископ Сергий возглавил в качестве сопредседателя секцию «Демографическая ситуация и государственная демографическая политика в Российской Федерации» на церковно-общественном форуме «Духовно-нравственные основы демографического развития России. Приволжский регион» в Нижнем Новгороде. В качестве председателя редакционной комиссии форума он принял участие в окончательной доработке итоговой резолюции.

В конце 2004 года архиепископ Сергий организовал и возглавил несколько конференций и рабочих встреч по подготовке проведения аналогичного демографического форума в Самаре в 2005 году.

В течение всего 2004 года архиепископ Сергий проводил встречи с губернатором и председателем правительства Самарской области, руководителями министерств и ведомств, представителями общественных, научных, культурных организаций, творческих союзов, высших

учебных заведений, школ, губернских, региональных и федеральных СМИ, участвовал в работе Совета ректоров. Он активно разъяснял позицию РПЦ по актуальным вопросам современной жизни в СМИ посредством многочисленных интервью в новостных программах, в прямом эфире местных теле- и радиокомпаний, в том числе в регулярно выходящих передачах (новый телецикл «Самарская епархия в лицах» на ТРК «РИО», епархиальной «Символ веры» на ТРК «Орион» и других). Архиепископ Сергий регулярно выступал также в церковных и светских газетах и журналах Самарской области и России, в губернских и общефедеральных интернет-изданиях [1, л. 20].

В 2004 г. началась регулярная трансляция новых православных телепередач, радиопередач на государственных средних и коммерческих коротких частотах.

Итак, в 2004 г. епархия активно участвовала в общественных инициативах, с её участием проводились форумы, конференции, которые нашли отражение в прессе и получили широкий общественный отклик.

Библиографический список

1. Текущий архив Самарского епархиального управления. Отчёт архиепископа Самарского и Сызранского Сергия в Московскую Патриархию за 2004 г.

2. *Чирков М. С.* Традиционное православие в российском обществе начала XXI века // Традиционные общества: неизвестное прошлое: материалы XVI международной научно-практической конференции. Челябинск: Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2020. С. 288–294.

3. *Чиркова Н. В.* Русская Православная церковь как фактор сохранения духовной преемственности и единства народа // Традиционные общества: неизвестное прошлое: материалы XVII Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Челябинск: Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2021. Ч. 1. С. 125–130.

Секция 2

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ/ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ В ОСМЫСЛЕНИИ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (РУБЕЖ XIX–XX вв. – РУБЕЖ XX–XXI вв.)

УДК 94(470.45).084

Е. П. Воробьев,
доцент, Московский государственный технический университет гражданской авиации

«НИКОГДА КАПИТАЛИЗМ НЕ БЫЛ ТАКИМ СВИРЕПЫМ, ТАКИМ БЕССМЫСЛЕННЫМ, ТАКИМ ЛЮДОЕДСКИМ, КАК ТЕПЕРЬ». ВЗГЛЯДЫ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С. К. МИНИНА

Революция 1917 г. в России стала возможной благодаря жертвенному участию в ней лучших представителей партии большевиков. Одним из них являлся Сергей Константинович Минин, прошедший путь от оратора на митингах до главы революционного Царицына. Идеи Минина оказались не востребованы в ситуации строительства Советского государства после окончания Гражданской войны, что вкупе с ухудшением здоровья предопределило трагедию его жизни.

Ключевые слова: революция 1917 г., Гражданская война в России, большевики, Царицын, С. К. Минин

E. P. Vorobyov,
Associate Professor, Moscow State Technical University of Civil Aviation

"CAPITALISM HAS NEVER BEEN SO FEROCIOUS, SO SENSELESS, SO CANNIBALISTIC AS IT IS NOW." EVOLUTION OF VIEWS AND ACTIVITIES OF S. K. MININ

The revolution of 1917 in Russia became possible thanks to the sacrificial participation of the best representatives of the Bolshevik Party in it. One of them was Sergey Konstantinovich Minin, who went from a speaker at rallies to the head of the revolutionary Tsaritsyn. Minin's ideas were not in demand in the situation of building

© Воробьев Е. П., 2022

a Soviet state after the end of the civil war, which, coupled with the deterioration of his health, predetermined the tragedy of his life.

Keywords: the Revolution of 1917, the Civil War in Russia, the Bolsheviks, Tsaritsyn, S. K. Minin

С. К. Минин родился в 1882 г. в семье потомственных священнослужителей. Отец – протоирей Успенского собора посада Дубовка. Сергей Минин закончил духовное училище в Камышине и Саратовскую семинарию. Во время обучения на историко-филологическом факультете Юрьевского университета он попал под влияние революционных идей [9, с. 15–16].

Неблагонадежный студент был вынужден оставить университет и вернуться в родные края, где вступил в РСДРП и участвовал в создании Царицынского комитета партии. В условиях революции 1905–1907 гг. С. К. Минин выступал на митингах, критиковал положение об учреждении Государственной думы и призывал к созыву Учредительного собрания. Его выступления пользовались особым интересом и одобрением широких народных масс [12, с. 2; 13, с. 3; 14, с. 2].

За радикальные призывы и организацию забастовок С. К. Минин был арестован и приговорен к почти двухлетнему тюремному заключению. После освобождения он продолжил революционную борьбу. От нового ареста его спас отъезд за границу для обучения на юридическом факультете Венского университета. В 1910 г. недоучившийся юрист активизировал деятельность социал-демократов в Царицыне. Итогом этого стал второй арест революционера и ссылка на четыре года в Архангельскую губернию, где его здоровье было подорвано [9, с. 18–19].

Возвращение на родину состоялось в 1914 г., но после начала Первой мировой войны Сергей Константинович выступил с антивоенных позиций и был отправлен в двухлетнюю ссылку, на этот раз, в Енисейскую губернию. Возвращение в Царицын в 1917 г. позволило ему быстро выдвинуться на первые роли в новых органах власти. Для общества бывший заключенный являлся героем борьбы с самодержавием, прошедший испытания в царских тюрьмах и ссылках. Его делегировали на партийное совещание в Петроград, где он лично слушал изложение В. И. Лениным «Апрельских тезисов», а позже разъяснял их суть народным массам, набирая огромную популярность среди рабочих и солдат.

Организаторский талант и ораторское мастерство лидера царицынских большевиков стали важной составляющей успеха партии на выборах в Городскую думу летом 1917 г. С. К. Минин стал не только главой Царицына, но и постоянным участником съездов РСДРП(б), организатором Красной гвардии. Время и энергию политика отнимали митинги, совещания по управлению городом, встречи с делегациями,

просителями, многочасовые заседания Городской думы. Так, 19 декабря 1917 г. гласные рассматривали десятки различных вопросов: от избрания членов мирового суда и увеличении жалованья врачам и инженерам до разбора поведения гласного Леонова, который «будучи в пьяном виде, учинил буйство в торгово-промышленных номерах» [1, с. 2]. С. К. Минину приходилось вникать в решение мелких проблем, выступать, убеждать, направлять деятельность органов власти революционного Царицына в конструктивное русло. Лидер местных большевиков хорошо умел разрядить обстановку и управлять аудиторией. На требование вывести Леонова из состава Городской Думы С. К. Минин ответил: «Виноват ли Леонов или нет, – пока неизвестно, но он проявил отвагу при ликвидации погрома винного склада, а потом принимал активное участие в действиях против казаков» [1, с. 2]. Это замечание вызвало смех в зале, и гласные ограничились избранием комиссии для ознакомления с делом.

В историографии сталинского периода политика С. К. Минина в Царицыне жестко критиковалась и даже характеризовалась как предательская [2, с. 56]. Однако недавно опубликованные воспоминания агента белых, начальника штаба Северо-Кавказского военного округа А. Л. Носовича содержат 13 упоминаний о лидере царицынских большевиков, где он рассматривается вместе со Сталиным как эффективный руководитель [4, с. 138–213]. Бывший генерал царской армии подчеркивал успех белых подпольщиков: «мы своим присутствием и военным авторитетом мешали дружной работе Сталина и Минина…» [4, с. 164].

В 1919 г. А. Л. Носович под псевдонимом А. Черноморцев написал цикл статей в журнале «Донская волна». В одной из них автор подробно охарактеризовал С. К. Минина, отмечая что он до появления Сталина был самой выдающейся фигурой в Царицыне. Позволим себе привести обстоятельную цитату из этого малоизвестного источника: «Тем не менее, надо отдать справедливость Минину, что его работоспособность очень большого масштаба. Сколько раз приходилось наблюдать его за работой почти круглые сутки. Для него просидеть восемьдесять часов на коллегиальном решении какого-нибудь вопроса и немедленно отправиться на фронт или заняться чисто городскими делами, которых он не покинул, не представляло видимой трудности. Кроме того, нельзя не отдать ему должного, что он несомненно по природе очень умный, решительный и гибкий человек… Включение Царицына в Северо-Кавказский округ позволило Минину выйти на широкую арену областной деятельности и вот, вероятно, недостаток кругозора бывшего семинариста и стал причиной того, что Минин утерял свой вес и не мог справится с выпавшей на его долю задачей» [11, с. 9].

19 октября 1918 г. Сталин покинул Царицын, а вскоре и Минин получил новое назначение. Осенью 1918 г. он становится членом коллегии НКВД РСФСР, заведует сначала инструкторским отделом, затем отделом управления и одновременно является редактором журнала «Власть Советам». С декабря 1918 г. по июнь 1919 г. Сергей Константинович будучи лектором на курсах агитаторов и инструкторов при ВЦИК разъяснял политику правительства.

С. К. Минин являлся делегатом VIII съезда РКП(б), на котором изложил свое мнение по военному вопросу. Он предложил разделить бывших офицеров царской армии на группы: генералов и генштабистов привлекать выборочно лишь для обучения командиров; средний и низшие слои офицерства также использовать для обучения командного состава, в штабы и руководство военным строительством их допускать временно и только на правах советчиков, управление войсковыми частями доверять только тем, «которые окончательно и искренне перешли на сторону пролетариата…» [3, с. 189]. На съезде и заседаниях военной секции царицынскому лидеру не удалось отстоять свою позицию.

Соратники С. К. Минина по обороне Царицына К. Е. Ворошилов, Р. С. Землячка выступали на съезде одной командой, критикуя тех, кто в 1918 г. не позволил сталинской группировке удержаться в городе [3, с. 178]. Редактор царицынской газеты «Солдат революции» Б. И. Магидов промолчал в прениях, но голосовал против предложений Л. Д. Троцкого по формированию Красной армии.

Мининские тезисы по военному вопросу были опубликованы в эпоху «перестройки» [10]. В них содержались предложения по созданию боеспособной Красной армии «путем всеобщего военного обучения трудящихся» [10, с. 184]. Понимая нехватку времени для реализации классового принципа формирования воинский частей, автор предлагал использование казарм и лагерей с ускоренной подготовкой новобранцев, призванных на добровольной основе. В тезисах осуждались партизанщина, кустарничество, бандитизм, ставилась задача концентрации сил и средств, чтобы помочь Советскому государству выстоять перед внешними и внутренними врагами.

Продолжающаяся гражданская война не дает С. К. Минину сосредоточиться на руководящей и пропагандистской работе. Он выполняет особые задания ЦК РКП(б) в Туле, где надо было успокаивать забастовки, на Западном фронте, где проводилось расследование причин потери Красной армией г. Вильно, его направляли членом Реввоенсовета 10-й армии в Царицын, который, правда, до его прибытия был взят Кавказской армией П. Н. Врангеля. После трех месяцев работы по организации обороны армии в районе Камышина С. К. Минин возвращается

в Москву, где пишет пьесу «Город в кольце», одно из первых советских произведений, освещающих ход революционной борьбы в России.

В первой половине 1920 г. С. К. Минин возглавляет Екатеринославский губревком на Украине, где надо было укреплять советские органы власти. ЦК РКП(б) командировал на Екатеринославщину опытных партийных работников из центра, в 1920 г. здесь побывали М. И. Калинин, А. В. Луначарский, И. В. Сталин, М. В. Фрунзе, Г. И. Петровский. Однако С. К. Минин быстро получил новое назначение – члена Реввоенсовета 1-й Конной Армии. Отвечая за дисциплину и политическую подготовку бойцов и командиров, он участвовал в советско-польской войне. Под его началом были пресечены бесчинства и наказаны погромщики в 6-й кавалерийской дивизии И. Р. Апанасенко [9, с. 90–96].

Участие в IX и X съездах РКП(б), деятельность в качестве члена ВЦИК Съезда Советов, члена ЦК КП(б) Украины и СНК Украины С. К. Минин совмещал с политической работой в войсках Украины и Крыма.

29 мая 1921 г. Минин попал в автомобильную аварию и после лечения был демобилизован. В Петрограде Сергей Константинович стал ректором Коммунистического университета им. Г. Е. Зиновьева, а в 1925 г. профессором и ректором Ленинградского госуниверситета.

Несогласие со сталинским курсом и ухудшение состояния здоровья привели к постепенной потере Мининым всех должностей. Из Ленинграда он переехал в Москву. 10-летний юбилей обороны Царицына заставил власти вспомнить о заслугах бывшего главы революционного города и прекратить гонения. Участники гражданской войны помнили, как он вместе с товарищами Сталиным и Ворошиловым руководил защитниками «Красного Вердена». 20 февраля 1928 г. С. К. Минин был награжден орденом Красного Знамени.

В условиях усиления репрессий решением Центральной контрольной комиссии ВКП(б) Минин был исключен из партии за троцкизм (8 марта 1929 г.). В 1932 г. он был отправлен в ссылку в бывший Нарымский край, но возвращен в силу былых заслуг и очевидности плохого состояния его душевного здоровья.

Пенсии в 300 руб. с трудом хватало на жизнь. В войну жену – Р. С. Френкель эвакуировали, и материальные проблемы семьи обострились. Родные обратились к К. Е. Ворошилову, который просил помочь с выплатой пенсии, но поддержанное на столь высоком уровне ходатайство было отклонено [5, л. 57].

Минин С. К. пытался вести активную общественно-политическую жизнь. Еще в 1927 г. по случаю 10-летнего юбилея революции он пишет статью в «Правду», в которой прославляет В. И. Ленина, называя его – «величайший и любимейший из вождей пролетариев, трудящихся и всех угнетенных» [5, л. 40].

В соответствии с марксистко-ленинским учением Минин ждал мировую революцию, выдвигая лозунг «За социалистический Земной Шар!» [7, л. 2, 119]. В своих записных книжках он пытался определить очередность распространения революционной волны в ведущих странах мира. Анализируя мировые события, С. К. Минин понимал глубину кризиса капиталистической системы на рубеже 1920–1930-х гг. и призывал всеми силами продолжить революционную борьбу, подчеркивая, что «никогда капитализм не был таким свирепым, таким бессмысленным, таким людоедским, как теперь» [8, л. 18].

Разочарование в мировой революции усиливало недовольство бывшими соратниками по партии. В одной из записей С. К. Минин назвал Сталина и Троцкого – дьячками и барабанщиками американского капитализма [7, л. 5]. Приведем одно из произведений персонального пенсионера, названное автором «Из города в деревню»: «Не только свергнуть, а на всякий случай

Давно пора у Сталинской «мошки»
Примерно где-нибудь у вас под кручей
Поотвинтить разок совсем башки
Передавить весь Царский Дом их сучий!» [6, л. 11 об.].

Эмоциональные оценки переполняют дневниковые записи, в них содержатся воспоминания о революционном прошлом, призывы к смещению Сталина.

Умер Минин 8 января 1962 г. в возрасте 79 лет. Весь смысл его деятельности был в классовой борьбе, в мировой революции. В длинной постреволюционной жизни старый ленинец так и не смог найти свое место. По поводу 80-летия со дня рождения умершего члена партии даже вышла заметка в газете «Правда» [15, с. 4]. Однако вплоть до недавнего времени его имя оставалось в памяти только профессиональных историков, музейных работников и краеведов.

Библиографический список

1. Волго-Донской край. 1917. 21 декабря. № 261.

2. *Воробьев Е. П.* Советская историография революционных событий 1917 г. в Царицыне // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2017. № 3. С. 53–60.

3. VIII Съезд РКП(б) Стенограмма заседаний военной секции съезда 20 и 21 марта 1919 года и закрытого заседания съезда 21 марта 1919 года // Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 171–182.

4. *Ганин А. В.* «Шесть месяцев среди врагов» бывшего генерала Анатолия Носовича // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 4 (19). С. 138–213.

5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А 539. Оп. 5. Д. 2576.
6. ГА РФ. Ф. 9571. Оп. 1. Д. 8.
7. ГА РФ. Ф. 9571. Оп. 1. Д. 9.
8. ГА РФ. Ф. 9571. Оп. 1. Д. 12.
9. Минин: портрет на фоне эпохи: монография / Л. И. Будченко, Ю. Ф. Болдырев, О. А. Калашникова [и др.]. Волгоград: Принт, 2020.
10. *Минин С. К.* Военное строительство: тезисы // Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 183–189.
11. Мужественный революционер // Правда. 1962. 29 июня. № 180.
12. Царицынский вестник. 1905. 16 нояб. № 2280.
13. Царицынский вестник. 1905. 23 нояб. № 2289.
14. Царицынский вестник. 1905. 29 нояб. № 2292.
15. *Черноморцев А.* Красный Царицын // Донская нива. 1919. 3 фев. № 6.

УДК 123.1

В. В. Гаврилова,
доцент, Пермский институт железнодорожного транспорта,
филиал Уральского государственного университета путей сообщения

РАЗЛИЧНЫЕ АСПЕКТЫ СВОБОДЫ И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ПРАВОСЛАВНОМ ПОНИМАНИИ

В религиозном дискурсе существует очень интересная тема, связанная со свободой. Свобода вероисповедания, свобода совести, свобода выбора волнуют и консервативное религиозное сообщество. Современный мир с его гимном индивидуализму затрагивает данную проблематику, отражается и на церковном мировосприятии.

Ключевые слова: Православная церковь, РПЦ, свобода вероисповедания, свобода совести, свобода выбора, право на неповиновение

V. V. Gavrilova,
Associate Professor, PIRT USURT (Perm Institute of Railway Transport Urals State University of Railway Transport)

VARIOUS ASPECTS OF FREEDOM AND HUMAN RIGHTS IN THE ORTHODOX UNDERSTANDING

There is a very interesting topic related to freedom in religious discourse. Freedom of religion, freedom of conscience, freedom of choice are also of concern to the conservative religious community. The modern world, with its hymn to individualism, touches on this problem, and is reflected in the church's perception of the world.

© Гаврилова В. В., 2022

***Keywords*:** Orthodox Church, ROC, freedom of religion, freedom of conscience, freedom of choice, right to disobedience

Христианство, в известной мере, повлияло на появление и оформление категории – права человека. В христианском учении содержаться мысли о единстве человеческого рода, о равенстве его членов, о единственности и достоинстве каждого отдельного человека, о личной ответственности каждого, о любви к ближнему и о сохранении мира.

В православии эта категория воспринимается церковью как право на своеволие, а не свободу. Тем не менее, принцип свободы совести, применительно к церковно-государственным отношениям, воспринимается как необходимость для обоснования принципа отделения церкви от государства.

Перемены в отношении государства, светской власти к религии осуществляются уже не первое десятилетие. На смену атеистическому курсу пришла веротерпимость, закреплённая в законах. В обществе транслируются идеи о гражданской религии, о нравственной и моральной составляющей православной веры, необходимых для формирования гражданских основ личности.

Вопрос о свободе личности, который рассматривается в православии весьма консервативно, рассматривался и русской философией. С точки зрения христианства он был проанализирован Н. А. Бердяевым. В его понимании, свобода неотрывна от религиозного бытия, это долг христианина. Бог принимает только свободных людей. Только на основе свободы возможно объединение всех христиан. Бердяев выступал против принуждения не только в религиозной сфере, но и в гражданском обществе, развивая мысль о демократии в России [1]. Думается, что современное православие исходит из такого понимания свободы. Свобода должна быть осознана, и восприниматься как обязанность человека, а не как его право. «Для многих представителей русской православной мысли присуща вера в торжество позитивных идеалов, в свободу, справедливость, добро. «Добро всё-таки есть… мера добра в человечестве вообще возрастает», – утверждал В. С. Соловьёв» [8; 44]. Современная православная концепция призывает христиан к построению идеального общества, основанного на идеях добра, справедливости, но ещё громче раздаётся её голос, обличающий падшую природу человека, его греховность, несовершенство.

Актуальной является проблема взаимоотношений церкви с государством. Церковь «вправе ожидать, что государство при построении своих отношений с религиозными объединениями будет учитывать количество их последователей, их место в формировании культурного исторического и духовного облика народа, их гражданскую позицию»

[6; 3.6]. РПЦ претендует на главенствующее положение в религиозной системе России. Но Россия страна многоконфессиональная. Одна религия не в силах определять духовный и нравственный облик народа. В секуляризованной стране сложно ожидать, что религия сможет влиять на принятие решений. Власть не должна отдавать предпочтения какой-либо религии, чтобы сохранить единство общества. Если государство будет учитывать заслуги каждой религии, то нарушит принцип свободы совести, поддержит притязания РПЦ на духовную монополию. «Не признавая принцип свободы совести, церковь неминуемо вовлекается в общественную борьбу, которая принимает партийно-сектантский характер. И логика этой борьбы приводит к развитию антиклерикальных и антиправославных движений и партий» [9; 17].

Практика так называемой «симфонии» государства и церкви находит отражение и в сегодняшней ситуации. Государство и церковь имеют разную природу, они неравноправны: церковь основана Богом, а богоустановленность государства является опосредованно. Следовательно, церковь обладает высшим авторитетом в обществе, в силу своей природы. Учитывая светский характер современного общества, признаваемый и церковью, возникает противоречие по поводу исполнения государственных и светских законов.

В светском обществе главенствует закон, принятый людьми. Закон определяет взаимодействие в обществе, степень свободы, права, возможность выбора, т. е. все области жизни. Церковь признаёт светский характер государства, важный и для её существования, но оставляет за собой право обращения к власти, вплоть до отказа в повиновении государству. В известном смысле, это было революционное заявление, вызов традициям. Всякая власть от Бога, следовательно, её нужно принимать. Линия государства не всегда выстраивается в соответствии с божественными заповедями, в каком случае необходимо протестовать? Кто возьмёт на себя ответственность за интерпретацию той или иной ситуации? Можно соглашаться с богоустановленностью церкви, но её служители являются людьми, которым свойственно заблуждаться.

Большинство людей, отождествляющих себя с православием, негативно оценивают вмешательство церкви в политику. Право на неподчинение является средством политическим. Православие не обладает статусом государственной религии, поэтому призыв можно рассматривать как декларативный, имеющий нравственное звучание, либо же, как деструктивный, имеющий целью нарушить существующий порядок. В правовом государстве невозможно подчинять действия установкам одной религии, тем более, что Россия многоконфессиональная страна.

Можно объяснить, чем продиктованы подобные намерения. Церковь претендует на духовный авторитет в обществе (не без оснований) и

мыслит себя хранительницей нравственной основы нашей жизни. В силу этого, она и притязает на подобные действия (неповиновение).

Положение о неповиновении рассматривается по-разному [7]. Исследователь А. В. Логинов полагает, что это не связано с претензией РПЦ на участие в политической жизни, а звучит как крайняя мера, когда людей призывают к богоотступничеству [5; 74]. Исследователь А. Г. Залужный считает, что Конституция РФ исключает «возможность принятия государством правовых актов, противоречащих внутренним установлениям законно действующих религиозных объединений» [4; 179]. (Это утверждение является спорным. Законы носят светский характер, следовательно, противоречия с религиозными установками могут иметь место). Поэтому, подобные предписания могут спровоцировать поведение верующих. Может возникнуть противоречие между религиозными представлениями и нормами права о пределах правового регулирования различных сторон жизни. На наш взгляд, сложно представить практическое воплощение данного принципа. Он совершенно не вписывается в законодательство, светский характер государства и мировоззрение граждан. В возможности гражданского неповиновения заложен вариант вмешательства церкви в политику.

С одной стороны, церковь заняла совершенно правильную позицию дистанцирования от государства, политики, понимая, к чему может привести тесная связь. С другой стороны, церковь, заявляя о возможности неповиновения, заявляет себя как политическая сила. Принцип свободы совести низводит церковь на положение частной сферы жизни каждого гражданина. При подобном положении вещей политические амбиции РПЦ (они выходят за рамки частностей) могут восприниматься негативно. Таким образом, право на призыв к гражданскому неповиновению обретает политический оттенок и нарушает практику дистанцирования РПЦ от государства.

Частью общества является личность. Она – носитель его идеалов, она воплощает их в жизнь. Личность – это человеческий индивид, действующий, наделённый волей и стремлениями, представляющий свои мысли, взгляды, суждения, имеющий претензии и права, настроения и оценки. Индивид соединён с другими человеческими индивидами, имеющими свою манеру общения, высказывания, волю и стремления. Личность встречается с мыслями, взглядами, суждениями других и занимает какую-то позицию по отношению к их претензиям, настроениям и ценностям [3; 244].

Одно из важнейших прав человека – это право на свободу совести. Данный принцип отрицается как проявление греховной природы человека. С другой стороны, он признаётся как необходимый для

свободы церкви. Таким образом, понимание свободы носит ограниченный характер. Свобода понимается мистически, как ведущая к Христу, к спасению. Свобода для себя, но не для других. Это не принцип существования общества, не одна из его фундаментальных ценностей, а путь постижения Бога. Аргументы церкви сводятся к тому, что современный человек настолько грешен, что не способен воспользоваться свободой во благо. Вместе с тем, человек понимается как онтологически свободное существо, которому необходима «некая автономная сфера, где его совесть остаётся «самовластным» хозяином» [6; 4.6]. Здесь обнаруживается рискованная сторона концепции, сопряжённая с безосновностью свободы, её пониманием как абсолютного дара Бога человеку. Общество же пытается найти и укрепить основания свободы в своём существовании. Свобода им воспринимается не как дар, а как завоевание, которое необходимо поддерживать.

Концепция прав человека призвана защитить общество от анархии и своеволия отдельных людей. Восприятие внешних регуляторов в жизни общества и человека способно повлиять и на внутреннюю природу воспринимающего. Понимание и освоение собственных прав невозможно без понимания и уважения прав другого человека. Собственная свобода невозможна без свободы других. В противном случае она превратится в свободу публичную, а не личную. Думается, что христианство говорит, прежде всего, о свободе духа. В этом смысле, концепция нуждается в дальнейшей разработке и осмыслении вопроса о свободе совести и правах человека в целом.

В христианстве мир «совершенен и гармоничен», поскольку сотворён Богом. Человек может жить праведно с помощью Бога. Светское право тоже часть сотворённого мира, но оно ограничено и несовершенно, т. к. является «продуктом исторического развития». Право определяет лишь внешнюю сторону жизни. Задача закона – «не в том, чтобы лежащий во зле мир превратить в Царство Божие, а в том, чтобы он не превратился в ад» [6; 4.2]. В церкви «действует особое право, основу которого составляет Божественное Откровение» [6; 4.5]. «Оно непосредственно не может быть частью гражданского законодательства» [6; 4.5], хотя может оказать на него благотворное влияние. Таким образом, невозможно установить христианское право без воцерковления общества. Несовершенное законодательство не связано с объективной необходимостью его совершенствования по мере развития общества. Несовершенство закона – это результат несовершенства и греховности человека. Субъективная оценка состояния законодательства не мешает церкви призывать «пасомых быть законопослушными гражданами земного отечества» [6; 4.9].

Особо понимаются в православии права личности. «Бог создал душу свободною и самовластною и она вольна поступать, как хочет –

хорошо или худо» [6; 4.6]. Внутренние права (совесть) дополняются и гарантируются внешними правами (права личности). «По мере секуляризации высокие принципы неотчуждаемых прав человека превратились в понятие о правах индивидуума вне его связи с Богом» [6; 4.7]. Человек – это не что иное, как образ божий, подобие Бога. Следовательно, он находится под защитой Бога, он воспринимает себя через призму Бога и его заповедей. Человек – это не просто живой организм, обладающий даром мышления и речи, способный создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда, но наделённый душой, верующий. Человек волен поступать как хочет, его путь может быть от Христа и к Христу, он может погибнуть и может спастись. Человек свободен благодаря Богу. Индивидуум – это самодостаточный, самодовлеющий субъект. Он обладает правами, он свободен верить и не верить, служить Богу и не служить. С точки зрения глубинного смысла, понятия человек и индивидуум отличаются своей значимостью. В человеке воплощается высший идеал – «чело века». В индивидууме отмеряется положение, права, биосоциальная сущность. Права личности, таким образом, раскрываются в человеческом отношении, когда личность приближается к своему создателю, когда в личности начинает проявляться лик. Права индивидуума – это набор прав, позволяющих совершать внешние действия, быть гражданином. В любом случае, церковь призывает задуматься о предназначении человека, а не только о правах индивидуума. В этом смысле права человека приобретают этическое значение, в отличие от светского восприятия. В последнем случае, права человека рассматриваются, прежде всего, как его возможности для организации своего поведения в обществе.

Непростое толкование свободы совести, свободы человека создаёт трудности при рассмотрении такой проблемы, как баланс «между степенью регламентации (необходимой для установления и поддержания порядка) и степенью личной свободы, без которой не может быть речи об осознанной вере и независимом мировоззрении» [2; 75]. Оказывается сложным примирить христианскую этику и светское право.

Библиографический список

1. *Бердяев Н. С.* Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.

2. *Вениамин (Новик), игумен.* Анализ 1–5 глав «Основ социальной концепции РПЦ» // Социс. 2002. № 4.

3. *Гарман Н.* Философский энциклопедический словарь. М.: Инфра – М, 2004.

4. *Залужный А. Г.* Христианская этика и светское право // О социальной концепции русского православия / под ред. М. П. Мчедлова. М..: Республика, 2002.

5. *Логинов А. В.* Актуальные проблемы государственно-конфессиональных отношений // О социальной концепции русского православия / под ред. М. П. Мчедлова. М.: Республика, 2002.

6. Основы социальной концепции РПЦ. 2000.

7. *Смирнов А.* Церковь пригрозила гражданским неповиновением // НГ-религии. 2000. 13 сентября.

8. *Соловьёв В. С.* // Новая и новейшая история. 1993. № 6. С. 44. См.: Ковальский Н. А. Социальные проблемы в христианстве. Исчерпала ли себя христианская социальная мысль?

9. *Филатов С.* Нет совести без свободы совести // Религия и право. М., 1996.

УДК 159.92+929.5+930.85

Д. Ю. Гладышев,
педагог-психолог, Городской центр
психолого-педагогической поддержки молодежи «Родник»

ЛИЧНОСТЬ Л. Н. ТОЛСТОГО: ПОПЫТКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В статье автор осуществляет психологический анализ личности Л. Н. Толстого на основе теории К. Г. Юнга.

Ключевые слова: экстраверт, сенсорик, соционика, дневник, мемуары

D. Yu. Gladyshev,
Teacher-psychologist, City Center for Psychological
and Pedagogical Support of Youth "Rodnik"

PERSONALITY L. N. TOLSTOY: ATTEMPT TO PSYCHOLOGICAL ANALYSIS

In the article, the author carries out a psychological analysis of the personality of L. N. Tolstoy based on the theory of K. G. Yung.

Keywords: extrovert, sensoric, socionics, diary, memoirs

Л. Н. Толстой был всемирно известен еще при жизни. Поэтому его личность, его творчество во все времена были и остаются предметом пристального внимания исследователей, в том числе с психологической и медицинской точек зрения. Примеры этого можно найти в трудах Ч. Ломброзо, А. М. Евлахова, А. Аугустинавичюте, Н. Р. Якушиной, Е. С. Синицына, У. Джеймса, И. Б. Мардова.

© Гладышев Д. Ю., 2022

Я в своей статье также осуществляю попытку дать психологическую характеристику личности творчеству Л. Н. Толстого, основываясь на подходе К. Г. Юнга. К. Г. Юнг создал свою типологию личности, дав характеристику типов, «своеобразие которых складывается вследствие того, что индивид приспособляется или ориентируется, главным образом, посредством своей наиболее дифференцированной функции» [5, с. 402]. Он выделил общие типы установки в зависимости от направленности психики.

Взяв за основу типологию К. Юнга, современный исследователь Д. Кейрси создал опросник для определения психотипа личности. Для определения психологического типа Л. Н. Толстого я воспользовался этой экспериментальной методикой, поставив мыслительный эксперимент. На каждый вопрос опросника я брал ответ из дневников и некоторых других работ писателя. В ряде случаев я прибег к помощи мемуаров. Для иллюстрации того, как я это сделал, приведу пример нескольких вопросов из опросника Д. Кейрси и подобранных мной из наследия Л. Н. Толстого ответов на них:

2) Вы человек скорее

б) склонный теоретизировать, чем реалистичный. Он очень много написал философских и педагогических трудов. Также в пользу этого говорит следующая цитата: «дал себе вообще за правило, читая всякое сурьезное сочинение, обдумывать его и выписывать из него замечательные мысли» [3, с. 7] Мысль – основа теоретизирования.

10) Вам интереснее

а) то, что происходит в действительности. Л. Н. Толстой – писатель-реалист и не написал ничего фантастического. Записи в дневнике от 11, 20, 23, 26 ноября и 7 декабря 1854 года посвящены очень кропотливому и подробному описанию военных событий. Особенно в молодости в дневнике Л. Н. Толстого очень много описательного.

13) Вы человек скорее

а) точный, пунктуальный. «С нынешнего вечера, в каких бы я ни был обстоятельствах, я даю себе слово каждый вечер исполнять это» [3, с. 89] «В каких бы я ни был обстоятельствах» – то есть он точный.

21) Как, по-вашему, вы человек скорее

а) серьезный, определенный. «Я был бы несчастливейший из людей, ежели бы я не нашел цели моей жизни – цели общей и полезной, полезной потому, что бессмертная душа, развившись, естественно перейдет в существо высшее и соответствующее ей. Теперь же жизнь моя будет вся стремлением деятельным и постоянным к этой одной цели» [3, с. 14]

27) Обычно вы предпочитаете действовать

а) тщательно оценив все возможности. «Не составляй себе мнения о человеке до тех пор, пока твой первый взгляд не изменится» [3, с. 113] Следовательно, Л. Н. Толстой предлагает очень взвешенный подход.

29) В компании вы, как правило

а) первым заводите беседу. «Избирать положения трудные, стараться всегда владеть разговором, говорить громко, тихо и отчетливо, стараться самому начинать и самому кончать разговор» [3, с. 25]

39) Что приносит вам больше удовлетворения

а) тщательное и всестороннее обсуждение. «Интересно, как он решает религиозный вопрос» [3, с. 332]. Ему интересна чужая точка зрения – исток обсуждения.

43) Вы предпочитаете иметь

б) несколько старых друзей. Нельзя сказать, что у Л. Н. Толстого не было друзей. Но он писал: «Почти каждый раз при встрече с новым человеком я испытываю тяжкое чувство разочарование» [3, с. 100]. Л. Н. Толстой предпочитал иметь несколько старых друзей: «Без друзей скучно» [3, с. 153]. Илья Толстой писал, что Л. Н. Толстой «всю жизнь искал настоящей дружбы с людьми, равными ему, обогащающими и ум, и сердце, искренними и правдивыми» [2, с. 155].

Подобного рода вопросов в опроснике Д. Кейрси семьдесят. По результатам проведенного мной эксперимента с использованием данной методики получилось, что Л. Н. Толстой – сенсорнологический рассудочный экстраверт, доверяющий опыту, здравому смыслу, логичный, перспективно планирующий, рассудочный сенсорик.

Что же значат эти характеристики и как они проявлялись в жизни писателя и мыслителя?

С одной стороны, Л. Н. Толстой был писателем, а это предполагает долгую и напряженную работу вне коллектива. С другой стороны, Л. Н. Толстой – видный общественный деятель. С этим совпадает высказывание Л. Н. Толстого 17 марта 1847 года: «Уединение равно полезно для человека, живущего в обществе, как общественность для человека не живущего в оном» [3, с. 7].

Он желал, верил и оперировал фактами и опирался на личный и глобальный опыт человечества. В пользу этого свидетельствуют хотя бы «Путь жизни» и «Круг чтения» Л. Н. Толстого.

Очень пунктуален, интересовался мелочами и не терпел легкомыслия в работе. Ему был непонятен язык интуитивов. Детей хотел подготовить к суровым трудностям жизни. В этой связи он писал: «Хорошему сыну состояние не заводи, дурному не оставляй» [4, с. 87].

Решения, принятые на базе личного опыта, считал необоснованными и необдуманными. Личный опыт – это своего рода философия. Л. Н. Толстой считает, что «легче написать десять томов философии,

чем приложить какое-нибудь одно начало к практике» [3, с. 7]. Здесь выражено отрицательное отношение к решениям, принимаемым на основе личного опыта – философии данного человека.

Был очень сдержанным и стеснялся открыто проявлять свои эмоции.

Он предпочитал определенность в отношении всех проблем. Он испытывал неудобство при наличии нерешенных ситуаций и вопросов. Ему свойственно устанавливать сроки выполнения какой-либо работы. Пословица «Делу – время, потехе – час» о таких людях. Его отдых непродолжителен. Он ориентирован на результат.

Л. Н. Толстой – экстраверт вел большую переписку с людьми. «Иногда, когда письмо заинтересовывало его, он сам начинал отвечать на него. Приходило в Ясную Поляну на имя Толстого немало писем. Каждый считал своим долгом обратиться к Толстому, посоветоваться с ним» [2, с. 45].

Вел постоянную организованную общественную деятельность. Люди такого психологического склада, как Л. Н. Толстой, «значительно чаще, чем представители других типов, …являются основателями, членами или сторонниками разнообразных общественных организаций, будь то церковная община» [1, с. 55]. В пользу этого свидетельствуют цитаты из дневника писателя: «Составить религиозное руководство простому народу в проповедях,» [3, с. 114] – и – «Вчера разговор о божественном и вере навел меня на великую громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. Мысль эта – основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры к таинственности, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле» [3, с. 139–140]. У нее свой культ: «Я забыл бога, не молился» [4, с. 54–55]. Следовательно, у этой веры были молитвы. С возрастом росло значение традиции. Если их не было, Л. Н. Толстой создавал их. Потребность в постоянной заботе – исток общественной деятельности Толстого. В дневнике он писал: «Счастливые периоды моей жизни были только те, когда я всю жизнь отдавал на служение людям. Это были: школы, посредничество, голодающие и религиозная помощь» [4, с. 135]. Он, как типичный рассудочный сенсорик, был преподавателем, летописцем общества, посредником. Вот, как он прореагировал на назначение себя мировым посредником: «Меня назначили мировым посредником, я принял» [3, с. 235]. Его действительно увлекла педагогика: «думал много о педагогических началах. Я обязан написать все, что знаю об этом деле» [3, с. 285]. Его образцом жизни была роль школьного учителя (мораль есть практически во всех произведениях Л. Н. Толстого). Он консерватор. Для него значимы титулы и звания. Это характерно для молодого Л. Н. Толстого. В дневнике он писал:

«Искать общества с людьми, стоящими в свете выше, чем сам» [3, с. 25]. Хотя, уже через год-два он отказывался, встал на противоположную точку зрения. И еще он писал: «Известие о том, что мне не вышло креста, очень огорчило меня; но странно – через час я успокоился» [3, с. 120]. Старался установить законы общественного развития. Он был столпом социальной и экономической жизни (с какой любовью нарисован Левин в «Анне Карениной»). В дневнике есть запись: «В хозяйстве я хотел достигнуть совершенства и забывал, что прежде нужно исправить несовершенства, которых слишком много, хотел правильного разделения полей, когда мне нечем было их удабривать и сеять» [3, с. 124]. Но в следующем году он писал: «Назначение мое, сколько мог я понять из 10-летнего опыта, не есть практическая деятельность; поэтому хозяйство более всего несообразно с моим направлением» [3, с. 141].

И. В. Толстой пишет, что вспоминая свое детство, на закате жизни Л. Н. Толстой говорил: «Все окружавшие мое детство лица – от отца до кучеров – представляются мне исключительно хорошими людьми» [2, с. 107]. Он был «находкой» для родителей и учителей. Л. Н. Толстой с большой теплотой отзывался о массе своих далеких тетенек и других родственников. Он стал учителем, с уважением относился к педагогической сфере.

Можно сказать, что в жизни он следовал пословице: «Делу – время, потехе – час». Это подтверждают факты, приводимые И. Толстым. Он писал, что 18 лет от роду Л. Н. Толстой заинтересовался хозяйством, постоянно общался с управляющим Андреем Ильичем Соболевым и возмущался его злоупотреблениями, вызванными бесконтрольностью. Потенциал для личностного роста находил в общении с представителями других типов.

Он был верен супружеским клятвам. Будучи еще холостым, в 1852 году в письме к Т. А. Ергольской, Толстой проектировал свою будущую жизнь: «Я женат – моя будущая жена кроткая, добрая, любящая и она все любит так же, как и я… Николенька… моя жена будет хлопотать, чтобы сделать ему любимые кушанья» [2, с. 147].

До свадьбы мог погулять. Об этом он вспоминал в старости: «Все пишут мою биографию – да и все биографии – о моем отношении к седьмой заповеди ничего не будет. Не будет вся ужасная грязь рукоблудия и хуже, с 13, 14 лет и до 15, 16 (не помню, когда начался разврат в распутных домах). И так до связи с крестьянкой Аксиньей – она жива. Потом женитьба, в которой опять, хотя я ни разу не изменил жене, похоть по отношению жены скверная и преступная» [4, с. 285–286].

Ярко выражена потребность иметь детей – продолжателей рода: «Дети – милы!» [3, с. 343]

В 1897 году он размышлял: «влюбленные любят не предмет, а то, что он вызывает в них» [4, с. 75] – и, – «Еще думал нынче же совсем неожиданно о прелести именно прелести – зарождающейся любви…» [4, с. 78]. Но он был противником абсолютизации любви: «нравственный человек будет смотреть на исключительную любовь – все равно женатый или холостой – как на зло, будет бороться с ней; малонравственный человек будет делать ее добром и будет поощрять ее. Совсем безнравственный человек не понимает даже и это и смеется над ней» [4, с. 87].

Как отец он требовал от детей традиционных вариантов поведения. Подтверждает и не подтверждает это одновременно следующая дневниковая запись: «Думал: какое удивительное дело – неуважение детей к родителям во всех сословиях, похвальное! Это важный признак времени; уважение и повиновение из-за страха кончилось, отжило, выступила свобода. И на свободе должно вырасти любовное отношение, включающее в себя все то, что давал страх, но без страха» [3, с. 392]. Здесь Л. Н. Толстой-отец выступает как сын своего времени. Для него было характерно чувство «истории семьи». Он писал про Тургенева: «Дом его показал мне его корни и много объяснил, поэтому примирил с ним» [3, с. 156]. Н. А. Некрасову Л. Н. Толстой мог сказать: «Я аристократ потому, что вспоминать предков – отцов, дедов, прадедов моих мне не только не совестно, но особенно радостно» [2, с. 156]. Многие персонажи его художественных произведений списаны с предков. Все запланировано, предпочитал, чтобы гости заранее предупреждали о своем приходе. Вместе с тем, в семье Л. Н. Толстой жаловался на скуку и предпочитал ей работу: «Все занятие моей жизни есть (...) сознание и выражение истины» [3, с. 347].

Библиографический список

1. *Овчинников Б. В., Павлов К. В., Владимирова И. М.* Ваш психологический тип. СПб.: Андреев и сыновья, 1994.

2. *Толстой И. В.* Свет Ясной Поляны. М.: Молодая гвардия, 1986.

3. *Толстой Л. Н.* Дневники 1847–1894 гг. // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. М.: Художественная литература, 1985. Т. 21.

4. *Толстой Л. Н.* Дневники 1895–1910 гг. // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. М.: Художественная литература, 1985. Т. 22.

5. *Юнг К.* Психологические типы. М.: Прогресс-Универс; СПб.: Ювента, 1995.

УДК 930; 323.329
А. А. Гофман,
доцент, ВЮИ ФСИН России (Владимир)
А. С. Тимощук,
доцент, ВЮИ ФСИН России (Владимир)

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ОСМЫСЛЕНИИ УСТОЙЧИВОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Философия антихрупкости – ключ к улучшению управления социокультурными объектами. Современное сетевое общество характеризуется неопределенностью и описывается в терминах «новая нормальность», VUCA-факторность, хаосмос и т. п. Применение философии антихрупкости может привести к рационализации управления. В статье рассматриваются видные интеллектуалы прошлого столетия, репрессированные за свою научную позицию в исследовании экономической устойчивости.
Ключевые слова: устойчивое развитие, длинные волны, конъюнктура, Кондратьев, Слуцкий, Юровский, философия антихрупкости

A. A. Gofman,
Associate Professor, VUI FSIN of Russia (Vladimir)
A. S. Timoschuk,
Associate Professor, VUI FSIN of Russia (Vladimir)

INTELLECTUALS IN UNDERSTANDING THE SUSTAINABILITY OF RUSSIAN SOCIETY

An anti-fragility philosophy is the key to better management of socio-cultural objects. Modern network society is characterised by uncertainty and described in terms of 'new normality', VUCA-factoricity, chaosmos, etc. The application of an anti-fragility philosophy can lead to a rationalisation of governance. The article looks at prominent intellectuals of the last century who were repressed for their scientific stance in the study of economic sustainability.
***Keywords*:** sustainable development, long waves, conjuncture, Kondratiev, Slutsky, Jurowski, anti-fragility philosophy

Советская система отторгала любые дефляционные тренды и репрессировала тех экономистов, которые адекватно подходили к прогнозу деловой активности. Хозяйственная модель военного коммунизма была основана на репрессивных методах: экспроприации собственности, изъятии зерна, эксплуатации населения, бесплатном труде заключённых. Попытки совместить мобилизационную военную экономику с

© Гофман А. А., Тимощук А. С., 2022

реформами потребительского рынка для создания благоприятного имиджа социализма привели, в итоге, к демонтажу СССР, ибо реформы Н. С. Хрущёва, А. Н. Косыгина, Ю. В. Андропова, М. С. Горбачёва были неспособны примирить утопические идеалы коммунизма и растущие нужды советского потребительского рынка [5].

Концепцию России как государства «длинной воли» выразил политик В. Ю. Сурков, проводя аналогию между долгосрочными проектами Ивана IV, Петра I, Ленина и В. В. Путина, которые обеспечивали долгосрочное выживание политической системы в сложных меняющихся внешних условиях [4]. «Путинизм» – это идеология длинных циклов и адекватной жизнеспособности государства в контексте новой нормальности, VUCA факторности, нестационарности и бескомпромиссности глобальных порядков. Даже после распада СССР Россия сохранила, благодаря В. В. Путину, роль международного актора. Природная интуиция позволяет оставаться Президенту в контакте с пульсом страны и мира, проводя гибкую политику между традициями России и социотехническими инновациями.

Авторы исходят и того, что мир является сложной системой, которая нуждается в комплексных описаниях и универсальных методологических принципах, таких как диалектика, когнитивизм, дополнительность. Политэкономия и эконометрия работают на разных уровнях и они вполне логично могут друг друга дополнять, опосредуя отношения индивид – традиция – рынок – государство – мировая экономика [3].

Идея построения единой системы объяснения прошлого, настоящего и предсказания будущего очень амбициозна и встречается в самых разных областях: философии, математике, физике, химии, биологии. В экономической теории таким амбициозным предсказательным инструментом является теория длинных волн, называемые ещё «волны Кондратьева».

Николай Дмитриевич Кондратьев – талантливый экономист и организатор экономической науки, ученик М. И. Туган-Барановского, разработчик теории НЭПа, автор денежной политики Советской власти и первой «пятилетки Кондратьева». Мировую известность ему принесла вероятностная модель прогнозирования развития экономики. Благодаря Й. Шумпетеру, назвавшего суперциклы именем российского экономиста, во всём мире стали известны разработки Николая Дмитриевича (Kondratiev waves). Сам он был репрессирован в 30-е годы по сфабрикованному ОГПУ делу трудовой крестьянской партии.

Н. Д. Кондратьев рассчитывал длинные циклы экономики, но не учёл короткие циклы репрессий. После ленинской политики НЭПа Сталин задумал избавиться от «всей этой партийной государственной гнили». Для него Кондратьев, Бухарин и Суханов в начале 1930 г.

воспринимались как единый интеллектуальный центр, мешающий сворачиванию НЭПа [1].

В период террора 30-х годов действовало пять политических изоляторов: Верхнеуральский, Суздальский, Тобольской, Челябинский и Ярославский, где содержались, сначала, реальные политические противники большевистского режима, а, затем, старые большевики, обвинённые по сфабрикованным делам. Суздальский политический изолятор располагался в Спасо-Евфимиевом монастыре, чей мощный крепостной комплекс сооружений наилучшим образом отвечал требованиям органов госбезопасности. Вдобавок монастырь имел специально предназначенный для этой цели арестантский корпус, построенный в первой половине XIX в. [6]. История и устройство монастырской тюрьмы, условия содержания заключённых, состав контингента в «Суздальской Бастилии» хорошо описаны в серии публикации владимирского историка И. Н. Федотовой [7, 8, 9] .

Представляют ценность письма Кондратьева, интерес к которым начался с политикой гласности в стране и не прекращается до сих пор, как мы можем судить по публикациям. Переписка экономиста была опубликована в газете «Суздальская новь» (30.12.1988), «Рабочий край» (Вичуга, 6.06.1989), в биографических и эпистолярных сборниках, в краеведческих работах. «Суздальские письма» дополняют обширный эпистолярный жанр интеллектуалов ГУЛАГа. Гинзбург, Солженицын, Шаламов, Гумилёв, Лосев, Иоффе, Флоренский, Шпет и многие другие политзаключённые – писатели, философы, учёные, сохранили в своей переписке сверхчеловеческое усилие жить, любить, работать. Их тюремные тетради – это памятник гуманизма и внутреннего экзистенциального пространство в нечеловеческое время политической машины террора.

На мемориальной доске на территории Спасо-Евфимиевом монастыря Н. Д. Кондратьев помещён рядом с другим экономистом – Леонидом Наумовичем Юровским (1884–1938), работавшим над моделью равновесности кредитно-денежной системы. Их роднит академическая судьба, оба они были арестованы по делу «Трудовой крестьянской партии», оба содержались в Суздальском политизоляторе и были расстреляны на полигоне «Коммунарка». Кондратьев и Юровский считались «вредителями» и за их честную научную позицию и их победили доносами фанатично верующие в торжество пролетарской экономической политики. Их травлю начал Г. Е. Зиновьев, видимо, опасаясь за свою карьеру, что, однако, ему не помогло, и «подхалим Сталина» сам был расстрелян в 1936 г.

Трагично сложилась судьба и другого видного представителя отечественной экономической мысли, Александра Васильевича Чаянова (1888–1937). Чаянов также был репрессирован молодым профессором,

как и Кондратьев, оба они стали врагами для Сталина, выступая автономными авторитетами в экономической науке. Теоретики специализировались на аграрном вопросе и имели отличные от большевиков взгляды на решение крестьянского вопроса. Хотя у них были разногласия, они объединяются Сталиным в одном процессе крестьянского движения и оба уничтожены иррациональной машиной НКВД. Оба были лидерами, собиравших вокруг себя заинтересованных профессионалов. Большевизм нетерпим к альтернативному лидерству, это каралось расстрелом. И Чаянов, и Кондратьев получили всемирную известность за свои труды, в частности, Чаянов – за создание альтернативного аграрного пути экономического развития, теории крестьянской кооперации.

Вместе с Н. Д. Кондратьевым работал и другой специалист, математик Е. Е. Слуцкий. Конъюнктурный институт Наркомата финансов СССР (1920–1928) – это вообще крупнейшее учреждение по изучению советской и мировой экономики, вырабатывавший хозяйственные индексы, о безотлагательной выработке которых, по образцу заграничных index-numbers, говорил ещё Ленин. Научное подразделение соответствовало творческой энергии его основателя, который был не только специалистом в экономике, но и большим эрудитом в области математики, социологии, теоретической экономии, статистике, философии. Конъюнктурный институт можно считать школой Кондратьева, институтом высокой научной культуры. Сотрудники работали самоотверженно в трудных материальных условиях; неконтролируемая гиперинфляция была настоящим вызовом, денежным хаосом, которому нужно было давать какую-то рациональную оценку. Конъюнктурный институт мешал Сталину и его окружению независимым мнением. За нормальную науку, за критику пятилетних планов кондратьевская школа и пострадала от советского тоталитаризма. В общественном сознании создавался образ буржуазного врага, ответственного за провалы экономики Красной России [2].

Если вклад Кондратьева заключается в фиксации суперциклов, протяжённостью 45–60 лет, то Е. Е. Слуцкий показал, что внутри экономики нет причины, которая бы действовала настолько систематично (смена укладов, обновление капиталов), чтобы предсказать кризисы. Поскольку дестабилизирующих факторов очень много, экономические циклы похожи на случайные процессы, доказывал Слуцкий, суммируя случайные числа и объединяя их в группы. Хотя полученные графики групп случайных цифр абстрактны, они напоминает экономическое поведение и фиксируют некоторую регулярность. Ряды похожи на циклические, но остаются случайными. Равно как и действие молекул в броуновском движении закономерно, но их множество делает их поведение статистическим.

Ценность работ Кондратьева предстаёт, с точки зрения импульсно-распространительной теории циклов, прежде всего, в указании на длительные периоды вариативности, которые можно экстраполировать и на больший отрезок времени. Существенно, что средние циклы, как бы нанизываются на волны больших циклов». Вариабельные накладываются друг на друга, т. е. шок влияет не только на ближайшее будущее, но и имеет эхо. Старые импульсы продолжают влиять, хотя и затухают.

Сегодня, как и вчера, Россия синхронизирована с глобальными трендами, однако множество локальных бифуркаций осложняют путь развития государства. Такими кризисными условиями развития выступали бедность и социальное неравенство, а также политический утопизм и радикализм в решении социальных проблем. После социокультурных травм XX века Россия нуждается в длинных экономических циклах устойчивости. И, напротив, ей крайне противопоказаны политический утопизм и радикализм, ни как короткие циклы, никак как эхо длинных волн.

Библиографический список

1. *Агеев А. И.* Сталин и Кондратьев: три встречи и три правды (интеллектуальная гипотеза) // Кондратьевские волны: наследие и современность: ежегодник. Волгоград: Учитель, 2015. 256 с.

2. *Комлев С. Л.* Конъюнктурный Институт (Судьба научной школы Н. Д. Кондратьева) // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991. С. 163–180.

3. *Москалёв Ю. Н., Тимощук А. С.* Традиционный фактор в социально-экономических процессах // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 4 (5). С. 224–227.

4. *Сурков В. Ю.* Долгое государство Путина [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (дата обращения: 07.01.2021).

5. *Тимощук А. С.* Динамика и проблемы российского государства // Новые контуры социальной реальности: материалы Всероссийской научно-практической конференции (VII Северо-Кавказские социологические чтения, 14 ноября 2018 г., Ставрополь). Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2018. С. 107–110.

6. *Федотова И. Н., Котегова П. Д.* «Узники совести» в Советском Союзе в 1920–1930-е гг. (По материалам Суздальского политизолятора) // Вестник Пермского ин-та ФСИН России. 2016. № 1(20). С. 77–78.

7. *Федотова И. Н.* К истории монастырских тюрем в России: суздальская Спасо-Евфимиева обитель как место лишения свободы (конец XVIII – начало XX века) // Интеллигенция и мир. 2018. С. 75–85.

8. *Федотова И. Н.* Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь как политический изолятор (20–30-е гг. XX в.) // Вестник Владимирского юридического института. 2009. № 2 (11). С. 188–199.

9. *Федотова И. Н.* Тюрьма в монашеской обители: страницы истории Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря // Неклассическое общество: векторы развития: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. Владимир: Владим. юрид. ин-т, 2008. С. 317–322.

УДК 316.4.051.63
И. А. Грошева,
доцент, Филиал АНО ВО «ИДК» в Тюменской области (Тюмень)
И. Л. Грошев,
профессор, Тюменское высшее военно-инженерное командное училище
имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова

СОВЕТСКОЕ И ПОСТСОВЕТСКОЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ

Статья посвящена исследованию семейных каналов трансляции образов советской и постсоветской повседневности. Для выявления особенностей семейной коллективной памяти авторами проведено качественное исследование, основу которого составили письменные истории молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет (N = 130 (2019), N = 38 (2020), N = 21 (2021)), проживающих в Тюмени. В ходе исследования выявлена динамика мировоззренческих установок в отношении советского и постсоветского прошлого, свидетельствующая о формировании социальной ностальгии.

Ключевые слова: молодёжь, семья, семейная память, образ советского прошлого, постсоветская повседневность, коллективная память, социальная ностальгия

I. A. Grosheva,
Associate Professor, Branch of ANO VO "IDK" in the Tyumen region
I. L. Groshev,
Professor, Tyumen Higher Military Engineering Command School
named after Marshal of engineering troops A. I. Proshlyakov

SOVIET AND POST-SOVIET IN THE REPRESENTATIONS OF MODERN YOUTH

The article is devoted to the study of family channels for broadcasting images of Soviet and post-Soviet everyday life. The authors carried out a qualitative study based on written stories of young people aged 18 to 30 years (N = 130 (2019), N = 38 (2020), N = 21 (2021)) living in Tyumen to identify the features of family collective memory. The study revealed the dynamics of ideological attitudes towards the Soviet and post-Soviet past, indicating the formation of social nostalgia.

Keywords: youth, family, family memory, image of the Soviet past, post-Soviet everyday life, collective memory, social nostalgia

Изучение социальной памяти в историческом, социологическом, философском дискурсах сталкивается с необходимостью выявления противоречий, связанных с её основой: воспоминаниями и социальным

© Грошева И. А., Грошев И. Л., 2022

опытом, основывающимся на рефлексии последствий пережитых событий. Коллективное сознание поколений, опираясь на прошлый социальный опыт, порождает новую социальную реальность, которую нельзя назвать однородной, поскольку, во-первых, различные представители социальных общностей имеют неодинаковые воспоминания об одних и тех же событиях, по-разному их интерпретируют. Во-вторых, память о прошлом может иметь «разрывы», «пустоты», складывающиеся по различным причинам. Во-первых, этому способствует «мнемический вакуум», возникший в связи с нежеланием представителей старшего поколения делиться воспоминаниями о «неудобных» событиях. Во-вторых, имеет место отсутствие межпоколенного общения. Французский философ, социолог и социальный психолог М. Хальбвакс (автор термина «коллективная память») исследовал коллективную память на примере семейной, применяя термин «социальная рамка памяти». Он предположил, что коллективная память тесно связана с прошлым каждого индивида, составляющего группу. История начинается тогда, когда заканчивается социальная память, т. е. события теряют свою значимость для индивидов-членов группы, а знания о прошлом становятся размытыми, при этом неизбежно изменяется индивидуальная память [3, с. 135].

Семейно-родовые воспоминания выступают хранителями событийного прошлого, способствуют созданию социокультурного кода поколений. В зависимости от сформированного кода возникает реакция на существующий мир повседневности: будь то забвение, молчаливый протест или социальная ностальгия. Следы памяти мы можем обнаружить на микроуровне в личных биографиях, а также на макроуровне в коллективном сознании общности и попытаться выявить влияние семейных каналов трансляции образов различных эпох. В связи с этим представляет научный интерес отражение повседневности в представлении молодого поколения о двух периодах: советский (с 1917-го года до начала 1990-х) и постсоветский (с начала 1990-х по настоящее время).

С 2019 по 2021 гг. авторы статьи провели исследование среди тюменской молодёжи «Образ прошлого в моей семье: советский и постсоветский периоды» (N = 130 (2019), N = 38 (2020), N = 21 (2021), количество участников в возрасте от 18 до 30 лет – 92 %, метод письменной истории). Молодым людям, согласившимся принять участие в исследовании, предлагалось описать собственные представления о событиях, оставивших след в семейной истории в течение двух периодов, названных советским и постсоветским. Повествование должно было строиться на основании интерпретации рассказов, услышанных в семье от представителей трёх условных поколений: прадедов, дедов и отцов. При этом дополнительного времени на консультации с родными не предусматривалось.

Многие исследователи отмечают, что с момента распада СССР и до сих пор не сложилось устоявшегося мнения о данном периоде [2, с. 64]. Результаты авторского исследования этот вывод подтверждают. В ходе исследования выявлено, что некоторые информанты демонстрировали синкретичный подход, допуская смешение понятий и обобщение особенностей жизни до и после 1990-х: *«XX век ассоциируется у меня с болью: физической и душевной. Тотальный контроль над всеми сферами жизни. Бедность, желание выжить, кошмар, ужас – слова, которые приходят на ум, когда говорят о XX-ом веке…Человек XX-го века вечно обязан чем-то перед государством. Работай, выполняй план, рожай детей, люби страну. Это всё, что от тебя требуется»* (ж., 18 лет). Но это немногочисленная группа – около 5 % от всех участвовавших в исследовании. Ещё меньшее количество представителей студенческой молодёжи (2 %) признавались, что ничего не знают о жизни до1990-х годов: *«Я не имею конкретного представления о прошлом нашей страны, ведь я не жила в том времени. Родители рассказывали мне, что времена Советского Союза были довольно тяжёлыми»* (ж., 18 лет); *«мои родители редко затрагивают тему положения или устройства страны»*.

В историях отдельных студентов (12 %) прослеживаются негативные ассоциации с жизнью в советскую эпоху. Во-первых, это следствие связанных с жёсткой насильственной политикой травмирующих событий, с которыми столкнулись семьи информантов: *«перед войной жили бедно, так как попали под раскулачивание…»* (ж., 21 год); *«из прошлого мне родители рассказывали именно про депортацию, а не про светлые времена. Депортация Чечено-Ингушского народа 23 февраля 1944 г. Потому, что в то время многие потеряли детей, отцов, матерей»* (м., 19 лет). Каждый десятый вспомнил о кровопролитных событиях Великой Отечественной войны.

В семейной памяти такие события держатся достаточно прочно, но несмотря на страшные последствия, в рассказах прослеживался оптимизм: у них отняли всё, у них не было сегодняшних благ, но у них были гордость и честь. Во-вторых, негатив выявлен в оценках управленческой деятельности советского государства, а точнее – политического режима: *«никому ничего плохого не делая, ты можешь попасть в лагерь. Тебя легко запишут во «врага народа», и ты с этим ничего не сделаешь…»* (ж., 18 лет); *«образ страны до 90-х предстаёт передо мной как тоталитарное государство, где запрещалось абсолютно всё, а люди были фактически рабами, за любой неправильный взгляд могли отправить в концлагерь или лишить жизни без суда и следствия»* (м., 19 лет). В-третьих, информанты выделяли недостатки плановой экономики: *«из слов родителей о том времени, времени до и после 1990-х гг.,*

у меня сложилась картинка о том, что в то время был дефицит на определённые продукты и товары…» (ж., 20 лет); *«у меня в голове стоит образ СССР, когда, к примеру, люди имели з/п в 10 рублей, когда в магазине приобретали продукты по талонам. Когда колбаса являлась каким-то необычным продуктом...»* (ж., 18 лет). Пятая часть студенческой молодёжи дала негативную оценку периоду развития нашей страны во времена существования Советского Союза.

Однако больше половины молодых людей оценили советский период положительно (52 %). Прослеживается интересная закономерность: чем старше молодые люди, тем больше позитивных оценок можно было встретить в их рассказах: *«по рассказам моих родителей, бабушек, дедушек жизнь раньше была лучше, проще, ценности у людей были совершенно другие, люди довольствовались малым и радовались тому, что имеют»* (ж., 24 года); *«мой отец в СССР работал заграничным моряком, а мать трудилась на заводе. По их воспоминаниям я могу судить, что жизнь в то время казалась интереснее, была уверенность в завтрашнем дне, люди были гуманнее и жизнерадостнее»* (ж., 29 лет). Во многих рассказах юношей, независимо от возраста, отмечались позитивные аспекты, связанные с советской социальной политикой: *«…была работа для каждого человека, и все работали, чтобы обеспечивать свою семью, не ленились...»* (м., 19 лет); *«было проще получить образование, не было безработицы. После получения образования у людей была гарантированная работа. Медицина была не такой как сейчас: заболев ты мог не бояться, что тебе не хватит денег на какую-либо операцию и ты умрешь…»* (м., 19 лет).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что выросли новые поколения, никак не связанные с прошедшей эпохой, однако как бы не были мозаичны представления о советском периоде, в рассказах присутствует социальная ностальгия, транслируемая по семейным каналам коллективной памяти: *«…в советское время люди относились друг к другу намного лучше. Раньше ценились дружба, доверие, а также сплочённость…»* (м., 19 лет); *«бабушки и дедушки рассказывали мне о былой экономике, о крепком и стабильном рубле, хорошем образовании и постоянных рабочих местах. …Люди были другими, добрыми, отзывчивыми...»* (ж., 20 лет); *«в СССР сотни людей могли пить газировку в автомате из одного стакана. Большую часть своего времени люди проводили на улице…»* (м., 19 лет). В каждой второй работе встречалось упоминание о бесплатном образовании и медицине. *«По рассказам моей мамы во времена пионеров у неё был смысл учиться, чтобы получить значок октябрёнка»* (ж., 23 года). Советское прошлое, в отличие от «разобщённого» российского настоящего, являло собой не только идеал «коллективной сплочённости», но и демонстрировало достойные коллективные цели [1].

Постсоветский период после 1990-х годов в историях подавляющего числа студенческой молодёжи (86 %) оценивается негативно: *«1990-е годы были не лучшим временем. Бандиты, мошенники, такие как Лёня Голубков, дефицит продуктов. Начиная с 2000 г. и по сей день – время довольно спокойное, стабильное* (м., 21 год); *«…мафия, убийства, страной правило не государство, а люди, занимающие высокую ступень в «пищевой цепочке»* (м., 21 год). Обобщённый категориальный анализ текстов информантов приведён в таблице.

Советский период	
Позитив	Негатив
1) добрые, отзывчивые и дружелюбные люди, человеческое отношение друг к другу, признание ценности дружбы, патриотизм, живое общение, уверенность в завтрашнем дне; 2) низкие цены, отсутствие деления на богатых и бедных, возможность бесплатных путешествий, качественные продукты питания, бесплатные образование и медицина, наличие работы, возможность получения жилья	Репрессии, тоталитаризм, отсутствие свободы, дефицит, голод
Постсоветский период	
Позитив	Негатив
Новые технологии, дивиденды с ваучеров, возможность открыть бизнес, свобода выбора	Безденежье, продукты по талонам, голод, дефицит товаров, распад колхозов, безработица, дорогая одежда, мафия, грабежи, убийства, бандитизм, наркотизация, теракты, дефолт, очереди за продуктами, коррупция, беспредел, обесценивание денег

В заключение отметим, что современные молодые люди дают неоднозначные оценки советскому и постсоветскому прошлому России, складывающиеся благодаря семейным каналам трансляции образов повседневности, которые возникли на основе семейного опыта и социальных практик старшего поколения. В сознании молодёжи сложилось два образа СССР: один (ностальгический) связан с великими достижениями, продуманной социальной политикой и тёплыми человеческими отношениями, а другой (критический) – с бедностью, репрессиями и отсутствием свободы слова. Воспоминания о тоталитарном прошлом постепенно утрачивают эффект посттравматического синдрома. Травматическим для коллективной семейной памяти оказался постсоветский период. Основные факторы перехода личной травмы в культурную

(в терминах П. Штомпки): временная дистанция, наличие эмоциональной сопричастности к травмирующему событию, потребности сообщества в солидарности и соответствующее воспроизведение со стороны массмедиа. Восприятие постсоветского периода (с начала 1990-х до начала 2000-х) имеет все признаки культурной травмы.

Библиографический список

1. *Бараш Р. Э.* О некоторых причинах «советской» ностальгии и особенностях исторической памяти россиян о советском периоде // Социологическая наука и социальная практика. 2017. № 4 (20).

2. *Ковадин М. А., Фофанова К. В.* Советский Союз как часть коллективной памяти молодёжи: социологический анализ // Социальные нормы и практики. 2020. № 1 (3).

3. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М.: Новое изд-во, 2007.

УДК 316.356.4

Л. И. Грошева,
доцент, Тюменское высшее военно-инженерное командное училище
имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛИТА ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ

В статье рассматривается специфика восприятия интеллектуальной элиты и ценности интеллектуального труда в молодёжной среде. Автором представлены результаты исследования отражающие сопоставление интеллектуального труда и успеха в современном обществе.

Ключевые слова: молодёжь, успех, интеллектуальная элита, интеллектуальный труд, социальная структура, стратификация

L. I. Grosheva,
Associate Professor, Tyumen Higher Military Engineering Command School
named after Marshal of Engineering Troops A. I. Proshlyakov

INTELLECTUAL ELITE OF DIGITAL SPACE IN PERCEPTION OF MODERN YOUTH

The article examines the specifics of the perception of the intellectual elite and the value of intellectual work in the youth environment. The author presents the re-

© Грошева Л. И., 2022

sults of the study reflecting the comparison of intellectual work and success in modern society.
Keywords: youth, success, intellectual elite, intellectual labor, social structure, stratification

Интенсивное развитие информационного общества в значительной мере трансформирует социальную структуру, а также восприятие населением количественных и качественных характеристик вклада в общественную жизнь различных профессиональных групп. Большие объёмы ежедневно поступающей информации в свою очередь сопряжены с невысокой глубиной её усвоения, что объясняет распространение наиболее простых и ярких образов и смыслов. В значительной мере неоднозначно данный феномен проявляется в ходе позиционировании интеллектуальных элит и интеллектуального труда в целом, характер которого подчинён комплексным логическим законам, которые не всегда возможно отразить в рамках кратких смысловых единиц в социальных сообществах.

Характер воздействия виртуального пространства на сознание масс проявляется достаточно интенсивно. Согласно данным исследовательской группы Mediascope к исходу 2020 года количество интернет-пользователей по всему миру составляло 4,66 млрд человек. Это 59,5 % от населения планеты. Социальными сетями же пользуются 4,2 млрд человек или 53,6 % от населения Земли. Распространение интернета в России среди населения до 44 лет в 2020 году превысило 90 %, среди молодёжи в возрасте 12–24 лет вовлечённость в виртуальное коммуникативное пространство составило почти 100 %. В группе населения 45–54 лет интернетом хотя бы раз в месяц пользовались 84,2 % россиян. Среди людей старше 55 лет в интернет выходит только половина – 49,7 %, что является естественным свидетельством межпоколенческих различий [1]. Развитие цифровых технологий естественным образом стимулирует людей к повышению внимания к интернет-пространству, так как помимо социальных сетей виртуализации подвергается большинство финансовых операций и бытовых аспектов делопроизводства.

Развитие глобализированного пространства представляет обществу широкие возможности для расширения когнитивной активности, повышения квалификации и уровня знаний. Однако в то же время распространение субъектной позиции участников виртуального пространства в продуцировании и ретрансляции данных может косвенно свидетельствовать о вероятности актуализации недостоверных, неполных знаний, которые могут в ряде случаев характеризоваться высокими рисками для жизни и здоровья людей [3]. Сложность контроля над публикуемой информацией в свою очередь актуализирует вопрос формирования и активизации

интеллектуальной элиты, способной снабжать и авторитетно рецензировать наиболее значимые информационные массивы.

Особенности существования и позиционирования интеллектуальной элиты в цифровой среде в значительной мере сопряжены с социально-экономическим контекстом информационного общества.

С одной стороны, данная проблема достаточно разносторонне рассмотрена в работах Э. Тоффлера, который значительное внимание уделил характеру обмена информацией в рамках общества «третьей волны». Согласно его исследованиям специфичной частью социальных отношений становится высокая дискретность и невысокая продолжительность вовлечения в контент. Данный факт вступает в некоторое противоречие с научным знанием, требующим детализированного и комплексного подхода. Исследователь отмечает, что в значительной мере информация преподносится фрагментировано, перемежаясь с рекламными блоками, а также отвлечённым информационным контентом. В связи с описанной моделью человек предпочитает конструировать собственное знание посредством комбинирования полученных фрагментов [4, с. 27]. В современной практике социальных сетей с этой целью активно применяется принцип «прицепного вагона», в рамках которого к короткой исходной идее (чаще проявляется на примере мемкультуры) добавляются новые факты, условия или предыстория, что позволяет пользователям не только выбирать для себя наиболее предпочтительную модель ситуации, но и самостоятельно добавлять к ней детали, заимствуя субъектную авторскую роль. Таким образом, говоря о массовом информировании, интеллектуальная элита теряет свои очертания и деперсонализируется, что с одной стороны, позволяет снизить издержки недоверия населения к конкретно взятой личности (автору), с другой – устраняет возможность определить границы ответственности за предоставление недостоверных и вредоносных данных. Таким образом, люди могут утрачивать доверие не столько к экспертному сообществу, сколько к науке в целом, особенно если в ходе конструирования информации использовались специфические манипулятивные приёмы.

Другая сторона проблемы формирования объективного восприятия интеллектуальной элиты и интеллектуального труда в условиях виртуального пространства. М. Кастельс подчёркивал, что культура реальной виртуальности образует систему, в которой действительный человеческий опыт трансформируется через призму виртуальности, и наделяется выдуманными, виртуальными образами [2, с. 83]. Исходя из данного предположения следует предположить о вероятности формирования псевдоэлитарного слоя представителей интеллектуального сообщества, воспринимаемого молодыми людьми в качестве авторитетных источников знаний. Трансформация реальности в виртуальные формы

также обостряет проблему оценки и качественного анализа информационных массивов, что в случае включения в виртуальное научное сообщество действительного учёного, может в результате снизить уровень его собственного авторитета, если кластер интеллектуальной элиты в сети Интернет уже обозначил свой низкий потенциал.

Ещё одно затруднение, сформулированное М. Кастельсом заключалось в диспропорциональном наполнении виртуального пространства активными участниками. Экспертное мнение в таких условиях задаёт «малое меньшинство жителей электронной деревни», «первопоселенцев электронного пограничья», в то время как значительная доля потребителей выступает в роли «бродячей толпы», которая прибегает к информации несистемно и нерегулярно [2, с. 105]. В подобной ситуации в роли интеллектуальной элиты может дискретно выступить практически любой участник виртуальной коммуникации вне зависимости от его реальной квалификации.

Таким образом, восприятие населением интеллектуального труда и интеллектуальной элиты в сети Интернет, в значительной мере обусловлено рядом тенденций.

1. Постоянное продуцирование информации вынуждает её создателей искажать уже имеющиеся сведения либо достраивать данные субъективной оценкой для поддержания интереса аудитории.

2. Фрагментарность предлагаемых знаний обуславливает недостаточную их полноту для практического применения, что в свою очередь косвенно нивелирует их ценность.

3. Деперсонализация отдельных знаний в ряде случаев не обеспечивается достаточной экспертной оценкой, что при отсутствии конкретного автора (способного нести ответственность за негативные последствия применения данных), снижает возможности регулирования поступающих сведений.

4. Специфичность виртуальных образов, основывающихся на устоявшихся стереотипах, может способствовать формированию псевдонаучной элиты, а также дискредитировать научные знания и интеллектуальный труд даже при наличии в сообществе действительных представителей интеллектуальной сферы.

На основе представленного анализа автором статьи в сентябре-ноябре 2021 года было проведено исследование методом фокус-групп (N = 23 группы по 5–7 человек в возрасте 18–30 лет) с целью определения специфики восприятия молодыми людьми интеллектуальной элиты и интеллектуального труда в целом в рамках виртуального пространства. В рамках исследования было затронуто несколько базовых аспектов, касающихся методов поиска и анализа информации, оценки ценности научного знания и отбора авторитетных источников данных.

Молодые люди в значительной мере не системны в поиске и подборе информации. Треть опрошенных отметили, что каждый раз начинают поиск информации заново посредством поисковых систем нежели в рамках читаемых/авторитетных сообществ. Такой подход молодые люди обосновали временными ограничениями и нежеланием тратить силы на поиск. Также подобный подход был обоснован тем, что сообщества сети Интернет, как правило, заимствуют информационные массивы друг у друга, лишь отчасти добавляя какие-то факты, но не изменяя содержательную основу. По этой причине молодые люди высказали предположение об отсутствии существенной разницы в публикуемых сведениях в разрезе социальных сетей или мессенджеров. Каждый второй опрошенный в то же время осуществляет попытки поиска данных в ранее избранных информационных площадках, правда не более 10 % обнаруживают искомую информацию.

Более половины участников фокус-групп сталкивались в неверифицированными данными или с отсутствием декларируемого эффекта от описанных действий. При этом, указанная группа разделилась в оценке данного феномена. Примерно в равных долях у молодых людей формируется скептический и индифферентный подход.

Согласно первой реакции молодые люди высказывают сомнения в любых предоставляемых фактах в сети Интернет («все лгут», «правды не найти»), при этом игнорируется качество источника данных, автора публикации. Столкнувшиеся с обманом неперсонифицированного характера (информация без указания автора), склонны проявлять большую осторожность в оценке любых знаний, даже исходящих от известных учёных или исследователей. При этом в защиту занимаемой позиции приводятся аргументы субъективной заинтересованности источника (наличие специфического спонсора информации, подкуп), национальность автора или его гражданство, возраст (принадлежность к более ранним поколениям), пол и пр.) или эклектической направленности («каждый по-своему прав», «смотря с какой стороны подойти к проблеме» и т. д.). Таким образом, нигилизм реализуется через конструирование молодёжью дополнительных фактов, о которых они не располагают точными сведениями. Соответственно указанной реакции, опрошенные крайне низко оценили деятельность интеллектуальной элиты и эффективность интеллектуального труда. Если в технологическом секторе его актуальность обозначили в 5 баллов (из 10 возможных), то в сфере гуманитарных наук этот показатель составил всего 3 балла.

Индифферентная группа также вызывает определённый интерес. С точки зрения их реакции на несоответствующую действительности информацию, следует отметить отсутствие интенций к дополнительному анализу опыта. Молодые люди подтверждают, что сталкивались с

негативными последствиями доверия советам из виртуальных сообществ, однако они не формируют защитной позиции на этот счёт. В качестве наиболее модальных ответов можно привести: «здесь не сработало, проверю другой подход», «забываю негативный опыт, поэтому снова сталкиваюсь с неприятностями», «никогда нельзя быть уверенным, что именно у меня не получится» и пр. Низкую критичность к виртуальному сообществу опрошенные обуславливают нежеланием тратить время и силы на негативные эмоции. Наиболее рисковым полем являются 9 приведённых примеров, когда некритичное отношение к данным приводило к травмам и серьёзным финансовым последствиям, однако у представленной категории опрошенных эти аспекты исключаются из критического анализа. Данная группа опрошенных, тем не менее, достаточно позитивно оценила роль интеллектуального труда в жизни общества. В технологическом секторе его оценили в 7 баллов, в то время как в гуманитарном направлении оценка составила 5 баллов.

Полученные выше результаты также коррелировали с оценкой качества интеллектуальной элиты виртуального пространства. Две трети опрошенных отметили, что такой элиты в современных условиях не существует, так как её место заняли «популисты» и непрофессиональные блогеры. Треть опрошенных высказалась о невозможности доступа к элитарному научному знанию ввиду клубного характера его распространения и низкой когнитивной доступности для восприятия.

Исследование показало, что в условиях развития виртуального пространства имидж интеллектуального труда и сообщества подвергается ряду рисков, нивелирование которых может быть лишь результатом системного конструирования экспертного сообщества. Формирование научной информации и интеллектуально сложных данных в современных условиях должно учитывать тенденции Интернет-пространства, чтобы оставаться востребованной и заметной в среде устойчивой инфляции удовольствий.

Библиографический список

1. Аудитория интернета в 2020 году// Портал Mediascope[Электронный ресурс]. URL: https://mediascope.net/news/1250827/ (дата обращения: 25.12.2021).

2. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

3. *Яницкий О. Н.* Информационное общество: проблемы и методы их решения // Власть. 2016. №7. [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnoe-obschestvo-problemy-i-metody-ih-resheniya (дата обращения: 27.12.2021).

4. *Toffler A.* The Third Wave, 1980. 800 p.

УДК 94(470)
В. Н. Дежнев,
доцент, Шадринский государственный педагогический университет

ОБРАЗ БУДУЩЕГО РОССИИ КАК ПРОЕКЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

В статье представлен образ будущего с позиций рассмотрения его как результата коллективного творчества. В этом ракурсе образ будущего является продуктом исторического творчества народа на всем многовековом пути русской цивилизации и свое концентрированное выражение находит в традиционных отечественных ценностях.

Ключевые слова: образ будущего, русская православная цивилизация, Россия, история, коллективное творчество народа, традиционные отечественные ценности, современное российское общество

V. N. Dezhnev,
Associate Professor, Shadrinsk State Pedagogical University

THE IMAGE OF THE FUTURE OF RUSSIA AS A PROJECTION OF TRADITIONAL DOMESTIC VALUES

The article considers the image of the future from the standpoint of considering it as a result of collective creativity. In this perspective, the image of the future is a product of the historical creativity of the people throughout the centuries-old path of Russian civilization and finds its concentrated expression in traditional domestic values.

Keywords: image of the future, Russian Orthodox civilization, Russia, history, collective creativity of the people, traditional domestic values, modern Russian society

Вопрос о том «куда несет нас рок событий» [1] всегда волновал человеческие умы. Этот вопрос обостряется в переходные периоды общественного развития, каковым, безусловно, является переживаемое нами время. Это характерно как для мира в целом, так и для нашей русской православной цивилизации. Национальная идея, цель нашего движения, образ будущего присутствуют в общественной дискуссии, существуют попытки научного осмысления этих проблем [2; 3]. Вместе с тем и на уровне властного целеполагания, и в общественном сознании такой важнейший для нашей цивилизации вопрос как образ будущего за три десятка постсоветских лет прояснения не нашел.

В зарубежной и отечественной научной литературе существуют разные подходы к проблеме образа будущего. На наш взгляд, интересным является понимание образа будущего отечественным исследовате-

© Дежнев В. Н., 2022

лем И. В. Желтиковой, которая определяет образ будущего как отражение коллективных представлений о будущем, имеющих характер законченной или почти законченной картины еще не существующей реальности и обоснованно отмечает, что такая трактовка позволяет увидеть уникальность образа будущего для каждого конкретного общества, дает возможность увидеть картины будущего, функционирующие в прошлом [2].

Будущее, зарождаясь в настоящем, не может не иметь фундамента прошлого. Оно не может быть умозрительной конструкцией, оторванным от реальной жизни плодом провидения отдельных даже гениальных мыслителей. Оно результат коллективного творчества народа на протяжении многих веков.

Наиболее концентрированным выражением этого творчества являются традиции, проверенные многовековым опытом формы духовного и социального бытия.

Вместе с тем традиции, имея многовековую историю, не остаются чем-то застывшим, раз и навсегда данным, в каждый исторический момент развития общества, цивилизации они имеют конкретно-актуальное наполнение и приоритетность. Это и определяет их возможности для формирования в настоящем образа будущего.

Современное российское общество несет в себе травму 90-х годов XX века. Причем это не только травма в сознании и личных судьбах живших в эти годы людей, это родовая травма современного социального устройства. Все это формирует запрос на справедливость как важнейшую для нас традицию и как ведущую черту образа будущего. Справедливость в экономике, политике, социальной и духовной жизни является важнейшим условием стабильности общества, государства, цивилизации. Но существующий острейший запрос на такой ориентир развития пока не находит адекватной реализации. Несправедливость раздела общего советского экономического наследия, современный все расширяющийся разрыв в доходах отдельных социальных групп с большинством населения страны и малозаметные действия власти в разрешении этих проблем могут предположить в образе будущего активизацию борьбы народа за свои права на справедливость, в том числе не только на смену политических сил на властном Олимпе, но на коррекцию социального устройства, что тоже является одной из российских традиций. Проявлением этой тенденции является активизация политических сил на левом фланге политического спектра, уже реализуемые шаги по объединению и декларируемые предложения по координации действий для усиления их роли, а в последующем и доминирования в политической сфере с целью переориентации государства на интересы большинства населения.

В образе будущего можно предположить обострение противостояния с коллективным Западом, которое, приобретет характер столкновения цивилизаций. Оно уже проявляет себя в духовной, ценностной сфере, другие аспекты, в том числе и военный носят пока вспомогательный характер.

Разрыв в 1917 и в последующие годы с традициями нашей русской православной цивилизации нес угрозу для ее существования. К счастью, это достаточно быстро в историческом времени было осознано, в достаточной степени исправлено, что дало возможность победить в цивилизационном столкновении с западной цивилизацией в 1941–1945 годах.

Цивилизационный разрыв рубежа 80–90-х годов XX столетия не только не преодолен, не до конца осознан, но и фактически закрепляется в официальной властной позиции вопреки мнению большинства общества. И в связи с этим, особенно опасным является то, что наше общество внутри себя разобщено. Значительные имущественные различия не могли не отразиться в социальном разобщении, которое пока внешне себя не проявляет, но в кризисной ситуации не преминет себя показать. Исторически не преодолено противостояние условных «красных» и условных «белых», сторонников советской власти и ее противников, непримиримых критиков Сталина и его поклонников, либералов и государственников и т. д.

Есть давняя отечественная традиция воздавать почести организаторам и участникам обороны государства, защитникам Земли русской. Имена Александра Невского, Дмитрия Донского и многих других золотыми буквами вписаны в нашу историю, сохраняются в исторической памяти народа. Были ли они идеальными людьми в ходе реализации своих властных полномочий? Осуществить это практически невозможно. Был очень далек от идеала и Верховный главнокомандующий в годы Великой Отечественной войны, но есть ли к нему претензии по деятельности в этот исторический период? Если и есть, то они зачастую надуманны. Народ помнит и чтит его заслуги, в народной исторической памяти он занимает достойное место, но в официальных празднованиях дня Победы его как бы и не было. И уж совсем парадоксальным звучит тезис о том, что народ победил вопреки Сталину. В этом ярко проявляется сознательный и целенаправленный разрыв с отечественной традицией и историческими реалиями.

Примером реализации в настоящем важнейшего элемента образа будущего является обеспечение обороны Отечества, гарантия невозможности врагу вооруженным путем захватить нашу территорию, поработить наш народ, уничтожить нашу цивилизацию. По примеру 30-х годов и послевоенного времени XX века нам удалось провести в корот-

кий срок такие изменения в военной сфере государства, которые обеспечивают возможность мирного развития страны либо гарантируют победу над любым посягнувшим на нас агрессором. Реформа в сфере обороноспособности показывает огромный потенциал нашей экономики, талант научной и инженерной мысли, высочайшие умения наших производственников, способности наших военнослужащих в кратчайшие сроки овладеть новой техникой и применять ее, проявляя при этом отвагу, самоотверженность, мужество и героизм.

Во все века православие являлось духовной опорой народа, стержнем нашей цивилизации. В 90-е годы возникла надежда, что православие станет ведущим фактором в том, что принято было называть «духовное возрождение народа». Спусти три десятилетия вряд ли кто-то однозначно даст приоритет современной духовности и нравственности в сравнении с советским временем и неоспоримо докажет ведущую роль религиозных организаций в современной духовной жизни. И причин тому много, прежде всего то, что в нынешнем обществе главной целью является материальный успех, деньги, прибыль доминирует над моралью и духовностью. Одновременно заявляется, что одной из главных проблем является бедность, т. е. часть населения находится на грани выживания! Может ли в этих объективно бездуховных условиях формироваться подлинная духовность. А если добавить, что наиболее доступные населению СМИ задачи сеять разумное, доброе, вечное изначально не имеют, то отдельные островки духовности, которые, к счастью, сохраняются, пока не могут стать надежным духовным фундаментом будущего. Значит ли это, что образ будущего – это мир бездуховности. Обращение к традициям, в том числе к советскому времени, дает нам основание для оптимизма. Будущее – поле цивилизационной борьбы. Именно новые обстоятельства заставят менять экономическую политику, сгладят противоречия, сплотят перед лицом врага, переформатируют духовную сферу, вызовут к жизни духовные силы народа. В образе будущего видится духовное возрождение, свой вклад в которое внесут народ, власть, церковь, все заинтересованные в сохранении и развитии нашей цивилизации.

В рамках формирования образа будущего важнейшей является проблема целостного проекта будущего, равного по масштабам концепции Москвы как Третьего Рима или построения рая на земле – коммунизма. Обе эти концепции в определенных чертах не утратили своей актуальности. В условиях ожесточенной атаки на Западе на традиционные христианские ценности Россия становится последним оплотом, последовательной защитницей традиционного христианства, моральным авторитетом и надеждой на сохранение чистоты христианства.

То же и с коммунизмом. Вряд ли кто-то будет утверждать, что современный капитализм – это вершина и конечная точка развития человечества. Точно также объективный исследователь увидит, что коммунизм, о начале строительства которого было заявлено в 60-е годы XX века, ничего общего с коммунизмом классиков и с реалиями того времени не имеет.

А вот в коллективном образе будущего, пусть отдаленного, абсолютного большинства людей обязательно присутствует свободное и справедливое общество для всех. Как перспектива, как надежда, как идеал. Именно как приближение к этому идеалу необходим целостный проект будущего, который мобилизует социальные и духовные силы народа. Отрадно, что понимание важности формирования такого проекта в последнее время демонстрируется высшим политическим руководством. Мысль об этом содержалась и в выступлении В. В. Путина на пленарной сессии XVIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» 21 октября 2021 года, где в частности было заявлено об исчерпании себя существующей модели капитализма, в рамках которой нет больше выхода из клубка всё более запутанных противоречий [4].

Рассмотрение образа будущего как коллективной картины еще не наступившей реальности видится как проекция традиционных отечественных ценностей, их реализация с учетом исторически конкретного наполнения, что позволяет скорректировать текущую социальную и духовную практику в рамках следующих выводов.

Вызовы, с которыми в текущий момент времени столкнулась наша страна, носят межцивилизационный ценностный характер, это угроза существованию нашей русско-православной цивилизации. Осознание этой угрозы – важнейшее условие дальнейших действий.

Успешное будущее невозможно вне рамок сложившихся веками и обеспечивавших развитие нашей цивилизации традиционных отечественных ценностей. На этой ценностной базе необходимо формирование реального единства народа и важнейший вопрос – это вопрос о справедливости.

Ни в одном деле успех невозможен без мобилизации духовного фактора. Ведущую роль в этом традиционно должны сыграть Русская православная церковь и религиозные организации патриотической направленности других конфессий, государственные и общественные организации, обязанностью и долгом которых является духовное воспитание.

Наша идеология – это наша история, наша важнейшая и непреходящая ценность. В ряду других вопросов неотложной задачей является назревшее и обоснованное изменение в политическом, информацион-

ном и общественном пространстве негативных оценок советского периода истории.

Необходима ясность целей, задач и идеалов общества, страны, цивилизации. Нужен национальный цивилизационный проект, который даст духовный заряд, породит творческую энергию и инициативу. Великие цели порождают великие действия, а борьба будет не только тяжелой, но и опасной, и каждый должен ясно осознавать за какие идеалы он борется, ради чего он при необходимости жертвует свою жизнь.

Библиографический список

1. *Есенин С. А.* Письмо к женщине // Полное собрание сочинений: в 7 т. М.: Наука – Голос, 1995. Т. 2. С. 122–125. URL: https://rvb.ru/20vek/esenin/pss7/vol2/poems/192.html (дата обращения: 01.11.2021).

2. *Желтикова И. В.* Исследования будущего и место в них концепта «образ будущего» // Философская мысль. 2020. № 2. С. 15–32. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php? Id=32302 (дата обращения: 01.11.2021).

3. *Кравцов О.* Образ будущего как фактор политики // Nauka.me – 2020. Вып. 1. URL: https://nauka.jes.su/S241328880005231-8-1 (дата обращения: 01.11.2021).

4. Российская Федерация. Президент (2012 – …; В. В. Путин). Выступление на пленарной сессии XVIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» 21 октября 2021 года // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975 (дата обращения: 01.11.2021).

УДК 94(47).083

М. А. Князев,
аспирант, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

ПУБЛИЦИСТ Б. М. ЮЗЕФОВИЧ И ДВОРЦОВЫЙ КОМЕНДАНТ П. П. ГЕССЕ: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ И СОТРУДНИЧЕСТВА

Статья посвящена анализу писем публициста Б. М. Юзефовича дворцовому коменданту П. П. Гессе (1899–1904), содержание которых предназначалось для передачи Николаю II. В письмах затрагивались такие проблемы, как просвещение и образование в России, реформа судебной системы.

Ключевые слова: Б. М. Юзефович, П. П. Гессе, дворцовый комендант, С. Ю. Витте, переписка, просвещение

© Князев М. А., 2022

M. A. Knyazev,
Post-graduate student, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

PUBLICIST B. M. YUZEFOVICH AND PALACE COMMANDANT P. P. GESSE: TO THE HISTORY OF RELATIONSHIP AND COOPERATION

The article is devoted to the analysis of the letters of the publicist B. M. Yuzefovich to the palace commandant P. P. Hesse (1899–1904), the contents of which were intended to be handed over to Nicholas II. The letters touched upon such problems as education and education in Russia, the reform of the judicial system.

Keywords: B. M. Yuzefovich, P. P. Gesse, palace commandant, S. Yu. Witte, correspondence, education

На рубеже XIX–XX вв. в окружении Николая II сформировался круг неофициальных советников – лиц, наиболее часто обращавшихся к царю, как правило, в письменной форме: князь В. П. Мещерский, статистик А. А. Клопов, публицист Б. М. Юзефович. Не имея чаще всего возможности лично обращаться к монарху, корреспонденты использовали в качестве передаточного механизма начальника царской охраны – дворцового коменданта П. П. Гессе, замещавшего эту должность в 1896–1905 гг. Однако если в случае с Мещерским и Клоповым генерал исполнял лишь техническую роль в передаче писем, то с Юзефовичем Гессе связывали тесные деловые и даже дружеские отношения. Анализ обращений В. П. Мещерского и А. А. Клопова к царю уже был проведен в исследованиях Н. В. Черниковой [8] и И. В. Лукоянова [6], а тематика писем Юзефовича дворцовому коменданту П. П. Гессе, содержание которых предназначалось для передачи монарху, так и не получило пока освещения в историографии.

Борис Михайлович Юзефович – известный публицист правомонархической направленности – с детства был знаком и дружил с Петром Павловичем Гессе, что, по-видимому, послужило причиной их дальнейшего тесного общения. Обладая неуживчивым и нетерпимым характером, Б. М. Юзефович был вынужден часто менять места своей службы, но наконец «Юзефович нашел себе приют у <…> дворцового коменданта генерал-адъютанта Гессе, <…>. Гессе пользовался его пером и давал ему 12.000 в год из сумм, ему отпускаемых на дворцовую полицию» [2, с. 292–293]. Под «службой пером» понималось то, что в 1895–1905 гг. Юзефович служил в Собственной Его Величества канцелярии, где занимался составлением различных проектов при дворцовом коменданте П. П. Гессе [3, с. 629].

Однако в фокусе нашего зрения будут письма Б. М. Юзефовича, адресованные начальнику царской охраны, опубликованные еще при

жизни их адресанта, так как через них наиболее полно раскрывается содержание той «агентурной» информации, которая доводилась дворцовым комендантом до монарха. Тем более что киевский публицист позиционировал себя как «человек независимый не только по характеру, но и по положению: я одинок, не служу, к деловой жизни непричастен, и потому не имею ни повода, ни цели стесняться высказывать свои мысли» [17, с. 16].

Ключевая тема большинства посланий Б. М. Юзефовича – необходимость развития просвещения и системы образования в России.

Одним из показателей и следствий ее несовершенства являлись, по мнению публициста, студенческие беспорядки 1899–1902 гг. В декабре 1900 г. Юзефович призывал покарать взбунтовавших студентов по всей строгости «закона о воинской повинности» [17, с. 14]. Дворцовый комендант поддержал позицию строгой кары в отношении студентов, совершавших преступления: так, согласно воспоминаниям А. Н. Куломзина, после убийства 2 марта 1901 г. министра народного просвещения Н. П. Боголепова «Куропаткин и Гессе были того мнения, что чтобы убийцу Боголепова судили военным судом, и лишь министр юстиции настоял, чтобы дело было ведено общеустановленным порядком» [5, с. 809]. В письме от 16 октября 1901 г. Юзефович порицал «сердечное», мягкое отношение министра Ванновского к студенческим беспорядкам и снова высказывал мысль о необходимости силового, твердого подавления беспорядков, так как «невежественная масса» понимает только силу [18, с. 23–24].

В последнем декабрьском письме 1900 г. Юзефович возмутился тем, что «Директор Отделения Государственного Банка» читает «публичные лекции в университете на сенсационную тему о Французской Революции» [17, с. 15]. Ответ Гессе не заставил себя ждать: дворцовый комендант обратился к министру финансов С. Ю. Витте и «указал на то, что Афанасьев, управляющий конторой государственного банка, по его сведениям, очень либерален, читает лекции крайне неудобного содержания, намекая на то, что такого либерального чиновника нельзя держать и что его нужно уволить» [1, с. 55–56]. И хотя, когда выяснилось, что «доносчиком» выступил Юзефович, увольнения не последовало, этот факт свидетельствует о том серьезном отношении, которое проявлял П. П. Гессе к письмам Б. М. Юзефовича.

В письме от 22 мая 1903 г. Юзефович предлагал Гессе и министру внутренних дел В. К. Плеве свои размышления о необходимости правильной постановки преподавания истории в школе. Публицист ратовал за то, чтобы придать преподаванию истории живой характер, чтобы в результате вырастить патриотов, а не тех, кто наполнен безжизненными знаниями [20, с. 55–58]. Достижению этой цели должно было способст-

вовать введение монополии на издание учебников исключительно Министерством Народного Просвещения [9, с. 178–179]. В «недостатке патриотизма» винил Юзефович и театр, поэтому в письме от 25 августа 1903 г. просил Гессе поговорить с управляющим МВД относительно усиления цензуры в области театральных постановок [13, с. 172–173].

Одним из тех, в ком Юзефович видел особую угрозу развитию просвещения в России, был, как ни странно, министр финансов С. Ю. Витте. Так, в письме от 9 августа 1902 г. публицист обрушился с критикой на Витте, обвиняя его в попытках распространить свое влияние на сферу просвещения рабочих, что могло привести к дестабилизации в стране. Адресуя через Гессе свое письмо непосредственно Николаю II, Юзефович высказал мысль о необходимости отставки Витте с влиятельного поста министра финансов и перевода его на иную, менее влиятельную должность [23, с. 44–45]. Как полагал Юзефович, это обращение к Гессе имело определенное значение, так как «несколько месяцев спустя, кончина бывшаго Председателя Комитета Министра И. Н. Дурново открыла г-ну Витте дорогу к этому высокому, но лишенному влияния посту. Назначение это, сопряженное с увольнением его от должности Министра Финансов, было для г. Витте до того неожиданным и так его взволновало, что он, прямо из Дворца, явился совершенно растерянный к покойному П. П. Гессе, в доме которого разыгралась довольно забавная сцена» [23, с. 45]. У нас нет оснований полагать, что отставка Витте с его формальным повышением по должности была делом рук дворцового коменданта, тем не менее, «пожелание» Юзефовича было с точностью исполнено в верхах.

В письмах, написанных на рубеже 1899–1900 г., Юзефович критиковал судебную систему России, в особенности, суд присяжных заседателей, находя его пристрастным и необъективным [19, 22]. Корреспондент жаловался на несправедливый характер судебных решений, выносимых присяжными заседателями, которые подчас оправдывают преступника, но тем самым проявляют жестокость к жертвам преступления, не удовлетворенных такими решениями [19].

В письмах Юзефовича Гессе встречаются предложения и рекомендации политического (кадрового) характера. Так, в «Краткой заметке» от 9 декабря 1901 г. Юзефович предлагал рассмотреть вопрос о восстановлении наместничеств или генерал-губернаторств в России, причем предлагал поручить эту работу государственному секретарю В. К. Плеве (через несколько месяцев назначенного министром внутренних дел) [4]. А в письме от 6 июня 1903 г. Юзефович осторожно просил Гессе повлиять то, чтобы и. д. генерал-губернатора Киева Штакельберга не переводили на иное место, а назначили на эту должность [21, с. 59–60]. По-видимому, Гессе не отреагировал на это сообщение,

поэтому 26 июля 1903 г. Юзефович направил письмо подобного содержания В. К. Плеве, продублировав при этом его содержание (направив копию) дворцовому коменданту [16].

17 июля 1904 г. Юзефович отмечает в письме, что после гибели Плеве в Киеве сразу же стали циркулировать слухи о том, что его преемником на посту министра внутренних дел станет С. Ю. Витте [10]. 26 июля 1904 г. Юзефович в письме рассуждал о возможном преемнике Плеве на посту министра внутренних дел и предлагал назначить В. Ф. Дейтриха [14]. И хотя Гессе ходатайствовал перед царем о назначении Б. В. Штюрмера, 26 августа 1904 г. Николай II назначил министром внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского.

В письмах к П. П. Гессе Юзефович проявил себя как ярый противник не только парламентаризма как системы, но даже введения отдельных ее элементов. Так, 23 июля 1904 г. публицист выражал беспокойство относительно распространившихся в газетах сведениях о «необходимости для России объединенного министерства или кабинета по образцу Западной Европы», выступая категорически против таких нововведений [12]; об этом же публицист высказывался и в посланиях от 22 и 31 октября 1904 г. [11, 15]. Тем не менее, в конце 1904 г. дворцовый комендант последовательно выступал именно как либерал, следуя в фарватере примирительной по отношению к оппозиции линии царя [7, с. 261]. Иными словами, в данном случае Гессе придерживался отличной от взглядов Юзефовича политической линии.

Анализ писем Б. М. Юзефовича, адресованных П. П. Гессе, позволяет сделать вывод об их высокой информативности с точки зрения изучения политических процессов в России рубежа XIX – начала XX века.

Библиографический список

1. *Витте С. Ю.* Воспоминания. Детство. Царствования Александра II и Александра III (1849–1894). Т. 3. Л., 1924. 395 с.

2. *Витте С. Ю.* Воспоминания. Царствование Николая II. Т. 1. Л., 1924. 471 с.

3. *Кальченко Т., Степанов А.* Юзефович Борис Михайлович // Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917. М., 2008. С. 628–631.

4. Краткая заметка, переданная П. П. Гессе 9 декабря 1901 г. // Политические письма. Периодический сборник по вопросам текущей политической и общественной жизни. Март 1908. Вып. X. С. 165–166.

5. *Куломзин А. Н.* Пережитое. Воспоминания. М., 2016. 1038 с.

6. *Лукоянов И. В.* Тайный корреспондент Николая II А. А. Клопов // Из глубины времен. Вып. 6. СПб., 1996. С. 64–86.

7. *Святополк-Мирская Е. А.* Дневник // Исторические записки. 1966. Т. 77. С. 236–293.

8. *Черникова Н. В.* Портрет на фоне эпохи: Князь Владимир Петрович Мещерский. М., 2017. 479 с.

9. Юзефович Б. М. К П. П. Гессе от 10 октября 1903 г. // Политические письма. Периодический сборник по вопросам текущей политической и общественной жизни. Апрель 1908. Вып. XI. С. 178–179.

10. Юзефович Б. М. К П. П. Гессе от 17 июля 1904 г. // Политические письма. Периодический сборник по вопросам текущей политической и общественной жизни. Апрель 1908. Вып. XI. С. 199.

11. Юзефович Б. М. К П. П. Гессе от 22 октября 1904 г. // Политические письма. Периодический сборник по вопросам текущей политической и общественной жизни. Май 1908. Вып. XII. С. 221–225.

12. Юзефович Б. М. К П. П. Гессе от 23 июля 1904 г. // Политические письма. Периодический сборник по вопросам текущей политической и общественной жизни. Апрель 1908. Вып. XI. С. 199–200.

13. Юзефович Б. М. К П. П. Гессе от 25 августа 1903 г. // Политические письма. Периодический сборник по вопросам текущей политической и общественной жизни. Апрель 1908. Вып. XI. С. 169–173.

14. Юзефович Б. М. К П. П. Гессе от 26 июля 1904 г. // Политические письма. Периодический сборник по вопросам текущей политической и общественной жизни. Май 1908. Вып. XII. С. 205–206.

15. Юзефович Б. М. К П. П. Гессе от 31 октября 1904 г. // Политические письма. Периодический сборник по вопросам текущей политической и общественной жизни. Май 1908. Вып. XII. С. 225–226.

16. Юзефович Б. М. Письмо к В. К. Плеве от 26 июля 1903 г. // Политические письма. Периодический сборник по вопросам текущей политической и общественной жизни. Март 1908. Вып. X. С. 141–145.

17. Юзефович Б. М. Письмо к П. П. Гессе от 13 декабря 1900 г. // Политические письма. Периодический сборник по вопросам текущей политической и общественной жизни. Ноябрь 1907. Вып. VI. С. 10–16.

18. Юзефович Б. М. Письмо к П. П. Гессе от 16 октября 1901 г. // Политические письма. Периодический сборник по вопросам текущей политической и общественной жизни. Ноябрь 1907. Вып. VI. С. 23–25.

19. Юзефович Б. М. Письмо к П. П. Гессе от 2 декабря 1899 г. // Политические письма. Периодический сборник по вопросам текущей политической и общественной жизни. Ноябрь 1907. Вып. VI. С. 6–7.

20. Юзефович Б. М. Письмо к П. П. Гессе от 22 мая 1903 г. // Политические письма. Периодический сборник по вопросам текущей политической и общественной жизни. Ноябрь 1907. Вып. VI. С. 55–58.

21. Юзефович Б. М. Письмо к П. П. Гессе от 6 июня 1903 г. // Политические письма. Периодический сборник по вопросам текущей политической и общественной жизни. Ноябрь 1907. Вып. VI. С. 58–61.

22. Юзефович Б. М. Письмо к П. П. Гессе от 7 декабря 1899 г. // Политические письма. Периодический сборник по вопросам текущей политической и общественной жизни. Ноябрь 1907. Вып. VI. С. 8–9.

23. Юзефович Б. М. Письмо к П. П. Гессе от 9 августа 1902 г. // Политические письма. Периодический сборник по вопросам текущей политической и общественной жизни. Ноябрь 1907. Вып. VI. С. 40–46.

УДК 1(091)
Э. Л. Ковров,
доцент, Вологодская молочнохозяйственная академия имени М. В. Верещагина

АКСИОМЫ РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА В «УРОКАХ ЖИЗНИ» В. А. МАКЛАКОВА

Статья анализирует принципы либеральной идеологии, изложенные выдающимся деятелем кадетской партии В. А. Маклаковым. Также показана значимость его мемуаров для современного читателя.
Ключевые слова: государство, либерализм, личность, право, нравственность, революция, свобода, кризис

E. L. Kovrov,
Associate Professor, Vologda Dairy Academy named after M. V. Vereshchagin

AXIOMS OF RUSSIAN LIBERALISM IN THE "LESSONS OF LIFE" BY V. A. MAKLAKOV

The article analyzes the principles of liberal ideology set forth by the outstanding figure of the Cadet party V. A. Maklakov. The significance of his memoirs for the modern reader is also shown.
Keywords: state, liberalism, personality, law, morality, revolution, freedom, crisis

Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957) – выдающийся политический деятель первой половины XX века, член Государственной думы II–IV созывов. По мнению видного историка русского либерализма М. М. Карповича являлся неофициальным лидером правого крыла кадетской партии и выступал против генеральной линии ее руководства в лице Милюкова. Относительно стратегической цели – конституции с ответственным перед народными представителями, министерством, разногласий не было. Спор шел о способе ее достижения, союзниках и противниках русских либералов. Маклаков писал по этому поводу: «Нас разделяло отношение к средствам борьбы в новых условиях, которые нам дала конституция; проще говоря, в нашем отношении к желательности и возможности у нас революции» [4, с. 317]. Левые кадеты революции не боялись. Некоторые «потому, что в ее возможность не верили; другие рассчитывали, что революцию можно было использовать против власти, а потом остановить в самом начале… У меня лично было другое отношение к революции. Я считал ее не только «несчастьем», но и очень реальной опасностью. Разумею революцию как крушение суще-

© Ковров Э. Л., 2022

ствующей власти, создание на ее месте новой, преемственно с нею не связанной, созданной якобы непосредственной волей народа, а не только радикальную перемену «политики» в существующем строе, вызванную давлением населения» [4, с. 318].

С политической точки зрения вопрос о правоте правых или левых кадетов неразрешим: слишком много факторов определяет исход политического процесса. При одном раскладе мог оказаться прав Милюков, при другом Маклаков, но случилось то, что случилось: революция смела с исторической карты и русскую империю, и самодержавие, и правовой порядок защитницей которого заявляла себя партия народной свободы. Но кто оказался прав с нравственной точки зрения? Вопрос о политической правоте деятелей прошлого интересен только историкам, но вопрос нравственной правоты носит всеобщий характер потому, что используемые средства гораздо важнее всегда преходящих политических целей. В конечном счете, вопрос о средствах борьбы – вопрос о политических принципах, а достижение самых благородных целей ценой отказа от принципов, несовместимо с основаниями либеральной идеологии.

Милюков считал допустимым двинуть на самодержавие «Ахеронт», как в подцензурной печати называли народные массы и потому считал возможным временный союз кадетов с революционными силами России. Как не вспомнить при этом слова Макса Вебера о политике, который «спутывается с дьявольскими силами, которые подкарауливают его при каждом действии насилия» [2, с. 703]. Маклаков тоже был политиком, но на его мировоззрении сказалось нравственное влияние Л. Н. Толстого, которого он знал лично, а также деятельное участие в толстовском движении. Маклаков осудил идею союза с революционными силами и оказался прав с нравственной точки зрения.

К сожалению, в России XXI века слово «либерализм», в значительной степени, дискредитировано безнравственными реформами 90-х, которые шли под знаменем либеральной идеологии и проводились псевдолибералами. Но каким должен быть настоящий либерал? На этот вопрос отвечают воспоминания Маклакова «Уроки жизни». Во-первых, они убедительно доказывают, что отечественный либерализм, сущность которого «состоит в примирении начала свободы с началами власти и закона» [6, с. 49] – плод развития национальной жизни и органический элемент русской культуры. Во-вторых, в них изложены принципы либерализма и дан образ настоящего либерала. Кроме того, это замечательный образец мемуарной литературы, которая не только освещает жизнь автора, но и показывает «как тогдашняя жизнь воспитывала и формировала жившее тогда поколение» [4, с. 10]

Рассмотрим мемуары с точки зрения исторической обстановки, в которой шло формирование общественного движения, которое привело к созданию партии кадетов. Важную роль в этом процессе сыграли земские деятели. Маклаков – типичный представитель земского либерализма не только потому что он «сам был земским деятелем, а потому что все его политическое воспитание прошло под влиянием земских либеральных традиций» [3, с. 389]. Семья Маклакова, его окружение, общая атмосфера пореформенной России определила преобладающее умонастроение Василия Алексеевича. Описывая гимназические годы, он вспоминает характерный эпизод – обсуждение в дружественной среде Университетского устава 1884 года. Один из участников дискуссии – архитектор, произносит слова, которые Маклаков называет «первым правилом государственной мудрости: «исправлять недостатки, не разрушая самого здания» [4, с. 56]. Себя он считал наследником Великих Реформ и всегда верил «в возможность «сберечь и развивать» начала того нового строя, которые были даны в 60-е годы и были постепенно усвоены жизнью. Сюда относились и «судебные» учреждения, и «земские» установления; они могли укреплять в России «законность», защищать «права человека», развивать и распространять просвещение, подымать народное благосостояние» [4, с. 69].

Как всякий подлинный либерал он был сторонником местного самоуправления: «Главной политической школой для населения было местное самоуправление. Делом его, т. е. русских земских и городских учреждений, было управление местною жизнью, исполнение в ней части общегосударственных функций, в интересах всего живущего там населения, а не только в своих, как это происходит в артелях, кооперативах, синдикатах, акционерных обществах и других подобных им коллективах. При всех своих несовершенствах местные учреждения были у нас зачатками народовластия, а потому шагом к будущему конституционному строю» [4, с. 272].

Как всякий вменяемый либерал он был сторонником медленного, но поступательного общественного развития, противником радикальных перемен: «Для роста всего живого есть свое положенное время. Раньше его вырастают только уроды» [4, с. 96]. Но принципиальными противниками революций либералы никогда не были: Локк – отец либерализма, прямо указывал на право народа отстаивать свои права с помощью радикального переворота. Как известно, гегемоном европейских революций XVII и XVIII веков была либеральная буржуазия. Не то революция XX века в России. Как писал об этом Маклаков: «В победоносном «Ахеронте» соединилось бы все, что было нетерпимо и в старом режиме: бесправие личности, произвол, презрение к законности и справедливости» [4, с. 320].

Как всякий ответственный либерал он мечтал, чтобы люди в России «дорожили не только своей личной свободой, но и строем своего государства» [4, с. 85]. Он считал, что надо «улучшать государство на началах законности, свободы и справедливости и для этого исходить из того, что уже существует реально, то есть и как отдельная «личность» с ее природными свойствами, и как уже создавшееся раньше нас «государство». Они были теми «данными», которые нужно было улучшать, не разрушая, стараясь сочетать «идеал» и «действительность». Этой трудной, но не безнадежной задаче и служили «либеральные деятели» [4, с. 80]. Разрешение этой задачи была основной целью либеральной партии. Главный теоретик русского либерализма – Борис Николаевич Чичерин посвятил несколько серьезных исследований. В них он развел понятия «государства» в широком и узком смысле слова. В первом значении – «государство есть союз народа, связанного законом в одно юридическое целое, управляемое верховною властью для общего блага» [6, с. 101]. С этой точки зрения любое государство – единство власти, закона, свободы и общей цели. Во-втором, государство – синоним верховной власти. Опасно путать эти понятия: если государство всего лишь аппарат принуждения – закон, свобода и общее благо будут ему подчинены. Закон начнет обслуживать интересы властного меньшинства и перестанет быть законом, а превратиться в дышло, «которое куда повернешь, туда и вышло». Свобода граждан превратиться в фикцию, а общее благо – цель государства, в пустую декларацию. Маклаков все это прекрасно понимал: «Государство немыслимо без «государственной власти», то есть без того меньшинства, которое признается руководителем всего государства и подавляющим преобладанием силы над отдельными людьми может заставлять их всех себе подчиняться. Эта власть может от назначения своего отклоняться; может служить не общему благу, а поддерживать привилегии и преимущества одних над другими; может пренебрегать интересами населения, подчиняя их своим собственным выгодам» [4, с. 345]. Что касается России, то главным злом русской жизни он считал безнаказанное господство в ней «произвола», беззащитность человека против «усмотрения» власти, отсутствие правовых оснований для защиты себя» [4, с. 201]. К такому выводу Маклаков пришел еще в период своей адвокатской практики. Такое положение не изменили революции XX века. Уже в эмиграции, работая над своими мемуарами, Маклаков вернулся к этой важнейшей теме: и в последней главе воспоминаний поделился с читателями своими рассуждениями, которые оценил как самое важное, что дал ему жизненный опыт.

Схематично ход мысли Маклакова выглядит так: в XX веке человечество вступило в полосу глобального кризиса. Его причина к лежит в неограниченных возможностях человека в плане покорения внешней

природы и в полной неспособности разрешить социальные и межличностные конфликты. Дело в том, что люди производят все необходимое для жизни сообща, но распределяется производимое несправедливо. Отсюда зависть людей друг к другу, борьба и в «результате борьбы победа сильнейших, доходящая до полного порабощения слабых» [4, с. 345]. Само государство стало инструментом господства эксплуатирующего меньшинства над эксплуатируемым большинством. «Соперничество и борьба между отдельными людьми или классами стали перерождаться в борьбу между человеческой личностью и государственной властью» [там же] Чтобы эта борьба прекратилась необходимо, чтобы между человеческой личностью и государством установилось равновесие.

«Но на какой почве может происходить равновесие, если каждый человек и каждый класс, в том числе и тот, который государственную власть представляет, будет стремиться к тому, чтобы над другими господствовать? [4, с. 346]. Ни победа сильнейшего, ни случайная воля демократического большинства не решают проблему. «Добровольное соглашение прежних противников может быть основано только на признанной ими обоими обоюдной пользе, то есть на справедливости. Существо справедливости всем знакомо: «Не делать другим того, чего от них не хочешь себе». «Справедливость» есть синтез между отречением от себя для других и звериной природой, стремящейся все от других отбирать для себя» [4, с. 347]. В демократии Маклаков видит возможность установления и восстановления справедливости. «Но справедливость не непременно там, где желает видеть ее большинство. У нее самостоятельная природа, от воли большинства не зависящая. Справедливость и большинство могут совпадать, но могут и расходиться» [4, с. 363]. Современная демократия больна потому, что подменила искания справедливости диктатом большинства. К «формированию» большинства приспособляли и политику, и идеологию, и самый государственный строй» [4, с. 364]. Но демократические процедуры не меняют природу человека автоматически. Нового человека необходимо воспитывать: «Оттого на демократиях лежала задача строить так государство и управление им, чтобы воспитывать в людях привычку к справедливому отношению друг к другу, а не претензию над другими господствовать, требовать повиновения своей воле и в этом находить себе удовлетворение» [4, с. 365]. И самое главное: «По существу безразлично, предписывает ли свою волю монарх по «природному праву», привилегированное меньшинство, которое воображает себя лучше других, или просто арифметическое большинство населения. Дело не в воле кого бы то ни было, а в объективной справедливости, которую нужно не объявлять, а отыскивать. А отыскивать ее нужно прежде всего выявлением всех разногласий и исканием ими самими соглашения между

собой» [4, с. 366]. Сущность прогресса в торжестве «права» над «волей». Ищите справедливость, а все остальное приложится. Это и есть критерий настоящего либерализма. «Люди не кирпичи, подлежащие закону одного тяготения, которыми могут по произволу располагать архитекторы. В людях воспитываются жизнью свои понимания, привычки и вкусы: формы государства должны им соответствовать. Важна только цель, которую будут себе люди ставить и к которой они будут стараться идти; всякое приближение к ней есть уже частичный успех. Только такого приближения и должно искать» [там же]. Так считал Василий Алексеевич Маклаком – эталонный представитель русского, подчеркнуто нравственного либерализма. И это мнение не устарело потому, что его фундамент не политическая цель, но нравственный императив.

В заключении вспомним слова Георгий Викторовича Адамовича, который писал, что лучше всего описывает Василия Алексеевича Маклакова слово «человечность»: «…как ни ищи, едва ли найдется другое, которое лучше подошло бы к духовному облику Маклакова. Он на все человеческое откликался и, кажется, все понимал, не только умом, но и опытом» [1, с. 239]. Будем надеяться, что этот опыт сослужит свою службу и нашему поколению.

Библиографический список

1. *Адамович Г. В.* Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. Париж: издание друзей В. А. Маклакова (На правах рукописи), 1959. 268 с.

2. *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 806 с.

3. *Карпович М. М.* два типа русского либерализма // Опыт русского либерализма. Антология. М.: Канон, 1997. 480 с.

4. *Маклаков В. А.* Из воспоминаний. Уроки жизни. М.: Московская школа политических исследований, 2011. 384 с.

5. *Чичерин Б. Н.* Общее государственное право. М.: Зерцало, 2006.536

6. *Чичерин Б. Н.* Различные виды либерализма // Опыт русского либерализма Антология. М.: Канон, 1997. 480 с.

УДК 792(091)(470.315)
Е. Л. Костылева,
доцент, Ивановский государственный университет
С. В. Точенов,
доцент, Ивановский государственный университет
А. И. Червяков,
заведующий литературным музеем, Ивановский государственный университет

БУЛАТ ОКУДЖАВА И ИВАНОВСКИЙ МОЛОДЕЖНЫЙ НАРОДНЫЙ ТЕАТР РЕГИНЫ ГРИНБЕРГ

В статье рассказывается о многолетнем плодотворном сотрудничестве Ивановского Молодежного народного театра с представителями творческой московской интеллигенции. А конкретно, с одним из ее наиболее ярких представителей – поэтом, бардом, прозаиком и сценаристом, композитором – Булатом Окуджавой. Рассматриваются вопросы, связанные с начальным этапом взаимодействия, постановкой спектаклей по произведениям автора, его неоднократными визитами в Иваново.
Ключевые слова: Ивановский молодежный народный театр, Булат Окуджава, Регина Гринберг

E. L. Kostyleva,
Associate Professor, Ivanovo State University
S. V. Tochenov,
Associate Professor, Ivanovo State University
A. I. Chervyakov,
Head of the literary museum, Ivanovo State University

BULAT OKUDZHAVA AND IVANOVO YOUTH PEOPLE'S REGINA GREENBERG THEATER

The article describes the long-term and fruitful cooperation of the Ivanovo Youth People's Theater members with representatives of the creative intelligentsia in Moscow. Specifically, with its most prominent representative – poet, singer, novelist and screenwriter, composer – Bulat Okudzhava. Issues related to the initial stage of cooperation, the staging of performances based on the author's works and his repeated visits to Ivanovo are considered in this article.
Keywords: Ivanovo Youth People's Theater, Bulat Okudzhava, Regina Greenberg

Ивановский молодежный театр – уникальное явление в культурной жизни города в 60–90-е гг. XX века, один из лучших и самых

© Костылева Е. Л., Точенов С. В., Червяков А. И., 2022

известных народных театров страны, многократный лауреат различных конкурсов и фестивалей, в том числе премии Ленинского комсомола. Его основатель – Регина Михайловна Гринберг – подняла театр на высокий профессиональный уровень, хотя в нём были задействованы в основном непрофессионалы и студенты местных вузов, включая ИвГПИ (ИвГУ). Театр многократно гастролировал в Москве, выезжал со спектаклями в Ленинград, Свердловск, Ташкент, Владимир и даже в Польшу. Р. Гринберг, получившую звание «Заслуженный работник культуры РСФСР», неоднократно приглашали на работу в Москву, в том числе в театр на Таганке к Ю. Любимову. На начальном этапе существования театра в наш город для консультаций приезжали режиссеры О. Ефремов и Г. Волчек, позже с творческими вечерами – актеры В. Смехов, И. Кваша, певица Е. Камбурова. Тесным образом с театром сотрудничали, посещали спектакли поэты А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Г. Поженян. Художественным оформлением сцены одной из постановок был занят в Иванове Э. Неизвестный.

Но все-таки наибольшее внимание и интерес к провинциальному непрофессиональному театру, особенно на пике его успеха и популярности в 70-е годы, проявлял, пожалуй, Булат Шалвович Окуджава. Фронтовик, «шестидесятник», популярный в 60–80-е годы поэт, бард, прозаик и сценарист, композитор.

Сейчас трудно сказать, когда Р. Гринберг стала активно интересоваться творчеством Б. Окуджавы применительно к возможным перспективам сотрудничества. В архиве нам удалось разыскать письмо ее кузена, В. Панеяха, от 1966 года, где предполагаемая заинтересованность явно прослеживается. «<…> Во-вторых, Окуджава больше не живет в Ленинграде, а вновь переехал в Москву, так что адрес его мне не может быть известен. По приезде домой, если это не потеряет для тебя актуальность, я постараюсь что-нибудь сделать» [4, оп. 1]. Имело ли это какие-либо последствия неизвестно, но личное знакомство актеров и режиссера молодежного театра с ним состоялось только в 1969 году, когда он прибыл в Ивановскую область в составе группы литераторов, в которую входили драматург И. Шток, поэтессы Т. Жирмунская и Л. Васильева, писательница Л. Лебединская и поэт, заместитель главного редактора журнала «Дружба народов», А. Николаев. Они выступали в областном и районных центрах, встречались с рабочими и студенческими коллективами. Впервые вживую ивановская публика увидела Окуджаву в Доме политического просвещения (сейчас это здание училища культуры на Шереметьевском проспекте). Впечатление от встречи подтолкнуло Регину Михайловну к приглашению поэта вместе с коллегами в театр. Актер театра Андрей Афанасьев вспоминал: «Они пришли часов в 10 вечера. Но мы все же сначала повели их в зал и показали

отрывки из нашего спектакля. Потом, уже за столом в репетиционной комнате, мы сидели с ними до глубокой ночи. Они очень хорошо отзывались о нашей работе, и каждый счел себя обязанным выступить в ответ. Все выступления были замечательно интересными, но Окуджава… В него мы все просто влюбились» [1, с. 57–58]. Окуджава пел. На просьбу исполнить что-нибудь новое спел с плохо скрываемым намеком на события в Чехословакии:

«Лежать бы гусаку в жаровне на боку,
Да, видимо, немного подфартило старику.
Не то чтобы хозяин пожалел его до слез,
А просто он гусятину на завтра перенес…» [1, с. 66].

Реакция властных структур на визит уже находившегося на тот момент в опале автора не заставила себя ждать. На следующий день одного из инициаторов встречи, Феликса Грека, в институте ждал работник КГБ. «Мы знаем, что у вас был Окуджава», – сказал он. «Ну, был и был, – ответил я. Куда-то больше меня потом не вызывали. Помог нам обком комсомола, он вмешался и разрешил все встречи с Булатом» [2, с. 3].

Очень скоро в голову Р. Гринберг пришла идея поставить спектакль по произведениям Окуджавы, она же придумала ему и название – «Замок надежды». «Мы поем спектакль про надежды маленький оркестрик. Мы строим замок надежды. Спектакль по стихам Окуджавы. Он вынашивался давно, существовал во мне в каком-то втором эшелоне сознания, как-то сочинялся сам собой, даже во сне» [3]. Подготовка к спектаклю продолжалась полтора года. Особенностью было то, что он был преимущественно музыкальным, в этом состояла сложность. Кроме того, со временем стало понятно, что спектакль камерный, играть его можно только в небольших залах, подходили «красные уголки» общежитий, цехов, учреждений, маленькие клубы. «Замок надежды» «прожил» несколько лет, но так ни разу и не был сыгран на основной сцене – в клубе фабрики им. Балашова.

В июне 1971 года спектакль показали автору. Это был так называемый «первый черновой прогон». А. Афанасьев вспоминал: «От его снисходительности не осталось и следа. Он говорил, даже несколько растерянно, что ничего подобного не ожидал. Ему в самом деле понравилось» [1, с. 72]. А вот что говорил сам Окуджава: «Я крайне счастлив, что мои предположения и ожидания оказались ниже того, что я увидел. <…> Спектакль очень интересен. Все продуманно, задумано и смонтировано интересно. <…> Многое мне нравится в исполнении» [4, оп. 7, д. 19, л. 1]. Но вместе с тем, поэт указывал и на недостатки: неточное исполнение песен, чрезмерную гротескность постановки, нескоординированность голосов в хоре и т. п. [4, оп. 7, д. 19, л. 2–3].

Премьеру сыграли осенью 1971 года в зале текстильного института. Принята публикой она была хорошо. Но Гринберг осталась недовольна. С ее точки зрения большой зал с высокой сценой не предполагал необходимую степень близости зрителя, уровень общения актеров и публики.

Эта был первый в стране спектакль, поставленный по произведениям Окуджавы. Булат Шалвович воспринимался в те времена как «полузапрещенный» поэт [3]. Пластинки с его песнями не выпускались, книги выходили малыми тиражами. После нескольких залпов критических статей конца 60-х у обывателя было сильно поверье, что Окуджава – каторжник, недавно освободившийся из колонии [1, с. 77]. Распространяемые «компетентными органами» сплетни и домыслы проецировались и на отношение к Молодежному театру и его руководителю местной власти. Гринберг была вынуждена отбиваться от надуманных обвинений, доказывать, что все тексты, вошедшие в спектакль, опубликованы, защищать «доброе имя» поэта-фронтовика.

Спектакль долгое время боялись одобрить члены профсоюзного худсовета. «Комиссии, «отсматривавшие», как они выражались, «Замок», раз за разом уходили от принятия решения о его приемке. На помощь Регине Михайловне прибыл «десант» из Москвы – заведующая кабинетом народных театров Всероссийского театрального общества И. Сидорина и театральный критик Л. Нембицкая. После одобрения и высоких оценок спектакля со стороны столичных деятелей придраться было уже сложно. Даже привычные для критиков Окуджавы упреки в мелкотемье в данном случае были не убедительны» [1, с. 76].

Очередной визит Окуджавы состоялся в 1973 году. Опять были проведены две творческие встречи, как обычно завершившиеся дружеским застольем.

В начале 1974 года Булат Шалвович приехал в Иваново в четвертый раз. Отношение власти к нему не менялось, хотя именно в это время был закрыт вопрос о возможном лишении Окуджавы партбилета, была выпущена первая пластинка. В ивановских инстанциях приезд Окуджавы породил панику. Относились к нему как к «лазутчику и диверсанту» [1, с. 95]. От Регины Михайловны потребовали, чтобы бард не выступал. Поэт и сам понимал, что это только создаст сложности. Но после спектакля в зале мединститута, на котором присутствовал московский гость, публика устроила такие овации в его адрес, что Окуджава был вынужден подняться на сцену и сказать несколько слов. Несомненно, народ его знал, уважал и принимал его поэзию.

После спектакля, в камерной обстановке, произошла творческая встреча с коллективом театра, где Булат Шалвович пел свои новые песни, артистично и блистательно читал пьесу «Старинный водевиль».

А. Афанасьев утверждает, что «…именно в показе Регине Гринберг своей новой пьесы и состояла цель того приезда Булата Окуджавы в Иваново» [1, с. 95]. Первоначально идея поставить пьесу была поддержана актерами, но через некоторое время сошла на нет. Помешали обстоятельства, какие-то неотложные дела и, вероятно, отсутствие одобрения со стороны местных властей.

Вот как вспоминает проводы Окуджавы Р. Гринберг: «А тогда, в 1974-м, на вокзале весь театр: труппа и студия. Поезд отходит, а мы остаемся. Осиротевшие. А потом еще долго вспоминаем и “отыгрываем”» подробности наших встреч, бесед, споров» [3]. А вот реакция представителей власти была совсем другая: «Приезд Окуджавы мы вам не простим. Будет тут, понимаешь, ездить сволочь всякая, топтать нашу землю, родину первого Совета» [3]. И опять оправдания, жаркие споры, непрекращающиеся конфликты…

Довольно неожиданный визит Окуджавы последовал в 1975 году. Гринберг пригласила в Иваново из Москвы для создания декораций к спектаклю «Времядром» художника Юрия Васильева. Совсем не зная города, Васильев просил его встретить с поезда, а потом позвонил и сказал, что приедет с «опытным водителем». Им то и оказался Булат Шалвович. Стандартно хорошо встретили, посидели. В этот свой приезд Окуджава подарил каждому участнику «Замка надежд» свою, только что вышедшую книгу «Мерси, или похождение Шипова» с личной подписью.

Здесь надо оговориться, что трактовка количества и времени (по годам) посещений Окуджавой Иванова в воспоминаниях Р. Гринберг и А. Афанасьева расходится. Гринберг ничего не пишет о визите поэта в 1973 году, третьим посещением считает январь 1974 года. Да и после «визита на машине» (который по Афанасьеву был последним, пятым) по мнению Гринберг, Окуджава «…потом приезжал еще и еще» [3]. Несомненно, этот вопрос требует дальнейшей проработки.

Взаимный интерес Б. Окуджавы и Ивановского молодежного театра в рамках творческого сотрудничества сохранялся еще довольно долго, хотя и не в таких масштабах, как в конце 60-х – первой половине 70-х. В сезоне 1976–77 годов в репертуаре театра было поэтическое представление «Памяти друга» по произведениям Маяковского, Вознесенского, Рождественского, Евтушенко и, в том числе Окуджавы. В 1978 году новый набор студии при театре (они существовали параллельно, молодые студийцы были резервом основного состава «на перспективу»), начал подготовку учебного спектакля, в основе которого были стихи и песни Окуджавы [1, с. 194]. Работа продолжалась около двух лет, но так и не была завершена. Позже, в 80-е годы, были поставлены еще несколько спектаклей по произведениям Окуджавы – «На

ясный огонь», «Ах, поле, поле, поле, поле, поле чудес», «На любовь свое сердце настрою», радиоспектакль «По чертежам своей души» [3]. Плюсом – театрализованный концерт «Поколение», два «концерта советской поэзии», учебный спектакль-концерт «Первые шаги», где неизменно звучали стихи и песни Окуджавы. Но такого успеха и популярности, какой был у «Замка надежды», они уже не имели. Да и реакция Булата Шалвовича, видимо, была уже гораздо более спокойной. По крайней мере, нам не удалось найти никакой информации об активном творческом взаимодействии поэта и Ивановского Молодежного театра в 80-е – начале 90-х. Что было этому причиной? Трудно сказать. Может быть, занятость обеих сторон, может попытки Р. Гринберг выйти на какие-то новые рубежи, ее увлеченность работой с другими, не менее известными представителями московской творческой интеллигенции…

Тем не менее, особые отношения Б. Окуджавы и коллектива Ивановского Молодежного театра сохранялись и в эти годы. В 1984 и 1994 годах руководитель и актеры театра участвовали в праздновании 60-ти и 70-ти летних юбилеев поэта в Москве, оба раза выступая с поздравлениями на одной сцене с представителями высшей элиты творческой интеллигенции страны.

Смерть Булата Окуджавы в Париже в июне 1997 года стала личной трагедией для Регины Михайловны и всего коллектива театра. А ведь еще совсем недавно, в апреле, в письме Гринберг он поздравлял театр с 40-летним юбилеем и надеялся, что «…сложные обстоятельства не разрушат созданного Вами» [4, оп. 7, д. 197].

Вспоминая безмерно уважаемого и любимого поэта, «дворянина арбатского двора», актеры театра организовали памятные встречи на девятый и сороковой дни со дня его смерти. Преодолевая все обстоятельства, в мае 1998 года Р. Гринберг устроила в Иванове масштабный вечер памяти поэта, приурочив его ко дню рождения Б. Окуджавы. Дважды, в 1998 и 2002 годах, коллектив театра участвовал в вечерах памяти в Москве в театре «Школа современной пьесы».

Подводя итог, оценивая творческое сотрудничество и личные взаимоотношения Б. Окуджавы с коллективом Ивановского молодежного театра, наверное, лучше всего процитировать Р. М. Гринберг: «Из всех наших авторов он для меня сегодня № 1» [4, оп. 1, д. 056]. И пусть эта фраза из письма хронологически относящегося к 1974 году, Булат Шалвович Окуджава на долгие годы оставил о себе добрую память и стал одним из любимых авторов коллектива Ивановского Молодежного народного театра и его бессменного руководителя – Р. Гринберг.

Библиографический список

1. *Афанасьев А. И.* Регина. Театр нашей молодости. Иваново. Иван. гос. ун-т, 2007.
2. Воспоминания актеров театра Р. Гринберг // Личный архив Е. Н. Смирновой.
3. Регина Гринберг «По чертежам своей души». Несколько глав ненаписанной книги // Ивановская газета. 1998. 2, 3, 6 июня.
4. Архив Р. М. Гринберг.

УДК 377
В. А. Купалова,
преподаватель, Московский городской педагогический университет

ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА И ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

В статье рассматриваются проблемы формирования патриотизма и гражданской идентичности будущих педагогов. Автор анализирует различное содержание понятия «патриотизм» в российской истории, а так же задачи и методы гражданско-патриотического воспитания молодого поколения в условиях педагогического колледжа.
Ключевые слова: патриотизм, патриот, отечество, гражданская идентичность, методы образовательно-воспитательной деятельности

V. A. Kupalova,
Lecturer, Moscow City Pedagogical University

FORMATION OF PATRIOTISM AND CIVIC IDENTITY OF FUTURE TEACHERS

The article deals with the problems of the formation of patriotism and civic identity of future teachers. The author analyzes the various contents of the concept of "patriotism" in Russian history, as well as the tasks and methods of civic and patriotic education of the younger generation in the conditions of a pedagogical college.
Keywords: patriotism, patriot, fatherland, civic identity, methods of educational and educational activity

Патриотическое воспитание и формирование гражданской идентичности являются неотъемлемой частью всестороннего развития личности и также одной из важнейших задач современного образования,

© Купалова В. А., 2022

что нашло отражение в Федеральных государственных образовательных стандартах. О патриотизме как объединяющей идеи, говорилось на встрече «Клуба лидеров», при этом президент страны В. В. Путин подчеркнул, что «она не идеологизирована, не связана с деятельностью какой-то партии, а это связано с общим объединяющим началом».

В словаре Ожегова патриотизм – «преданность и любовь к своему отечеству, к своему народу». Трудно не согласиться с мыслью, что любовь к Отечеству, гордость за ее достижения, историю и культуру является тем, что связывает разные поколения россиян и объединяет народы, живущие на просторах нашей страны. Отечество это не просто место, где родился человек, это, прежде всего, «отчий дом», это корень рода как отец в семье, это историческое, культурное, ценностно-смысловое понятие. Важно понимать, что сохранение Отечества – благополучие государства и его жизненное существование, развитие, поэтому патриотизм – это то, без чего мы не смогли бы жить, он естественен для каждого, как рождение и смерть. Вместе с тем, попытаемся проанализировать содержание этого понятия, понять какие качества личности необходимо в настоящее время формировать родителям и педагогам у молодого поколения.

В Толковом словаре Д. Н. Ушакова патриот – «человек, преданный своему народу, любящий свое отечество, готовый на жертвы и совершающий подвиги во имя интересов своей родины». С древнейших времен воспитанию гражданина-патриота уделялось большое внимание, как главному средству сохранения государства и Отечества. Многие известные педагоги и общественные деятели (А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинский, Л. Н. Толстой и др.) рассматривали в своих трудах проблемы патриотического воспитания. Например, К. Д. Ушинский считал, что нравственную основу личности гражданина составляют чувства национального самосознания человека, его любви к Родине. П. П. Блонский рассматривал гражданское воспитание как политическое, а формирование человеческих качеств относил к нравственному воспитанию.

В советской гуманитарной науке вопросы становления гражданина рассматривались через формирование коллективизма, участие молодежи в деятельности детских и юношеских организаций. Ученые, педагоги-новаторы в теоретических разработках и на практике стремились заложить в юношестве основу человечности и гражданственности, чувство ответственности перед обществом. До конца 80-х гг. прошлого века понятие «патриот» воспринималось как человек, готовый умереть за отчизну, думающий «сначала о Родине, а потом о себе». Подчас дефиниции *гражданин* и *патриот* употреблялись как синонимичные. В «перестроечный» период понятие «патриот» приобрело в нашей стране негативный оттенок, трансформировалось, порой подменялось понятием

«националист». В научной литературе стало употребляться понятие «личность», в которое включалась качественная характеристика демократичности, предприимчивости человека. С конца XX века ряд ученых (А. Аникеев, В. Караковский, Д. Лихачев, Н. Музафарова, В. Шадриков, Н. Щуркова и др.) анализируя особенности гражданского образования и патриотического воспитания в различных социокультурных традициях, исследуют проблемы формирования национального самосознания как ценности. Данные исследования дали возможность осмыслить трансформацию понятий «патриот», «гражданин», «долг», содержание гражданских идеалов, в связи с изменениями, происходящими в российском обществе [5].

Новый XXI век ориентирует политиков, педагогов, родителей на поиск эффективных путей включения подрастающего поколения в жизнь общества. Разрабатываются критерии оценки результативности программ воспитания в условиях сотрудничества России со странами мира. В настоящее время патриотическое воспитание, формирование гражданской идентичности молодежи представляет собой систематическую и целенаправленную деятельность органов государственной власти, институтов гражданского общества, педагогов и семьи по формированию у юных граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины. Современная история России показывает, что только активная гражданская позиция юношей и девушек является необходимым условием становления полноценного гражданского общества и демократического правового государства, эта позиция закреплена в Государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы», а также государственном проекте «Патриотическое воспитание» 2021–2025 гг. [3].

В последнее время в СМИ, Интернет-источниках встречается много недостоверной информации и откровенной лжи об истории нашей страны, в том числе, о событиях и героизме советских людей в годы Великой Отечественной войны. Молодой человек, неподготовленный к анализу и осмыслению этой информации, может воспринимать её как достоверную. Именно поэтому патриотическое воспитание нужно начинать как можно раньше в семье, в дошкольных учреждениях, в начальных классах школы. Ученый А. М. Андресюк пишет: «На первой ступени закладываются основные моральные ценности, нормы поведения, начинается формирование личности, осознающей себя частью общества и гражданином своего Отечества. Развиваются коммуникативные способности ребенка, которые позволяют ему интегрироваться в сообщество, способствуют формированию умения разрешать

конфликтные ситуации через диалог. Решение одной из главных задач начального образования – развитие творческого потенциала младшего школьника – помогает сформировать личность, способную внести свой вклад в жизнь страны» [1, с. 10].

Гражданско-патриотическое становление юношей и девушек после окончания 9-летнего обучения в школе продолжается в педагогическом колледже. В период профессиональной подготовки, во-первых, важно определить ценностные ориентиры будущего педагога. Известный российский психолог и ученый А. Г. Асмолов понятие «гражданская идентичность» рассматривает как осознание личностью своей принадлежности к сообществу граждан определенного государства на общекультурной основе», при этом автор отмечает, что гражданская идентичность имеет личностный смысл в отличие от понятия гражданство [2, с. 151]. Во-вторых, необходимо обозначить личностные и профессиональные приоритеты. Один из основоположников гражданского воспитания в начале XX века немецкий педагог Г. Кершенштейнер называл главной его задачей «приучение молодёжи служить общине». Отечественные педагоги И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов и другие, также подчеркивали важность гражданского воспитания, но определяли его задачи по-разному. Например, В. А. Сластенин считал важным формирование у обучающихся знаний и представлений о достижениях нашей страны в области науки, техники, культуры. Автор разделяет позицию, что в гражданско-патриотическом воспитании социальный компонент понятия «гражданин» соотносится с духовным, в котором также выделяются нравственные и патриотические основы. Понятия «патриот» и «гражданин» имеют духовно-нравственную природу, которая связана с социальной сущностью человека и его социальным предназначением. В патриотизме, как в одном из нравственных качеств человека, духовно-нравственное начало определяет его суть, основу, содержание. Социальный компонент в патриотическом воспитании наиболее значим и занимает приоритетное положение по отношению к остальным: историческому, культурному, государственному, военному и другим [4].

Следует заметить, что патриотизм в юном возрасте проявляется очень специфично из-за отсутствия должного жизненного опыта и нравственной практической деятельности. Именно в этом возрасте начинается формирование воли, силы духа, целеустремлённости и других нравственных качеств, идеалов, поэтому, чтобы знания лучше запоминались, они должны окраситься эмоционально: чувствами, переживаниями. Этому способствует проектно-исследовательская деятельность, знакомство с историей России через события в жизни конкретных героев войны и труда, а так же судьбы родных и близких людей студентов. Кроме того, как подчеркивает педагог Г. Н. Филонов, основным условием успешности

гражданского образования является правильная организация процесса обучения, создание условий для нравственного становления, нормального развития, ощущения успеха. Важно, чтобы обучающиеся поняли, что права человека и свобода выбора предполагают возрастание ответственности личности за свое поведение не только перед обществом, другими людьми, но и перед самим собой, своей совестью [7].

Проанализировав существующие в педагогике методики и формы организации гражданско-патриотического воспитания, собственный опыт работы со студенческой молодежью можно выделить следующие группы методов образовательно-воспитательной деятельности будущих педагогов:

- Метод примера: постановка обучающегося в позицию полноправного участника процесса создания и реализации образовательной деятельности, то есть он не объект для применения данных методов, а сам принимает активное участие в их использовании.
- Методы организации деятельности и формирования опыта гражданского поведения: педагогическое требование, требование коллектива, общественное мнение, поручение, создание проблемных воспитывающих ситуаций.
- Коллективное творческое дело, метод проектов: создание ситуаций, в которых обучающийся упражнялся бы в социально значимой деятельности, осознавал свои обязанности по отношению к коллективу, обществу, ответственность за свои предложения и поступки.
- Методы стимулирования деятельности и поведения: соревнование, поощрение, наказание, взаимовыручка, создание ситуации успеха, необходимость побуждать корректировать свое поведение [6].

Таким образом, в настоящее время воспитание гражданской идентичности и патриотизма у молодого поколения, будущих педагогов по-прежнему актуально, требует большого такта и терпения, последовательности и использования современных педагогических технологий. Важным в этом процессе является взаимопонимание, сотрудничество семьи и образовательного учреждения, преподавателей и студентов, первокурсников и выпускников колледжа. На наш взгляд, именно такой подход позволит передавать культурные и педагогические традиции, формировать деятельностный подход в процессе гражданско-патриотического становления будущих учителей.

Библиографический список

1. *Андресюк А. М.* Результаты теоретического осмысления понятия «гражданская позиция школьника» // Журнал Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2010. С. 10.

2. *Асмолов А. Г.* Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе. От действия к мысли: пособие для учителя. М.: Просвещение, 2015. С. 151.

3. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы». М.: Просвещение, 2016.

4. *Лутовинов В. И.* В патриотизме молодежи – будущее России. М.: Фонд Андрея Первозванного, 2013. С. 208–210.

5. *Музафарова Н. И., Голованов В. И.* Историческая роль философско-педагогической мысли в формировании личности гражданина. М., 2005.

6. *Новикова И. С.* Патриотическое воспитание младших школьников через урочную и внеурочную деятельность. URL: http://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/vospitatelnaya-rabota/2016/02/27/patrioticheskoe-vospitanie-mladshih-shkolnikov

7. *Филонов Г. Н.* Гражданское воспитание: реальность и тенденция развития. М.: Педагогика, 2013. № 8. С. 45–49.

УДК 21/29(08)

А. Н. Лещинский,
профессор, Казанский федеральный университет

К ИТОГАМ ИЗУЧЕНИЯ ЦЕРКОВНЫХ РАЗДЕЛЕНИЙ XX–XXI ВЕКОВ

В статье представлены некоторые итоги многолетнего изучения автором юрисдикционных разделений во Вселенском православии. Обращается внимание на социальные детерминанты как причины этих разделений, включая влияния государственной власти. Автором проведена типолого-классификационная работа церковных разделений. Представлена общая классификация и особенности каждого типа.

Ключевые слова: Православие, Церкви Вселенского православия, альтернативное православие, типология церковных разделений

A. N. Leshchinsky,
Professor, Kazan Federal University

TO THE RESULTS OF STUDYING CHURCH DIVISIONS OF THE XX–XXI CENTURIES

The article presents some of the results of the author's long-term study of jurisdictional divisions in Ecumenical Orthodoxy. Attention is paid to social determinants as the reasons for these divisions, including the influence of state power. The author has carried out the typological and classification work of church divisions. The general classification and features of each type are presented.

© Лещинский А. Н., 2022

Keywords: Orthodoxy, Churches of Ecumenical Orthodoxy, alternative Orthodoxy, typology of church divisions

В настоящей публикации представлены результаты весьма продолжительных теоретических и практических исследований.

1. Актуальность исследования связана с беспрецедентным появлением расколов в XX–XXI веках в православной среде, которые по-своему отражаются на отношениях с обществом и государством. Их изучение в рамках светских научных исследований велось, но преимущественно было обращено в историю. Отсутствовали теоретические построения для глубокого понимания причин расколов, коренящихся в изменяющемся социуме. Социум оказывает влияние на религиозность приверженцев православия, на состояние его единства и на разделения в нем.

Отсутствовала теоретическая разработка функционально-типологических особенностей современных разделений. Выяснилось, что традиционный исторический подход к их изучению, вне сомнения имеющий большую значимость, недостаточен, и в исследовании сделана попытка обратиться к новейшим теоретико-методологическим и концептуальным разработкам, включающим системно–аналитический подход. Еще одним из методологических оснований стала социально-философская и социологическая концепция религиозной ситуации. В итоге исследование основано на системно-аналитическом и структурно-функциональном методах. Это позволило выявить морфологические и феноменологические особенности конфессиональных разделений вообще и многообразия появляющихся конкретных расколов. Последние все чаще относят к альтернативному православию. Названные методы дают возможность сформулировать и типолого-классификационные характеристики разделений.

В современной научной литературе приведены и статистические данные расколов или согласно религиоведческой терминологии объединений альтернативного православия [2, 61–63].

2. В православном учении о единстве церкви, которое приемлет Вселенское православие, существуют особенности в понимании единства. Поскольку единство церкви в христианском учении имеет сакральный характер, отождествляется с иконой – образом нераздельной св. Троицы, то в церкви разделения, доходящие до расколов, не предполагаются. Раскол – это то, что выходит из ряда тождеств и противоположностей и с институциональной стороны не может называться церковью. Представители таких структур, по характеристике св. Киприана Карфагенского, падшие или отпавшие. Они вне канонов, утвержденных Вселенскими соборами. В них может быть тождественное, но коль они вне подчинения какой-либо кириархальной церкви, их тождество исчезает.

Учение о единстве церкви, сформированное в первом 1000-летии христианства его представителями, утверждалось в общественной реальности, но некоторые даже значительные идеи так и не нашли своего воплощения в социуме вообще и в земной церкви, в частности.

3. Существует много причин разделений церкви, доходящих до расколов. Из них один из главнейших – социальные детерминанты. В свою очередь из них немаловажное значение имеют социальные факторы и смены социальных парадигм. Поскольку социальные парадигмы включают теории и концепции государственных отношений к религии, постольку они влияют на состояние единства церкви. Всякое государство имеет модель государственно-конфессиональных отношений. Согласно той или иной модели церковь может существовать в союзе с государством, может быть конфронтация между государством и церковью, наконец, государственная власть, конфронтируя с существовавшей традиционной титульной церковью, может поддерживать и входить в союз с раскольнической церковью, выставляя ее в качестве юрисдикционной альтернативы Матери-Церкви. Именно так совсем недавно возникла Православная церковь в Украине, не признанная Русской православной церковью. Правда, есть еще модель, которая получила свое начало и развитие с XVII в. Ее парадигма направлена на утверждение и установление принципа равенства всех религиозных объединений в государстве перед его законом. Расколы, или по нашей терминологии альтернативные структуры, в православии при всей социальной функциональности, ограниченной юрисдикцией относительно единого Вселенского православия имеют дезинтегрирующее значение. Расколы как субъекты религиозной ситуации имеют статус религиозных меньшинств. Они, действительно, таковыми и являются. Однако в конце XX в. начинают появляться расколы, которые объединяют несколько миллионов приверженцев и несколько тысяч общин (Украина). Это также можно отнести к беспрецедентному явлению в современном православии.

4. Расколы не нечто однообразное. Их социально-функциональные характеристики и религиозные практики могут различаться. В частности, отношением к традиционным и каноническим установлениям. Здесь имеются градации: одни называют себя истинно–православными или ревнителями православия, другие, наоборот, обновляют или модернизируют религиозные практики и установленный институционализм. Есть главная тенденция в православии. Она противоречива. С одной стороны, происходят объединительные явления, т. е. с кириархальной церковью объединяются формирования, которые были в расколе, с другой стороны, расколы умножаются и глобализируются.

Во Вселенском православии за последнее 1000-летие накопилось большое число проблем. Раньше они решались на Вселенских соборах, созываемых на основе догматического принципа существования церкви – соборности. В начавшихся Предсоборных совещаниях главными обсуждаемыми вопросами являются те, решения которых ведут к утверждению и сохранению единства церкви.

5. Установившееся в богословии понятие “расколы в православии” не отражает все их многообразие, то есть тех объединений, которые не подчиняются кириархальным церквам и не входят в их юрисдикции. Среди них существуют не только те, которые некогда отошли от Матери-Церкви, но и были созданы вне каких-либо Поместных церквей. Поэтому в современном религиоведении вводится, определяется и обосновывается более общее понятие “альтернативное православие”. Типологизация и классификация разделений и расколов православия показывает, что некоторые альтернативные структуры наиболее близки по своим социально-функциональным характеристикам к церквам Вселенского православия. Некоторые же далеко отошли от них, нарушая канонические установления, отсюда заметно различное отношение к ним со стороны Поместных церквей: одни – подвергаются критике, с другими же наблюдается тенденция к ведению диалога.

6. В осуществленном исследовании новым является то, что многие прежние богословские и научные труды преимущественно были обращены в историю, в них отсутствует теоретический анализ феномена расколов в контексте единой социально-философской парадигмы. Между тем она дает возможность изучить общественно значимый статус расколов в их историософском аспекте. Также дает возможность рассмотреть расколы во всех их многообразных связях – церковных и светских. Наконец, сделать выводы не только по современному состоянию расколов, но и основываясь на тенденциях, существующих в церковных разделениях, сделать прогностические выводы.

7. Многообразие разделений и расколов в православии вызывает необходимость проведения их типологизации и классификации. В них выявляются особенности типов и подтипов, которые дают возможность выражать особое отношение к ним со стороны кириархальных церквей и государства. В типологии юрисдикционных дифференциаций в православии автор выделяет четыре типа церковных разделений. Терминологически они выражаются через следующие понятия: Вселенское православие, параллельные структуры, альтернативное православие и, наконец, историческое сектантство.

В анализе первого типа, уделяется большое внимание истокам и сущности православной концепции единства церкви и его утверждения

в христианском мире. Указывается на противоречивость этого процесса. В параллельных структурах, которые относятся ко второму типу разделений, находящихся чаще всего в диаспорах, раскрываются генезис и противоречивые отношения объединений этого типа с Поместными церквами. Обращается особое внимание на третий тип, куда включены объединения альтернативного православия. Их классификация осуществляется на основе нескольких критериев: юрисдикционного, миграционного и социально–функционального. Сравнительный анализ и систематизация дали возможность выявить особенности объединений, которые не находятся в юрисдикционном подчинении какой-либо Поместной православной церкви. Отсюда выделяются подтипы в проделанной классификации: от дореформенных объединений дореформированных. Каждому подтипу дается социально-функциональная характеристика. Был также выделен подтип автокефалистских объединений. Они формировались в периоды частичного распада Российской империи, а затем СССР. Исследования автокефалистских движений представлены в сборнике автора «Религиоведческие труды» (2022 г.) [1].

Библиографический список

1. *Лецинский А. Н.* Религиоведческие труды. Канада, Altasperaublishing & Literary Agency Inc., 2021. 474 с.

2. Энциклопедия религий / под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2008.

УДК 332.01

Л. В. Лукьянчикова,
доцент, независимый исследователь (Москва)

А. Г. ГОЙХБАРГ О РАЗВИТИИ ЗЕМЕЛЬНОГО ПРАВА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Рассмотрены взгляды А. Г. Гойхбарга о регулировании земельного права в России в период становления советской власти и общие тенденции его развития в первой четверти XX столетия.

Ключевые слова: А. Г. Гойхбарг, советская власть, правопонимание, земельное право, экспроприация

© Лукьянчикова Л. В., 2022

L. V. Lukyanchikova,
Associate Professor, independent researcher (Moscow)

A. G. GOIKHBARG ON THE DEVELOPMENT OF LAND LAW IN THE EARLY YEARS OF SOVIET POWER

The views of A. G. Goikhbarg on the regulation of land law in Russia during the formation of Soviet power and the general trends of its development in the first quarter of the twentieth century are considered.

Keywords: A. G. Goikhbarg, Soviet power, legal understanding, land law, expropriation

События Октября 1917 года и приход к власти большевиков предопределили формирование советской юридической науки, в том числе, появление целого ряда трудов, посвященных проблеме гражданских правоотношений. Особым видом имущества в условиях социалистического строительства и диктатуры пролетариата выступала земля. Учитывая специфику государственного развития, в отечественной политико-правовой мысли данная проблема, в разной степени, была отражена в значительном числе оригинальных концепций и трудов российских ученых, посвященных вопросам правопонимания в условиях советской действительности [4; 5; 6].

Рефреном многочисленных обсуждений выступала идея совершенствования норм, касающихся регулирования землепользования, регламентации индивидуальной трудовой деятельности в сфере сельскохозяйственного производства, государственное содействие и социальное обеспечение лиц, осуществляющих сельскохозяйственную деятельность. В этой связи, обоснование правовой природы, содержания и сущности земельных отношений в советской системе А. Г. Гойхбаргом представляет особенный интерес.

Будучи представителем дореволюционной школы гражданского права, Александр Григорьевич в первые годы советской власти принимал активное участие в формировании советского законодательства. Учитывая то, что основы социалистического строя требовали нового осмысления развития института земельной собственности, ученый обосновал положения советского гражданского права, а также провел критический анализ общих «буржуазных» закономерностей регулирования земельных отношений на предмет соответствия жизненным реалиям и основным положениям социалистической доктрины.

В первую очередь, он отметил, что пролетарская революция представляет собою позднейшую и более высокую историческую формацию, которая стремится в более или менее близком будущем

заменить строй буржуазный, индивидуалистический, строем социалистическим, коллективистическим с полным обобществлением сначала производства и обмена, а впоследствии и потребления, с устранением всякой борьбы между людьми на почве материальных средств существования [1, с. 5–6].

Пролетариат, резюмирует А. Г. Гойхбарг, имеет, в этой связи, неотложные задачи в двояком направлении: задачу отрицательную, задачу уничтожения в области частно-правовых титулов (собственности, наследства, договоров и т. д.) и задачу положительную, задачу созидания в области организационного строительства. И эти две задачи пролетариата, по его мнению, неразрывно между собою переплетены. Он (пролетариат) не может ограничиться отменой частной собственности на готовые и накопленные блага без того, чтобы не позаботиться о надлежащем использовании и распределении этих благ [2, с. 39–40].

Решение пролетариатом данных задач ясно просматривается мерами большевистского правительства Советской России в сфере правового регулирования земельных отношений. Отмена навсегда всякой собственности на землю, недра, воды, леса и живые силы природы, отмена частной собственности относительно всего леса, подтвержденная первыми декретами советской власти, по мнению Александра Григорьевича отменила возможность частно-правового обращения к одному из главнейших средств производства – к земле со всеми ее принадлежностями. Взамен этого вводится общественное, организованное распределение между сельскохозяйственным населением земли, с ее принадлежностями для приложения к ней труда. Усовершенствуется это распределение путем разного рода инструкций, вырабатываемых центральной и местной советской властью, а также в подготовленном к изданию кодексе законов о земле.

Кроме того, указывал ученый, в целях фактического предоставления возможности прилагать свой труд к земле, был принят в пользу трудящихся целый ряд организационных мер, главнейшие из которых: объявление в монопольном распоряжении республики всех изготовленных и изготовляемых внутри страны, а также ввозимых из-за границы сельскохозяйственных машин и орудий, в целях обеспечения сельского хозяйства орудиями производства и удовлетворения нужд трудящегося сельского населения; декрет о создании комитетов деревенской бедноты и снабжении их в числе прочих предметов сельскохозяйственными орудиями бесплатно или по дешевым ценам; подготовленный к изданию декрет об организации сельскохозяйственных коммун и др. [2, с. 41].

При этом мыслитель подчеркивал, что вопрос о неприкосновенности собственности в буржуазных государствах, именно в отношении собственности земельной, не так однозначен, как это позиционирует

зарубежное законодательство. В актах целого ряда государств, касающихся земельных и связанных с ними отношений за 1919–1923 годы, указывал Александр Григорьевич, имеются существенные изменения по вопросам неприкосновенности собственности и невмешательства государства в имущественные отношения граждан. В качестве примера он привел американский закон от 21 сентября 1922 г., регулирующий сделки по поставке главнейших сельскохозяйственных продуктов. Этот закон, отмечал мыслитель, не разрешает совершения этих сделок любому лицу – сделки может заключать только собственник или производитель хлеба, может заключить иное лицо только посредством торговых учреждений, торговых палат, специально уполномоченных на то министерством земледелия [3, с. 7].

Особый интерес, по мнению ученого, представляет мексиканский закон 25 июня 1920 года о необрабатываемых землях, согласно которому «обработка возделываемой земли объявляется делом государственной пользы», и земли, не обрабатываемые их собственниками или владельцами в срок, указанный законом для их вспашки и обсеменения, в силу самого этого факта остаются в распоряжении муниципальных комиссий. Муниципальные комиссии используют эти земли исключительно путем сдачи их в аренду желающим лицам. Также мыслитель обратил внимание на проведение земельной реформы в Польше (закон от 15 июля 1920 г.), согласно которой совершение сделок по отношению к наделам вообще недопустимо, соответственные сделки ничтожны, а признание сделки ничтожной дает право государству отнять землю у собственника и вернуть ее в собственность государства (ст. 53). По закону о бесплатном наделении землей солдат польской армии, ученый констатировал, что если соответственный собственник не устроится на земле в течение года или в течение трех лет не приступит к обработке земли, то он может быть выселен в административном порядке, а земля возвращается в собственность государства [3, с. 11].

В Норвегии, свидетельствовал ученый, 22 марта1918 г. был издан временный закон о сельскохозяйственном производстве. По этому закону была объявлена мобилизация населения, способного к труду в области сельскохозяйственного производства. Кроме того, по закону (ст. 23), могут быть мобилизованы для производства сельскохозяйственных работ также и лошади с обслуживающим их персоналом. Плохо обрабатываемые земли могут быть экспроприированы и переданы в пользование муниципалитетов со всем живым и мертвым инвентарем. Статус временного для подобного рода актов, по мнению А. Г. Гойхбарга, не препятствует их пролонгации, как например датский закон от 1 апреля 1919 г. (1 апреля 1921 г. продлен на два года, 1 апреля 1923 г. опять продлен), по которому запрещалось прекращение ведения хозяйства, существующего как само-

стоятельное предприятие. Покинувший ведение хозяйства, обязан его возобновить под страхом ежедневного штрафа [3, с. 9].

Таким образом, подтверждает мыслитель, принципиальная разница между публичным и частным правом в регулировании земельных отношений в зарубежном праве исчезает. Право частной собственности в период господства деления права на частное и публичное, отмечал он, включает в себе право свободного распоряжения своей собственностью по своему усмотрению. При этом, резюмировал ученый, по отношению к земле свободного права распоряжения не так уж много, как например, в чехословацком законе (1919 г.) об экспроприации крупных земельных владений, провозглашалось, что «государство в целях осуществления реформы землевладения, экспроприирует крупную земельную собственность, находящуюся на территории Чехо-Словацкой республики». Кроме того, заключал он, в европейских странах установлены ограничения в праве распоряжаться землей: ее нельзя отчуждать без разрешения властей, государства имеют преимущественное право на приобретение продаваемой земли и т. д., как это закреплено в законах Норвегии, Австрии, Германии [3, с. 13–14].

В целом, мыслитель отмечает, что количество европейских актов о земле, которые по букве и по форме своей заставляют частные индивидуальные интересы отступать перед интересами «общественными», весьма внушительно. Это обусловлено, по его мнению, экономическим кризисом, вызванным Первой мировой войной, и, соответственно недовольством широких масс. При этом, подчеркивал ученый, буржуазное общество идет на такие меры лишь в ограниченных пределах, не подрывающих господства руководящих слоев буржуазии. Однако «основными свободами», «неприкосновенностью собственности», «свободой договора» буржуазия не дорожит. Пора и у нас, заключает А. Г. Гойхбарг, перестать дорожить этими принципами, перестать наставлять молодежь по обрывкам воспоминаний из старых книжек, излагавших нигде теперь не применяющиеся «общие начала права», и познакомиться с тем, что действительно делается в других странах, чтобы в этой области невежество не выдавать за нечто желательное и идеальное [3, с. 44–45].

Краткий анализ воззрений А. Г. Гойхбарга о развитии земельного права в Советской России показывает, что ученый, симпатизируя осуществляемой большевистским правительством политике, исходил все же из современных на тот период тенденций социально-экономического и общественно-политического развития стран Европы и Америки. Это позволило ему убедительно аргументировать свою позицию о том, что к первой четверти XX столетия вопрос о земельной собственности все больше становится государственной прерогативой, независимо от вида политического режима и экономической системы.

Библиографический список

1. *Гойхбарг А. Г.* Пролетарская революция и гражданское право // Гойхбарг А. Г. Пролетариат и право: сборник статей. М., 1919.
2. *Гойхбарг А. Г.* Пролетариат и гражданское право // Там же.
3. *Гойхбарг А. Г.* Очерки преобразования земельного и гражданского права в буржуазных государствах. М., 1925.
4. *Данилевская И. Л.* М. А. Рейснер о правовом государстве // Труды института государства и права Российской Академии наук. 2013. № 6. С. 152–168.
5. *Фролова Е. А.* Методологические основы разграничения концепций правопонимания // Государство и право. 2009. № 4. С. 63–73.
6. *Фролова Е. А.* Философские проблемы права в теории Е. Б. Пашуканиса // Государство и право. 2021. № 5. С. 33–41.

УДК 21/ 29

Е. Е. Лях,
доцент, Ярославский государственный педагогический университет
имени К. Д. Ушинского

НЕОМОНОТЕИЗМ В РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматривается феномен неомонотеизма, дается его объяснение и анализируются его проявления в таких религиозных традициях как современные езидизм и зороастризм.

Ключевые слова: религия, неомонотеизм, полимонотеизм, псевдомонотеизм, зороастризм, езидизм

E. E. Lyah,
Senior lecturer, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky

NEOMONOTHEISM IN RELIGIOUS LIFE IN CONTEMPORARY RUSSIA

In the article the phenomenon of neomonotheism is discussed, explanation of it is given and its features in such religious traditions as contemporary Yazidism and Zoroasrianism are analyzed.

Key words: religion, neomonotheism, poly-monotheism, pseudo-monotheism, Zoroastrianism, Yazidism

Проблема теоцентризма, вопросы взаимодействия Божественного с миром, проблема теодицеи являются определяющими для абсолютно-

© Лях Е. Е., 2022

го большинства религий, так как от их решения исследователи подразделяют религии на политеистические, монотеистические, дуалистические. Однако в современном мире и современной России появляются новые религиозные системы, которые можно условно назвать «неомонотеистическими».

«Неомонотеизм» можно определить как явление духовной жизни, при котором современные последователи древних религиозных традиций (политеистических или дуалистических) по тем или иным причинам интерпретируют свое учение как монотеистическое. Данный феномен можно назвать также «псевдомонотеизмом» и даже «полимонотеизмом». Не смотря не некоторую экзотичность, предлагаемые термины отражают некоторые особенности данного явления. Определение «неомонотеизм» подчеркивает современный характер явления; термин «полимонотеизм» отражает тенденцию перехода восприятия религии от многобожия к единобожию; определение «псевдомонотеизм» показывает недостаточность и даже спорность аргументации такого восприятия древних религий для исследователей.

Рассмотрим проявление феномена «неомонотеизма» на примерах современного езидизма и зороастризма.

Современные езиды являются наследниками религиозной традиции, возникшей на территории Древнего Двуречья, вероятно в I тыс. до н. э. [1; 8]. В настоящее время общины езидов распространены во многих областях России [8, с. 29–30]. По мнению исследователей для езидизма характерны такие четы как: почитание Малака Тауси [8, с. 50], вера в бессмертие души и культ предков [2, с. 29, 36]; почитание духов, культ растений, домашних и диких животных, птиц [2, с. 44, 55, 63, 67]; культ огня, воды, солнца, луны [2, с. 87, 91, 103, 108].

Однако сейчас в общинах езидов происходит переосмысление и своеобразная «доработка» древнего учения. Основной идеей этого переосмысления являются утверждения о монотеистическом характере езидизма и объявление его древнейшей монотеистической религий мира. [11; 9, с. 13; 8, с. 42] и др.

Безусловно, что такие утверждения должны обосновываться на таких же древних как и сама религия священных текстах. Однако священные тексты езидов такой возможности не дают по нескольким причинам.

Во-первых, характерной чертой езидизма, по словам ее последователей, является преобладание устной традиции передачи священных знаний. Следствием этого является тот факт, что эти тексты полностью не записаны до сих пор. О необходимости собрать и записать эти тексты говорил в своем интервью в 2010 г. руководитель местной религиозной организации езидов «Езидство» (г. Ярославль) пир А. А. Далеян: «Мы обязаны по крупицам собрать все, что потерялось во времени и передать

нашим детям и внукам. … И я призываю всех шейхов и пиров своих каст, всех кто почитает и знает молитвы, … записать их, издать книги» [6].

Во-вторых, собранные и опубликованные некоторые фрагменты священных текстов (напр. Пирбари Д., Щедровицкий Д. «Тайна жемчужины. Езидская теософия и космогония».) также не дают возможности исследователям говорить о монотеистическом характере езидизма [1, с. 258, 43].

Даже среди самих езидов нет однозначной точки зрения на этот вопрос. Так Т. Авдоев, езидский публицист, исследователь езидизма пишет следующее: «До появления Иисуса в этом мире мы [имели] одну религию, [которая] называлась идолопоклонством. Евреи, христиане и мусульмане противопоставили [себя] нашей религии. Персы тоже» [1, с. 258]. По мнению Т. Авдоева монотеистический характер езидизма, формировался постепенно [1, с 43], окончательно его придал Шейх Ади только в XII в. Д. Р. Полатов автором монографии «Езиды. Религии и народ» не раз в своей работе рассказывает о богах, которые помогали творить мир, например о Малаки Тауси [20, с. 228–230], о культах Солнца, воды, воздуха, земли и огня [20, с. 174–175]. Аналогичные сведения о езидизме сообщает исследователь езидизма А. Авдал в работе «Культы и верования курдов-езидов (очерки)») [2].

Иной точки зрения придерживается Ф. Р.Полатов, историк, общественный деятель, глава ярославских езидов: «Мы первые, еще за тысячи лет до Христа верили в единого Бога» [11]. Его поддерживает кандидат философских наук, российский религиовед Х. Омархали. Она утверждает, что «йезидизм изначально религия строго монотеистическая» [8, с. 42].

В этой ситуации важна аргументация самих езидов, сторонников последней точки зрения. Д. В. Пирбари (пир Дима) глава духовного совета езидов Грузии, один из соавторов и переводчиков работы «Тайная жемчужина» утверждает, что тексты, доказывающие эту точку зрения, являются частью устной традиции и хранятся в Лалыше, древнейшем духовном центре езидов. Они еще не опубликованы. Ссылки на тайные древние знания Лалыша, на устную традицию их передачи, изначально характерную для езидов, с одной стороны не дают возможность другим исследователям проверить эти утверждения, а с другой стороны открывают большой простор дл модернизации езидима всеми желающими.

Интересны попытки современных езидов соединить в своем понимании политеизм и монотеизм. Так в исследовательской работе школьника - езида Р. Тамоян говорится следующее: «Современный езидизм отличается от религий других народов и тем, что у езидов наряду с единым Богом в его обширном понимании существует ряд божеств, которые свято почитаются. В некоторых случаях обращение к

этим божествам происходит гораздо чаще, чем к самому Богу» [13]. Это мнение ценно тем, что отражает понимание собственной религии простыми езидами.

Близкие изменения происходят и в современном зороастризме, последователи которого проживают в том числе и на территории России, а наиболее крупны общины находятся в Москве и Санкт-Петербурге.

Традиционно зороастризм рассматривался как дуалистическая религия [4]. Некоторые исследователи, в частности Ж. Дюмезйль, А. Маковельский Л. Лелеков писали о монотеистическом характере проповеди самого пророка Заратуштры [7].

Сложность решения данной проблемы заключается в том, что в священных текстах «Авесты» и ее древнейшей части «Гатах», можно найти подтверждение обеих точек зрения. Объясняя этот феномен, исследователи пишут, что возможно, Заратуштра сам до конца и не решил этого сложнейшего богословского вопроса. Третья часть исследователей пытается соединить эти две версии, называя религию Зороастра – «монотеистический дуализм». Таким образом, среди исследователей религиоведов существует дискуссия о характере зороастризма. Они отмечают, что уже после смерти Заратуштры если и был первоначальный монотеизм, то он утрачивается и зороастрийцы переходят к дуализму и даже политеизму.

Но не так оценивают свою религию ее современные последователи. «Для самих зороастрийцев их религия, безусловно, монотеистическая. «Мир создан Творцом Ахура Маздой, который и является единственным Богом. …Исследователи зороастризма очень часто называют его дуалистичным … Но … дуализм подразумевает равенство сторон. Ангроманью же ни в коем случае не равен Ахура Мазде. Разве может быть вирус равен целостному организму? Нет, конечно», – утверждает, не особо заботясь о доказательности своего монотеистического тезиса староста Санкт-Петербургского зороастрийского храма К. Старостин [12]. Аналогичную точку зрения можно найти на официальном зороастрийском сайте «Благоверие»: «Мы верим в Единого Бога Творца, которому нет равного и подобного» [3]. Это утверждение также не подкреплены ссылкой на древние священные тексты «Авесты».

Более развернутое изложение данной точки зрения дает книга «Введение в зороастризм», представленной как собрание основных положений этой религии. Там безапелляционно утверждается, что «Зороастризм - самая древняя мировая религия этой цивилизации, и его пророк, первый пророк в мире» [5]. «Персы, как было завещано их пророком, признают Ахура Мазду, как Всемогущего Бога и Единого Создателя всех созданий» [5]. При этом вопрос о появлении «единого»

Бога Ахура Мазды излагается несколько расплывчато: «В начале мир был совершенным духовным Светом, в который появился Ахура Мазда». Возникает вопрос: «Значит он не творец совершенного духовного Света, так как появился после него?» Кроме того, «Введение в зороастризм «утверждается, что Ахура Мазда «установил Законы Природы, и все создания существуют, согласно этим Законам. …. Творец никогда не вмешивается, чтобы изменить действие Законов» [5]. Это утверждением позволяет характеризовать Ахура Мазду как «бога отдыхающего», известного во многих древних политеистических религиях, например в религии Древнего Двуречья.

Все эти примеры показывают, что современный зороастризм не решил вопросов, которые вызывают дискуссии у исследователей. Его современные последователи просто отстранились от них и провозгласили себя монотеистами. Столь свободную интерпретацию своего учения они получили благодаря плохой сохранности священного текста «Авесты», от ее 21 части сохранилось только 4.

Таким образом, неомонотеизм постепенно становится реальностью духовной жизни. В современном зороастризме и езидизме безусловно отражаются основные элементы данного явления, а именно стремление переосмыслить и представить свои религиозные традиции как самые древние и изначально монотеистические. Основой такого переосмысления является свободная трактовка священных текстов пока не записанных (как и езидов) или собственная «реконструкция» текстов утраченных (как у зороастрийцев).

Причины такого переосмысления древних религии могут быть как внутренние, например эволюция религиозных взглядов, так и внешние – стремление к самоутверждению среди мировых религий, привлечение новых адептов и т. д.

Немалую роль в этой интерпретации учения играет синкретизм, в данном случае вполне естественный, так как в современном мире контакты между представителями различных мировоззрений, духовных традиций, происходят довольно активно.

Вне зависимости от причин своего появления неомонотеизм дает возможность нового самосознания для последователей древних религиозных традиций в современном мире, а это значит, что попытки переосмысления религий в неомонотеистическом ключе будут не последними.

Библиографический список

1. *Авдоев Т.* Историко-теософский аспект езидизма. Калининград: Апокриф, 2011.

2. *Авдал А.* Культы и верования курдов-езидов. Ереван: Знание, 2006.

3. Благоверие. URL: http://zoroastrism.ru/ (дата обращения: 05.01.2022).

4. *Бойс М*. Зороастрийцы. Верования и обычаи М.: Наука, 1987.

5. Введение в зороастризм. URL: http://vohuman.ru/zoroastrizm/predvaritelnye-obyasneniya.html (дата обращения: 05.01.2022).

6. *Далеян А. А.* Интервью 14 июля 2010 г. URL: http://ezdixan.moy.su/news/intervju_pir_atman_amari/2010-07-14-6 (дата обращения: 16.04.2020).

7. *Лелеков Л.* Зороастризм: явление и проблемы // Локальные и синкретические культы. М., 1991. С. 12–49.

8. *Омархали Х*. Йезидизм. Из глубины тысячелетий. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербурского государственного университета, 2005.

9. *Пирбари Д., Щедровикий Д.* Тайна жемчужины. Езидская теософия и космогония. Тбилиси: Тбилисский центр езидских исследований, 2016.

10. *Полатов Д. Р.* Езиды. Религия и народ. М.: Известия, 2005.

11. *Полатов Ф.* Из Месопотамии в Россию // «Городские Новости» 26 мая 2016 г. URL: https://www.city-news.ru/news/society/iz-mesopotamii-v-rossiyu/?VOTE_ID=1&view_result=Y (дата обращения: 17.04.2021).

12. Современный зороастризм в России. Интервью с старостой Санкт-петербургского зороастрийского храма Константином Старостином. URL: https://www.tureligious.com.ua›yntervyu-s…sankt…zoroastryzm-v… (дата обращения: 13.06.2020).

13. *Тамоян Р. А.* Езиды: история моего народа. URL: https://урок.рф/library/nauchnoissledovatelskaya_rabota_ezidi_istoriya_mo_171018.html (дата обращения: 19.04.2019).

УДК 930

К. В. Павлов,
магистрант 2 курса, Институт истории СПбГУ (Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ О «ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИИ» ФОРМИРОВАНИЯ ПРОЛЕТАРСКОЙ И АНТИСОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РОССИИ: ОЦЕНКА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ В. И. ЛЕНИНА (1913–1914 гг.)

В статье рассмотрены дореволюционные взгляды идеолога пролетарской революции в России В. И. Ленина на историческое развитие русской интеллигенции. При анализе публицистических работ Ленина периода 1913–1914 гг., сделан вывод о формировании им теории «предопределения раскола» русской интеллигенции пролетарской революцией.

Ключевые слова: Ленин, интеллигенция, публицистика, революция, советское государственное строительство, советская идея

© Павлов К. В., 2022

K. V. Pavlov,
2nd year master's student, Institute of History of St. Petersburg State University

ON THE ISSUE OF THE «PREDESTINATION» OF THE FORMATION OF THE PROLETARIAN AND ANTI-SOVIET INTELLIGENTSIA IN RUSSIA: AN ASSESSMENT OF THE INTELLIGENTSIA IN THE PRE-REVOLUTOINARY PUBLICISM OF V. I. LENIN (1913–1914)

The article examines the pre-revolutionary views of the ideologist of the proletarian revolution in Russia V. I. Lenin on the historical development of the Russian intelligentsia. Analyzing Lenin's publicist's works of the period 1913–1914, the conclusion is made about the formation of his theory of the «predestination of the split» of the Russian intelligentsia by the proletarian revolution.

Key words: Lenin, intelligentsia, publicism, revolution, Soviet state-building, Soviet idea

При строительстве советского государства одной из важнейших задач взявшей власть по итогам Гражданской войны партии большевиков было обеспечение консолидации максимального количества социальных групп населения страны вокруг советской идеи с целью последовательного построения одноклассового и бесклассового обществ в рамках реализации этой идеи. Вместе с тем, очевидным следствием как революционных событий 1917 г., так и Гражданской войны было отсутствие перспектив достижения реального pro- или антибольшевистского социального консенсуса в русском обществе пореволюционной эпохи. В этом отношении, одной из наиболее разнородных по реакции на события пореволюционных лет общественной средой являлась русская интеллигенция. В советской историографии по проблемам взаимодействия большевиков и интеллигенции в пореволюционную эпоху долгое время конструировалась мифологема дуалистического «раскола» интеллигенции на ярко выраженную «пролетарскую» и «антисоветскую», связанного с историческими особенностями формирования интеллигенции как социальной группы в русском обществе [1, 2, 3]. Вместе с тем, по мнению ряда современных отечественных [4, 5] и зарубежных [6, 7] исследователей, российская интеллигенция была одной из крупнейших социальных групп, выступавшей в первые годы советского государственного строительства преимущественно аполитично настроенной по отношению к советской идее. Характерно, что мифологема «предопределения раскола» русской интеллигенции по линии восприятия советской идеи имеет под собой значительный прокламационный «шлейф».

Отношение русской интеллигенции к революции рассматривалось историками и публицистами ещё до февральских и октябрьских событий 1917 г. Прежде всего, в контексте темы данного исследования здесь необходимо выделить дореволюционные публицистические работы лидера РСДРП(б) В. И. Ленина, посвящённые проблемам идейно-классовой тактики восприятия русскими интеллигентами роста революционного движения в стране [8, 9]. В них В. И. Ленин последовательно выводит концепцию взаимодействия интеллигенции с революционным движением и перспективы сотрудничества с революцией представителей этой общественной среды в случае глобальных революционных событий – тех, что и произошли вскоре в России в 1917 г. Так, в ленинской заметке 1913 г. «Роль сословий и классов в освободительном движении» приводятся данные ретроспективного анализа участия представителей интеллигентской среды в революционных организациях периода 1827–1908 гг. [8, с. 116–118]. По мнению Ленина, пик представительства интеллигенции – «людей либеральных профессий» [8, с. 117] – в революционном движении приходился на период 1884–1890-х гг.; в те годы можно было говорить о «буржуазно-либеральной эпохе» в истории деятельности русских революционных организаций [8, с. 117]. Вместе с тем, развивая свои рассуждения в другой публицистической заметке – «Из прошлого рабочей печати в России», напечатанной весной 1914 г., – лидер РСДРП(б) подчёркивает приоритетную роль именно литераторов среди сочувствующих революционным идеям интеллигентов во всех рассматриваемых революционных поколениях [9, с. 118–124]. Так, в дворянский период революционного движения, конструируемый Лениным на временном отрезке 1825–1861 гг., ключевой фигурой внутри революционной интеллигенции был литератор и публицист А. Герцен, чья роль в истории русской демократии охарактеризована будущим вождём мировой революции следующим образом: «Как декабристы разбудили Герцена, так Герцен и его «Колокол» помогли пробуждению *разночинцев*, образованных представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежавших не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству» [9, с. 118]. Развитие идей Герцена в следующий период интеллигентской революционной мысли – 1861–1895 гг. – выразилось в литературно-публицистической деятельности ленинского «преемника» Герцена Чернышевского: «Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом. От его сочинений веет духом классовой борьбы. Он резко проводил ту линию разоблачений измен либерализма, которая доныне ненавистна кадетам и ликвидаторам. Он был замечательно глубоким критиком капитализма, несмотря на свой утопический социализм» [9, с. 119]. Обращает на себя внимание изменение терминологической риторики

Ленина в отношении периода 1861–1895 гг. в истории русской революционной мысли: вместо обозначения данной эпохи как «буржуазно-либеральной», приводимого, как уже упоминалось выше, в заметке 1913 г. [8, с. 117], спустя год следует наименование её как «буржуазно-демократического этапа» [9, с. 118]. Тем самым Ленин намеренно сделал акцент на наличии исторических предпосылок в виде идей демократической русской литературной интеллигенции к реализации на практике такого революционного тезиса, как «переворот свободы революцией» – того ленинского тезиса, который, применительно к отношению большевиков к интеллигенции, в том числе и литературной, впоследствии в 1925 г. вспоминал Н. И. Бухарин [10, с. 51]. Таким образом, Ленин, не обозначив в своих рассуждениях личный разрыв с интеллигенцией, вместе с тем обрисовал перспективу на третьем конструируемом им хронологическом этапе истории русского революционного движения к его «взрывной» пролетаризации. Социологическая модель, предлагаемая лидером РСДРП(б) для периода 1901–1913 гг. в революционном движении, содержит репрезентацию резкого изменения соотношения рабочих и крестьян и интеллигенции в нём, с большим статистическим отрывом первых двух социальных групп [8, с. 116].

Таким образом, в своей публицистике дореволюционного периода В. И. Ленин явственно обозначает модель постепенного отхождения литературной интеллигенции от революционных взглядов по мере нарастания реальной перспективы социалистической революции: их демократия, в своём развитии, была буржуазной, а не революционной. Подобный ленинский подход к «взаимоотношениям» интеллигенции с революцией другой революционный большевистский лидер Л. Д. Троцкий очень точно назовёт термином «созерцательная интеллигенция» [11, с. 130]. С позиции большевистских лидеров, интеллигенция смотрела за революцией, рефлектировала над ней в ожидании её итогов, чтобы, получив их, разом разбиться на два противоположных в своей её оценке лагеря. Именно эта идея – идея моментального выбора стратегий восприятия революционных событий на фоне «переворота свободы революцией» – является в мифологеме о «предопределении раскола» русской интеллигенции посредством Февраля и Октября на «пролетарскую» и «антисоветскую» фундаментальной. Исторические основания для моделирования этой мифологемы были выведены В. И. Лениным в рассмотренных выше работах 1913–1914 гг. – период, реальные настроения интеллигенции в который, далёкие от «предопределения раскола» и скорее содержавшие надежду на единство, образом поиска общего «ковчега» в стихотворении 1914 г. «Под знаком льва» ярко описал поэт Максимилиан Волошин:

Уже в петлях скрипела дверь
И в стены бил прибой с разбега,
И я, как запоздалый зверь,
Вошёл последним внутрь ковчега [12, с. 97].

Библиографический список

1. *Ерман Л. К.* В. И. Ленин о роли интеллигенции в демократической и социалистической революциях, в строительстве социализма и коммунизма. М., 1970. 46 с. (В помощь лектору; о-во «Знание» РСФСР. Науч.-метод. совет по пропаганде истории КПСС и истории СССР).

2. *Знаменский О. Н.* Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль–октябрь 1917 г.). Л.: Наука, 1988. 352 с.

3. *Федюкин С. А.* Великий Октябрь и интеллигенция. М.: Наука, 1972. 471 с.

4. *Николюкин А. Н.* Русские писатели о катастрофе 1917 г. // Литературоведческий журнал. М.: ИНИОН РАН, 2017. № 41. С. 82–100.

5. *Романовский В. К.* 1921 год: российская интеллигенция в поисках национального примирения // 1921 год в судьбах России и мира: от Гражданской войны к послевоенному миру и новым международным отношениям: сб. материалов Междунар. науч. конф. Мурманск: МГТУ, 2011. С. 194–198.

6. *Fitzpatrick S.* The Commissariat of Education under Lunacharsky (1917–1921). Ox.: Oxford University Press, 1969. 408 p.

7. *Kasack W.* Lexikon der russischen Literatur ab 1917. Ergänzungsband. Mun.: Verlag Otto Sagner, 1986. 923 S.

8. *Ленин В. И.* Роль сословий и классов в освободительном движении, публицистическая заметка от 28 августа 1913 г. // В. И. Ленин о литературе и искусстве. Издание пятое. М.: Художественная литература, 1976. С. 116–118.

9. *Ленин В. И.* Из прошлого рабочей печати в России, публицистическая заметка от 22 апреля 1914 г. // В. И. Ленин о литературе и искусстве. Издание пятое. М.: Художественная литература, 1976. С. 118–124.

10. *Бухарин Н. И.* Комментарий к выступлению П. Н. Сакулина на диспуте «Судьбы современной интеллигенции», Москва, 10 марта 1925 г. // Судьбы русской интеллигенции: материалы дискуссий. 1923–1925 гг. Н.: Наука, сиб. отд. 1991. С. 49–51.

11. *Троцкий Л. Д.* Партийная политика в искусстве // Судьбы русской интеллигенции: материалы дискуссий. 1923–1925 гг. Н.: Наука, сиб. отд. 1991. С. 129–137.

12. *Волошин М. А.* Под знаком льва. 1914 г. // Волошин М. А. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. М.: Правда, 1991. С. 97.

УДК 378.015.3
Ю. А. Полещук,
доцент, Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка (Минск)

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ 3 КУРСА

В представленных материалах рассматриваются данные эмпирического исследования ценностных ориентаций и профессиональных типов личности у студентов-психологов, обучающихся на 3 курсе. Отмечается преобладание социального и артистического типов, ценностей личной жизни и личностной самореализации, этических ценностей и ценностей самоутверждения.
Ключевые слова: ценностные ориентации, профессиональный тип личности, профессиональная направленность, студенты

Yu. A. Poleshchuk,
Associate Professor, Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank (Minsk)

VALUE ORIENTATIONS AND PROFESSIONAL PERSONALITY TYPES OF 3RD YEAR PSYCHOLOGY STUDENTS

The presented materials consider the data of an empirical study of value orientations and professional personality types among psychology students enrolled in the 3rd year. There is a predominance of social and artistic types, values of personal life and personal self-realization, ethical values and values of self-affirmation.
Keywords: value orientations, professional personality type, professional orientation, students

Одной из задач современной высшей школы выступает подготовка выпускника, стремящегося к личностному и профессиональному развитию. Сегодня на рынке труда будет успешным такой специалист, который не только обладает профессиональными компетенциями, но и готов строить профессиональную карьеру, нацелен на рост и совершенствование. В этой связи становится актуальным формирование у студентов профессиональной направленности личности (как в целом, так и отдельных ее компонентов).

В психолого-педагогических исследованиях профессиональная направленность обучающихся рассматривается как важнейшее условие профессионального самоопределения, как критерий овладения профессией

© Полещук Ю. А., 2022

и закрепления в ней, как ведущий фактор повышения эффективности образовательного процесса, как основа профессиональной адаптации.

Профессиональная направленность входит в структуру общей направленности и выражает собой «систему потребностей и преобладающих мотивов, ценностных ориентаций и воплощается в профессиональных намерениях, целях, представлениях, интересах, установках и активности личности по их достижению» [2, с. 23–24].

Одним из важных компонентов профессиональной направленности выступают ценностные ориентации личности. Они связывают внутренний мир человека с общественным сознанием и основываются одновременно и на личностном, и на социальном опыте.

У каждого человека в его собственной системе ценностных ориентаций отражаются преобладающие общественные ценности данного исторического периода. В то же время, ценности общества включают ценности отдельных людей. «С одной стороны ценностные ориентации выступают связующим звеном между обществом и личностью, с другой – являются регулирующим фактором ее поведения» [4, с. 248]. В ценностных ориентациях отражается и проявляется социализация личности, и они во многом определяют поведение человека в социуме.

Сформированная профессиональная направленность и ценностные ориентации могут свидетельствовать об определенной социальной зрелости человека. В этом контексте период обучения в учреждениях высшего образования актуален для формирования профессиональной направленности и ценностных ориентаций студентов, в том числе в контексте профессиональных ценностей.

Эмпирическое исследование профессиональной направленности проводилось среди 33 студентов-психологов 3 курса Белорусского государственного педагогического университета имени максима Танка. Был использовал опросник Дж. Голланда, позволяющий определить профессиональные типы личности (реалистический, интеллектуальный, социальный, конвенциальный, предприимчивый, артистический) [5].

У представителей исследуемой выборки доминируют социальный тип, отмеченный у 22 % опрошенных и артистический тип, выявленный у 21 % респондентов. Слабее выражены предприимчивый и конвенциальный типы (по 15 % каждый). Наименее представлены реалистический и интеллектуальный типы (14 % и 13 % соответственно) [3].

Деятельность будущих психологов будет проходить в социальной профессиональной среде, для которой, по мнению Дж. Голланда, наиболее оптимальным выступает социальный тип, предпочтительными – артистический и предприимчивый типы личности [6]. Представители социального профессионального типа любят и умеют общаться, нацелены на коммуникацию в свой деятельности. Проявления артистического

типа у студентов-психологов связаны, вероятно, с такими сторонами будущей профессии, как самостоятельность и самовыражение, рефлексия, ориентация на эмоции и чувства при общении. Из характеристик предприимчивого типа личности важно проявление лидерства и желание управлять людьми.

Поскольку у данных студентов суммарный показатель выраженности указанных типов составляет 58 %, то есть больше половины, это позволяет предполагать успешность будущей профессиональной деятельности.

Изучение ценностных ориентаций у студентов-психологов проводилось при помощи методики «Ценностные ориентации» М. Рокича, которая основана на прямом ранжировании ценностей. Автор выделяет два класса ценностей: терминальные ценности или ценности-цели, это – убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться; и инструментальные ценности или ценности-средства – убеждения в том, что какой-то образ действий или свойство личности является предпочтительным в любой ситуации [1]. При интерпретации результатов следует учитывать, что наиболее предпочитаемые ценности имеют наименее выраженное среднее значение.

При анализе ответов испытуемых нами были выделены следующие терминальные ценности: ценности взаимоотношений (любовь, друзья, семья); ценности личной жизни (ценности здоровья, материальные ценности, ценности личной свободы, активной жизни); ценности профессиональной самореализации (интересная работа, общественное призвание, развитие); ценности личностной самореализации (ценности познания, духовного и физического совершенствования, продуктивной жизни).

У студентов данной выборки среди терминальных ценностей преобладают ценности «здоровье» (среднее значение 4,3), «материально обеспеченная жизнь» (6,6), «любовь» (7,3), «творчество» (7,3), «удовольствие» (7,3), «интересная работа» (7,6) «активная деятельная жизнь» (7,9), «развитие» (8,0). То есть можно констатировать, что доминируют ценности личной жизни и личностной самореализации, менее выражены ценности профессиональной самореализации. В проводимом нами ранее исследовании ценностных ориентаций студентов-психологов также отмечалось доминирование ценностей личной жизни [4].

Среди инструментальных ценностей выделяют этические ценности (ответственность, высокие запросы, независимость, самоконтроль, широта взглядов); ценности дела (аккуратность, исполнительность, образованность, рационализм, эффективность в делах); индивидуалистические ценности (независимость, непримиримость к недостаткам, рационализм, смелость в отстаивании своего мнения, твердая воля); ценности самоутверждения.

У студентов из инструментальных ценностей преобладают «воспитанность» (7,1), «широта взглядов» (7,1), «жизнерадостность» (7,4), «независимость» (7,7), «честность» (8,1), «образованность» (8,4), «аккуратность» (9,0), «рационализм» (9,1). Здесь лидируют этические ценности и ценности самоутверждения, менее выражены ценности дела. Эти данные также согласуются с полученными нами ранее [4].

Применение ранговой корреляции Спирмена позволило выявить наличие прямой связи между терминальными и инструментальными ценностями ($p \leq 0{,}05$), что может свидетельствовать о том, что у студентов сформированы те личностные характеристики, которые будут выступать важнейшим инструментом достижения главных личностных целей.

Проявление профессиональных типов личности и ценностных ориентаций в целом позволяет предполагать успешный личностный прогноз в будущей трудовой деятельности. Однако ценности профессиональной самореализации и ценности дела у студентов выражены недостаточно. Поэтому необходимо ориентировать студентов на развитие данных ценностей, используя для этого пути психологического сопровождения обучения профессии [4, с. 249]. В дальнейшем интересно изучить динамику профессиональной направленности и ценностных ориентаций у студентов-психологов на разных этапах обучения.

Библиографический список

1. Методика «Ценностные ориентации» Рокича. URL: https://psylab.info/Методика_«Ценностные_ориентации»_Рокича (дата обращения: 10.01.2022).

2. *Полещук Ю. А.* Профессиональная направленность личности: теория и практика: пособие. Минск: БГПУ, 2006. 92 с.

3. *Полещук Ю. А.* Профессиональные намерения и профессиональные типы личности студентов-психологов 3 курса // Карбышевские чтения: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции: в 8 т. / под общ. ред. Л. И. Грошевой. Тюмень: ТВВИКУ, 2021. Т. 4. С. 332–335.

4. *Полещук Ю. А.* Ценностные ориентации студентов-психологов в контексте профессиональной направленности личности // XII Международная научно-практическая конференция «Психология личностно-профессионального развития: современные вызовы и риски». М.: Перо, 2016. С. 247–250. URL: https://elib.bspu.by/bitstream/doc/14897/1/Полещук.pdf. (дата обращения: 10.01.2022).

5. Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности / под ред. Г. С. Никифорова, М. А. Дмитриевой, В. М. Снеткова. СПб.: Речь, 2003. С. 45–50.

6. *Holland J. L.* Making vocational Choices: A Theory of Vocational Personalities and Work Environments. North Florida: Psychological Assessment Resources, 1997. 303 p.

УДК 93/94
Е. Ю. Синин,
аспирант, Московский городской педагогический университет

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБРАЗА Н. В. УСТРЯЛОВА Г. Е. ЗИНОВЬЕВЫМ ВО ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЕ В ВКП(Б) В 1925–1927 гг.

Статья посвящена изучению истории использования образа Н. В. Устрялова Г. Е. Зиновьевым во внутрипартийной борьбе в ВКП(б) в 1925–1927 гг. На основе анализа опубликованных документов Г. Е. Зиновьева, Н. В. Устрялова, И. В. Сталина и ряда других политических деятелей, а также архивных материалов, были сделаны выводы об обусловленности использования Г. Е. Зиновьевым образа Н. В. Устрялова имевшейся у внутрипартийной оппозиции концепции развития страны и необходимости её отстаивания. Г. Е. Зиновьев сконструировал недалёкий от реальности образ Н. В. Устрялова как классового врага Советской власти, буржуазного интеллигента и идеолога кулачества, рецептам которого якобы следовало сталинское большинство. Использование образа Н. В. Устрялова усиливалось по мере углубления политических разногласий внутри ВКП(б), а также определялось искренней верой Г. Е. Зиновьева в него.

Ключевые слова: Н. В. Устрялов, Г. Е. Зиновьев, НЭП, интеллигенция, внутрипартийная борьба, ВКП(б)

E. Y. Sinin,
Post-graduate student, Moscow City Pedagogical University

THE USE OF THE IMAGE OF NIKOLAY USTRYALOV BY GRIGORY ZINOVIEV IN THE INTERNAL PARTY STRUGGLE IN THE ALL-UNION COMMUNIST PARTY OF BOLSHEVIKS IN 1925–1927

The article is devoted to the study of the history of the use of the image of Nikolay Ustryalov by Grigory Zinoviev in the internal party struggle in the VKP(b) in 1925–1927. Based on an analysis of the published documents of Grigory Zinoviev, Nikolay Ustryalov, Joseph Stalin, and several other political figures, as well as archival materials, conclusions were drawn about the conditionality of Grigory Zinoviev's use of the image of Nikolay Ustryalov of the concept of development of country and the need to defend it. Grigory Zinoviev constructed an image of Nikolay Ustryalov, near to reality, as a class enemy of Soviet power, a bourgeois intellectual and an ideologue of the kulaks, whose recipes were allegedly followed by the Stalinist majority. The use of the image of Nikolay Ustryalov intensified with the deepening of political

© Синин Е. Ю., 2022

differences within the VKP(b) and was also determined by Grigory Zinoviev's sincere faith in him.

Keywords: Nikolay Ustryalov, Grigory Zinoviev, NEP, intelligentsia, internal party struggle, VKP(b)

Сменовеховец и известный интеллигент Н. В. Устрялов (1890–1937) был активным участником политических событий середины 1920-х гг. В сборнике «Под знаком революции» (1925) он отстаивал концепцию, согласно которой Октябрь вступил в полосу перерождения на почве НЭПа [14]. Сменовеховцы должны были способствовать перерождению большевизма на «национальных основах» (при сохранении созданного им госаппарата и текущей политики ЦК), опираясь внутри СССР на мелкую буржуазию, кулачество и несоветскую интеллигенцию [14, с. 1, 4, 49–50, 115, 122, 143, 155, 192–194].

Идеи Н. В. Устрялова были одним из небольшевистских ответов на два вопроса, мучавших советских вождей: 1) как сохранить монополию на власть в условиях затяжки мировой революции и противоречий НЭПа, 2) какими путями осуществлять строительство основ социализма. В 1925–1927 гг. внутрипартийная борьба, в т. ч. по этим вопросам, приобрела особо острый характер. Её стороны, сталинско-бухаринское большинство ЦК и оппозиция Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева и др., стремились видеть в предложениях друг друга небольшевистские нотки. Логично, что образ Устрялова, занимавшего в полемике, пусть и в своих целях, сторону большинства ЦК, активно использовался в спорах. Больше всего эксплуатировал образ в своих текстах и речах один из лидеров оппозиции Г. Е. Зиновьев. В данной работе выявляются характер и особенности использования им образа Н. В. Устрялова.

Впервые идеи о примирении несоветской интеллигенции с Октябрём на основе его «национального» и «рыночного» перерождения в ходе НЭПа, были высказаны в 1921 г. в сборнике «Смена вех», в т. ч. и Н. В. Устряловым [1, с. 115]. Это заметили в Москве. Так, Зиновьев в 1921 г. отмечал «Смену вех» как игравшую на руку Советской власти и раскалывавшую несоветскую интеллигенцию вещь [5, с. 84]. Эта позиция исходила из необходимости привлечения квалифицированной интеллигенции к послевоенному восстановлению экономики [1, с. 116]. Вместе с этим большевики серьёзно отнеслись к расчётам сменовеховцев на перерождение большевизма. В. И. Ленин также публично критиковал позицию Н. В. Устрялова, но и признавал возможность перерождения Советской власти на указанных основах [3, с. 160–161; 6, с. 3].

Объективные причины беспокоиться об этом были. Октябрь победил в отсталой стране. Гражданская война потребовала перенапряжения сил, «военный коммунизм» не стал «прыжком» к новому обществу

и вызвал усталость широких масс. В 1921 г. партия была вынуждена перейти к НЭПу, к некоторой свободе использования рыночных механизмов при сохранении экономических рычагов в руках власти и монополии большевиков на неё. В стране с преобладанием крестьянства экономическое давление «мелкобуржуазной стихии» не могло не привести к политическому сопротивлению, свидетельством чего стали Кронштадтский (1921) и Грузинский (1924) мятежи. В этих условиях, а также исходя из малочисленности пролетариата, общего низкого культурного уровня населения, малочисленности самой партии, сохранения продовольственных трудностей и военной угрозы извне, большевики сделали ставку на централизацию руководства [13, с. 237–238]. К тому же, в 1924–1925 гг., на фоне стабилизации мирового капитализма, встал вопрос о перспективах строительства социализма в СССР.

Осознание вождями необходимости сохранить единство партии при выборе пути развития страны отягощалось традицией рассматривать внутренние противоречия чем-то ненормальным, а в ином мнении видеть «мелкобуржуазное влияние». Смерть В. И. Ленина потребовала от его наследников собственных ответов на вызовы времени. К 1925 г. их оформилось два: 1) концепция И. В. Сталина и Н. И. Бухарина о построении социализма в одной стране с политикой хозяйственных уступок богатому и среднему крестьянству; 2) концепция невозможности этого с установкой на форсированную индустриализацию и нажим на кулачество, предложенная Л. Д. Троцким, Г. Е. Зиновьевым и т. д.

Позиции сторон не остались незамеченными интеллигентской эмиграцией, в т. ч. Н. В. Устряловым. Причиной выхода его сборника «Под знаком революции» исследователи отмечают начало политики ЦК по уступкам кулачеству (в особенности, фразу Н. И. Бухарина «Обогащайтесь») [3, с. 169]. Сборник был замечен Г. Е. Зиновьевым, который в сентябре 1925 г. написал антиустряловскую по форме и антисталинско-бухаринскую по смыслу статью «Философия эпохи» [6; 7]. В ней Г. Е. Зиновьев подводил итоги пяти лет НЭПа (Россия пока ещё не социалистическая) и намечал свой путь преодоления его противоречий [6, с. 3–4]. Автор назвал Н. В. Устрялова опасным классовым врагом: на словах тот за революцию, а на деле за её «спуск» силами новой буржуазии и новой интеллигенции [6, с. 7–9].

Г. Е. Зиновьев предельно точно сформулировал требования Н. В. Устрялова: «Пусть государственная оболочка будет советской, важно только наполнить ее „целесообразным и плодотворным экономическим содержанием“. А что является плодотворным и целесообразным, – …буржуазное экономическое содержание» [6, с. 12]. Далее автор «Философии эпохи» увязал защиту Н. В. Устряловым кулака и мелкого буржуа с надеждами оппозиционных большевизму сил внутри и снаружи

страны [6, с. 18–19]. На основе этого Зиновьев заключал, что некоторая социальная основа идеям о мирном перерождении Советской власти есть: «да, развитие нэпа при затяжке мировой революции, действительно, чревато среди других опасностей и опасностям и перерождения» [6, с. 20–21]. Историческим примером перерождения революции для большевиков был Термидор, произошедший в Великой французской революции. Г. Е. Зиновьев явно проводил здесь аналогию.

Правда, Г. Е. Зиновьев оптимистично говорил о неоправданности этих надежд. Но для полноценной гарантии от устряловщины необходимо прислушаться к требованиям народа о равенстве [6, с. 26]. Отсюда Г. Е. Зиновьев переходил к политически актуальной повестке: союз с крестьянством (основой народа), в особенности с середняком незыблем. Но «одновременно с этим РКП берется с удесятеренной энергией за дело всесторонней помощи деревенской бедноте» [6, с. 28]. Делая акцент на опасности кулачества и его место в антисоветских расчётах Н. В. Устрялова, Г. Е. Зиновьев заключал: «новая буржуазия, включая сюда кулаков, через своих дельцов, политиков и идеологов будет пытаться сорвать эту линию партии» [6, с. 30]. Он этим намекал и на внутрипартийных сторонников уступок кулачеству.

Эту мысль Г. Е. Зиновьев развил и в вышедшей тогда же книге «Ленинизм» [4]. Обосновывая свою позицию по НЭПу, он упомянул «опасного классового врага» Н. В. Устрялова и испытываемую им радость от критики некоторыми коммунистами «бедняцких иллюзий» [4, с. 215–218]. Г. Е. Зиновьев через образ Н. В. Устрялова бросил вызов оппонентам, не называя их поименно, обвиняя их в недооценке влияния кулачества. Вызов был замечен. Н. И. Бухарин вскоре написал критику на сборник работ Н. В. Устрялова, в которой оправдывался за лозунг «обогащайтесь» [2, с. 35]. Устряловская тема стала одним из важных факторов во всё более разгоравшихся внутрипартийных спорах, центральным местом которых было взаимодействие с крестьянскими массами. Поэтому в декабре 1925 г. на XIVсъезде партии И. В. Сталин раскритиковал Г. Е. Зиновьева за высказанную им позицию относительно устряловщины, отверг его оценки роли кулачества и взял Н. И. Бухарина под защиту [17, с. 499–505]. О Н. В. Устрялове генсек сказал: «Я думаю, что ежели он хорошо служит, то пусть мечтает о перерождении нашей партии. Мечтать у нас не запрещено» [17, с. 501].

Хотя обе стороны апеллировали в своих поисках к идеям В. И. Ленина и необходимости партийного единства, на XIV съезде (декабрь 1925 г.) разгорелась острая борьба, длившаяся до декабря 1927 г. (XV съезд, исключение Г. Е. Зиновьева и других лидеров оппозиции из партии). В ходе борьбы обе стороны обвиняли друг друга в выражении стремлений контрреволюции и потворству «вырождению», полемика

приобрела в т. ч. характер личностных нападок [15, с. 68–71]. Г. Е. Зиновьев, расчётливо используя в полемике образ Н. В. Устрялова против фракции большинства, пытаясь представить сталинское большинство сторонниками кулачества и мелкой буржуазии, был искренен в этом. В черновиках, датированных 1926 г., он описал положение СССР после смерти В. И. Ленина. Г. Е. Зиновьев называл теорию построения социализма в одной стране ревизией ленинизма, а проводимую ЦК политику ослабления давления на кулака – сдвигом направо. Он охарактеризовал теоретически обосновывавшую эту политику молодых философов – учеников Н. И. Бухарина «будущими Устряловыми», видя в этом тенденцию к их перерождению [9, л. 82].

Г. Е. Зиновьев замечал мягкость позиции И. В. Сталина в отношении Н. В. Устрялова. Но, скорее всего, эта мягкость объяснялась не каким-то зловредным настроением генсека, а его расчётами использовать сменовеховскую интеллигенцию для хозяйственной работы на СССР. Как отмечал М. Агурский, И. В. Сталин читал произведения Н. В. Устрялова внимательно и не мог не принимать его позицию в расчёт [16]. Но нет свидетельств, что генсек эту позицию разделял. В 1926 г. И. В. Сталин публично заявил, что Н. В. Устрялов, хоть и классовый враг, но помогает Советской власти привлечением к ней на службу «спецов» и работает на неё [12, с. 69–72]. Действительно, Н. В. Устрялов работал на Китайской восточной железной дороги с февраля 1925 г., а летом того же года побывал в СССР [14, с. III–V]. Работало на советские ведомства за рубежом немало и других сменовеховцев [16].

Это, а также всё усиливавшиеся политические разногласия, привели Г. Е. Зиновьева к мысли о сознательной поддержке идей Н. В. Устрялова И. В. Сталиным. Вообще, стремление видеть в действиях оппонента «злой умысел» (даже если это не так) – одна из негативных черт политической культуры 1920-х гг. Отныне Г. Е. Зиновьев выступал против генсека открыто, обвиняя его в потворстве устряловщине. В статье «Важнейшие черты переживаемого периода» (середина 1926 г.) он назвал сталинскую теорию о социализме в одной стране помощью буржуазии и лично Н. В. Устрялову, указав, что в СССР «поднял голову» устряловский интеллигент [11, л. 97–98, 105]. В статье «Наши вожди и идеологи» (середина 1926 г.) Г. Е. Зиновьев отозвался об идеях сторонника Н. И. Бухарина философа А. Слепкова как ведущих «Советскую власть с её пролетарского пути на путь Устряловых и Милюковых» [10, л. 8].

Н. В. Устрялов тем временем следил за внутрипартийной борьбой. Оппозиция 16 октября 1926 г. была вынуждена объявить о своём подчинении линии ЦК, и Н. В. Устрялов уже через три дня откликнулся на это в эмигрантской печати статьёй «Кризис в ВКП». Важность статьи была такова, что её текст оперативно положили на стол Г. Е. Зиновьеву

[10, л. 13–23]. В статье Н. В. Устрялов отмечал, что оппозиция политически пала, народные массы выдвинули наверх вождей сталинской формации, ЦК ведёт отвечающую интересам кулака политику и предлагал «спецовской среде» быть «против Зиновьева» и «за Сталина» [14, л. 483–491]. Такие комментарии не могли не вызвать у Г. Е. Зиновьева новых подозрений в сталинской политической ориентации.

И в 1927 г., на фоне усиления давления на оппозиционеров, Г. Е. Зиновьев снова обратился к образу Н. В. Устрялова. Летом 1927 г. в статье «К истории разногласий» он писал о сталинской линии как ведущей к устряловщине [10, л. 29]. В октябрьской статье «Амальгама» он обвинял И. В. Сталина в дискредитации большевизма и помощи «третьей силе» (буржуазии), целью которой являлось свержение Советской власти [8, с. 30–39]. Г. Е. Зиновьев осознанно упомянул о положительной оценке Н. В. Устряловым сталинской политики, а в «устряловских» бюрократах и интеллигентах, вроде экономиста Н. Д. Кондратьева, названного в статье «теоретическим вождём кулацкой буржуазии», усмотрел подобранных И. В. Сталиным в государственный аппарат проводников «третьей силы» [8, л. 36, 38]. Однако, ни в 1925, ни в 1926, ни в 1927 гг. Г. Е. Зиновьеву своих целей достичь не удалось: партийные массы не связывали политику И. В. Сталина с образом Н. В. Устрялова зиновьевское видение проблемы не нашло широкого распространения. Этим, в частности, можно объяснить лёгкость, с которой Г. Е. Зиновьев и другие оппозиционеры были выведены из высшего руководства ВКП(б), а в конце 1927 г. исключены из партии и активной политической жизни.

На основе вышеизложенного можно сделать ряд выводов:

1. Использование Г. Е. Зиновьевым образа Н. В. Устрялова было обусловлено необходимостью обосновать свою концепцию развития партии и страны и опровергнуть концепции оппонентов.

2. Г. Е. Зиновьев сконструировал образ Н. В. Устрялова как опасного классового врага, буржуазного интеллигента и идеолога кулачества, подталкивавшего партийное большинство к неверным решениям.

3. Особенностями использования образа Н. В. Устрялова Г. Е. Зиновьевым являлись рост его использования по мере углубления политических разногласий и искренняя вера Г. Е. Зиновьева в его содержание.

Библиографический список

1. *Азаров В. Н.* «Сменовеховское» движение и реалии советского общества 1920-х годов // Научный диалог. 2018. № 6. С. 114–123.

2. *Бухарин Н. И.* Цезаризм под маской революции: по поводу книги проф. Н. Устрялова «Под знаком революции». М.: Издательство газеты «Правда», 1925. 45 с.

3. *Земляной С. Н.* Советский термидор и проблема модернизации России (20-е годы) // Политическая наука. 2003. № 2. С. 158–187.

4. *Зиновьев Г. Е.* Ленинизм: введение в изучение ленинизма. Л.: Государственное издательство, 1925. 400 с.

5. *Зиновьев Г. Е.* Путь Октября: сборник октябрьских речей и статей: 1917–1924. Л.: Государственное издательство, 1926. 166 с.

6. *Зиновьев Г. Е.* Философия эпохи. М.; Л.: Московский рабочий, 1925. 31 с.

7. *Козлов А. В.* Национал-большевизм Н. В. Устрялова и борьба в партии большевиков в 1925–1927 гг. // История государства и права. 2008. № 21. С. 36–38.

8. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 45.

9. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 49.

10. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 56.

11. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 72.

12. *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 9. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1948. С. 62–151.

13. *Синин Е. Ю.* Л. Д. Троцкий как преемник В. И. Ленина: соотношение желаемого и возможного // Актуальные вопросы гуманитарных наук: сборник научных статей бакалавров, магистрантов и аспирантов. Вып. 4 / под ред. А. А. Сорокина, Г. В. Калабуховой. М.: Книгодел, 2021. С. 236–246.

14. *Устрялов Н. В.* Под знаком революции: сборник статей. Харбин: Новая жизнь, 1925. 354 + V с.

15. *Фицпатрик Ш.* Команда Сталина: годы опасной жизни в советской политике. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. 528 с.

16. Часть 4. Социализм в одной стране // *Агурский М.* Идеология национал-большевизма [Электронный ресурс]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/agursk/04.php.

17. XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М.: Государственное издательство, 1926. 1026 с.

УДК 94.083:329.71

Д. И. Стогов,
доцент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ПРОТОИЕРЕЯ ПЕТРА МИРТОВА

В статье анализируются политические взгляды руководителя «Александро-Невского общества трезвости» митрофорного протоиерея Петра Миртова. Делается вывод о его монархических воззрениях и верноподданнических чувствах.

Ключевые слова: Российская империя, Александро-Невское общество трезвости, император, Первая мировая война, Поместный собор Православной российской церкви

© Стогов Д. И., 2022

D. I. Stogov,
Associate Professor, St. Petersburg State Electro-Technical University "LETI"

POLITICAL VIEWS OF ARCHPRIEST PETER MIRTOV

The article analyzes the political views of the head of the Alexander Nevsky Sobriety Society mitrophoric Archpriest Peter Mirtov. The conclusion is made about his monarchical opinion and loyal feelings.

Keywords: Russian Empire, Alexander Nevsky Sobriety Society, the Emperor, the First World War, Local Council of the Orthodox Russian Church

В настоящее время одной из ключевых проблем российского общества является потребление значительной частью населения России алкоголя и других психоактивных веществ. Несмотря на то, что по сравнению с 1990-ми годами оно в нашей стране несколько снизилось, тем не менее, проблема пьянства остается по-прежнему актуальной. К ней проявляют внимание власти – как светские, так и церковные [3].

Обращение к богатому дореволюционному опыту трезвенническо̀й работы в этой связи представляется весьма важным. Деятельность крупнейшей в Царской России православной трезвеннической организации – Александро-Невского общества (братства) трезвости (АНОТ) – в настоящее время весьма хорошо изучена. Можно, в частности, отметить монографию А. Л. Афанасьева, посвященную дореволюционным трезвенникам, в которой много внимания уделено АНОТ [1]. Нам в свое время также удалось немного затронуть эту тему [9].

После безвременной кончины (на 33-м году жизни) основателя Общества священника Александра Рождественского эту структуру возглавил протоиерей Петр Алексеевич Миртов (1871–1925). Активной и насыщенной событиями деятельности этого священника посвящено немало работ современных исследователей. Краткая биография протоиерея содержится в статье Сергея Ершова [2]. Обстоятельную работу о священнике написал А. Н. Панин [6]. Трезвенническую деятельность о. Петра Миртова изучил петербургский иерей Игорь Илюшин [4; 5]. В этих и других работах подробно рассмотрены, прежде всего, трезвеннические инициативы протоиерея, а также некоторые другие аспекты его работы (участие в деятельности Императорского православного палестинского общества и др.). Вместе с тем, в трудах, посвященных о. Петру Миртову, практически ничего не говорится о его политических взглядах. Изучение политических воззрений о. Петра представляется, тем не менее, весьма важным, так как проливает свет на особенности мировоззрения священника-трезвенника, на его точку зрения по поводу идеального государственного устройства для России. Отстаивая трез-

веннические убеждения, о. Петр Миртов в своих проповедях, речах, книгах, брошюрах, статьях, несомненно, выражал отношение к сложным политическим процессам, имевшим место в предреволюционной России, когда значительная часть образованных слоев населения страны (в том числе и представители дворянства, чиновничества) разделяла либеральные взгляды (приверженцы конституционной монархии) или даже революционные (антимонархические) воззрения. Своим высоким духовным авторитетом о. Петр так или иначе влиял на политические предпочтения своей многочисленной паствы, идейных сторонников трезвости. Также представляет интерес проблема возможной эволюции политических взглядов протоиерея в революционном 1917 году.

Какие же политические идеи разделял протоиерей Петр Миртов? На этот вопрос помогают ответить, прежде всего, его многочисленные проповеди и публичные речи, многие из которых размещены в изданном при жизни священника сборнике под названием «Слова и речи протоиерея П. А. Миртова» [8].

В предисловии к книге священник признавался, что «по особым условиям» своего служебного положения «призван проповедовать почти ежедневно, а в воскресные и праздничные дни количество произнесенных за день проповедей иногда возрастает до 4 и 5» [8, с. II]. Часть опубликованных в сборнике проповедей была произнесена «по официальному назначению» и подлежала предварительной цензуре епархиальной власти, куда они представлялись в письменном виде; другая часть была записана прихожанами священника.

В «Речи, произнесенной по прочтении высочайшего манифеста о войне с Германией перед молебном на Варшавском вокзале в Петрограде 20 июля 1914 г.», о. Петр отмечал, что царь изрек слово о начавшейся Первой мировой войне «вслух всего русского народа» [8, с. 1]. По его словам, «жестокий удар врага не сокрушит нашей крепости, а лишь еще более воспламенит богатырскую грудь нашего Ильи Муромца непобедимой любовью к Царю и родине» [8, с. 4]. Далее священник подробно останавливается на вопросе единения царя с народом и любви народа к императору: «Трогательно было наблюдать эту любовь и это единение Царя с народом сегодня, перед Зимним дворцом, на площади, буквально залитой притекшими сюда со всех концов столицы народными потоками… […] Чувствовалось, что эту многотысячную толпу […] сдерживает […] какая-то внутренняя узда, какое-то особое, могучее одушевление, подчиняясь которому, народ терпеливо выстоял более трех часов, выжидая появления Государя. И в груди закипало непобедимое чувство мужества и отваги от сознания, что это море голов есть в то же время и безбрежное море народной любви и преданности своему Государю…» [8, с. 4].

В «Слове, произнесенном в Воскресенском храме, что на крови, 9-го сентября 1911 г., во время богослужения, совершенного членами Святейшего Синода, в день погребения П. А. Столыпина», о. Петр пишет о «жгучем чувстве общественной скорби, которое охватило всю страну в виду понесенной […] великой государственной утраты и которое так молитвенно объединяет нас сейчас в этом храме, являющемся живым памятником другой, еще более для нас драгоценной и священно-исторической крови – Помазанника Божия, пролитой тоже за русский народ (Имеется в виду убийство Александра II 1 марта 1881 г. – *Д. С.*)» [8, с. 7]. При этом П. А. Столыпина протоиерей именует не иначе, как «великим строителем нашей государственной мощи», человеком «с большим государственным разумом, с широким размахом чисто русской отваги и мощи», «величественной исторической фигурой» [8, с. 8].

В «Слове, произнесенном в Казанском соборе 14 мая 1911 г. в день коронации Их императорских Величеств за служением членов Св. Синода», опубликованном под заголовком «Священные основы царской власти», о. Петр Миртов, цитируя слова Божественной Литургии, подчеркивает важность «таинственной молитвы за царя земного, повергаемой пред престолом Царя Небесного» [8, с. 21]. Священник отмечает важность молитвы «за Боговенчанного Царя, поставленного на страже самой дорогой и заветной святыни русского сердца – веры православной» [8, с. 29].

В «Слове в день рождения Государыни Императрицы Александры Федоровны, произнесенном в Исаакиевском соборе за служением членов Св. Синода», о. Петр говорил о «глубокой исторической связи, какая издавна существует между царственной семьей Монарха и семьей верноподданных ему племен и народов, входящих в состав Русской земли», отмечая, что день рождения императрицы «приобретает значение Всероссийского праздника» [8, с. 30].

Не забывал протоиерей Петр Миртов и проблему пьянства. В одной из речей («В чем залог многолетия. Речь, произнесенная в присутствии высокопреосвященнейшего Владимира, митрополита Петроградского и Ладожского, членов Государственного Совета и Думы и членов "Постоянной комиссии по вопросу об алкоголизме" пред панихидой 31-го марта 1913 г.») он указывал на то, что голос Церкви часто остается «гласом вопиющего в пустыне». Отец Петр в этой связи отмечал: «Тем с большей радостью церковные деятели должны приветствовать работу ученой мысли, направленную к борьбе с алкоголизмом. Как ни широка и как ни почтенна практическая деятельность разнообразных трезвенных организаций, – но она очень нуждается в научном обосновании своих положений, – дабы влияние ее на все стороны жизни было более действенным и глубоким, и, между прочим, дабы идейный "на-

жим" на законодательную власть с целью поворота ее в сторону трезвенного движения возможен был не только во имя религиозных идеалов, но и во имя строгих, бесстрастных выводов и требований точной науки» [8, с. 42]. Как видим, о. Петр, полностью поддерживая императора, весьма недоверчиво относился к законодательной власти в лице, прежде всего, Государственной думы, фактически требуя от нее «поворота» в сторону трезвости.

Возникает, однако, вопрос: менялись ли каким-то образом верноподданнические, монархические убеждения протоиерея Петра Миртова после февральской революции 1917 г., свергнувшей самодержавие? На этот вопрос поможет ответить «Речь, произнесенная на Братском кладбище в Москве 29 августа (1917 г. – *Д. С.*) в день крестного хода туда членов Поместного Собора Православной Всероссийской Церкви членом Собора протоиереем П. А. Миртовым», опубликованная в сборнике «Деяний» Поместного собора, участником которого был о. Петр. В ней священник подчеркивает, что наступили «настоящие, тяжкие для родины дни». «Кажется, все силы ада подвиглись на то, чтобы сокрушить величие России, стереть ее славу, сковать ее свободу. […] Измена и предательство уже повили ее многострадальное чело клеветой и поруганием» [7, с. 145–146]. Главную причину экономического, политического и духовного кризиса, в котором оказалась Россия в 1917 г., о. Петр видит в том, что «мы […] отвратились от Господа Бога», и «не пылает в нашей груди священное пламя любви к родине». В заключение протоиерей призвал народ «пред настоящей кровавой Голгофой своей родины» покаяться и «сотворить плоды, достойные покаяния». «Родина ждет нашего покаянного подвига. Вы, власть имущие, преклонитесь пред властью Владыки неба и земли, управляющего судьбами человеческими. Вы, пастыри Церкви, будьте не только верстовыми столбами, которые показывают путь, но сами не двигаются с места, а будьте столпом облачным днем и огненным ночью – который шел впереди народа еврейского» [7, с. 147].

Таким образом, в новых условиях, когда Россия уже потеряла царя, а у власти оказались революционные силы, о. Петр не лебезил перед Временным правительством, а призывал новую власть покаяться, обратиться к Богу, сотворить плоды, достойные покаяния.

Подведем некоторые итоги. Несомненно, протоиерей Петр Миртов являлся убежденным монархистом, выражал верноподданнические чувства, призывал народ проявлять любовь к своему государю. В условиях революционного 1917 г., когда монархия уже была уничтожена, священник, видя надвигающуюся на Россию катастрофу, предрекая еще летом 1917 г. «кровавую Голгофу», призывал новую власть и народ к покаянию.

Библиографический список

1. *Афанасьев А. Л.* Трезвенное движение в России в период мирного развития. 1907–1914 годы: опыт оздоровления общества. Томск: ТУСУР, 2007. 196 с.

2. *Ершов С.* Митрофорный протоиерей Петр Миртов // Исцеление словом. Сборник. СПб., 2002. URL: http://www.rutas.chat.ru/info/slovo/v5/s12.htm (дата обращения: 03.11.2021).

3. За здоровый трезвый образ жизни. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2021/11/02/za_zdorovyi_trezvyi_obraz_zhizni (дата обращения: 03.11.2021).

4. *Илюшин И. М., иерей.* Опыт борьбы за трезвость Русской Православной Церкви // Становление и развитие системы социальной реабилитации и ресоциализации потребителей психоактивных веществ в Санкт-Петербурге [Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник] / под ред. М. В. Середы. СПб.: СПбГБУ «Городской информационно-методический центр “Семья”», 2015. Вып. 5. С. 6–26.

5. *Илюшин И., иерей.* Церковный взгляд на форму и методы трезвеннической деятельности в дореволюционной России. Анализ деятельности Иоанна Чурикова. URL: https://ruskline.ru/analitika/2016/02/06/cerkovnyj_vzglyad_na_formy_i_metody_trezvennicheskoj_deyatelnosti_v_dorevolyucionnoj_rossii_analiz_deyatelnosti_ioanna_churikova (дата обращения: 03.11.2021).

6. *Панин А. Н.* Протоиерей Петр Миртов. URL: https://www.ippo.ru/ipporu/article/protoierey-petr-mirtov-an-panin-202236 (дата обращения: 03.11.2021).

7. Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга I, Выпуск 3: Деяния VI–XVI. Пг.: Издание Соборного Совета, 1918. 188, VI с.

8. Слова и речи протоиерея П. А. Миртова. Пг.: Тип. Александро-Нев. о-ва трезвости, 1914. II, 457, III с.

9. *Стогов Д. И.* Деятельность Александро-Невского общества трезвости (1898–1917 гг.) // Молодежь и наука XXI века: материалы XI Всероссийской науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, посвященной Году Учителя, в рамках III Общегородской ассамблеи «Красноярск. Технологии будущего»: в 3 т. Т. I. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2010. С. 155–159.

УДК 93/94
Н. И. Суханова,
профессор, Московский государственный областной университет

ПРОТИВОСТОЯНИЕ «КРАСНЫЕ – БЕЛЫЕ» В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ В 1917–1920 гг.

Одним из важнейших факторов противоборства красных и белых в годы Гражданской войны была не только победа одной из сторон, но и базисные основы их государственности, ее сущность и возможность эволюционировать в будущем в сильное демократическое государство.

Ключевые слова: Гражданская война, большевики, белое движение, государство

N. I. Sukhanova,
Professor, Moscow State Regional University

THE "RED – WHITE" CONFRONTATION IN INSTITUTIONAL POLITICS IN 1917–1920

One of the most important factors in the confrontation between the Reds and Whites during the Civil War was not only the victory of one of the parties, but also the basic foundations of their statehood, its essence and the ability to evolve into a strong democratic state in the future.

Keywords: Civil War, Bolsheviks, white movement, state

Постсоветская историография расширила проблематику исследований по истории Гражданской войны в России и методологические подходы к ее изучению. Причины победы советской власти в войне не сводятся только к военным успехам. Ее созидательная деятельность по различным направлениям политической, экономической, социокультурной жизни общества была убедительным доказательством силы и «живучести» новой власти. Следует согласиться с утверждением Р. Т. Латыпова о том, что «лишь всесторонне изучая генезис и столкновение различных противоборствующих сил, можно понять, почему победила именно советская модель государственного строительства и управления в годы Гражданской войны» [6, с. 134].

В переломную эпоху задача политической силы, которая претендует на власть, состоит в убедительности предлагаемой системы государственного устройства, поскольку проявившаяся накануне неэффективность прежней власти сформировала крайне негативное отношение к власти вообще, а также угрозу анархии и распада государственности.

© Суханова Н. И., 2022

Формирование новых государственных структур в революционных условиях могло стать успешным при условии активного вовлечения масс в институциональный процесс. Долгая история их исключения из политики в России, возможность и право заниматься ею, принадлежавшие узкому кругу лиц, создавали предпосылки для протестной активизации масс. Участие в революционных событиях последних постепенно формировало новый субъект политического процесса в стране, что поначалу содействовало единению нового государства и гражданского общества.

В этом плане большевики сразу же получали «вотум доверия» значительного количества «низов», вовлеченных новыми историческими вызовами в революционный процесс. Большевики видели государство, как институт, формируемый на классовой основе, на системе противостояния со свергнутыми классами [7, с. 7]. Последнее было возможно при условии установления диктатуры пролетариата, т. е. системы насилия. Последнее иногда сочеталось с элементами согласия, которые базировались на побуждении колеблющихся к вынужденному конформизму. Опора на один класс, одну идеологию, была решением, которое позволяло прийти к власти. Но создавать жизнеспособный государственный организм на перспективу без дееспособной оппозиции было не дальновидно. В человеческой природе, тем более, в системе власти, такой подход изначально вел к авторитарности. Попыткой создания народной многоступенчатой власти было формирование большевиками политической системы, включающей органы государственной власти в центре и на местах. Она включала в себя «аппарат управления и общие механизмы политического принятия решений в обществе» [4, с. 42]. Политическая система была призвана обеспечивать государственно-территориальную и политическую целостность страны. Доминирующая роль политического фактора в жизни общества, с одной стороны, имела корни в цивилизационных особенностях Российского государства, с другой, продолжала процесс усиления гипертрофированной роли государства.

В. И. Ленин очень быстро отказался от первоначальной идеи государства-коммуны, т. е. полновластия народа в виде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на основе идеи самоуправления [7, с. 25]. Задачи удержания власти, развития экономики и дальнейшая реализация идеи мировой революции не могли быть реализованы при условии формирования государства-коммуны. В этом проявился жесткий прагматизм пролетарского вождя. При этом идею Советов большевики сохранили, иначе они лишились бы достаточно широкой социальной опоры в массах. Но подлинной демократичности в их функционировании не могло быть по ряду причин: руководящей роли партийных организаций, стоящих над Советами, отсутствия в рабоче-

крестьянской среде грамотных и подготовленных практиков-управленцев, низкая управленческая культура, дублирование функций разных органов, совмещение законодательной, исполнительной и судебной власти, вторичность закона на фоне неограниченных полномочий этих структур и др. Незначительная практическая результативность советской законодательной структуры в виде Съезда Советов содействовала перераспределению реальной власти к исполнительным органам. Это стало очередным шагом к усилению централизаторских тенденций. Усиливала их большевизация основных органов власти в стране, закрепленная резолюцией ЦК – «без измены лозунгу советской власти нельзя отказываться от чисто большевистского правительства» [8, с. 124]. Советы играли номинальную роль, что делало невозможной подлинную диктатуру пролетариата. Помимо централизаторской функции в управлении партийное преобладание во власти содействовало утверждению единой идеологии. А этот фактор вел к утверждению партийной диктатуры. Несмотря на авторитет и значительное количество всевозможных Советов в стране в начале 1918 г. (12 тыс.), их юридический статус, функции, права и финансирование не были четко определены [1, с. 429]. Задача формирования централизованной системы управления была продиктована мощным общественным запросом на наведение порядка в стране после нескольких войн и революций, в ходе которых в общественном сознании стали проявляться маргинальные и анархистские черты. Традиционализм мышления российского народа тяготел к авторитарным формам власти. Большевистская концепция власти совпадала с этими представлениями. Их лидер формировал политический курс, исходя из жестких реалий. Требование системы жесткого подчинения по вертикали закладывалось в основу новой государственности. Кроме того, Гражданская война содействовала приданию милитаризованного характера советской государственной системе.

Проблема формирования власти во главе с большевистской партией обнаруживает ряд вопросов о ее сущности и целях. Прочность политических институтов нового государства была для большевиков залогом сохранения большого государства и удержания их у власти. Диктатура партии, очень быстро сменившая диктатуру пролетариата, должна была сделать страну организационно и идейно единой. Этот фактор вступал в явное противоречие с демократическими элементами в становлении новой государственности.

Обеспечение единства, как самоцель, должно было сформировать мощный пример и опору для других государств, которые, по мнению большевиков, включились бы в реализацию идеи мировой революции. Собственно Российское государство было вторичным в том мировом историческом процессе, который пытались возглавить большевики.

В такой постановке вопроса была заложена определенная провокация, которая не содействовала эволюционному развитию и совершенствованию Российской государственности.

Интернационализму большевиков был противопоставлен государственный национализм белых [9, с. 7]. Поначалу они не ставили перед собой государственно-политических целей, видя свою задачу в уничтожении большевизма. Но практика повседневной жизни на занятых ими территориях требовала регулирования органами гражданского управления. Попытки возвращения государственных структур прежнего режима, даже временно – до созыва Учредительного собрания, привели к уменьшению сторонников добровольчества и сложностям в обеспечении армии, мобилизациях и взаимодействию с населением. К тому же в национальных и казачьих регионах начали формироваться собственные органы самоуправления, что грозило усилением распада России. А. И. Деникин писал: «Жизнь стихийным напором выбивала нас…, требуя немедленного разрешения таких коренных государственных вопросов, как национальный, аграрный и другие» [3, с. 367]. Сложность ситуации состояла в том, что белое движение не выработало единой концепции государственного строительства. Скорость политических перемен в государстве смущала умы многих его участников. К тому же лидеры белых боялись раскола не только общества, но и армии из-за различных взглядов на форму государственного устройства. Белое офицерство было расколото на сторонников монархии, диктатуры, Учредительного собрания, Всероссийского национального собрания, идеи «непредрешения» формы государственного устройства. Но всех их объединяла идея сохранения государственного единства страны. Еще в конце 1917 г. Л. Г. Корнилов, возглавив Добровольческую армию на юге России, заявил, что будет отстаивать право на широкую автономию отдельных народностей, входящих в состав России, но сохранит государственное единство [11, с. 157]. Идеолог белого движения И. А. Ильин был убежден в том, что Россия возродится благодаря органичному для ее народа «духу русского национального всеединства» [5, с. 210].

На пути к этому всеединству лидеры белых считали необходимым введение диктатуры, как временной необходимости для победы над большевизмом на национальной основе. Главным в этой диктатуре была не классовость, а физическое уничтожение политических и идейных противников. В руках лидеров белого движения сосредотачивалась законодательная, исполнительная, военная и гражданская власть. Но при отсутствии единого центра реализовывать эту диктатуру было непросто. Слабым местом в системе функционирования власти белого движения была идеологическая функция их государственности, которая, к тому же, идентифицировалась как временная. Многие органы местной

и центральной власти, положения об их функционировании, назывались временными из-за опорной идеи «непредрешения» многих факторов будущей государственности [2, л. 276–293]. С одной стороны, то, что белые в реализации различных сторон внутренней и внешней политики опирались на профессиональный кадровый потенциал, а не партийных и общественных деятелей, создавало позитивные предпосылки для будущей возможной государственности. Но в контексте той эпохи такой подход не был оправдан, так как не выдвигал мощных борцов за идею, носителей политической воли. К 1919 г. Белое движение сформировало собственную политическую систему и идеологию, а также наметило пути к их осуществлению в рамках всероссийского единства [10, с. 549]. Только теперь была осознана необходимость в выработке общероссийской политической программы. Русское офицерство, не будучи искушенным в политике до 1917 г., в условиях революции и Гражданской войны было вынуждено начать разбираться в процессах государственного строительства, решении политических, экономических и социальных задач. Политическое «взросление» проходило в ускоренном темпе. Но, тем не менее, это осознание оказалось запоздалым в силу известных объективных и субъективных предпосылок. Главная характерная черта планируемого Русского правительства состояла в претензии на общегосударственный масштаб при отсутствии необходимых для этого возможностей [10, с. 549].

С точки зрения тактической действия большевиков по созданию крепкой централизованной государственности оправдали себя. Стратегически в советской государственности образца 1917–1920 гг. были заложены основания, содействовавшие утверждению авторитаризма. Принципы государственности, которые к концу своего существования стало провозглашать белое движение, стратегически были нацелены на формирование российского всеединства. Однако политическая тактика белых в условиях Гражданской войны не создавала возможности для реализации этой стратегии.

Библиографический список

1. Восьмой съезд РКП(б): Протоколы. М., 1959.

2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. р.-439. Оп. 1. Д. 86.

3. *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Вооруженные силы Юга России. Заключительный период борьбы. Октябрь 1918 – январь 1919. Минск: Харвест, 2002.

4. *Джери Д., Джери Д.* Большой толковый социологический словарь. Т. 2. М.: Вече АСТ, 2001.

5. *Ильин И.* Белая идея // Молодая гвардия. 1992. № 1–2.

6. *Латыпов Р. Т.* Государственное строительство антисоветских правительств в годы Гражданской войны в России (1918–1920) // Падение империи,

революция и Гражданская война в России / сост. С. М. Исхаков. М.: Социально-политическая мысль, 2010. 600 с.

7. *Ленин В. И.* Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33.

8. Протоколы ЦК РСДПР(б). Август 1917 – февраль 1918 г. М., 1958. С. 124.

9. *Пученков А. С.* Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 г.). М.: Научно-политическая книга, 2016. 399 с.

10. *Цветков В. Ж.* Белое дело в России. 1919 г. М., 2009.

11. Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / отв. ред. Т. Ю. Красовицкая, В. А. Тишков. М.: Новый хронограф, 2012. 448 с.

УДК 340.125

Е. А. Фролова,
профессор, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

С. А. МУРОМЦЕВ КАК ТЕОРЕТИК ПРАВА

В статье представлен анализ теории права С. А. Муромцева. Согласно его взглядам, право есть отношение, сложившееся между людьми на основе интереса. Развивая теорию Р. Иеринга, С. А. Муромцев выступил приверженцем социологической концепции права; считал, что теория права должна стремиться открыть социологические законы развития и преемственности права как определенной части социальных явлений.

Ключевые слова: юриспруденция, теория права, С. А. Муромцев, правовое отношение, Р. Иеринг, интерес в праве

E. A. Frolova,
Professor, Lomonosov Moscow State University

S. A. MUROMTSEV AS THE THEORETIST OF LAW

The article presents an analysis of the theory of law of Muromtsev. According to his views, law is a relationship that has developed between people on the basis of interest. Developing the theory of Iering, Muromtsev was an adherent of the sociological concept of law; believed that the theory of law should strive to open the sociological laws of development and succession of law as a certain part of social phenomena.

Keywords: jurisprudence, theory of law, S. A. Muromtsev, legal relationship, R. Iering, interest in law

В середине XIX в. в российской юридической науке получило распространение социологическое направление, представители которого исходили из того, что существование и развитие права и государства

© Фролова Е. А., 2022

определяется общественными факторами. Большое внимание они придавали изучению интересов и отношений социальных групп, исследованию психологических и моральных основ права и государства. Теория юридически защищенного интереса нашла немало сторонников в России. Наиболее известным из них был Сергей Андреевич Муромцев (1850–1910 гг.) – юрист и социолог, общественный и политический деятель, стремившийся по-своему преобразовать теорию Р. Иеринга [6; 7].

Муромцев происходил из старинного дворянского рода. Окончил юридический факультет Московского университета (1871 г.), был направлен в Германию для подготовки к профессорскому званию. В Геттингенском университете слушал лекции Р. Иеринга, который оказал на него заметное влияние. Преподавал на кафедре римского права, занимал пост проректора Московского университета. В начале 80-х гг. открыто выступил с предложением конституционных реформ. После убийства Александра II такая позиция была воспринята как «политическая неблагонадежность», что явилось основанием для увольнения Муромцева из университета. В дальнейшем Муромцев занимался адвокатской практикой, был гласным Московской городской думы, Московского губернского и Московского уездного земских собраний. Входил в состав ЦК партии кадетов. Был избран первым председателем I Государственной думы [2; 3].

Его труды содержат исследования по римскому праву, гражданскому праву и общей теории права – «Очерки общей теории гражданского права» (1877 г.), «Определение и основное разделение права» (1879 г.), «Что такое догма права?» (1885 г.).

Муромцев считал право отношением, сложившимся между людьми на основе интереса. Правовые отношения, по его концепции, существуют не разрозненно, а группируются в определенную систему. «Вся совокупность прав, существующих в данное время в данном обществе, образует правовой порядок».

Правовой порядок, по Муромцеву, – это существующий порядок отношений в обществе. На него оказывает воздействие ряд факторов: юридические нормы действующего законодательства государства, идеи справедливости, надежды на правовой порядок будущего времени, научные предположения и ориентиры и др. В наибольшей степени на содержание правопорядка влияют интересы и отношения социальных групп. Общество пронизано союзами разной степени общности: дружеские кружки, товарищества, семья, община, сословие, партия, государство. Характер отношений внутри общественной группы влияет на форму их защиты, которая может быть различна: порицание со стороны общественного мнения, насильственные действия против нарушителя со стороны потерпевшего, отказ от провинившегося сочлена (в партии,

общине) и т. п. Защита интересов групп населения происходит в формах, которые заранее не определены – эта форма «определяется в каждом отдельном случае, смотря по обстоятельствам». Муромцев называл такую форму защиты «неорганизованной защитой», а сами отношения, которые защищаются от нарушений таким образом – «правовыми».

Муромцев различал «правовое» отношение – отношение «защищаемое» и «юридическое» – отношение «вынужденное или защищающее». К правовым он относил те общественные отношения, которые складываются по поводу типичных для данного общества интересов отдельных лиц и их объединений. Эти отношения и интересы по мере признания обществом получают «неорганизованную защиту» со стороны общества и социальных групп. Однако при столкновении различных интересов такой защиты недостаточно, необходимо обратиться за защитой нарушенного права к государственным органам, то есть к «организованной защите». Действия ее жестче и, как следствие, «понудительнее, нежели действия формы неорганизованной». «Организованная защита», по Муромцеву, вручается судьям, должностным лицам государственных органов, действия которых облекаются в точные формы с указанием пределов компетенции, определенной процедуры принятия решений и т. д. Организованную форму защиты Муромцев называл «юридической».

Различая «юридическое» и «правовое», он оговаривал отсутствие между ними четкой границы, особенно в условиях гражданского общества, когда существует и получает государственное закрепление особый, частный и групповой, не зависимый от государства, интерес [4; 5]. Поэтому сила государственной власти не абсолютна. В обществе существуют и другие силы, оказывающие влияние на правовой порядок (настроения в обществе, внешние условия). При установлении юридического характера отношений (возведение какого-либо отношения на уровень права), деятельность власти ограничивается установлением факта притязаний у субъекта права по отношению к правонарушителям. Юридические отношения, подчеркивал он, всегда возникают в форме притязаний.

Юридические нормы, созданные государством, не всегда соответствуют существующему в обществе правопорядку или, напротив, правопорядок идет наперекор юридическим нормам. В последнем случае, рассуждал Муромцев, «не только не будет защищаться то, что предписано в норме, но напротив, будет защищаться нечто, совершенно тому враждебное».

Преодолеть эти противоречия могут судебные и правоприменительные органы, функция которых – постоянно приводить действующий правопорядок в соответствие со «справедливостью». Несмотря на

то, что «законодательная реформа – единственное верное средство для осуществления справедливости», считал Муромцев, нельзя полагаться только на законодательный орган, реформы которого «могут слишком долго задерживаться». Во все времена «положительное право ограничивается, изменяется и дополняется под влиянием нравственных воззрений и чувства справедливости, руководящих лицами, применяющими право». Задача суда состоит в обеспечении «полной гармонии» между юридическими нормами и конкретным случаем, т. е. в индивидуализировании права. Судья должен «осуществить справедливость» – «применить юридические нормы именно в той степени, в которой случай характеризуется типичными свойствами, служащими основанием нормы». Таким образом суд, по мысли Муромцева, превратится в арбитра между законом и конкретным правоотношением и сможет в соответствии со своим правосознанием проверять «жизненность» позитивного права, приводить закон в соответствие с «живым» правом.

Выступая приверженцем социологической концепции права, Муромцев считал, что юриспруденция не может ограничиться изучением только догмы права (технико-прикладной дисциплины, занятой описанием, систематизацией, классификацией и комментированием действующего права). Теория права, замечал он, должна стремиться открыть социологические законы развития и преемственности права как определенной части социальных явлений. Задача юриста, по его мнению, состоит не только в обобщении действующего, но и в «реформе существующего и создании нового права». Поэтому, кроме догмы права, он выделял как часть юриспруденции объективно-научно исследование права (право «как оно есть») и политику права – отрасль, изучающую право с точки зрения определенного идеала (право «как оно должно быть»).

Учение о праве Муромцева оказало значительное влияние на социологическое направление правоведения. В России аналогичные идеи развивали М. М. Ковалевский, Ю. С. Гамбаров, Н. А. Гредескул и другие правоведы.

Библиографический список

1. *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. 430 с.

2. *Лукьянчикова Л. В.* Исследование феномена российского народовластия в отечественной правовой мысли начала XX в.: проблемы, перспективы развития // Право и государство: теория и практика. 2016. № 3 (135).

3. *Лукьянчикова Л. В.* Теория и сущность народовластия в отечественной правовой мысли начала XX в // Государство, общество, церковь в истории

России XX–XXI веков: материалы XVI Международной научной конференции: в 2 ч. 2017.

4. *Муромцев С. А.* Определение и основное разделение права. М.: Юрайт, 2016. 210 с.

5. *Муромцев С. А.* Очерки общей теории гражданского права. М.: Юрайт, 2020. 219 с.

6. *Иеринг Р., ф.* Избранные труды: в 2 т. Т. I. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 618 с.

7. *Иеринг Р., ф.* Избранные труды: в 2 т. Т. II. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 547 с.

Секция 3

«РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО (РУБЕЖ XIX–XX вв. – НАЧАЛО XXI в.)»

УДК 378(091)(470.315)"1941/1942"
М. А. Балахонова,
аспирант, Ивановский государственный университет

ВКЛАД ВУЗОВСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В СУДЬБУ ФРОНТА И ТЫЛА В 1941–1942 гг.

Деятельность высших учебных заведений не прекращалась даже в суровые годы Великой Отечественной войны. Кроме того, преподаватели и сотрудники ведущих вузов не только «выживали» в военных условиях 1941–1942 гг., но и оказывали огромную помощь населению области.
Ключевые слова: Великая Отечественная война, «вузовская интеллигенция», госпитали, кафедра органической химии, патриотизм, служба крови

M. A. Balahonova,
Post-graduate student, Ivanovo State University

CONTRIBUTION OF THE UNIVERSITY INTELLIGENTSIA OF IVANOVO REGION TO THE FATE OF THE FRONT AND REAR IN 1941–1942

The activities of higher educational institutions did not stop even during the harsh years of the Great Patriotic War. In addition, the teachers and staff of the leading universities not only “survived” in the war conditionsof 1941–1942, but also rendered tremendous assistance to the population of the region.
Keywords: Great Patriotic War, "university intelligentsia", hospitals, department oforganic chemistry, patriotism, blood service

В условиях военного времени высшие учебные заведения в Ивановской области продолжили подготовку высококвалифицированных кадров для народного хозяйства страны. Газета «Правда» в передовой статье «Советская высшая школа в Отечественной войне», вышедшей в начале 1942 г., писала: «Война не может и не должна ослабить учебный труд в нашей стране. Больше, чем когда бы то ни было, нам нужны

© Балахонова М. А., 2022

специалисты в важнейших областях производства и культуры». Бесперебойно работало большинство учебных заведений, оставшихся в тылу, в том числе ведущие вузы Ивановской области [6, с. 30]. В данной статье будет рассмотрен вклад преподавателей и сотрудников Ивановского государственного педагогического института (ИГПИ),Ивановского государственного химико-технологического института (ИХТИ) и Ивановского государственного медицинского института (ИГМИ).

В Ивановском государственном педагогическом институте (ИГПИ) преподаватели каждого факультета старались проводить занятия не только научно, но и практически значимо. На каждом факультете прослеживалось влияние военного времени.

На литературном факультете в курсах русской литературы, начиная с фольклора до советской литературы стержневой идеей отмечался русский патриотизм. В курсе западной литературы новейшего времени проводилась чёткая грань между фашизмом и антифашизмом. Особое внимание уделялось военным темам, например такой как «6-я годовщина со дня смерти борцов против фашизма» [2, л. 2].

На факультете иностранного языка в учебно-производственной работе все преподаватели использовали военную тематику, проработали на 3 курсе «военный разговорник». Студенты готовили доклады на изучаемом языке преимущественно на военные темы не реже 1 раза в неделю, а в некоторых группах даже ежедневно [2, л. 3].

На физико-математическом факультете в курс астрономии были введены элементы аэронавигации, изучение задач на определение географических координат, в курс проективной геометрии – теория аэрофотосъёмки, в курс дифференциальных уравнений – задача о траектории снаряда [2, л. 3].

На историческом факультете преподаватели как на лекциях, так и на практических занятиях старались насыщать преподавание материалов в соответствии с условиями войны. Так, например, на спецсеминарах по истории СССР была поставлена тема «Ивановцы на фронтах Великой Отечественной войны». В лекциях особое внимание было уделено борьбе русского народа с иноземными захватчиками [2, л. 4].

Не смотря на трудное военное время, в пединституте не были свёрнуты и научные исследования. Учёные ИГПИ вели работу по 52 темам теоретического и прикладного характера [1, с. 154].

Что касается военной тематики, преподаватели института собирали материал о боевом и трудовом героизме людей в годы Великой Отечественной войны. В частности, это делалось на семинаре «Трудящиеся Ивановской области в военные дни», который проводил доцент М. И. Зеленский. Филолог С. А. Рейсер составил библиографический справочник «Патриотические идеи в русской литературе». Проходили

также межфакультетские конференции «Помощь тыла фронту», «Молодёжь в Отечественной войне» и др. [1, с. 155]

В вузе также продолжали работать студенческие научные кружки – исторический, педагогический и литературно-творческий. Особого внимания заслуживает эвакуированная из Риги писательница Л. П. Бухман, создавшая при институте небольшой литературный салон. Начиная с зимы 1942 г. туда приглашались местные учёные, писатели и некоторые студенты. Ярким примером её творчества был роман о жизни ивановских текстильщиков, опубликованный в одной из книжек «Ивановского альманаха» [1, с. 155].

Кроме того, в самый трудный для вуза период – осень 1941 г. – вышел в свет первый выпуск «Учёных записок» педагогического института, которые впоследствии регулярно издавались на протяжении последующих 35 лет [1, с. 155].

Таким образом, интеллигенция пединститута на своих занятиях развивалаидеи патриотизма, необходимые студенческой молодёжи в военные годы, а также вела активную издательскую работу.

Профессорско-преподавательский состав кафедр Ивановского химико-технологического института в 1941–1942 гг. сыграл важную роль в производстве взрывчатых веществ, медицинских препаратов и другой важной для области продукции. 23 февраля 1942 г. на страницах местной печати была опубликована заметка «Химинститут – фронту», в которой говорилось, что все свои помыслы коллектив института направил на поддержку Красной Армии [7, с. 310–311].

Работа кафедры органической химии под руководством профессора Е. А. Шилова была направлена на изучение лекарственных препаратов: адреналина, аскорбиновой кислоты, бриллиантовой зелени, сульфазола и др. К концу 1942 г. было выработано 19,5 кг сульфазола [3, л. 58].

Кафедра аналитической химии во главе с доцентом Ц. Г. Райхинштейном разработала и освоила метод производства глюкозы высокой чистоты. В течение 1942 г. её было выработано около 650 кг. [3, л. 62].

Кафедра технологии электрохимических производств под руководством профессора Л. Л. Кузьмина в январе 1942 г. организовала производство стартерных аккумуляторов для автомашин. В течение 1942 г. было выпущено 1470 аккумуляторов [3, л. 57].

На кафедре физической химии 15 августа 1941 г. была создана лаборатория индикации боевых отравляющих веществ и исследования средств защиты, которой руководили доцент К. Н. Белоногов и профессор Е. А. Шилов. Она помогала промышленности в производстве адсорбентов, защитной ткани, разработке простейших приборов химической разведки [3, л. 62].

На кафедре технологии неорганических веществ в 1942 г. под руководством доцента И. П. Кириллова было организовано производство по снаряжению гранат тротилом. На кафедре производились сернокислого бария, хлористого кальция и натрия, цинка и др. Здесь же было организовано производство спичек [3, л. 60].

Доцент кафедры физики И. Н. Годнев работал над темами, необходимыми для развития оборонной промышленности: «Об одной задаче внешней баллистики», «Определение дульной скорости миномёта с укороченным стволом», «Определение пороха по спектральным данным» и др. [3, л. 61].

В итоге, деятельность сотрудников ИХТИ имела огромное практическое значение: учёные разрабатывали новые виды лекарств и оружия, необходимых фронту и тылу.

Наибольший вклад развитие жизни фронта и тыла внесли преподаватели и сотрудники Ивановского государственного медицинского института. К основным направлениям их вневузовской деятельности относилась работа в госпиталях, служба крови, научные исследования.

С первых дней войны сотрудники вуза включились в повседневную работу госпиталей. Профессор Г. Я. Хволес, доцент Г. Д. Сперанский, ассистенты К. Н. Воронин, Е. И. Кремер, Д. Я. Кузнецова, Б. В. Лирин работал начальниками госпиталей. Большая часть профессорско-преподавательского состава становилась консультантами при госпиталях: профессора В. Я. Арутюнов, Л. И. Виленский, П. С. Плитас, Н. Д. Ходяков, А. Л. Эпштейн. В консультативной работе принимали участие доценты А. А. Лебедев, С. К. Понятовская, М. А. Тимохина; ассистенты А. М. Елисеева, Е. С. Мясоедов [3, л. 38].

Среди них следует отметить работников, имевших особые заслуги перед отечественным здравоохранением в военные годы. Профессор М. А. Кимбаровский оперировал наиболее трудные случаи во всех госпиталях. За время войны им проведено 218 операций по аневризмам, 1000 операций – по септическим заражениям и др. Профессор С. А. Якобсон проводил большую оперативную работу, регулярно свершал выезды в города области, где были сосредоточены госпитали. Профессор Л. И. Виленский кроме консультативной работы в госпиталях выезжал по вызовам командования на фронт, а также выполнял ряд специальных поручений. Профессор А. М. Предтеченский оказывал консультативную помощь по плану, активно выезжал в районы, участвовал в передаче действующей армии самолетов, построенных на средства ивановцев. Профессор Р. А. Ткачёв ежедневно консультировал по 15–20 раненых, являлся постоянным руководителем нейро-хирургической помощи раненым [4, л. 38].

Яркой страницей в истории института была служба крови. 9 мюля 1941 г. согласно приказу директор ИГМИ в помощь органам здравоохранения было направлено 15 человек. Среди них профессор А. Д. Бернштейн, доценты С. В. Захаров, Н. В. Хелевин, Т. В. Фетисова и др. Благодаря инициативе и энтузиазму работников станции количество доноров быстро росло. Если до войны на учёте стояло около 100 доноров, то в 1941 г. их число увеличилось до 20. 000 человек. В группу доноров от ИГМИ входило 1500 человек. В общей сложности было сдано более 2000 литров крови. Особенно следует отметить преподавателя кафедры марксизма-ленинизма Е. И. Бутузова, сдавшего 12,5 литров крови, за что ему было присвоено звание почётного донора СССР [5, с. 58].

В суровые годы войны, несмотря на огромную занятость профессорско-преподавательского состава вуза, в его лабораториях активно шла научная работа. Тематика научных исследований была подчинена нуждам обороны страны, оказанию помощи Красной Армии, решению сложных проблем советского здравоохранения.

Доцент С. М. Дерижанов разработал новое учение об огнестрельных остиомиелитах. Профессор М. А. Кимбаровский изучал способы лечения военных ран, подверженных инфекциям. Доцент Т. Ф. Ганжулевич обобщила сведения о лечении ран, осложнённых инфекцией. Доценты С. К. Понятовская, Р. А. Ткачёв и Л. М. Шендерович описали клинику и лечение осложнений при огнестрельной травме черепа и периферической нервной системы, ассистент А. Н. Стыскин – ранений кисти и пальцев. Профессор А. М. Предтеченский, доцент П. М. Максимов и ассистент С. И. Чистяков занимались проблемами консервации и переливания крови [5, с. 67–68].

Таким образом, медицинская интеллигенция вела работу сразу в нескольких направлениях: оказывала помощь раненым, становилась донором, решала ряд трудных проблем отечественного здравоохранения военного периода.

Подводя итог всему вышесказанному, необходимо отметить, что интеллигенция высших учебных заведений помимо учебной деятельности трудилась на благо фронта и тыла своего Отечества, воспитывая патриотизм, работая в лабораториях, спасая раненых и т. д. В этом необходимо вынести особую благодарность преподавателям Ивановского государственного педагогического, Ивановского химико-технологического и Ивановского государственного медицинского институтов.

Библиографический список

1. *Балдин К. Е.* Ивановский государственный университет, 1918–2003 годы: очерки истории. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. 587 с.

2. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. Р-804. Оп. 3. Д. 19.
3. ГАИО. Ф. Р-2061. Оп. 10. Д. 40.
4. ГАИО. Ф. Р-2101. Оп. 5. Д. 91.
5. *Лукин В. А.* Очерки истории Ивановского государственного медицинского института им. А. С. Бубнова (1930–1995 гг.). Иваново: Иван. гос. мед. акад., 1997. 236 с.
6. *Маин В. Н.* Студенчество военных лет: учеб. пособие. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1981. 67 с.
7. *Околотин В. С.* Ивановская область в годы Великой Отечественной войны. Иваново: А-Гриф, 2019. Кн. 2: 1 января – 31 декабря 1942 года. Иваново, 2019. 623 с.

УДК 94(470.53) “1941/1945” : 331.108.62

Ю. Г. Белоногов,
доцент, Пермский национальный исследовательский
политехнический университет

КАРАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВОЕННЫХ ТРИБУНАЛОВ В ОТНОШЕНИИ ДЕЗЕРТИРОВ ПРОИЗВОДСТВА В 1942 г. (на материалах приговоров на осужденных работников завода № 172 Наркомата вооружений СССР)

Анализируются тенденции в правоприменительной практике органов военного правосудия в первый год реализации Указа от 26 декабря 1941 г. в отношении работников крупного оборонного предприятия.

Ключевые слова: военный трибунал, трудовые дезертиры, Великая Отечественная война, Мотовилихинские заводы, Пермь

Yu. G. Belonogov,
Associate Professor, Perm National Research Polytechnical University

PUNITIVE POLICIES OF THE MILITARY TRIBUNALS IN RELATION TO DESERTERS OF PRODUCTION IN 1942 (On the materials of sentences for convicted workers of the Motovilikhinsky plant in Perm)

The article analyses trends in the law enforcement practice of the Decree of December 26, 1941 by the military justice authorities in relation to workers of a large defense enterprise for the first year of the implementation of this law.

***Keywords*:** military tribunal, labor deserters, Great Patriotic War, Motovilikhinsky plant, Perm

© Белоногов Ю. Г., 2022

26 декабря 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принимает Указ, по которому рабочие и служащие предприятий военной промышленности (а также предприятий других отраслей, обслуживавших военную промышленность по принципу кооперации) считались мобилизованными на период войны, а за самовольный уход с предприятия предполагалось ужесточение уголовного наказания до диапазона 5–8 лет лишения свободы [1]. Этот нормативно-правовой акт был принят в условиях проходившей эвакуации предприятий на восток СССР и расширения в тыловых регионах производственной базы, мобилизации на производство новой (и более низкоквалифицированной) рабочей силы, сохранения высокого уровня нарушений трудовой дисциплины и недостаточной эффективности карательных санкций довоенных законов по регламентации стихийной текучести кадров. По данным В. Н. Земскова, за самовольный уход с предприятий за 1941–1945 календарные годы в СССР было осуждено 1.970.186 человек, из них по Указу от 26 декабря 1941 г. – 836.893, т. е. 42,48 % (подсчитано по: [2, с. 111]). Если взять общее количество осужденных за 1942–1945 гг. по этому Указу за 100 %, то их удельный вес за 1942 г. составил всего 14,47 %, уступая в три раза показателю 1943 г. и более чем в два раза – показателю 1944 г.

Анализ правоприменительной практики по реализации данного Указа, изучение причин в изменении динамики по количеству осужденных работников, оценка его эффективности в профилактике трудового дезертирства на оборонных предприятиях, – все это до сих пор представляется актуальными научными задачами в современной историографии темы негативных трудовых девиаций. В рамках данной статьи очень важно подчеркнуть: исследователи при рассмотрении важного сюжета о ходе реализации Указа от 26 декабря 1941 г. в масштабах страны выходили на проблему т. н. «трибунального правосудия» [3; 4]. В работах, посвященных трудовому дезертирству в отдельных регионах [5; 6] и на отдельных предприятиях [7], изучались причины и масштабы данного явления, группы социального риска, реализуемые администрацией предприятий методы профилактики. Особый интерес представляют региональные исследования, где анализируется ведомственная деятельность (как по отдельности, так и в совокупности) органов милиции, прокуратуры и Военных трибуналов по поиску и осуждению трудовых дезертиров в годы Великой Отечественной войны [8; 9; 10].

Большинство авторов в своих работах так или иначе задействуют в качестве источника делопроизводственную и отчетную документацию органов военного правосудия. Однако интерес представляет не только широко включаемая в научный оборот судебная статистика и переписка военных трибуналов с партийными и государственными органами власти. Серьезным эвристическим потенциалом обладают собственно и

сами приговоры, копии которых присылались на предприятия. Правда, использованный для написания статьи источник содержит всего менее сотни копий приговоров, хотя, согласно отчету парткома завода № 172 Наркомата вооружений СССР, за 1942 г. в целом по заводу по Указу от 26 декабря 1941 г. было осуждено 1036 человек [11, л. 41]. Тем не менее, тщательный анализ данного специфического источника (на одного осужденного приходился всего один лист) за первый год реализации Указа позволяет не только познакомиться с причинами, из-за которых работники решались на дезертирство с производства, но и понять логику принятия военным трибуналом решений о степени тяжести выносимого им уголовного наказания, осуществить анализ тенденций в применении процессуальных норм и процедур взаимодействия органов правосудия с задержанными трудовыми дезертирами.

Судя по приговорам, в 1942 г. дела на трудовых дезертиров, сбежавших с завода №172, рассматривались не только Военным трибуналом войск НКВД по Молотовской области и Военным трибуналом гарнизона г. Молотов (ныне – Пермь), но и армейским трибуналом (Военным трибуналом 22 запасной стрелковой бригады, которая в ведомственном отношении входила в структуру РККА). Соответственно, обжаловать решение осужденный формально мог в вышестоящих инстанциях: либо в Военном трибунале войск УНКВД Уральского военного округа, либо в Военном трибунале Уральского военного округа.

На основании приговоров военных трибуналов можно составить подробное представление о том, что считалось трудовым дезертирством, по каким мотивам работники решались на это трудовое преступление. Так, за трудовое дезертирство привлекались к уголовной ответственности работники, самовольно устраивавшиеся на новое место работы в городе или сельской местности; работники, не выходившие на работу из-за отказа в удовлетворении их настойчивых просьб об увольнении; работники, прекращавшие трудовую деятельность из-за несогласия с решением администрации предприятия о переходе на более низкоквалифицированную и нижеоплачиваемую работу; работники, проживавшие в заводских общежитиях, но не выходившие на работу (примеры см.: [12, л. 3, 28, 84, 95]).

Наиболее ценных работников администрация предприятия закономерно уговаривала возвратиться. Так, 15 мая 1942 г. токарь завода № 172 М. Т. Новиков «самовольно без уважительных причин» прекратил работать на заводе. 11 июня 1942 г. помощник директора по найму и увольнению в последний раз предложил ему приступить к работе в прежней должности. Поскольку токарь отказался, то сразу же был арестован, а администрация предприятия дала ход материалам уголовного

дела. Военный трибунал посчитал, что «своими действиями М. Т. Новиков совершил преступление» [12, л. 25, 33].

В современной историографии вполне справедливо полагается, что дезертирство было характерно для работников, которые попадали на оборонные предприятия с других территорий. Но задействованные документы показывают, что в 1942 г. среди осужденных трудящихся с завода № 172 было немало жителей г. Молотов, которые добровольно (по найму) поступали на завод, но по разным причинам прекращали работать, и либо переходили на другое предприятие того же города в поисках более высокой зарплаты, лучших условий труда и снабжения, либо проживали дома и занимались домохозяйством. Причины прекращения работы на заводе № 172 даже для них признавались Военным трибуналом не уважительными, а потому эти работники также осуждались в предусмотренном Указом диапазоне наказания [12, л. 34, 38, 56, 101].

Факт не розыска трудового дезертира (и невозможность выслушать его объяснения) не являлся в 1942 г. основанием для переноса заседания военного трибунала. В формулировках приговоров часто использовались следующие клише: «“Самовольно оставила место работы на оборонном предприятии, не имея к этому никаких причин. С последнего местожительства выбыла неизвестно куда, о чем подтверждается документами дела”. “Дезертировала и выехала с постоянного места жительства неизвестно куда. Принятыми мерами местного розыска ее не обнаружили. На основании изложенного Военный трибунал считает преступление … доказанным”» [12, л. 14, 29, 57].

От чего зависела тяжесть уголовного наказания? Военные трибуналы обращали внимание на наличие в биографии обвиняемого других трудовых преступлений: не полностью отбытое наказание по Указу от 26 июня 1940 г. увеличивало срок наказания по Указу от 26 декабря 1941 г. Одновременно смягчающим обстоятельством становился возраст, с которого начиналась уголовная ответственность. Так, 16 летний работник, который 21 марта 1942 г. самовольно выехал к себе домой в деревню Пастухи Очерского района Молотовской области и работал в колхозе до своего ареста 4 мая 1942 г., получил наказание по самой нижней планке – 5 лет лишения свободы [12, л. 32].

В редких случаях Военные трибуналы самостоятельно переквалифицировали уголовные дела и осуждали «дезертиров» как «прогульщиков» по Указу от 26 июня 1940 г. Формально такое деяние можно рассматривать как полузаконное расширение сферы своей компетенции, т. к. дела по Указу от 26 июня 1940 г. должны были рассматриваться народными судьями (т. е. органами гражданской юстиции). Так, интересна формулировка приговора Военного трибунала гарнизона

г. Молотов от 14 сентября 1942 г. в отношении токаря цеха № 85 Л. А. Смирнова (1925 г. р.), который без разрешения администрации завода выехал к семье, а через неделю вернулся, но начальник цеха его не допустил до работы: «Учитывая, что Смирнов не ставил целью совершенно дезертировать с производства, а только допустил прогул, Военный трибунал считает, что преступные действия необходимо квалифицировать по Указу от 26.06.1940 г. Подвергнуть ИТР сроком на 6 месяцев с удержанием из зарплаты 25 %. Засчитать предварительное заключение Смирнову с 15 августа до 12 сентября 1942 г. из расчета один день заключения за три дня принудительных работ, т. е. считать отбытыми 84 дня» [12, л. 77, 81]. Такое «превышение» Военными трибуналами своих полномочий должно было стать препятствием для откровенных злоупотреблений со стороны администрации предприятия.

Важным исследовательским сюжетом для автора статьи стала процедура работы военных трибуналов. В 1942 г. начал проявляться очень важный недостаток в реализации Указа от 26 декабря 1941 г., который, по мнению специалистов, во многом будет обессмысливать карательную и профилактическую функции уголовного наказания за дезертирство с производства. Этой системной проблемой являлось заочное осуждение «преступника» вследствие неудовлетворительных результатов местного розыска, осуществлявшегося органами милиции по заданиям прокуратуры (более подробно о трудностях межведомственных противоречий при розыске трудовых дезертиров см.: [13]). Так, Военный трибунал 22 запасной стрелковой бригады на своем заседании от 5 сентября 1942 г. вынес 11 заочных приговоров в отношении не разысканных работников завода № 172 [12, л. 66–76].

Следует обратить внимание и достаточный срок между датами задержания дезертира и его осуждения. Так, кладовщик завода № 172 Баев 22 июля 1942 г. самовольно оставил работу, а 1 сентября 1942 г. явился в отдел кадров завода, где был задержан и заключен под стражу. Только 7 октября 1942 г. Военный трибунал гарнизона г. Молотов рассмотрел его дело, назначив наказание в виде 7 лет лишения свободы, причем срок наказания исчислялся с 1 сентября 1942 г. [12, л. 85]. В отношении не разысканных дезертиров срок отбытия наказания исчислялся с даты будущего заключения под стражу [12, л. 14, 29, 57].

Итак, копии приговоров военных трибуналов в отношении осужденных работников оборонных предприятий представляются важным дополнением к имеющейся базе источников для изучения трудового дезертирства как социально-экономического явления и как формы пассивного протеста против государственного регулирования трудовой мобильности.

Библиографический список

1. Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3990#nuD6dqS6hOeg8Cc42 (дата обращения: 05.12.2021).

2. *Земсков В. Н.* Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы Великой Отечественной войны // Международные отношения. 2014. № 1. С. 104–114.

3. *Кодинцев А. Я.* Кампания по борьбе с «дезертирством» с предприятий военной промышленности СССР в 1941–1948 годах // Отечественная история. 2008. № 6. С. 101–107.

4. *Папков С. А.* Карательное правосудие на трудовом фронте в СССР в 1941–1945 гг. // Вопросы истории. 2011. № 12. С. 72–80.

5. *Кладов В. Ю.* Дезертирство с оборонных предприятий пензенской области в 1942–1944 гг. // Альманах современной науки и образования. 2015. № 10 (100). С. 55–59.

6. *Пашкин А. Г.* К вопросу о численности осужденных за совершение уголовных преступлений в сфере соблюдения трудовой дисциплины на территории ульяновской области в 1943–1945 гг. // Сибирский научный вестник. 2011. № 3 (5). С. 115–118.

7. *Хасанова Ю. А.* Дезертирство в годы Великой Отечественной войны с Магнитогорского металлургического комбината // Студент и наука (гуманитарный цикл) – 2018: материалы Международной студенческой научно-практической конференции. 2018. С. 75–79.

8. *Бурчак В. Я.* Деятельность милиции Кемеровской области по борьбе с дезертирством с производства и фронта (1943–1945 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1 (69). С. 19–23.

9. *Печерский В. А.* Деятельность прокурорских органов Красноярского края в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарный вектор. Сер.: История. Политология. 2016. Т. 11, № 4. С. 25–34.

10. *Мамиев Х. Д. О.* Военные трибуналы СССР на трудовом фронте// Современная наука: теоретический и практический взгляд: материалы IV Международной научно-практической конференции. М.: Перо, 2016. С. 11–16.

11. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 889. Оп. 1. Д. 417.

12. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 889. Оп. 1. Д. 380.

13. *Белоногов Ю. Г.* Ведомственные интересы и розыск трудовых дезертиров в период Великой Отечественной войны (на материалах Молотовской области) // Гуманитарные проблемы военного дела. Военно-научный журнал. 2020. № 1. С. 46–52.

УДК 322.22
С. И. Бойко,
доцент, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ РАЗНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЕССИЙ В РОССИИ И БЕЛОРУССИИ

Патриотизм не формируется вне влияния государства и религиозных конфессий на воспитание граждан, в первую очередь у военнослужащих, профессией которых является защита Отечества и национального суверенитета.
Ключевые слова: патриотизм, идеология, религиозные конфессии, православие, государство

S. I. Boyko,
Associate Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow)

FORMATION OF PATRIOTIC VALUES OF MILITARY SERVICEMEN OF DIFFERENT RELIGIOUS DENOMINATIONS IN RUSSIA AND BELARUS

Patriotism is not formed outside the influence of the State and religious denominations on the education of citizens, primarily among military personnel whose profession is the protection of the Fatherland and national sovereignty.
Keywords: patriotism, ideology, religious confessions, orthodoxy, the State

В Российской Федерации, многонациональной и поликонфессиональной стране, веками существующей в различных формах государственности, вопрос патриотических ценностей исторически имел важнейшее значение. В настоящее время большинство национальной политической элиты стало постепенно осознавать, что глобальная конкуренция за ресурсы на планете Земля является объективной социально-экономической реальностью, не зависящая от политических режимов, национальных политических систем и политических партий. Следует учитывать, что смысл совместного проживания народов в одном государстве формулирует государственная политика, государственная идеология. Поскольку у российских политических оппозиционеров считается обоснованным ссылаться на примеры других стран, можно указать на конституцию США, в которой нет слова «идеология», однако в преамбуле конституции поставлена цель: «Мы, народ Соединенных Штатов, в целях образования более совершенного Союза, утверждения правосу-

© Бойко С. И., 2022

дия, обеспечения внутреннего спокойствия, организации совместной обороны, содействия общему благосостоянию и обеспечения нам и нашему потомству благ свободы, учреждаем и принимаем эту Конституцию для Соединенных Штатов Америки» [3]. В тексте основного закона США ключевыми являются слова, содержащие идею, смысл, постановку политической задачи (по факту, государственную идею): «В целях …содействия общему благосостоянию …». Это принципиальное отличие от текста конституции современной Российской Федерации, где в категоричной форме до сих пор сохраняется запрет на государственную идеологию. В данное время такое положение начинает представлять когнитивный диссонанс, противоречащий политической практике турбулентных экономических и политических процессов XXI века.

В Союзном государстве России и Белоруссии можно наблюдать, что белорусское законодательство отличается более дальновидным и взвешенным подходом, чем российское. Запрещена не государственная, а партийная идеология, которая может быть потенциально поставлена выше идеологии, объединяющей нацию. Таким образом, в Белоруссии создан конституционный базис для формирования смысла и целеполагания существованию суверенного белорусского национального государства.

В Белоруссии отсутствует запрет на идеологическое сопровождение обоснования смысла существования собственного национального государства, что особенно важно для военнослужащих всех силовых структур, профессией которых является служение государственным интересам, защита жизнедеятельности национального социума, а патриотизм является естественным состоянием и условием самоидентификации. В Белоруссии издаются учебники и научные монографии по идеологическим проблемам и идеологии государственности [6], обеспечивается идеологическое и патриотическое воспитание в высших учебных заведениях с участием органов государственного управления. В структурах министерства обороны и других силовых ведомств Белоруссии имеются органы, занимающиеся идеологической работой, в военных вузах – кафедры идеологической работы, где осуществляется подготовка офицеров с квалификацией «специалист по идеологической работе».

В России, несмотря на многолетние процессы секуляризации (основным содержанием которых является освобождение общественного и индивидуального сознания от влияния религии) в советское и постсоветское время, когда нет государственной идеологии, в Вооруженных силах РФ к решению вопросов воспитания и патриотизма стали привлекать священнослужителей традиционных для России конфессий. Осознание необходимости таких шагов особенно стало очевидным после широко известного выступления В. В. Путина на конференции по вопросам международной безопасности в Мюнхене в 2007 г., когда

президент России прямо заявил о претензиях на равноправное международное партнерство, впервые на высшем государственном уровне указал на несостоятельность однополярного миропорядка, после событий «08.08.08» в Южной Осетии, когда нападение на российских миротворцев закончилось «принуждением» Грузии к миру, и особенно в настоящее время, когда после весны 2014 г. (Крым и Донбасс), в российском государственном управлении был интенсифицирован поиск консолидирующих идей и смыслов.

Официально в России, как в демократическом государстве, статистический учет верующих государством не ведется, статистические данные приблизительны и фрагментарны. Тем не менее Институт социологии РАН несколько лет осуществлял замеры религиозности населения России с достаточной долей достоверности. От 71 % до 80 % населения России относят себя к православным, до 10 % к мусульманам. Однако в Совете муфтиев России утверждают, что более 20 миллионов человек – мусульмане [2]. Поэтому понятно, по какой причине министерство обороны РФ озаботилось в первую очередь открытием православных храмов и часовен на территориях войсковых частей и учреждений. Автору не известны факты открытия мечетей на территориях войсковых частей в России, хотя такая возможность не исключена, например, в регионах с преобладанием мусульманского населения. Вместе с тем, из контактов с военнослужащими известны факты, когда мусульмане-срочники вместе с другими военнослужащими посещают православные храмы, чаще всего мотивируя свое поведение тем, что «Бог един для всех».

Активность Русской православной церкви и Союза муфтиев России в отношениях с военнослужащими абсолютно объяснима, так как все традиционные религии России всегда воспитывали в прихожанах патриотизм и традиционные многовековые человеческие ценности, призывали к защите Отечества. Причем, что интересно, нападавшие на российскую территорию никогда не понимали, что граждане, народ защищают не государство и политический режим, а Отечество, Родину. На территории России существовали разные государства, но никто не смог поколебать особую российскую форму организации общества, российскую исторически сложившуюся государственность как форму российской многонациональной и поликонфессиональной цивилизации. Против оккупантов всегда боролись все социальные слои, представители всех сословий и всех религиозных конфессий российской цивилизации.

На Вооруженные силы граждане смотрят с надеждой, справедливо полагая, что человек в погонах всегда является оплотом государства, является примером добросовестного служения Отечеству, выполнения своего гражданского патриотического долга.

Проблемы альтернативной гражданской службы по религиозным причинам в данной статье не рассматриваются, просто потому, что и в России, и в Белоруссии соответствующие законодательные вопросы решены, и общее количество желающих служить альтернативно (не только из-за запретов веры) минимально. В России, например, в 2020 г. по данным Генерального штаба Вооруженных сил РФ из 260 тыс. новобранцев на альтернативную гражданскую службы были направлены всего 687 человек, хотя министерство обороны выделяло 3215 мест [1].

В январе 2010 г. после серии практических мероприятий по взаимодействию священнослужителей РПЦ с частями и подразделениями Вооруженных сил РФ (в СМИ широко освещались мероприятия в воздушно-десантных и инженерных войсках) министерство обороны РФ утвердило «Положение по организации работы с верующими военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации». В Положении регламентируются добровольность участия военнослужащих в религиозных обрядах и церемониях, отношения с командирами воинских частей и учреждений, определены профессиональные требования к священнослужителям. Определяются также основные задачи должностных лиц по работе с верующими военнослужащими, в том числе: организация и проведение религиозных обрядов, церемоний и удовлетворение религиозных потребностей личного состава Вооруженных сил РФ; организация и проведение духовно-просветительской работы; участие в мероприятиях, проводимых органами военного управления по патриотическому и духовно-нравственному воспитанию; участие в работе по укреплению правопорядка и воинской дисциплины, профилактике правонарушений и суицидальных происшествий [5]. Трудно найти различия с должностными обязанностями специалистов по идеологической работе с личным составом и священнослужителями, указать, отличие задач, поставленных перед священниками российским министерством обороны, от задач офицера, являющегося заместителем командира по политической, воспитательной, идеологической и т. п. работе. Разница лишь в методиках взаимодействия институтов государства с религиозными организациями в формировании патриотических ценностей. Российское государство частично перекладывает ответственность за патриотическое воспитание военнослужащих на плечи конфессий. Белорусское государство не отталкивает и не изолирует религиозные конфессии от контактов с военнослужащими, но также всецело берет на себя ответственность и обязательства за формирование патриотических ценностей и за воспитание человека в погонах посредством института офицеров по идеологической работе.

Профессиональная подготовка и способность создавать дееспособные структуры по взаимодействию с социумом и институтами госу-

дарства у руководителей, духовенства РПЦ складывалась веками, и сомневаться в их эффективности нет никаких оснований. На заседании Священного Синода Русской Православной Церкви 25–26 декабря 2013 г. был принят документ «Положение о военном духовенстве Русской Православной Церкви в Российской Федерации», фактически – это служебный устав для военных священников, в преамбуле которого утверждается: «Признавая войну злом, Церковь благословляет своим чадам участвовать в боевых действиях, если речь идет о защите ближних и своего Отечества. Церковь во все времена относилась с уважением к воинам, которые ценой собственной жизни и здоровья выполняли свой долг» [4].

При формировании патриотических ценностей у военнослужащих разных конфессий не так давно созданным Главным военно-политическим управлением министерства обороны России может быть использован организационный опыт Белоруссии, нашего партнера не только по СНГ, ЕАЭС и ОБКБ, но и равноправного члена Союзного государства Белоруссии и России. Следует учитывать и тот факт, что Русская православная церковь не считает большой проблемой то, что православных, по статистике, до 80 %, но в Бога из них верят всего две трети, а соблюдают посты и регулярно ходят в храмы лишь 4 % [2].

Библиографический список

1. Альтернативная служба вместо армейской теряет популярность [Электронный ресурс]. URL: https://www.pnp.ru/social/alternativnaya-sluzhba-vmesto-armeyskoy-teryaet-populyarnost.html (дата обращения: 08.01.2022).

2. «Индекс веры»: сколько на самом деле в России православных [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20170823/1500891796.html (дата обращения: 08.01.2022).

3. Конституция США [Электронный ресурс]. URL: https://docs.gsu.by/default.aspx.(дата обращения: 08.01.2022).

4. Положение о военном духовенстве Русской Православной Церкви в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.patriarchia.ru/db/print/3481010.html (дата обращения: 08.01.2022).

5. Положение по организации работы с верующими военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=10339831%40egNPA&_print=true (дата обращения: 08.01.2022).

6. Философия и идеология жизнедеятельности Беларуси: теоретические основы антикризисной модели и механизмы ее реализации / П. Г. Никитенко [и др.]; Нац. акад. наук Беларуси. Ин-т экономики. Минск: Беларус. навука, 2009. 621 с.

УДК 93
А. О. Бунин,
профессор, Ивановская государственная медицинская академия

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННО-КООПЕРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ КРЕДИТОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ В 1923–1924 ГОДАХ

В 1923–1924 гг. происходило строительство нэповской системы кредитования деревни. Ее главными звеньями стали Центральный сельскохозяйственный банк, общества сельскохозяйственного кредита и кооперативные союзы, первичные кооперативы с кредитными функциями. Анализируются проблемы деятельности компонентов системы сельхозкредита.
Ключевые слова: Центральный сельскохозяйственный банк, общества сельскохозяйственного кредита, кредитные кооперативы и их союзы

A. O. Bunin,
Professor, Ivanovo State Medical Academy

ABOUT THE ACTIVITY OF THE STATE-COOPERATIVE SYSTEM OF CREDITING RUSSIAN VILLAGE IN 1923–1924

In 1923–1924, the construction of the NEP village lending system took place. Its main links are the Central Agricultural Bank, agricultural credit societies and cooperative unions, primary cooperatives with credit functions. Thearticle analyses the problems of the activity of the components of the agricultural credit system.
Keywords: The Central Agricultural Bank, agricultural credit societies, credit cooperatives and their unions

В 1923 г. началось создание системы сельхозкредита в России и союзных республиках на основе декрета «О восстановлении сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности и об организации для крестьянства сельскохозяйственного кредита». В связи с этим в 1923 г. были открыты 22 общества сельхозкредита в РСФСР, одно общество в Белорусской ССР и 8 – на Украине. В дальнейшем были открыты республиканские сельхозбанки на тех же принципах, что и общества [3, с. 11–14]. К моменту открытия операций ЦСХБ летом 1924 г. отдел сельхозкредита Госбанка вел финансирование деревни через 24 общества сельхозкредита в РСФСР, 9 обществ Украинского сельхозбанка и Белорусское общество сельхозкредита. К концу 1924 г. уже насчитывалось 46 обществ сельхозкредита.

© Бунин А. О., 2022

Созданные в 1923 г. общества сельхозкредита в самом начале своей деятельности повторили отрицательный опыт дореволюционной России по кредитованию сельского населения помимо кооперативов, связываясь непосредственно с крестьянством и минуя товарищества и их союзы. В итоге 85 % заемщиков обществ составляли крестьяне-единоличники и лишь 15 % – первичные кооперативы и их объединения [5, л. 51]. В результате обществам приходилось зачастую создавать довольно широко разветвленную сеть отделений и агентств со значительными штатами. Попытки наладить связь с крестьянством путем распространения паев успеха не имели, они расходились почти исключительно принудительным порядком, методом отпуска в счет ссуд, что удорожало кредит и вызывало недовольство крестьянства. Участие крестьян в управлении делами обществ при праве держателя одного пая на 1/20 голоса в общем собрании пайщиков при наличии пайщиков, обладавших десятками тысяч голосов (НКЗ и Госбанк) являлось лишь фикцией, что также отрицательно настраивало крестьян [6, л. 51, 52].

К раздутости штатов и слабой компетентности работников обществ добавились и негативные факторы финансовой дестабилизации: денежная реформа в 1923–1924 гг. лишь набирала силу. В результате значительная доля выделенных на сельхозкредитование средств обесценивалась, еще не доходя до получателей, а большая часть их оказалась потерянной и для государства.

Количественный состав кооперативных организаций – потенциальных проводников сельхозкредита – к концу 1923 г. выглядел следующим образом: число союзов сельхозкооперации за год выросло на 12 %, достигнув 345. Из них, по сведениям о 309 союзах, сельскохозяйственных числилось 99, сельскохозяйственно-кредитных – 19, сельскохозяйственных и кустарно-промысловых – 110, смешанных – 42. Что касается первичных кооперативов, то к началу 1924 г. числилось 1050 кредитных товариществ и 2800 сельскохозяйственных с кредитными функциями [7, с. 4]. Таким образом, развитие первичной кредитной кооперации шло преимущественно по двум путям, наметившимся еще в 1922 г.: с одной стороны, организовывались чисто кредитные товарищества, с другой – многие сельскохозяйственные товарищества стали выполнять и кредитные функции.

При построении первичной сети общества сельхозкредита не имели четкого плана. К тому же специальным декретом от 20 мая 1924 г. была разрешена организация кредитных отделов при потребительских обществах. В итоге к лету 1924 г. сложилась пестрая картина низовых звеньев сети обществ: кредитные товарищества, сельскохозяйственные товарищества с кредитными функциями, кредитные отделы потребительских обществ и другие кооперативы составляли в общей

сложности 4000 единиц. Нередко в качестве низовых звеньев выступали колхозы, совхозы, кресткомы.

Количество крестьянских дворов на один кооператив колебалось от 1000–1200 (Крым, Архангельская губерния) до 9000–10000 (Среднее Черноземье, Нижегородская, Рязанская губернии). К средней для СССР норме (3000 дворов на кредитное звено) были близки Сибирское, Московское, Западное, Брянское общества [4, с. 34].

Вместе с тем общества крайне неохотно и на невыгодных условиях для кооперативов привлекали к кредитованию крестьянства сельскохозяйственные кредитные товарищества, связанные с кооперативными союзами. Общества вовлекали первичные товарищества в систему корреспондентских отношений, которая рассматривала кооперативы как безучастных посредников, производящих выдачу ссуд по поручению обществ и от их имени. К тому же общества требовали от товариществ вести кредитные операции со всем населением района, что нарушало кооперативные принципы. В этом случае крестьянские хозяйства, получая кредит в кооперативе и не состоя его членами, утрачивали стимулы для вхождения в кооператив. Назначение ссуд обществами строго регламентировалось, что лишало товарищества возможности маневрировать средствами и проявлять инициативу в процессе оперативной деятельности. В свою сеть общества отбирали наиболее устойчивые в финансовом отношении товарищества, отрывая их от союзов сельхозкооперации, объединявших торгово-посредническую, сбыто-закупочную и производственную деятельность низовых кооперативов.

В течение 1924 г. сеть кредитной кооперации значительно выросла. По данным на 1 января 1925 г. финорганами по СССР был взят на учет 261 союз, имеющий право вести кредитные операции (2 – потребительских, 4 – кредитно-промысловых, 235 – смешанных). Также на 1 января 1925 г. финорганами было зарегистрировано по СССР 11844 кооператива с кредитными функциями, из которых 20 % являлись кредитными товариществами, 63 % – сельскохозяйственными товариществами с кредитными функциями, 15 % – кредитными отделами потребительских обществ, 2 % – кустарно-промысловыми товариществами с кредитными функциями [2, с. 50–51,74, 78].

К началу 1925 г. процент кооперированности в товариществах с кредитными функциями достиг по РСФСР 10,5 %, УССР – 5,3 %, ЗСФСР – 8,3 %. Среднее число членов во всех товариществах с кредитными функциями составляло 253 (до революции – 597), причем в кредитных – 243, в сельскохозяйственных с кредитными функциями – 266, в кредитных отделах потребительских обществ – 438.

Во второй половине 1924 г. произошло и расширение низовой сети государственного сельхозкредита, возглавлявшейся ЦСХБ. Всего

в его систему на 1 января 1925 г. входили 7889 товариществ с 2059020 членами, причем 2117 из них приходилось на кредитные товарищества, 4511 – на сельскохозяйственные с кредитными функциями, 665 – на кредитные отделы потребительских обществ, 596 – на прочие кооперативы [8, с. 15, 21].

Центр финансирования деревни в 1924 г. сместился в сторону кредитных кооперативов – через них в деревню поступила большая часть средств, направленных в деревню. Однако это не избавило кредитные кооперативы от существенных недостатков в работе.

Так, выявилась полная зависимость советской кредитной кооперации от государства и ее неспособность существовать на собственные средства. В 1923–1924 гг. уровень вкладной операции оставался катастрофически низким, не превышая 2,5 % баланса и не поднимаясь выше 1 р. 20 коп., тогда как к 1917 г. вклады составляли 63 % баланса кредитной кооперации и достигали 51 р. 10 коп. в среднем [1, с. 17]. Не менее неутешительная обстановка сложилась в кредитной кооперации и с внесением паевых взносов. Несмотря на явную незначительность пая, крестьяне не спешили вносить деньги, припрятывая их или размещая в сберкассах. Не смогла кредитная кооперация в полной мере и удовлетворить потребности крестьян в кредите. Настоящим бедствием для кредитной кооперации стала и стремительно возраставшая в 1923–1924 гг. просрочка ссуд. Сельские жители рассматривали кредитные кооперативы как простые распределители государственных средств и стремились их не возвращать, переписывая ссуды на новые сроки и погашая их за счет очередных кредитов. Пагубно сказывалась на деятельности кредитной кооперации и ее бедняцкая направленность. В целом у населения терялось доверие к самой распространенной в деревне форме крестьянских объединений. Имея возможность постоянно наблюдать за работой товариществ, деревенские жители отмечали, что во многих из них правления не собирались по полгода, большинство вопросов решалось без документальной фиксации - в порядке договоренности, практически бездействовали ревизионные комиссии, персонал кооперативов оказывался крайне слабо подготовлен к ведению кредитной работы, финансирование нечленов кооперативов, в том числе различных организаций, приобрело повальный характер. Факторами недоверия являлись и растраты в кооперативах, рецидивы военного коммунизма, привычка местных властей вмешиваться в деятельность товариществ, слабое культурное влияние кооперативов в деревне.

Таким образом, сложившаяся в первые годы нэпа государственно-кооперативная система кредитования деревни представляла собой аморфный, не справлявшийся со своими задачами механизм, фактически чуждый основной массе крестьянства. Государственные звенья сис-

темы – сельхозбанки и общества сельхозкредита – оказались оторваны от деревни и ее кредитование строили на принципах администрирования и регламентации. Стремление руководства страны создать систему финансирования села прежде всего на государственных началах и финансовая слабость сельскохозяйственных кооперативных союзов предопределили отстранение последних от кредитования кооперативов. Первичные товарищества, используемые государственными звеньями лишь в качестве простых распределителей ссуд, также оказались неспособными служить действенным инструментом финансового обслуживания крестьянских хозяйств.

Библиографический список

1. Вестник с.-х. кооперации. 1925. № 18.
2. *Деревицкий В. А.* Кредитная кооперация в современных условиях. М., 1925.
3. Обзор деятельности обществ сельскохозяйственного кредита, организованных по закону 21 декабря 1922 г. М., 1924.
4. Отчет Центрального сельскохозяйственного банка СССР в Москве за 1923–1924 год. М., 1925.
5. Российский государственный архив экономики (РГАЭ) Ф. 7480. Оп. 1. Д. 1.
6. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 3. Д. 274.
7. Сельскосоюз в 1923 году. М., 1924.
8. Система сельскохозяйственного кредита в цифрах. М., 1925.

УДК 314.02 (470.315) «1871/1916»

Е. С. Бутрин,
Государственный архив Ивановской области

ГОРОДСКАЯ ПЕРЕПИСЬ В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ В 1916 ГОДУ

Иваново-Вознесенск на рубеже XIX–XX вв. являлся одним из наиболее быстро растущих городов России. Городское население пополнялось, в основном, за счет оседающих в городских пригородах рабочих. Поскольку полицейская статистика не могла дать точных сведений о составе и численности горожан, то уже в 1913 г. возникает проект проведения однодневной переписи населения Иваново-Вознесенска. Но ввиду разных обстоятельств он откладывался вплоть до 1916 г., когда перепись была вызвана необходимостью во введении карточной системы по распределению сахара. Но поскольку первичные материалы ее не сохранились, эта перепись оказалась полностью забыта в историографии.

Ключевые слова: Иваново-Вознесенск, городская Дума, перепись населения, демография, карточная система, Первая мировая война

© Бутрин Е. С., 2022

E. S. Butrin,
State Archive of Ivanovo Region

CITY CENSUS IN IVANOVO-VOZNESENSK IN 1916

Ivanovo-Voznesensk at the turn of the XIX–XX centuries was one of the fastest growing cities in Russia. The urban population was replenished mainly due to workers settling in the urban suburbs. Since police statistics could not give accurate information about the composition and number of citizens, already in 1913 a project was raised to conduct a one-day census of the population of Ivanovo-Voznesensk. But due to various circumstances, this project was postponed until 1916, when the census was caused by the need to introduce a rationing system for the distribution of sugar. But since its primary materials were not preserved, this census was completely forgotten in historiography.

Keywords: Ivanovo-Voznesensk, City Duma, population census, demography, ration card system, World War I

История проведения частных переписей в Российской империи к настоящему времени разработана явно недостаточно, хотя их количество по подсчетам Н. Д. Борщик, превышало сотню [1, с. 44]. Между тем материалы этих источников имеют первостепенную важность. Город Иваново-Вознесенск являлся признанным центром текстильного региона, включавшего целый ряд промышленных центров Владимирской и Костромской губернии. На рубеже XIX–XX вв. он рос невиданными темпами. При его образовании в июле 1871 г. в городе насчитывалось 10832 чел. оседлых жителей [2, с. 35–36]. Почти аналогичную по численности долю населения составляли рабочие, прибывавшие в город из окрестных уездов. Если 10 мая 1874 г. городской полицмейстер Д. П. Успенский определял численность ежегодно прибывающих в Иваново-Вознесенск «мастеровых и рабочих» в 12 тыс. чел., то уже 25 октября 1876 г. он говорил о 20 тыс. приезжающего в город «рабочего народа» [3, д. 96, л. 12; д. 817, л. 1 об.]. Значительная часть рабочих оседала в Иваново-Вознесенске, так что уже к 1883 г. численность его «юридического» населения составляла 15370 чел., увеличившись за десятилетие на 42 %. Рассуждая об этом, Я. П. Гарелин замечал, что данные полицейского учета не могут быть полными. Верное представление о численности населения могла дать только однодневная перепись, но для ее проведения у города было недостаточно средств [2, с. 63–64].

Между тем рост города продолжался, причем большая часть пришлого населения оседала в городских пригородах. 13 сентября 1896 г. владимирский вице-губернатор сообщил городскому голове, что участок работы иваново-вознесенской переписной комиссии должен был включать железнодорожный вокзал, деревни Завертяиху, Старую и

Новая Рылиху, местности Иконниково, Ямы, Ушаковку, а также фабрику П. И. Витовой в Петрищево [3, д. 3065, л. 1]. По итогам Всероссийской переписи населения 1897 г. численность населения Иваново-Вознесенска была определена 54208 чел., причем 38 % его проживала в пригородах (20481 чел.) [14, с. 7]. Перепись эта впервые включала не «юридическое население», а фактическое – на конкретный день ее проведения (28 января 1897 г.). Невооруженным взглядом видно, что темпы роста ивановского населения сравнительно с первым десятилетием существования города сильно увеличились – с 1883 г. население города (даже не учитывая пригороды) выросло более чем вдвое.

В дальнейшем мы будем оперировать данными полицейского учета: полицмейстер ежегодно был обязан доставлять губернатору сведения о численности населения. Эти сведения затем использовались для составления губернаторских отчетов. По данным полицейского управления, численность городского населения на 1896 г. составляла 40539 чел. Через два года численность населения увеличилась лишь на 350 чел. [5, д. 427, л. 2; д. 471, л. 3]. В дальнейшем городское население росло более значительными темпами. К 1900 г. его численность составила 64628 чел. [6, с. 100]. А в следующем году городское население насчитывало уже 70766 чел. [8, с. 59]. Данными подобных источников можно пользоваться с определенной осторожностью. Сведения о населении для городского полицмейстера собирали начальники полицейских участков г. Иваново-Вознесенска и местечка Ямы [5, д. 1327, л. 6, 11, 15, 18]. В связи с нечеткими территориальными границами участков, а также наличием в городе фабричных надзирателей, население одного участка могло учитываться несколько раз (а могло и не учитываться вовсе). Именно с этим могут быть связаны резкие скачки численных данных о составе населения Иваново-Вознесенска. По данным губернаторских отчетов, в 1903 г. его численность составляла уже 82747 чел., в 1905 г. – 98131 чел., в 1909 г. – 107706 чел., а к 1911 г. возросла сразу до 167728 чел. Эти сведения в целом совпадают с цифрами, представлявшимися губернатору полицейским управлением – в 1905 г. полицмейстер доносил, что в городе проживает 98352 чел. [5, д. 903, л. 30 об.]. В 1914 г. численность населения Иваново-Вознесенска резко снижается в связи с мобилизацией и оттоком рабочих в деревню. При этом процент женского населения впервые превышает процент мужского. Если в 1901 г. процент мужского населения в городе составлял 57,6 %, то к 1905 г. снизился до 53,6 %, к 1911 г. – до 51 %, а после начала войны большинство в городе составило уже женское население – 53,3 % [9, с. 109; 10, с. 117; 11, с. 183–184; 12, с. 99–100; 13, с. 77–78].

Большинство историков скептически оценивает достоверность статистических данных губернаторских отчетов, хотя в последние годы

началась их постепенная реабилитация [15, с. 24]. Между тем, как отмечал еще Я. П. Гарелин, полицейские данные можно проверить исключительно с помощью однодневной переписи городского населения. Этот вопрос встал особенно ясно в связи с выработкой в 1911 г. новым составом городской Думы «целой программы деятельности, выполнение которой должно было сгладить слишком явное несоответствие между нуждами стотысячного городского населения и тем, что было до сих пор сделано в области развития городского хозяйства». В рамках этой программы предполагались организация водопровода, электростанции, общественного банка, страхового общества, ассенизационного обоза. В течение ближайших лет было решено «осуществить в городе путем открытия новых школ всеобщее начальное обучение» [7, с. 1–4].

Об этом на заседании городской управы 24 января 1913 г. докладывал заведующий санитарным бюро доктор А. А. Цветаев. По его словам, «исчисление населения» Иваново-Вознесенска было необходимо для «практических нужд городского самоуправления». Стоимость этих мероприятий (от 15 до 20 тыс. руб.) была непосильной для городского бюджета. Необходимо было максимально удешевить перепись, в связи с чем докладчик акцентировал внимание на февральской переписи населения Москвы 1907 г., проведение и разработка итогов которой обошлась в скромную сумму 7600 руб. – всего по 0,56 коп. на жителя. В связи с этим программа переписи предполагалась максимально краткой. Иваново-Вознесенск мог избежать длительной переписной операции (в Москве она затянулась на 12 дней). Вместо 2000 московских счетчиков планировалось использовать всего 200 чел. Расходы на это мероприятие должны были составить от 1,5 до 2 тыс. руб. По итогам обсуждения доклада было решено выбрать подкомиссию, поручив ей выработку программы переписи [4, д. 649, л. 2–3].

В скором времени А. А. Цветаевым было разработано «Наставление для исчисления населения г. Иваново-Вознесенска». Перепись должна была определить число владений, домов и квартир в них, а также численность и половой состав населения. Оно делилось на три возрастных группы – до 8 лет, от 8 до 15 лет и старше 15 лет. Принципы переписи в целом были сходны с правилами Всероссийской переписи 1897 г. Прежде всего, составлялся список счетных участков с обозначением владений, входящих в состав каждого. Сведения для составления списка владений собрались в городской полиции. Имея на руках такой список, счетчики за неделю до дня переписи отправлялись на место для его проверки. По ее итогам они дополняли все недостатки в предварительных списках – каждый домовладелец на участке должен был получить вложенные в конверт переписные ведомости. Вознаграждение счетчикам выдавалось в размере 5 коп. за каждую описанную квартиру.

В день переписи они в 9 часов утра являлись в городскую управу, после чего немедленно приступали к обходу участка и поверке составленных ведомостей. Для наблюдения за их работой командировались 20 контролеров – по одному на каждый десяток участков. Счетчики описывали население только в частных квартирах. В больницах, учебных заведениях, приютах и богадельнях это право предоставлялось заведующим, а в рабочих казармах – фабрикантам. Отдельно выделялись лица, живущие вне города [4, д. 649, л. 6–8 об.]. Перепись должна была пройти во всех ивановских пригородах. Для составления предварительных списков предполагался подворный обход владений полицейскими по восьми участкам. В пригородах эти списки составлялись волостными правлениями – Авдотьинским и Ивановским [4, д. 649, л. 11–12].

Но разработка вопроса о переписи затянулась. 12 декабря 1913 г. городской голова получил заявление еще одного энтузиаста переписи – гласного Думы С. П. Худякова. Сергей Платонович полагал, что городская перепись может дать «необъятный источник сведений, из которого будут черпать материалы десятки поколений для культурной и общественной работы». Необходима она была и для решения важнейших текущих задач – устройства водопровода, городского трамвая, всеобщего страхования и обучения. Худяков полагал, что расходы «на этот предмет не будут велики», рассчитывая на бесплатную помощь учителей и чиновников. Его заявление обсуждалось на заседании Думы 14 января 1914 г. По расчетам управы, городская перепись должна была потребовать расходов в сумме от 5 до 6 тыс. руб. Но главное – уже в 1915 г. планировалось провести новую Всероссийскую перепись населения (подготовка к ней на местах началась еще в марте 1914 г.). С учетом этого, городская дума нашла проведение особой переписи в Иваново-Вознесенске на текущий момент «нерациональным» [4, д. 649, л. 43–45 об.].

Но Всероссийская перепись 1915 г. была отложена в связи с Первой мировой войной, грянувшей уже в июле 1914 г. В связи с этим ивановцам пришлось вернуться к вопросу о переписи. В мае 1916 г. городской голова А. К. Семенов обратился к владимирскому губернатору В. Н. Крейтону. Статистического отдела в Иваново-Вознесенске так и не появилось, но при этом органам управления все чаще требовались статистические сведения по городу. В связи с этим Семенов «находил необходимым сделать перепись жителей г. Иваново-Вознесенска». На сей раз цель переписи была вполне практической – планировалось получить данные для распределения среди населения топлива и «предметов первой необходимости». Поскольку денег на проведение переписи в управе не было, городской голова предполагал задействовать в переписи учительский персонал и даже учеников старших классов. Ивановы предполагали использовать опыт Москвы и Костромы – в первой перепись

прошла 20 ноября 1915 г., а во второй – 25 ноября 1915 г. В начале апреля специально командированный в Москву сотрудник, направляя московские бланки в Иваново-Вознесенск, писал Семенову: «Когда Вы разберетесь в них, то увидите, что для Иванова их можно принять целиком, сделав только изменения в названии города». В Москве счетчик в день переписывал до 50 квартир. Население Иваново-Вознесенска насчитывало не менее 150 тыс. чел. «Значит, считая в среднем по 10 душ на квартиру, все число квартир около 15 тыс. При 150 счетчиках это составит 10 квартир на каждого, что даст возможность сделать перепись быстро – ну, скажем, в трехдневный срок» [4, д. 649, л. 53–54 об.].

В опросном листе, направленном в Особое совещание по продовольственному делу, ивановцы сообщали, что принимая во внимание «естественный прирост населения и приток рабочих на фабрики», население города и пригородов на 1 октября 1915 г. должно составлять 180–200 тыс. чел. [3, д. 7095, л. 2]. Не исключено, что в целях получения дополнительных преференций, численность жителей была немного преувеличена. К середине 1916 г. в Иваново-Вознесенске сложилась тяжелая ситуация с подвозом сахара. В связи с этим было решено прибегнуть к введению карточной системы, для чего требовалось хотя бы «краткое исчисление» населения Иваново-Вознесенска. Секретарь городской управы М. П. Кондратьев был специально командирован в Москву и Кострому для знакомства с введенной в этих городах карточной системой. На заседании городского Особого совещания по обеспечению населения предметами продовольствия, состоявшемся 20 июня 1916 г., «для разработки технической стороны» проведения переписи была создана комиссия во главе с полицмейстером П. И. Авчинниковым. Затем было сформировано Переписное бюро в составе помощника полицмейстера А. А. Безсонова, члена городской управы Н. И. Прокофьева и представителя общества потребителей «Почин» С. А. Софронова.

Бюро разработало карточки и опросные листы на каждую семью. С их помощью требовалось выяснить число «не только членов семьи, но и работников, пользующихся столом от нее». Переписные работы затрагивали не только городскую территорию, но и шестнадцать ивановских пригородов (от Рылихи до Иконникова). На заседании Переписного бюро 31 июня 1916 г. были выработаны инструкции участковым уполномоченным и переписчикам. Город был разбит на районы, соответственно разделению на участки Лигой по борьбе с туберкулезом (1912 г.). Воззвание к населению «с разъяснением главных основ вводимой карточной системы» было опубликовано в местной газете. Все желающие принять на себя бремя переписчика приглашались к трем часом дня 2 июля в городскую управу «для ознакомления с предстоящей работой, назначения уполномоченных и выдачи бланков» [3, д. 5530, л. 1–4 об.].

Перепись была окончена к 6 июля 1916 г. Со следующего дня весь сахар продавался только по карточкам. В случае запросов от лиц, не оказавшихся включенными в перепись, было решено изложенные в них сведения «проверять через полицию». Всего в ходе переписи было задействовано 13 заведующих и 129 счетчиков [3, д. 5532, л. 9]. Карточки составлялись на каждую семью и включали сведения о трех категориях лиц: взрослые и дети старше 5 лет, дети до 5 лет, «прислуга и нахлебники, пользующиеся столом от семьи».

К сожалению, первичных материалов переписи не сохранилось. С 4 июля по 20 августа 1916 г. карточки получили 29652 семьи, проживающие в городе пригородах Иваново-Вознесенска, а также 989 семей, проживавших в близлежащих деревнях. Еще 282 чел. из города и 240 чел. из деревень получили карточки по дополнительным заявлениям. Всего карточки были выданы на 114904 чел. взрослых, 13128 чел. малолетних детей, 5824 чел. прислуги и 2544 чел. нахлебников (общее число – 136400 чел.) [3, д. 5557, л. 108–111]. Это – нижняя граница численности населения Иваново-Вознесенска уже в ходе военного кризиса. При этом на городскую семью в среднем приходилось 3,65 чел. взрослых, 0,42 малолетних детей, 0,26 прислуги и нахлебников (всего – 4,3 чел.). В деревне соотношение было несколько другим – 6,2 взрослых, 0,54 малолетних детей и 0,44 прислуги и нахлебников (всего 7,4 чел.). Перепись Иваново-Вознесенска июля 1916 г. несмотря на свою краткость и сугубо прикладной характер, могла стать важным источником сведений «для культурной и общественной работы», но ввиду утери первичного материала в историографии оказалась фактически забыта.

Библиографический список

1. *Борщик Н. Д.* История подготовки II Всероссийской переписи населения Российской империи 1915 г. в Таврической губернии // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2018. № 2.

2. *Гарелин Я. П.* Город Иваново-Вознесенск или бывшее село Иваново и Вознесенский посад. Ч. 2. Шуя, 1885.

3. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 2. Оп. 1.

4. Там же. Оп. 2.

5. Там же. Ф. 4. Оп. 1.

6. Историко-статистические сведения о городах и некоторых местностях Владимирской губернии: г. Иваново-Вознесенск // Владимирский календарь и памятная книжка на 1903 г. Владимир, 1902.

7. Краткий обзор деятельности Иваново-Вознесенского городского общественного управления за 1911–1914 гг. Иваново-Вознесенск, 1915.

8. Обзор Владимирской губернии за 1901 год. Владимир, 1903.

9. Обзор Владимирской губернии за 1903 год. Владимир, 1904.

10. Обзор Владимирской губернии за 1905 год. Владимир, 1906.
11. Обзор Владимирской губернии за 1909 год. Владимир, 1910.
12. Обзор Владимирской губернии за 1911 год. Владимир, 1912.
13. Обзор Владимирской губернии за 1914 год. Владимир, 1915.
14. Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов. СПб., 1905.
15. *Ярцев А. А*. Губернаторские отчеты как по источник по истории самоуправления в Российской империи // Калининградские архивы. 2015. № 12.

УДК316.74

И. Ф. Верещагин,
доцент, Северный (Арктический) федеральный университет
имени М. В. Ломоносова (Архангельск)

ДИНАМИКА МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Межконфессиональные отношения являются одним из важных факторов стабильности в стране и в ее регионах. В статье представлена и проанализирована динамика этих отношений в Архангельской области за последние несколько лет.

Ключевые слова: межконфессиональные отношения, конфессиональная принадлежность, Архангельская область

I. F. Vereshchagin,
Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University
named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk)

THE DYNAMICS OF INTERFAITH RELATIONS IN THE ARKHANGELSK REGION IN MODERN CONDITIONS

The interfaith relations are one of the important factors of stability in the country and in regions. The article presents and analyzes the dynamics of these relations in the Arkhangelsk region over the past few years.

Keywords: Interfaith relations, confessional affiliation, Arkhangelsk region

Несмотря на определенную внутрирегиональную стабильность Архангельской области, нам представляется необходимым проследить динамику межконфессиональных отношений в регионе, так как, по нашему мнению, они являются одним из важных факторов, определяющих социально-политическое положение. Пока что серьезную общественную

© Верещагин И. Ф., 2022

напряженность среди населения области в последние годы вызвали только экологические вопросы (проблема Шиеса), но ни социально-экономические, ни политические, ни межэтнические вопросы к подобным ситуациям не приводили. Рассмотрим, есть ли конфликтогенный характер у межконфессиональных отношений в регионе. Для этого воспользуемся опубликованными результатами мониторинга «Оценка населением межнациональных и межконфессиональных отношений в Архангельской области» [2] за последние четыре года, который проводит ГАУ АО «Центр изучения общественного мнения» (далее – ЦИОМ).

В первую очередь для понимания межконфессиональных отношений следует разобраться в конфессиональной принадлежности жителей Архангельской области. ЦИОМ из года в год демонстрирует, что подавляющее большинство жителей региона называют себя православными. К сожалению, нет возможности привести для сравнения сопоставимые актуальные данные других исследований в региональном разрезе. Однако если взглянуть на результаты опроса, который проводил Фонд «Общественное мнение» по заказу Исследовательской службы «Среда» в 2012 г. в разрезе почти всех регионов [1], то окажется, что исповедовали православную веру и принадлежали РПЦ только 29 % жителей области, что почти на пятьдесят процентов меньше, чем показатели ЦИОМ десятилетней давности. Впрочем, это объясняется разницей того набора ответов, который каждый раз предлагается респонденту. Чем больше предложенных вариантов религиозной жизни, тем меньше респондентов «записываются» в последователи РПЦ. И наоборот. Но даже при стандартном (по списку общеизвестных конфессий) наборе ответов видна определенная динамика.

Поскольку большая часть ответов выбрана статистически незначимым меньшинством, примем во внимание только три самых популярных ответа. Доля православных по области сокращается (с 77,8 % в 2018 г. до 71,3 % в 2021 г.). При этом доля православных выше в малых городах области (78,2 % в 2021 г.), вероятно, в силу стабильности населения там не увеличивается доля других конфессий. А в Северодвинске, завязанном на военно-промышленный комплекс, доля православных сокращается (с 78,4 % в 2018 г. до 64 % в 2021 г.), зато растет доля респондентов, затрудняющихся в ответе и выбирающих вариант «Другое вероисповедание». Количество неверующих также растет как в Северодвинске, так и по всей области (в регионе – с 12,7 % в 2018 г. до 16,4 % в 2021 г.). Третьим по популярности ответом является «Считаю себя верующим, но ни к какому вероисповеданию не отношусь», который помогает респонденту не разбираться в тонкостях конфессиональных различий, а просто оставаться «верующим». Доля таких граждан достигала максимума в 2019 г. (7 % по области, а в сельских районах до

9,9 %), к 2021 г. резко сократилась. Видимо, жители региона всё же определились с конфессией, и ей оказалось не православие Московского патриархата. Данная динамика показывает нам, что даже если мы согласимся с таким высоким уровнем православности населения, регион вряд ли можно назвать моноконфессиональным. Пока что можно видеть тенденцию к увеличению разнообразия конфессиональной жизни.

При этом всё же «православность» населения вызывает вопросы. С одной стороны, мониторинг показывает традиционную более высокую популярность православия среди женщин нежели мужчин и среди старших возрастных групп нежили молодежи. С другой стороны, мониторинг из года в год выявляет чрезвычайно высокую долю лиц, принимавших участие в обряде инициации, т. е. посвящения в религию (76,4 % в 2018 г. и 70,6 % в 2021 г.). Нам представляется маловероятным, чтобы такой большой процент верующих проходил, например, обряд крещения. У нас нет показателей, подтверждающих такое массовое крещение в городах и районах области. Такой большой процент мы можем объяснить лишь превратным пониманием респондентами слов о «посвящении в религию»; возможно для среднего респондента это всего лишь знание об основах религии, но не воцерковление. Это бы объяснило, почему при такой доле прошедших инициацию богослужение стараются посещать регулярно не более 3 % респондентов, по праздникам ходит только треть, а доля не посещающих с каждым годом растет (46 % на 2021 г.). Вероятно, схожие данные были бы получены, если бы мониторинг включал в себя вопросы, связанные с молитвой, постом и т. п. Религиозность населения скорее всего носит внеконфессиональный характер. Причисление себя в ходе опроса, например, к православию ещё не делает человека (пускай даже верующего) посвященным в соответствующую конфессию. Он не только может не соблюдать обряды, но и не разделять догматику по причине незнания или непонимания их смысла.

В силу этого можно предположить, что конфессиональная принадлежность и окружающих для данного среднего жителя области не будет иметь важного значения, т. е. не будет определять межличностные отношения. И, действительно, доля тех, кто не обращает внимание на вероисповедание при оценке другого человека, за четыре года выросла по области с 79,9 % до 86,1 %. Этот рост характерен как для городских жителей, так и для сельских. Конечно, с возрастом доля таких респондентов ниже. Также заметна связь с уровнем образования и уровнем дохода. Чем ниже эти уровни, тем выше доля тех респондентов, для которых вероисповедание важно.

В результате такого индифферентного отношения большинства жителей области к религиозной жизни окружающих людей межконфессиональная ситуация в регионе будет спокойной и бесконфликтной.

Судя по результатам мониторинга, сами граждане так и оценивают ее. Доля тех, кто оценивает межконфессиональные отношения как доброжелательные/спокойные, практически неизменно росла с 2014 г. (с 81,2 % до 93,1 % в 2021 г.). А доля называющих отношения напряженными/конфликтными сократилась с 8,4 % до 1,8 %. Основываясь на анализе фактов конфессиональной жизни в Архангельской области за последние восемь лет, мы можем согласиться с этой оценкой. Открытых конфликтов и скрытого напряжения в регионе нет, несмотря на то, что к этому был ряд поводов (давление на иеговистов и их запрет, строительство мечети и синагоги в центре Архангельска, повал поклонного креста, скандалы с храмами разных конфессий и реституцией церковного имущества и т. п.). В целом и собственное отношение к представителям других конфессий у респондентов каждый год дружелюбное и спокойное. Негативное отношение и раздражение представители других конфессий вызывают примерно у 4–5 % респондентов. Возможно, эта доля в реальности больше (в силу того, что респонденты чаще выбирают социально одобряемые ответы), но, вероятно, незначительно. В разрезе конкретных конфессий отрицательное отношение выделяется только к иеговистам, что скорей всего объясняется активной пропагандистской кампанией в СМИ, в т. ч. местных.

Абсолютное большинство жителей области (98 % в 2021 г.) не сталкивались с дискриминацией по религиозному признаку. Снижение доли данных респондентов на один процент за последние четыре года представляется не существенным. Очевидно, что равнодушное отношение к религиозной принадлежности окружающих не должно порождать дискриминацию в их сторону. Следовательно, и ожидать межконфессиональных конфликтов в регионе не приходится. 92,7–94,4 % респондентов предполагают, что они невозможны. Мы также можем согласиться с этим мнением, так как не стоит ожидать в ближайшее время каких-либо кардинальных изменений конфессиональной ситуации в регионе. Предпосылок к межконфессиональной напряженности просто нет. Одной из таких предпосылок могла бы стать миграция в Архангельскую область из тех регионов страны и зарубежья, где преобладает высокая религиозность неправославного толка. Но миграция в область и раньше была невелика, а учитывая новую «пандемийную» реальность, представляется, что в ближайшей перспективе не стоит ожидать прилива мигрантов в регион.

Завершая анализ динамики межконфессиональных отношений, стоит обратить внимание на особую ситуацию в так называемых «малых городах» Архангельской области (к ним обычно относят Новодвинск, Котлас, Коряжму и другие), которую можно даже назвать небольшой аномалией. В этих городах конфессиональное разнообразие

даже меньше, чем в сельских районах, отсюда наиболее высокая доля православных и прошедших обряд инициации. Значимость вероисповедания при оценке другого человека выше, чем в крупных городах области (Архангельске и Северодвинске). Межконфессиональные отношения в месте проживания жители малых городов называют напряженными/конфликтными чаще, чем жители других населенных пунктов (3 % в 2021 г.). И собственное отношение к представителям других конфессий чаще негативное/раздраженное, чем в других местах проживания (5,5 % в 2021 г.). Кроме того, следует отметить более высокую долю сталкивавшихся с дискриминацией (4,8 % в 2021 г.), отсюда и соответствующая доля граждан, считающих межконфессиональные конфликты возможными. Вероятно, всё это говорит об определенной степени консервативности жителей малых городов, даже большей, чем у жителей сельских районов. Сельское население стареет и сокращается. Оно, сохраняя традиционализм, при этом не чувствует опасности от потенциальных изменений социальной среды, потому что нет притока нового населения. Население крупных городов (Архангельска и Северодвинска) всё время обновляется под влиянием прибытия новых мигрантов и выезда своих уроженцев, но потенциальная тревожность в связи с этим, вероятно, перекрывается открытостью к многообразию социокультурной жизни. А малые города, часто существующие как моногорода и поддерживающие себя за счет притока взрослого трудоспособного населения из сельской местности, отличаются большим консерватизмом, и конечно их жители могут опасаться любых изменений привычного порядка, в том числе конфессионального характера.

Подводя итог, можно заключить, что конфессиональная картина и межконфессиональные отношения в Архангельской области в начале XXI века продолжают сохранять стабильность и бесконфликтный характер, как это было и в предыдущие исторические периоды.

Библиографический список

1. Атлас религий и национальностей России. URL: https://sreda.org/arena (дата обращения: 06.01.2022).

2. Конфессиональный мир Архангельской области. URL: https://dvinaland.ru/gov/national_policy/confessions/ (дата обращения: 06.01.2022).

УДК 069(091)(470.314)"1918/1922"
Ю. А. Виноградова,
Ивановский государственный университет
В. С. Околотин,
профессор, Ивановский государственный университет

РОЛЬ ОТДЕЛА НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОЗДАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ МУЗЕЙНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ (1918–1922 гг.)

Данная статья посвящена деятельности отдела народного образования Владимирской губернии по выполнению декретов Совета Народных Комиссаров и постановлений Наркомата просвещения РСФСР, а также созданию на ее территории системы государственных музейных учреждений в 1918–1922 гг. В указанный период Владимирская губерния, как административно-территориальная единица, находилась в стороне от военных действий, что способствовало максимальному сохранению в ней национальных культурно-исторических ценностей.

Ключевые слова: Совет Народных Комиссаров РСФСР, декреты, Народный комиссариат просвещения РСФСР, постановления, Владимирская губерния, отдел народного образования, сохранение историко-культурных ценностей

Yu. A. Vinogradova,
Ivanovo State University
V. S. Okolotin,
Professor, Ivanovo State University

THE ROLE OF THE DEPARTMENT OF PUBLIC EDUCATION IN THE CREATION OF THE STATE SYSTEM OF MUSEUM INSTITUTIONS IN THE VLADIMIR PROVINCE (1918–1922)

This article is devoted to the activities of the Department of Public Education of the Vladimir province to implement the decrees of the Council of People's Commissars and the resolutions of the People's Commissariat of Education of the RSFSR, as well as the creation of a system of state museum institutions on its territory in 1918–1922. During this period, the Vladimir province, as an administrative-territorial unit, was away from military operations, which contributed to the maximum preservation of national cultural and historical values in it.

Keywords: Council of People's Commissars of the RSFSR, decrees People's Commissariat of Education of the RSFSR, resolutions, Vladimir province, Department of Public Education, preservation of historical and cultural values

© Виноградова Ю. А., Околотин В. С., 2022

Октябрьская революция 1917 г. кардинально изменила социальные, экономические и правовые устои России. В результате культурное наследие Российской империи, принадлежавшее ранее различным слоям общества, стало достоянием советского государства. Не стали исключением музеи, которые в большинстве своем находились в ведении какой-либо общественной организации: Императорского географического общества, русского исторического общества, археологического общества, а в губерниях – в ведении ученых архивных комиссий, статистических, церковных комитетов и т. п. Кроме того, были музеи, находившиеся в частных владениях. Законодательной базы об охране памятников истории и культуры, за редким исключением не было. Не было и центрального учреждения, которое занималось бы сохранением культурного наследия. В ходе государственных преобразований музеи, как объекты культурного наследия, были отнесены к компетенции Народного комиссариата просвещения РСФСР (далее НКП РСФСР), который возглавил А. В. Луначарский. На периферии эта работа была возложена на отделы народного образования, созданные при губернских советах рабочих и солдатских депутатов. Их деятельность регламентировалась декретами СНК РСФСР принятыми в течение 1918 г. Среди них: «Об объединении деятельности художественных и культурно-исторических музеев при НКП», «О запрещении вызова и продажи за границу предметов особо художественного и исторического значения» [8, с. 47], а также «О регистрации, приеме на учет и сохранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» [11, с. 22]. Последующие ведомственные нормативные акты в основном уточняли, дополняли или конкретизировали положения указанных декретов.

В частности, своим постановлением от 7 декабря 1918 г. НКП РСФСР «Об организации губернских коллегий по делам музеев и охране памятников искусства и старины» возложил данные полномочия на подотделы по делам музеев и охране памятников искусства и старины (губмузеи) при отделах народного образования губернских советов. Одновременно была определена структура подотделов, которые оставаясь автономными в пределах данной губернии, подчинялись центральному музейному отделу при НКП РСФСР. Средства, необходимые на содержание личного состава и деятельности губернских подотделов, изыскивались на местах. К их сфере были отнесены: заведывание музеями, реорганизация существующих и организация новых музеев, принятие всех мер к охране памятников искусства и старины, их учет; создание губернских музейных фондов для «целесообразного распределения во всероссийском масштабе по плану, установленному отделом при НКП в Петрограде и Москве ...» [9, с. 4].

Вместе с тем исторические исследования свидетельствуют о том, что принятие вышеназванных декретов значительно отставало от практики сохранения объектов культурного наследия на местах. Так, по предписанию Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины, организованной при НКП РСФСР 13 мая 1918 г. при отделе народного образования Владимирского исполкома губсовета была создана комиссия по охране памятников старины [9, с. 4].

В августе 1918 г. эта комиссия была преобразована в губернскую коллегию по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Для проведения ее первого заседания во Владимир был командирован И. Э. Грабарь [2, л. 1]. Его результаты не замедлили сказаться. Так, уездная коллегия по охране памятников искусства и старины в Александрове 10 октября 1918 г. уже просила граждан вследствие «ненадлежащей охраны <…> или быть осквернёнными людьми, мало ценящими и знающими искусство и древности… принять все меры, чтобы спасти их» [4, л. 1–3 об.]. Аналогичные коллегии, созданные и в других уездах губернии, также использовали такого рода обращения к населению для сохранения культурных ценностей. И только после принятия НКП РСФСР постановления о создании подотделов Владимирский губернский съезд, организованный местным отделом народного образования 12 декабря 1918 г., санкционировал формирование уездных подотделов по делам музеев и охране памятников [3, л. 47].

Руководителем комиссии по охране памятников был назначен Алексей Иванович Иванов – профессор Петроградского археологического института, уроженец, Ковровского уезда. С февраля 1919 г. А. И. Иванов стал первым руководителем подотдела. Штат его служащих был незначительным и составлял 11 человек. В уездах подотделы наделялись аналогичным перечнем прав и обязанностей со штатом в 3–4 человека. Как правило, в них входили: представитель отдела народного образования при местном Совете депутатов как политический руководитель подотдела и специалисты: музейный деятель, художник-архитектор, историк, археолог. Представитель от губоно должен был наделен функциями контроля со стороны местной власти [2, л. 1]. Привлечение указанных специалистов аргументировалось тем, что музейный подотдел должен был стать учреждением, в ведении которого находился широкий круг вопросов охраны (в том числе чрезвычайной) памятников зодчества, археологии и истории [4, л. 1–3 об.].

8–10 июля 1919 г. подотдел уже созвал съезд музейных работников, на котором был намечен план дальнейшей работы в губернии [9, с 4]. К июню 1919 г. подотделы действовали в Мстере, Переславле, Муроме, Юрьеве, Суздале, Вязниках, а для их создания в Александрове, Гороховце, Коврове и Покровске были направлены специальные агенты.

Состоявшийся в начале июля 1919 г. губернский съезд по делам музеев и охране памятников принял решения, направленные на координацию действий местных организаций и утверждение единой научной методики [9, с. 68]. В первую очередь было решено обратить внимание на принятие мер охраны художественного достояния, оставшегося в богатых усадьбах и домах. Привлечь для этого научные силы Владимирской губернии, чтобы сохранить все движимые и недвижимые памятники искусства и старины [10, с. 145]. Одновременно было решено все бесхозные памятники искусства и старины, выявленные в ходе таких обследований, разместить в 12 музеях губернии (до революции их было всего 2) [10, с. 145]. В своих мемуарах А. И. Иванов отмечал, что в «...условиях гражданской войны и при полном почти отсутствии транспортных и денежных средств работа в данном направлении требовала исключительной напряженности» [9, с. 69].

В ходе данной работы губернский музейный подотдел обращался во все уездные земельные комитеты и волисполкомы с просьбой выдать сведения о находящихся в их распоряжении помещичьих усадьбах, оказать содействие при их обследовании научным работникам. Для ее эффективности в коллегию при губернском музейном подотделе были введены представители от губземуправления и губсовнархоза для выработки общих мероприятий по сохранению музейных ценностей, находившихся в бывших помещичьих усадьбах [9, с. 69]. К концу 1919 г. музейным органам удалось взять под охрану государства 5 богатых художественных собраний в городских особняках и 12 крупнейших усадеб, с общим количеством музейных ценностей 4000 единиц. Значительная их часть была немедленно вывезена в музейные хранилища [9, с. 69].

К концу 1922 г. на учете музейных органов Владимирской губернии состояло 60 памятников культуры, 7 гражданских и 50 церковно- архитектурных комплексов, взято на учет 8000 предметов художественно-исторического значения [6, л. 24]. В дополнение к ранее созданным были образованы музеи в Суздале, Александрове, Юрьеве и Киржаче [11, с. 3].

Проводились осмотры древних владимирских соборов с целью оценки состояния и составления смет на ремонт [6, л. 24]. А. И. Иванов объездил почти всю Владимирскую губернию, осматривая памятники истории и культуры, требовал их охраны. «Мною была предпринята поездка на ст. Боголюбово для осмотра церкви Покрова на Нерли на предмет принятия ее на охрану как великого памятника русского зодчества», – писал весной 1919 г. А. И. Иванов, – всякий, близко знакомый с историей местного края знает, сколько опасностей претерпел этот памятник древнерусского строительства… бытию его не раз угрожали и стихийные силы природы и крайнее невежество людей… Церковь Покрова на Нерли находится сейчас в совершенно беспризорном положе-

нии. Следует немедленно взять его под охрану, назначив постоянного сторожа». Обследование и постановка на учет церковно-архитектурных памятников и художественных ценностей, а также организация музеев по всей губернии понимались как важнейшие задачи подотдела. В результате такие монастыри, как Спасо-Ефимиевский, Покровский и Рождественский были защищены памятникоохранным списком музейного отдела НКП. Все то, что имело «музейную» ценность (иконы, книги, утварь, ювелирные изделия), работники Владимирского подотдела пытались спасти от реализации или сдачи в финансовые органы. Все это позволило максимально сохранить предметы из местных коллекций, которые могли бесследно исчезнуть.

Исторически сложилось так, что Владимирский музей с самого начала стал ведущим музеем губернии. В его штате в этот период, кроме заведующего, было 3 научных сотрудника, которые вместе с А. И. Ивановым, выезжали в командировки по губернии, помогая выполнять многогранную, трудоемкую и опасную работу. Для заведующих уездными музеями приобреталось и регистрировалось оружие. В тех уездах Владимирской губернии, где успели организоваться музеи, обязанности по деду охраны памятников и музейному строительству были возложены на заведующих музеями, в прочих уездах, не имевших музеев, работа велась непосредственно губернским подотделом [9, с. 5]. Владимирский и уездные музеи находились на государственном содержании, однако они могли привлекать дополнительные средства путем сдачи охраняемых памятников и земельных владений при них в аренду, наем и пользование [7, л. 41].

Таким образом, именно в период 1918–1922 гг. в процессе активной деятельности подотдела по охране и регистрации памятников искусства и старины, созданного при отделе народного образования Владимирского исполкома губсовета рабочих и крестьянских депутатов была сформирована государственная система музейных учреждений. В последующем она получила дальнейшее развитие. Менялись названия центральных и местных органов, их сотрудники, но именно такая структура стала основой для сохранения историко-культурного наследия бывшей Российской империи.

Библиографический список

1. Государственный архив Владимирской области (далее ГАВО) ФР.-24. Оп. 1.
2. ГАВО. ФР. 1045. Оп. 3. Д. 111
3. ГАВО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 101.
4. ГАВО. ФР. 1826. Оп. 1. д. 8.
5. ГАВО. ФР. 1045. Оп. 1. Д. 3.
6. ГАВО. ФР. 1826. Оп. 1. Д. 57.

7. ГАВО. ФР. 1826. Оп. 1. Д. 26.

8. Декреты Советской власти. Т. 3. М.: Политиздат. 1964. С. 47.

9. *Иванов А. И.* Музейное дело во Владимирской губернии за время революции // Материалы по изучению Владимирской губернии. Владимир, 1926. С. 67–71.

10. *Коноплева Р. Г.* Архитектурно-строительная деятельность во Владимирской губернии первых послереволюционных лет // Материалы областной краеведческой конференции. 18 апреля 2003 г. Владимир, 2004.

11. Охрана памятников истории и культуры: сб. документов / сост. Г. Г. Анисимов. М.: Сов. Россия. 1973. С. 22.

12. *Смирнова А.* Мы наследники великих богатств // Комсомольская искра. 1970. 6 ноября.

УДК 322.2

М. Н. Волоскова,
научный сотрудник, Музей истории и культуры старообрядчества (Москва)

СУДЬБА РЕПРЕССИРОВАННОГО СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ ИОАННА ПАВЛОВИЧА ЛОСКУТОВА (на примере Тверской области)

В статье рассматривается судьба старообрядческого священнослужителя Иоанна Павловича Лоскутова. Он служил диаконом в Покровском храме г. Ржева Тверской области, а в 1930 году был репрессирован. После освобождения Иоанн Лоскутов служил в ржевском храме уже в качестве священника. Позднее он был переведен на служение в старообрядческий храм г. Егорьевска Московской области.

Ключевые слова: Старообрядцы, духовенство, Советская власть, репрессии, Тверская область

M. N. Voloskova,
Researcher, Museum of History and Culture of the Old Believers (Moscow)

THE FATE OF THE REPRESSED CLERGYMAN JOHN PAVLOVICH LOSKUTOV (on the example of the Tver region)

The article examines the fate of the Old Believer clergyman John Pavlovich Loskutov. He served as a deacon in the Intercession Church of Rzhev, Tver region, and in 1930 was repressed. After his release, John Loskutov served in the Rzhev church as a priest. Later he was transferred to serve in the Old Believers' church in the city of Yegoryevsk, Moscow region.

Keywords: Old Believers, clergy, Soviet power, repression, Tver region

© Волоскова М. Н., 2022

17 декабря Церковь совершает память преподобному Иоанну Дамаскину – великому христианскому святому, гимнографу, богослову, философу. В этот день были именины у Иоанна Павловича Лоскутова, который долгие годы служил в г. Ржеве в сане диакона, а затем уже священником.

Преподобный Иоанн Дамаскин (ок. 675 – 780 гг.) – христианский святой, один из отцов Церкви, богослов, философ, гимнограф. Родился в Дамаске, в христианской семье. По преданию, Иоанн учился точным наукам и музыке вместе с братом у пленного инока из Калабрии. Дед и отец Иоанна занимали в Дамаске высокие посты. Сам Иоанн также занимал высокую должность при дворе халифа.

С именем Иоанна Дамаскина связывают возникновение образа Богородицы Троеручицы (VIII век). Когда в Византии возникла ересь иконоборчества, которую поддержал император Лев III Исавр (717–741 гг.), Иоанн написал «Три защитительных слова в поддержку иконопочитания» и направил их императору. Лев Исавр разгневался и, чтобы помешать Иоанну писать труды в защиту иконопочитания, оклеветал Дамаскина. От имени Иоанна было составлено подложное письмо, в котором министр будто бы предлагал императору свою помощь в завоевании столицы Дамасского халифата. Это письмо и ответ на него императора были направлены халифу. Иоанн был отстранен от должности, и в наказание ему отсекли кисть правой руки, которая была повешена на городской площади. Спустя некоторое время Иоанн получил отсеченную кисть обратно и, затворившись у себя в доме, приложил кисть к руке и стал молиться перед иконой Богородицы. Через некоторое время он заснул, а проснувшись, обнаружил, что кисть чудесным образом приросла к руке. В благодарность за исцеление Иоанн приложил к иконе серебряную руку, которая воспроизводится на многих списках иконы «Троеручица».

Оставив государственную службу и раздав имущество, Иоанн ушел в Палестину и принял постриг в монастыре близ Иерусалима, где был рукоположен во священника. Скончался около 780 года и был погребен в обители Савы Освященного. Позднее его мощи были перенесены в Константинополь. В настоящее время известно, что частицы мощей Иоанна Дамаскина находятся в лавре Савы Освященного, монастыре Георгия (Кипр), монастыре Иоанна Богослова на Патмосе (Греция) и в церкви Сан-Джорджо деи Гречи (Венеция). Уже в конце VIII века Иоанн Иерусалимлянин составил первое Житие Иоанна Дамаскина.

Преподобному Иоанну принадлежит труд «Источник знания», включающий в себя философский («Диалектика»), обличительный («О ересях») и догматический («Точное изложение православной веры») разделы. Кроме того, он составил ряд проповедей о Богородице. Иоанном были написаны много песнопений, в том числе «О тебе раду-

ется…». Ему принадлежат не только каноны Пасхе, Рожеству Христову, Богоявлению – двунадесятым и великим праздникам, но также и заупокойные тропари, которые поются за погребением. С именем Иоанна Дамаскина связана система осмогласия и составление книги «Октай».

Память Иоанна Дамаскина празднуется 17 декабря (4 декабря по старому стилю).

Именно в этот день отмечал свои именины старообрядческий священник Иоанн Павлович Лоскутов, долгое время служивший в г. Ржеве. Иван Павлович Лоскутов родился в 1883 году в деревне Вакино (Квакино?) Иньшинской волости Алексинского уезда Тульской губернии, в крестьянской семье. До революции Иоанн был певчим Громовской церкви старообрядческого кладбища в Петрограде. Около 1915 года он женился на Екатерине Яковлевне. В 1915 у них родился сын Василий, в 1917 году – дочь Раиса, в 1919 году – сын Алексей.

В скором времени Иоанн был рукоположен во диакона, и в 1922 году определен на служение в I Покровский старообрядческий храм г. Ржева. Диакон Иоанн обладал мощным громовым голосом. Его громкий, красиво звучащий голос украшал каждую службу.

В 1925 году в семье диакона Иоанна и матушки Екатерины родился сын Лев, в 1926 году – дочь Анна, а в 1928 году – дочь Антонида. Проживал диакон Иоанн с семьей по адресу: г. Ржев, угол улиц Ржевской и Декабристов, д. 34/54 квартал 124.

4 мая 1930 года Ржевским Окружным отделом ОГПУ был выписан ордер № 79 на обыск и арест Лоскутова Ивана Павловича. При обыске в доме диакона было изъято: «разные переписки от руки на пишущей машинке 57 листов. Тезисы проповеди в ученической тетради. учебников пения, закона Божьего и постановлений Епархиальных соборов всего в количестве 15 штук. (неразборчиво) книжка за № 112 сборник религиозно-нравственных стихотворений» [Архив УФСБ по ТО. Д. 20726с, л. 22].

Обыск в доме д. Иоанна был 4 мая 1930, однако, датой его ареста на разных листах уголовно-следственного дела значатся сразу два числа: 4 и 7 мая 1930 года. Впрочем, неточностей в таких документах хватает, и порой они бывают допущены целенаправленно.

7 мая диакон Иоанн был допрошен уполномоченным Ржевского Окружного отдела ПП ОГПУ Питкевиц: «В гор. Ржев я приехал из Ленинграда в 1922 году на должность диякона I Покровской старообрядческой церкви где и служу по настоящее время. За все это время я не замечал что при церкви существуют какие-либо группы или женщины в возрасте от 10 до 30 и старше для спевки религиозных песнопений. Другие группы организации – братство (неразборчиво) и общество по изучению быта и истории старообрядчества не существовали и не суще-

ствуют. О преподавании детям закона Божьего мне ничего неизвестно. О том, что церковным советом в 1923 году был преподнесен священнику Попову (протоиерей Андрей Павлович Попов – *прим. автора*) адрес за организацию при церкви разных групп и обществ как из взрослых также детей, мне ничего неизвестно и я впервые слышу об этом адресе. Попов каждый год празднует свой день рождения – 17/X, на который каждый год собираются члены церк/совета, знакомые и в том числе я, из членов церк/сов. Седов Константин Иванович, Долгополов Григорий Кузьмич, Цыбин Яков Федорович и руководительница хора – Цыбина Валентина и певчая Куричкова Екатерина. В прошлом 1929 году, в день рождения Попова Андрея мы пили чай, пели многая лета, читали стихотворения и в том числе (неразборчиво) стихотворение Попову от Куричковой Екатерины с надписью «мои впечатления при чтении «Безбожника» где говорилось – «о Боже! Какой злобой на нас дышут враги, сотрем, сотрем, кричат они, церкви с лица земли». В день моего имени 4/XII (по ст. ст.) – 1924 года эти же лица были у меня в гостях. Пригласил я их именно потому что они являются активными членами прихода. На именинах пели песни – религиозные, читали стихи и разговаривали о церковных делах. У кого еще собирались члены церковного совета я не знаю. – Лоскутов. Допросил Уполном. (неразборчиво)» [там же, л. 26, 27–28].

Допрос от 23 мая 1930 года: «По существу предъявленного мне обвинения по ст. 58 п. 10 и 11 УК. Виновным себя не признаю. Так, как ни одной проповеди об антихристе не произносил. Будучи на именинах у Попова, Цыбиной, Куричковой и других антисоветские беседы не велись и не распространялись антисоветского характера стихи. Попов читал в своих проповедях об антихристе, указывая, что согласно Священному Писанию антихрист придет, что должен он прийти, но когда, Попов никогда не говорил. Беседы устраиваемые Поповым с прихожанами в церкви я посещал, Попов читал о святых мучениках, о житии святых, о нравственной жизни християн и тому подобные, и я считаю, что там преступного ничего не было и не могло быть. Протокол мне прочитан и с моих слов правильно написан. Лоскутов Допросил Уполномоченный Питкевиц» [там же, л. 40].

Повторный допрос был 28 мая. Было готово и обвинение: «Берсенев Б. А., Седов К. И., Долгополов Г. К., Лоскутов И. П., Куричкова Е. Г., Цыбина В. Я. в том, что входили в к.р. группировку Попова, и принимали активное участие в организации нелегальных кружков, вели агитацию против власти и распространяли рукописи к.р. характера, т. е. в преступлении предусмотренном ст. 58 п.п. 10 и 11 УК» [там же, л. 67].

Дело было передано для рассмотрения в Особое Совещание ОГПУ. Заседание Тройки ПП ОГПУ по Западной области состоялось 10 сентября 1930 года. Диакон Иоанн Лоскутов был приговорен к пяти

годам заключения. Кроме него на пять лет лагерей был осужден священник Андрей Павлович Попов; Константин Иванович Седов, Григорий Кузьмич Долгополов и Екатерина Григорьевна Куричкова – на три года заключения, а Валентина Яковлевна Цыбина – на три года ссылки в северный край [там же, л. 69].

Иоанн Павлович Лоскутов отбывал наказание в лагерях, а по освобождении приехал в Ленинград. Около 1946–1947 гг. он вернулся во Ржев уже в качестве священника приблизительно до 1958 года. Затем он был определен на служение в город Егорьевск Московской области, где и служил до своей смерти. Похоронен о. Иоанн на Рогожском кладбище в Москве. Его сыновья Василий и Лев погибли во время Великой Отечественной войны, а дочь Раиса жила в Петербурге.

10 апреля 1989 года Иоанн Павлович Лоскутов был реабилитирован Калининской прокуратурой [там же, л. 76].

УДК 94(47)

С. В. Гаврилов,
доцент, Уральский филиал Российского государственного университета правосудия (Челябинск)

«ИСТОРИК-ГРАЖДАНИН» В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (на материале общественно-политической деятельности В. И. Семевского)

Политизация отечественной исторической науки в начале XX века проявляется в участии российских историков в политическом процессе. Представлена характеристика форм общественно-политической деятельности историка-народника В. И. Семевского в годы первой русской революции.

Ключевые слова: Революция, В. И. Семевский, Шлиссельбургский комитет, народно-социалистическая партия, крестьянская община, неонародничество

S. V. Gavrilov,
Associate Professor, Ural Branch of the Russian State University of Justice (Chelyabinsk)

"CITIZEN HISTORIAN" DURING THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION (based on the material of V. I. Semevsky's socio-political activity)

The politicization of Russian historical science at the beginning of the XX century is manifested in the participation of Russian historians in the political process.

© Гаврилов С. В., 2022

The article presents the characteristics of the forms of socio-political activity of the historian-narodnik V. I. Semevsky during the first Russian Revolution.
Keywords: Revolution, V. I. Semevsky, Shlisselburg Committee, People's Socialist Party, peasant community, neo-populism

В России на рубеже XIX–XX столетий начинается процесс складывания политических партий целью которых являлась модернизация существующей в стране политической и социально-экономической системы. Революционные политические партии складывались на базе марксистских или неонароднических кружков, существовавших на нелегальной основе. Из их числа возникли соответственно будущие РСДРП и ПСР. Несколько иначе шел процесс генезиса партий либеральной направленности «вызревавших» до русской революции 1905–1907 гг. во многом внутри легальных общественных институтов. Но вне зависимости от идеологической направленности ведущую роль в их организационном структурировании или разработке и форматировании программных установок играли представители гуманитарной российской интеллигенции: юристы, экономисты, историки.

Политизация российской исторической науки в начале XX столетия стала одним из знаковых явлений в развитии отечественной исторической традиции. Исследователи, не равнодушные и ранее к проблемам общественного развития России, начинают активно включаться в политический процесс, становясь период первой русской революции членами различных политических партий. Среди наиболее активных представителей либеральной и радикальной оппозиции российскому самодержавию можно встретить имена П. Н. Милюкова, А. А. Кизеветтера, А. А. Корнилова, А. В. Пешехонова, В. А. Мякотина, Л. Э. Шишко, М. Н. Покровского и др.

Не остался на обочине политической жизни и В. И. Семевский (1848–1916) – один из крупнейших представителей народнического направления в отечественной исторической науке последней четверти XIX – начала XX в.

На рубеже 1880–1890-х гг. исследователь принимает активное участие в заседаниях так называемого «Политического клуба» на которых обсуждались вопросы о политических партиях, о приоритетности экономических или политических реформ, при чем градус оппозиционности либеральной и народнической интеллигенции по отношению к существующей власти был относительно невысок [2, с. 205]. В середине 1890-х гг. Семевский был близок к той группировке либеральной интеллигенции целью которой было создание партии «Народное право», но свидетельств о его участии в заседаниях этой организации не сохранилось. Семевский в начале нового столетия является активнейшим

участником организуемых либеральной и народнической интеллигенцией акций, будь то банкетная кампания или протест против действий полиции 4 марта 1901 года.

Таким образом его появление восьмого января 1905 г. в числе других видных представителей столичной гуманитарной интеллигенции в составе делегации к министру внутренних дел П. Д. Святополк-Мирскому и С. Ю. Витте с целью предотвращения готовящегося расстрела многотысячного рабочего шествия с петицией к императору выглядит далеко не случайным. Но кровопролития предотвратить не удалось. С. Ю. Витте несмотря на весьма эмоциональное обращение к нему делегатов ответил, что этот вопрос вне его компетенции. На этом аудиенция и завершилась. С. Ю. Витте отмечал позднее в своих воспоминаниях, что «по портретам я узнал почетного академика Арсеньева, писателя Анненского, Максима Горького, а других не узнал» [3, с. 280–281].

Члены делегации, в их числе и В. И. Семевский, были арестованы и заключены в Петропавловскую крепость. Пробыв там, около двух недель, историк был переведен в Выборгскую тюремную больницу в связи с нервным истощением, где провел еще около месяца. Делегации было предъявлено «нелепейшее обвинение в намерении сорганизовать «временное правительство России» на следующий день после революции [6, с. 239]. Данный взгляд на попытку предотвратить кровопролитие реанимируется и в современной историографии [7, с. 54].

Одним из последствий Всероссийской Октябрьской политической стачки 1905 года наряду с провозглашением знаменитого Манифеста от 17 октября стало объявление о новой амнистии по отношению к лицам осужденным за политические преступления. В рамках данной амнистии на свободу вышли бывшие народовольцы, отбывавшие наказание в том числе и в печально известной Шлиссельбургской крепости. Почти сразу же бывший народоволец П. Ф. Якубович выступил с инициативой создания комитета помощи бывшим шлиссельбургским узникам. «2 февраля 1906 г. было опубликовано обращение о создании постоянного шлиссельбургского фонда, которое было подписано Н. Ф. Анненским, В. И. Семевским, В. Я. Богучарским-Яковлевым и П. Ф. Якубовичем. С момента основания Шлиссельбургского комитета В. И. Семевский являлся его бессменным председателем» [4, с. 126]. Источниками средств из которых бы финансировалась деятельность комитета должны были стать «пожертвования частных лиц, как единовременные, так и периодические, и, кроме того, средства, полученные от издательской деятельности и проведения различного рода благотворительных вечеров и концертов» [4, с. 127]. В состав данной общественной организации входило, наряду с В. И. Семевским входило около 30 человек. В основном это были бывшие «шлиссельбуржцы», предста-

вители либерально-народнической интеллигенции и демократически настроенные деятели литературы и искусства. Основной задачей в деятельности Шлиссельбургского комитета было оказание материальной помощи и осуществление своеобразной социальной реабилитации в отношении бывших политических заключенных. В годы первой русской революции кроме означенной выше задачи на повестку дня выходит и медийное обеспечение данного общественного проекта, проявившееся в активной идеализации и даже героизации бывших шлиссельбургских узников в прессе. Первым изданием такого рода в годы революции становится задумывавшаяся иллюстрированная двухтомная «Галерея шлиссельбургских узников», которая должна была включить в себя биографии заключенных крепости от конца XVIII века и заканчивая узниками амнистированными осенью 1905 года. Еще одним издательским проектов задумывавшимся В. И. Семевским и его соратниками в рамках деятельности Шлиссельбургского комитета с целью популяризации или даже сакрализации участников революционного движения должна была стать так называемая «Библиотека освободительной борьбы». Но целый ряд проблем, связанных с формированием авторского коллектива сборника, не позволил претворить в жизнь данное начинание. К тому же достаточно узкая целевая аудитория издания делала его нерентабельным предприятием. И, наконец, изменившаяся после 3 июня 1907 года политическая ситуация в России окончательно похоронила это начинание российской народнической и либеральной интеллигенции.

Весной 1906 г. в разгар первой российской революции группа представителей неонароднической интеллигенции в составе В. А. Мякотина, В. А. Пешехонова, Н. Ф. Анненского, В. Г. Богораз-Тана и других предприняла очередную попытку партийного строительства, в результате реализации которой была создана Трудовая народно-социалистическая партия (энесы) [8].

В составе оргкомитета партии народных социалистов, а также в числе сотрудников журнала «Народно-социалистическое обозрение» состоял и В. И. Семевский. В советской литературе, посвященной истории изучения данного вопроса, отмечалось, что В. И. Семевский не принимал активного участия в партийной работе, а по своему статусу в партии был лишь «близок к руководству» [10, с. 136]. С данным утверждением А. Л. Шапиро не вполне можно согласиться хотя бы уже потому, что историк входил в состав ЦК партии народных социалистов.

Вступление в партию также нельзя объяснять политической неопытностью В. И. Семевского, как это делалось в советской историографии. Несомненно, влияние В. А. Мякотина, друга В. И. Семевского, в принятии решения о вступлении в партию, но также, бесспорно, и стремление самого исследователя, используя партийные структуры

расширить влияние на социалистические элементы в среде русской интеллигенции. Следует отметить, что и само стремление исследователя более активно участвовать в политических процессах становится как нельзя более явственным уже в ходе знаменитой банкетной кампании, в выступлении в защиту студентов, избитых полицией на Казанской площади, и в откликах на другие общественно-значимые события.

В принятии В. И. Семевского в партийные ряды были непосредственно заинтересованы и сами народные социалисты, желая укрепить реноме своей партии в мире российской интеллигенции. Об этом наглядно свидетельствует переписка В. А. Мякотина с В. И. Семевским, относящаяся к периоду организационного структурирования будущей народно-социалистической партии. В. А. Мякотин доверительно сообщает своему старому товарищу о том, что у него «есть план попытаться собрать единомыслящих людей в открытую партию на основе определенной политико-социальной программы». В одном из своих последующих посланий автор сообщает В. И. Семевскому о начале организационного оформления партии: «На собрании 40 человек решили приступить к организации партии и избрали оргкомитет из 21 человека. В этот комитет единогласно избраны и Вы, хотя я и говорил отдельным лицам, что Вы бы просили себя не избирать. Для всех нас было бы дорого, если бы Вы согласились принять это избрание. Работой мы бы постарались Вас не обременять, но Вашим участием, возможность посоветоваться с Вами в трудных вопросах и, наконец, самой надежностью Вашего имени в комитете все мы крайне дорожили бы для успеха дела» [1, л. 100]. В деле партийного строительства В. И. Семевский должен был сыграть роль морального авторитета, одного из патриархов народничества, к идейному наследию которого народные социалисты постоянно апеллировали.

В издаваемом народными социалистами партийном сборнике он напечатал всего одну статью «Правительственное покушение на общественное землевладение» [9]. В ней нашла свое выражение политическая позиция энесов по одному из важнейших законов в контексте проводимой столыпинской аграрной реформы. Этим правовым актом был Закон от 9 ноября 1906 г., фактически в рамках которого государством была предпринята попытка разрушения крестьянской общины.

В. И. Семевский писал, что многолетнее изучение истории русского крестьянства привело его к выводу о благодетельности общины для сельского населения. Хотя община и не является целительным средством от всех социальных зол, но сравнение положения крестьян-общинников и подворников убедило его в том, что община в большей степени, нежели подворная система землевладения, способна предохранить своих членов от обезземеливания и имущественного неравенства.

В. И. Семевский не допускал возможности, чтобы указ 9 ноября пережил II Думу [5, с. 291; 9, с. 18–19].

В связи с угасанием революционных процессов в середине 1907 г. идет на спад и политическая активность энесов. Партия со временем превращается в аморфный, не связанный организационно конгломерат кружков интеллигентского типа. Исключение составляют лишь те члены партии народных социалистов, которые продолжают сохранять связи с «Русским богатством», пытаясь на общем фоне политической стагнации 1907–1913 гг. сохранить партию. В. И. Семевский, оставаясь в это время членом партии народных социалистов, уже не принимает активного участия в партийных делах, сосредоточившись на исследовании более значимых для него проблем истории общественного движения в России.

Библиографический список

1. Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 489. Оп. 3. Д. 50.

2. *Бартенев В. В.* Воспоминания петербуржца о второй половине 1880-х годов // От народничества к марксизму: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге (1883–1894 гг.) / сост. И. Н. Курбатова, Т. А. Аркушенко. Л.: Лениздат, 1987. 399 с.

3. *Витте С. Ю.* Воспоминания: Царствование Николая II. 2-е изд. Л.: Гос. изд-во, 1924. 471 с.

4. *Гаврилов С. В.* В. И. Семевский – председатель Шлиссельбургского комитета // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 5 (106). С. 125–133.

5. *Гинев В. Н.* Борьба за крестьянство и кризис русского народничества. 1902–1914. Л.: Наука. 1983. 335 с.

6. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Изд. 5-е. М.: Госполитиздат, 1967. Т. 9.

7. *Нефёдов С. А.* Истоки 1905 года: «Революция извне»?// Вопросы истории. 2008. С. 47–60.

8. *Пешехонов В. А.* Наша платформа // Русское богатство. 1906. № 7. С. 192–200.

9. *Семевский В. И.* Правительственное покушение против общинного землевладения // Народно-социалистическое обозрение. 1907. № 9. С. 18–26.

10. *Шапиро А. Л.* Русская историография периода империализма: курс лекций. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. 236 с.

УДК 369.032
И. В. Горячев,
доцент, Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

О ДИНАМИКЕ ЧИСЛЕННОСТИ РАБОТНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ВЛАДИМИРСКОЙ, ИВАНОВСКОЙ, КОСТРОМСКОЙ, ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ В НАЧАЛЕ XXI в.
(на материалах Федеральной службы государственной статистики)

В начале XXI в. в российских регионах наблюдается увеличение количества работников государственных органов власти и местного самоуправления. Традиционно в общественном сознании рост численности кадрового состава государственных органов власти и местного самоуправления ассоциируется с отсутствием сбалансированной кадровой политики властей всех уровней, с возникновением и развитием бюрократизма и т. д. Однако проведенный анализ показывает, что рост численности работников государственных органов власти и местного самоуправления имел в начале XXI в. вполне объективные предпосылки.

Ключевые слова: государственное и муниципальное управление, работники органов власти и местного самоуправления, динамика численности кадрового состава

I. V. Goryachev,
Associate Professor, Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

ON THE DYNAMICS OF THE NUMBER OF EMPLOYEES OF STATE BODIES AND LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES OF THE VLADIMIR, IVANOVO, KOSTROMA, YAROSLAVL REGIONS AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY
(based on the materials of the Federal State Statistics Service)

At the beginning of the XXI century in the Russian regions there is an increase in the number of employees of state authorities and local self-government. Traditionally, in the public consciousness, the increase in the number of personnel of state authorities and local self-government is associated with the lack of a balanced personnel policy of authorities at all levels, with the emergence and development of bureaucracy, etc. However, the analysis shows that the growth in the number of employees of state authorities and local self-government had quite objective prerequisites at the beginning of the XXI century.

© Горячев И. В., 2022

Keywords: state and municipal administration, employees of government and local self-government, the dynamics of the number of personnel

Решение задач, стоящих перед органами государственной власти и местного самоуправления в сфере социально – экономического развития субъектов Российской Федерации, во многом зависит от их обеспеченности квалифицированными кадрами. Привлечение и отбор работников в органы государственной власти и местного самоуправления являются важными направлениями кадровой политики, реализуемой властями всех уровней.

С начала XXI в. по мере укрепления российской государственности происходит увеличение численности работников органов государственной власти (далее – ОГВ) и органов местного самоуправления (далее – органы МСУ), что достаточно наглядно проявляется в Центральном федеральном округе, в частности, Владимирской, Ивановской, Костромской и Ярославской областях. Данные о численности работников ОГВ и органов МСУ в начале XXI в. указанных регионов представлены в следующей таблице.

Численность работников государственных органов и органов местного самоуправления Владимирской, Ивановской, Костромской, Ярославской областей в начале XXI в. (чел.) [3]

Субъект РФ	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Владимирская область	12686	11759	12656	12946	13227	14511	15102	15596	16412	15487	14749
Ивановская область	9825	8978	9782	10152	10061	10748	12361	12725	13389	13602	13046
Костромская область	9416	9085	9730	10013	10090	10850	12151	12596	12397	12209	11199
Ярославская область	11735	11021	11994	12758	13111	14309	15608	16165	15433	15115	14906

Из приведенных выше данных следует, что в абсолютном выражении с 2000 г. по 2010 г. наблюдалось увеличение числа работников ОГВ и органов МСУ во Владимирской области с 12686 чел. до 14749 тыс. чел., т. е. рост их контингента составил за 10 лет порядка 16 %.

Кроме того, в Ивановской области отмечается рост численности указанной выше профессиональной группы с 9825 чел. до 13046 чел., т. е. увеличение количества занятых в сфере государственного управления и местного самоуправления составило – 32 %, в Костромской губернии с 9416 чел. до 11199 чел., т. е. рост численности – 18 %, а также в Ярославском регионе с 11735 чел. до 14906 чел., что дало рост занятых в данной сфере на 27 %.

Увеличение количества работников государственных органов и органов местного самоуправления в начале XXI в. характерно не только в указанных выше четырёх субъектах Российской Федерации. Рост

численности интересующей нас профессиональной группы наблюдается в большинстве субъектов Российской Федерации, что связано со следующими обстоятельствами и причинами:

– во-первых, следует иметь в виду, что в 2000-е гг. в российском обществе происходят определенные положительные социально – экономические изменения, в частности, в условиях роста национальной экономики увеличивается количество хозяйствующих субъектов – потребителей государственных и муниципальных услуг, объектов государственного контроля;

– во-вторых, необходимо отметить, что рассматриваемой период знаменуется активной законотворческой работой органов государственной власти, когда в силу принятых государственных решений происходило расширение полномочий органов власти, следовательно, для исполнения принятых государственных решений требовался достаточный по численности контингент квалифицированных работников;

– в-третьих, при отсутствии сбалансированной системы оплаты труда по равнозначным должностям федерального, регионального и муниципального уровня происходил «переток» кадров с федерального уровня управления на региональный уровень, где уровень заработной платы по равнозначным должностям был выше.

Также следует отметить, в соответствии с Указом Президента РФ от 31 декабря 2010 г. № 1657 «Об оптимизации численности федеральных государственных гражданских служащих и работников федеральных государственных органов» предусматривалось поэтапное сокращение предельной численности госслужащих и работников центральных аппаратов и территориальных органов, федеральных органов исполнительной власти, не менее чем на 20 % [2]. Это также способствовало «перетоку» кадров с федерального уровня на региональный уровень

– в-четвертых, несмотря как, казалось бы, на достаточно существенный рост численности работников сферы государственного и местного самоуправления (особенно в Ивановской области) о сто процентной укомплектованности кадрами ОГВ и органов МСУ говорить не приходится. Рост численности работников сферы государственного и муниципального управления вначале 2000-х гг. скорее имеет в своей основе недостаточную укомплектованность кадрами. Даже спустя более 10 лет (т. е. в 20-е гг. XXI в.) по оценкам экспертов укомплектованность кадрами ОГВ составляет в пределах 80–95 %, а сфера муниципального управления страдает от «хронического кадрового голода» [1, с. 42].

Справедливости ради, следует отметить, что в настоящее время проблема нехватки специалистов в сфере государственного и муниципального управления (особенно в низовом звене) отчасти компенсиру-

ется использованием современных цифровых информационно – коммуникационных технологий.

Библиографический список

1. *Бекерев С. М.* Кадровые процессы в органах государственной власти: опыт, проблемы, решения // Власть и гражданское общество. 2020 № 7.

2. Об оптимизации численности федеральных государственных гражданских служащих и работников федеральных государственных органов: Указ Президента РФ от 31 декабря 2010 г. № 1657 // Официальный интернет-портал правовой информации: pravo.gov.ru. Электронный ресурс. URL: http: // pravo.gov.ru (дата обращения: 05.12.2021).

3. Численность работников государственных органов и органов местного самоуправления по субъектам Российской Федерации: официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Электронный ресурс. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11191 (дата обращения: 26.12.2021).

УДК 94(470+571)"1917/1918"

А. О. Гулин,
преподаватель, Буйский техникум железнодорожного транспорта Костромской области

УЧАСТИЕ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ РУССКОЙ АРМИИ НА ПЕРСИДСКОМ ФРОНТЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В 1917–1918 гг.

В статье рассматривается роль казачьих подразделений, воевавших в составе русской армии на Персидском фронте Первой мировой войны до момента расформирования Экспедиционного корпуса в Персии, дается оценка эффективности использования военным командованием казачьих частей

Ключевые слова: Первая Мировая война, казаки, Персидский фронт, экспедиционный корпус

A. O. Gulin,
Teacher Buy's Technical school of Railway Transport of Kostroma region

PARTICIPATION OF COSSACK TROOPS IN THE COMBAT OPERATIONS OF THE RUSSIAN ARMY ON THE PERSIAN FRONT OF THE FIRST WORLD WAR IN 1917–1918

The article examines the role of the Cossack units that fought as part of the Russian army on the Persian front of the First World War until the dissolution of the Expeditionary Force in Persia, assesses the effectiveness of the use of the Cossack units by the military command

Keywords: World War I, Cossacks, Persian Front, Expeditionary Force

© Гулин А. О., 2022

Участие казачьих войск Российской империи в заключительных военных операциях на Персидском фронте Первой мировой войны, а также роль казаков в деле оказания союзнической помощи странам Антанты в Центрально-азиатском регионе и обеспечения эвакуации Экспедиционного корпуса русской армии с территории Персии является не до конца изученным вопросом военной истории России. Это, в свою очередь, определяет актуальность данной проблемы.

В канун 1917 года командир Отдельного Кавказского Кавалерийского Корпуса генерал-лейтенант Баратов, осознавая успешное начало активных действий англичан в Месопотамии, считал необходимым приковать турецкие войска к своему фронту и ходатайствовал об усилении корпуса частями Туркестанского военного округа, о чем доносил в штаб округа 27 декабря 1916 года.

В середине февраля 1917 года, пополнив ряды и отдохнув, части Кавказского корпуса перешли в наступление. В директиве № 696 от 9 февраля 1917 года Главнокомандующего Кавказской армией Великого князя Николая Николаевича им ставилась задача совместно с 7-м армейским корпусом, действующим на Моссульском направлении, «…разбить и парализовать те силы противника, которые могли бы угрожать левому флангу нашего главного стратегического фронта…» [Широкорад А. Б. Персия – Иран. Империя на востоке. М., 2010. С. 239].

Войска генерала Баратова устремились вперед по трем направлениям: Хамаданскому, Курдистанскому и Довлетабадскому. Турки в результате наступательных действий корпуса начали отходить и 17 февраля передовые сотни казачьих полков овладели Хамаданом. Следует отметить, что наступление проходило в неимоверно трудных природно-климатических условиях, когда горные пути, заваленные снегом, считались совершенно непроходимыми, при полном опустошении противником всего обширного района преследования, бескормица для лошадей. 22 февраля исполняющий должность начальника штаба корпуса генерал-майор Фисенко отмечал в оперативном журнале «спешность отхода турок под давлением перешедших в энергичное наступление наших войск… Асад-Абадский перевал метелями в последние два дня заносится снегом до тех аршин глубиной… Турки отходят на Керманшах» [РГВИА. Ф. 2320. Оп. 1. Д. 61. Л. 80, 80 об.]. К 23 февраля русские войска достигли последней позиции у Керманшаха на расстоянии 20 верст от города. В этот день они вели бой с противником, занявшим оборону у моста возле селения Бисетунграм, известного ущельем, в котором за пять веков до нашей эры персидским царем Дарием был высечен барельеф с изображением фигур подчиненных им народов.

Зимняя операция союзных войск преследовала важнейшую стратегическую цель – отвлечение турецких сил с главного театра военных действий. Было необходимо избрать такой объект операции, которому противник придавал бы особую ценность. Объектом был избран Багдад, так как он являлся не только чрезвычайно важным для самой Турции, но и особенно ценным для нашего главного противника – Германии, которая давно стремилась к усилению в этом регионе.

Ранним утром 26 февраля 1917 года Багдад был занят английскими войсками, турки были вынуждены признать себя побежденными. Эта победа стала возможна, в первую очередь, потому, что 13-й турецкий корпус был связан боями с русскими войсками под Керманшахом и не мог выручить багдадский гарнизон.

В ходе боевых действий казаки и пехотинцы Отдельного Кавалерийского Корпуса под начальством полковника Перепеловского и генерал-майора Раддаца преследовали противника на багдадском направлении почти на 400 верст. «Преследование хотя ведется и в трудных условиях, но наши войска с полным напряжением сил, неотступно, днем и ночью гонят противника; дух войск превосходный», – сообщалось в № 55 газеты «Вестник Кавказской Армии» от 9 марта 1917 года [Вестник Кавказской Армии. 1917. 9 марта].

К лету 1917 года на западном направлении Персидского фронта, в районе Урмии, против турок вели наступление передовые части 3-й Кубанской казачьей дивизии, пограничников и Туркестанских стрелков. Начальник отряда полковник Горбачев, офицер исключительной личной храбрости, командовал 2-й бригадой дивизии – Ейским и Ставропольским полками. Командиром Ставропольского полка, вместо переведенного на Турецкий фронт войскового старшины Беломестнова, был назначен полковник Ягодкин. Командиром Ейского полка, по отчислении полковника графа Адлерберга в резерв чинов, приказом Ставки Верховного Главнокомандующего от 28 апреля был назначен полковник Абашкин. В боях 10–11 июня турки были отброшены к Руанскому перевалу, а 17 июня на Пенджвинском направлении «армейский батальон, две Ейские сотни казаков сбили турок силою до батальона пехоты при двух пулеметах и скопище курдов с хребта Каран-Серевис, и заняли его. В это же время 3-й Запорожский полк, наступавший к Пенджвину, попал под фланговый огонь турецких орудий, вынужденно спешился и до вечера вел бой с турками… Противник по всему фронту медленно отходит» [Шишов А. В. Персидский фронт (1909–1918). Незаслуженно забытые победы. М., 2010. С. 300]. На следующий день город Пенджвин был занят Курдистанским отрядом.

Необходимо остановиться и на таком моменте боевых действий на Персидском фронте, как ослабление боеспособности армии ввиду

«революционных настроений» части солдат и казаков. Поступающие из «свободной России» пополнения свидетельствовали о разложении армии. Эпидемия анархии начала проявляться и на Кавказском фронте, в Турции и Персии. Начиная с весны с Турецкого фронта через Сарыкамыш и Карс пошли эшелоны, набитые толпами солдат-дезертиров. Командование Персидским фронтом было вынуждено снимать казачьи сотни с передовой и выставлять на железнодорожных станциях заставы для пропуска этих эшелонов. Часть «самодемобилизованных» солдат ставилась в строй и направлялась на фронт. Можно привести характерный пример, чем помимо боевых действий приходилось заниматься командованию казачьих полков и дивизий: «8 июня 1917 года город Хамадан. Наштакору. На днях прибывает в Казвин эшелон в 517 человек 279-го пехотного полка, идущий на пополнение, состоящий из дезертиров, уклоняющихся от службы, и уголовных преступников. Солдаты заявили начальнику эшелона, что дальше Казвина они ехать не желают…» [РГВИА. Ф. 2320. Оп. 1. Д. 33. Л. 98].

Оценивая роль казачьих частей и их командования в организации боевых действий на Персидском фронте летом 1917 года, нельзя не отметить так называемую дипломатическую составляющую этих действий. Так к лету в очередной раз «друзьями России» заявили себя курдские племена. Следует подчеркнуть, что к этому времени части Экспедиционного корпуса уже прошли несколько сотен верст до реки Диалы, и поэтому существовала постоянная угроза со стороны кочевников флангам и тылу русских войск. В донесении начальника 3-й Кубанской казачьей дивизии говорилось: «По собранным сведениям в Сенне жители имеют огнестрельное оружие, порох, свинец и патроны, которыми ведется широкая торговля с племенами курдов. Огнестрельного оружия до 8–10 тысяч… Жители издавна тяготеют к Турции. Шпионаж в пользу турок был и, безусловно, будет существовать. Племена курдов – дикие, воинственные, властные и вполне на стороне турок. Персидского правительства совершенно не признают. Могут выставить до 3,5 тысяч вооруженных бойцов… Генерал-майор Рафалович» [РГВИА. Ф. 2320. Оп. 1. Д. 85. Л. 26]. Подобные донесения поступали и от других начальников отрядов. Поэтому генерал Баратов и офицеры штаба вступили в переговоры с наиболее влиятельными вождями племен Западного и Южного Курдистана и предложили им подписать договор.

«6 июля в окрестностях Керманшаха и 10 августа в окрестностях Сенне прошли съезды представителей многочисленных курдских племен. В торжественной обстановке были заключены соглашения между русскими войсками с одной стороны и местным курдским населением – с другой» [Емельянов А. Г. Казаки на Персидском фронте. М., 2007.

С. 309–310]. В результате этого командир корпуса получил возможность сосредоточить силы и внимание на борьбе с германо-турками непосредственно на фронте, при обеспеченных флангах и тыле. Соглашения с курдами, хотя и нарушаемые кочевниками время от времени, сохранили немало жизней казаков, солдат и офицеров.

Нельзя не остановиться еще на одной составляющей роли казачьих войск в боевых действиях на Персидском фронте. Мы имеем в виду создание на фронте небольших мобильных партизанских соединений, действующих автономно от основных частей корпуса. Начало партизанскому движению положил приказ № 32 от 18 августа 1916 года по 1-му Кавказскому Кавалерийскому Корпусу. В приказе говорилось: «Ввиду безусловного превосходства нашей конницы и в количестве, и в качестве над турецкою, мы можем и ДОЛЖНЫ использовать это бесспорное преимущество, САМЫМ АКТИВНЫМ образом. Для ночных поисков, непрестанного тревожения тыла противника и для добывания языков безотлогательно сформировать в каждой дивизии партизанскую сотню, на сформирование выделить из каждого полка один взвод из самых лучших и смелых казаков под командой соответствующего этому делу офицера» [Стрелянов (Калабухов) П. Н. Казаки в Персии. 1909–1918 гг. М., 2007. С. 180]. Наиболее известными из сформированных явились отряды под командованием войскового старшины Бичерахова, есаула Гамалия и прибывшего весной 1917 года с Западного фронта Кубанского отряда особого назначения войскового старшины Шкуро.

Первым по времени создания, действующим независимо от остальных частей корпуса и выполняющим отдельные, поставленные непосредственно перед ним задачи, был партизанский отряд войскового старшины Лазаря Бичерахова. Забегая вперед, скажем, что этот же отряд уже усиленного состава, оставался арьергардным при уходе войск корпуса в Россию весной 1918 года и последним на Персидском фронте.

Осенью 1917 года планировалось совместная с англичанами наступательная операция в Месопотамии. Отряды Бичерахова и Шкуро были усилены до четырех конных, одной пешей сотен при двух орудиях и восьми пулеметах. Отряду Бичерахова принадлежала честь последнего русского наступления вместе с английскими войсками, где у неприятеля было взято много оружия, пленных и других трофеев. Командующий армией союзников генерал Маршал с высокой похвалой отзывался о действиях партизан.

После Октября 1917 года и установления Советской власти, заключения Брест-Литовского мира русско-германский и русско-турецкий фронт рухнули окончательно. В войска Экспедиционного баратовского корпуса отзвуки этих событий пришли с большим запозданием. Следует

сказать, что зимой 1918 года Персидский фронт еще держался как таковой. Казачьи полки 6-сотенного состава были переформированы в 4-сотенные. Также задумывалась реорганизация остающихся добровольно на фронте русских частей корпуса с изменением наименований на «персидские». Но уже 6 февраля приказом Баратова личному составу корпуса объявляется для сведения телеграмма исполняющего должность Главнокомандующего Кавказским фронтом генерал-майора Лебединского от 31 января 1918 года за № 01618, в которой предписывалось начать немедленный вывод войск корпуса из пределов Персии.

Вывод войск производился в течение четырех месяцев. Приказом Баратова партизанский отряд казаков Бичерахова выполнял арьергардную задачу и должен был выйти из Казвина в Энзели не ранее того, чем оттуда «будет вывезен последний боевой патрон, снаряд или последний пуд имущества корпуса» [РГВИА. Ф. 2320. Оп. 1. Д. 29. Л. 50; 50 об.; 52; 57]. Также следует сказать, что отход бичераховского арьергарда был организован таким образом, что тот одновременно служил авангардом для английских войск, занимающих Персию.

Подводя итог всему изложенному, можно сделать вывод о том, что на завершающем этапе войны действия казачьих частей Экспедиционного корпуса в Персии носили предсказуемый, отвечающий требованиям Присяги и Уставов характер. В боевых столкновениях с турками и их союзниками казаки показали образцы мужества и героизма, выполняли помимо этого разведывательные и охранные функции. Казачьи генералы и офицеры показали умение вести и мирные переговоры, заключать соглашения с местным населением в целях временной стабилизации обстановки на флангах и в тылах действующей армии. Организованность и порядок казачьих частей позволили командованию корпуса создать из них партизанские отряды для реализации преимуществ русской конницы над турецкой. Из казачьих частей были сформированы арьергардные отряды Экспедиционного корпуса при отводе войск с территории Персии весной 1918 года, эвакуации корпусного имущества и передаче англичанам оставляемых территорий.

УДК 791.43
Е. В. Дианова,
доцент, Петрозаводский государственный университет

НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ КУЛЬТУРФИЛЬМЫ В АНТИРЕЛИГИОЗНЫХ КАМПАНИЯХ 1920-х ГОДОВ

В 1920-е годы в проведении антирелигиозных кампаний настоятельно предлагалось использовать научно-популярные и просветительные фильмы. Они разрушали традиционные представления о мироздании, о человеке и его месте в природе. На примере культурфильмов режиссеров Н. И. Галкина и М. Я. Посельского выявлено содержание кинокартин, которое у борцов с верой и церковью приобретало атеистическую направленность для разоблачения христианской антропологии и креационизма.
Ключевые слова: культурфильмы, антирелигиозная борьба, естественнонаучное знание

E. V. Dianova,
Associate Professor, Petrozavodsk State University

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL CULTURAL FILMS IN THE ANTI-RELIGIOUS CAMPAIGNS OF THE 1920S

In the 1920s, the use of popular science and educational films was strongly encouraged in anti-religious campaigns. They destroyed traditional ideas about the universe, man and his place in nature. On the example of cultural films directed by N. I. Galkin and M. Ya. Poselsky, the content of films is revealed, which among the fighters against faith and the church acquired an atheistic orientation to expose Christian anthropology and creationism.
Keywords: cultural films, anti-religious struggle, natural science knowledge

В 1920–1930-е гг. в атеистической пропаганде активно использовался научно-просветительный кинематограф. Популяризация естественнонаучных знаний средствами кино наносила удар по традиционным представлениям о происхождении жизни на земле, подрывала основы креационизма, религиозного учения о сотворении мира Богом из ничего. Некоторые вопросы данной темы освещались в статьях П. С. Гурьянова [6], А. И. Карлявина [7], О. В. Любимовой [8]. Для проведения антипасхальной кампании 1929 г. для борьбы с церковью и духовенством был составлен рекомендательных список кинофильмов. В данной статье речь идет о так называемых культурфильмах – научно-популярных кинокартинах по биологии и медицине, включенных в этот список [14].

© Дианова Е. В., 2022

Так, «в связи с пасхальными днями с целью разоблачения религиозных изнурительных постов и обжорства, связанного с праздниками и обрядами» [14, с. 11], предлагалась картина «Проблема питания» (1927, Совкино) режиссера Я. М. Посельского. Фильм, созданный с участием научного консультанта профессора Л. Н. Воскресенского, знакомил не только с гигиеной и основными правилами здорового питания, но и со строением желудочно-кишечного тракта и физиологическими процессами пищеварения. Демонстрировались опыты академика И. П. Павлова по созданию фистул слюнных желез и желудка у животных с рефлекторным выделением слюны и желудочного сока.

Человека всегда интересовали тайны появления всего сущего на земле. В 1920-е гг. вместо ветхозаветной легенды о шести днях творения предлагалась материалистическая теория появления живых существ на планете. Научно-популярный фильм «Загадка жизни» (1928) снял режиссер и сценарист Ной Ильич Галкин. Картина снималась на кинофабрике «Ленсовкино», в музеях Академии наук, в Ленинградском Ботаническом саду, Технологическом институте, в Пулковской обсерватории и Горном Музее. Авторы картины «Загадка жизни»выдвинули вопросы, которые человечество пытается разрешить в течение тысячелетий: «Откуда взялась на земле жизнь? Сколько времени прошло с тех пор, как появилась жизнь на земле?». Соответственно, на основе этих нерешенных вопросов авторами фильма ставилась задача: «Познать эту «загадку» жизни, попытаться разрешить этот вековечный вопрос на основании последних данных науки» [3].

К созданию фильма привлекались специалисты в области биологии, химии, астрономии. В подготовке сценария приняли участие врач-психиатр, сценарист и теоретик кино, будущий профессор медицины Лазарь Маркович Сухаребский (1899–1986) и Александр Иванович Опарин (1894–1980), ученый, создавший теорию возникновения жизни на Земле; академик АН СССР (1946). А. И. Опарин еще в 1922 г. выступил на заседании Московского отделения Общества русских ботаников с докладом, в котором высказал мысль, что «возникновением жизни наша планета обязана предбиологической эволюции органических веществ. Сами же они возникли на еще безжизненной земле абиогенным путем и, постепенно усложняясь, превращались в индивидуальные коллоидные сгустки, из которых благодаря естественному отбору и произошли первичные существа – родоначальники всего живого» [11, с. 24].

Тема продолжения рода нашла отражение в фильмах «Зарождение и развитие человека» (1925, немецкая кинокомпания «Фебус-фильм»), «Любовь в природе», другое название – «Размножение в природе» (1928, Совкино) режиссера Н. И. Галкина по сценарию Л. М. Сухаребского. Советская кинокартина знакомила зрителей «с за-

конами размножения организмов, от бесполого размножения до размножения у высших животных и человека» [14, с. 9]. Фильм срывал покров таинственности с шестого дня творения (сотворения Богом человека) и раскрывал секреты весьма деликатной темы зачатия и развития новой жизни в теле женщины.

Съемки научно-популярного фильма В. И. Пудовкина «Механика головного мозга», другое название – «Поведение человека» (1926, Межрабпомфильм) проходили под научным руководством учеников академика И. П. Павлова. Картина знакомила с его учением об условных рефлексах. Будучи достаточно серьезной и сложной, она предназначалась «для подготовленного городского зрителя» [14, с. 9], имевшего представление о центральной нервной системе.

С точки зрения людей 1920-х гг., метод условных рефлексов позволял «изучать сложнейшую деятельность головного мозга совершенно объективно». В лаборатории академика И. П. Павлова опыты проводились только на животных, но полученные материалы оказались очень ценными для тех, кто «имеет дело с деятельностью человеческого головного мозга, – в первую очередь, для психиатров и педагогов». Кроме того, некоторые пункты учения об условных рефлексах «имеют непосредственное отношение к психической деятельности человека» [10, с. 13]. Совокупность анализаторов, представляющая собой первую сигнальную систему, присуща и животным, и человеку.

В атеистической пропаганде упор делался на «факты, добытые методом условных рефлексов», отрицающие «наличность у живых существ души, как особой нематериальной сущности, не подчиняющейся законам физики и химии» [10, с. 13]. Авторы фильма «Механика головного мозга» стремились доказать, что органом психической деятельность является не таинственная душа, а головной мозг, высший продукт развития материи, от которого зависит разнообразное проявление психики и поведение человека. Научные открытия вступали в противоречие со взглядами проповедников, утверждавших, что «психика человека – это деятельность загадочной души, которой руководит всевышний» [13, с. 36].

Наука развенчивала не только религиозные представления, но и вступала в борьбу с шарлатанами, ловко спекулировавшими на невежестве и темноте народных масс. Начиная с середины XIX в. на подмостках многих европейских театров стали появляться лица, зарабатывавшие деньги тем, что «угадывали чужие мысли». Эти «угадывания» были «окружены мраком таинственности и сопровождались мистическими эффектами, где бутафория играла главную роль. Это была эпоха, когда пышным цветом распускался оккультизм, животный магнетизм, спиритизм и прочие «науки о неизвестном». Большинство «угадывателей» были просто-напросто ловкими фокусниками. Однако это побудило

некоторых ученых заняться изучением данного вопроса. Благодаря исследованиям «таинственная область мышления со всеми своими загадками мало по малу теряет ореол мистицизма, переходя в разряд обычных физико-химических явлений природы, доступных изучению» [2, с. 8].

В фильме «Жизнь и устройство человеческого тела» (1924, Госкино) показано строение человеческого организма: опорно-двигательный аппарат, сердечно-сосудистая, пищеварительная, дыхательная, нервная и другие системы, органы чувств. Наглядное изображение физической структуры человека подрывало христианские догматы о бессмертной душе как нематериальной субстанции, ибо в организме ей не находилось конкретной локации. А в Ветхом завете сказано: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт 2:7). Под напором материалистических аргументов теряла значение идеалистическая концепция «Тело как вместилище души».

В 1929 г. в прокат пущен культурно-образовательный фильм «Больные нервы» («Неврастения») режиссера Н. И. Галкина, в качестве консультанта был приглашен народный комиссар здравоохранения СНК РСФСР Н. А. Семашко. В фильме присутствуют постановочные сцены, в которых прослеживаются начало и развитие неврастении у начальника предприятия (директора учреждения) Батурина. Репрезентация руководящего работника, занятого составлением бумажных отчетов, проводящего большую часть рабочего времени на заседаниях в окружении клубов табачного дыма, создает весьма неприглядный образ советского госслужащего. Батурин по-хамски встречает вошедшего без доклада посетителя, дома «бесконечными придирками и угрозами превращает в кошмар жизнь жены и ребенка» [4]. Совершенно издерганный, мучаясь бессонницей, он обращается в клинику. Доктор отправляет его в санаторий, где ему назначается лечение от неврастении: электризация, светолечение, душ, спортивные упражнения на свежем воздухе. Культурфильм помимо игровых сцен содержит мультипликацию, с ее помощью показаны строение центральной нервной системы и передача импульсов в кору головного мозга человека – наглядная иллюстрация учения академика И. П. Павлова [4].

В первые десятилетия после революции 1917 г. у политиков, писателей-фантастов, социологов большой интерес вызывала проблема создания нового человека. Вполне серьезно рассматривался вопрос о пересадке отдельных органов различных животных в организм человека и наоборот. В повести А. Р. Беляева «Человек-амфибия» (1927) доктор Сальватор вживил мальчику вместо неразвитых легких жабры молодой акулы. Человек-рыба Ихтиандр мог жить в воде и на земле. В повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» (1926) профессор Ф. Ф. Преображен-

ский превратил пса Шарика в человекоподобное существо, пересадив ему человеческий гипофиз.

В XX в. ученых интересовали проблемы скрещивания разных видов и искусственного оплодотворения животных. Материалистическая теория Чарлза Дарвина (1809–1882) о происхождении видов путем естественного отбора и движущих факторах эволюции, а также его работа «Происхождение человека и половой подбор» (1871), где показано не только сходство, но и родство человека и человекообразных обезьян, разрушили креационистскую концепцию о сотворении видов, подорвали представления о божественном происхождении человека, об его исключительном положении в природе. Теория Дарвина нашла много последователей и вызвала споры ученых о том, кто является ближайшим родственником человека: современные человекообразные обезьяны (шимпанзе, гориллы, орангутанги) или наши общие, более древние предки.

В ходе дискуссий возникли вопросы о том, можно ли получить потомство от обезьяны и человека. Возможность получения гибрида от Homo sapiens и других представителей семейства гоминид в отряде приматов доказывалась сходством скелетов человека и человекообразных обезьян, некоторым сходством физиологических процессов. Опасные эксперименты по искусственному оплодотворению самок шимпанзе семенем человека намечалось осуществить в обезьяньем питомнике парижского Института Пастера во Французской Гвинее. С этой целью в феврале 1926 г. советское правительство и Академия наук СССР командировали в Африку специалиста в области искусственного осеменения домашних животных профессора Илью Ивановича Иванова (1870–1932). Из-за различных препятствий И. И. Иванов «оказался не в состоянии осуществить задуманные опыты в полном объеме, так и не получив убедительных доказательств ни “за”, ни “против” возможности рождения гибридов человека и человекообразных обезьян. По возвращении в Советский Союз осенью 1927 г. Иванов намеревался продолжить опыты в созданном вскоре после его поездки питомнике обезьян в Сухуми». Далеко идущие планы не были воплощены в жизнь, после ареста И. И. Иванова сослали в Алма-Ату, где он и умер [12, с. 3].

Если смелые прожекты профессора И. И. Иванова остались не реализованы, то французский хирург российского происхождения Сергей Александрович Воронов (1866–1951) применял на практике метод омоложения человека путем пересадки ткани яичка от обезьяны человеку. Данный способ демонстрировался в картине «Операция доктора Воронова» (Либкен-фильм). Анонс фильма предупреждал, что метод омоложения доктора Воронова хоть и «не обеспечивает продолжительной

“моложавости”», но «зато он не вредит организму, и что самое главное, способствует продолжению рода» [5, с. 11].

Доктор Воронов «создал большой обезьяний питомник на итальянской Ривьере, приобретя для этой цели с двумя женевскими профессорами старинный замок Гримальди. Здесь находится лаборатория для научных работ по омоложению, здесь же помещается и санаторий для пациентов, желающих подвергнуться омоложению, т. е. пересадке желез обезьяны. Замок Гримальди расположен в огромном парке, в котором разводятся обезьяны разных пород. Сперва д-р Воронов намеревался создать свой питомник во Франции, но, встретив ряд препятствий со стороны французского правительства, был вынужден перенести научную деятельность на итальянскую почву». В журнале «Огонек» (1926) помещены две фотографии, на одной – «Д-р Воронов с одной из своих питомиц – обезьяной», на другой – замок Гримальди, где находились «обезьяний питомник д-ра Воронова и санаторий для омоложения» [9, с. 15].

В СССР вышли книги С. А. Воронова «О продлении жизни» (1923), «Омоложение пересадкой половых желез» (1924), «Пересадка половых желез» (1924), «Сорок три прививки от обезьяны человеку» (1924), «Борьба за молодость» (1928), «Пересадка семенников от обезьяны человеку» (1930). Доктор С. А. Воронов вполне мог быть прототипом профессора медицины Ф. Ф. Преображенского из повести «Собачье сердце» М. А. Булгакова. Кстати, профессор Ф. Ф. Преображенский, занимаясь омоложением путем пересадки половых желез, одной молодящейся даме вживил яичники обезьяны.

Метод доктора Воронова по трансплантации людям половых желез обезьян предлагался в противоположность методу австрийского профессора Эйгена Штейнаха (1861–1944). Иностранная картина «Омоложение» (1925, Универсум-фильм), созданная под руководством Э. Штейнаха, знакомила «с устройством внутренних половых органов человека, с их физиологической деятельностью» [14, с. 9]. В фильме рекламировались метод омоложения профессора Штейнаха и его способ борьбы со старостью (перевязывание семенных канальцев). В клинике Штейнаха «пациенту – мужчине солидного возраста – делалась операция по перевязке одного из семявыводящих протоков... В результате пациент ощущал себя помолодевшим и полным сил» [1].

Тему реювенации и возвращения молодости продолжил культурфильм «Кого нужно омолаживать» (1926, производство кино-конторы ПУР РККА «Красная звезда») режиссера М. Я. Посельского. Смелая «научная фильма», «построенная без всякого занимательного сюжета», снята под руководством профессора Л. Н. Воскресенского как «научный протокол опытов», она «своей научной убедительностью превосходит заграничное “Омоложение”». В картине, включенной в список антипас-

хальных фильмов, показана «операция омоложения, произведенная над человеком (перевязка протоков) и лошадьми». На вопрос: «Кого нужно омолаживать», авторы фильма давали ответ: «Только породистых производителей». По мнению критиков, «картина связывает омоложение с евгеникой» [5, с. 11].

Таким образом, вантирелигиозных кампаниях использовались научно-просветительные кинокартины, в которых довольно много внимания уделялось пропаганде учения академика И. П. Павлова. Культурфильмы «Любовь в природе» и «Загадка жизни» Н. И. Галкина пытались раскрыть секреты появления жизни на земле и размножения живых существ и человека. В фильмах подвергались критике устаревшие взгляды, где душа выступала как совокупность психических явлений, переживаний, основа психической жизни человека. Актуальная тема ревитализации, затрагивала проблемы смерти и бессмертия, прерогативы решения которых изначально находились в ведении церкви. Демонстрации немого кино предшествовали, как правило, лекции, но на местах за неимением знающих специалистов киносеанс часто сопровождался комментариями киномехаников, малосведущих и в биологии, и в медицине, что приводило к вульгаризации и упрощению серьезных философских и медицинских проблем, а главное – публика не получала внятных ответов на главные вопросы о тайнах мироздания.

Библиографический список

1. *Алексеев А.* Властелин яйца. URL: https://jewish.ru/ru/people/science/196864/

2. *Алчевский Я.* В чем секрет передачи мыслей на расстояние? // Огонек. 1925. № 50. С. 8–9.

3. Аннотированный каталог фильмов (1918–2003). URL: https://lenfilm.academic.ru/381/ЗАГАДКА_ЖИЗНИ

4. «Больные нервы» («Неврастения»). URL: https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/12889/annot/

5. *Гофф И.* «Кого нужно омолаживать» // Искусство трудящимся. 1926. № 6. С. 11.

6. *Гурьянов П. С.* Антирелигиозная борьба большевиков в 1920–1930-е гг. при помощи кино // Общество: философия, история, культура. 2018. № 8. С. 131–135.

7. *Карлявина А. И.* Антирелигиозный кинематограф в советской пропаганде 1920-х годов // Артикульт. 2019. № 35 (3). С. 97–104.

8. *Любимова О. В.* Антирелигиозный кинематограф 1920–1930-х годов // Научный журнал. 2019. № 5 (39). С. 51–53.

9. «Обезьяний замок» доктора Воронова // Огонек. 1926. № 43. С. 15.

10. *Подкопаев Н. А.* Познай самого себя // Огонек. 1926. № 43. С. 13–14.

11. Происхождение жизни: проблема и поиски ее решения (интервью с академиком А. И. Опариным, 1978 г.) // Атеистические чтения: сборник. М.: Политиздат, 1981. С. 23–30.

12. *Россиянов К. О.* Опасные связи: И. И. Иванов и опыты скрещивания человека с человекообразными обезьянами // Вопросы истории естествознания и техники. 2006. № 1. С. 3–51.

13. *Саркисов С. А.* Что мы знаем о мозге? // Атеистические чтения: сборник. М.: Политиздат, 1981. С. 33–40.

14. Список картин к проведению антирелигиозной кампании в связи с пасхальными днями. М.: Теакинопечать, 1929. 12 с.

УДК 322

С. П. Донцев,
доцент, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ СОВЕТ СНГ КАК ИНСТИТУТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ И МЕЖРЕЛИГИОЗНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье анализируется Межрелигиозный совет СНГ, его функции и полномочия. Выделены основные направления работы Совета; проанализированы наиболее значимые заседания Президиума Совета, показана его роль в качестве института межкультурной и межрелигиозной коммуникации. Делается вывод о потенциальных возможностях данного института по налаживанию межрелигиозного диалога.

Ключевые слова: Содружество независимых государств (СНГ), Межрелигиозный совет СНГ, межрелигиозный диалог, межкультурная коммуникация

S. P. Dontsev,
Associate Professor, Russian State University for the Humanities

CIS INTERRELIGIOUS COUNCIL AS AN INSTITUTE OF INTERCULTURAL AND INTERRELIGIOUS COMMUNICATION

The article analyzes the Interreligious Council of the Commonwealth of Independent States (CIS), its functions and powers. The main directions of the Council's work are highlighted; the most significant meetings of the Council's Presidium are analyzed. Its role as an institution of intercultural and interreligious communication is shown. The conclusion is made about the potential of the Council to establish interreligious dialogue.

© Донцев С. П., 2022

Keywords: Commonwealth of Independent States (CIS), CIS Interreligious Council, Interreligious Council of Russia, interreligious dialogue, intercultural communication

Интеграционные процессы в рамках Союз Независимых Государств (СНГ) могут инициироваться не только государствами, входящими в его состав, но и институтами гражданского общества – неправительственными (НПО) и некоммерческими (НКО) организациями. Среди негосударственных институтов межкультурной коммуникации в рамках СНГ особое место занимают религиозные организации. Все государства, входящие в СНГ, выделяют религиозные объединения в отдельную группу НКО, наделяя их особой правосубъектностью, а также, как правило, выстраивают более интенсивные отношения с теми из них, кто имеют особое историческое, культурное и социальное значение. Характерной практикой институциализации религиозной жизни государств СНГ стало образование межрелигиозных советов, как площадок межрелигиозной коммуникации, объединяющих организации, представляющие традиционные религии. Оставляя за рамками проблему выделения критериев этой традиционности, принципов и оценок соответствия им той или иной религиозной структуры, отметим, что появление этих межрелигиозных советов стало специфической особенностью моделей межрелигиозных и государственно-религиозных отношений в государствах СНГ. Логичным шагом было создание подобных структур и на надгосодурственном уровне в рамках интеграционного процесса СНГ. Инициатива межрелигиозного диалога, являющегося частью межкультурного диалога, шла не со стороны государства, а непосредственно со стороны религиозных структур. И здесь особое место принадлежит Межрелигиозному совету России (МСР), как организации, ставшей инициатором межрелигиозного сотрудничества в рамках СНГ. Именно МСР стал инициатором проведения в Москве 1-го Межрелигиозного миротворческого форума в ноябре 2000 г., который стал первой масштабной площадкой межрелигиозного диалога для государств СНГ. На 2-м Межрелигиозном миротворческом форуме в 2004 г., который также проходил под эгидой МСР, был учрежден Межрелигиозный совет СНГ [1].

Учредителями Совета стали 14 религиозных организаций, из них восемь исламских структур, две православных церкви – Русская и Грузинская (Грузия вышла из состава СНГ в 2009 г.), две иудейских структуры, Армянская Апостольская Церковь и Буддийская традиционная сангха России. Абсолютное преобладание в Совете исламских организаций объясняется преобладанием в СНГ государств, в которых доминирующей религией является ислам. Однако в этих государствах соответствующее духовное управление является единственной религиозной

организацией, представляющей данную страну. Россия же в силу ее поликонфессиональности была представлена сразу шестью религиозными организациями, в том числе тремя мусульманскими. Кроме того, учредителями Совета стали организации, которые не связаны с одним конкретным государством. Например, Федерация еврейских общин СНГ. А такая структура, как Управление мусульман Кавказа, которая руководит всеми исламскими религиозными общинами Азербайджана, и полномочия которой законодательно закреплены на государственном уровне [2], одновременно распространяет свою юрисдикцию на всех мусульман Закавказья. Русскую же православную церковь в Президиуме Совета представлял Митрополит Киевский и всея Украины, Митрополит Минский и Слуцкий, митрополит Кишиневский и всея Молдовы, митрополит Астанайский и Алма-Атинский, митрополит Ташкентский и Среднеазиатский, представляющие православие в соответствующих государствах СНГ. В целом, в Президиуме Совета, в котором на момент формирования насчитывалось 22 человека, представляющих организации-учредители, больше всего было представителей Русской православной церкви – 8 человек. Заседания Президиума Совета стали основными мероприятиями Совета и собственно на них и осуществляется непосредственная коммуникация религиозных лидеров.

Хотя Совет позиционируется, как площадка выработки единой позиции традиционных религиозных организаций на вызовы современность, основной его функцией представляется именно символическая, призванная демонстрировать опыт мирного сосуществования и взаимодействия традиционных религий, в первую очередь православных и мусульман. О символическом значении Совета говорил и патриарх Кирилл, отмечая что, «взирая на нас – представителей различных традиционных религий, собранных вместе за этим круглым столом, – люди будут видеть, что руководители религий могут говорить друг с другом, договариваться, достигать согласия» [3].

Практически с момента создания Совета обозначилась тенденция, когда его заседания становятся одним из событий в череде мероприятий церковной дипломатии и проходят в рамках или «на полях» более масштабного мероприятия с участием религиозных лидеров не только СНГ, но и всего мира. Хотя Межрелигиозный совет СНГ и заявляется как один из организаторов подобных мероприятий, наиболее актуальная часть повестки обсуждается именно на «большом» мероприятии, а не на заседаниях президиума Совета.

Так, заседание президиума Совета в 2006 г. в Москве проходило в преддверии Всемирного саммита религиозных лидеров, и в принятой по итогам заседания резолюции говорилось о поддержке этого мероприятия (цит. по: [4]). Схожая ситуация наблюдалась и на заседаниях

Президиума Совета в 2010 г. в Баку, и в 2011 г. в Ереване. Контент-анализ публикаций в СМИ показал, что наибольший медийный резонанс получили именно указанные заседания в Баку и в Ереване, и очевидно это было связано с теми масштабными саммитами, с которыми они были связаны.

В 2010 г. в Баку заседание Совета также состоялось в преддверии Всемирного саммита религиозных лидеров, сопровождавшегося визитом Патриарха Кирилла в Азербайджан (именно факту этого визита, в рамках которого происходили встречи с политическим руководством страны и духовными лидерами Азербайджана и Армении, уделяли особое внимание светские и религиозные СМИ). На самом же заседании Президиума Совета обсуждались преимущественно технические вопросы: происходило представление новых членов, обсуждалась программа предстоящего саммита, прозвучало предложение о создании совета попечителей для сбора средств на реализацию инициатив и проведение мероприятий Совета, а также о проведении его заседаний не реже одного раза в год [5].

Заседание Президиума Совета в 2011 г в Ереване также стало всего лишь одним из событий в череде мероприятий, в рамках церковной дипломатии. Так, вслед за заседанием, прошла трехсторонняя встреча Патриарха Кирилла, с духовными лидерами Армении и Азербайджана по вопросам в достижения мира и согласия между армянским и азербайджанским народам. И именно на этой встрече прозвучали призывы сторонам конфликта соблюдать обязательства, взятые перед международным сообществом и договориться об отводе снайперов с передовых позиций [6]. На самом же заседании Совета конкретные миротворческие инициативы не обсуждались. Проблемы, обозначенные патриархом Кириллом на заседании Президиума Совета в Ереване, касались процессов на Ближнем Востоке и Северной Африки, проблемы миграции и роли традиционных религий и религиозных общин по адаптации мигрантов [6]. В итоговом же документе, принятом по итогам заседания, ключевой темой стала проблемам нравственного развития современного общества, падение нравственности и пренебрежение духовными традициями, с чем связывались основные проблемы современного мира, в том числе терроризм и дискриминация религиозных меньшинств на Ближнем Востоке и в Северной Африке. В документе также говорилось об угрозах трансформации традиционного представления о семье, проблемах взаимоотношений между мигрантами и коренным населением, меньшинствами и большинством, звучало пожелание, чтобы религиозные лидеры выступили с призывом к нравственному совершенствованию и выразили готовность помочь в адаптации мигрантов [8]. Какие же либо отсыл-

ки к конкретным социальным или политическим проблемам в государствах СНГ в документе отсутствовали.

В 2019 г. в рамках 2-го Бакинского саммита религиозных лидеров мира также состоялось заседание Президиума Совета, но его работа в СМИ практически не освещалась (в отличие от самого Саммита). При этом глава Управления мусульман Кавказа шейх уль-ислам Гаджи Аллахшукюр Пашазаде в интервью ТАСС, все же упомянул, что вместе с Патриархом Кириллом является сопредседателями Межрегионального совета стран СНГ, и что «совместная работа, наши связи приносят и политические плоды, помогают улучшению межгосударственных отношений, отношений между главами наших государств» [9].

Собственно после Бакинского и Ереванского заседаний Совета, упоминания о нем в СМИ становятся эпизодическими. С одной стороны, о заседаниях президиума Совета вне рамок рамках крупных межрелигиозных миротворческих форумов нет никакой публичной информации в СМИ, деятельность Исполнительного комитета, который должен управлять его деятельностью в промежутках между заседаниями не освещается, в отдельной страничке Совета на сайте Межрелигиозного Совета России, не приводится никакой информации о его текущей деятельности, ни даже об актуальном составе Президиума. С другой стороны, о Совете упоминают первые лица государства (например, В. Матвиенко, в 2017 г. на 137-й Ассамблее Межпарламентского союза [10]). В 2010 г. в Москве на рабочей встрече патриарха Кирилла с председателем Управления мусульман Кавказа шейх-уль-исламом Аллахшукюром Паша-заде также прозвучали пожелания о том, Межрелигиозный совет СНГ «станет эффективной площадкой для многостороннего религиозного диалога на евразийском пространстве» и даже прозвучало предложение о возможности приглашения к его работе в качестве наблюдателей или ассоциированных членов – религиозных лидеров, не принадлежащих к постсоветскому пространству [11]. Но это все эпизодические упоминания о его работе вне рамок международных межрелигозных саммитов.

Межрелигиозный совет СНГ представляет собой сегодня институт межрелигиозной коммуникации, в котором диалог ведется исключительно по общественно-политической и социальной проблематике, не затрагивая вопросы вероучения. Может ли Совет в качестве такой диалоговой площадки способствовать практическому укреплению межрелигиозного и межнационального мира? На сегодняшний день ответ состоит в том, что, если и может, то, скорее, косвенно, демонстрируя саму возможность диалога и взаимодействия представителей разных религий. Сегодня, потенциал этого института реализован далеко не полностью. Медийное освещение его деятельности крайне слабое. Тем не ме-

нее, повышение субъектности данного института в межрелигиозном диалоге и влиянии на общественно-политические процессы в странах постсоветского пространства, превращение его в один из институтов мягкой силы, в актор, активно формирующий традиционалисткий дискурс, вполне возможно при условии, что его деятельность будет проходить на постоянной основе, и что он будет активно вовлекаться в обсуждение актуальной общественно-политической проблематики и реагировать на актуальные запросы общества и государств, чьи религиозные организации он представляет.

Библиографический список

1. Межрелигиозный совет России: 20 лет служения Отечеству / под ред. свящ. Дм. Сафонова. М.: Индрик, 2018. 48 с.
2. Закон Азербайджанской Республики «О свободе вероисповедания». URL: https://www.legislationline.org/download/id/6668/file/Azerbaijan_law_freedom_religious_beliefs_1992_am2015_ru.pdf
3. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на заседании Межрелигиозного совета СНГ в Баку. 25 апр. 2010 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/1146444.html
4. Состоялось заседание Президиума Межрелигиозного совета Содружества независимых государств. 3 июля 2006 г. URL: www.patriarchia.ru/db/text/122840.html
5. Святейший Патриарх Кирилл принял участие в заседании Межрелигиозного совета СНГ. 25 апреля 2010 г. URL: www.patriarchia.ru/db/text/1145588.html
6. Журнал № 146 / Журналы заседания Священного Синода от 27–28 декабря 2011 г. URL: www.patriarchia.ru/db/text/1909396.html
7. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на заседании Президиума Межрелигиозного совета СНГ. 28 нояб. 2011 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/1787422.html
8. Итоговый документ заседания Межрелигиозного совета стран СНГ. 28 нояб. 2011 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/1787369.html
9. Глава Управления мусульман Кавказа: межрелигиозный совет СНГ улучшает отношения стран. URL: https://tass.ru/obschestvo/7109325
10. В. Матвиенко: Важным фактором обеспечения мира и согласия в мире был, есть и будет межрелигиозный диалог. URL: http://council.gov.ru/events/chairman/84701/
11. Состоялась рабочая встреча Святейшего Патриарха Кирилла с председателем Управления мусульман Кавказа шейх-уль-исламом Аллахшукюром Паша-заде. 24 авг. 2010 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/1257452.html

УДК 2-9;2-9:323
Е. В. Дроботушенко,
декан, Забайкальский государственный университет (Чита)

НЕДОСТАТКИ В РАБОТЕ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИЙ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1970-х гг.

В статье, на основе анализа источников характеризуются недостатки работы Совет по делам религий при совете Министров СССР во второй половине 1970-х гг. В основу исследования легли документы Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). Основные проблемы деятельности Совета заключались в работе с письмами и в отчетности с мест.
Ключевые слова: религия, Совет по делам религий при Совете Министров СССР, оптимизация работы

E. V. Drobotushenko,
The Dean, Transbaikal State University (Chita)

SHORTCOMINGS IN THE WORK OF THE COUNCIL FOR RELIGIOUS AFFAIRS UNDER THE COUNCIL OF MINISTERS OF THE USSR IN THE SECOND HALF OF THE 1970S

The article, based on the analysis of sources, characterizes the shortcomings of the work of the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR in the second half of the 1970s. The research is based on the documents of the State Archive of the Russian Federation (GA RF). The main problems of the Council's activities were working with letters and reporting from the field.
Keywords: religion, Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR, optimization of work

История Совета по делам религий при Совете Министров СССР не раз становилась объектом пристального внимания исследователей. В то же время, сказать, что на сегодня, в полной мере рассмотрены все аспекты его деятельности, причем, как на федеральном, так и на региональном уровнях, вероятно нельзя. Одним из вопросов, не получивших серьезного, всестороннего анализа, являются недостатки деятельности названного Совета. Информацию о них находим в фондах государственного архива Российской Федерации.

© Дроботушенко Е. В., 2022

Источниками исследования стали Приказы Совета по производственным вопросам за отдельные годы второй половины восьмого десятилетия XX в.

Хронологические рамки исследования определены двумя обстоятельствами. Первое – это объем статьи, который, при подробном рассмотрении предмета анализа, не предполагает обращение к значительному хронологическому периоду. Второе – это, что ко второй половине 1970-х гг. относится появление ряда документов по проблематике исследования.

Недостатки работы Совета нашли выражение, прежде всего, в плохой работе с обращениями граждан. Свойственно это было и иным отраслевым государственным органам Советского Союза.

Необходимость борьбы с данным недочетом в работе отмечалась в решении XXV Съезда КПСС, за которым последовали Постановления ЦК КПСС от 26 апреля 1976 г. «О дальнейшем совершенствовании и улучшении работы с письмами, заявлениями, жалобами» и от 5 марта 1979 г. «Об улучшении приема граждан в партийных, советских и других организациях» [2, л. 42].

Отметим, что плохая работа с документами в Совете по делам религий, как в иных государственных органах, являлась наследием предыдущего времени. Н. А. Белякова в одной из публикаций по работе с жалобами верующих отмечет, что еще 1968 г. было принят закон о порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан [1, с. 655].

Несмотря на формальные попытки исправления ситуации, до конца в Совете по делам религий проблема решена не была и к концу 1970-х гг. В итоге появилось Постановление Совета от 31 октября 1979 г. «О состоянии работы с письмами, заявлениями и жалобами граждан». В нем отмечалось, что Совет отмечает, все отделы Совета, и его уполномоченные в регионах руководствовались в своей работе решением XXV съезда КПСС и указанными выше постановлениями от 1976 г. Большинство писем, поступавших в Совет и его уполномоченным, рассматривались «своевременно и правильно». Также отмечалось, что к концу восьмого десятилетия XX в. улучшилось взаимодействие с местными органами власти. Больше внимание стало уделяться приему граждан [2, л. 42].

Несмотря на отмеченное, по мнению руководства Совета, сохранились и недостатки в работе, причем были они, как в центральном аппарате, так и на местах, в аппаратах уполномоченных. Как отмечалось в постановлении, ряд уполномоченных и должностные лица местных органов власти проявляли формальное отношение к заявлениям верующих: о регистрации религиозных объединений и о возобновлении

деятельности незаконно закрытых церквей. В отдельных случаях просьбы верующих просто игнорировались либо неправомерно отклонялись. С подателями писем серьезной, длительной «терпеливо» работы не велось. Разъяснения по вопросам не проводились [2, л. 42].

Приведенные негативные примеры из опыта работы, как уполномоченных Совета в регионах, так и служащих центрального аппарата привели к потоку жалоб верующих на бездеятельность должностных лиц по решению их вопросов. Жалобы подавались на имя председателя Совета. В постановлении приводился перечень регионов, из которых жалоб поступало особо много. Отметим, что в списке были далеко не все субъекты РСФСР [2, л. 42].

Проблема плохой работы с письмами, заявлениями и жалобами верующих именно в это время стало особо актуальной. Дело в то, что резко возросло количество просьб от общин верующих западных регионов СССР об открытии церквей. Причину этому Совет видел в наличии многих неиспользованных, пустующих культовых построек [2, л. 42]. Согласиться с этим сложно, поскольку пустовали они и ранее.

Возможно, одной из причин была именно плохая работа уполномоченных в регионах. В одном из документов встречаем перечень вопросов, по которым поступали жалобы:

1. неправомерные действия местных органов власти.
2. проработки верующих просителей в трудовых коллективах.
3. запреты проводить ремонт культовых зданий.
4. вмешательство во внутренние дела религиозного сообщества.
5. хищение церковных средств отдельными членами исполнительных органов религиозных объединений
6. вмешательство духовенства в финансовую деятельность исполнительных органов религиозных объединений.

При решении названных проблем, уполномоченные не всегда проявляли должную принципиальность. Из 1 440 чел, посетивших совет в 1978 и 1979 гг., большинство жаловались на необходимость писать повторные заявления и невнимательность со стороны местных органов власти и некоторых уполномоченных совета [2, л. 43].

Одним из документов Совет постановил:

«Обязать отделы союзного Совета, уполномоченных совета по делам республик, краев и областей, в частности:

1. Принять меры к устранению недостатков. Строго руководствоваться постановлениями от апреля 1976 и марта 1979 гг. и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 г. «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан». Обеспечить внимательный, чуткий контроль к рассмотрению каждого дела.

2. Предложить уполномоченным систематически проверять в районных и городских исполкомах состояние дел с рассмотрением заявлений и жалоб.

3. Обязать работников Совета при выезде на место проверять работу уполномоченных Совета по заявлениям и жалобам [2, л. 43].

Вторая проблема – это некачественная работа с документацией сотрудников Совета. Причем существовала она также длительное время и, как отмечается в документах, к концу восьмого десятилетия XX в. даже нашла какое-то решение и была несколько улучшена [2, л. 10].

В то же время сохранившиеся сложно предопределили появление Приказа № 53 от 6 июня 1978 г. «О повышении качества служебных документов Совета». В нем отмечалось улучшение ситуации, и выделялись проблемы

Имели место факты, когда в докладных записках, подготовленных для рассмотрения Совета и годовых информационных отчетах, материал излагался без отбора, анализа, обобщения и редактирования.

В некоторых документах, в частности, в письмах, адресованных уполномоченными Совета и местным органам власти, допускались неточности [2, л. 10].

В целях повышения качества работы председатель Совета приказал:

«1. Зав. Отделам, оперативным сотрудникам, обратить внимание на повышение качества подготовки служебных документов.

2. Документы, подколенные для визирования Председателем и его замами должны визироваться начальниками отдела.

3. Документы, подготовленные к рассмотрению Совета, должны быть сданы не позднее, чем за 4 дня» [2, л. 10].

Еще одна проблема, которая существовала всегда – это плохая отчетность уполномоченных Совета в регионах. Критика в их адрес периодически появлялась в документах Совета в разные годы, и до и после рассматриваемого времени. Следует сказать, что были замечания и по второй половине 1970-х гг. Так, далеко не все уполномоченные Совета предоставили данные о праздновании курбан-байрама [2, л. 10].

Не достаточно качественная и оперативная работа центрального аппарата Совета привела к появлению Приказа за подписью Председателя Совета по делам религий о распределении обязанностей руководителей отделов: «Тов. Рахманкулов М. М. первый заместитель председателя совета. Вопросы: отдела по делам мусульманской и буддистской религий, отдела по делам католической, протестантской, армянской церквей, иудейской религии и сект.

Тов. Фуров В. Г. зам. Пред. Совета. Вопросы: отдела по делам православных церквей.

Тов. Фицев В. В. – зам. Пред. Совета. Вопросы: отдела международных связей [2, л. 42].

Следует отметить, что вопрос о качестве работы с документами вновь обсуждался на следующем XXVI Съезде КПСС. Результатом чего стало появление нового Постановления ЦК КПСС от 4 марта 1981 г. Вслед за ним появилось Постановление Совета Министров РСФСР от 21 апреля 1981 г. [3; 4].

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на появление, начиная со второй половины 1960-х гг. ряда нормативных актов общегосударственного уровня, направленных на оптимизацию работы с заявлениями, жалобами, письмами и обращениями граждан, все проблемы решены не были. Значительное их количество было в органе, реализующем и контролирующем религиозную политику в стране – Совете по делам религий. Прощаемые меры ситуацию несколько улучшили, однако до конца проблемы решены не были, недостатки в работе остались и в дальнейшем перешли уже в 1980-е гг.

Библиографический список

1. *Белякова Н. А.* «Сообщаем о преступлении против правосудия…»: обращения и жалобы верующих в брежневском СССР // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 3. С. 640–658.

2. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р6991. Оп. 6. Д. 1326.

3. Постановление ЦК КПСС от 4 марта 1981 г. «О мерах по дальнейшему улучшению работы с письмами и предложениями трудящихся в свете решений XXVI съезда КПСС» // Прокуратура РСФСР: сборник материалов по вопросам следствия / сост. Я. Я. Пистер, Р. В. Касютина, В. И. Поздновская. М.: [б. и.], 1987. С. 345.

4. Постановление Совета Министров РСФСР от 21 апреля 1981 г. «О мерах по дальнейшему улучшению работы с письмами и предложениями трудящихся в свете решений XXVI съезда КПСС» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/765701373 (дата обращения: 19.11.2021).

УДК 930.1
Е. Е. Дряблова,
доцент, Ивановская государственная медицинская академия

АППАРАТ ЦК РКП(б) И РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В статье рассмотрено влияние историко-партийных органов на развитие исторической науки. Показана руководящая роль данных органов в организации историко-революционных архивов, формировании советской идеологии и нового исторического сознания.

Ключевые слова: архивные учреждения, сбор документов, историческое сознание, историко-партийные институты, формирование советской идеологии, Общество старых большевиков

E. E. Dryablova,
Associate Professor, Ivanovo State Medical Academy

THE APPARATUS OF THE CENTRAL COMMITTEE OF THE COMMUNIST PARTY AND THE DEVELOPMENT OF HISTORICAL SCIENCE DURING THE FIRST YEARS OF SOVIET PERIOD

The article discusses the influence of party-historical institutions on the development of historical science, shows the leading role of the Communist Party structures in the development of historical and revolutionary archives, the formation of Soviet ideology and new historical consciousness.

Keywords: archival institutions, collection of documents, historical consciousness, historical-party institutions, the formation of Soviet ideology, the Society of Old Bolsheviks

В 1920-е годы происходит становление и развитие советской исторической науки, которая была неразрывно связана с созданием новых научно-исследовательских учреждений и институтов и возникновением новой советской идеологии.

Целью данного сообщения является показать на основании материалов протоколов Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК влияние аппарата ЦК РКП(б) на развитие советской исторической науки. Следует отметить, что данные источники являются подлинными и в значительной степени достоверными, позволяющими проследить влияние партии на историческую науку, показать становление аппарата ЦК РКП(б), проследить развитие цензурной политики советского государства.

© Дряблова Е. Е., 2022

Если произвести тематическую классификацию вопросов развития историко-партийной науки из повестки дня заседаний Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК партии, то можно заметить, что содержание основной массы постановлений связано с организационно-кадровыми вопросами. Большинство из них касается становления Истпарта ЦК, то есть Историко-партийной комиссии по изучению истории Коммунистической партии и Октябрьской революции, которая, начиная с конца 1921 года, работала на правах отдела ЦК партии. Истпарт можно охарактеризовать как исторический отдел Российской Коммунистической партии большевиков [1]. Этот орган включал в себя с систему организаций, в которые входили как руководящие органы при ЦК партии, так и истпарты в республиках и губерниях, завершая уполномоченными в волостях и комиссиями на предприятиях и отдельных вузах страны. Истпартовскими учреждениями руководил Истпарт ЦК. По документам об Истпарте ЦК Коммунистической партии губернские истпарты должны были производить собирание, обработку, подготовку к изданию историко-революционных документов, материалов и мемуаров, научно-исследовательских трудов по истории Октябрьской революции и Коммунистической партии большевиков, способствовать созданию историко-революционных архивов, библиотек, музеев и объединениям ветеранов революционного движения [4, с. 103].

Большая часть вопросов, обсуждаемых на заседаниях высших партийных органов, посвящена организационным и кадровым решениям. То же самое относится к подразделу Истпарта – Обществу старых большевиков. В повестке дня достаточно часто упоминается Институт Ленина. В основном его вопросы связаны с кадровой политикой, хотя часть вопросов посвящена политической работе этого научного и партийного учреждения.

Создание Единого партийного архива (ЕПА) и архивное строительство занимает значительное место в заседаниях ЦК. Это внутрипартийная работа по исторической оценке документов и их ценности. Основное внимание опять же уделялось не научным, а организационным моментам. Что касается архивного строительства, то в большей степени аппарат ЦК интересовали не проблемы архивов как научных учреждений, а документов и материалов, хранящихся в них, а также организационного строительства новой науки [3]. Большинство постановлений аппарата ЦК по архивам касаются приобретения архивов видных членов партии и контроля над политической информацией, содержащейся в них [5].

Если подробнее рассмотреть постановления руководящих органов по Истпарту ЦК, то можно сделать вывод, что кадровая политика была одной из форм контроля над научной и издательской деятельностью Истпарта.

Истпарт и Институт Ленина являлись не только научными, но и политическими институтами. Интерес к институтам историко-партийной науки возрос в 1923–1924 и в 1928 годы. Наибольшее внимание ЦК уделял кадровым перемещениям. Это являлось одним из наиболее значимых и действенных методов влияния на историко-партийную науку. Кадровое обеспечение Истпарта, Института Ленина и других структур было в центре внимания аппарата ЦК в 1921–1923 и 1926–1929 годы. Это были годы основных событий внутрипартийной борьбы, а историко-партийная наука тесно связана с историей партийной борьбы.

Органы ЦК не только наблюдали за развитием историко-партийных институтов, но и активно вмешивались в их работу, решали их проблемы. Количество вопросов историко-партийной науки, зафиксированных в повестке дня говорит о стойком и непрерывном интересе к ней.

Большое внимание на заседаниях заседаний Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК партии уделялось вопросам, связанным с формированием исторического сознания. Самой важной группой вопросов являлись вопросы, связанные с организацией революционных праздников [6, д. 707, 710, 712], созданием новой революционной символики, организацией похорон видных революционеров, руководителей государства.

Второй по важности была группа вопросов, связанная с исторически значимыми для партии общественными организациями. Это Всесоюзное общество старых большевиков и Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Всесоюзное Общество старых большевиков было создано в 1922 году при содействии и руководстве Истпарта ЦК [6]. Оно являлось не только общественно-политической организацией, но и исследовательским центром.

К третьей группе вопросов относились кадровая политика в вузах страны, где преподавались история и обществоведение, а также идеологическая политика в этих вузах, увеличение партийного влияния на преподавание истории и обществоведение.

Последняя группа вопросов была посвящена контролю за изданием учебников по истории, работ классиков марксизма-ленинизма, воспоминаний видных революционеров, юбилейных сборников, хроник революционных событий, биографий и мемуаров участников революционного движения, журналов по истории партии, а также вопросам цензуры историко-партийных и исторических книг, распространению исторической информации [2]. В начале двадцатых годов XX века происходит оформление органов государственной и партийной цензуры, для чего в 1922 году создается Главное управление по делам печати и издательства, осуществлявшее функции политической цензуры.

Аппарат ЦК, постоянно решая вопросы историко-партийной науки, сам являлся одной из составных частей этой науки, её организаци-

онно-кадровым элементом. Аппарат ЦК, являясь частью исторического процесса, создавал историко-партийные институты и познавал исторический процесс, историю партии, способствовал формированию новой идеологии и оказывал влияние на развитие исторической науки.

Библиографический список

1. *Алексеева Г. Д.* Истпарт: основные направления и этапы деятельности // Вопросы истории. 1982. № 9.
2. Литературная подкомиссия по празднованию 10-летия Октябрьской революции // Пролетарская революция. 1927. № 2–3.
3. *Пересветов В. А.* Деятельность истпарта по собиранию воспоминаний об Октябрьской революции и гражданской войне // Вопросы истории. 1981. № 5.
4. Положение об Истпартотделе ЦК РКП(б) // Известия ЦК РКП(б). 1923. № 7–8.
5. *Пека О. В.* Архивные документы во внутрипартийной борьбе 1920-х годов // Отечественные архивы. 1992. № 2.
6. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 288.

УДК 94(47) «17/1917»

Т. В. Ершова,
профессор, Московский городской педагогический университет

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ СТАЧЕЧНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье проведен анализ исторической хроники, составленной доктором исторических наук, профессором Г. Г. Касаровым, выявлен информационный потенциал для изучения стачечного движения в России в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: историческая хроника; Первая мировая война; стачечное движение в России

T. V. Ershova,
Professor, Moscow City Pedagogical University

HISTORICAL CHRONICLE AS A SOURCE FOR STUDYING THE STRIKE MOVEMENT IN RUSSIA DURING THE FIRST WORLD WAR

The article examines the significance of the historical chronicle of G. G. Kasarov for the study of the strike movement in Russia during the First World War.

Keywords: historical chronicle; World War I; strike movement in Russia

© Ершова Т. В., 2022

Хроники в исторической науке играют важную роль. На основе хроники выясняется последовательность тех или иных событий и фактов в историческом процессе, их причины и следствия. Такие документальные исследования необходимы для того, чтобы иметь полное представление о произошедших событиях. С помощью хроники можно легко проследить документальное исследование определенной темы, проблемы. Хроники играют ключевую роль для наиболее полного изучения истории. Они нужны для информационного обеспечения исторической науки.

Примером подобного рода масштабных исследований явилось издание книги Г. Г. Касарова «Стачечное движение в России в годы Первой мировой войны. Июль 1914 – февраль 1917 г. Хроника / авт.-сост. Г. Г. Касаров» (М.; СПб.: Нестор–История, 2019. 832 с.)[*]. Георгий Георгиевич Касаров – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Научная и учебно-преподавательская деятельность Г. Г. Касарова хорошо известна отечественным и зарубежным исследователям в области истории. Он опубликовал свыше 250 научных трудов. Сфера научных интересов Г. Г. Касарова очень широкая, особое внимание исследователь уделял стачечному движению в России. Составленная им хроника революционной борьбы российского пролетариата позволяет проанализировать наиболее полные сведения о стачках, произошедших в царской России в годы Первой мировой войны и накануне Февральской революции.

Труд Г. Г. Касарова состоит из предисловия, глав 1914 год, 1915 год, 1916 год, 1917 год (до событий Февральской революции), списка источников и литературы, использованных автором при составлении хроники, динамики стачечного движения в России в условиях Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.), указателя географических названий и предприятий.

Надо отметить, что автор хроники использовал значительное количество научных монографий, сборников документов и материалов, статей, опубликованных в периодической печати, и первоисточников, которые хранятся в архивах, воспоминаний участников революционной борьбы с самодержавием, диссертаций и авторефератов.

В приложении автор хроники привел сведения об участии рабочих в стачечном движении с 19 июля 1914 г. по февраль 1917 г. и по месяцам с 19 июля 1914 г. и до 25 февраля 1917 г. включительно. В географическом указателе приведены сведения по всем губерниям и областям России об общем количестве забастовок и участвовавших в них рабочих.

[*] Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием номера страницы.

В указателе географических названий приведены сведения о количестве стачек и бастовавших рабочих во всех губерниях царской России.

Автор хроники поставил очень серьезную задачу – отразить все многообразие стачечного движения. Г. Г. Касаров собирал материалы о стачечном движении российского пролетариата в архивах Советского Союза и на постсоветском пространстве. Он проанализировал 158 фондов в 37 архивах страны. Среди них были обнаружены многочисленные документы о стачечной борьбе рабочих против буржуазии и царизма. Г. Г. Касаров собрал сведения о стачечной борьбе рабочих в крупнейших архивах СССР – в ГАРФ, РГАВМФ, в Российском государственном архиве Дальнего востока (Томск), в Российском государственном историческом архиве, в Российском государственном военно-историческом архиве, в Центральном историческом архиве республики Казахстан, в Государственном историческом архиве в Киеве, в Центральном государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге, в Центральном историческом архиве Москвы.

Автор собрал большое количество материалов о революционной борьбе рабочих Нижнего Новгорода, в национальном архиве республики Татарстан (Казань), в Национальном историческом архиве Белоруссии, в архивах в Брянске, Владимире, Вологде, Воронеже, Днепропетровске, в Одессе, Николаеве, Костроме, Перми, Ростове, Саратове, Минске, в архивах Архангельска, Свердловска, Ярославля, в Тобольске, Чите, Иркутске, Якутске, Владивостоке, Томске, Охотске, Петропавловске Камчатском. Автор хроники собирал материал о революционном движении рабочих в архивах Усть-Каменогорска, Семипалатинска, Алма-Аты, Ташкента, Ашхабада, Баку, Тбилиси, в архивах Крыма, Вильнюса, Риги и Таллинна.

Особое внимание автор хроники обратил на воспоминания участников революционного движения в России, хранящиеся в архивах. Внимательно были исследованы труды Ф. Лемешева (с. 726), П. Овчинникова (с. 726), М. П. Петракова (с. 726), диссертации и авторефераты Г. В. Беловой, В. М. Самосудова (с. 727). Значительное внимание было уделено опубликованным источникам и литературе, в том числе авторам Н. Авдееву (с. 727), В. Ашуркову (с. 727), Г. В. Беловой (с. 728) К. Войновой (с. 729), Б. Б. Граве (с. 730), В. Г. Касаровой (с. 733) и др.

Изучая революционное движение рабочих России, Г. Г. Касаров привел сведения об общем количестве бастовавших рабочих по месяцам: с 19 июля 1914 г. до конца декабря, в январе – декабре 1915 г., в январе – декабре 1916 г. и в январе – феврале 1917 г. Особое значение для исследователей имеют сведения по дням. Автор хроники отмечал время и дату начала и окончания забастовок. Это позволило привести четкий подсчет

всех экономических и политических стачек и количество бастовавших рабочих за время войны с 19 июля 1914 года до 28 февраля 1917 г.

Автор отмечает, что с 19 по 31 июля в стране было экономических стачек 38, в которых приняло участие 10086 рабочих, политических стачек тоже было 38, в них участвовало 43668 человек (с. 749–750).

В августе 1914 г. в России было 36 экономических стачек, в которых участвовало 15286 рабочих. Политических стачек было 3, бастовало 6247 рабочих. Всего было 39 стачек, в которых участвовало 21533 рабочих (с. 780).

В сентябре 1914 г. экономических стачек было 24, в них приняло участие 13292 рабочих, была одна политическая забастовка с 1400 бастовавшими рабочими (с. 751).

В октябре 1914 г. экономических стачек было 42. В стачках участвовало 14699 рабочих. Политических стачек в этом месяце не было (с. 572).

В ноябре 1914 г. было 27 экономических стачек, в которых участвовало 2668 рабочих. Политических стачек было 11 с общим числом бастовавших рабочих 6306. Всего было 38 забастовок, в которых приняло участие 8974 рабочих (с. 752).

В декабре 1914 г. было 28 экономических стачек, в которых участвовало 16404 рабочих. Политических стачек не было (с. 752–753).

С января 1915 г. общее количество забастовок увеличилось. Экономических стачек было 54, в них участвовало 19952 рабочих. Политических стачек было 21, с количеством бастовавших 3091 рабочих. Всего было 75 забастовок, в которых бастовало 23048 человек (с. 753–754).

В феврале 1915 года в 71 экономических стачках приняло участие 39587 рабочих. В политических стачках участвовало 19 предприятий. Бастовало 4080 рабочих. Всего в феврале 1015 г. стачки были на 90 фабриках и заводах. В них участвовало 43667 человек (с. 574).

Всего в 1915 году в России было 1614 экономических стачек, в которых участвовало 735297 рабочих, политических стачек было 577, в них участвовало 285382 рабочих. Всего в 1915 г. была 2191 забастовка, в этих забастовках приняло участие 1020679 рабочих (с. 748).

В 1916 г. экономических стачек было 2510, в них участвовало 1603373 человек. Политических стачек было 366, в них бастовало 465148 рабочих. Всего в 1916 г. было 2876 стачек. В них приняло участие 2068514 человек (с.748–749).

В январе и феврале 1917 г. было 407 экономических стачек, в которых участвовало 295160 человек и 427 политических забастовок, в которых участвовало 386345 человек. Всего было 834 стачки, в которых участвовало 692010 рабочих. Всего с 19 июля 1914 г. до 28 февраля

1917 года в России было 4724 экономических стачек, в которых участвовало 2706236 человек, 1419 политических стачек. В них участвовало 1194496 рабочих. Всего экономических и политических стачек было 6143, в которых участвовало 3900732 человек (с. 749).

Подведем некоторые итоги. Данная хроника имеет серьезное значение для науки. Это первая большая и полная монография, посвященная стачечному движению в России в годы Первой мировой войны с июля 1914 по февраль 1917 годы. Уникальность данной хроники состоит в том, что она дает самую полную информацию о точном количестве экономических и политических стачек, произошедших в России за названный период, включая дни, месяцы и годы, а также о количестве рабочих, принимающих участие в революционном движении. Кроме этого, стачечное движение представлено на различных уровнях, а именно: дан подробный количественный обзор стачечного движения по стране в целом, по городам, регионам, губерниям, областям России, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Азербайджана, Грузии, Белоруссии, Украины, Литвы, Латвии, Эстонии. В монографии представлены полные данные по стачкам на тех или иных отраслях и группах производства. Особый интерес представляет подробный анализ источников, использованный при составлении данной хроники.

Данная монография будет значительной помощью, путеводителем для исследователей-историков, изучающих стачечное движение в России с июля 1914 по февраль 1917 гг., для интересующихся данной проблемой. Хроника окажет неоценимую помощь в преподавании исторической науки. В хронике дана подробная информация по каждой стачке в отдельности, что помогает понять и исследовать стачечное движение в его развитии. Структура представления данных, стачка за стачкой, серьезно увеличивает информационный потенциал хроники.

Хроника Г. Г. Касарова является серьезным вкладом в исследование истории России. Она открывает большие возможности для новых исследований стачечного движения в России. Данная хроника является полноценной источниковой базой для исторической науки. Учитывая уникальность данной монографии, есть все основания считать, что она будет в числе наиболее востребованных научных трудов по истории стачечного движения царской России.

УДК 94(470+571).084.5
Ю. А. Ильин,
профессор, Ивановский государственный университет

СКЛАДЫВАНИЕ МЕХАНИЗМА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ДИКТАТУРЫ КАК ВАЖНЕЙШЕГО КОМПОНЕНТА ПОЛИТИКИ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА В РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ (2-я ПОЛОВИНА 1918 г.)

В статье показан поиск правящим режимом эффективных методов изъятия у деревни продовольствия в объемах необходимых для обеспечения выживания населения и тем самым сохранения власти в своих руках. В условиях острого продовольственного кризиса и отсутствия ресурсов даже для псевдорыночного товарообмена с товаропроизводителями власти оперативно перешли на силовую методику отношений с крестьянами, тем самым расширив геополитическое пространство и число участников для явления гражданской войны в стране.

Ключевые слова: режим, крестьянство, продовольствие, изъятие, псевдорыночный товарообмен, силовая методика отношений

Yu. A. Ilyin,
Professor, Ivanovo State University

FORMATION OF THE MECHANISM OF THE FOOD DICTATORSHIP AS THE MOST IMPORTANT COMPONENT OF THE POLICY OF WAR COMMUNISM IN THE RUSSIAN COUNTRYSIDE (2ND HALF OF 1918)

The article shows the search by the ruling regime for effective methods of seizing food from the village in the amounts necessary to ensure the survival of the population and thereby preserve power in their hands. In the conditions of an acute food crisis and lack of resources even for pseudo-market commodity exchange with commodity producers, the authorities promptly switched to a forceful method of relations with peasants, thereby expanding the geopolitical space and the number of participants for the phenomenon of civil war in the country.

Keywords: regime, peasantry, food, seizing, pseudo-market commodity exchange, power method of relations

После «елецкого опыта» изъятия хлеба, фуражного зерна, картофеля, скота «под метелку» (июль – август 1918 г.) отчетливо высветились намерения государства, прежде всего в лице продовольственно-комбедовских властных структур, отбросить всякие формальности во

© Ильин Ю. А., 2022

взаимоотношениях с крестьянством и сделать ставку в заготовительной кампании 1918 г. на репрессии. Об этом прямо говорилось в постановлении СНК от 5 сентября о «красном терроре» и обращении ЦК РКП(б) от 21 сентября 1918 г. к комитетам партии, членам партии [9]. Настал тот исторический момент, когда от режима требовалось принятие решений, причем экстренно, по корректировке уже проводившихся над крестьянством экспериментов образцово-показательного изъятия продовольственных излишков, которые бы придали окончательно принятому курсу представительный характер, характер продовольственного мероприятия всероссийского масштаба, проводимого в интересах и при участии самой общественности страны.

И коммунистический режим пошел на такие меры. Вначале необходимо было успокоить мучимое голодом население городов, фабрично-заводских поселков и сел страны: 6 августа 1918 г. СНК опубликовал декрет «О привлечении к заготовке хлеба рабочих организаций» [14]. Суть его: крупные профсоюзные рабочие организации, в том числе и железнодорожные, фабзавкомы, уездные и городские Советы получали право организовывать продотряды из рабочих и крестьян для отправки в хлебные губернии с целью приобретения по твердым ценам или путем реквизиции хлеб у крестьян-кулаков. Позднее, в инструкции Наркомпрода (НКП) предусматривалось 50 % заготовленного продотрядами продукта, в соответствии с плановыми нарядами данного ведомства, направлять в те местности, откуда прибывали эти реквизиционные силы [4]. Такая мера частично, ибо организации требовали самостоятельной заготовки в счет плановых нарядов НКП, удовлетворяла запросы голодающего населения, возрождала в нем надежды на физическое выживание в условиях острого продовольственного кризиса.

Центром были предприняты усилия и по нейтрализации негативного отношения крестьянства к попыткам государства взять хлеб урожая 1918 г. Так, в телеграмме В. И. Ленина и А. Д. Цюрупы «Всем губернским Совдепам и продкомиссиям» от 18 августа 1918 г. был в просередняцкой интерпретации подан декрет от 11 июня, в свое время вызвавший у держателей хлеба целую гамму чувств (от недоумения до озлобления) [10]. Далее, декретом СНК от 8 августа 1918 г. были повышены в 3 раза твердые цены на хлеб, еще установленные Временным правительством 27 августа 1917 г. Цены на хлебные продукты выросли: по ржи – до 12,25–18,5 рублей/пуд, пшеницы – 15,25–22,75 рублей/пуд, овсу – 12,0–18,75 рублей/пуд и т. д. Именно с августа 1918 г. в основу государственной политики регулирования цен кладется принцип строительства системы твердых цен на предметы широкого потребления в соответствии с твердыми ценами на хлеб, при этом существовавшие твердые цены на хлеб брались как исходный рубеж. Повышались и,

главное, упорядочивались в централизованном порядке, нормы продовольствия, фуража и других продуктов, оставляемых в крестьянских хозяйствах. Здесь наблюдалась разительная перемена в пользу последних, если сравнивать соответствующие нормы, введенные постановлением НКП от 1 июня 1918 г. [15].

И, наконец, такая крупная уступка центральной власти как организация государственного товарообмена с держателями хлеба (декрет СНК от 8 августа 1918 г. «Об обязательном товарообмене в хлебных сельских местностях») [16]. Последняя мера при повышении твердых цен сыграла ключевую роль в изменении настроений сельских товаропроизводителей к продовольственной политике государства. Ввиду важности ее, остановимся на ней подробнее.

Государство, еще реально отказывая деревне в установлении паритета твердых цен на сельскохозяйственные товары и промтовары, частично компенсировало потери крестьянства путем: а) объявления приоритета товарообменных операций над денежными в деле закупки крестьянской продукции. Это было уместно в условиях «дикой» инфляции, когда денежные знаки стремительно обесценивались и не имели для сельского населения былой притягательной силы; б) возложения товарообменных операций на государственные, общественные и частные учреждения (что создавало для крестьянства известный маневр рыночного характера: сыграть на колебаниях цен и вызвать конкуренцию в среде заготовителей); в) усиления роли кооперации в системе товарообмена. Договорные отношения государства и кооперации означали более свободное использование последней товаров для обмена вне распределения по душам. У крестьян-пайщиков кооперативов и кредитных товариществ появилась надежда не только сохранить свои вклады, но и преумножить их в ходе реализации урожая 1918 г.; г) установления более благоприятного для крестьянства стоимостного эквивалента обмена промтоваров на продовольствие (100:85). Разница со стороны крестьянства покрывалась деньгами, для сравнения, до декрета 8 августа 1918 г. эквивалентный обмен составлял 25:100, государство оплачивало держателям разницу денежными знаками [19]; д) введения своеобразного «двоевластия» методов заготовки хлеба в указанных декретом 12 хлебопроизводящих губерниях страны, их относительно «мирное существование» в продовольственной сфере.

На практике эти меры правительства свелись на местах к прямому товарообмену кооперативов с держателями хлеба на индивидуальной и коллективной основе. Из доклада комиссара продовольствия Головенкина на I Дмитровском уездном делегатском съезде комбедов (Воронежская губерния. 15 сентября 1918 г.): «…товарообмен является ныне единственной возможностью получать необходимые нам продукты,

которые не продаются крестьянами ни за какие деньги, но охотно обмениваются на необходимые им вещи…». Из доклада председателя губпродкома (ГПК) Воробьева на II Курской губернской конференции РКП(б) от 25–27 октября 1918 г.: «…Ссыпка хлеба и хлебных продуктов на ссыпные пункты ГПК проходит весьма интенсивно. Не приходится пока совершенно прибегать к принудительным мерам отчуждения, чему в значительной степени способствует товарообмен…» [1].

В данном случае региональные власти пошли на поводу у товаропроизводителей продовольствия (своеобразный «продовольственный Брест», заключенный местными властями и крестьянством). Но такая тактика, по мнению делегатов Курской губпартконференции, несла в себе новую «опасность, так как в кооперативах обосновались спекулянты и кулаки…» [2]. Аналогичные предупреждения в адрес федеральной власти шли из Пензенской и Псковской губерний, Брянского района, центрально-черноземных регионов страны. В них приводились факты о распределении среди населения по завышенным ценам промтоваров через кооперативы, «оккупации» последними рынка немонополизированных товаров, низведении на вторые позиции губернских контор Центрозакупа, победе вольных цен над твердыми даже при заготовке монополизированных товаров, многочисленных случаях индивидуального товарообмена. Кооперативы при этом получали поддержку со стороны местных продорганов. Последние вводили на своих территориях щадящий режим «продовольственной диктатуры» [11].

Шедшие в регионах процессы вызвали у советского режима серьезные опасения потерять рычаги управления в сборе продовольствия (проглядеть «продовольственную корниловщину»), одновременно упрочили его стремление перейти к привычным волевым методам воздействия на крестьянство. Да и ограниченные возможности экономики страны дать деревне необходимые самому пролетарскому городу промтовары дискредитировали идею такого товарообмена. Так, к лету 1918 г. в Курскую губернию из Центра прибыло промтоваров на сумму 7 млн рублей. По мнению же самих заготовителей, в уездах губернии скопилось 18–20 млн пудов хлеба, чтобы их взять через товарообмен требовалось промтоваров на сумму 300–350 млн рублей. И это не считая заготовок немонополизированных продуктов. Другой факт: в Дмитровском уезде той же губернии за август–сентябрь 1918 г. было распределено среди сельского населения промтоваров на сумму 709946 рублей. Товары делили по следующим нормам: мануфактура – по 2 аршина на 1 человека, обувь – 1 пара на 200 человек, 1 пара галош – на 250 человек, нитки – на 30 копеек на 1 человека, 1 фунт чая – на 120 человек, спички – 1 коробок на 4 человека, железо кровельное – по 20 фунтов на селение, упряжь – по жребию и т. д. [3].

Крестьянство негативно отреагировало на данный механизм товарообменных операций государства с деревней: с марта 1918 г. по 1 января 1919 г. в деревню было отправлено промтоваров (по твердым ценам) на сумму до 2 млрд рублей, а заготовлено чуть более 50 млн пудов хлеба, что составило 18 % исчисленного НКР излишка данного продукта в крестьянских хозяйствах. А в целом, за кампанию 1918/ 1919 гг. – промтоваров на сумму 4 млрд рублей (из 9 – по Республике), а было заготовлено 108 млн 141 тыс. пудов хлеба, то есть было изъято 38,6 % исчисленных НКР излишков продукта [12].

В связи с этим центральная власть пошла на ревизию принятой выше методики изъятия у крестьян урожая 1918 г., сведя ее к внеэкономическому принуждению сельских товаропроизводителей. Так, под нажимом Центра, а порой и по собственной инициативе, местная администрация приступила к «окоммунариванию» товарообмена, низведению его до уровня трехстепенного средства в помощь реквизициям, начала кампанию по разгону сети кооперативных организаций руками комбедов.

Еще одним проявлением перехода государства на военно-коммунистические принципы взаимоотношений с мелкими товаропроизводителями стало поглощение НКП аппарата и агентуры на местах представительных заготовительных организаций, установление монополии продкомов Советов депутатов в продовольственной сфере страны [13].

Таким образом, на рубеж октября–ноября 1918 г. пришлась новая массированная атака на позиции мелкотоварной деревни, причем режим наносил двойной удар по держателям хлеба: а) через переучеты урожая 1918 г. в крестьянских хозяйствах (как правило, сопровождавшиеся пересмотром в сторону уменьшения, – для потребляющей полосы – 7-ми пудовая норма хлеба на едока, для производящей полосы – 9-ти пудовая норма на едока, – норм продовольствия и фуражного корма, оставляемого скоту; б) через экспроприацию денежных средств, – путем уплаты чрезвычайного революционного налога, – вырученных крестьянами в свое время за продажу на вольном рынке своей сельскохозяйственной продукции. Здесь режим широко задействовал силы комбедов, продкомов и ЧК.

О том, каким настроением была охвачена тогдашняя деревня, свидетельствуют следующие факты. В докладе И. М. Глыбина в Тейковский уездный исполком о поездке в Крапивновскую, Коварчинскую и Румянцевскую волости (Иваново-Вознесенская губерния) 31 октября – 3 ноября 1918 г. отмечалось: «…В деревнях одно и то же – крестьянство недовольно деятельностью комбедов, которые правят свою власть, не имея под рукой никаких инструкций, кроме декрета…все власти к 7-ми пудовой норме и отбиранию излишков хлеба питало затаенное враждебное отношение…» [5]. Из доклада Симакова о ревизии Юрьевского

исполкома и об общем собрании, созванном 26 ноября 1918 г. (Тверская губерния): попытка организаторов собрания навязать вопрос о новой норме хлеба и снятии пайка для скота взбесила крестьянскую массу, с ее стороны посыпались угрозы сначала в адрес председателя комбеда Кузьмина, а затем и президиума: «…После этого они силой заставили писать резолюцию товарищей коммунистов, смысл которой значился, что в Тверской Губсовет они не дадут ни одного фунта хлеба, а останутся на старом пайке и ссыпку хлеба в общий волостной фонд делать не будут…» [6].

Ярко и убедительно звучали доводы крестьян против непосильных поборов в счет чрезвычайного революционного налога. Из наказа Старо-Письмянского волостного съезда сельских Советов: «…Товарищи, обратите внимание на деревню, не бросайте ее на произвол судьбы, соберите последние силы, восстановите пути сообщения и дайте деревне одеться, быть с огнем, дайте деревне соли, спичек, табаку, дайте ей железа; деревня выбивается из последних сил, она трепещет перд страхом весенней невозможности обработать землю при отсутствии желеха. Просите от деревни все, берите у нас все, но дайте ей возможность сытно дожить до весны и с железом в руках приступить к милому труду на земле-кормилице…» [17].

Но власти не восприняли эти доводы деревни. Как правило, они, исчерпав средства агитационного воздействия на население, направляли в деревню отряды. Последние устраивали повальные обыски крестьянских дворов, осуществляли реквизиции (зачастую незаконные), накладывали на строптивые селения и волости контрибуции и штрафы, учиняли психологическое и физическое давление в отношении якобы «злостных» неплательщиков чрезвычайного революционного налога [7].

Посылка таких отрядов и диктат комбедов на местах втягивали крестьянство в борьбу с режимом. Период ноября–декабря 1918 г. – время массового сопротивления сельского населения продовольственной политике государства как в активно (бунты, восстания), так и в пассивной (утаивание продовольствия, подача ложных сведений переписчикам, опротестовывание результатов учетов и переучетов урожая 1918 г., бойкот заготовительной кампании, агитация, угрозы, «эпидемия» перевыборов неугодных Советов и комбедов) формах [8]. Разумеется, все эти моменты не способствовали деятельности НКП в указанный период.

Итак, рубеж 1918/19 гг. – время обострения продовольственного кризиса в стране, Положение усугублялось вступлением России в новый этап гражданской войны (в связи с окончанием первой мировой войны и начала интервенции бывших союзников по Антанте), ростом напряженности в среде крестьянства по поводу взимания чрезвычайного революционного налога и ожидаемого переучета продовольственных запасов

крестьянских хозяйств, оскудением потребительского рынка сельскохозяйственными товарами в связи с истощением продовольственных запасов деревни и роста числа в ней покупателей продуктов. Все эти моменты требовали от центральной власти немедленного создания (под стать самой сути чрезвычайной политики) жесткого оперативного механизма по выкачке продовольствия из крестьянских хозяйств, причем в тех объемах, которые обеспечивали бы условия существования самого режима и его социальной базы.

На II продовольственном совещании (30 декабря 1918 г. – 6 января 1919 г.) А. Ф. Брюханов, заместитель наркома продовольствия, заявил: «Мы установили и предоставляем держателям хлеба тот эквивалент, который им причитается и, если хлеб все же не поступает, тогда единственным и последним средством извлечения хлеба является сила материальная и сила принуждения…» [20]. Тем более опыт вятских и елецких заготовок (июнь – август 1918 г.) подсказывал: необходима разверстка в государственном масштабе. Так появился знаменитый декрет СНК «О разверстке между производящими губерниями зерновых хлебов и фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства» от 11 января 1919 г. [18].

Библиографический список

1. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии: сб. док. Курск, 1957. С. 424; Комитеты Воронежской и Курской областей. Воронеж, 1935. С. 268.

2. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии… С. 424.

3. Вестник по продовольствию (Курск). 1918. № 6–7. С. 16, 38–39.

4. Государственный архив РФ (ГАРФ), ф. 130, оп. 2, д. 706, л. 370.

5. Там же. Ф. 393, оп. 3, д. 154, л. 248 об.–250.

6. Там же. Д. 133, л. 109–110.

7. Там же. Ф. 130, оп. 2, д. 443, л. 125.

8. Там же. Ф. 393, оп. 3, д. 154, л. 250; ф. 1954, оп. 1, д. 13, л. 60; Советы в эпоху «военного коммунизма». Ч. 1. М., 1928. С. 373; Советская газета (Кострома). 1918. 22 ноября

9. Комитеты бедноты Московской области: сб. док. М., 1938. С. 155–156; *Романенко В. В*. В борьбе с контрреволюцией. Саратов, 1985. С. 77.

10. Комбеды РСФСР: сб. док. М., 1933. С. 52–53.

11. Там же. С. 194–195; Комитеты бедноты. Т. 2. М., 1933. С. 129; Октябрь на Брянщине: сб. док. и восп. Брянск, 1957. С. 154; Розенбек К. К. Комитеты деревенской бедноты в Псковской губернии в 1918 г. // Красная летопись (л), 1929. № 6. С. 218 и др.

12. Правда (Москва). 1919. 25 января, 22 февраля; *Давыдов М. М*. Государственный товарообмен между городом и деревней в 1918–1921 гг. // Исторические записки (М). 1982. Т. 108. С. 44.

13. Продовольственное дело (Москва). 1918. № 29. С. 21; № 30–31. С. 13.
14. Сборник Узаконений (Москва). 1918. Ст. 633. С. 690.
15. Там же. № 62. Ст. 983; О союзе крестьян и рабочих. М., 1918. С. 26–37; Рабочий край (Иваново-Вознесенск), 1918. 28 декабря.
16. Советы в эпоху «военного коммунизма»... С. 373; Советская газета (Кострома), 1918. 22 ноября.
17. Советы в эпоху «военного коммунизма». С. 223–224.
18. Сборник Узаконений (Москва). 1919. № 1. Ст. 10.
19. *Фрумкин М.* Товарообмен в период «военного коммунизма» // Вопросы торговли (М). 1929. № 11. С. 67.
20. Там же. С. 68.

УДК 908/373

Л. В. Исакова,
старший преподаватель, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

СОСТАВ И КОМПЕТЕНЦИЯ УЕЗДНОГО УЧИЛИЩНОГО СОВЕТА (на примере Арзамасского уездного Училищного совета Нижегородской губернии)

В статье представлены состав и анализ основных направлений деятельности Арзамасского уездного Училищного совета Нижегородской губернии, выполненный на основе изучения «Журналов заседаний» Совета с 1875 по 1897 гг. Основное внимание уделено «текущим» вопросам деятельности Совета.

Ключевые слова: училищный совет, начальное народное училище, уезд, члены совета

L. V. Isakova,
Senior Lecturer, Arzamas Branch of Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

STRUCTURE AND COMPETENCE OF THE COUNTY SCHOOL COUNCIL (on the example of the Arzamas County School Council Nizhny Novgorod province)

The article presents the composition and analysis of the main activities of the Arzamas County School Council of the Nizhny Novgorod province, based on the study of the «Meeting Logs» of the Council from 1875 to 1897. The main attention is paid to the «current» issues of the Council's activities.

© Исакова Л. В., 2022

Keywords: school council, elementary public school, county, members of the council

«Положение о начальных народных училищах» от 14-го июля 1874 г. (далее – Положение) распространяло свое действие на всю Российскую империю и действовало до 1917 г. Особое внимание данный акт уделял составу и компетенции уездных и губернских училищных советов, на которые возлагался «надзор и контроль» за начальным народным образованием на подведомственной им территории. При этом именно первые (уездные советы) непосредственно взаимодействовали как с начальными училищами (учителями, законоучителями, учениками), так и с губернским советом, земством, сельскими обществами, волостными правлениями и попечителями училищ [2, с. 836]. В связи с чем сфера их деятельности была предельно широка.

Статьей 27 Положения было закреплено, что уездные училищные советы находятся в ведении министерства народного просвещения. Пунктом «а», названной статьи, предусматривалась определенная структура такого совета. Он создавался и действовал «под председательством уездного предводителя дворянства», и состоял из «инспектора народных училищ, членов: по одному от министерства народного просвещения по назначению попечителя учебного округа, от министерства внутренних дел по назначению губернатора и от епархиального ведомства по назначению архиерея; двух от уездного земского собрания (по статье 28, они были обязаны представлять «земским собраниям ежегодно сведения о состоянии в уезде… народных училищ, в содержании которых участвует земство») и одного от городского общества, если оно жертвует на школы, по выбору сего общества» [2, с. 838].

На практике, как это видно из анализа протоколов Арзамасского уездного Училищного совета (или, как они официально назвались, «журнальных постановлений»), данное положение строго соблюдалось. Так, например, заседание Арзамасского уездного Училищного совета 11 мая 1876 г. состоялось «под председательством уездного предводителя дворянства Ф. Б. Полуэктова и в присутствии членов – уездного исправника Н. П. Залесского, И. П. Кутлубицкого, К. Н. Дмитриева, священника В. С. Никольского, штатного смотрителя И. А. Игнатьева» [5, л. 43]. Под документом приведены подписи всех названных выше лиц.

В примечании к статье 27 Положения также указано, что «в случае болезни или отсутствия предводителя дворянства, а равно и лиц, исправляющих их должность, в училищном совете председательствует… инспектор народных училищ» [2, с. 838]. Однако, как правило, инспектор начальных народных училищ Нижегородской губернии не принимал участия в заседаниях Арзамасского уездного Училищного совета

вообще, т. к. он не упоминается как член Совета. В случае отсутствия самого председателя назначалось «доверенное» лицо, которое и исполняло его основные обязанности. В журнальных постановления Арзамасского уездного Училищного совета нередко можно встретить указание «за председателя Совета…», должностные обязанности которого исполнял член Совета от земства И. П. Кутлубицкий [5, л. 138; 149 об.], сам являющийся попечителем Алемаевского начального народного училища Арзамасского уезда Нижегородской губернии и хорошо знакомого с особенностями «школьного дела».

Нижегородская губерния входила в состав Московского учебного округа, созданного в 1803 г. Руководство округом осуществлялось через училищный комитет попечителем, который фактически являлся посредником между Московским университетом и Министерством народного просвещения. В Нижнем Новгороде с 1874 г. действовал губернский Училищный совет на который была возложена координация деятельности уездных Училищных советов губернии.

Наглядную иллюстрацию сложившейся на практике ситуации демонстрируют архивные материалы Государственного архива Нижегородской области г. Арзамаса, содержащие в своих фондах журналы заседаний Арзамасского уездного училищного совета с 1875 года по 1897 год включительно [5, 6].

В указанный хронологический период на территории Арзамасского уезда существовало около 30 сельских (училища открывались, закрывались, принималось решение о временном закрытии отдельных училищ) и 5 городских (Владимирское, Ильинское, Кирилло-Мефодиевское, Рождественское, Троицкое) начальных народных училищ, при этом 3 городские училища, а именно Кирилло-Мефодиевское, Троицкое и Рождественское имели женские отделения. Из числа сельских начальных народных училищ женское отделение было только в училище села Выездная Слобода.

Положением о начальных народных училищах 1874 г. компетенция уездных Училищных советов была обозначена четко, в основном за счет конкретного указания на должностные обязанности его председателя. Он имел право «устранять неблагонадежных преподавателей от исполнения их обязанностей». Однако, окончательное решение об увольнение таких учителей, должен был принять уездный Училищный совет. Кроме того, Положением были предусмотрены и иные обязанности предводителя дворянства. Так, он должен был посещать, «по мере возможности, по общему званию попечителей народных училищ, начальные училища своего уезда, вникая во все их нужды и изыскивая все местные способы к их удовлетворению» (статья 38), а также «всеми зависящими от него способами содействовать поддержанию сущест-

вующих начальных училищ и открытию новых, равно как и правильному посещению оных учащимися» (статья 39). Статьей 40 Положения предусматривалось, что «при посещении начальных училищ предводители дворянства удостоверяются в нравственных качествах преподавателей и в полезном влиянии их на учащихся», а «по всем заслуживающим особого внимания делам начальных народных училищ предводители дворянства могут входить в сношения с попечителем учебного округа; а статьей 42, «в случаях особой важности – и непосредственно с министром народного просвещения» [2, с. 840].

Подавляющее большинство рассмотренных вопросов тематически относятся к числу «текущих» для уездного Училищного совета. Это вопросы, во-первых, посвященные назначению на должность и отстранение от должности учителей начальных народных училищ, их перемещением из одного училища в другое, нередко осуществляемые по просьбе самих учителей, а также о допущении к исполнению учительских обязанностей, окончивших курс в учительских и духовных семинариях, женском епархиальном училище и женской прогимназии, в том числе и с условием последующей сдачи экзамена на «звание учителя»; во-вторых, о выдаче свидетельств мальчикам, закончившим обучение в училищах и выдержавших экзамен, проводимый «испытательной комиссией» на знание курса начального училища, дающих право на получение льготы, предусмотренной пунктом 4 статьи 56 раздела IV «Об отсрочках и льготах по образованию» главы VI Устава о воинской повинности 1874 г. [4, с. 19]. Следует подчеркнуть, что льгота эта имела весьма важное значение, так как данный уровень образования «при отбывании… воинской повинности по жеребью», предусматривал установление сокращенных сроков службы. Как правило, с последним вопросом была связана работа Совета по составлению плана и графика подвижных испытательных комиссий, которые не только должны были быть составлены, но и отправлены инспектору народных училищ Нижегородской губернии, а также циркулярно разосланы во все училища уезда для ознакомления желающих сдавать экзамены и опубликованы, с этой же целью в Губернских ведомостях [5, л. 2; 2 об.]. В-третьих, вопросы об открытии, закрытии и временном закрытии училищ. Как правило, поступали на рассмотрение Совета указанные вопросы по приговорам сельских обществ, которые или готовы были открывать и поддерживать училища в своих селах, или, наоборот, отказывались оказывать материальную помощь своему училищу. В качестве исключения можно привести примеры, когда местные сельские общества практически не принимали участия в «школьном деле», а открытое у них училище полностью содержалось за счет попечителей [1, с. 90]. В Арзамасском уезде таких училищ было немного, к ним, прежде всего, относятся

Алемаевское училище, попечителем которого был упоминаемые ранее И. П. Кутлубицкий, и Кержемокское училище, открытое с 1 января 1876 г. на основании решения уездного Училищного совета, принятого 30 декабря 1875 г. вследствие заявления от 9 декабря 1875 г. арзамасского купца И. М. Иконникова, который вплоть до своей смерти в конце 1879 г. финансово поддерживал как само училище, так и работающего там учителя [5, л. 30 об.].

К числу так называемых «текущих» вопросов также следует отнести и вопросы о распределении денежных средств, выданных Земским собрание Арзамасского уезда на нужды народного образования уезда. Основная часть земских сумм шла на выплату жалованья учителям, учительницам и законоучителям начальных народных училищ [5, л. 165; 6, л. 20]. Остатки от выделенных земством денег тратились на поправление технической стороны училищ и, главным образом, на приобретение книг для училищных библиотек и учебных пособий для училищ [5, л. 164]. Денег этих, как правило, оказывалось недостаточно, что вызывало длительную переписку по данному вопросу с земской управой и членами от земства в уездном Училищном совете [5, л. 104–105].

Весьма значительны по своему количеству и по объему ответы на запросы губернского Училищного совета и отправка новых запросов в губернский Училищный совет, с целью разъяснения особенностей организации дела народного образования. К данной категории дел целесообразно отнести и переписку Совета с инспектором и директором народных училищ Нижегородской губернии [6, л. 32 и др.].

Училищный совет активно взаимодействовал с местными сельскими обществами и волостными правлениями, которые своими «приговорами» не только обращались в уездный Училищный совет за разрешением об открытии училища, но и должны были представить закрепленные приговором гарантии его поддержки, в том числе, содержать необходимое для училища помещение, обеспечивать его отопление, освещение и нанять сторожа для него, а также по мере возможности нанять помещение для учителя (или разместить его в отдельной комнате при самом училище) [5, л. 115 об.] и, в отдельно взятых случаях, финансово поддерживать учителя. В случае же отказа общества от материальной поддержки местного училища, Совет принимал решение о закрытии последнего, как было, например, с начальным народным училищем села Водоватово Арзамасского уезда [5, л. 28]. В отдельных случаях такое взаимодействие осуществлялось через волостное правление. Так, например, 11 мая 1876 г. посредством «донесения Пановского волостного правления о том, что крестьяне села Панова считая для себя содержание Пановского училища обременительным, общественным своим приговором положили училище это закрыть» [5, л. 43].

Отдельно необходимо отметить тесное взаимодействие уездного Училищного совета с Духовной консисторией, как органом епархиального управления, т. к. именно она «производит управление и духовный суд в поместном пределе православной российской церкви, именуемом епархией» [3]. В текстах журнальных постановлений часто встречаются указания на запросы, отправляемые Консистории или «епархиальному начальству», связанные с назначением законоучителей для училищ уезда, на которых возлагалось преподавание Закона Божия, а также вопросы о награждении законоучителей, из числа местных священников и диаконов, по части церковного ведомства – скуфьей [5, л. 112] или камилавкой [5, л. 30; 112 об.]. Также Совет запрашивал у Консистории разрешения на преподавание Закона Божия лицами, окончившими курс в Духовных училищах, в том числе и «девицами, окончившими курс в Епархиальных духовных училищах» [5, л. 161 об.], в связи с тем, что отдельные священнослужители уезда, ссылаясь на занятость, в виду «многочисленных и трудных обязанностей» не хотели заниматься преподаванием [5, л. 125] или не посещали вверенное им училище [5, л. 144].

Таким образом, анализ журналов заседаний Арзамасского уездного Училищного совета за период с 1875 по 1897 гг. представляет возможность изучить состав и компетенцию уездного Училищного совета, на который были возложены контроль и надзор за народным образованием в уезде. Рассмотрение представленных протокольных постановление позволяет выделить в отдельную категорию дел «текущие вопросы», которые возникали с определенной периодичностью и подлежали непременному разрешению Советом.

Библиографический список

1. *Исаков А. А., Пичугина Е. А.* Попечительство в профессиональном образовании Арзамаса второй половины XIX – начала XX века // Вопросы исторического и экологического регионоведения: сборник статей участников региональной научно-практической конференции / научный редактор А. А. Исаков, отв. редактор В. И. Грубов. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2020.

2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 49. Отделение 1. СПб., 1877. № 53574.

3. Устав Духовных консисторий. СПб.: Синодальная типография, 1843.

4. Устав о воинской повинности. Высочайше утвержденный 1-го января 1874 года. М.: В университетской типографии, 1874.

5. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4.

6. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9.

УДК 94(470.314)"1887/1917":336
Т. А. Ковров,
аспирант, Ивановский государственный университет

УЧАСТИЕ ДВОРЯН В УЧЁТНО-ССУДНЫХ КОМИТЕТАХ ПРИ ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ (1887–1917 гг.)

Статья посвящена исследованию участия дворян в учётно-ссудных комитетах при отделениях Государственного банка Владимирской губернии. Акцентируется внимание на причинах утверждения лиц из дворянского сословия в должности члена комитета. Приводятся данные о количестве дворян, состоявших в учётно-ссудном комитете при Владимирском отделении Госбанка в период с 1887 по 1917 г., а также биографические сведения.
Ключевые слова: дворяне, Государственный банк, Владимирское отделение, учётно-ссудный комитет, кредитование

T. A. Kovrov,
Post-graduate student, Ivanovo State University

THE PARTICIPATION OF NOBLES IN THE ACCOUNTING AND LOAN COMMITTEES AT THE BRANCHES OF THE STATE BANK OF THE VLADIMIR PROVINCE (1887–1917)

The article is devoted to the study of the participation of nobles in the accounting and loan committees at the branches of the State Bank of the Vladimir province. The attention is focused on the reasons for the approval of persons from the nobility as the member of the committee. The article provides data on the number of nobles who were in the accounting and loan committee at the Vladimir branch of the State Bank in the period from 1887 to 1917, as well as biographical information.
Keywords: the nobles, the State Bank, the Vladimir branch of the State Bank, the accounting and loan committee, the lending

Дворянство обрело свои характерные черты «к 1785 г., когда Жалованная грамота дворянству предоставила последнему право создания губернских дворянских обществ, другими словами, дворянских корпораций, просуществовавших, видоизменяясь в определённой степени с течением времени, до 1917 г.» [2, с. 81–82]. Согласно данной грамоте, «дворяне наделялись всевозможными привилегиями и атрибутами власти: правом владеть имуществом и капиталом, заключать разнообразные имущественные сделки, вступать в обязательства, иметь собствен-

© Ковров Т. А., 2022

ное помещение для собрания, а также печать, делопроизводство и архив» [2, с. 82].

В пореформенный период большинство дворян стало «приобщаться к капиталистическому предпринимательству. Это проявлялось в основном во вкладах в банки, а также в обращениях к ссудному, акционерному и функционирующему капиталу» [2, с. 92]. Земельное дворянство осознавало, что «рядом с ним возникает другой класс, приобретающий огромное значение в социальном строении государства, – торгово-промышленная буржуазия» [2, с. 166]. С другой стороны, у дворянства появились дополнительные возможности вхождения в развивающиеся капиталистические отношения. Это связано с тем, что в дворянской среде стало происходить накопление капитала, а «с 1902 г. дворянству была предоставлена полная свобода в их хозяйственной, предпринимательской и финансовой деятельности» [2, с. 186]. В это же время отечественный аграрный сектор в России в целом и «крупное дворянское землевладение в частности стало развиваться в рамках тенденций, характерных и для всех других отраслей капиталистического хозяйства в стране» [2, с. 186].

С 1880-х гг. лиц из дворянского сословия стали активно привлекать к участию в учётно-ссудных комитетах при губернских и уездных отделениях Госбанка. Это было обусловлено тем, что именно «с 1880-х гг. произошли изменения в кредитной политике Госбанка. Изменения коснулись прежде всего кредитования производителей сельскохозяйственной продукции, ранее почти не развитого в главном банке империи» [3, с. 219].

В соответствии с Правилами в учётно-ссудные комитеты при местных учреждениях Госбанка вводились по 2–4 авторитетных землевладельца «по соглашению с местными предводителями дворянства и председателями земских управ с утверждения министра финансов» [3, с. 220].

В Государственном архиве Владимирской области (ГАВО) имеется фонд № 310 («Владимирское отделение Госбанка»), который содержит огромное количество дел по личному составу указанного комитета с информацией о членах комитета, компетенциях их в разных сферах промышленности и торговли, причинах утверждения в должности члена комитета и т. д. Также при написании данной статьи автором были задействованы отдельные материалы фонда № 243 ГАВО («Владимирское дворянское губернское депутатское собрание»), а именно формулярные и наградные списки нескольких членов дворянского собрания.

Учётно-ссудный комитет, созданный при Владимирском отделении Госбанка, специализировался на кредитовании торговли и сельского

хозяйства, поскольку деловая активность была сосредоточена именно в этих сферах предпринимательских отношений. С 1887 по 1917 г. в разные годы в учётно-ссудном комитете при Владимирском отделении Госбанка состояли 10 представителей дворянского сословия г. Владимира: В. Н. Екимецкий, П. В. Кутанин, М. М. Леонтьев, Д. Е. Львов, А. А. Микулин, А. А. Протасьев, Н. В. Рагозин, Г. Д. Смирнов, Л. А. Федосеев и Е. С. Щербачёв. Отразим их деловой облик и степень участия в деятельности комитета на примере Д. Е. Львова и П. В. Кутанина.

1. Дмитрий Егорович Львов. «Родился 25 октября 1842 г. в г. Владимире Владимирской губернии. Был из потомственных дворян. Православного вероисповедания. Родовое имущество включало в себя близ г. Владимира 254 десятины земли и в г. Владимире деревянный дом» [1, ф. 243, оп. 3, д. 447, л. 1 об.].

Д. Е. Львов «в 1858 г. окончил полный курс при Костромской губернской гимназии в землемерно-таксаторских классах со званием частного землемера и таксатора и 25 октября того же года вступил в службу письмоводителем к предводителю дворянства Чухломского уезда Костромской губернии» [1, ф. 243, оп. 3, д. 447, л. 2]. На протяжении 1860–1890-х гг. Львов, как можно увидеть из данных формулярного списка о службе, занимал ряд должностей по различным губернским ведомствам Костромской, Виленской и Владимирской губерний. Назовём лишь некоторые из них: «канцелярский чиновник контрольного отделения Костромской палаты государственных имуществ, помощник бухгалтера Виленской казённой палаты, бухгалтер Владимирской казённой палаты, депутат Владимирского дворянства, почётный мировой судья по Владимирскому уезду, владимирский уездный предводитель дворянства» [1, ф. 243, оп. 3, д. 447, л. 2–5].

Указами правительствующего Сената по департаменту герольдии Львов за выслугу лет был произведён в следующие чины, последовательно от низшего к высшему: «коллежский регистратор → губернский секретарь → коллежский секретарь → титулярный советник → коллежский асессор → надворный советник → коллежский советник → статский советник» [1, ф. 243, оп. 3, д. 447, л. 2–4].

В формулярном списке о службе Львова значится дата первоначального утверждения «в должности члена учётно-ссудного комитета при Владимирском отделении Госбанкапо операции выдачи ссуд под сельскохозяйственные кредиты – 16 марта 1888 г.» [1, ф. 243, оп. 3, д. 447, л. 4]. К сожалению, в личном деле Львова отсутствуют сведения о причинах его утверждения в этой должности. Вероятно, управляющий отделением руководствовался тем, что Львов имел образование в сфере сельского хозяйства, а значит, хорошо разбирался в вопросах земледелия и

аграрной отрасли экономики в целом и таким образом мог сообщать банку полезную информацию о состоянии сельскохозяйственных дел.

Благодаря сохранившимся в архивных документах спискам членов комитета за период 1890–1900-х гг. можно сделать вывод, что Львов исправлял свои обязанности в комитете, как минимум, до 14 марта 1905 г. включительно, а, возможно, и дольше. Столь долгая служба по ведомству Госбанка в целом и конкретно по Владимирскому отделению объяснялась двумя причинами. Во-первых, в вышеобозначенных списках значатся следующие записи об имущественных делах Львова: «Ведёт сельское хозяйство в собственном имении, заключающемся в 254 десятинах земли во Владимирском уезде; хорошо знаком с сельским хозяйством» [1, ф. 310, оп. 1, д. 183, л. 19, 27]. То есть Дмитрий Егорович был успешным землевладельцем, компетентным в вопросах сельского хозяйства. Во-вторых, Львов хорошо посещал заседания комитета. Например: «за двухлетний срок с 19 февраля 1897 г. по 19 февраля 1899 г. Львов посетил 9 заседаний из 12-ти» [1, ф. 310, оп. 1, д. 183, л. 51]. Или: «в течение двухлетнего срока с 24 февраля 1899 г. по 24 февраля 1901 г. Львов не пропустил ни одного заседания комитета» [1, ф. 310, оп. 1, д. 183, л. 87].

За многолетнюю службу по должности члена комитета Львов был представлен к почётной награде. Из наградного списка Львова следует, что «в 1902 г. государь император соизволил пожаловать Львову орден Св. Владимира 3 степени» [1, ф. 310, оп. 1, д. 287, л. 13].

В целом Дмитрий Егорович Львов состоял в комитете по сельскохозяйственным кредитам около 17 лет, как минимум (с 1888 г. по 1905 г.), а, возможно, и дольше.

2. Павел Васильевич Кутанин. «Родился 7 августа 1846 г. в г. Владимире. Происходил из потомственных дворян. Был православного вероисповедания. Родовое имущество состояло из 306 десятин земли при сельце Марьине и деревне Немцовой Владимирского уезда. Благоприобретённое заключалось в 1087 десятинах земли при сельце Скворцове с деревнями Суздальского уезда» [1, ф. 310, оп. 1, д. 79, л. 78 об. – 79].

П. В. Кутанин «по окончании полного курса наук в школе межевых топографов вступил в службу в межевую канцелярию младшим землемерным помощником с чином XIV класса с обязанностью прослужить по межевому ведомству 5 лет с 28 августа 1864 г.» [1, ф. 310, оп. 1, д. 79, л. 85]. В течение 1870–1910-х гг. Кутанин занимал немалое количество должностей по различным уездным ведомствам Владимирской губернии. Приведём самые значимые из них: «Гороховецкий уездный землемер, член Владимирской уездной земской управы, почётный мировой судья по Ковровскому уезду, непременный член уездного по крестьянским делам

присутствия при Суздальской уездной земской управе, земский участковый начальник Владимирского уезда, предводитель Владимирского уездного дворянства» [1, ф. 310, оп. 1, д. 79, л. 84 об. – 101].

Указами правительствующего Сената по департаменту герольдии Кутанин за выслугу лет был произведён в те же чины в той же самой последовательности, что и Львов (см. ранее в статье. – *Т. К.)*. Правда, последний чин, в которые произвели Кутанина, был выше, чем у Львова, – «действительный статский советник» [1, ф. 310, оп. 1, д. 79, л. 98].

Из содержания формулярного списка о службе Кутанина следует, что он был утверждён «министром финансов в должности члена учётно-ссудного комитета при Владимирском отделении Госбанка по выдаче ссуд под соло-векселя 24 марта 1887 г.» [1, ф. 310, оп. 1, д. 79, л. 13]. К сожалению, в личном деле Кутанина нет сведений о причинах его утверждения в должности члена комитета по сельскохозяйственным кредитам. По всей видимости, управляющий отделением руководствовался тем, что Кутанин некоторое время занимал должности, относящиеся к сельскому хозяйству (см. выше в статье. – *Т. К.*), а значит, был компетентен в этой сфере экономики и мог сообщать банку ценные сведения о состоянии дел в сфере сельского хозяйства.

На основании данных формулярного списка о службе Кутанина можно сделать вывод, что «он занимал должность члена комитета непрерывно с 1887 г., и последнее утверждение на двухлетний срок в этой должности датировано 5 сентября 1915 г.» [1, ф. 310, оп. 1, д. 79, л. 63].

Архивные данные содержат запрашиваемую Госбанком в разные годы информацию о Кутанине. Например, сведения от 16 августа 1913 г.: «Не занимает должностей в частных кредитных учреждениях, а также в должностях податного инспектора, члена губернского и уездного податного присутствия не состоит. Торговлей не занимается. Имущественные дела находятся в хорошем состоянии. Не кредитуется в отделениях Госбанка» [1, ф. 310, оп. 1, д. 79, л. 65 об. – 66]. В архивных материалах сохранилась краткая запись о нравственных качествах Кутанина: «Весьма хорошие» [1, ф. 310, оп. 1, д. 79, л. 66].

Кутанин добросовестно посещал заседания комитета, о чём свидетельствуют архивные данные. Так, «за двухлетний срок с 5 сентября 1911 г. по 5 сентября 1913 г. было проведено 10 заседаний комитета, и Кутанин посетил все из них» [1, ф. 310, оп. 1, д. 79, л. 66].

В общей сложности Павел Васильевич Кутанин работал в комитете чуть более 30 лет: с 24 марта 1887 г. по 5 сентября 1917 г.

Таким образом, представители дворянского сословия с середины 1880-х гг. и до 1917 г. включительно принимали участие в работе учётно-ссудных комитетов, учреждаемых при местных отделениях Государ-

ственного банка. Приглашение предпринимателей из дворянского сословия в учётно-ссудные комитеты обуславливалось изменениями в кредитной политике Госбанка, поскольку он стал активно развивать операции по кредитованию производителей сельскохозяйственной продукции. В течение работы в комитете дворяне сообщали банку ценные сведения о состоянии сельскохозяйственных дел в соответствующем городе или уезде. В результате они участвовали в развитии капиталистических отношений в сельском хозяйстве губернии в конце XIX – начале XX в.

Библиографический список

1. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 243. Оп. 3. Д. 447. Ф. 310. Оп. 1. Д. 79, 183, 287.

2. *Иерусалимский Ю. Ю.* Первое сословие ушедшей империи: ярославское дворянство и его корпоративные организации во второй половине XIX – начале XX в. Ярославль: ЯрГУ, 2020. 312 с.

3. История Банка России: 1860–2010: в 2 т. Т. 1: Государственный банк Российской империи. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 623 с.

УДК 94(470+571).084.5

И. А. Комиссарова,
доцент, Ивановский государственный университет

ПРОМЫСЛОВЫЙ НАЛОГ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ПРОБЛЕМЫ СБОРА, РОЛЬ В БЮДЖЕТЕ

Промысловый налог был введен в советском государстве в первые годы новой экономической политики и на весь период нэпа оставался основным налогом, который платило городское население, занимающееся торговлей, промыслами и задействованные в промышленности. В статье названы основные изменения в законодательстве, определены проблемы при организации, сборе и выстраивании системы обложения данным налогом.

Ключевые слова: новая экономическая политика, промысловый налог, патентный сбор, уравнительный сбор, прямые налоги

© Комиссарова И. А., 2022

I. A. Komissarova,
Associate Professor, Ivanovo State University

TRADE TAX IN THE FIRST YEARS OF NEW ECONOMIC POLICY: LEGISLATION, PROBLEMS OF COLLECTION, ROLE IN THE BUDGET

The trade tax was introduced in the Soviet state in the early years of the new economic policy and for the entire period of the NEP it remained the main tax paid by the urban population engaged in trade, crafts, and industry. The article names the main changes in the legislation, identifies the problems in organizing, collecting, and building a system for imposing this tax.

Keywords: new economic policy, trade tax, patent fee, equalization fee, direct taxes

Налоговая политика, как и налоговая система советского государства, начали складываться в годы новой экономической политики. До начала 1920-х годов можно говорить об отдельных мероприятиях в налоговой сфере, большей частью связанных с отменой налогов предыдущего периода и введением чрезвычайных (временных) налогов. В 1920-м году все эти мероприятия привели к отмене взимания всех денежных налогов. Собственно нэп начался с налогового мероприятия замены продразверстки продналогом, основным плательщиком которого было крестьянство. Город же в 1921 году долго оставался без налога. Положение было исправлено в июле. Из известных видов платежей всего предыдущего периода, новым условиям больше всего отвечал промысловый налог. Разработку положения о налоге поручили вновь создаваемому Центральному налоговому управлению при НКФ, который активно задействовал сохранившиеся с дореволюционного времени материалы. Это освободило НКФ от объемной предварительной работы и позволило довольно оперативно опубликовать новый декрет.

26 июля 1921 года СНК утвердил «Положение о промысловом налоге» [8]. Это положение вводило прямой налог, которым «облагаются все не национализированные торговые и промышленные предприятия…, а также личные промыслы, занятия». Промысловый налог делился на патентный и уравнительный сбор. Для определения ставок сбора торговые и промышленные предприятия разделялись на разряды по внешним признакам (количество рабочих, торговая и производственная площадь). Уравнительный сбор вводился как дополнительный к патентному сбору, его платили предприятия, получающие достаточно большие доходы. Брался он с оборота по истечении каждого месяца в

размере оклада, определяемого налоговой комиссией на 6 месяцев вперед. Ответственность за взимание налога возлагалась на местные (губернские) финотделы, в ведении которых утверждалась должность фининспектора.

Новый промысловый налог был первым денежным налогом в условиях новой экономической политики, но также как и натуральный продуктовый налог на сельское хозяйство характеризовался множественностью платежей (патентный и уравнительный сборы) и запутанностью учета объектов обложения. К недостаткам постановления относилось, и малое число введенных разрядов, что позволяло значительной части потенциальных плательщиков, избежать платежа. Собственно поэтому у денежных налогов вообще и промыслового, в том числе, было очень низкое фискальное значение. Так по итогам сбора денежных налогов поступило: прямых платежей – 6,6 % от числа всех доходов [4, с. 9]. В экономике республики эти суммы играли незначительную роль, их с трудом хватало на покрытие расходов по содержанию аппарата. Круг плательщиков был ограничен, большей части они были финансово несостоятельны, при этом почти полностью отсутствовала податная дисциплина среди населения. Набор этих факторов убеждал налоговый аппарат в том, что в ближайшее время прямые налоги не смогут играть существенную роль в бюджете. Поэтому на второй конференции финотделов, состоявшейся в конце 1921 года, было решено перенести тяжесть обложения в сферу косвенных платежей [3, с. 124].

В 1922 году на XI съезде РКП(б), при обсуждении проблемы унификации налога, председатель НКФ Г. Я. Сокольников желая освободить налоговый аппарат от обязанности производить учет по промысловому налогу, средства от которого все равно уходят в губернские и волостные исполкомы, предложил перевести этот сбор в разряд местных платежей. В защиту этого предложения Сокольников выдвигал следующие аргументы: места будут заинтересованы в более успешном проведении компании по промысловому налогу. А центральный налоговый аппарат освободится для разработки более стройных, сложных налогов [1, с. 304]. То есть со слов председателя НКФ, по сути, единственный государственный налог на торговлю и промышленность признавался малоэффективным и обременительным. Но отмена его и понижение статуса могли привести к потере важного способа контроля и надзора, в первую очередь, за частной торговлей и промышленностью. Этого государство допустить не могло, даже в ущерб финансовым интересам. С этой целью предполагали увеличить количество разрядов и дополнительно обложить торговлю предметами роскоши.

И новое постановление о промысловом налоге вышло в феврале 1922 года. Государственные, кооперативные, артельные, общественные

предприятия, не поименованные в особом списке, стали облагаться на общих основаниях. В особый список предполагалось включить национализированные предприятия крупной и обрабатывающей промышленности. В постановлении было предусмотрено более дробное деление на разряды. Количество разрядов промышленных предприятий осталось прежним – 12, но при этом признаки отнесения предприятий к тому или иному разряду претерпели существенные изменения. Так, например, предприятие с количеством рабочих 75 человек в 1921 году, относящиеся к 12 (высшему) разряду, в 1922 году попадало под обложение только по 6 разряду, для отнесения к высшему разряду число рабочих должно было быть не менее тысячи человек. По новому положению уравнительный сбор стали брать с промышленных предприятий всех разрядов, до этого от сбора освобождались низшие разряды, а торговые заведения стали платить сбор, начиная со второго разряда. В дополнение к положению НКФ издал правила о промысловом обложении производства предметов роскоши и торговли ими [9].

Таким образом, унификация налога пошла по экстенсивному пути, за счет расширения круга, привлекаемых к платежу субъектов и объектов обложения и увеличения размера ставок. Изымаемые при помощи налога средства, правительство, помимо покрытия расходов на его сбор, направляло на развитие и поддержку национализированных предприятий. Промысловый налог в этот период времени выполнял еще одну функцию. Он косвенным образом влиял на эмиссию, т. к. изымал из обращения денежные средства.

К 1923 году практически закончился процесс оформления торговли и промышленности новой экономической политики. Если первые годы нэпа характеризовались массовым появлением мелких предприятий с незначительным капиталом, то к 1923 году торговый капитал начал смещаться в сферу оптовой торговли и распространился на сельский товарооборот. Государственная промышленность по-прежнему оставалось убыточной. ВСНХ, представители трестов и синдикатов неоднократно обращались в НКФ с просьбой понизить процент обложения. На что и члены коллегии НКФ и работники ЦНУ заявляли, что о сокращении налогов думать пока не приходиться. Как следствие этих процессов, актуальным стал вопрос о рационализации промыслового обложения.

Для реализации замыслов разработчики, прежде всего, преследовали цель – увеличение числа плательщиков. В первый год своего существования налогом облагались, исключительно, не национализированные предприятия, количество и оборот которых, еще были слишком малы. Чтоб хоть как-то увеличить фискальное значение платежа и рас-

ширить круг плательщиков в число, учитываемых рабочих на промышленных предприятиях, включали всех работоспособных членов семьи и других родственников, которые участвовали в производстве, хотя бы и безвозмездно [5].

Одновременно пытались решить проблемы с практикой обложения. В 1922 году одной из основных текущих проблем являлся собственно сам центральный налоговый аппарат. Он был плохо организован, не укомплектован, финансирование и материальная база также недостаточны, а советская власть и центральные партийные органы требовали от ЦНУ увеличения поступлений в бюджет, улучшения качества работы. «Необходимо сейчас же взяться за организацию аппарата для взыскания более крупных концентрированных налогов, которые дадут реальный доход и реально покроют расходы» [1, с. 356]. Но только работы по организации налогового аппарата было мало, не решало главной проблемы увеличения поступления налога в бюджет. Требовалась работа с плательщиками, пересмотр категорий и объектов обложения. Только, что введенное в практику положение очень быстро переставало отвечать текущей ситуации в экономике, как следствие не выполнять своей главной функции и в том числе мало помогало в учете и контроле за торговлей и промышленностью.

Представители налогового аппарата замечали, что найти новые объекты обложения сложно, но можно ввести дифференциацию среди уже привлеченных к налогу объектов [6]. Так, например, в положении 1922 года торговые предприятия в закрытых помещениях на разряды не делились. Значительно выросли доходы ремесленников и кустарей, для которых так же не предусматривались разряды.

Декрет 1923 года в целом ситуацию не изменил, и сам мало изменился, усложнили только структуру налога. С января 1923 года ставки патентного сбора стали расписываться в декрете для каждого плательщика (ранее указывалась средняя ставка), увеличили количество разрядов личных промысловых занятий, привлекли к обложению занимающихся торговым посредничеством, в очередной раз повысили ставки в уже существующих разрядах. Дирекция и владельцы предприятий жаловались, как раз на определение налоговыми комиссиями оборотов и доходов и размер ставок. Например, в практике 1923 года ставки промыслового налога увеличивалось дважды и сопровождалось более дробным делением на разряды. Государственные тресты, синдикаты, комбинированные, акционерные и смешанные общества и общества взаимного кредита стали облагаться уравнительным сбором в порядке установленном особыми правилами [7].

Увеличение числа плательщиков промыслового налога положительно сказалось на объеме поступлений в бюджет. В 1923/1924 хозяй-

ственном году, в сравнении с 1922/1923 годом сумма выросла почти в два раза (с 58 миллионов рублей [11, оп. 1, д. 5390, л. 105–107] до 113 миллионов рублей [11, оп. 5, д. 731, л. 3]).

ВСНХ же отмечал сокращение мелких и средних торговых предприятий в связи с тем, что пересмотр деления на разряды, посредством сужения признаков низших разрядов привел к тому, что ряд небольших и средних торговых заведений попали в высшие разряды, где ставки оказались обременительны.

По ходу кампании 1923/1924 уже началась работа по подготовке к следующему налоговому году. Заведующий отделом прямых налогов Кутлер предлагал отказаться от пересмотра основных принципов обложения и ограничиться частными изменениями (увеличить патентный сбор, уменьшить уравнительный, ввести более дробную дифференциацию признаков деления на разряды, ввести в число этих признаков расходы на аренду торговых помещений) [2, с. 204]. Предложения ВСНХ сводились к облегчению обложения государственной промышленности и торговли за счет отмены государственного подоходного налога и создания системы легко перелагаемых налогов. Для этого, ВСНХ предлагал скомбинировать уравнительный сбор с акцизами, отказавшись от патентного сбора [10].

Основными плательщиками налога оставались частные предприятия. По числу выбранных патентов в налоговую кампанию 1924/1925 годов, частники составляли 84,4 % от общего числа выбранных патентов [11, оп. 1, д. 1096, л. 73]. Среди расходов плательщиков промысловый налог так же играл ощутимую роль. Причем, чем выше разряд предприятия, тем выше расход на уплату налога в сравнении с другими затратами (местный налог на строение, гербовый сбор, другие добровольные или принудительные сборы, аренда помещений, содержание служащих, плата за коммунальные услуги). Так во II разряде уравнительный и патентный сборы составляли 3,39 % к обороту, содержание служащих – 4 %, аренда помещений – 3 %. В V разряде налог составлял –2,06 % от оборота, аренда – 1,1 %, содержание служащих – 1,4 % [11, оп. 2, д. 713, л. 93].

Характерной чертой промыслового обложения промышленности, в основном государственной, была многократность. Предприятия, входящие в тресты и синдикаты облагались как отдельные объекты платежа, и с главной конторой, как часть объединения [12].

Промысловый налог был самым стабильным из всех существующих прямых налогов. За 5 лет существования сложились определенные традиции в его проведении. Постоянный круг плательщиков и реже, чем в остальных изменение ставок сбора обеспечивали стабильный приток

средств по этому платежу в бюджет. Причем, около 19 % составлял промысловый налог в сумме всех налоговых поступлений в местных бюджетах и государственном бюджете: в государственном бюджете в общей сумме всех доходов около 4 % [11, оп. 5, д. 731, л. 2]. В местных бюджетах, в среднем – среди всех налоговых доходов составлял около 47 %, т. е. промысловый налог был важной составной частью не только государственного бюджета, но и местного. С учетом того, что в местные бюджеты перечислялась только надбавка к промысловому налогу, меньшая основного оклада налога. Но при сборе налога податной аппарат использовал методы, те же, что и в 1921 году, поэтому считаем, что при таком подходе к унификации и сохранении этой практики рост поступлений скорее был явлением временным. Даже такой вариант устраивал налоговый аппарат в условиях авральной работы. Более сложное реформирование было не доступно.

Библиографический список

1. XI съезд РКП(б): Стенографический отчет. М. 1961.
2. Вторая Всесоюзное финансовое совещание. Стенографический отчет. Работа секций и резолюции. М., 1925.
3. Вторая конференция финотделов. М., 1921.
4. *Голованов С.* Государственный бюджет РСФСР // На новых путях. Итоги НЭП 1921–1922 гг. Вып. II: Финансовый. М., 1923.
5. Известия. 1921. 27 июля.
6. Налоги и налоговая политика // Экономическая жизнь. 1922. 9 сентября.
7. Положение о государственном промысловом налоге // Известия. 1923. 20 января.
8. Положение о промысловом налоге // Известия. 1921. 27 июля.
9. Положение о промысловом налоге // Известия. 1922. 10 февраля.
10. *Постников Г.* Госпромышленность и система обложения // Торгово-промышленная газета. 1925. 2 августа.
11. Российский государственный архив экономики. Ф. 7733.
12. Тресты об обложении промышленности // Экономическая жизнь 1923. 1 июля.

УДК 94 (57)
Е. В. Конев,
доцент, Сибирский университет потребительской кооперации (Новосибирск)

ХРИСТИАНЕ ВЕРЫ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ КУЗБАССА И ХАКАСИИ В 40–60-е гг. XX ВЕКА

В статье на основе архивных материалов исследуется состояние и жизнедеятельность общин христиан веры евангельской Кузбасса и Хакасии в середине XX века. Освещается взаимодействие верующих с местной властью. Свидетельствуется, что христиане веры евангельской являются традиционными сообществами в рамках конфессионального многообразия региона.
Ключевые слова: Христиане веры евангельской, пятидесятники, протестантизм, верующие, Кузбасс, Хакасия, Совет по делам религиозных культов

E. V. Konev,
Associate Professor, Siberian University of Consumer Cooperation (Novosibirsk)

CHRISTIANS OF THE EVANGELICAL FAITH OF KUZBASS AND KHAKASSIA IN THE 40–60S OF THE XX CENTURY

Based on archival materials, the article examines the state and activity of communities of evangelical Christians in two regions of Siberia in the middle of the XX century. The interaction of believers with local authorities is highlighted. It is testified that Christians of the evangelical faith are traditional communities within the confessional diversity of the region.
Keywords: Evangelical Christians, Pentecostals, Protestantism, believers, Kuzbass, Khakassia, Council for Religious Cults

Христиане веры евангельской (ХВЕ) или пятидесятники относятся к поздним течениям протестантизма. Их численность в Сибири заметно увеличилась во время Великой Отечественной войны и в первые годы после её окончания, когда на спецпоселение прибыло огромное количество верующих из западных областей СССР, а также реэмигрантов из Китая. Кроме того еще 50–60 семей переехали из Средней Азии [7, с. 221]. Так, на территории Кемеровской области и Хакасской автономной области ХВЕ действовали в Сталинске (Новокузнецке), Кемерово, Прокопьевске, Киселевске, Анжеро-Судженске, Юрге, Абакане, Черногорске, а также во многих районах и селах. В Кемерово, например, 15–20 пятидесятников собирались в районе шахты «Северная» и 8–10 в поселке Заискитимка [2, л. 6–8]. А в Сталинске 20–25 верующих проводили богослужения в Теш-логу и ещё несколько в Байдаевке [1,

© Конев Е. В., 2022

л. 78]. По национальному составу в пятидесятнических объединениях находились русские, немцы, украинцы, белорусы и др.

Лидеры направлений ХВЕ стремились распространять свою веру и привлекать новых членов за счет миссионерской деятельности. Особо отличились в этом общины пятидесятников Хакасии и ряда городов Кузбасса. И на протяжении середины 1940 – начала 1950-х гг. увеличивалась численность верующих, а во многих местах возникали новые организации пятидесятников. Пополняли общины как прибывшие в Сибирь спецпоселенцы, так и местные жители, работавшие вместе с верующими на предприятиях, учреждениях. Так, в Анжеро-Судженске 50 пятидесятников возглавлял С. И. Гаврилов, поддерживавшим связь с верующим из Кемерово Ф. Ф. Мацкевичем. Последний являлся благовестником, который разъезжал по городам Кузбасса с целью организации пятидесятников [1, л. 72–74]. А в Таштаголе пророчествовал М. Холодов. Он предсказал, что Анжеро-Судженск, имея огромное количество шахт, в скором времени уйдет под землю. И многие анжеро-судженские верующие переехали в Таштагол. В 1953 г., например, уверовал будущий пресвитер Б. В. Зудерман [4, с. 22]. В том же году в Черногорск из Анжеро-Судженска для миссионерской деятельности местной пятидесятнической общиной был направлен Г. Л. Ващенко. Он организовал из отдельных групп верующих, а также из бригады строителей-шабашников, которой сам и руководил. Кроме того, Ващенко и несколько его единомышленников разъезжали по населенным пунктам Хакасии, и с их помощью общины ХВЕ были созданы в с. Очуры, пп. Майна и Соры Усть-Абаканского и Алтайского районов [9, л. 107]. Таким образом, во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. пятидесятнические общины возросли численно и усилили миссионерскую деятельность.

Заметно активизировали свою деятельность ХВЕ во время «хрущевской оттепели». В это время были амнистированы осужденные в 1930–1940-е гг. за антисоветскую деятельность. Так, в 1956 г. освободился дважды судимый по ст. 58-10 и 58-11 Уголовного кодекса (УК) РСФСР В. Г. Плоцкий, уроженец Москвы, временно проживавший в Шахты Ростовской области. В течение 5 лет он перемещался по многим городам СССР, занимаясь исцелением, и, наконец, остановился в Сталинске (Новокузнецке). С 1957 г. в Кемеровской пятидесятнической общине состоял М. Д. Котельников, который во время второй мировой войны служил в казачьих частях гитлеровских формирований, боровшихся против партизан во Франции, Югославии, Болгарии. В 1951 г. он был приговорен Военным Трибуналом СССР к 25 годам лишения свободы [5, с. 591, 596], но после сентябрьского (1955 г.) указа Президиума Верховного Совета (ВС) амнистирован [6, с. 320]. В Хакасии верующие П. Е. Подгорный, Н. А. Кудашкин, А. С. Волошин, В. Ф. Ярощук также

имели судимость [9, л. 108]. Кроме того, в объединениях ХВЕ находились репатрианты из Германии и судимые по ст. 193 за уклонение от службы в советской армии и по ст. 54-1 «а» УК за измену Родины. Амнистированные верующие становились лидерами и организаторами отдельных групп ХВЕ, и чаще их деятельность, как правило, являлась альтернативной к «советскому образу жизни».

Пятидесятники Хакасии, Кузбасса, а также других регионов страны были не только связаны между собой общей судьбой, но и имели родственную линию. В трудных условиях они поддерживали друг друга. Например, черногорские ХВЕ постоянно сотрудничали и переписывались с единоверцами из Канска, Енисейска, Сталинска (Новокузнецка), Анжеро-Судженска, Находки Приморского края, часто посещали близлежащие города. Пресвитер Г. Л. Ващенко выезжал даже в Краснодарский и Ставропольский края, а также в Кабардино-Балкарию и Казахстан [8, л. 20]. А дочь барнаульского проповедника И. Н. Оробея переехала в Черногорск, выйдя замуж за местного верующего.

Следует отметить, что довольно часто происходили конфликты между ХВЕ и соседями-неверующими. В бараках и общежитиях неверующие возмущались пятидесятниками, проводившими богослужения ночью. Так, в марте 1959 г. в Сталинске уполномоченный Совета по делам религиозных культов (СДРК) по Кемеровской области Г. М. Яровой проводил беседу с Л. И. Цирульниковой, У. М. Парчайкиной, Н. И. Кайдаловым. Все они явились свидетелями, отвергнутых ими, исповедуемых культов пятидесятниками. И за отказ посещать молитвенные собрания верующие Цирульниковой говорили, что у тебя дети нечистые, ты будешь наказана Богом, ты ходишь в кино, а это значит в ад, а мы идем молиться Богу, показывающему нам дорогу в рай. А в Кемерово гражданка М. М. Суглобова рассказывала в облисполкоме, что её после смерти матери несколько раз приглашала на молитвенные собрания верующая заискитимской группы пятидесятников М. Стенчикова. Её руководителем являлся И. Н. Иванов, с которым вместе в школе училась Суглобова. Хорошо зная криминальное прошлое Иванова, она ни разу не посетила собрание [5, с. 499–500, 595]. Таким образом, стороны конфликта не всегда находили компромисс и взаимопонимание. Неверующие жильцы нередко сами, как Цирульникова и Суглобова, сдавали местным властям пятидесятников.

В небольших городах и поселках местная администрация без санкции прокурора штрафовала пятидесятников и конфисковала религиозную литературу. Аналогичный случай произошел в Таштаголе, где председатель райисполкома Гримм составил акт о незаконной деятельности ХВЕ и изъял у пресвитера Б. В. Зудермана Библию. И только после прошения последнего о возвращении собственности Гримм был

приглашен в областной центр для оформления прокурором документа о конфискации религиозной литературы в Таштагольский народный суд [5, с. 547–548].

Наиболее «злостных нарушителей» советского законодательства о культах органы МВД и прокуратуры привлекали к ответственности на основании ст. 142 и 227 УК РСФСР. Постановление Президиума ВС РСФСР от 4 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественного полезного труда…» давало возможность властям выселять активных деятелей «религиозных сект» в отдаленные места. Например, в Черногорске, в 1961–1962 гг. 10 пятидесятников были осуждены за «активную сектантскую деятельность» и 5 высланы на основании Постановления Президиума от 4 мая 1961 г. в районы Крайнего Севера [9, л. 91, 94]. Пресвитер таштагольских ХВЕ Б. В. Зудерман так же, как и анжеросудженский И.П. Яшков, и черногорский Я. А. Миллер, находился в ссылке на севере Томской области [10, л. 48–49; 3, л. 220].

В связи с антирелигиозной кампанией Советского государства ХВЕ в 1960-е гг. раскололись на «умеренных» и «радикалов». Однако разделения пятидесятников на 2 группы, как у евангельских христиан-баптистов (ЕХБ), не произошло. Обе части состояли в одной общине, и расходились они в основном по методам действий, понятиям религиозного учения. Первые толковали, что Советская власть, как и любая другая на земле, установлена Богом. Поэтому законы и представителей властей необходимо уважать и подчиняться им, за исключением запрета проводить богослужения. «Радикалы», приравниваясь к диссидентам, активно сопротивлялись Советскому государству и готовы были страдать за веру. В частности, они утверждали, что Советская власть – безбожная, установлена сатаной.

В Черногорске в течение 1962–1963 гг. радикальная часть пятидесятников (Х. П. и А. В. Ващенко, Р. Я. Миллер, М. П. Волошина, А. П. Макаренко и др.) настойчиво стала добиваться выезда из СССР, главным образом в США. Они письменно обращались местным властям и Председателю Президиума ВС СССР Л. И. Брежневу. А в январе 1963 г. эта группа пятидесятников отправилась в Москву, американское посольство, но безрезультатно. После возвращения ряд верующих, демонстративно отказываясь от советского гражданства, оставил паспорта в горисполкоме и райисполкоме. Многие дети пятидесятников-радикалов перестали посещать средние школы. А также в первой половине 1960-х гг. ХВЕ, следуя примеру Инициативной группы ЕХБ, предъявили требование властям освобождение всех единоверцев из Исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) [10, л. 46; 11, л. 85–89]. Однако из 15 пятидесятников Черногорска, находившихся в заключении и в ссылке, «радикалов» поддерживали лишь 6. Например, осужденный

пресвитер Г. Л. Ващенко, ссылаясь на вероучение пятидесятников, отвергал как «противоугодные Богу» действия по активному сопротивлению властям и по выезду за границу [10, л. 37]. Его поддержал ряд единоверцев из Кузбасса и других регионов.

Местные органы власти в первой половине 1960-х гг. усилили репрессии по отношению к радикальной части пятидесятников. В частности, товарищеские суды лишили как осужденных верующих, так и участников движения за выезд из СССР родительских прав. Дети П. П. Ващенко, например, были направлены на государственное воспитание в Ачинскую школу-интернат [12, л. 19–20]. Кроме того, городская администрация предпринимала меры по срыву собраний пятидесятников (выставление заградительных отрядов из дружинников, составление актов о незаконной деятельности, вызовы активных проповедников в горсовет). Но ХВЕ стали постоянно менять места проведения богослужений и собираться небольшими группами по квартирам единоверцев, и они ещё в большей степени замкнулись, прекратили заниматься миссионерской деятельностью.

К середине 1960-х гг. Советское государство изменило политику по отношению к протестантским объединениям. Местные власти, по наставлению Управления КГБ, стали больше делать уступок, послаблений умеренной части пятидесятников. Так, уже в 1964 г. из мест заключения досрочно были освобождены пресвитер Г. Л. Ващенко, проповедники А. А. Миллер, Л. К. Немчинский, выступавшие против выезда из СССР. Они, имея огромный авторитет среди верующих, более сплотили пятидесятническую общину, и движение «радикалов» в Черногорске заметно угасло. Лишь несколько человек ещё активно изъявляло желание покинуть СССР [11, л. 90–91]. И с этого времени начался массовый исход сибирских пятидесятников, в том числе и черногорских, на Дальний Восток, в Находку. Туда переехали, например, А. П. Горетой, И. П. Яшков, Б. В. Зудерман [4, с. 32–38, 108].

Таким образом, заметное увеличение численности ХВЕ двух сибирских регионов произошло в середине XX века за счет ссыльных и реэмигрантов. Отличительной чертой пятидесятнических объединений являлись коллективизм, тесная взаимосвязь и взаимозависимость верующих. На протяжении трех десятилетий советского периода (1940–1960-е гг.) история общин ХВЕ была драматична. Им приходилось отстаивать свое место в противостоянии с государством. Наиболее активные проповедники и пресвитеры подвергались преследованиям и обличениям. Между тем ХВЕ, как и представители других протестантских течений, были и остаются традиционным религиозным направлением наряду с другими конфессиями в стране.

Библиографический список

1. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 5.
2. ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 32.
3. ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 49 а.
4. *Зудерман Б. В.* … Найдет ли веру на Земле? Повествование христианина веры евангельской. Владивосток: Дальневосточное книжное изд-во, 1989. 112 с.
5. Из рукописного наследия нашего города. Григорий Митрофанович Яровой. Служебный дневник 1959–1963 // Кушникова М. М., Сергиенко В. Тогулев В. Страницы истории города Кемерово. Кн. 3. Кемерово: Сибирские огни, 1999. С. 497–615.
6. *Кудрявцев В. Н., Трусов А. И.* Политическая юстиция в СССР. М.: Наука, 2000. 365 с.
7. *Сосковец Л. И.* Религиозные конфессии Западной Сибири в 40–60-е гг. XX века. Томск: Томский государственный университет, 2003. 348 с.
8. Центральный государственный архив республики Хакасия (ЦГАРХ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 2619.
9. ЦГАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2913.
10. ЦГАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2936.
11. ЦГАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3017.
12. ЦГАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3102.

УДК 929.6

А. А. Корников,
профессор, Ивановский государственный университет

ГЕРАЛЬДИКА КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, СИМВОЛИКА И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В статье анализируется развитие геральдики Кировской области в период 1918–2020 гг. Отмечаются характерные черты основных групп современных гербов муниципальных районов, городских округов, городских и сельских поселений региона. Показывается преемственность в развитии дореволюционных гербов Вятской губернии и современных гербов муниципальных образований Кировской области. Рассматривается происхождение, символика современных гербов, делаются предложения о перспективах развития местной геральдики.

Ключевые слова: Геральдика, Кировская область, муниципальные гербы, символика эмблем

© Корников А. А., 2022

A. A. Kornikov,
Professor, Ivanovo State University

HERALDRY OF THE KIROV REGION: ORIGIN, SYMBOLISM AND CURRENT STATE

The article analyzes the development of heraldry of the Kirov region in the period 1918–2020. The characteristic features of the main groups of modern coats of arms of municipal districts, urban districts, urban and rural settlements of the region are noted. The continuity in the development of the pre-revolutionary coats of arms of the Vyatka province and the modern coats of arms of municipalities of the Kirov region is shown. The origin and symbolism of modern coats of arms are considered, suggestions are made about the prospects for the development of local heraldry.

Keywords: Heraldry, Kirov region, municipal coats of arms, symbolism of emblems

Интереснейшими источниками по истории России являются гербы – эмблематические изображения, составленные по определённым правилам и утверждённые верховной властью. Областные, районные, городские гербы, гербы сельских поселений рассказывают о достопримечательностях этих территорий, промыслах, географическом положении, о происхождении их названий, о событиях далёкого прошлого. Целью данной статьи является анализ развития геральдики Кировской области в новейший период истории России – период 1918–2020 гг., от революции 1917 года до настоящего времени. В частности, будут поставлены следующие задачи. Во-первых, показать истоки кировской геральдики. Во-вторых, дать оценку её развития в рассматриваемый период. В-третьих, подвести итоги современного состояния геральдики региона. Научная актуальность поставленной проблемы обуславливается отсутствием обобщающих и глубоких исследований по данной теме, показывающих состояние геральдики региона на современном этапе. Имеется лишь небольшое количество работ, которые рассказывают об истории отдельных гербов региона, происхождении некоторых их эмблем, затрагиваются отдельные аспекты развития геральдики региона [2; 3; 4; 7].

Территория нынешней Кировской области в 1918–1929 годах входила в состав Вятской губернии, в 1929–1934 гг. – в составе Нижегородского края (с 1932 года Горьковского края). В 1934 году одновременно с переименованием города Вятки в Киров выделяется Кировский край (с 1936 года Кировская область). В настоящее время Кировская область субъект Российской Федерации.

Формирование Кировской геральдики связано с развитием административно-территориального деления края, введением новых законов о местном самоуправлении. Особенностью геральдики области было то,

что в регион вошло достаточно большое количество городов, имевших дореволюционные гербы. К ним относятся гербы Кайгорода, Кирова (Вятки), Котельнича, Малмыжа, Лальска, Нолинска, Орлова, Слободска, Уржума, Царево-Санчурска (Санчурска), Яранска.

Таким образом, область получила большое геральдическое наследие, включая старинный вятский герб – в золотом поле из облака выходящая рука, держащая натянутый лук со стрелою, а над ней в верхней части щита крест красный [1; 9].

Развитие местного герботворчества в Кировской области в период с 1918 до конца 1980 гг. сдерживало ряд факторов. Местные дореволюционные гербы юридически не были отменены, но на печатях областных, районных, городских учреждений использовали изображения гербов СССР и РСФСР. Такая ситуация вполне логично вытекала из особенности советской системы государственного управления. Земельные и городские гербы – это символы определенных прав местного самоуправления. Для советской же государственной системы была характерна жесткая централизация, ограничение прав местного самоуправления. Кроме того, сказывалось настороженное отношение к геральдике как научной дисциплине, характерное для СССР в 1920–1950 годах, когда она рассматривалась как некий пережиток старого, феодального общества.

В конце 1950-х – начале 1960-х годов, в связи с усилением в стране общего интереса к истории, краеведению, старинным памятникам архитектуры постепенно меняется и отношение к геральдике, гербам. Последние начинают рассматриваться не как пережиток эксплуататорского общества, а как памятники культуры, исторические источники, рассказывающие об истории города и области, средство воспитания в духе гражданственности и патриотизма. Поэтому, начиная с середины 1960 гг. в ряде советских городов разрабатываются и утверждаются новые советские гербы [5, с. 199–201].

По имеющимся сведениям в Кировской области за годы советской власти было разработано и утверждено местными органами власти одиннадцать гербов – городов Вятские поляны (1987), Кирова (1969), Кирса (1972), Котельничи (1985), Луза (1984), Мураши (1988), Санчурска (1984), Слободска (1970), Советска (1972), Халтурина (1979), Яранска (1971) [6; 8, с. 226–230].

Хронологически первым был утвержден герб города Кирова в 1969 году: «В червленом щите слева зеленая ель, окантованная золотом, с сидящей на ней золотой белкой, обращенной влево. Подножие ели обременено черной ретортой, окруженной золотой полушестерней и колосом. В золотой вольной части, внизу справа выходящая рука держит черные лук со стрелой. В незавершенной золотой вершине название города» [8, с. 230]. Реторта и полушестерня показывали развитие в городе химиче-

ской, машиностроительной отраслей промышленности. Белка и ель символизировали лесные просторы края. Выходящая рука, держащая черные лук со стрелой, напоминали старинный вятский герб.

Гербы, разработанные в данный период, были выполнены людьми, не имевшими геральдического образования, эти гербы обладали недостатками, свойственными многим гербам советского периода. В них нарушались правила геральдики: в гербовом поле металл накладывался на металл, на гербовом щите давали названия города. Характерной чертой многих гербов было стремление отразить в первую очередь наличие в данном городе тех или иных отраслей народного хозяйства, действующих промышленных предприятий. Характерным в этом отношении является герб города Яранска, утвержденный решением исполкома Яранского городского Совета депутатов трудящихся № 172 от 03.11.1971. Герб имел следующее описание: «В червленом щите зубчатое колесо натурального цвета, возникающее из лазуревой оконечности, обременное стилизованным золотым колосом. В лазуревой оконечности два летящих золотых гуся, сопровождаемых внизу золотыми же цифрами «1584.». Щит, название города были обрамлены кантом золотого цвета [8, с. 226]. Такой же характер имели гербы городов Вятские поляны, Кирса, Котельнич, Луза, Санчурска, Советска, Халтурина. В советский период гербы имели чисто декоративное значение, их изображали на значках, плакатах, в оформлении улиц и площадей, но на печатях местных учреждений по-прежнему использовали изображения герба РСФСР.

В настоящее время из одиннадцати советских гербов ни один не используется в качестве действующего герба. Лишь только в современном гербе города Вятские поляны использованы элементы советского герба 1987 года. Этот герб после геральдической доработки был утвержден Геральдическим советом при Президенте и занесен в Геральдический регистр России в 1999 году [1; 9]. В настоящее время это герб городского округа Вятские поляны.

Бурное развитие геральдики Кировской области начинается с начала 1990-х годов. Толчком к этому послужили распад Советского Союза, слом советской государственной машины, принятие конституции 1993 года, а также законов о местном самоуправлении 1995 и 2003 годов.

29.08.1995 решением Законодательного собрания Кировской области был принят закон № 5-ЗО «О гербе Кировской области». В соответствии с этим законом за основу герба области был принят исторический герб Вятской губернии: «В золотом поле выходящая из лазоревых облаков рука в червленой одежде, держащая червленый натянутый лук с червленой стрелой. В верхнем геральдически правом (левом от зрителя) углу щита – червленый лапчатый крест с шарами на концах».

Данное описание практически полностью повторяло описание губернского герба 1856 года за небольшими деталями. В частности, из изображения 1856 года убрали увенчивающую щит императорскую корону, золотой дубовый венок с Андреевской лентой. Областной герб 1995 года был одобрен Геральдическим Советом при Президенте и внесён в Геральдический регистр Российской Федерации под № 190 [1; 9].

В соответствии с законодательством о местном самоуправлении на начало 2021 года в Кировской области имелось 292 муниципальных образований. Из них 45 являются муниципальными образованиями второго уровня (городские, муниципальные округа и муниципальные районы) и 247 – первого уровня (сельские и городские поселения). Из 45 муниципальных образований второго уровня на начало 2021 года все 45 имели гербы, полностью оформленные, т. е. они были утверждены органами местного самоуправления, были зарегистрированы Геральдическим советом при Президенте Российской Федерации и внесены в Государственный геральдический регистр нашей страны [1; 9].

Из 247 муниципальных образований первого уровня утвержденные гербы имеют 13 городских поселений (Верхошижемское, Белая Холуница, Восточное, Зуевка, Лальск, Лебяжское, Малмыж, Нолинск, Омутнинск, Советск, Уржум, Фаленское, Яранск) и 3 сельских поселения (Зимняк, Кайское, Чернохолуницкое) [1; 9].

Таким образом, на начало 2021 года гербы, утвержденные органами местного самоуправления, имели лишь 61 муниципальное образование области, что составляет 21 % от количества муниципальных образований.

Все имеющиеся муниципальные гербы условно можно разделить на несколько групп. Первая группа – это гербы муниципальных образований, разработанные на основе исторических дореволюционных гербов. В неё входят гербы четырнадцати муниципий: Малмыжского, Нолинского, Орловского, Яранского муниципальных районов; Санчурского муниципального округа; городских округов Кирова, Котельничи, Слободского; городских поселений Лальское, Малмыж, Нолинское, Уржума, Яранское; сельского поселения Кайское. Вторая группа – гербы муниципальных образований, не имеющие исторической основы и заново разработанные в последние годы Союзом геральдистов России или местными авторами. Это наиболее многочисленная группа и к ней можно отнести гербы 47 муниципий.

Её можно условно разделить на несколько подгрупп: 1) гласные гербы; 2) гербы, отражающие развитие различных отраслей экономики (промышленности, сельского хозяйства, народных промыслов); 3) гербы, отразившие природные, географические особенности муниципий;

4) гербы, запечатлевшие исторические события или исторические памятники; 5) гербы, созданные на основе дворянских родовых гербов.

Гербы Кировского края активно изображаются не только на печатях областных, городских и сельских администраций, но и в убранстве улиц городов, посёлков. Геральдические эмблемы часто воспроизводятся на Кировских сувенирах, на продукции предприятий. В 2007 году в городе Кирове на улице Ленина был открыт памятник «Вятской печати» – первый и единственный памятник печати и гербу в России.

Завершая наш обзор геральдики области можно отметить следующие её характерные черты. Во-первых, большая часть муниципальных образований области еще не имеют своих гербов (около 80 %). Это гораздо больше, чем в соседних регионах. Во-вторых, для геральдического пространства края характерно то, что значительное количество муниципальных образований имеют гербы, основывающиеся на исторических символах, созданных ещё до революции. В третьих, среди вновь разработанных гербов в последние 20–25 лет, доминируют гербы, показывающие специфику отраслей промышленности, сельского хозяйства, ремесел, в первую очередь сельского хозяйства.

Таким образом, существующее геральдическое пространство области передаёт в целом историю, географию, природные условия этого старинного российского края, но вместе с тем ставит перед местными властями задачу по дальнейшей разработке гербов для муниципий, не имеющих свои символы, используя геральдические наработки прошлого и современности.

Библиографический список

1. Геральдика.ру. URL: www. geraldika.ru (дата обращения: 11.11.2021).
2. *Дрогов Е. М.* Вятская геральдика: библиография // Гербовед. 2006. № 3 (89).
3. *Дрогов Е. М.* Историография вятского герба // Гербовед. 2006. № 3(89).
4. *Дрогов Е. М.* Территориальная геральдика Кировской области XX–XXI вв. // Гербовед. 2006. № 3 (89).
5. *Корников А. А.* Российская геральдика: курс лекций. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019.
6. *Кривошапка А. И., Марков В. А., Богатов К. М., Сметанников И. С.* Алфавитный каталог городов, поселков, сел, губерний и областей России, СНГ, бывших союзных республик СССР, имеющих старые и современные гербы // Гербовед. 1993. № 1.
7. *Мусихин В. Е.* История герба Кировской области // Кировская область: администр.-территор. устройство на 1 июня 1998 года. Киров.
8. *Соболева Н. А. и др.* Гербы городов России. Альбом-справочник. М.: Профиздат – «Отечество», 1998.
9. Heraldicum. URL: http://www.heraldicum.ru/russia/subjects/ (дата обращения: 11.11.2021).

УДК 327.8
Г. Н. Крайнов,
профессор, Российский университет транспорта (МИИТ)

ЗАПАДНЫЕ МИФЫ О МОСКОВСКОЙ БИТВЕ 1941–1942 гг.

В статье анализируются мифы о причинах поражения немецко-фашистских войск в Московской битве 1941–1942 гг. в западных СМИ: недостаточное материально-техническое обеспечение войск, плохие погодные условия. Автор обращает внимание на то, что солдаты вермахта и советские солдаты были в равных условиях, Красная армия воевала в тех же погодных условиях. Главными причинами поражения немецко-фашистских войск в Московской битве были стратегические просчеты гитлеровского командования, военное искусство командования Красной армии, мужество и героизм советских солдат.
Ключевые слова: Великая Отечественная война, Московская битва, фальсификация, «Генерал Грязь», «Генерал Мороз», операция «Тайфун», победа

G. N. Krainov,
Professor, Russian University of Transport (MIIT)

WESTERN MYTHS ABOUT THE BATTLE OF MOSCOW 1941–1942

The article analyzes myths about the reasons for the defeat of the Nazi troops in the Moscow Battle of 1941–1942 in the Western media: insufficient logistical support of troops, bad weather conditions. The author draws attention to the fact that Wehrmacht soldiers and Soviet soldiers were on equal terms, the Red Army fought in the same weather conditions. The main reasons for the defeat of the German-Fascist troops in the Moscow Battle were the strategic miscalculations of the Hitlerite command, the military art of the Red Army command, the courage and heroism of Soviet soldiers.
Keywords: The Great Patriotic War, the Battle of Moscow, falsification, "General Mud", "General Frost", Operation Typhoon, victory

Введение. Сегодня история Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., в том числе Московской битвы (30 сентября 1941 – 20 апреля 1942 гг.) становится полигоном ожесточенной информационной борьбы между Россией и Западом. Западные средства массовой информации настойчиво пытаются сломать историко-нравственный код объективного восприятия тех военных событий через имплантацию в массовое общественное сознание разного рода мифов и фальсификаций [5]. Цель, масштабы и характер этих фальсификаций таковы, что некоторые западные журналисты, политические деятели пытаются пересмотреть

© Крайнов Г. Н., 2022

историю и итоги войны, принизить роль и значение СССР в разгроме фашистской Германии, предъявить геополитические, территориальные, финансовые претензии нашей стране, ослабить и создать негативный международный образ России. Как и перед Второй мировой войной в 1930-е годы в немецких националистических кругах зреют реваншистские настроения [4].

7 ноября 2021 г. журналист немецкой газеты «Die Welt» Флориан Штарк (Florian Stark) к 80-летию поражения гитлеровской Германии под Москвой опубликовал статью под названием «Пока танки Гитлера штурмовали Москву, Сталин дал шумный пир». В этой статье автор пишет, что в октябре 1941 г. в Кремле Сталин устроил «пирушку» в честь двух западных магнатов: канадского медиа-магната лорда Бивербрука, по совместительству члена военного кабинета министров Великобритании и американского посланника и наследника железнодорожной империи А. Гарримана. На встрече обсуждались вопросы о дальнейших поставках материалов в рамках Закона о ленд-лизе.

Далее Ф. Штарк пытается оправдать поражение немецко-фашистских войск в Московской битве и крах военной операции гитлеровского генерального штаба «Тайфун» недостаточным материально-техническим обеспечением войск и плохими погодными условиями. «Не хватало в том числе горючего и боеприпасов, кроме того – и это важно – начались дожди, превратившие грунтовые воды в грязевые реки глубиной в метр», – пишет Ф. Штарк [7].

Важно заметить, что примерно об этих же причинах поражения немецко-фашистских войск под Москвой писала и нацистская газета «Volkischer Beobachter» в 1942 г. Это говорит о том, что и современные правые националистические деятели Германии не поняли причин поражения гитлеровского фашизма, придерживаются гебельсовского принципа «чем больше ложь, тем скорее в нее поверят» [2].

В данной статье попытаемся развеять мифы и фальсификации причин поражения немецко-фашистских войск в битве под Москвой 1941–1942 гг.

Результаты исследования. Одной из распространенных объяснений причин поражения немецко-фашистских войск под Москвой, по мнению западных фальсификаторов, является то, что Красной армии помогали побеждать «Генерал Грязь» и «Генерал Мороз». При этом они не учитывают, что солдаты вермахта и советские солдаты были в равных условиях, Красная армия воевала в тех же погодных условиях. Чтобы оправдаться, они любят преувеличивать суровость русской зимы в 1941–1942 гг. Но вот объективные данные наблюдений Метеорологической обсерватории им. В. А. Михельсона при Тимирязевской сельскохозяйственной академии: «сентябрь 1941 г. отмечен обильными дождями.

В октябре похолодало в пределах нормы, вторая половина месяца и начало октября – теплые. Средняя температура воздуха в Москве и окрестностях в сентябре 1941 г. составила +9,2°С по Цельсию, в октябре + 2,1°С, в ноябре -5,3°С, в декабре -12,8°С. 4 ноября температура под Москвой опустилась до -7 градусов по Цельсию. 7 ноября, в день легендарного парада, пришла оттепель. С утра шел снег из низких плотных туч – столицу "атаковал" теплый атмосферный фронт циклона. Для налетов немецкой авиации город стал недоступен. Метеопрогноз был, по всей видимости, решающим аргументом в пользу парада – Сталину о циклоне доложили заранее. Войска шли по площади при температуре около -4°С и юго-восточном ветре 5–7 м/с. В Москве за сутки выпало тогда 4,4 мм осадков в виде снега. А уже днем 8 ноября снова потеплело. С 11 по 13 ноября похолодало до 15–17°С, затем температура снова упала до -3–10°С. Лишь 5–7 декабря температура понизилась до 21–23°С, в канун Нового 1942 г. года опускалась до -23–27°С, местами до -35°С» [6].

В таких же погодных условиях воевали и советские солдаты. Так, за зиму 1941–1942 гг. из рядов Красной армии по причине обморожений и болезней выбыло около 180 тыс. человек, такие же потери войск вермахта составили 230 тыс. человек. А роль «Генерала Грязи, «Генерала Мороза» в Московской битве кратко определил маршал Г. Жуков: "Генералы Г. Гудериан, Г. Гот и другие считают основной причиной поражения их войск под Москвой наряду с ошибками Гитлера суровый русский климат. Конечно, и погода, и природа играют свою роль в любых военных действиях. Правда, все это в равной степени воздействует на противоборствующие стороны… Наша страна одевала и согревала своих солдат. А гитлеровское руководство собиралось налегке пройтись по России, исчисляя сроки всей кампании неделями и месяцами. Значит, дело в политических и стратегических просчетах фашистской верхушки…"» [1].

30 ноября 1941 г. в телефонном разговоре с главнокомандующим сухопутными войсками Германии фельдмаршалом Вальтером фон Браухичем командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Бок признал: «Положение критическое. Я бросаю в бой все, что у меня есть, но у меня нет войск, чтобы окружить Москву. Противник понял наш замысел, и он сосредотачивает свежие силы севернее и южнее Москвы. Моя единственная надежда – продолжать фронтальное наступление. Но если это делать, то возникает опасность изнурительной схватки – такой, какая была под Верденом 25 лет назад» [1].

Бывший британский посол в СССР, историк, сэр Родерик Брейтвейт в своей книге «Москва 1941. Город и его люди на войне» писал о подвигах военных, защищавших столицу, и о москвичах: «Дни паники и

поражений прошли. Теперь советские войска вели бои и умирали там, где они стояли, или отходили в полном боевом порядке и, переформировавшись, снова шли в бой. Продвижение немцев замедлялось и спотыкалось. Противники качались и шатались, как травмированные боксеры. Сопротивление советских войск становилось все более жестким, подобно сжимаемой пружине, которая вот-вот может разжаться. Немецкие потери все повышались; Фон Бок ворчал, что исход битвы теперь будет зависеть от того, у кого останется последний батальон. Ему мерещился второй "Верден" – "звероподобная изнуряющая борьба до полного истощения". Но новых батальонов не было: немцы уже оказались на пределе своих материальных и человеческих возможностей. Русские же вводили в дело дивизию за дивизией, армию за армией, о существовании которых немецкая разведка не имела ни малейшего представления. Именно теперь немцы начали понимать степень своих стратегических просчетов» [1].

Гитлер оценил по достоинству окончательный провал блицкрига под Москвой, сместив с постов всех трех командующих группами армий и 35 высших военачальников [3].

Заключение. Таким образом, статья журналиста немецкой газеты «Die Welt» Ф. Штарка от 7 ноября 2021 г. под названием «Пока танки Гитлера штурмовали Москву, Сталин дал шумный пир», где поражение немецко-фашистских войск в Московской битве и крах военной операции «Тайфун» оправдывается недостаточным материально-техническим обеспечением войск и плохими погодными условиями, не выдерживает критики. Солдаты вермахта и советские солдаты были в равных условиях, Красная армия воевала в тех же погодных условиях и тоже при недостаточном материально-техническом обеспечении. Главными причинами поражения немецко-фашистских войск в Московской битве были стратегические просчеты гитлеровского командования, военное искусство командования Красной армии, мобилизация всей страны, всех ресурсов на борьбу с врагом, мужество и героизм советских солдат.

Библиографический список

1. Битва за Москву: факты, которые мы должны знать и помнить. URL: https://fishki.net/anti/2786293-bitva-za-moskvu-fakty-kotorye-my-dolzhny-znaty-i-pomnity-vechnaja-slava--gerojam.html

2. *Зубков С. А., Крайнов Г. Н.* Мировое профсоюзное движение в условиях глобализации: монография. М.: МИИТ, 2021. 281 с.

3. *Крайнов Г. Н.* «Догоняющая модернизация» России: прошлое и настоящее // Общественные науки и современность. 2021. № 2. С. 79–89. DOI: 10.31857/S086904990014924-8

4. *Крайнов Г. Н.* Формы и методы патриотического воспитания студентов на занятиях по истории // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 3. С. 64.

5. *Крайнов Г. Н.* Технология подготовки и реализации кампании по рекламе и PR. Санкт-Петербург: Лань, 2018. 372 с.

6. Немецкий журналист обвинил дожди в поражении вермахта под Москвой. URL: https://rg.ru/2021/11/14/nemeckij-zhurnalist-obvinil-dozhdi-v-porazhenii-vermahta-pod-moskvoj.html

7. Die Welt (Германия): в то время как гитлеровские танки рвались к Москве, Сталин устроил роскошный пир. URL: http://ursa-tm.ru/forum/index.php?/topic/403320-die-welt-germaniya-v-to-vremya-kak-gitlerovskie-tanki-rvalis-k-moskve-stalin-ustroil-roskoshnyy-pir/

УДК 908

А. С. Кудряшова,
доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОМОЩИ КУСТАРНОМУ ПРОИЗВОДСТВУ МЕСТНЫМИ ОРГАНАМИ САМОУПРАВЛЕНИЯ (на материалах Нижегородской губернии)

На рубеже XIX–XX вв. в Нижегородской губернии, как и в целом по стране наблюдался упадок кустарного производства. Кустари просто не успевали приспособиться к быстро менявшимся условиям, и их продукция не могла конкурировать с фабрично-заводскими изделиями. Вопросом помощи кустарям озаботились местные органы самоуправления. Представлены основные мероприятия нижегородского земства по улучшению их экономического положения.

Ключевые слова: Нижегородская губерния, кустарное производство, земство, кустарное отделение, торгово-промышленный склад-музей

A. S. Kudryashova,
Associate Professor, National Research Nizhniy Novgorod State University named by N. I. Lobachevskiy, Arzamas affiliated branch

ORGANIZATION OF ASSISTANCE TO HANDICRAFT PRODUCTION BY LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES (based on the materials from the Nizhny Novgorod province)

At the turn of the XIX–XX centuries, in the Nizhny Novgorod province, as well as in the whole country, there was a decline in handicraft production. The handicraft smensimply did not have time to adapt to the rapidly changing conditions, and their products could not compete with factory products. The local self-government bodies were concerned with the issue of helping handicraftsmen. The

© Кудряшова А. С., 2022

main activities of the Nizhny Novgorod zemstvoto improve their economic situation are presented.
Keywords: Nizhny Novgorod province, handicraft production, zemstvo, handicraft department, commercial and industrial warehouse-museum

В конце XIX – начале XX в. в Российской империи постепенно оформлялся капиталистический путь развития. Развивалась фабрично-заводская промышленность. Совершенствовалась система путей сообщения, в первую очередь железнодорожных, что облегчало появление на рынках разных изделий не только отечественного, но и заграничного производства, которые по качеству выработки были лучше кустарных и, самое главное, дешевле. Все это сильно повлияло на уменьшение спроса на кустарную продукцию. Многие кустари, не выдержав конкуренции, предъявляемой им заводскими изделиями, часто забрасывали свой промысел и были вынуждены для поддержания своего существования искать заработки на стороне. Были среди них и такие, кто, уступив фабричной продукции ближайшие рынки сбыта, пытались через посредников выйти на новые дальние рубежи, что послужило началом появления среди промыслового населения особых комиссионеров-скупщиков.

Отметим, что подорожание и количественное уменьшение местного сырья тоже в свою очередь способствовало зарождению среди кустарей нового слоя промышленников, снабжавших производителей необходимыми сырьевыми материалами. Такие люди были хозяевами своего дела, крепко державшими в руках все нити кустарно-промышленной жизни определенного района, и зачастую совмещавших роль скупщика.

И все же в основной своей массе кустари низводились на степень простых наемных рабочих, находившихся в полной экономической зависимости от хозяина, последствиями которой были: низкая заработная плата (так, недельный заработок нижегородского кустаря в начале XX века был от 70 копеек до 4,5 рублей, в то время как один только расход на семью их четырех человек в неделю составлял 1,2–1,6 рублей, без учета необходимости приобретать сырье [6, с. 49–50]), продолжительный рабочий день, а отсюда – полная безвыгодность занятия промыслами, общий и постепенный упадок кустарной промышленности.

Упадок местных кустарных промыслов не мог не привлечь к себе внимания местных органов самоуправления Нижегородской губернии, в первую очередь земств, на которых лежала забота о благосостоянии ее населения. Губернские земские органы, желая поставить труд кустаря в более выгодные условия, всеми силами пытались внушить уездным земствам мысль о необходимости в виду поддержания кустарной отрас-

ли учреждения среди промыслового населения промышленных артелей и ссудо-сберегательных товариществ, которые могли бы оказать помощь в улучшении экономического положения кустарей. Кроме того готовился проект сберегательного банка с целью распространения среди работников промыслового, а также земледельческого хозяйства дешевого кредита.

Практическое осуществление мероприятий помощи кустарному производству было начато в 1896 году. Для этого были созданы: Кустарное отделение Губернской земской управы; кустарный склад-музей с кустарными агентствами; склад железа и стали в с. Павлове; замочная мастерская в с. Павлове; мечильна в с. Тумботине; химический завод близ д. Елкина; склад корзин в с. Черновском; кузнечно-слесарная мастерская в с. Лыскове; склады рогож, веревок и сарпинки [5, с. 155].

Задачей Кустарного отделения являлось наблюдение за правильным ведением дела отдельными земскими организациями, содействовавших развитию и улучшению кустарных промыслов. Оно «принимало меры к ознакомлению кустарей с улучшенными образцами работ, новыми приемами по окраске изделий, снабжало их новейшими рисунками и чертежами» [2, д. 693, л. 612]. Отделение занималось проблемой развития сбыта изделий и продуктов, как земских складов, мастерских и заводов, так и кустарных артелей и отдельных кустарей. Оно вело обширную переписку о нуждах местной кустарной промышленности с правительственными и общественными учреждениями, частными фирмами и заводами, получало запросы на товары, вырабатываемые кустарями Нижегородской губернии. В результате такой деятельности нижегородские кустари были вновь заинтересованы в выполнении своей работы, поскольку их продукция опять стала востребована [5, с. 159].

Торгово-промышленный склад-музей, должен был: «а) содействовать кустарным производителям путем поставок, комиссионерства и рекламы более выгодному сбыту их произведений; б) знакомить потребителей с произведениями кустарной промышленности; в) содействовать улучшению кустарных изделий и техники производства» [4, с. 71]. Также Губернская земская управа пыталась обратить внимание на членов Губернского земского собрания на то значение, которые могли сыграть для производителей «принятые при посредстве склада поставки их изделий для потребностей армии, флота, железных дорог и т. д.» [4, с. 72].

Благодаря центральному положению Нижегородской губернии и такой значительной ярмарке, как Нижегородская, планировалось, что склад мог в будущем широко развить свои торговые операции и этим оказывать огромную услугу не только местному населению, но и вообще отечественному кустарному производству, а значит можно было рассчитывать на широкую субсидию со стороны кустарного отдела

Министерства земледелия. Посредниками между складом и кустарями служили кустарные агентства, которые были учреждены в 1898 году в с. Лыскове и г. Арзамасе.

Рассматривая тесно связанный с организацией сбыта вопрос о формах кредита кустарям из средств Государственного банка, Губернская управа пришла к заключению, что на первое время наиболее удобной формой могла бы стать разрешенная уставом банка подтоварная ссуда. Выдавая ссуды земскому складу-музею под залог товаров, хранившихся в нем, Государственный банк тем самым давал возможность складу, в свою очередь выдавать кустарям денежные авансы, а иногда и полный расчет на принятие от них изделия. Это могло быть особенно полезным в случаях принятия на себя складом комиссионных заказов; надлежало бы, поэтому, разрешить Губернской земской управе пользоваться в Государственном банке кредитом на первое время в сумме хотя бы 10 тысяч рублей.

Нижегородское земство было осведомлено также, что неудобства и затруднения у кустарей возникали и во время покупки сырья. В 1897 году Министерство земледелия и Госимущества озаботилось выработкой особых льготных условий по снабжению кустарей, при посредничестве земств, лесными материалами из казенных дач: «…в частности поручается Нижегородскому Управлению Госимущества поручить лесничим их местностей, где развиты древодельные кустарные промыслы, обсудить, какие меры необходимо принять по отпуску казенного леса для означенных промыслов, с целью возможного полного и своевременного удовлетворения кустарей» [3, д. Ю, л. 248–249]. В том же году нижегородское земство послало ответ: «По отношению Губернской управы от 1 июля за № 1041 по вопросу о снабжении кустарей лесными материалами на льготных условиях, Уездная управа иметь честь уведомить, что в Лукояновском уезде лесничие оказывают крестьянам-кустарям льготы при приобретении лесных материалов, не исключая отпуска леса отдельными ассортиментами в кредит, посему и посредничество земства является излишним» [3, д. Ю, л. 250].

В других отраслях кустарю, покупавшему по бедности своей сырье всегда малым количеством или получавшему их в счет выработки изделий от скупщика, постоянно приходилось значительно переплачивать за них, и такая переплата сильно понижала и без того весьма низкий заработок кустаря. Поэтому, местное земство по мере надобности планировало открыть как при торгово-промышленном складе, так и на местах потребления, пункты продажи сырья для кустарей.

Занималось местное земство и открытием кустарных школ-мастерских. Так, в 1900 году при содействии Министерства земледелия была учреждена учебная скорняжная мастерская в с. Большое Мураш-

кино. В 1910 году она была преобразована в инструкторскую школу по скорняжно-красильному производству. «Участие Губернского земства в содержании этой школы выражалось в ассигновании небольшой суммы, около 400 рублей в год, на страхование зданий и имущества школы» [5, с. 132]. Разрешено в благоприятном смысле было и ходатайство Семеновского земского собрания об открытии подобной школы: «…в настоящее время главным управлением землеустройства и земледелия образована строительная комиссия по постройке здания школы-мастерской, в состав которой входит один из членов губернской управы и несколько представителей Семеновского земства» [2, д. 693, л. 611].

Производили местные земства и учет кустарных промыслов. Выглядело это следующим образом: «Вопросы о промыслах предлагаются корреспондентами статистического отделения в течение года дважды: в осенних книжках корреспонденты дают ответы о заработках населения в течение истекшего лета и в них содержание вопросов приноровлено к описанию положения отхожих промыслов; в книжках же, которые заполняют корреспонденты в мае месяце, ставятся вопросы о заработках в истекшую зиму и весну, приноровленные к описанию положения местных промыслов» [1, с. 105]. Как показал сам учет, в осенних корреспонденциях преобладали показания о промыслах отхожих; а в весенних – о промыслах местных [1, с. 114].

Что касается общих расходов нижегородского земства на мероприятия по развитию кустарной промышленности, то в заявленный период они достигали цифры в 75 тысяч рублей. Сумма значительная, но она почти полностью прикрывалась прибылями от торговых операций.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. в Нижегородской губернии кустари фактически превратились в наемных рабочих, которые стали зависеть от скупщиков изделий, поставлявших и сам материал для них. Заметив такое положение дел, местное земство решило помочь кустарям, ведь они составляли значительную часть населения региона. Земские деятели добились того, что им стали выдавать специальные ссуды под залог готовой продукции, строились специальные склады, которые занимались ее распространением. Открывались школы для обучения азам кустарного производства. Также земство занималось поиском заказов для заинтересованности кустарей в своем деле, организовывало сбыт, т. е. делало все, что было в его силах для улучшения положения кустарной промышленности.

Библиографический список

1. *Васильев Ф. В.* Материальная культура Нижегородского Заволжья. М., 1982.

2. Государственное казенное учреждение Государственный архив Нижегородской области (ГКУ ГАНО), г. Арзамас. Ф. 2. Оп. 1.

3. Государственное казенное учреждение Центральный архив Нижегородской области (ГКУ ЦАНО). Ф. 42. Оп. 240.

4. Нижегородская губерния по исследованиям губернского земства. СПб., 1896.

5. Обзор деятельности земств по кустарной промышленности. СПб., 1913.

6. Сельскохозяйственный обзор Нижегородской губернии за 1902 год. Н. Новгород, 1903.

УДК 32.019.51

А. А. Кузнецов,
заместитель начальника отдела, НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ; советник РАРАН
П. В. Улизко,
заместитель начальника отдела, НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА. НОВЫЕ ПОДХОДЫ ЗАПАДНЫХ СТРАН К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В докладе изложены факты использования истории западными странами в политических целях. Особенно это касается негативного представления СССР во Второй мировой войне и использование образов того периода с целью пропаганды.

Ключевые слова: историческая политика, СССР, Вторая мировая война, медиасфера, креолизованный текст

A. A. Kuznetsov,
Deputy Chief of Department, Military Academy of the General Staff (Research Institute of Military History), Russian Academy of Rocket and Artillery Sciences
P. V. Ulizko,
Deputy Chief of Department, Military Academy of the General Staff (Research Institute of Military History)

HISTORICAL POLICY. NEW APPROACHES OF WESTERN COUNTRIES TO THE INTERPRETATION OF THE SECOND WORLD WAR

The report outlines the facts of the use of history by Western countries for political purposes. This is especially true of the negative perception of the USSR in World War II and the use of images of that period for the purpose of propaganda.

Keywords: historical politics, USSR, World War II, media sphere, creolized text

Всенародным достоянием в полном смысле этого слова можно считать историю. Универсальность востребованности исторических

© Кузнецов А. А., Улизко П. В., 2022

знаний можно выразить словами Д. Тоша, по мнению которого, без знаний о прошлом «человек полностью выключен из социальных и политических дискуссий… как потерявший память» [7, с. 11].

В последнее время история все больше приобретает политическую значимость, что обусловлено попыткой ряда стран представить прошлое в выгодном для себя свете. Наибольшую значимость здесь имеют результаты Второй мировой войны, последствия которой заложили новый мировой порядок на долгие годы.

1945 г. год в политической истории является ключевой точкой отсчета. Именно в это время была учреждена Организация объединенных наций с пятью постоянными членами Совета Безопасности, обладающими правом вето на любые решения, одним из которых стал СССР.

С этого момента преподнесение истории осуществлялось с позиции главных акторов Второй мировой войны, внёсших наиболее весомый вклад в победу над нацизмом. Противоборство в этой сфере проводилось и на глобальном уровне. В основном это касалось Великобритании и США, которые утверждали, что именно их деятельность решила исход Второй мировой войны. «Борьба за умы» привела к тому, что в СМИ, зачастую, либо практически не пишут о действиях Красной армии, приведших к победе над Германией, либо СССР представляется в негативном тоне. Нередко это делается с использованием клеветы и искажения данных.

Ряд исследований в сфере «войн памяти» позволяет определить основные объекты нападок со стороны определенной части западных стран:

1. Ответственность за начало Второй мировой войны переносится на СССР. Считается решение советского руководства заключить договор о ненападении с Германией. При этом не берется в расчет, что подобные соглашения с немецкой стороной были подписаны со многими европейскими странами.

2. Освобождение Европы Красной армией приравнивается к оккупации. Основными выразителями этой позиции выступают страны восточной Европы, входившие в состав СССР или в зону его влияния.

3. Принижается роль СССР в победе во Второй мировой войне.

4. Военнослужащих Красной армии представляются в негативном свете. Для этого целенаправленно упоминается только о насилии и «зверстве» в отношении побежденных, бесчинстве, пьянстве и кражах.

Ряд историков выделяет три источника знаний о прошлом, как то профессиональные источники, медиаисточники и «жизненный мир» [5, с. 7]. Эта теория демонстрирует «демаркационную линию» между исторической наукой и медиа. Тем не менее, объективная картина современного мира может быть достигнута только путем комплексного сочетания вышеупомянутых источников.

К понятию «медиасфера» относят часть общественной системы, связанную с функционированием СМИ и прочих информационных систем. В широком смысле к медиасфере можно отнести все современное коммуникационное пространство, сочетающее в себе как печатные, так и цифровые данные.

Компьютеризация общества и развитие сети Интернет привели к дифференциации медиасферы на традиционные и «новые» СМИ. Последние – это динамичное сетевое образование, включающее в себя, кроме сбора, обработки и распространения информации, функцию обратной связи между аудиторией и автором. В этом случае возникает возможность коммуникации «всех со всеми» и обмена огромным объемом данных. Традиционные СМИ включают в себя печать, телевидение, радио, к «новым» относятся – блоги, социальные сети и т. д. [4].

На основании этих исследований и собственных наблюдений авторы выявили, что для представления участия Советского Союза во Второй мировой войне с наиболее нелицеприятной точки зрения, в ряде европейских стран используются следующие формы деятельности:

– утверждаются нормативно-правовые акты;

– создаются специализированные организации (музеи, институты…)

– проводятся научные работы;

– издается художественная литература;

– ведется работа в СМИ;

– публикуются материалы в социальных сетях, блогах и. т. д.;

– снимается кинопродукция, как документальная, так и художественная;

- осуществляется ликвидация памятников.

Наглядно позиция Европы представлена в нормативно-правовой деятельности. В вначале 2000-х гг. термин «историческая политика» начал использоваться на Западе для обозначения использования прошлого с целью продвижения определенного политического замысла. Этот подход стал воплощаться в жизнь. Так, большинство депутатов Европейского парламента 23 сентября 2008 г. проголосовало об установлении памятной даты – Европейский день памяти жертв сталинизма и нацизма. Причиной было выбрано подписание советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г. Несмотря на критику ряда стран, 3 июля 2009 г. Парламентской ассамблеей ОБСЕ была принята резолюция, устанавливающая упомянутую дату.

На основании этого прибалтийские страны одна за другой приняли национальные законы об учреждении подобных памятных дат. Вслед за ними Европейский день памяти жертв сталинизма и нацизма стали отме-

чать Болгария, Венгрия, Польша, Словения, Хорватия, Швеция. Подобные решения были приняты также в США и Канаде. В Грузии 23 августа – День памяти жертв тоталитарного режима.

Продолжая эту политику, Европейский парламент принял резолюцию «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» от 19 сентября 2019 г. В её тексте говорится, что на основании так называемого «Пакта Молотова–Риббентропа», Германия и СССР «поделили Европу и территории независимых государств… что проложило дорогу к началу Второй мировой войны».

Итак, как мы видим в области нормативно-правовых актов позиция некоторых европейских стран относительно участия СССР во Второй мировой войне напоминает риторику холодной войны. Суть ее заключается в следующем, все что советское (русское) – плохо.

Вместе с тем стоит показать, как историческая политика используется в политической пропаганде. Особую востребованность в этом смысле представляют «креолизованные тексты» [6, с. 180–181]. Наиболее распространенный пример здесь такового – карикатура, которая традиционно является важной составляющей формирования сильных эмоций и как следствие коллективной памяти [1, с. 15]. Графически представленная информация влияет на сознание индивида рациональным путём, в то время, как использование паралингвистических средств переводит восприятие на подсознательный уровень [3, с. 74]. В настоящее время карикатура чаще воспринимается не просто как средство критики, иронии, но и «как значимый источник данных о взаимоотношениях между людьми, политическими событиями и властью» [2, с. 132].

Так, 20 октября 2016 г. британский еженедельник The Spectator поместил на обложку нового номера карикатуру, отсылающую к знаменитому плакату «Родина-мать зовет». В знаменитом образе запечатлен президент России В. В. Путин, который держит в руке планшет с логотипом RT. Подпись к рисунку на обложке гласит: «Путин против мира (*в значении «всего остального мира» – прим. авт.*). Он побеждает – и в пропаганде, и на деле». В номере опубликованы статьи журналистов Пола Вуда и Рода Лиддла. Одна из них посвящена вероятности «российского вторжения» в страны Балтии, а вторая призывает прекратить «глупое бряцание оружием перед Россией. Сам факт такой обложки позволяет говорить о прецеденте эффективного использования символов Великой Отечественной в поле международной пропаганды.

Основными объектами польской политической карикатуры в XXI веке является место Польши в ЕС, деятельность политических партий и католическая церковь. Вторая мировая война, являющаяся трагедией нации, не часто эксплуатируется в карикатуре. В данной сфере используются архетипы, образы и символы, характерные для массовой культуры и

коллективной памяти польского общества. Например, главный герой сериала «Ставка больше, чем жизнь» Ганс Клосс («польский аналог Штирлица»); стереотипные образы «немцев» и «русских», не имеющие ярко выраженной отрицательной или положительной коннотации, рассматриваемые скорее в плоскости анекдота, в котором вместе с ними неизменно присутствует стереотипный образ «поляка». Пафос героических образов прошлого в комическом ключе противопоставляется обыденным и насущным проблемам рядовых граждан.

Некоторый всплеск ура-патриотических настроений в медиапространстве Польши случился во время ЕВРО-2012, когда матч футбольных сборных Польши и России позиционировался с отсылками к военному противостоянию стран в XX веке. Ряд польских СМИ опубликовали коллажи с подписями «Na moskala!» («*На москаля!»),* «Lance do boju, szable w dlon, rosjanina gon, gon, gon!» *(«Пики к бою, сабли в руки, русского гони, гони…»)*.

С точки зрения заявленной темы показательно творчество украинского художника-карикатуриста Юрия Журавеля. В его творчестве участие украинского народа во Второй мировой войне рассматривается исключительно с точки зрения националистической парадигмы, с выражением отрицательной роли Советского Союза. Образ гитлеровской Германии присутствует на карикатурах только совместно с образами и символами, относящимися к СССР, чем проводятся параллели между ними. Следует отметить, что маркер главного врага в карикатурах часто переносится с «советской власти» на русский этнос в целом.

Представленный материал иллюстрирует то, как некоторые страны используют образы времен Второй мировой войны в политических целях. При этом необходимо признать, что историческая политика имеет мало общего с исторической наукой и представляет собою форму представления информации о прошлом в выгодном свете. Ситуация может кардинально измениться, если страны Запада вернутся к представлению объективной истории, а не отстаиванию национальных (региональных) интересов путем манипулирования произошедшими событиями.

Пока этого не произойдет, предстоит вести противоборство на «историческом фронте». Для этого авторы предлагают некоторые рекомендации.

Во-первых, необходимо разработать учебную дисциплину: «Историческая политика» для подготовки специалистов-международников. Кроме того, целесообразно организовать подготовку историков специализирующихся на критике зарубежных публикаций, искажающих историю России и СССР.

Во-вторых, статьи в области военной истории целесообразно представлять в научные электронные библиотеки не только на русском, но и на иностранном языке (на английском). Для этого при приеме публикаций в российские наукометрические базы необходимо публиковать их с переводом. Стремиться к включению исторических журналов в Scopus и Web of Science.

В-третьих, интерес к публикации проявляется не только от его содержания, но и от того, кто является ее автором. Прекрасным примером служит публикация президента России В. В. Путина «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим». Она была размещена не только в российских, но и в зарубежных изданиях на национальных языках.

В-четвертых, стоит сказать об интерактивности истории. В последние годы появилась акция «Бессмертный полк», которая стала международной. Для многих иностранцев узнавших об этих событиях меняется представление об итогах Второй мировой войны в целом. Подобные формы доведения информации о прошлом способны изменить зарубежное общественное мнение по отношению к Советскому Союзу и России.

Библиографический список

1. *Анисимова Е. Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М., 2003. 128 с.

2. *Будаев Э. В., Чудинов А. П.* Метафора в политическом интердискурсе: монография. Екатеринбург, 2006. 215 с.

3. *Ворошилова М. Б.* Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. Уральский педагогический государственный университет. 2007. Вып. 3. С. 73–77.

4. *Припоров Е. С.* Роль традиционных и «новых СМИ» в освещении грузино-южноосетинского конфликта в августе 2008 года // Международные отношения. Политология. Регионоведение. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 5. С. 326–329.

5. *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Социальная организация знаний о прошлом: аналитическая схема // Диалог со временем. 2011. № 35. С. 7–18.

6. *Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 180–186.

7. *Тош Д.* Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка: пер. с англ. М., 2000. 294 с.

УДК 908
А. А. Ладанова,
архивист 2-й категории отдела Публикации и использования документов,
Государственный архив Ивановской области

ХОЗЯЙСТВЕННИКИ-РУКОВОДИТЕЛИ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕКСТИЛЬНОГО ТРЕСТА В 1921/22–1925/26 гг.

В статье оценивается вклад ивановских хозяйственников в создание Ивгостреста и в развитие текстильной промышленности на этапе ее восстановления.

Ключевые слова: НЭП, текстильная промышленность, образование Ивгостреста, система управления, руководство треста

A. A. Ladanova,
The second category archivist of the Department of Publication
and Using of Documents of the State Archive of Ivanovo region

ECONOMIC MANAGERS OF IVANOVO-VOZNESENSKY STATE TEXTILE TRUST IN 1921/22–1925/26

Contribution of Ivanovo-Voznesensk province's economic managers in establishment of the trust and in development of textile industry at the stage of reconstruction is evaluated in the article.

Keywords: NEP, textile industry, establishment of Ivanovo-Voznesensky state textile trust, management system, managers of the trust

Иваново-Вознесенский государственный трест был самым крупным текстильным трестом губернии в 1920-е гг. Он объединял лучшие, наиболее мощные текстильные фабрики. В годы Гражданской войны на большинстве из них с помощью консервации удалось сохранить относительно удовлетворительное состояние оборудования и помещений. Первый опыт интенсивной работы предприятия получили еще при Ударном комитете. Производственная политика Ивгостреста, основанная на методах интенсивного производства, районировании и специализации, способствовала удешевлению продукции и увеличению показателей выработки даже в кризисные годы (1923, 1925, 1927). Благодаря грамотной торговой политике, особенностью которой было изучение рынков сбыта и постоянное совершенствование продукции, ивановознесенские ткани получили распространение не только на отечест-

© Ладанова А. А., 2022

венном, но и на иностранном рынке. Продукция треста составляла 50 % всего оборота Всесоюзного текстильного синдиката, и 50 % всего экспорта, осуществляемого через ВТС [2, д. 846, л. 127]. Большое внимание уделялось и социальной сфере. Так, для обеспечения рабочих продовольствием в 1921–1923 гг. из оборотного фонда изымались средства. В 1923/24 г. была запущена система аккредитования для снабжения работников спецодеждой и предметами быта. В течение 1923–1929 гг. шло решение жилищного вопроса (борьба с муниципализацией, аккредитование, строительство). Также в социальной политике было выбрано направление на улучшение условий труда, увеличение заработной платы, содержание яслей, прачечных, бань, амбулаторий, школ (ФЗУ), рабочих клубов, оказывалась поддержка рабочему изобретательству.

Во многом таких успехов удалось добиться благодаря таланту хозяйственников-руководителей Иваново-Вознесенского треста и его фабрик. В большинстве своем, являясь выходцами из семей обычных трудяг, руководители объединения и директора предприятий понимали механизм работы мануфактуры изнутри, серьезно относились к потребностям рабочих.

Важную роль будущие руководители Ивгостреста сыграли еще на этапе его создания.

На заседании правления губотдела Союза текстильщиков и коллегии Губтекстиля, состоявшемся в августе 1921 г., по предложению Пирожкова Н. Е. (председатель Губсоюза текстильщиков, директор Родниковской мануфактуры с 30 сентября 1922 г.) была сформирована специальная комиссия (тройка), которая занялась вопросом создания треста. В состав тройки вошли член коллегии Губтекстиля И. П. Автономов и два работника с фабрик – Н. Б. Рожков и А. А. Гайдамович. Комиссия работала под руководством Пирожкова Н. Е. и Осинкина А. А. Побывав в Москве, тройка узнала, что в Центре преобладала тенденция к созданию мелких объединений [3, с. 11].

Организацию в губернии нескольких мелких трестов комиссия, в отличие от Центра, считала непрактичной. Между ними бы образовалась конкуренция и борьба за топливо, транспорт, ресурсы, управляющие органы потребовали бы лишний персонал и расходы, что в условиях экономического кризиса начала 1920-х гг. было невозможным. Такого же мнения придерживалось большинство членов правления Губсоюза текстильщиков и коллегии Губтекстиля [3, с. 11–12].

На основании практического опыта, приобретенного во время деятельности Групповых правлений, Ударкома и Губтекстиля, «тройка» в конце августа 1921 г. представила проект организации единого в губернии текстильного треста, который включал бы в себя работающие и намеченные к работе хлопчатобумажные и льняные фабрики

(большинство из них ранее объединялось Ударным комитетом). Причем в целях лучшего использования ресурсов и технического оборудования предприятий их предполагалось разделить на производственные группы, с таким расчетом, чтобы каждая группа представляла собой законченный цикл производства [3, с. 12].

Разработанный проект треста сначала обсуждался на заседании правления Губсоюза текстилей и коллегии Губтекстиля, а затем был передан на рассмотрение в особую комиссию в составе Пирожкова, Осинкина, Котова, Лимонова и Мошкова, большинство которой согласились с мнением тройки и считали организацию единого в губернии треста более рациональным решением [3, с. 13]. 26 сентября 1921 года данный вопрос рассмотрел президиум Иваново-Вознесенского губсовнархоза (ГСНХ) и выпустил постановление об организации управления текстильной промышленности. В нем был прописан состав фабрик будущего треста и порядок утверждения его правления [1, с. 84–85]. После этого проект в отредактированном виде отправился в Москву.

В столице в это время (конец сентября – начало октября 1921 г.) шла работа по выработке проектов трестирования путем мелких объединений, поэтому на Всероссийском Съезде текстильщиков проект организации единого Иваново-Вознесенского треста «прошел только благодаря единодушно защищавшей его группе ивановцев» [3, с. 13].

На заседании бюро Иваново-Вознесенского губкома РКП(б) (8 октября 1921 г.) председатель Губсоюза текстильщиков Пирожков Н. Е. сообщил, что вопрос о создании текстильного треста в Иваново-Вознесенской губернии решен Центром [1, с. 85–86]. В октябре 1921 г. по предложению Иваново-Вознесенского губсоюза текстильщиков и губсовнархоза в ВСНХ были одобрены кандидаты в правление Ивгостреста в составе председателя К. И. Фролова, его заместителя А. А. Осинкина и членов правления – И. П. Автономова, Н. В. Лебедева и Н. Б. Рожкова. Фактически Иваново-Вознесенский государственный текстильный трест начал работу с 1 ноября 1921 г., но юридическое оформление он получил только 2 января 1922 г. на основании Постановления президиума ВСНХ [1, с. 94–96]. Согласно Уставу Ивгостреста (утвержден СТО 8 декабря 1923 г.), составленному на основе Декрета «О трестах» от 10 апреля 1923 г., трест был образован «для объединенного управления предприятиями на началах коммерческого расчета с целью производства и сбыта хлопчатобумажных и льняных изделий» [2, д. 139, л. 18].

Работой треста руководил специальный орган – правление. Его члены разделили все фабрики между собой по территориальным группам и работали «на местах», непосредственно взаимодействуя с директорами предприятий, поэтому производственные проблемы решались

быстро и четко. Члены правления, находясь на фабриках, должны были досконально изучить производство как с технической, так и с административной стороны. Особенно они следили за выпуском готового товара и товарообменом, за взаимоотношениями предприятий с местными организациями. Потом на заседаниях правления происходил обмен наблюдениями, принимались те или иные решения, и члены правления вновь возвращались на фабрики [3, с. 4].

Согласно Уставу Иваново-Вознесенского объединения, принятому 8 декабря 1923 г., председатель и члены правления при исполнении своих обязанностей «несли дисциплинарную, уголовную и гражданскую ответственность как за целость вверенного им имущества, так и за хозяйственное ведение дела» (параграф 20) [2, д. 139, л. 19 об.]. Правление руководило всеми операциями треста, заключало торговые и производственные сделки, управляло делами и находившимся в распоряжении объединения имуществом, являлось представителем треста на суде и вне суда (например, в съездах синдикатов и разного рода торговых и промышленных объединений) (параграф 19) [2, д. 139, л. 19 об.]. В Уставе прописывалась неприкосновенность Ивгостреста. «Никакие государственные учреждения или должностные лица не имеют права вмешиваться в административно-хозяйственную и оперативную деятельность правления треста» (параграф 18) [2, д. 139, л. 19].

С 1 ноября 1921 г. председателем Иваново-Вознесенского государственного текстильного треста стал Константин Иванович Фролов, а членами правления при нем – Н. В. Лебедев, А. А. Осинкин, И. П. Автономов и Н. Б. Рожков. Под их руководством шло восстановление текстильной промышленности края.

Фролов К. И. (1887–1930 гг.) родился в фабричном селе Тейково Ковровского уезда Владимирской губернии в семье рабочего. Суровое лицо его прорезали глубокие морщины, глаза смотрели исподлобья, испытующе. Он обладал грубым, хриплым голосом, говорил рывками. «Квадратный крепыш с широкими плечами и большими рабочими руками» [4]. Таким был Константин Фролов по внешности, таким же суровым и жестким был в работе. При этом за суровой внешностью скрывался «чуткий товарищ, отзывчивый и внимательный к нуждам рабочих» [4]. Этот человек обладал незаурядным организаторским талантом. Для решения хозяйственных задач он неоднократно выезжал в Москву, встречался с председателем ВСНХ Ф. Э. Дзержинским.

В 1926 г. должность председателя Ивгостреста занял Михаил Александрович Коротков, так как К. И. Фролов стал заместителем председателя Всесоюзного текстильного синдиката (ВТС). При М. А. Короткове состав правления частично изменился. Например, его заместителем стал Н. А. Фадеев. Н. Б. Рожков проработал в правлении

до самой своей смерти в декабре 1927 г. И. П. Автономов покинул должность 30 июня 1928 г. После этого он стал инженером по ткачеству Ивановского областного Совета народного хозяйства. Место И. П. Автономова в правлении треста занял П. Х. Матисен.

Из-за обилия функций система управления Иваново-Вознесенским государственным текстильным трестом требовала разветвленного аппарата, поэтому при правлении работал целый ряд специальных отделов, таких как секретариат, административно-хозяйственный отдел, отдел снабжения, производственный, финансово-учетный, научно-технический отделы и Московское торговое отделение. Данные отделы осуществляли связь треста с губернскими и государственными органами народного хозяйства, организовывали производственную деятельность фабрик, снабжали предприятия материалами, контролировали торговую и финансовую сферы, занимались бытовыми проблемами рабочих и вели научно-технические разработки в области текстильной промышленности.

Кумошенский Михаил Дмитриевич вел протоколы заседаний правления и директоров фабрик, готовил материалы к ним, осуществлял всю переписку треста, являясь главным секретарем правления [2, д. 67, л. 74].

Требухин Николай Георгиевич – управляющий делами Ивгостреста с 24 ноября 1924 г., возглавил административно-хозяйственный отдел, сменив на посту Ясюнинского Ивана Арсеньевича. Он конкретизировал обязанности отделов треста, твердо требовал исполнения постановлений правления [2, д. 507, л. 44].

Корсаков Иван Васильевич – работал в правлении Иваново-Вознесенского объединения с момента его организации (с ноября 1921 г.) и занимался вопросами трудового права, возглавляя им же созданное технико-нормировочное бюро. С научно-исследовательским интересом подходил к решению вопросов об эффективном использовании рабочей силы на фабриках, провел 2 нивелировки зарплаты, основывался на применении сдельной оплаты труда [2, д. 507, л. 77].

Струков Борис Николаевич возглавлял отдел снабжения с 18 августа 1924 г. Раньше заведовал группой металлических заводов губернского Совета народного хозяйства (ГСНХ). На новой должности организовал учет необходимых ресурсов, наладил процесс своевременной поставки строительных материалов, металлических изделий, укрепил торговые связи с заводами-поставщиками машин (производственного оборудования) [2, д. 507, л. 54].

Горнштейн Константин Андреевич с момента организации треста стал заведующим производственного отдела. В основном он отвечал за ситцепечатные и красильные фабрики. С октября 1925 г. Горнштейн

руководил научной лабораторией, занимаясь разработкой методов рационализации производства [2, д. 507, л. 256].

Финансово-учетный отдел возглавлял Шеберстов Иосиф Васильевич. Несмотря на руководящую должность имел средний профессиональный уровень. «Плохо ориентировался в хозяйственной и политической обстановке, мыслил узко без общего экономического анализа, не контролировал работу отдельных фабричных бухгалтерий, был медлителен, крайне осторожен, что иной раз вредило делу» [2, д. 507, л. 49].

Лебедев Алексей Петрович заведовал статистическим отделом с 20 июля 1923 г. До него указанный отдел работал слабо («хромал на обе ноги»), поэтому Лебедев сразу предпринял несколько реорганизационных мер, благодаря чему отдел стал не только отражать данные по производительности труда и зарплате, но и проводить общий экономический анализ работы Ивгостреста, тем самым восполняя проблемы бухгалтерии. Проявил себя как инициативный, чуткий руководитель [2, д. 507, л. 60].

Это были одни из выдающихся руководителей отделов правления треста.

Библиографический список

1. Восстановление текстильной промышленности Иваново-Вознесенской губернии (1920–1925 гг.): сборник документов и материалов / под ред. В. А. Бабичева, Г. Я. Горбунова, К. А. Гущиной и Л. В. Левковича. Иваново, 1966.

2. ГАИО. Ф. Р-1686 (Иваново-Вознесенский государственный текстильный трест ВСНХ СССР (Ивгострест)). Оп. 2. Д. 66, 67, 68, 139, 140, 167, 486 507, 508, 846.

3. Обзор деятельности Иваново-Вознесенского текстильного треста за период с 1 ноября 1921 г. по 1 января 1923 г. Иваново-Вознесенск, 1923.

4. Памяти тов. Фролова // Рабочий край. 1930. 12 апреля. № 83. С. 2.

УДК 930.1
Д. Е. Леонов,
научный сотрудник, Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль» (Ростов)

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1904–1905 гг. НА СТРАНИЦАХ «ЯРОСЛАВСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»

В статье проведен анализ публикаций в официальном периодическом издании Ярославской и Ростовской епархии – «Ярославских епархиальных ведомостей» – о русско-японской войне 1904–1905 гг. Редакция и авторы издания придерживались патриотической позиции. В целом, война охарактеризована как бедствие, ниспосланное народу России за грехи, и поражение должно было стать началом покаяния и обновления.
Ключевые слова: Православная церковь, русско-японская война 1904–1905 гг., революция 1905–1907 гг., Цусимское сражение, духовенство, Ярославская епархия

D. E. Leonov,
Researcher, Rostov Kremlin State Museum-Reserve (Rostov)

THE RUSSIAN-JAPANESE WAR OF 1904–1905 ON THE PAGES OF THE YAROSLAVL DIOCESAN GAZETTE

The article analyzes the publications in the official periodical of the Yaroslavl and Rostov diocese – "Yaroslavl diocesan Gazette" – about the Russian-Japanese war of 1904–1905. The editors and authors of the publication adhered to a patriotic position. In general, the war is characterized as a disaster sent down to the people of Russia for their sins.
Keywords: Orthodox Church, Russian-Japanese war of 1904–1905, revolution of 1905–1907, Battle of Tsushima, clergy, Yaroslavl diocese

Среди исторических источников начала XX столетия одно из важнейших мест занимает периодическая печать, которая являлась «мощным средством организации общественного сознания» [6, с. 326]. В особую группу принято выделять периодические издания Православной Российской Церкви.

Почти в каждой епархии в начале XX века издавались епархиальные ведомости. В их задачи входила публикация официальных церковных и государственных документов, сведений о жизни епархии, материалов, способствующих «пастырскому действованию на паству» [21, с. 493].

© Леонов Д. Е., 2022

«Ярославские епархиальные ведомости», редактором неофициальной части которых в 1904–1905 гг. был М. П. Троицкий, нередко размещали на своих страницах полемические материалы, в том числе общественно-политического содержания. Получила свое отражение на страницах газеты и русско-японская война. В настоящее время изучен процесс освещения данного конфликта в самарских, ставропольских, орловских, воронежских епархиальных изданиях [1, 2, 10, 23]; церковная печать рассмотрена в рамках работ об общественном мнении в 1904–1905 гг. [4, 17]. В 2019 г. Е. А. Ледовских защищена кандидатская диссертация о Православной Церкви и обществе в период русско-японской войны [9]. В настоящей работе изучены материалы «Ярославских епархиальных ведомостей» о русско-японской войне.

Русско-японская война началась 27 января 1904 г. Официальное издание Синода «Церковные ведомости» в № 5 от 31 января опубликовало манифест Николая II о начале войны, а также соответствующие синодальные определения [24].

«Ярославские епархиальные ведомости» сообщили читателям о начавшейся войне с Японией в № 5 от 1 февраля 1904 года. Автор, назвавший себя инициалами М.Т., писал, что Япония совершила поступок «неслыханный среди цивилизованных стран», напав на русский флот. М.Т. называет японцев «язычниками», у которых «слово евангелия не смягчило черствой души», а также оценил предстоящие перед Россией трудности и, в первую очередь, удаленность театра военных действий. Заканчивается заметка патриотическим воззванием к сынам Отечества: «Будем же непрестанно и усердно молиться… за Благочестивейшего Государя нашего и находящееся в опасности отечество, да «крепкий во бранех Господь» уничижит всякого врага и супостата» [34, с. 74–75].

В № 7 (часть официальная) от 5 февраля был опубликован манифест о начале войны и определение Синода № 409 с текстом молебного пения «против супостатов» [30, с. 51–56]. В следующем номере официальной части напечатан рескрипт императрицы Марии Федоровны Главному управлению Российского общества Красного Креста с призывом оказывать добровольную помощь раненым [31, с. 59–60]. В № 9 (29 февраля 1904 г.) размещен указ Синода об установлении еженедельного сбора пожертвований по всем церквам за воскресными богослужениями в пользу раненых воинов [32, с. 67]. Этот же номер сообщал о произнесении архиепископом Ярославским Сергием слова в адрес сестер милосердия, отправлявшихся на Дальний Восток.

В № 10 (7 марта 1904 г.), неофициальной части, опубликована перепечатанная из «Орловских епархиальных ведомостей» статья «Пастырь церкви во время войны», в которой русские войска названы «победоносными», враг «дерзким» и «коварным». Россия трактовалась как

оплот христианства, а Япония – центр язычества, т. е. война, по мысли автора, носила религиозный характер. Задачей священника должна была стать совместная с народом молитва, проповедь, направленная на усиление патриотизма, и активная благотворительная деятельность [28, с. 187–190]. В этом же номере помещено «пророческое слово Серафима Саровского», в котором преподобный предсказывал «тяжелую для России» войну: «И Царь пойдет на войну, и я с Ним, и мы Англии кафтанто, радость моя, и раздерем!» [28, с. 190–191]. № 10 имел приложение, в котором приведена выдержка из газеты «Новое время» «нравственной физиономии японца»: по мнению автора, у этого народа отсутствуют понятия о долге, нравственности и чести [27, с. 48]. Сообщалось также, что корпорация Ярославской семинарии постановила перечислять от 1 до 2 % от жалования в пользу русского флота и Красного Креста.

В следующем номере 11 (14 марта 1904 г.) помещена статья Н. Пальмова «Христианство в Японии» (об истории христианской миссии); заканчивается статья призывом к молитве о даровании победы России в войне [12, с. 197–200]. Неофициальная часть № 12 содержала подробную статью о деятельности Красного Креста [25], а также заметки о молитве за воинов в церковно-приходских школах и о героизме русских моряков. На последних страницах газеты представлено краткое изложение петербургской лекции иеромонаха Михаила о войне с Японией, которую автор уподоблял монголо-татарскому нашествию [29]. В неофициальной части № 13–14 опубликован очерк Д.П. «Из жизни японцев» (о быте и традициях) [5, с. 248–252]. В № 15 была перепечатана проповедь из «Черниговских епархиальных ведомостей», в которой война вновь охарактеризована как религиозная («Дальний Восток – колыбель язычества», русский народ – «народ-подвижник», несущий «культуру и мир») [18, с. 263–265]. В следующем номере размещена напутственная речь морякам, отправляющимся на Дальний Восток, произнесенная протоиереем А. Судьбининым [19, с. 366–367]. Таким образом, уже в марте и апреле 1904 г. русско-японская война стала освещаться почти в каждом номере ярославской епархиальной газеты. Все публикации выражали надежду на скорую победу.

В № 21 епархиальной газеты опубликована заметка о священнике С. В. Щербаковском, отличившемся в бою у р. Ялу [3, с. 366–367]. В № 23 размещен отчет о собранных с 5 февраля по 5 мая пожертвованиях на войну (9802 р. 4 к. наличными и 300 р. билетами) [13, с. 218–220]. В № 26 напечатана проповедь прот. А. Судьбинина о необходимости оказания помощи раненым воинам [20].

В июне 1904 г. на страницах газеты появляются первые материалы об обороне Порт-Артура [8, 11]. Неудачи русского оружия осмыслялись в проповедях: священник Н. Пятницкий отмечал, что неудачи свя-

заны с удаленностью театра военных действий, а также с враждебным отношением к русским воинам местного населения [15, с. 481–484]. Летом 1904 г. сообщений о тяжелом положении русских войск, о помощи раненым становилось всё больше [26]. Помимо сведений о ситуации на фронте иногда встречались материалы националистического характера [33]. Чем труднее была обстановка на войне, тем более краткими становились сведения о ней на страницах газеты.

О сдаче Порт-Артура газета сообщала в номере от 23 января 1905 года, где была напечатана статья М. П. Троицкого «Под впечатлениями современной действительности». Автор подвел итоги 1904 года; война названа неудачной, а сдача Порт-Артура показана как закономерное событие (результат «нашей недальновидной оплошности»). Троицкий выражал опасения по поводу возможной гибели второй Тихоокеанской эскадры адмирала Рожественского, а также изложил мнение о том, что народ не понимал смысла войны. В то же время Троицкий проводил мысль, что русско-японская война есть война христианства против язычества; по его мнению, кровь русских воинов «удобрит языческую землю», и «воссияет там вера Христова» [22, с. 52–56].

В № 24 ведомостей (12 июня 1905 г.) напечатано «Слово по поводу поражения нашей Балтийской эскадры», автором которого был священник С.К. Цусимское поражение охарактеризовано как крайне печальное событие: «надежды наши оказались тщетны, мечтания наши суетны», флот, «как игрушка, в несколько часов разбит». Стало ясно, что «мы… преждевременно хвалились своею силою, кричали о своем могуществе и слабости врага», и, возлагая надежды на «историческую мощь», не «старались заглянуть внутрь себя». А между тем, «без воли Божией даже волос с головы нашей не падает», и война с Японией есть «проявление праведного гнева Божия за наши беззакония». Россия потерпела поражение потому, что не было «единства духа», «братской взаимопомощи». По мысли автора, эта неудачная война должна послужить «грозным уроком», а заключенный мир – временем «духовного исправления и обновления» [16].

В этом же номере был опубликован материал под названием «К родителям». Участники войны названы в нем «лучшими сынами» родины, а участники забастовок и демонстраций – «изменниками», «врагами отечества». Причиной печального положения вещей в России названо «нравственное разложение». Решение проблемы заключалось в нравственном «преобразовании себя и детей наших» [7, с. 365–369].

Русско-японская война закончилась 23 августа 1905 г. «Ярославские епархиальные ведомости» не публиковали официальных сообщений на эту тему, а лишь упомянули о заключении мира в № 40 (2 октября 1905 г.): «прекратилась ужаснейшая и для нас в высшей степени несча-

стная война… время залечить раны; несчастия вразумят нас, уничижение побудит нас к усовершенствованию»[*].

Таким образом, война получила подробное отражение на страницах «Ярославских епархиальных ведомостей». От начала и до конца войны авторы и редакция издания придерживались патриотической позиции. Епархиальная газета уделяла внимание и анализу причин неудач русской армии. Война охарактеризована как бедствие, ниспосланное народу России за грехи. Поражение в ней должно было заставить народ принести покаяние и обратиться к Богу.

Библиографический список

1. *Борисов Е. А.* «Забились в одном общем чувстве сердца миллионов людей». Как развивались взгляды православного клира на военные кампании в Российской империи в пореформенную эпоху (по материалам орловской епархиальной печати) // История: факты и символы. 2018. № 3. С. 7–14.

2. *Буранок А. О.* Русско-японская война на страницах «Самарских епархиальных ведомостей» // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 4. С. 79–86.

3. Герои священники // Ярославские епархиальные ведомости (далее – ЯЕВ). 1904. № 21. 21 мая. Ч. неоф.

4. *Гладкая Е. А.* Русско-японская война в массовом сознании и общественной мысли русского общества в начале XX в.: дис. … канд. ист. наук. Ставрополь, 2008. 219 с.

5. Д.П. Из жизни японцев // ЯЕВ. Ч. неоф. 1904. № 13–14. 28 марта – 4 апреля.

6. Источниковедение истории СССР: учебник / под ред. И. Д. Ковальченко. Изд. 2-е. М.: Высшая школа, 1981.

7. К родителям // ЯЕВ. 1905. 12 июня. № 24. Ч. неоф.

8. К.Н.В. Порт-Артур // ЯЕВ. 1904. № 24. 13 июня. Ч. неоф. С. 423–424.

9. *Ледовских Е. А.* Православная церковь и общество во время русско-японской войны 1904–1905 гг. и революции 1905–1907 гг. (на материалах Центрально-Черноземных губерний): дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2019. 210 с.

10. *Лепилкина О. И., Макарова О. А.* Специфика освещения русско-японской войны в журнале «Ставропольские епархиальные ведомости» (1904–1905) // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 3. С. 235–239.

11. Образ Богоматери // ЯЕВ. 1904. № 25. 20 июня. Ч. неоф. С. 427–429.

12. *Пальмов Н.* Христианство в Японии // ЯЕВ. Ч. неоф. 1904. № 11. 14 марта. С. 197–200.

13. Пожертвования, поступившие на нужды военного времени от епархиального ведомства в течение времени с 5 февраля по 1 мая текущего года // ЯЕВ. 1904. № 23. 6 июня. Ч. оф.

[*] Православная церковь и современная общественная жизнь // ЯЕВ. 1905. 2 октября. № 40. Ч. неоф. С. 613.

14. Православная церковь и современная общественная жизнь // ЯЕВ. 1905. 2 октября. № 40. Ч. неоф. С. 613.

15. *Пятницкий Н., священник*. Слово в день святых благоверных князей Федора и чад его, Давида и Константина, Ярославских чудотворцев // ЯЕВ. 1904. № 28. 11 июля. Ч. неоф.

16. С.К., священник. Слово по поводу поражения нашей Балтийской эскадры // ЯЕВ. 1905. 12 июня. № 24. Ч. неоф. С. 355–358.

17. *Смирнова Е. А.* Отношение провинциального общества к русско-японской войне в 1904-1905 гг.: на материалах губерний Верхнего Поволжья: автореф. дис. … канд. ист. наук. Кострома, 2006. 22 с.

18. Смысл настоящей войны // ЯЕВ. Ч. неоф. 1904. № 15. 11 апреля.

19. *Судьбинин А., протоиерей*. Напутственная речь морякам, отправляющимся на Дальний Восток, сказанная в Мологском городском манеже 1-го апреля 1904 года // ЯЕВ. Ч. неоф. 1904. № 16. 18 апреля. С. 271–273.

20. *Судьбинин А., протоиерей*. Поучение в Неделю 3-ю по Пятидесятнице по случаю предложения правительства дать приют раненым воинам, сказанное в Мологском Воскресенском соборе 6 июня 1904 года // ЯЕВ. 1904. № 26. 27 июня. Ч. неоф. С. 445–447.

21. *Троицкий А., протоиерей*. Епархиальные ведомости // Православная энциклопедия. Т. 18. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2008.

22. *Троицкий М. П.* Под впечатлениями современной действительности // ЯЕВ. 1905. № 4. 23 января. Ч. неоф.

23. *Фурсов В. Н., Ледовских Е. А.* Участие представителей Воронежского православного духовенства в русско-японской войне (1904–1905 гг.) // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2017. № 1. С. 87–91.

24. Церковные ведомости. 1904. № 5. 31 января. Ч. офиц. С. 41–46.

25. Чрезвычайное общее собрание членов Российского общества Красного Креста 22-го февраля 1904 года // ЯЕВ. Ч. неоф. 1904. № 12. 21 марта. С. 213–219.

26. ЯЕВ. 1904. № 29. 18 июля. Ч. неоф.

27. ЯЕВ. Ч. неоф. 1904. № 10. 7 марта. Приложение.

28. ЯЕВ. Ч. неоф. 1904. № 10. 7 марта.

29. ЯЕВ. Ч. неоф. 1904. № 12. 21 марта. С. 221–223, 226–227.

30. ЯЕВ. Ч. оф. 1904. № 7. 15 февраля.

31. ЯЕВ. Ч. оф. 1904. № 8. 22 февраля.

32. ЯЕВ. Ч. оф. 1904. № 9. 29 февраля.

33. Японцы – потомки евреев // ЯЕВ. 1904. № 30. 25 июля. Ч. неоф. С. 523–525.

34. ЯЕВ. Ч. неоф. 1904. № 5. 1 февраля.

УДК 930.1
Д. Ю. Листопадов,
архивист 1-й категории, Государственный архив Ивановской области

К ВОПРОСУ О ПОТЕРЯХ РУССКОЙ АРМИИ В ХОДЕ БРУСИЛОВСКОГО ПРОРЫВА

В статье рассматривается вопрос о потерях русской армии во время Брусиловского прорыва, проводится сравнение официальных данных с фронтовыми сводками Юго-Западного фронта.
Ключевые слова: Первая мировая война, Брусиловский прорыв, военные потери, историография, статистика

D. Yu. Listopadov,
Archivist (category 1), The State Archive of the Ivanovo region

REVISITING THE FRONT CASUALTIES OF THE RUSSIAN ARMY IN THE BRUSILOV OFFENSIVE

Frontline reports on casualties of the Russian Army in the Brusilov Offensive are compared with the official data of the Southwestern Front.
Keywords: World War I, The Brusilov Offensive, front casualties, historiography, statistics

Первая мировая война является одним из крупнейших событий в истории российского государства и общества в XX веке. В 2021 году отмечалось 105-летие Брусиловского прорыва, который является наиболее успешной операцией русской армии в Первой мировой войне. Важность этого события, как с точки зрения истории, так и патриотического воспитания бесспорна. Однако хотя ему посвящено большое количество исторической и публицистической литературы, внимательный анализ выявляет существенное количество «белых пятен» в этом вопросе. Мы остановимся на весьма важной проблеме – какие потери понесла русская армия в ходе Брусиловского прорыва. Вопрос не праздный, т. к. в историографии наблюдается явная путаница с этим вопросом. Традиционные цифры потерь – 500 тысяч человек – распространяют на совершенно разные хронологические периоды, что приводит к транслированию явно недостоверных сведений. В то же время в новейшей историографии появляются и иные сведения о потерях русской армии, которые относятся к более широким хронологическим рамкам. Поэтому только обращение к архивным документам позволит нам прояснить этот весьма важный для исторической науки вопрос.

© Листопадов Д. Ю., 2022

Первые упоминания о потерях русской армии в ходе Брусиловского прорыва относятся к 1920 г. в работе «Стратегический очерк войны 1914–1918 гг.». Составителем этого очерка был генерал В. Н. Клембовский, в 1916 г. занимавший должность начальника штаба Юго-Западного фронта. По его сведениям потери русских составили: убитыми 62155 ч., пропавшими без вести 59802 ч., ранеными и заболевшими 376910 ч., что в сумме составляет 497967 ч. [4, с. 73], округлённо 500 тыс. С тех пор эта цифра прочно вошла в отечественную историографию. Однако многие историки не обратили внимание на то, что Клембовский приводит и конкретные сроки, в которые были понесены потери – 15 (28) мая – 30 июня (13 июля) 1916 г. Т. е. это потери только за первые полтора месяца наступления Юго-Западного фронта, бои же продолжались и далее (современная официальная историография относит их окончание к сентябрю) [6, с. 71].

В 1940 г. данные генерала Клембовского со ссылкой на него привёл полковник Л. В. Ветошников в работе «Брусиловский прорыв» [2, с. 146], однако допустил ошибку – цифру в 376910 ч., которая в «Стратегическом очерке войны 1914–1918 гг.» относилась одновременно к раненым и заболевшим, он отнёс к раненым и контуженным. Таким образом, общие потери были превращены в боевые. Впоследствии сведения В. Н. Клембовского в корректном варианте цитирования (т. е. с указаниями срока, за который были понесены потери) приводились и в других работах [8, с. 405].

В то же время в некоторых трудах мы видим иную картину – 500 тысяч общих потерь, которые у Клембовского ограничены 30 июня (13 июля), стали распространять на более продолжительный временной период. При этом речь идёт не о работах пропагандистской или публицистической направленности, но о сугубо исторических трудах. Например, в работе И. И. Ростунова окончание Брусиловского прорыва датируется «началом сентября», при этом потери, со ссылкой на «Стратегический очерк», указаны как 500 тысяч [7, с. 325]. Таким образом, эти данные как бы распространяются с полуторамесячного временного периода на более чем трёхмесячный срок. Это можно расценивать как грубую ошибку или намеренное введение в заблуждение. К сожалению, подобный приём был повторён в официозном труде «История Первой мировой войны» [3, т. 2, с. 205], где редактором был тот же И. И. Ростунов, и продолжает применяться уже в постсоветское время. Например, в работе В. Шацилло хронологические рамки Брусиловского прорыва также доведёны до сентября 1916 г., а количество потерь (уже безо всяких ссылок) указано как 500 тысяч [9, с. 197]. Этим же грехом, к сожалению, страдает и официальная историография [6, с. 71].

В то же время в новейших исследованиях приводились и другие данные о потерях русской армии. В своей работе «Брусиловский прорыв» [5, с. 45] С. Г. Нелипович привёл сведения, по которым Юго-Западный фронт потерял с начала наступления по 18/31 декабря 1916 г. 1446334 ч., в то время как противник за то же время – 845946 ч. Подобные данные вызвали полемику в историческом и околоисторическом сообществе. На их основании некоторые авторы вообще поставили под сомнение успех русских войск, указывая на огромные потери под Ковелем и на реке Стоход, которые не привели к положительному результату. Другие усомнились в правильности сведений С. Г. Нелиповича лишь на том основании, что они противоречат официальной цифре потерь – 500 тысяч. Тот факт, что данные приведены за гораздо более продолжительный период, чем тот, что когда-то озвучил генерал Клембовский, и чем тот, к которому обычно относят операцию, игнорируется. С. Г. Нелипович считает, что к концу июня (ст. ст.) боевые потери русских войск достигли полумиллиона человек [5, с. 22] (здесь он, к сожалению, путает общие потери с боевыми, что будет показано ниже). Потери в июле 1916 г. он оценивает в 312 тыс. человек [5, с. 30].

В настоящее время происходит настоящая «цифровая революция»: многие архивы оцифровывают свои документы и выкладывают их в Интернете для всеобщего использования. Это позволяет нам уточнить потери русской армии в ходе Брусиловского прорыва.

Сразу определимся с хронологическими рамками – мы будем рассматривать наиболее успешные для русской армии первые полтора месяца наступления. Возникает резонный вопрос: можем ли мы именно их охарактеризовать как «Брусиловский прорыв», дальнейшее же наступление обозначить, например, как Ковельское сражение? Полагаем, что это вполне возможно. Аналогичным образом наша официальная историография, когда речь идёт о Великой Отечественной войне, разделяет, например, Московскую наступательную операцию 5 декабря 1941 г. – 7 января 1942 г. и Ржевско-Вяземскую операцию 8 января – 20 апреля 1942 г. [6, с. 275, 279], хотя никакой паузы в боевых действиях не было. Точно также разделены Смоленская наступательная операция 7 августа-2 октября 1943 г. и последующие позиционные бои в Белоруссии [6, с. 304, 358]. Это позволяет нам действовать в рамках нашей концепции.

Убыль Юго-Западного фронта в целом указана в «Сведениях о потерях и числе возвратившихся офицеров и нижних чинов». Согласно этому документу [1, ф. 2003, оп. 2, д. 489, л. 87], потери за 15 мая – 30 июня ст. ст. таковы:

15–31 мая – 18785 убитых, 13194 пропавших без вести, 94020 раненых, 14379 больных.

1–15 июня – 23097 убитых, 21300 пропавших без вести, 128485 раненых, 17078 больных.

16–30 июня – 20273 убитых, 25308 пропавших без вести, 107121 раненых, 17207 больных.

Всего за 15 мая – 30 июня – 62155 убитых, 59802 пропавших без вести, 329626 раненых. Итого 451583 ч. боевых потерь, кроме того, 48664 больных. Всего 500247 ч.

На эти сведения и опирался в своём труде В. Н. Клембовский в далёком 1920 г. Это подтверждается тем, что данные о безвозвратных потерях (убитых и пропавших без вести) совпадают с точностью до человека. В то же время подсчёт санитарных потерь приводит нас к выводу, что Клембовский незначительно ошибся в числе раненых и заболевших – по документу их 378290 ч., а не 376910 ч.

Кроме того, в настоящий момент оцифрованы пятнадцатидневные донесения Юго-Западного фронта о собственных потерях за период с 15 мая по 30 июня. Они характеризуются наличием детализации потерь по армиям. При этом за период 15–31 мая в них нет данных о потерях Заамурской конной дивизии, а за период 1–15 июня – о потерях 3-го и 4-го Финляндских полков, поэтому сведения незначительно отличаются в меньшую сторону от приведенной выше общей статистики, где эти потери уже, вероятно, учтены. За период 15–30 июня сведения обоих документов совпадают полностью.

Начинали прорыв 7-я, 8-я, 9-я и 11-я русские армии. Их потери за 15–31 мая составили: 7-я армия – 4352 убитых, 3982 пропавших без вести, 23432 раненых, 3142 больных; 8-я армия – 6139 убитых, 2102 пропавших без вести, 34909 раненых, 3555 больных; 9-я армия – 4044 убитых, 3297 пропавших без вести, 19627 раненых, 3168 больных; 11-я армия – 4227 убитых, 3812 пропавших без вести, 15974 раненых, 2723 больных [1, ф. 2067, оп. 1, д. 551, л. 308].

Затем в операции приняла участие также и 3-я русская армия. Всего за 1–15 июня потери составили: 3-я армия – 1842 убитых, 616 пропавших без вести, 6937 раненых, 1584 больных; 7-я армия – 4588 убитых, 3151 пропавший без вести, 25986 раненых, 4656 больных; 8-я армия – 7010 убитых, 12149 пропавших без вести, 42105 раненых, 4299 больных; 9-я армия – 5671 убитыми, 2367 пропавших без вести, 30114 раненых, 4382 больных; 11-я армия – 3585 убитых, 2104 пропавших без вести, 20725 раненых, 1963 больных [1, ф. 2067, оп. 1, д. 551, л. 346].

Наконец, 16-30 июня армии потеряли: 3-я-армия – 2341 убитых, 768 пропавших без вести, 14295 раненых, 2422 больных; 7-я армия – 2514 убитых, 3414 пропавших без вести, 15592 раненых, 5901 больного; 8-я армия – 6801 убитых, 9624 пропавших без вести, 30430 раненых, 2898 больных; 9-я армия – 5807 убитых, 4220 пропавших без вести,

29110 раненых, 2361 больного; 11-я армия – 2810 убитых, 7282 пропавших без вести, 17694 раненых, 3625 больных [1, ф. 2067, оп. 1, д. 551, л. 371].

Общие потери армий за полтора месяца боёв были таковы: 3-я армия – 4183 убитых, 1384 пропавших без вести, 21232 раненых, 4006 больных; 7-я армия – 11454 убитых, 10547 пропавших без вести, 65010 раненых, 13699 больных; 8-я армия – 19950 убитых, 23875 пропавших без вести, 107444 раненых, 10752 больных; 9-я армия – 15522 убитых, 9884 пропавших без вести, 78551 раненых, 9911 больных; 11-я армия – 10622 убитых, 13198 пропавших без вести, 54393 раненых, 8311 больных. Итого 61731 убитый, 58888 пропавших без вести, 326930 раненых, 46679 больных. Это составляет 120619 ч. безвозвратных, 447549 ч. боевых и 494228 ч. общих потерь соответственно.

К сожалению, мы не располагаем сведениями о потерях Юго-Западного фронта в последующие месяцы, за исключением июля 1916 г. (ст. ст.). Тогда русские армии потеряли 28626 ч. убитыми, 17258 ч. пропавшими без вести, и 192224 ч., эвакуированных по ранению или болезни [1, ф. 2003, оп. 2, д. 489, л. 87], всего 45884 ч. безвозвратных и 238108 ч. общих потерь. Таким образом, сведения С. Г. Нелиповича об убыли в этом месяце 312 тыс. человек выглядят завышенными. К сожалению, в июльской отчётности эвакуированные не делятся на раненых и заболевших. Но если предположить, что заболеваемость в рядах фронта оставалась на июньском уровне, получится, что раненых из числа эвакуированных насчитывалось примерно 160 тыс. чел., а боевые потери фронта, соответственно, составили примерно 205 тыс. чел.

Таким образом, цифра в 500 тыс. общих потерь в Брусиловском прорыве представляется правильной и основанной на документах, но только если рассматривать боевые действия во второй половине мая – июне (по старому стилю). При этом следует помнить, что около 50 тыс. потерь составляют больные, пострадавшие не от неприятельского оружия. Эти цифры могут быть разделены как по временным периодам, так и по армиям Юго-Западного фронта. Но любую попытку применить эту цифру к более продолжительному временному периоду, как это часто делается, следует расценивать либо как грубую ошибку, либо как намеренную фальсификацию, так как уже к концу июля 1916 г. по ст. ст. потери русских армий Юго-Западного фронта составили: безвозвратные 167841 чел., боевые около 655 тыс. чел., общие 738355 чел. К сентябрю, которым многие датируют окончание наступательных действий, эти потери были ещё больше, однако их общий размер остаётся предметом дальнейших исследований.

Библиографический список

1. https://gwar.mil.ru. Документы Российского государственного военно-исторического архива.
2. *Ветошников Л. В.* Брусиловский прорыв. М., 1940.
3. История первой мировой войны 1914–1918 гг. / под ред. И. И. Ростунова. М., 1975.
4. *Клембовский В. Н.* Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 5. М., 1920.
5. *Нелипович С. Г.* «Брусиловский прорыв». Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916 года. М., 2006.
6. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / под ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 2010.
7. *Ростунов И. И.* Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976.
8. *Строков А. А.* Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. М., 1974.
9. *Шацилло В. К.* Последняя война царской России. М., 2010.

УДК 930.1

Ю. Г. Листопадов,
руководитель Центра развития палаточных лагерей

РАБОТА ЛАГЕРЕЙ ТРУДА И ОТДЫХА ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ В РСФСР (КОНЕЦ 1960-х НАЧАЛО 1970-х ГОДОВ)

В статье рассматривается становление системы лагерей труда и отдыха для школьников в РСФСР в конце 1960-х – начале 1970-х годов.

Ключевые слова: лагеря труда и отдыха, школьники, летний отдых

Yu. G. Listopadov,
Head of Tented Camps Development Centre

LABOUR AND RECREATION CAMPS DEVELOPEMENT FOR SCHOOLCHILDREN IN THE RUSSIAN SFSR (the late 60s – early 70s)

The formation of labour and recreation camp system for schoolchildren in the USSR (the late 1960s – early 1970s) is considered in the article.

Keywords: labour and recreation camps, schoolchildren, summer recreation activity

© Листопадов Ю. Г., 2022

Школьные лагеря для оказания помощи в сельском хозяйстве имеют в России более чем столетнюю историю. Первые такие лагеря появились в Российской Империи во время Первой мировой войны, правда, тогда их называли «трудовые дружины» [4]. Такие дружины были распространенным явлением и действовали по всей России, в том числе и на территории сегодняшней Ивановской области. Такие дружины для сельхозработ направляли, например, Шуйская и Ивановская мужские гимназии, а также Ивановское реальное училище.

В дальнейшем было несколько периодов интереса к подобным лагерям. Мы в данной статье расскажем об одном таком периоде: лагерях труда и отдыха для школьников (далее – ЛТО) конца 60-х – начала 70-х годов XX века. Необходимость создания таких лагерей диктовала нехватка рабочих рук для сельскохозяйственных работ. Для помощи селу направляли рабочих и служащих, но эта практика была неэффективной: «Долгое время предприятия … оказывали помощь совхозам по обработке полей и сбору овощей силами рабочих и служащих. Эта форма помощи показала себя малоэффективной, так как была связана с большими трудностями как для предприятий, так и для совхозов. Большое количество рабочих и служащих нужно было снимать с рабочих мест, оплачивать им среднемесячную заработную плату, снимать с линий городского общественного транспорта большое количество автобусов, оплачивать стоимость перевозки. Сами совхозы расположены вдали от города и на перевозку уходило много времени, в результате чего для самой работы на поле оставалось мало времени. Все эти трудности и огромные материальные затраты привели к мысли, что нужно искать новые формы шефства над совхозами» [8]. Как следует из указанной брошюры, выход был найден в организации школьных ЛТО.

В конце 60-х годов ЛТО создавались в основном по инициативе и силами комсомола, т. е. были в значительной мере инициативными и не имели массового характера (а потому были, как правило, успешными), при этом проводились зачастую в экстремальных условиях, например, вот как по воспоминаниям участников, был в 1969 году организован ЛТО в Михайловской средней школе (Алтайский край, Усть-Калманский район): «Совхоз выделил для лагеря труда и отдыха клуб… территория лагеря была не огорожена, здание, в котором жили ребята было не отремонтировано, столовая была сделана на скорую руку. ... В лагере ничего не было: ни посуды, ни спортивного инвентаря, мало было художественной литературы, газет, не было никаких настольных игр. Но не смотря на это ребята отдыхали весело, интересно, много играли, купались и проводили КВН, в лагере было 3 сезона» [2].

В высших эшелонах власти оценили роль ЛТО и Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС 24 съезду партии в числе «конкретных

и очень нужных дел комсомола» назвал летние лагеря труда и отдыха [1, с. 104], после чего на высшем уровне было указано, что «шефствующие предприятия, колхозы, учреждения и организации оказывают в установленном порядке помощь школе …. в организации школьных лагерей труда и отдыха» [6]. После этих событий развитие ЛТО приняло взрывной характер, так, на 22 июня 1972 г. «более 3 миллионов юношей и девушек приобретают трудовые навыки, знакомятся с профессиями в ученических производственных бригадах, школьных лесничествах, лагерях труда и отдыха, ремонтных отрядах» [5, с. 321].

Вот как развивались ЛТО в Кировском районе г. Куйбышева: в 1969 году на базе совхоза «Рубежное» был организован первый такой лагерь для учащихся старших классов. Это был небольшой палаточный городок с соломенными настилами, кухня под навесом, привозной водой, без электрического освещения. В нем находилось 100 старшеклассников, получил он название «Кировец». «В конце лета были подведены итоги работы лагеря, и оказалось, что именно эта форма помощи совхозам самая приемлемая – как для предприятий района, так и для совхоза» [8], после чего в 1970 году были созданы еще четыре таких лагеря. Ну а после провозглашенной на уровне ЦК КПСС линии на развитие ЛТО в Кировском районе в 1974–1975 гг. эти лагеря принимали уже до 1500 школьников в смену, причем многие работали по три смены. Эффективность была очевидна, так, ЛТО района выполнили в 1975 году в числе прочих следующие работы: собрано капустной рассады – 3 000 000 корней; собрано редиса 50 тонн; лука 72 тонны; укропа 15 тонн; огурцов 320 тонн; помидоров 500 тонн. Всего собрано 967 тонн овощей; прополото 1277 га овощных культур, при этом труд школьников оплачивался весьма скромно, так в 1975 году учащимися школ района заработано всего 72 000 рублей, причем из зарплаты было отчислено в Фонд Мира 990 рублей, то есть, зарплата школьника в среднем составила около 1 рубля в день.

Отметим, что работа ЛТО в Кировском районе Куйбышева была четко регламентирована, в том числе происходило заключение договоров, в которых четко разграничены обязанности, а именно:

– Руководства совхозов по обеспечению трехразовым питанием, оплате за водоснабжение и электроэнергию, выделению автотранспорта для подвоза учащихся к дальним полям, обеспечению инвентарем для полевых работ и др.

– Промышленные предприятия обязуются к определенному сроку подготовить спальные корпуса, постельные принадлежности, кухни, столовые, посуду, душевые, радиоузлы, киноустановки, спортивные площадки, наглядную агитацию, танцевальные площадки, эстрады для концертов, обеспечить необходимым транспортом и т. д.

– Кировский роно обязуется обеспечить каждый лагерь необходимым количеством учащихся и воспитателей-бригадиров, начальниками лагерей, обеспечивает лагеря бригадой культмассового сектора, проводит семинары для воспитателей, организует концерты для работников совхоза и т. д.

Договора обязывали работников РОВД, управления пожарной охраны, треста столовых, райздравотдела, транспортного отдела принимать необходимое участие в организации работы лагерей труда и отдыха и подписывались ответственными работниками роно, промышленных предприятий, совхозов, заведующими отделов, принимающих участие в организации работы лагерей.

Большое значение придавалось в работе ЛТО организации социалистического соревнования: «Между ребятами, отрядами, лагерями разгорается настоящее социалистическое соревнование, каждый стремится сделать на поле больше и с лучшим качеством, потому что в конце рабочего дня воспитатель-бригадир назовет ребят из отряда, которые сделали больше всех и лучше всех, о них будут выпущены «Молнии» или «Боевой листок», их имена будут названы на лагерной линейке начальником лагеря, вручены подарки (чаще коробка конфет или книга с дарственной надписью, девочкам дарили духи). На этой же линейке назовут и лучший отряд лагеря…. Подводятся также итоги работы за неделю и за всю смену». В лагерях было организовано и внерабочее время: концерты в самих лагерях, в бригадах и на фермах совхозов, факельные шествия к памятникам погибших в годы Великой Отечественной войны, форумы в защиту борцов за мир, организация работы в воскресный день, а заработанные деньги перечисляются в Фонд Мира, лагерные и межлагерные спартакиады и т. д.

Однако далеко не везде к организации ЛТО в данный период подходили столь ответственно. ЛТО в исследуемый период не имели правового статуса, часто к ним относились как к очередной кампании с соответствующими результатами: зачастую заселяли участников ЛТО в неприспособленные для проживания помещения, не обеспечивали работой, более того, были случаи, когда руководители сельхозпредприятий воспринимали ЛТО как обузу. Разумеется, об этом не отчитывались с высоких трибун, но понимание ситуации было на самом высоком уровне, 30 апреля 1974 года негативные факты в летней работе отмечалось на Секретариате ЦК КПСС [9, л. 31].

В периодике тех лет такие факты периодически вскрывались, причем забавно, что иногда те, кто писал, даже не отдавали себе отчета, что речь-то идет о грубых нарушениях. Чтобы не быть голословными, приведем несколько фактов из жизни ЛТО в Ивановской области того времени.

В Ивановской области в июле 1972 в лагерях труда и отдыха (ЛТО) и ученических бригадах работало более 18 тыс. старшеклассников [3, 28.07.1972]. Поскольку организация ЛТО проходила в «пожарном порядке», о правильной организации дела, по большому счету, речь и не шла, о чем свидетельствуют материалы в областной комсомольской газете. Так, чтобы обеспечить занятость школьников, им была поставлена задача «заготовка веточного корма» для животноводства (коротко – «веников»). И, практически в каждом номере «молодежки» появляются сообщения об ударном или, наоборот, неудовлетворительном труде школьников по заготовке «веников». Например, 05.07.72 сообщалось, что в Пестяках пионеры и школьники заготовили 192 тонны веточного корма, а 06.08.72. сравнивали лагерь «Салют», собравший 18 тонн веточек, в то время как «вся Шуя – всего 14 тонн». Причем, в этом же номере написано о том, что «многие колхозы от веточек отказываются». Почему? Все очень просто. Летом коровы никакие веники есть не будут. Да и зимой, в общем, тоже. Веники – корм для коз. Поэтому тема «колхозы отказываются от веников, а собранные школьниками веники гниют» красной нитью проходит через все летние номера «Ленинца». Так, в номере от 15.07.1972 конкретно называются колхозы, которые отказываются забирать «веники», констатируется, что в одном из лагерей «половина веток сгнила», а 13.08.72 сообщается: 5 тонн веников лежат в лагере Ново-Горкинской фабрики, та же картина во многих местах, колхозы не забирают. Помимо «веточек» старшеклассников задействовали в основном на прополке, хотя порой «подкидывали» и разные экзотические работы.

Так, 16.07.72 «Ленинец» разместил большой материал о ЛТО ивановской школы №46. Остановимся подробнее на описании этого лагеря. Поехал в лагерь «лучший 9 класс» – за право поехать в ЛТО «боролись». Поселили школьников в заброшенный бывший сельский детсад – причем корреспондент с умилением пишет: «законопатили щели, обклеили стены газетами – чем не жилье?». Далее сообщается о «трудовых подвигах». С изумлением узнаем, что девятиклассники производили следующие работы: разбрасывали вручную мочевину по полям (что вообще выходит за все рамки – химудобрение разбрасывать вручную!), собирали крапиву (стоимостью 2 копейки за килограмм), пололи, дергали колоски (рожь из пшеницы), сажали кузику. Были ребята в колхозе со 2 по 22 июня, причем председатель колхоза приехал всего один раз именно 22.06.72, причем для того, чтобы неожиданно для школьников отправить их домой.

Подчеркнем, что данный материал подается как позитивный опыт. И такое положение дел было типичным. Так в 66-й ивановской школе в 1972 г. выезжали в ЛТО 1-й год, причем на 25 мест в ЛТО было

подано 70 заявлений из 4-х 9 классов, поселили их в школе в Васильевском, задействовали на прополке свеклы и пшеницы [3, 12.07.1972], а школьников из 23-й ивановской школы поселили сначала в школе в 2-х км от места работы, затем отремонтировали интернат и переселили, постоянно перебрасывали на разные работы, в том числе, они заготавливали и «веники» [3, 26.07.1972].

Объективно уровень проведения ЛТО в каждом конкретном месте определялся отношением советско-партийного руководства к этой проблеме, но в любом случае оставались важнейшие проблемы, которые было необходимо решать в общероссийском масштабе, в первую очередь проблемы финансирования ЛТО и подбора кадров. Зачастую предполагалось, что школьники будут питаться за счет заработанных средств, а в лагере с ними будут школьные педагоги в свое рабочее время, т. е. без дополнительной оплаты, но такой подход был заведомо провальным: школьники зачастую не зарабатывали себе даже на самое скромное пропитание, а многие учителя не хотели тратить несколько летних недель на трудную и неоплачиваемую работу. Расчет на энтузиазм себя не оправдал (хотя, конечно, энтузиасты встречались), а рабочие руки в сельское хозяйство требовались, поэтому в 1976 году было принято Положение о ЛТО [7], которое разрешило ряд острых финансовых и кадровых проблем и дало новый импульс для развития ЛТО.

Библиографический список

1. XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1971.
2. История лагеря труда и отдыха https://ok.ru/group54544969498743/topic/67511985567095
3. Ленинец. Орган ивановского обкома ВЛКСМ.
4. *Листопадов Ю. Г., Листопадов Д. Ю.* Деятельность трудовых дружин учащихся во время Первой мировой войны (взаимодействие государственных и общественных структур) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XIV Междунар. науч. конф., Иваново, 18–19 марта 2015 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015 Ч. 2. С. 409–416.
5. Народное образование в СССР. Общеобразоват. школа: сборник документов 1917–1973 гг. М., 1974.
6. О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодёжи и дальнейшем развитии общеобразовательной школы // Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР 20 июня 1972 г. https://docs.cntd.ru/document/765709294
7. Об утверждении Положения о лагере труда и отдыха для учащихся старших классов общеобразовательных школ // Постановление Секретариата ВЦСПС, Коллегии Министерства просвещения СССР, Коллегии Министерства сельского хозяйства СССР, Секретариата ЦК ВЛКСМ от 6 мая 1976 года. http://ipravo.info/sssr1/act56/550.htm

8. Работа лагерей труда и отдыха для учащихся старших классов школ Кировского района г. Куйбышева. Куйбышев, 1974.
9. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 4. Оп. 22. Д. 1292.

УДК 908
Н. А. Личак,
доцент, Ярославский государственный технический университет

СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ИСКУССТВА И СТАРИНЫ ГОРОДА ЯРОСЛАВЛЯ В 1920–1930-х ГОДАХ

В статье актуализируется проблема сохранения памятников искусства и старины в сложные для российской действительности годы. В 1920–1930-х гг. памятники церковной архитектуры и древнерусской живописи Ярославля сохранялись не благодаря, а вопреки проводимой в государстве политике. Поддержка местных специалистов, сохранивших пласт культурного наследия города, должна быть по достоинству оценена потомками.
Ключевые слова: Ярославль, памятники искусства и старины, сохранение, исследователи, реставраторы, 1920–1930-е гг.

N. A. Lichak,
Associate Professor, Yaroslavl State Technical University

PRESERVATION OF MONUMENTS OF ART AND ANTIQUITY OF YAROSLAVL IN THE 1920–1930

The article actualizes the problem of art monument and antiquity preservation in difficult historical conditions. In spite of the state policy pursued in 1920s – 1930s the monuments of church architecture and ancient Russian painting were preserved in Yaroslavl. We must remember the support of local specialists who have preserved the layer of Yaroslavl cultural heritage.
Keywords: Yaroslavl, monuments of art and antiquity, preservation, researchers, restorers, 1920–1930

Ярославль по праву считается красивым старинным городом, который славится своими памятниками и историческими местами. Сложно представить, что большинство зданий в центре, включенных в список культурного наследия ЮНЕСКО, могли не сохраниться до наших дней. Памятники буквально были спасены людьми, которые понимали ценность данных произведений и активно участвовали в процессе их сохранения.

© Личак Н. А., 2022

Интерес к памятникам искусства и старины Ярославля в 1920-х гг. возник не случайно [8, с. 172]. В ходе военных действий на территории города в 1918 г. были разрушены гражданские, промышленные здания, уникальные храмовые комплексы [9]. В связи с этими событиями в город прибывают специалист центрального отдела охраны памятников истории и старины К. Ф. Некрасов [7] и реставратор П. Д. Барановский, которые в короткий срок оценивают масштаб разрушений, а также вызывают для консультаций ведущих специалистов по древнерусскому искусству – И. Э. Грабаря, П. П. Покрышкина, К. К. Романова.

В начале августа 1918 г. в Ярославле была организована местная Комиссия по охране памятников искусства и старины из представителей губернского отдела народного образования, естественно-исторического общества, художественного общества – археолога подотдела Н. Г. Первухина, архитектора Д. В. Разова, музейных работников А. И. Смирнова и И. А. Тихомирова и других специалистов [1, л. 5].

Сложные бытовые и финансовые условия не ограничивали работу членов комиссии, а несколько расширяли ее, стимулируя не только сохранять разрушенные памятники, но и формировать новые музейные хранилища на территории города [5, оп. 3, д. 20б, л. 229]. При поддержке руководителя Отдела по делам музеев и охраны памятников Н. И. Троцкой были выделены первые 2 млн рублей на ремонт здания бывшего Братства Святого Дмитрия для устройства в нем музейного хранилища [2, л. 5].

Создавались первые классификации памятников искусства и старины. К первой категории, например, были отнесены объекты, «подлежащие исключительному и немедленному охранению», ко второй – те, «поддержание которых… может быть отнесено ко второй очереди». В третью категорию были включены «сооружения, по отношению к ремонту которых коллегия оставляет за собой лишь право наблюдения». Так, в храмы Иоанна Предтечи и Ильи Пророка были наняты сторожи [1, л. 4]; ансамбль Спасского монастыря, колокольни церквей Николы Мокрого и Рождества Христова, Митрополичьи палаты, дом бывш. Иванова были включены в первоочередной план реставрационных работ.

Мастерская по раскрытию памятников древней живописи, созданная в Ярославле в 1919 г. при участии губернского подотдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины под руководством А. И. Анисимова, заложила основу фондов музея древнерусского искусства, размещенного в Спасо-Преображенском монастыре [3, л. 21]. Первоначально все работы по восстановлению утрат древнерусской живописи велись только с разрешения мастерской и только за счет церковных приходов, что замедляло, но в то же время удешевляло их стоимость.

Еще одним из направлений, созданных при поддержке местных специалистов, являлись работы по реставрации ярославских икон в 1919–1920-х гг. Её участниками были расчищены такие памятники древнерусской иконописи как «Спас Вседержитель» из Успенского собора первой половины XIII в. и «Богоматерь Толгская» из Толгского монастыря (1314 г.) [10]. Данные произведения, раскрытые и укрепленные, представляли огромную историческую ценность. В 1920-х гг. они не раз экспонировались на выставках национального Музейного фонда [12] и за рубежом [14, с. 234].

Тем самым, опыт, накопленный исследователями-реставраторами в 1920-е гг., во многом определил характер реставрационных работ в последующие десятилетия.

К началу 1930-х годов сложился новый взгляд на сохранение культурного наследия прошлого. Организации, занимавшиеся охраной и популяризацией памятников культуры, были закрыты. С ликвидацией Центральных государственных реставрационных мастерских в 1934 г. практически прекратились и реставрационные работы на местах.

Ярославский музей не мог проводить широкий спектр работ, поскольку не имел достаточных средств. Церковные сооружения стали переоборудоваться под хозяйственные нужды. Например, Успенский собор в Ярославле использовался под склад. Афанасьевский монастырь – под мастерскую Общества слепых, церкви Святого Духа – под магазин, Иоанна Предтечи – под столовую, Симеона Столпника – под школу.

Основным направлением работы сотрудников ярославского музея в данный период стало сохранение памяти «приговоренных к гибели» храмов – Петра Митрополита и Варвары Великомученицы, Успенского собора. Памятники фотографировались, со стен снимались образцы фресковой живописи, выносились предметы культа. Снос памятников в 1930-х гг. оправдывался хозяйственными нуждами, необходимостью, возникавшей в условиях «размаха социалистического строительства». Ярославль должен был стать образцом социалистического города, разорвав многовековую традицию формирования ростово-ярославской школы зодчества.

Небольшая группа специалистов, понимавшая историческую и культурную значимость города в истории страны, пыталась противостоять проводимым мероприятиям. Но к началу 1930-х гг. и это слабое сопротивление было подавлено. Ярославское отделение реставрационных мастерских, где работали болевшие за свое дело специалисты, были закрыты в 1934 году [4, л. 37], в краеведческом музее проведена чистка кадров [13, с. 34].

Условия предвоенного времени стали диктовать новые идеолого-патриотические установки. В прессе все чаще звучали обвинения в адрес музейных работников, которые недостаточно «хорошо следили» за историческими памятниками. Руководители на местах, еще недавно руководившие разрушением памятников в угоду новой власти, были объявлены «врагами народа» [5].

В середине 1930-х гг. были включены в список государственной охраны 29 наиболее ценных памятников архитектуры XVII в. по Ярославскому округу, им был возвращен статус охраняемых государством [14, с. 134]. Церкви Ильи Пророка, Николы Надеина, Иоанна Златоуста были отреставрированы в соответствии с планом, утвержденным отделом по делам музеев. В производственные планы всех музеев области были включены мероприятия по обследованию и описанию памятников архитектуры, составлению смет на реставрационные работы, контролю над арендаторами зданий.

К памятникам искусства и старины были добавлены историко-революционные памятники. В 1936 г. в списке памятников истории революции Ярославля были выделены 13 объектов культуры, в 1940 году – еще 10. В него вошли фабрика «Красный Перекоп» и Мураловские (бывш. Спасские) казармы и Манеж; Тугова гора и другие [6].

Примечателен тот факт, что за годы забвения музейные экспозиции не только не исчезли, но и были дополнены новым материалом. Ярославцы активно посещали музеи, музейная составляющая была включена и в школьную программу [11].

Подводя итоги, отметим, что памятники искусства и старины в Ярославле в первое послереволюционное десятилетие сохранялись не благодаря, а вопреки политики государственных органов власти. Поддержка исторических зданий и артефактов местными специалистами, сохранившими пласт культурного наследия города, должна быть по достоинству отмечена потомками.

Библиографический список

1. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф.Р.-1007. Оп. 1. Д. 3.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 20б.
3. ГАРФ. Ф.А.-2306. Оп. 2. Д. 39.
4. ГАЯО. Ф.Р.-1401. Оп. 1. Д. 5.
5. ГАРФ. Ф.А.-1235. Оп. 2. Д. 1650.
6. ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 70.
7. Государственный исторический музей. Отдел письменных источников (ОПИ ГИМ). Ф.-54. Оп. 1. Д. 397.

8. *Добровольская Э. Д.* Из истории реставрации памятников архитектуры Ярославля 1918–1921 // Краеведческие записки. 1960. Вып. 4.

9. Известия Рыбинского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 30 июля.

10. *Козлова Ю. А.* Дневник реставрационных работ над иконой Федоровской Божией Матери // Костромская земля. Вып. 6. URL: http://kostromka.ru/kostroma/land.

11. *Морозова Д. П.* Развитие музейного дела в губерниях Верхнего Поволжья. 1917–1930 гг.: дис. … канд. ист. наук. Ярославль, 2005.

12. Первая выставка национального музейного фонда Народного комиссариата по просвещению. Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины. М., 1918.

13. Петр Барановский: труды, воспоминания современников. М., 1996.

14. *Подобедова О. И.* Письма И. Э. Грабаря из экспедиций 1919–1930 гг. // Грабарь И. Э. О древнерусском искусстве. М., 1966.

УДК 93/94 (272.5)

В. А. Матвиенко,
доцент, Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ АНТИРЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В 1920-е гг. советское государство приступило к активному формированию собственной идеологической доктрины, включающей в себя создание новой системы антирелигиозного образования. Большое значение в обозначенный период времени отводилось антирелигиозному образованию и просвещению детского и взрослого населения. Предпринятые меры имели беспрецедентный охват и включали создание особого формата взаимодействия государства и религии.

Ключевые слова: советское государство, Православная Церковь, религия, идеология, антирелигиозное образование

V. A. Matvienko,
Associate Professor, Yelets State I. A. Bunin University

SOVIET POWER AND THE FORMATION OF AN ANTI-RELIGIOUS EDUCATIONAL SYSTEM

In the 1920s the Soviet state began to actively form its own ideological doctrine, including the creation of a new system of anti-religious education. Great importance in the designated period of time was given to anti-religious education and enlightenment of

© Матвиенко В. А., 2022

children and adults. The measures taken had an unprecedented scope and included the creation of a special format of interaction between the state and religion.
***Keywords*:** Soviet state, Orthodox Church, religion, ideology, anti-religious education

С момента возникновения и на всем протяжении своего существования советское государство (РСФСР, СССР) за редким исключением определяло в качестве своего главного внутреннего стратегического противника религию и ее организованные структуры (РПЦ). Очень быстро именно антирелигиозная политика становится важной составляющей формируемой идеологической доктрины молодого советского правительства. Религия, которая буквально пронизывала все важнейшие сферы жизнедеятельности дореволюционного российского государства, была, согласно мировоззренческим установкам новой советской власти, одним из главных препятствий в деле формирования пролетарского государства и общества. Во многом именно поэтому правительство большевиков с самого начала предприняло решительные шаги и жесткие меры в практической реализации настоящей классовой борьбы с религией в лице Русской Православной Церкви и ряда других традиционных религиозных конфессий.

Процесс становления антирелигиозного образования и советской школы в 1920 –х. гг., а также специфика сферы просвещения в общих аспектах наиболее подробно исследовались деятелями отечественного образования прошлого: Е. М. Балашовым, Н. Бухариным, Е. М. Красовицкой, С. А. Каменевым, В. А. Шевченко, Г. Д. Шкарлупиной и многими другими.

На современном этапе развития научного знания затронутые вопросы по- прежнему вызывают интерес и изучаются более многомерно и разносторонне. Одни авторы определяют возможные перспективы религиозного образования в наши дни на основе данных детального анализа «негативных последствий политики воинствующего атеизма на формирование нравственных качеств советской молодежи» [5]. Другие, изучают данную проблему в контексте глобальных трансформационных изменений политической, социальной, экономической сферы государственного устройства переломной эпохи [4, с. 119]. Так, к примеру, современный исследователь К. А. Костромин считает, что в первые два года существования советской власти «…Русская Православная Церковь была готова соблюсти меняющиеся правовые нормы и, максимально сохраняя накопленные традиции, не входя в конфликт с новой властью как путем прямой конфронтации» [2, с. 192].

Общим в оценке происходивших событий в обозначенный период времени является констатация факта наличия конфронтации, которая

подразумевала, за исключением открытой репрессивной политической деятельности, наступательную атеистическую пропаганду, объектом которой, в первую очередь, стало подрастающее поколение. Именно в этот период большевистское правительство, осознав для себя крайнюю необходимость переустройства школы от полностью религиозного к совершенно антирелигиозному образованию, встало на путь жесткого подавления несогласных с его требованием обеспечить формирование у обучающихся стойкого атеистического мировоззрения и содействовать их вовлечению в практическую активную борьбу с религией.

К числу одних из первых мероприятий в русле осуществляемой советской властью антирелигиозной политикой относится формирование системы образования, как одного из значимых и серьезных средств строительства современного обозначенного реалами того времени мировоззрения. По мнению большевиков, уже к 1920-х гг. XX века ими были собраны достаточные средства для строительства «нового социалистического общества» со всеми вытекающими из этого факта возможностями.

К числу наиболее важных источников, наиболее полно характеризующих происходящие в стране изменения, относятся документы, содержащие информацию о создании системы народного образования в СССР в период 1917–1973 гг., а также примерные схемы увязки антирелигиозных моментов с программами ГУСа, разработанных В. П. Соколовым.

Развернувшаяся антирелигиозная кампания захватила, прежде всего, советскую школу. Основная ставка делалась на обучающихся. В осуществляемых мероприятиях советская власть планомерно предполагала использовать образовательную среду в качестве базы для расширения границ коммунистической идеологии [3, с. 117].

Несмотря на то, что на основании только анализа издаваемых в тот период времени законов затруднительно сделать однозначное определение проводимой антирелигиозной кампании, безусловно, что на начальном этапе ее осуществления, большевистские власти и в центре, и на местах не имели четкой и логичной программы действий в этом вопросе.

В декабре 1917 года Советом народных комиссаров было принято решение о необходимости издания декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В образованную рабочую комиссию по подготовке его текста были включены А. В. Луначарский, П. А. Красиков, М. А. Рейснер и другие. А уже в подготовленный комиссией текст декрета свои принципиальные дополнения и изменения внес В. И. Ленин. И, если комиссия ограничивалась главным образом формальным фиксированием права граждан Советского государства в области свободы совести, оставляя в стороне вопрос об ее правовых

гарантиях, то В. И. Ленин переориентировал этот документ на гарантии этого права. Итоговый вариант этого декрета был назван «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», что, по мнению В. И. Ленин должно было оборвать связь пролетарского государства с буржуазным понятием свободы совести. За этим первым шагом большевистского правительства последовали и другие, заключавшиеся в передаче церковных школ Наркомпросу и запрещению Закона Божия во всех учебных заведениях, а в дальнейшем и в запретах:

– на преподавание Закона Божия вне школы (в храмах, частным образом на квартирах),

– на обучение религии детей до 18 лет,

– на групповые занятия.

Также необходимо отметить, что в уже программе РКП(б), принятой на VIII съезде (март 1919 г.), основная задача партии заключалась в необходимости трансформировать школу в средство коммунистического преобразования государства и общества.

Реакция верующих граждан, особенно православных, на нововведения в духовной сфере была резко негативной и выражалась в многочисленных возмущенных письменных обращениях мирян и духовенства по поводу принимаемых решений в отношении религии новой советской властью. На первых парах (в 1917–1918 гг.) религиозным организациям, особенно РПЦ удавалось осуществлять некоторые шаги по противодействию антирелигиозным мероприятиям большевистского правительства. Эти попытки заключались в поиске священниками и церковными учеными несостыковок и неучтенные декретом моментов, способных легально облегчить и сохранить хотя бы часть их прежних прав и привилегий. Да, и рядовые граждане, далекие от политики в этот период все еще хотели дать своим детям религиозное образование при пока еще действующих храмах или же на дому. Но с течением времени набирающая силу антирелигиозная кампания решительно их пресекла, обязуя семьи воспитывать детей в коммунистическом духе. А в тех случаях, когда верующие пытались дать детям религиозное образование, новая власть активно использовала лишение родительских прав, отправляя на воспитание детей в детские дома.

В деятельности Советского государства в рамках антирелигиозной борьбы в первые годы становления советской власти можно выделить несколько этапов, самым заметным из которых является этап с 1917 по 1922 гг. Несмотря на что первые месяцы рассматриваемого периода условно можно называть «либеральным», так как государство вначале действовало достаточно гибко и мягко в решении религиозных проблем, в ряде случаях как бы «заигрывало» с религиозными организациями, однако, несмотря на это достаточно мирное сосуществование

церкви и государства, уже в это время местах уже начались первые репрессии в отношении священнослужителей. Как утверждают исследователи, в большей степени подобные инциденты были результатом осложнившегося социально-политического положения на местах и неправильным толкованием законодательных актов новой власти.

Непосредственно в глобальной ликвидации религиозных принципов воспитания и образования в советской стране в 20–30-е гг. XX века можно поделить на три ключевых этапа.

Первым является изъятие предмета Закон Божий из системы образования (1917–1920 гг.). Именно с конца 1917 г. новые принципы антирелигиозной политики коснулись и зарождавшейся советской педагогики. Атеистическая пропаганда категорически отрицала обучение в духе православия, а, следовательно, требовала исключить обучение и воспитание в форме уроков Закона Божия.

Второй этап предусматривал прежде всего, привитие всеми доступными способами безрелигиозного воспитания подросткам и в целом всем гражданам страны (середина 20-х гг.). Безрелигиозное воспитание в начале 1920-х гг. трактовалось, в первую очередь, как материалистическое просвещение – это формирование и развитие атеистического мировоззрения. Антирелигиозное воспитание подразумевало активное включение школы в непримиримую борьбу с религией и Русской Православной Церковью, которое было призвано пробудить в учениках отрицательное отношение к вероисповеданию.

На третьем этапе произошел массовый переход к атеистическим принципам воспитания и образования (конец 20-х – 30-е гг.). Эти принципы включали в себя: полный и обязательный переход на светское обучение во всех типах образовательных учреждений; полный запрет для школ практически всех религиозных обрядов и религиозной атрибутики; формирование среди преподавательского состава идеологии воинствующего безбожия; закрепление в конституционных нормах светского, антирелигиозного характера системы образования; повсеместное внедрение внеурочной кружковой работы и внешкольной антирелигиозной деятельности в формате широкомасштабных антирелигиозных кампаний и т. п.

Безусловно, система антирелигиозного образования и воспитания в начале формируемые в 1920-х гг. XX в. кардинально отличались от дореволюционного преподавания Закона Божия. именно их сравнительный анализ позволяет констатировать, что первоначально антирелигиозное образование не имело чётко выстроенной структуры и распределялось по отдельным направлениям – путём разнообразных, воспитательно-образовательных приёмов педагогического воздействия в антирелигиозной тематике. «Красной» строкой в этих программах отмечалось, что

РПЦ является оплотом идеологии крепостничества; орудием запугивания и обмана трудящегося народа. И только с середины 1920-х гг., стала проводиться более целенаправленная усиленная работа по введению антирелигиозной пропаганды во всех образовательных заведениях. Изменения в содержании учебных дисциплин было поистине настоящим революционным шагом в образовательной политике 1920-х гг.

Безусловно, подобная система работы, реализуя на практике заложенные в нее целевые установки, вместе с тем формировала определенный алгоритм восприятия существующей реальности, в том числе за счет одностороннего и упрощенного взгляда на историческое прошлое. Давно известно, что «лицом к лицу лица не увидать» (С. А. Есенин), и только время расставляет всё по своим местам. Подобные подходы к образованию, «…несмотря на законодательную отделённость церкви от государства, а образования от религии» [1, с. 118], в тот период времени дали определённые плоды, оставляющие, как минимум, желать лучшего.

Таким образом, имеющееся противоречие, существовавшее между идеологией государства и религией, выступало в качестве еще одного рычага воздействия государственной власти на население. Наиболее логичным и располагающим необходимыми ресурсами для формирования и развития атеистических убеждений была школа, как один из важных институтов преобразования социальной сферы.

Библиографический список

1. *Атаманова Е. Т.* «Всё лучшее зарождается в провинции...»: вуз как культурно-образовательный феномен в провинциальном регионе // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2021. № 1 (40). С. 109–121.

2. *Костромин К. А.* Проблема организации высшего церковного образования в первые годы советской власти в контексте формирования новой законодательной базы // Церковь. Богословие. История. 2021. № 2. С. 186–193.

3. *Красовицкая Т. Ю.* Российское образование между реформаторством и революционаризмом. Февраль 1917–1920. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2002. 415 с.

4. *Лонский Я. А.* Государственно-церковные отношения в первые годы установления советской власти (к 100-летию восстановления Патриаршества в России) // Трансформация российского общества в условиях социально-политических катаклизмов: история и современность (к 100-летию Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской социалистической революций): сборник материалов межвузовской научной конференции. М.: Российский университет транспорта (МИИТ), 2017. С. 119–128.

5. *Яшина М. А.* Антирелигиозное образование и воспитание в СССР в 1920-годы: уроки истории и современность // Вестник ЮУрГГПУ. 2011. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/antireligioznye-obrazovanie-i-vospitanie-v-sssr-v-1920-gody-uroki-istorii-i-sovremennost (дата обращения: 08.01.2022).

УДК 94(47).084.1
М. В. Медоваров,
доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

АЛЕКСАНДР БИТКОВ – ОРУЖЕЙНЫЙ МАГНАТ И ПУБЛИЦИСТ

Статья посвящена деятельности А. А. Биткова в качестве оружейного магната (1902–1916 гг.) и политического публициста (1917–1918 гг.). Предпринята попытка показать причины резкой смены его настроений с либерально-буржуазных на просоветские.

Ключевые слова: А. А. Битков, А. Ф. Филиппов, торговля оружием, Февральская революция 1917 г., Учредительное собрание, Октябрьская революция 1917 г.

M. V. Medovarov,
Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

ALEXANDER BITKOV AS AN ARMORY MAGNATE AND PUBLICIST

The article is devoted to A. A. Bitkov's activities as an armory magnate in 1902–1916 and as apolitical publicist in 1917–1918. There was taken an attempt to show the reasons of a sharp change of his moods from liberal-bourgeois to pro-Soviet.

Keywords: Alexander Bitkov, Alexey Filippov, arms trade, February Revolution of 1917, Russian Constituent Assembly, October Revolution of 1917

Имя Александра Алексеевича Биткова эпизодически всплывает в ряде событий истории России начала XX в., но его деятельность остается малоизученной. Единственное упоминание о ранних этапах его жизни содержится в статье Ю. Маслова. Он был мещанином, родился в Покровске (ныне г. Энгельс Саратовской области) в 1871 г., в армии дослужился до фельдфебеля [1, с. 28]. Годом основания своей фирмы он называл 1889 г., но фактически она известна лишь с 1899 г. (в 1900 г. Битков впервые получил свидетельство на торговлю в Москве и обновлял его ежегодно). На основании объявлений Биткова в газете «Псовая и ружейная охота» установлено, что в армии он стал «мастером-практиком», оружейником при своем полку или в арсенале, а затем в 1890-е гг. «торговал старыми ружьями в палатке на воскресных базарах на Сухаревой площади» [1, с. 30]. С 1900 г. его дело быстро пошло в гору, он почти сразу стал крупным торговцем оружием и сопутствую-

© Медоваров М. В., 2022

щими товарами (например, спортивными) в Москве. На различных аукционах удалось обнаружить каталоги фирмы Биткова за отдельные годы (с 1900 по 1917 гг.), отсутствующие в библиотеках, а также его полиграфические рекламные плакаты. Главный магазин Биткова располагался на Большой Лубянке, в доме Беляева напротив Сретенского монастыря (дом 20). Его товары были представлены в магазинах-филиалах в Нижнем Новгороде (в т. ч. на ярмарке), Самаре и Уфе [1, с. 30]. Реклама позиционировала склад Биткова как крупнейший в России склад товаров для охоты, спорта и путешествий. При московском магазине находились токарная, оружейная и кожевенная мастерские. В дни декабрьского восстания 1905 г. он был разграблен революционерами [2, с. 45], но быстро восстановился. С 1909 г. на Лубянке, 20 остался только склад и контора, а магазин переехал в новое помещение на Лубянке, 8 [1, с. 30]. В 1913 г. вместо ежегодного свидетельства на торговлю Битков записался во 2-ю гильдию московских купцов [1, с. 30].

Огнестрельное оружие продавалось в основном французского производства, реже – английского и русского. Речь шла как об охотничьих ружьях, так и револьверах (цена 15–22 р.) и пистолетах-автоматах (цена 40–60 р.). Цена трехствольных ружей доходила до 200 р., эксклюзивных моделей – до 1000 р. Некоторые зарубежные поставщики сразу наносили на винтовки надпись с собственным именем и с именем Биткова, что означало эксклюзивное производство для его фирмы [1, с. 36]. Из холодного оружия были представлены, в частности, многофункциональные немецкие раскладные ножи, из спортивного инвентаря – бадминтонные ракетки, футбольные перчатки и бутсы, лыжи, а также удочки и иные рыболовные снасти.

Каталоги Биткова содержали написанные им «Практические указания для начинающих охотников» [3, с. 8–12], очерки повадок птиц и зверей, авторский репортаж о посещении оружейных заводов бельгийского Льежа [3, с. 17–20]. Начав с издания малых альбомов объемом до 20 страниц (например, [3]), Битков уже к 1905 г. стал выпускать внушительные богато иллюстрированные каталоги [4; 5; 6]. По оценкам специалистов в оружейном и охотничьем деле, в России не было ни одной другой фирмы с такой же многообразной, цветной и крикливой рекламой [1, с. 34–36]. Предприниматель хвалился перед своими читателями: «Быстро увеличивающееся наше дело в настоящее время достигло таких размеров и такого расцвета, что мы смело заявляем, что по совокупности: богатства и разнообразия выбора, высокого качества товара, доступности цен и самой внешности магазина нашей специальности равного нет не только в России, но и за границей. <…> Принцип, положенный в основание нашего дела, с самого его начало, было “добросовестность”, “доброкачественность товара”, “умеренность цены” и

“богатство ассортимента”» [6, с. 215]. Особо выделял Битков спортивный отдел, заявляя, что его фирма – это «первое крупное спортивное дело в России» [6, с. 215]. Число ежедневных заказов у нее по всей Российской империи исчислялось сотнями. Были открыты новые отделы: дорожных вещей, зимнего спорта, фейерверков. На общей фотографии сотрудников фирмы в 1914 г. представлено 60 человек [1, с. 29].

Первая мировая война не повредила размаху бизнеса Биткова. Он продолжал издавать каталоги в том же стиле и даже расширил ассортимент своих товаров: костюмы и фуфайки для летчиков, водителей автомобилей, велосипедистов, снаряжение для альпинизма, крикета, крокета, большого тенниса, хоккея, городков, бокса, фехтования и т. д. [7, с. 103] Более того, в феврале 1916 г. Битков приобрел у своего давнего конкурента и оппонента А. В. Тарнопольского журнал «Охотничий вестник», превратив его при этом в свой рекламный рупор [8, с. 206–207].

Таким образом, к 1917 г. Битков был не просто одним из оружейных торговцев в России, но настоящим магнатом, владельцем самого крупного оружейного и спортивного частного предприятия в империи с почти тридцатилетним стажем. В его лице новая буржуазия заявляла о своих требованиях. Февральская революция заставила его выйти на сцену политической борьбы и публично заявить о своих взглядах. 13 мая 1917 г. Битков произнес публичную речь, спустя три месяца, 12 августа, дополнил ее и опубликовал в расширенном виде в виде семидесятистраничной брошюры [9].

В этой речи предприниматель открыто объявлял о том, что он защищает интересы буржуазии как класса и стоит на платформе правого, патриотического либерализма. Он поддерживал Февральскую революцию и не жалел черных красок для характеристики царского режима, обвиняя его в распространении пьянства, замкнутости сословий, отрыве интеллигенции от народа. Либерализм Биткова выражался в том, что он отстаивал необходимость парламента и основных прав и свобод. О его симпатиях красноречиво говорил призыв выбирать в Учредительное собрание «Сазоновых, Коковцовых, Гучковых». «Великую Россию» будущего Битков видел как страну буржуазии и образованного крестьянства, являющихся опорой националистической внешней политики и залогом доведения мировой войны до победного конца.

В условиях весны 1917 г. главную угрозу буржуазии как «мозгу народа и соли земли», однако, Битков усматривал со стороны левых партий, особенно большевиков. Он жестоко высмеивал доктрину социалистов, обвиняя их в поощрении лени и тунеядства, в том, что они «разбудили в народе зверя». Социализм в его глазах был вредной утопией, способной обрушить экономику страны, но не изменить природу человека [9, с. 32–38]. Слово «ленинец» Битков демонстративно заменял

словом «ленивец». Целями текущей политики он считал «дать успокоиться морю русской жизни» [9, с. 5], продемонстрировать классовое единство ради победы над Германией и установить конституционную монархию. По рабочему и крестьянскому вопросу предлагались крайне умеренные реформы, направленные на поднятие производительности труда [9, с. 26–31]. Битков не признал независимость Польши и говорил лишь о ее самоуправлении по окончании войны. Осуждал он предоставление гражданского равноправия евреям как де факто ущемляющего русских [9, с. 39–45]. В августе 1917 г. Битков требовал покрыть понесенные Россией расходы за счет контрибуции с Германии и ее союзников [9, с. 45–51]. Между тем его собственные рабочие бастовали [2, с. 45–46].

Ради обозначенных задач Битков намеревался создать новую праволиберальную партию «Великая Россия» и полностью, вплоть до мельчайших технических подробностей, разработал ее устав [9, с. 59–68]. На протяжении 1917 г. в качестве своей партийной газеты Битков издавал газету «Война и мир», уделявшей немалое внимание развитию оружия в ходе мировой войны. Всего за год вышло 119 номеров данного издания.

Неудивительно, что крупнейший магнат публично заявлял о своей буржуазной и националистической позиции, сурово осуждал большевиков и захлестнувшую страну анархии. На этом фоне может показаться невероятным преображение Биткова в сторонника большевиков полгода спустя. Тем не менее, именно такой резкий переворот произошел с ним под влиянием другого видного банкира – А. Ф. Филиппова, одним из первых пришедшего на службу в ВЧК и усмотревшего в большевизме силу подлинно народную, способную заново собрать территорию России и придать импульс для нового развития.

В мае 1918 г. Филиппов написал Биткову письмо, предложив переименовать его газету из «Войны и мира» в «Великую Россию». Спустя два месяца, после своего ареста, он скажет, что Битков согласился с его мыслями. О каких же идеях шла речь? Газета «Великая Россия» должна была иметь беспартийный статус личного органа ее издателей. Филиппов брал на себя разделы известий из наркоматов по военным и морским делам, иностранных дел, из ВСНХ, планировал создать отдел новостей из регионов [10, л. 115].

Филиппов цитировал слова самого Биткова из его прошлогодней речи, но предлагал отнести их смысл не к правым партиям, а к большевикам: «В нынешнем своем, даже внешне приниженном состоянии, Россия не потеряла своей духовной мощности и обязана этим творческому началу большевизма, и, как видимое проявление советской власти, мы видим во всей широте его. Стихийное брожение знаменует собой предстоящее близкое введение России в прежние территориальные рамки,

но уже на обновленных и потому жизненных основаниях» [10, л. 114]. По поводу этих слов Биткова Филиппов отмечал: «Вы выказали редкую гибкость и понимание текущего момента».

Филиппов откровенно заявлял: «Независимо от значения большевизма и его приемов действия для осуществления общих идеалов социализма, он представляет собой применительно к данному времени – явление народно-психологическое, а потому и глубокое, и органическое, несущее в себе целительную силу всего национального организма. Ошибочно поэтому считают некоторые большевизм временным явлением, или навязанным русскому народу группой фанатиков, случайно захвативших в свои руки власть и силу управления страной. Напротив, при данном положении России, т. е. после приведения ее в определенное состояние старым режимом (с преобладанием творчества в руках кадетов), и новым соглашательским течением, которое ознаменовано Керенским, после неудачной войны и дробления России – только большевизм есть идейная, объединяющая народные массы сила, для всех потому и приказательная, что у старых символов и девизов оказалось несостоятельным внутреннее содержание. Только через большевизм возможно и достижимо спасение каждого из нас отдельно, а главное, проведение в жизнь спасительных рецептов социалистического государственного устройства, для которых наступило время» [10, л. 114 об.].

Большевизм, по словам Филиппова, есть «реальный, полный силы и наступательности выход из грозившего гибелью положения». Он убеждал Биткова в том, что русская печать все еще замалчивает титаническую созидательную работу Советской власти, и потому новая газета должна делать акцент на позитивных новостях, преодолевать растерянность. По словам Филиппова, следует «приступить к осуществлению такой газеты, которая несла бы России ободрение, а не серое уныние; окрыляла бы творческую мысль, а не спекулировала бы на демонстрации лохмотьев после естественного распада империи; наконец, которая бы с возможной отчетливостью представила бы читающей публике и заграница большевизм как величественное, стихийное явление, имеющее в себе творческое целительное свойство» [10, л. 115]. Особое внимание предлагалось обращать на энтузиазм масс и плодотворную работу большевиков, которые «проявляют высшую степень хозяйственного прозрения на десятки лет вперед» [11, с. 18].

В связи с арестом Филиппова в июле 1918 г., когда при обыске у него было найдено письмо Биткову, проект газеты в «национал-большевистском» (в смысле М. Агурского) духе не был осуществлен. Филиппов продолжил придерживаться этого курса в последующие годы [12, с. 581–630], однако дальнейшая судьба А. А. Биткова неизвестна: в ноябре 1918 г. он был объявлен Советской властью «сбежавшим», т. е.,

скорее всего, эмигрировал [2, с. 46]. Между тем прояснение дальнейшей жизни Биткова помогло бы скорректировать представление о поведении различных представителей крупной буржуазии после Октябрьской революции. Вряд ли можно объяснять идейную эволюцию оружейного магната только желанием приспособиться и выжить в новых условиях. Для человека, политическая и экономическая репутация которого прочно установилась до 1917 г., внезапная смена курса не помогла бы спасти свою жизнь и свободу. По всей видимости, Битков не меньше Филиппова намеревался идти путем «национализации» Советской власти изнутри, хотя не вполне преуспел в этом.

Библиографический список

1. *Маслов Ю.* Старая Москва. Битковъ. Часть первая // Мастер Ружьё: оружейный журнал. 2016. № 8. С. 28–36.
2. *Маслов Ю.* Старая Москва. Битковъ. Часть вторая // Мастер Ружьё: оружейный журнал. 2016. № 9. С. 44–51.
3. Оружейный магазин и мастерская А. А. Биткова. 1902–1903 гг. М., 1902. 20 с.
4. *Битков А. А.* Оружие. 1905–1906 гг. М., 1905. 144 с.
5. Оружейный магазин А. А. Биткова в Москве. М., 1908. 126 с.
6. А. А. Битков в Москве. 1913–1914 гг. М., 1913. 216 с.
7. А. А. Битков в Москве. 1916–1917 гг. М., 1916. 103 с.
8. *Ляпина А. В.* Журнал «Охотничий вестник»: история возникновения и функционирования на рынке специализированной печати // Научный диалог. 2021. № 7. С. 198–211.
9. *Битков А. А.* Будущее великой России: лекция А. А. Биткова 13 мая 1917 г. М.: Типо-литография товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1917. 68 с.
10. Архив Управления ФСБ в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Д. П-93201. Т. 5.
11. *Антонов В. С., Карпов В. Н.* Тайные информаторы Кремля-2. С них начиналась разведка. Т. 2. М.: Олма-Пресс Образование, 2003. 415 с.
12. *Медоваров М. В.* Национал-монархист, национал-демократ, национал-большевик Алексей Фролович Филиппов. СПб.: Владимир Даль, 2021. 673 с.

УДК 93/94
А. В. Миронов,
кандидат богословия, Донская духовная семинария (Ростов-на-Дону)

НЕСОВЕРШЕНСТВА УКАЗА 17 АПРЕЛЯ 1905 ГОДА «ОБ УКРЕПЛЕНИИ НАЧАЛ ВЕРОТЕРПИМОСТИ» И ПОПЫТКИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ (на материалах Минской епархии)

Издание указа «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. предполагалось правительством как средство для разрядки социальной напряжённости в обществе, однако на территории многоконфессиональной Белоруссии способствовало разжиганию конфликтов на религиозной и национальной почве.
Ключевые слова: межконфессиональные отношения, Минская губерния, католики, православные, протестанты, духовенство

A. V. Mironov,
PhD in Theology, Don Theological Seminary (Rostov-on-Don)

WEAKNESSES OF THE DECREE OF APRIL 17, 1905 «ON STRENGTHENING THE BEGINNINGS OF RELIGIOUS TOLERANCE» AND ATTEMPTS TO OVERCOME THEM (based on the materials from the Minsk diocese)

The publication of the decree of April 17, 1905 «On strengthening the beginnings of religious tolerance» was intended by the government as means to defuse a social tension in society, but ultimately contributed to the incitement of conflicts on religious and ethnic grounds on the territory of multinational Belarus.
Keywords: interfaith relations, Minsk province, Catholics, Orthodox Christians, Protestants, clergy

17 апреля 1905 года, в разгар революционных потрясений, император Николай II в день Пасхи подписывает «Именной высочайший указ, данный Сенату, об укреплении начал веротерпимости», по которому подданные Российской империи получили право исповедовать любую религию. Новым законом о веротерпимости правительство хотело добиться смягчения напряжённой ситуации, особенно в северо-западных губерниях, где в революционный 1905 год усилились сепаратистские настроения. Закон этот, по словам современников, был первым шагом к установлению в Российской империи истинной веротерпимости [3, с. 651].

© Миронов А. В., 2022

Уже после выхода указа император задал вопросы членам Комитета министров: «Как будут смотреть, по введению в действие нового законоположения, гражданская власть и духовное начальство на проповедь католических миссионеров? И как установить грань между проповедью католицизма и пропагандой полонизма?» [1, с. 280–281]. Комитет министров был полностью уверен, что Министерство внутренних дел сможет контролировать ситуацию. Однако эта уверенность была преждевременной. При составлении указа власти ошибочно полагали, что давность (сорок лет) со времени подавления польского восстания 1863–1864 годов и административные меры, применяемые к католическому духовенству, значительно погасили в нём революционно-патриотические настроения, а некоторая сохранившаяся оппозиционность после предоставления свободы вероисповедания не будет иметь политических последствий.

Текст указа оказался явно недоработан. Например, во втором пункте говорилось, что если оба супруга переходят в другое исповедание, то их дети до 14 лет следуют за верой родителей и в ней воспитываются, но после достижения 14 лет дети должны перейти в «старую» веру родителей, в которой те состояли до перехода, и оставаться в ней до совершеннолетия, т. е. до 21 года. Но сразу возникает вопрос: кто будет воспитывать детей в «старой» вере с 14 до 21 года, когда родители приняли другую веру, когда и сами они до 14 лет получали уроки уже новой веры? И ещё: если в семье несколько детей по возрасту до и после 14 лет, то получалось, что часть детей должна воспитываться в одном вероисповедании, часть – в другом. Всё это впоследствии вызвало много вопросов и недоумений, особенно на местах [6, с. 34].

Узаконив возможность перехода в другие вероисповедания, указ вместе с тем никак не оговаривал процедуру перехода, что также вызвало массу вопросов и недоразумений. Представители православного духовенства прямо называли редакцию указа неудачной, указывая на пункты 1 и 13, которые, по сути, создали благоприятные условия для прозелитизма. Вскоре массовые случаи нарушений религиозных прав «господствующей и правящей» конфессии заставили правительство обратить на это внимание. 28 мая министр внутренних дел А. Г. Булыгин подал в Комитет министров записку, в которой просил безотлагательно установить в государстве единые временные правила для перехода из православия. Однако только 18 августа 1905 года Комитет издал особый циркуляр Министерства внутренних дел (№ 4628), в котором помещались временные правила, призванные регулировать процесс перехода. Второй пункт циркуляра гласил, что лица православного исповедания, которые хотели бы изменить конфессиональную принадлежность, должны писать заявление через исправника или уездного начальника на

имя губернатора. Губернская же канцелярия должна была это заявление направлять в православную духовную консисторию. Далее потенциальные прозелиты обязывались пройти увещевательную беседу со священником. Если же они и после беседы не оставляли решения о перемене веры, то духовная консистория должна была уведомить об этом канцелярию губернатора, а та – передать заявление на принятие в члены другой конфессии соответствующему инославному духовному начальству. На всю процедуру перехода отводился месячный срок [4, с. 69]. Любопытно, что о разработанных правилах перехода Святейший Синод сообщил указом православным епархиальным архиереям только 14 декабря 1905 года, т. е. почти через четыре месяца после выхода циркуляра! [2, с. 227–228]. Положения этого документа действовали вплоть до 1917 года. Если говорить о месячном сроке процедуры перехода, то требование это часто не соблюдалось, и дела затягивались, особенно со стороны православных духовных консисторий и местных губернских администраций. 18 марта 1908 года министр внутренних дел П. А. Столыпин издал циркулярное распоряжение, в котором предписывал губернаторам сообщать инославным духовным начальствам «отнюдь не позднее месяца со дня их поступления», хотя бы к этому времени они и не получили ещё уведомления от православного епархиального начальства о результатах увещания [2, с. 264].

Впрочем, нарушения продолжались и после столыпинского циркуляра. Между тем циркуляр 18 августа 1905 года вызывал справедливую критику, и даже протесты. Согласно ему многочисленные верующие, принятые в католичество с 17 апреля по 18 августа 1905 года, снова формально оказывались православными, и вынуждены были писать прошения на имя губернаторов, проходить увещевательные беседы и ждать месячного срока и более, чтобы быть официально признанными католиками. Фактически эти люди уже являлись таковыми, так как ходили в костёл и исполняли все католические церковные предписания, но по букве закона считались православными. Конечно, это выглядело абсурдно. И как ни странно подобная ситуация продолжала сохраняться еще многие годы. В сентябре 1913 года газета «День» в статье «Дела ксендзов» сообщала, что в Минской губернии есть целые деревни, жители которых стоят на счету и в Православной и в Католической Церкви, что создаёт путаницу в религиозных отношениях [8, л. 28]. Вместе с тем и браки между людьми с таким неопределенным конфессиональным статусом считались по закону недействительными [7, с. 14–15]. Лишь 17 июля 1915 года министр внутренних дел Н. Б. Щербатов издал распоряжение, которое признало католиками тех, кто перешёл в католичество с 17 апреля по 1 ноября 1905 года – спустя десять лет! Впрочем,

католическое начальство северо-западных епархий – Виленский епископ Эдурд фон Ропп и управляющий Могилёвской архиепископией прелат Стефан Денисевич несколько лет фактически игнорировали циркуляр от 18 августа 1905 года. Католическое духовенство на местах продолжало принимать прозелитов из православных так, как делало это в первые месяцы после указа 17 апреля. Таким образом, в процессе перехода устанавливалось так называемое «двоевластие», когда католическое духовенство действовало исходя из своих церковно-правовых документов, а не по установленному закону. Сложившееся ненормальное положение дел вынудило правительство вмешаться в ситуацию. 14 марта 1906 года были разработаны и введены нормативные акты, которые налагали ответственность на инославное духовенство за совершение церковных обрядов над православными. В результате в течение последующих лет против католического духовенства было возбуждено не одно уголовное дело.

Нужно сказать, что появление указа 17 апреля 1905 года о свободе вероисповеданий воспринималось многими православными с одной стороны с настороженностью, а то и тревогой, с другой – с надеждой на грядущие перемены в самой Церкви. О будущих проблемах, которые мог вызвать указ, предупреждал епископ Сергий (Страгородский): «Объявить теперь свободу совести для всех – это значило бы всем развязать руки, а деятелей Церкви оставить связанными» [3, с. 652]. Действительно, все религиозные объединения империи получили большую автономию деятельности, Православная Церковь, оставаясь под «опекой» государства, ни одно важное церковное постановление не могла проводить в жизнь без санкции императора и обер-прокурора Святейшего Синода. Даже принятие архиереями кадровых решений часто зависело от стороннего влияния. «Я в своей епархии, – сетовал Петербургский митрополит Антонии (Вадковский), – не могу самостоятельно назначить не только священника, но и просфорни» [9, с. 204]. Вскоре после обнародования указа общественность была крайне разочарована тем, что этот закон так и не принёс долгожданную свободу самому православию. «Манифестом 17 апреля 1905 года в России была провозглашена, наконец, столь долго ожидаемая веротерпимость… Но свободы совести, полной свободы веры всё же этот манифест не дал. Главное зло не уничтожено. Государство по-прежнему считает себя вправе вмешиваться в дела совести граждан. Православная Церковь по-прежнему находится в полном подчинении у государства, и правительство все ещё считает своим долгом охранять неприкосновенность господствующей веры и тем самым унижает её…» [5, с. 22], – писал историк и публицист Сергей Мельгунов.

Таким образом, несмотря на то, что издание указа 17 апреля предполагалось как средство для разрядки социальной напряженности в обществе, оно в конечном итоге не принесло желаемых результатов. Появление указа не способствовало умиротворению, а спровоцировало еще большие конфликты на религиозной и национальной почве. Составители не обратили должного внимания на сложную межконфессиональную обстановку на западных окраинах империи, что и подтвердили последующие события.

Библиографический список

1. *Бендин А. Ю.* Православно-католические отношения на территории северо-западного края Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.) // XIV Международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры (Минск, 22–24 мая 2008 г.): материалы чтений «Диалог науки и религии в едином процессе познания мира и человека». Минск: Зорны верасень, 2009.

2. *Бендин А. Ю.* Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1883–1914 гг.). Минск: Белорусский государственный университет, 2010.

3. *Каменев К.* С. Ю. Витте и К. П. Победоносцев о современном положении Православной Церкви // Вестник Европы. 1909. С. 651.

4. Копия Циркулярного предложения губернаторам Министерства внутренних дел департамента духовных дел Иностранных исповеданий 18 марта 1908 г. за № 4090 // Вестник Виленского Свято-Духовского братства. 1908. № 18.

5. *Мельгунов С.* Свобода веры в России. Общедоступные статьи. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1907.

6. *Миронов А. В., свящ.* Противостояние. Минская епархия после выхода указа 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости». Минск: Братство в честь Св. Архистратига Михаила в г. Минске Минской епархии Белорусской Православной Церкви. 2015.

7. О положении поляков в Западном крае: Записка членов Гос. Совета А. Мейштовича, К. Скирмунта, С. Лопатинского. Б. и., 1915.

8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 128. Д. 977.

9. *Соловьёв Илья*, *диакон.* Дело Георгия Гапона // Церковь и время. 2005. № 2.

УДК 39
С. С. Михайлов,
научный сотрудник Музея истории и культуры старообрядчества (Москва)

ЮХАН ПАРИС ИЛИ ХАРЛАМПИЙ ОСИПОВ: КТО БЫЛ ПОСЛЕДНИМ АССИРИЙСКИМ СВЯЩЕННИКОМ-БЕЖЕНЦЕМ В РОССИИ

В статье автор пытается разобраться, кто из священников-ассирийцев, происходивших из числа беженцев 1915 г., оказался последним на территории России. В 1950-х гг. ушли из жизни два священника – Арон Осипов в Краснодарском крае, и Юхан Парис в Кинешме. Если биография Осипова более-менее известна, то Парис жил несколько в стороне от основной ассирийской жизни нашей страны и в настоящее время о нем сохранилось мало воспоминаний.

***Ключевые слова*:** ассирийцы, диаспора, священник, духовенство, Кинешма, Урмия

S. S. Mikhailov,
Researcher at the Museum of History and Culture of the Old Believers (Moscow)

JOHAN PARIS OR KHARLAMPY OSIPOV: WHO WAS THE LAST ASSYRIAN PRIEST FROM AMONG THE REFUGEES IN RUSSIA

In the article the author tries to figure of which of the Assyrian priests who arrived in Russia with fellow refugees in 1915 turned out to be the latest in terms of the time of passing away. In the 1950s, the last two priests passed away – Aron Osipov, who lived in the Krasnodar area, and Johan Paris, who lived in the city of Kineshma. If Osipov's biography is more or less known, then Paris lived somewhat apart from the main Assyrian life of our country and at present there is little information about him.

Keywords: Assyrians, Diaspora, priest, clergy, Kineshma, Urmia

Одной из пока еще малоизвестных страниц в истории христианских сообществ в России в XX ст. является прошлое духовенства одной из древнейших Восточных Церквей – Ассирийской Церкви Востока, именуемой иногда Несторианской. Вместе с беженцами-ассирийцами в Россию попали и представители духовенства, как принадлежавшего к Ассирийской Церкви Востока, так и тех. кто уже принадлежал к Русской Церкви, т. е. принял православие благодаря деятельности Урмийской миссии в северо-западной Персии и т. п. Это были священники (ассир. – каша) и диаконы (шамаша) из сел, откуда происходили сами беженцы. «Лишь единицы из них служили в русских православных церквах, большинство же остались не у дел…» [1, с. 49]. Как выбито на

© Михайлов С. С., 2022

памятнике-кенотафе, установленном в память о репрессированном деде. Георгии Тумасове, его уником Ф. И. Тумасовым на Дмитрово-Черкасском кладбище в Твери, «Они шли в благословенную страну христиан, а оказались в коммунистическом аду» – в условиях новой, установившейся в России власти, духовенство осталось не у дел. автору рассказывали, что некоторые из священников переходили в православие и служили в русских храмах, но большинство оставались в своей конфессии, работали, как и другие беженцы, чистильщиками обуви и, если и совершали какие-то требы, то неофициально на дому и для узкого круга своих односельчан. К сожалению, об их деятельности уже в 1990-х гг., когда автор начинал свое изучение диаспоры. собрать сведения было крайне сложно, поскольку информанты принадлежали к поколениям, кто в то время, пока эти люди были живы, являлись пионерами и комсомольцами и вопросы веры от них скрывались старшими поколениями.

Тема ассирийского духовенства еще требует своего раскрытия. В данной статье мы попытаемся разобраться в том, кто из ассирийских священников-каша (далее мы будем употреблять этот термин) оказался последним ушедшим из жизни в нашей стране. В ассирийской среде принято считать, что самым последним ассирийским священником, попавшим в Россию в годы Первой Мировой войны в качестве беженца вместе со своей паствой, был Арон (Аарон, Харлампий) Осипов, живший на хуторе Урмия, Курганинского района Краснодарского края, ушедший из жизни в 1956 г. О втором из последних каша, жившем в Кинешме, автор уже рассказывал в своей публикации, это Юхан Парис, из с. Алсан, области Джилу (ассириец-джильвая) [2, с. 373–379]. Года рождения, даже приблизительного, каши Юхана Париса мы не знаем, потомки также не смогли на ничего сообщить по данному поводу. Каша Арон родился, по разным сведениям (в документа беженцев, особенно пожилых, путаница в этом вопросе была обычным явлением), в 1880 и 1873–1874 гг. в с. Хузе, области Альбак (ассириец-альбакная). Он окончил школу для ассирийского духовенства в Урмии, в Персии, и в священный сан был рукоположен в 1906 г. епископом Мар-Дынхой в с. Самоват, Карсской области, входившей в то время в состав Российской Империи [4, с. 176]. Года рукоположения каши Юхана мы не знаем, предполагаем. что его поставил в сан епископ Джилу Мар-Саргиз, в епархии которого было с. Алсан.

И каша Арон, и каша Юханна (на диалекте области Джилу – Яхонна) смогли избежать в 1938 г. репрессий, что несколько затрудняет поиск материала, касающегося их биографий – важный объем сведений о жизни человека после пересечения в 1915 г. российской границы содержится в следственных делах.

В статье ассирийского автора Ильи Вартанова в выходившем в самом начале 1990-х журнале «Атра» («Родина») «Ассирийцы-христиане в СССР или Блудные дети Ассирийской Церкви Востока» есть упоминание о том, что во второй половине 1940-х гг., с разрешения патриарха Русской Православной Церкви Алексия I, Арон Осипов два или три раза совершал богослужения (скорее всего молебны, Литургию на престоле в православной церкви инославным вряд ли бы дозволили. – *С. М.*) в одном из московских храмов [1, с. 49]. Что это была за церковь – в границах города того времени их было 36 – Вартанов не сообщает, однако, когда автор этих строк тогда же, в 1992–1993 гг., стал спрашивать касательно этого момента старожилов, то некоторые из них называли «Елоховский собор», т. е. главный собор Русской Православной Церкви – храм Богоявления в Елохове. Некоторые из информантов, будучи в то время еще молодыми, лично присутствовали здесь по крайней мере на одном богослужении. Они же утверждали, что каша Арон служил в Москве, приблизительно в 1947 г., только один раз и, если бы были другие подобные моменты, то московская ассирийская среда, в условиях крепких внутриэтнических связей, однозначно была бы в курсе. Даже если те или иные информанты не присутствовали во время события лично, то все равно были бы в курсе о том, что оно состоялось, и что там происходило.

В «Биографическом словаре ассирийцев в России…», составленном архимандритом Стефаном (Садо), в главке, посвященной каше Арону (Харлампию), также упоминается о нескольких случаях его служения в Москве, а также о его приездах в Ленинград, где он также получал разрешение на проведение богослужений в русских храмах. Мы полагаем, что информация, касающаяся Москвы, была получена в свое время и И. Вартановым, и о. Стефаном (Садо), из одного источника. Садо также пишет, что каша Арон, проживая на хуторе Урмия, так или иначе окормлял местных ассирийцев. Поскольку в 1923–1929 гг. каша Арон жил в Ленинграде и весьма активно проявлял себя там как представитель духовенства, то у Садо, самого коренного ленинградского ассирийца по происхождению, есть сведения, зафиксированные от старожилов. После города на Неве каша Арон некоторое время, а именно в 1929–1932 гг., жил под Геленджиком, где в те годы пытались устроить что-то типа ассирийской автономии, а потом перебирается на хутор Урмия, где и живет до самой кончины [4, с. 176].

В сентябре 1995 г., еще в первые годы изучения автором истории ассирийской диаспоры, автору довелось побывать на хуторе Урмия – единственном ассирийском сельском населенном пункте Российской Федерации – где беседовать в том числе и с потомками каши Арона.

К сожалению, никаких подробностей о его духовной деятельности вне указанного сельского поселения они сообщить не могли. Здесь нет ничего удивительного – в советский период любая деятельность священнослужителя за дозволенными властями рамками, тем более священнослужителя незарегистрированного, была вне закона, и каша Арон (Харлампий) явно не посвящал семейных, прежде всего детей, в свои дела, дабы не навлечь на себя и на близких проблемы. Любопытно, но хотя по источникам, зафиксированным в российской диаспоре, каша Арон до последнего так или иначе окормлял паству хутора, но в самой Урмии об этом мне старались не говорить.

Если о каше Ароне Осипове можно найти хоть какую-то информацию, включая и попавшую на страницы некоторых публикаций, то с Юханом Парисом все гораздо сложнее. Он жил несколько в стороне от основной ассирийской жизни нашей страны. Автору впервые довелось услышать о нем лишь от его родственников, когда удалось выйти на ассирийцев г. Кинешма, в котором он жил с 1930 г. Архимандрит Стефан (Садо), через которого прошел огромный объем архивной информации и сведений от представителей ассирийских семей, в беседах с автором сомневался в том, что Юхан Парис действительно являлся рукоположенным священником – документов, подтверждающих этот момент, равно как и опровергающих его, не обнаружено. Потомки же Париса, равно как и его младшего брата Мамата (Матвея), проживающие ныне в той же Кинешме, а также в Казани, упорно утверждают, что Юхан был священником. Тогда как его младший брат был младше его и по священному сану, и являлся диаконом (ассир. – шамаша). Последний момент не ставится под сомнение и о. Стефаном (Садо). Потомки обоих братьев, опираясь на семейную историческую память, сообщили автору, что и каша Юхан, и шамаша Мамат, когда вместе с односельчанами из с. Алсан находились в Екатеринодаре, то имели возможность совершать службы в одной из местных русских церквей, которую беженцам выделило православное духовенство. Что это был за храм, в каком из районов современного Краснодара он находился, мои информанты, к сожалению, не знали. Также неизвестно, разрешила ли епархия проводить в этом храме «несторианскую» службу, или же ассирийские священники и диаконы, под воздействием внешних причин, накануне перешли в православие. Возможно, какой-то материал об этом сохранился в краснодарских архивах. Из Екатеринодара оба брата-священнослужителя перебрались в Москву, откуда в 1925 г. Мамат уехал в Кострому, в которой его арестовывают в 1938-м и высылают в Иран, а в 1930-м Юхан перебирается в Кинешму, где благополучно доживает до своей кончины. В столице оба брата проживали в одной из двух наиболее крупных

общин уроженцев села Алсан (аласная), там же жил и малик-раис данного села, Тома Дымко (он же Зайя Назы), продолжавший руководить этой сельской группой ассирийцев-джильвая.

Но, кто же из двух интересующих нас ассирийских священников оказался последним из оказавшихся беженцами, ушедшем из жизни на территории России? И. Вартанов, видимо опираясь на чью-то устную информацию, сообщает, что каша Арон Осипов умер в 1957 г. На надгробном памятнике, на кладбище хутора Урмия, где жил каша Арон, даны следующие крайние даты его жизни: 6.06.1873 – 25.11.1956 г. Садо в своем «Биографическом словаре…», дает этот же год, однако сообщает не ноябрьскую дату, а 19 сентября [4, с. 176].

Внуки Юхана Париса, а также потомки его брата Мамата Ишо, на вопрос, когда он ушел из жизни, поначалу пожимают плечами, но затем вспоминают приблизительно 1953 год. К сожалению, в семье сейчас не могут показать документов, касающихся смерти священника, а на намогильном кресте на кинешемском кладбище Сокольники не сохранилось таблички с крайними датами жизни. Все ныне живущие потомки семейного клана, вернее его старшее поколение, родились в тех же 1950-х гг. и Ю. Париса фактически почти не помнят. Беседуя с внуком священника, с Юрием Михайловичем Парисом, автор услышал один момент, на который, на наш взгляд, надо прежде всего обратить внимание. Информант, также пытаясь что-то говорить про 1953 г., касательно времени кончины деда вдруг добавил: «когда разлилась Волга», имея в виду момент, когда после постройки Горьковской ГЭС водохранилище, захватывающее и русло Волги в Кинешме, полностью заполнило свою чашу – т. е. каша Юхан умер уже после этого момента. Однако, это был никак не 1953 год. Плотина ГЭС была закончена только в 1955 г. и тогда же начало постепенно разливаться водохранилище, процесс оформления которого затянулся на длительное время. В Кинешемском краеведческом музее автору сказали, что еще в 1956 г. в городе насыпали земляные дамбы, чтобы сохранить от затопления части низменного городского пространства. Окончательно чаша Горьковского водохранилища была заполнена только в 1957 г., и здесь нам надо учесть, что Кинешма расположена в его верховьях, Волга здесь стала шире только в несколько раз по сравнению со своим исходным состоянием, следовательно, и разлив реки здесь стал особо заметен лишь на позднем этапе. Здесь напрашивается только один вывод – окончательно «разлилась» здесь река только в 1957-м, т. е. и каша Юхан Парис в таком случае умер не ранее этого времени. Получается, что именно он, а не Арон (Харлампий) Осипов является самым последним ассирийским священником, происходившим из числа беженцев Первой Мировой войны,

который ушел из жизни на территории России. Его младший брат, Мамат Ишо, оказался самым последним шамаша (диаконом) – он умер в Кинешме в 1984 г. [3, с. 364]. Впрочем, здесь его «первенство» не вызывает вопросов, тем более, что сохранились и документы о кончине, и табличка на намогильном кресте. Другие российские шамаши-долгожители ушли из жизни в 1970-х гг. – Гурия Ишаев (род. в с. Мамикян, район Гявар) в 1978 году, и Яку Хенно (с. Севине, район Барвар), приблизительно в первой половине 70-х, оба жили в Москве. Старинному волжскому городу Кинешма, таким образом, выпала честь отметиться в истории российской ассирийской диаспоры, поскольку здесь жили и погребены ее последний священник и последний диакон.

К сожалению, основная информация, касающаяся истории ассирийского народа в России, включая и сведения о прежнем сельском духовенстве, прибывшем в Россию вместе с односельчанами, не попала на страницы архивных документов и публикаций. Она ушла от нас вместе с ее носителями, и лишь малая часть в свое время была воспринята представителями более молодых поколений, от кого мы что-то можем зафиксировать сейчас.

Библиографический список

1. *Вартанов И.* Ассирийцы-христиане в СССР или Блудные дети Ассирийской Церкви Востока // Атра (Родина). Орган Ассирийского Конгресса СССР. № 3. СПб., 1991. С. 48–50.

2. *Михайлов С. С.* Из истории ассирийского духовенства в России в середине XX в. На примере глав семей Ишо и Парис из г. Кинешма, Ивановской области // Государство, Общество, Церковь в истории России XX–XXI вв.: материалы XX Международной научной конференции, Иваново, 31 марта – 1 апреля 2021 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. С. 373–379.

3. *Садо С.* Мартиролог ассирийцев СССР (1920–1950-е годы). СПб., 2017.

4. *Садо С.* Биографический словарь ассирийцев в России (XIX – середина XX века). Изд. 3-е, расширенное и дополненное. СПб., 2020.

УДК 2
С. И. Михальченко,
профессор, Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского

БОГОСЛОВСКОЕ ТВОРЧЕСТВО Е. В. СПЕКТОРСКОГО

Характеризуются богословские сочинения правоведа, философа и социолога Е. В. Спекторского. Они публиковались в эмигрантский период жизни ученого в 1920–1940-х гг., преимущественно, в Югославии на сербском и словенском языках и представляют значительный интерес как этап в развитии отечественной философско-богословской мысли.
Ключевые слова: Спекторский Е. В., богословие, русская эмиграция, Югославия

S. I. Mikhalchenko,
Professor, Bryansk State Academician I. G. Petrovsky University

THEOLOGICAL WORK OF E. V. SPEKTORSKY

The theological works of the lawyer, philosopher and sociologist E. V. Spektorsky are characterized. They were published during the emigration of the scientist in the 1920s–1940s, mainly in Yugoslavia, in the Serbian and Slovenian languages, and they are of significant interest as a stage in the development of Russian philosophical and theological thought.
Keywords: Spektorsky E. V., theology, Russian emigration, Yugoslavia

Революционные события 1917–1920 гг. в России оказали сильнейшее влияние на мировоззрение интеллигенции, в том числе, академической. Многие из ее представителей обратились к религии, которая казалась им убежищем от свалившихся на них невзгод. Среди таких ученых был и известный юрист и историк социологии Евгений Васильевич Спекторский (1876–1951), который в эмиграции в 1920–40-е гг. стал одним из главных представителей русской теологической мысли.

Спекторский к этому времени прошел большой жизненный путь [5]. Он закончил юридический факультет Варшавского университета, затем преподавал там же, в 1911 г. в Юрьеве защитил магистерскую диссертацию. Переехав в 1914 г. в Киев, стал профессором местного университета. После защиты летом 1917 г. в Москве докторской диссертации по государственному праву был избран деканом юридического

© Михальченко С. И., 2022
Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 21-011-44015.

факультета, а годом позже стал и последним избранным ректором университета св. Владимира. Неприятие Спекторским революции 1917 г., его активное участие в политическом противостоянии на стороне белых привели ученого в эмиграцию. С 1920 г. он проживал (не считая трехлетнего перерыва, когда он работал в Праге) в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС, с 1929 г. Югославии), преподавал в Белградском университете, а с 1930 по 1945 г. – в Люблянском. Затем, пройдя через лагеря перемещенных лиц в Италии, Спекторский оказался в США, где стал профессором Св.-Владимирской духовной семинарии (Академии).

Уже вскоре после переезда на Балканы Спекторский прочитал в разных городах КСХС несколько публичных лекций о влиянии христианства на различные сферы деятельности человека. Некоторые их них были опубликованы в сербскоязычном журнале «Хришћански живот» («Христианская жизнь») [18; 19], а итогом размышлений ученого на эту тему стала вышедшая в 1925 г. в пражском издательстве «Пламя» книга «Христианство и культура» [24]. Книга приобрела значительную известность, ряд ее глав были переведены на другие европейские языки [4]. Это добавило популярности Спекторскому, который ранее был известен как правовед и крупный администратор – организатор высшего образования, а теперь становится все более известным как специалист в области богословия. К нему начинают обращаться разнообразные теологические периодические издания, возникшие тогда в Югославии с просьбой о предоставлении статей – «Христианское дело» (Скопле), «Христианская мысль», «Светосавле» (Белград), «Братство» (Сараево), «Мысль и дело» (Любляна) и другие. Например, 23.1X.1938 главный редактор журнала «Христианское дело» Мирко Йованович писал из Скопле: «Уважаемый Господин Профессор! ... Редакция «Христианского дела» просит Вас не отказать в любезности написать подходящую для журнала статью. Ваши работы читаются с большим удовольствием. Их темы все актуальны. Я уверен, что Вы найдете хоть немного времени для сотрудничества в «Христианском деле» [1].

Еще одним путем появления статей было продолжение практики последующей публикации публичных лекций, которые читал Спекторский (например, 27 февраля 1938 г. в Сараеве по приглашению сербского Братства Св. Саввы он прочитал лекцию о 950-летии крещения Руси, а через полгода, 2 октября 1938 г., там же по приглашению русской православной церковной общины выступил на тему о своеобразии крещения Руси; 26 ноября о том же он говорил перед русской колонией в Мариборе [1]). Итогом выступлений была русскоязычная [22] и сербскоязычная [7] публикации о крещении Руси.

Наконец, Спекторский опубликовал довольно много рецензий на богословские и религиоведческие издания.

В итоге, в 1920–1940-е годы вышло в свет более сорока статей Спекторского на теологические и религиоведческие темы. Эти статьи и брошюры могут быть объединены в несколько тематических групп – о влиянии и взаимоотношении религии и разных областей человеческой жизни (культуры, техники, этики, политики и т. д.) [13; 14; 16]; о сущности некоторых понятий христианского вероучения и взаимоотношении христианства с новыми религиозными течениями [6; 8; 12; 18; 19]; статьи, носящие историко-богословский характер (к юбилею Крещения Руси, о деятельности князя Владимира Святого, об истории взаимоотношений власти и церкви в России) [7; 11; 15; 17; 20; 22]; литературоведческие статьи, также чаще всего вызванные юбилеями, на этот раз писателей. В последних Спекторский преимущественное внимание старался уделять вопросу о роли религии в творчестве того или иного писателя (Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева и др.) [3; 10]. Наконец, рецензии, носящие характер не библиографических заметок, но представляющие собой подробный анализ работ других авторов на теологические темы [9; 21].

Завершением этих богословско-религиоведческих штудий Спекторского явились курсы лекций, которые он читал в США – о религиозной этике, основаниях моральной теологии, роли религии в творчестве русских писателей. Лишь часть из этих курсов нашла к настоящему времени своих издателей [2; 23].

Большинство работ, опубликованных Спекторским в массовых изданиях, носили просветительский и зачастую популярный характер. Однако, среди них встречаются и исследовательские сочинения. Так, бесспорно, научный характер носили многочисленные рецензии Спекторского, а также его анализ религиозной проблематики в сочинениях русских писателей и в трудах европейских мыслителей прошлого. Важна роль этих работ и при анализе общественно-политических воззрений ученого и русской эмиграции в целом [25]. Поэтому представляется несомненной важность дальнейшего изучения работ Спекторского.

Библиографический список

1. Arhiv Republike Slovenije (ARS). fond SI AS. 1901, škatla 1.
2. *Spektorski E. V.* Vprašanja moralne teologije. Ljubljana, 2018.
3. *Spektorski E.* Religiozna problematika pri Turgenjevu, Tolstem in Dostojevskem // Slovanski svet. 1935–1936. № 3–4. S. 58–63.
4. *Михальченко С. И., Ткаченко Е. В.* «Христианство и культура» Е. В. Спекторского: путь к изданию // Современные проблемы книжной культу-

ры: Основные тенденции и перспективы развития: материалы XIV Белорусско-Российского научного семинара-конференции (24–25 ноября 2021 г.). М.: Наука, 2021. С. 281–284.

5. *Михальченко С. И., Ткаченко Е. В.* Евгений Васильевич Спекторский // Вопросы истории. 2013. № 1. С. 13–31.

6. *Спекторски Е.* Вештачке религије // Српски књижевни гласник. Нова серија. 1930. Књ. 31. С. 497–507.

7. *Спекторски Е.* Културни значај крштења Русије // Хришћанско дело. 1938. Св. V. С. 438–357.

8. *Спекторски Е.* Неопаганизам и Хегел // Хришћанско мисао. 1935. № 7. С. 5–7.

9. *Спекторски Е.* Нова књига о руском богословљу // Хришћанска мисао. 1937. № 6–7. С. 84–87.

10. *Спекторски Е.* Религиозна проблематика код Достоевског, Толстоја и Тургењева // Светосавље. 1933. Год II. Св. 6. С. 213–221.

11. *Спекторски Е.* Судбина Патриаршије у Русији// Хришћанска мисао. 1939. Број 5. С. 70–72.

12. *Спекторски Е.* Философија Ускрса // Братство. 1933. Књ. III–IV. С. 30–36.

13. *Спекторски Е.* Хришћанство и женско питање // Братство. 1939. Књ. III–IV. С. 57–64.

14. *Спекторски Е.* Хришћанство и национализам // Календар Братство за годину 1939 / Српско-православно братство св. Саве у Сарајеву. Сарајево, 1938. С. 1–7.

15. *Спекторски Е.* Хришћанство и руски «царизам» // Хришћанска мисао. 1938. № 5. С. 38–40.

16. *Спекторски Е.* Хришћанство и уметност // Пут. 1935. Књ. 6. С. 97–103.

17. *Спекторски Е.* Цезаропапизам и Русије // Хришћанска мисао. 1938. № 12. С. 138–41.

18. *Спекторски Е. В.* Хришћански појам друштва // Хришћански живот. 1924. Год. III. Број 9. Септембер. С. 379–385.

19. *Спекторски Е. В.* Хришћанство и прогрес // Хришћански живот. 1924. Год. III. Број 2. Фебруар. С. 50–69.

20. *Спекторский Е. В.* Св. Владимир и русская культура // Сборник в память святого равноапостольного князя Владимира. 988–1930. Белград, 1930. С. 17–31.

21. *Спекторский Е. В.* Словенская книга о Боге (France Veber. Knjiga o Bogu, 1934, Celje, XII–454) // Путь. 1935. № 46. С. 70–73.

22. *Спекторский Е. В.* Своеобразие крещения Руси // Владимирский Сборник в память 950-летия крещения Руси, 988–1938. Белград, 1939. С. 55–62.

23. *Спекторский Е. В.* Христианская этика. Лекции, прочитанные в Свято-Владимирской Духовной академии в г. Нью-Йорке в 1950–51 уч. году // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1980. Т. XIII. С. 77–190.

24. *Спекторский Е. В.* Христианство и культура. Прага: Пламя, 1925.

25. *Ткаченко Е. В.* Общественно-политические взгляды Е. В. Спекторского. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2009.

УДК 297
Н. И. Музафарова,
профессор, Институт гуманитарных наук,
Московский городской педагогический университет

КУЛЬТУРНОЕ И ДУХОВНОЕ РАЗВИТИЕ ЭТНОСОВ ВОЛЖСКО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА (КОНЕЦ XIX – ПЕРВЫЕ ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX в.)

В статье говорится о культурной жизни этносов в период промышленного подъёма России. В основу взят полиэтнический многоконфессиональный Волжско-Уральский район с развитыми промыслами. Выявляется роль социумов и лидеров, выступивших за равноправие и свободу своего народа.

Ключевые слова: этносы, национальное самоопределение, равноправие, нацменьшинства, тюрко-мусульманские лидеры, думская фракция, образование

N. I. Muzafarova,
Professor, Institute of Humanities, Moscow City Pedagogical University

CULTURAL AND SPIRITUAL DEVELOPMENT OF ETHNIC GROUPS IN THE VOLGA-URAL REGION (LATE 19TH – FIRST TWO DECADES OF THE 20TH CENTURIES)

The article deals with the cultural life of ethnic groups during the period of the industrial rise of Russia. It is based on the multi-ethnic, multi-confessional Volga-Ural region with developed industries. The role of societies and leaders who spoke up for the equality and freedom of their people is revealed.

Keywords: ethnic groups, national self-determination, equality, national minorities, Turkic-Muslim leaders, the Duma faction, education

Взаимоотношение этносов в многонациональной России является важнейшим фактором ее прогрессивного развития и стабильности. На территории страны (перепись 1897) проживало около 140 млн человек, нерусские составляли 57 %, уровень развития которых был низким, поскольку они испытывали гнет великодержавного русского шовинизма и давления со стороны привилегированной Русской Православной церкви. На рубеже XIX–XX вв. национальные вопросы обострились в силу следующих причин: 1) революционная ситуация в стране вызвала национально-освободительные движения против дискриминации этносов, за равноправие с титульной нацией; 2) назревание I Мировой войны вело к разжиганию межнациональных конфликтов, натравливанию народов одних государств против других.

© Музафарова Н. И., 2022

Самодержавное правительство, осознавало, что крепость государства зависит от сплочения разнородных этносов, периодически делало уступки в их интересах. История показала, что в процессе совместного проживания российских народов возникала духовно-культурная и гражданская общность людей, что проявлялось в совместной борьбе против иноземных захватчиков. Существенные перемены по отношению к инородцам произошли с принятием буржуазных реформ XIX века. которые провозгласили равноправие, свободу, возможность продвигаться по социальной лестнице. Однако «отголоски» великодержавного шовинизма сохранялись.

Технико-экономический прогресс требовал квалифицированной рабочей силы, поэтому правительство заботилось о подготовке кадров специалистов разных отраслей. Довольно развитые в промышленном отношении районы Урала и Поволжья отличались исконно полиэтническим составом населения, где заселение русскими произошло позже (с распадом Волжской Булгарии). Большинство этносов региона составляли тюрко-мусульмане: татары, башкиры, казахи, киргизы, ногайцы, нагайбаки, чуваши и др. Соседствующие с ними угрофинские (мари, мордва) и частично северные народы (коми, зыряне) поддерживали торговые, хозяйственно-бытовые и культурные отношения, что создавало атмосферу толерантности, общности людей одной страны. Этносы сохраняли традиционную самобытную культуру, вместе с тем в их среде возрастали слои интеллигенции, промышленников, рабочих. которые хотели преодолеть отсталость своего народа и добиться равноправия и свободы.

Консолидация национальностей в системе государства носила противоречивый характер, обусловленный самими фактором добровольного или насильственного объединения. Ассимиляция народов, естественный процесс разносторонних взаимоотношений способствовал аккультурации, созданию духовно-нравственной и гражданской идентичности людей. Основные формы общений этносов проходили на торговых площадках, ярмарках, рынках. Здесь шел обмен опытом кустарных промыслов, происходило взаимовлияние культур семейно-бытовой жизни. Сближало людей совместное участие в праздниках, в частности, в сабантуе (изначально татаро-башкирском), посвященном завершению весенних полевых работ. Сабантуй сочетал художественную самодеятельность, спортивные состязания демонстрировал результаты разных промыслов, народного творчества. В мероприятиях участвовали представители разных этносов и конфессий, это вызывало взаимный интерес к традиционным праздникам христиан, мусульман, язычников. Культурно-массовые мероприятия отражались на изменении быта, особенно по отношению к женщине, освобождая ее от затворнического образа жизни. К концу XIX века увеличи-

лось число грамотных женщин, что позитивно сказалось на обучении детей, изменении воззрений местного населения.

Рост национально-освободительных движений и обнародованный Манифест 17 октября 1905 г. дали возможность этносам проводить съезды, собрания для выработки стратегической линии. Результатом этих действий стало участие депутатов нацменьшинств в четырех Государственных Думах (1906–1917 гг.), Национальные депутаты создали фракцию мусульман, которая выражала интересы всех этносов, ставила задачи подтягивания их развития наравне с русскими и европейскими народами. добивалась открытия школ, призывала получать образование и постигать западный научно-технический прогресс [6, с. 44–51]. С целью лоббирования культурных и экономических преобразований инородцев фракция шла на компромисс с трудовиками, эсерами, кадетами, настаивала на экстерриториальной автономии, а в ходе революции выступила за создание Волжско-Уральского штата как субъекта России.

Депутаты фракции согласовывали действия с выборными гласными, купцами, промышленниками, состоятельными лицами для налаживания социокультурной работы нацменьшинств. В результате были созданы культурные очаги в Казани, Перми, Уфе, как центры просвещения и подготовки специалистов татар, мари, башкир, коми, мордвы и др. Важным событием стало открытие в Москве (1913) культурно-образовательного центра (дом нефтепромышленника Ш. Асадуллаева) для нацменьшинств [1, с. 96, 99]. Изученные документы позволяют сделать вывод, что многие этносы повысили интерес к получению образования, однако начавшаяся Мировая война затормозила этот процесс. Татарский писатель Г. Исхаки отмечал, что перед войной повсеместно открывались начальные школы для инородцев, при этом в татаро-башкирских селениях все дети школьного возраста были охвачены учебой [2, с. 43]. Возможно, автор преувеличивает показатели, но рост грамотных и образованных людей был реален.

Лидеры тюрко-мусульманских народов занимались поисками путей возрождения исламской цивилизации. расцвет которой происходил в период возвышения Булгарского государства и Казанского ханства, в состав которых входили многочисленные этносы, которые пользовались равными правами в экономической и культурной сфере. Возросшее число национальных интеллектуалов и предпринимателей добивалось расширения сети начальных национальных школ, издания учебников на родном языке, выделения квот в специальные учебные заведений для молодежи. Советская власть внесла новые изменения: с целью подготовки квалифицированных национальных кадров управленческого звена и промыслов в техникумах и вузах стали создавать специальные е группы по этническим признакам

Любопытные сведения о повседневности нацменьшинств были собраны писателем Гаязом Исхаки (1878–1954). Свои описания он дополнил материалами из дневника немецкого барона Гаксхаузена, путешествовавшего по России в 1843. Барон, записывая наблюдения за бытом этносов, выделил культурный уровень и потенциал умственных способностей татар, но указал на тормозящие факторы их развития, к которым отнес существующий режим и религиозный фанатизм населения. В качестве вывода он написал, что при благоприятных условиях, (с чем соглашался Исхаки), этот одаренный народ мог стать во главе цивилизованных народов всей Азии [2, с. 32–33].

Исламское духовенство способствовало росту грамотности населения и сохранению национально-религиозных традиций. Отдельные иерархи, педагоги предлагали использовать новые доступные методы обучения (джадидизм), на основании которых ученики в два-три раза быстрее овладевали чтением и письмом (по сравнению со старыми методами). Яркими представителями джадидизма явились муфтий Марджани и журналист Гаспринский (1851–1914), создавший школу и доказавший преимущества новых форм обучения. Опыт получил огласку, для ознакомления с ним стали приезжать учителя, и школа превратилась в своеобразный центр переподготовки кадров. В помощь учителям и учащимся И. Гаспринский издал учебно-методическое пособие [3, с. 56, 64]. Следует отметить заслугу Гапринского и по созданию первой всероссийской национальной газеты «Тарджиман», на страницах которой давалась разносторонняя информация, проникая в народные толщи. Сам редактор отводил газете роль организатора, агитатора и пропагандиста. Достоинства газеты в пропаганде патриотизме оценил профессор, тюрколог Казанской духовной академии Н. Ильминский [3, с. 337]. Таким образом газета выполняла функции организации и единения этносов в своем отечестве. Результатом этих действий было участие тюркомусульманских солдат в Мировой войне против единоверцев из Турции. Следует отдать должное духовенству – муфтиям М. Султанову и Г. Баруди, которые кораническими заповедями убеждали воинов защищать отчизну, родные края, свой дом, родных и близких [1, с. 96].

В 1917 г. с падением самодержавия этнические общности поддержали Временное правительство, надеясь на благоприятное решение их запросов. Мусульмане провели Всероссийский съезд (собралось 900 делегатов, из них 100 женщин). Съезд поставил задачи свободного и самостоятельного экономического, социокультурного развития национальных народов, создал Всероссийский совет для содействия по «раскрепощению» 30 миллионного населения мусульман России [1, с. 99]. Смена политической ситуации, неопределенность властей отодвигали реализации намеченных планов.

Советская власть, как ранее затрагивались отдельные установки по отношению к национальным меньшинствам, на деле предоставила свободы и льготы нерусским народам, учитывая запросы в их самостоятельном и прогрессивном развитии. Коммунисты-мусульмане провели съезды (1918 и 1919 гг.), обсудили программу социалистического строительства. Более того был проведен Всемирный мусульманский конгресс (1921), вызвавший резонанс за рубежом и желание делегаций посетить Россию. Свои съезды провели марийцы, удмурты, чуваши, аналогично определяя стратегические задачи дальнейшего развития в условиях социалистического строительства. Тюрко-мусульманские лидеры пытались из ранней идеи создания Урало-Волжских штатов (объединением поволжских и уральских этносов) образовать Татаро-Башкирскую республику. Реализовать ее не удалось, хотя первоначально Народный комиссариат по национальным вопросам (1918) эту идею одобрил, поручил М. Султан-Галиеву изучить и разработать этот вопрос. ЦК коммунистической партии, рассмотрев намерения татаро-башкирских лидеров, усмотрел угрозу распада Советской республики и отказал. Сторонники этих планов во главе М. Султан-Галиева попали под прессинг репрессий (1940) [4, с. 43–45]. Итак, вывод из этого: государство провозглашая право на самоопределение, на деле отстаивало единую неделимую державу.

Позитивные изменения в жизни национальных меньшинств прервались гражданской войной, ввергнувшей массы в хаотическую вражду не только внутри этносов, но даже семейных отношениях [5, с. 27–38]. После войны прогрессивные изменения налаживались, однако большевистская установка борьбы с религией нарушала принципы свободы совести. Руководящие органы требовали вести антирелигиозную работу, игнорировать национально-религиозные традиции и вводить новые обряды [7, л. 20–24]. Часть населения поддерживала нововведения, другая – оппозиционно настраивалась, но общность гражданства страны сохранялась.

Таким образом, цивилизационные процессы, проходившие в России, несмотря на отдельные сложности и трудности, спобствовали культурному росту, духовно-нравственной сплоченности полиэтнического и многоконфессионального народа, выработке гражданской идентичности людей одного государства, родного отечества.

Библиографический список

1. *Асадуллин Ф. А.* Москва мусульманская: история и современность. М., Умма, 2004.

2. *Гаяз Исхаки*. Идель-Урал. Набережные Челны: Камаз, 1993.

3. *Гаспринский И.* Историко-документальный сборник. Казань: Жыен, 2006.

4. *Музафарова Н. И.* Ислам: история, вероучение, практика. М.: МГПУ, 2011.

5. *Музафарова Н. И.* Религиозные организации в годы гражданской войны (на материалах Урала) // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2019. № 4 (32). С. 27–38.

6. *Музафарова Н. И.* Фракция мусульман в Государственных Думах императорской России // История парламентаризма в России. М.: МГПУ, 2018. С. 44–51.

7. Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 61. Д. 140. Л. 20–24.

УДК 93(930.85)

И. В. Неупокоев,
доцент, Курганский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

НАЧАЛЬНАЯ ЦЕРКОВНАЯ ШКОЛА КАК ИНСТРУМЕНТ БОРЬБЫ С ПЬЯНСТВОМ И КУРЕНИЕМ (на материалах Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX века)

Статья посвящена идее привлечения ресурсов начальной церковной школы для борьбы с распространением среди учащихся такого социального порока как пьянство и курение. Для этого стали использовать добавление в программу школы и педагогических курсов сведений о вреде алкоголя и личный пример учителя.

Ключевые слова: пьянство, алкоголизм, курение, начальная церковная школа, священник, Св. Синод

I. V. Neupokoev,
Associate Professor at Kurgan branch of the Russian Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation

PRIMARY CHURCH SCHOOL AS A TOOL TO COMBAT DRUNKENNESS AND SMOKING (based on the materials of the Tobolsk province of the second half of the XIX – early XX century)

The article is devoted to the idea of attracting the resources of an elementary church school to combat the spread of such social vice as drunkenness and smoking

© Неупокоев И. В., 2022

among students. For these purposes the addition of information about the dangers of alcohol and the personal example of a teacher to the school program and pedagogical courses were used.

***Keywords*:** drunkenness, alcoholism, smoking, primary church school, priest, Holy Synod

Для Западной Сибири в XIX – начале XX в. проблема пьянства являлась одной из острейших, поскольку этому социальному бедствию были подвержены многие представители крестьянства, духовенства, чиновничества. Значительное количество пьющих было среди ссыльных. Так, в Курганском мещанском обществе отмечалось, что ссыльные «составляют истинный бич общества, ибо при всей своей испорченности и закоренелости в праздности, пьянстве и разных мошенничествах, вносят свои дурные правила в семейства бедных старожилов – мещан, развращают молодое поколение, передавая словом и делом все утонченности своей профессии по части мошенничества и увлекают во все пороки» [18, с. 225]. На аналогичные явления указывал и тобольский губернатор В. А. Лысогорский: «поселенцы избегают производительного труда и оседлой жизни, занимаясь кражами, мошенничеством и пьянством» [12, с. 18].

Это не могло не отразиться и на вовлечении молодого поколения к употреблению алкоголя, о чем с горестью писал российский ученый и учитель сельской школы в Тверской губернии Сергей Рачинский. Постоянный рост пьянства в крестьянской среде он назвал «вопиющим злом» для учеников. Им отмечено, что «Порок этот прививается к крестьянским детям с самых ранних лет, еще задолго до поступления в школу. <…> пристрастие к водке <…> постоянно поддерживается и усиливается безумным обычаем родителей – под пьяную руку поить своих детей и забавляться ужасным зрелищем их опьянения, их бессознательным сквернословием, их подражанием пьяным безобразиям старших» [20, с. 442]. Трагические последствия детского пьянства неоднократно фиксировались в губернской газете. Так, например, в марте 1876 года в селе Чимеевском Курганского округа 13-летний крестьянский мальчик Матвей Благинин «выпив у рабочих стеклоделательной фабрики немного вина, опьянел и в этом состоянии выйдя в ограду фабрики, уснул, где найден едва живым, а по переносе в дом родственников, назавтра же умер» [19, с. 3]. Вполне уместно привести и отрывок из заметок П. Головачева о его пребывании в Тюмени в 1894 году. Он писал, что часто встречал детей 10–12 лет «со всеми признаками алкогольического отравления – шатающихся, с громкой бессвязной речью, с неестественно оживленными лицами» [11, с. 971]. Целесообразно добавить и пример об учащихся Тюменского Александровского реального

училища: в январе 1908 года ученик В. Барышников был задержан в пивной «за нарушение и скандал» [5, л. 1]; осенью 1910 года был отчислен ученик Б. Шадрин, который принес в класс в маленьком флакончике водку и угощал ею своих товарищей [22, с. 52].

Государство и церковь принимали различные меры для борьбы с распространением алкоголя. Среди них: создание обществ трезвости, которые организовывали для населения чайные и читальни как альтернативы кабакам. Сюда надо отнести и создание попечительств о народной трезвости, решения крестьянских сходов о закрытии винных лавок, наказания за тайную продажу спиртного и т. п.

Свою роль в этом процессе играли и образовательные учреждения. Дореволюционная школа уже фактом своего существования входила в конфликт с местоположением питейных заведений. Согласно «Устава о питейном сборе» открытие заведений с раздробительною продажей крепких напитков ближе 40 саженей от учебных заведений не допускалось [24, с. 67]. О подобной ситуации, например, шла речь в октябрьском рапорте 1886 года учительницы Чиневского сельского училища на имя Курганского окружного исправника. Поскольку здание училища находилось буквально напротив питейного заведения, то Чинеевскому волостному старшине было сделано предписание «приискать для училища другую квартиру, вдали от питейного заведения» [4, л. 14]. Аналогичная просьба о перемещении пивной лавки в другое место изложена в февральском 1905 года письме Попечителя Западно-Сибирского учебного округа на имя Тобольского губернатора. Попечитель указывал, что, несмотря на расположение Туринской женской прогимназии от пивной лавки торгового дома Злоказовых на предусмотренном законом расстоянии, «последняя представляет для учащих громадное неудобство». Ученицам «приходится проходить именно мимо лавки, вокруг которой слышатся крики, площадная брань и нередко наблюдаются безобразные сцены, оскорбляющие нравственное чувство» [7, л. 19].

Ради истины стоит отметить, что в этом антагонизме между школой и кабаком встречались и редкие исключения. И хотя следующий пример относится к Томской губернии, по мнению автора, его все же стоит привести. Так, в 1889 году крестьяне села Вороно-Пашенское разрешили открыть питейное заведение. В знак благодарности виноторговец уступил для местной школы здание стоимостью 200 рублей [13, с. 3].

Нельзя не упомянуть и о нормативных актах, направленных на запрет употреблять алкоголь около образовательных учреждений. Так, в обязательном постановлении тобольского губернатора 1900 года для жителей г. Ялуторовска и Ишима говорилось о воспрещении распития

вина, водки и пива рядом с городским училищем, церковно-приходской школой и женской прогимназией [15, с. 5].

Рост начальных училищ не только способствовал распространению грамотности среди девочек и мальчиков, но и оказывал влияние на крестьянский быт и мировоззрение. Со временем начальные училища становились своего рода центрами культуры и просвещения на селе. Многие крестьяне посещали воскресные чтения и библиотеки при училищах. Так, например, из сведений, собранных С.-Петербургским комитетом грамотности в 1895 году, благодаря училищу в с. Утякском Курганского уезда происходило «уменьшение пьянства, более гуманное обращение с женщинами и даже животными, уменьшение предрассудков; желание продолжать самовоспитание посредством чтения книг» [2, л. 181].

Особо стоит выделить негативное отношение образовательной системы к поклонникам Бахуса в рядах учителей. Такие проявления нельзя было скрыть ни от инспектирующих чиновников разных ведомств, ни от самого общества. Все жалобы на таковых субъектов, как правило, заканчивались увольнением. Так, например, в 1876 году указанной санкции подвергся учитель Белозерского сельского училища Курганского округа Алексеевский, который «бывает ежедневно пьян, пропивая последние свои вещи» [9, л. 393]; в 1878 году – учитель Куреинского сельского училища Курганского округа Вишневецкий «за нетрезвый образ жизни и значительное через то уменьшение числа учащихся» [6, л. 341]; в 1881 году – учитель Пелымского сельского училища Туринского округа Карандашев за безнравственное поведение в состоянии «постоянного пьянства и буйства» [8, л. 215]; в 1887 году – учитель Демьянского сельского училища Тобольского округа Зеленцов «за нетрезвый образ жизни» [10, л. 58]; в 1884 году – учитель Сургутского приходского училища «занимался более поклонением Бахусу, чем прямыми своими обязанностями» [21, с. 5].

Многие общественные и педагогические деятели инициировали идеи использовать школу как инструмент для борьбы с пьянством. Такой тезис высказывал и упомянутый ранее учитель С. Рачинский: «только в доброй школе дети слышат безусловное порицание пьянства, слышат своевременное предостережение от пагубной привычки, и – что еще важнее, – только в ней видят они пример жизни, совершенно трезвой, испытывают на себе ее благотворное влияние» [20, с. 447]. Подобные замыслы были изложены в епархиальной газете воспитанником V класса Тобольской духовной семинарии Сергеем Кротковым. К «самому верному способу» борьбы с пьянством он относил «начало антиалкогольного преподавания в начальных школах» [14, с. 190].

Пионером борьбы за трезвость стала начальная церковная школа. Училищный Совет при Св. Синоде издал распоряжение, в котором учителя обязывались «при всяком удобном случае» настойчиво развенчивать перед учащимися «распространенное заблуждение, будто алкоголь (водка) полезен» и объяснять, что «пьянство – греховно, приносит человеку нравственный вред и губительно действует на физическое его здоровье» [1, л. 31].

В 1912 году на I Всероссийском съезде практических деятелей по борьбе с алкоголизмом было признано доказанным употребление спиртных напитков детьми школьного возраста. После этого Училищный Совет при Св. Синоде решил сообщать ученикам информацию о вреде алкоголизма «путем вкрапления сих сведений» во все предметы начальной школы. Учителя и законоучители должны были воспитывать детей на своем примере и поэтому обязывались быть трезвенниками [23, с. 106].

С этого времени на педагогических курсах для учителей отдельное внимание стало уделяться антиалкогольной пропаганде. Так, например, на летних курсах в г. Кургане (1913 и 1914 годы) [17, с. 61] и г. Тобольске (1914 год) [16, с. 27] беседы о вреде пьянства читал директор народных училищ Тобольской губернии и руководитель курсов Г. Я. Маляревский. Речь шла о химическом составе алкоголя, влиянии его на организм и нравственность, о распространении пьянства в России и роли учителя в борьбе против пьянства.

Кроме того, церковная школа рассматривалась и как инструмент, направленный на искоренение такого порока как курение. В июле 1916 года Тобольский епархиальный наблюдатель церковных школ священник Ал. Вербицкий в своем обращении к заведующим и учителям церковных школ призвал их говорить с учениками «о вреде глотания табачного дыма для здоровья и грехе перед Богом». Он предупреждал, что учительство в церковных школах «недопустимо и несовместимо с курением табака» и требовал предупреждать в начале учебного года учеников и их родителей о том, «что замеченный в курении табака будет немедленно уволен из школы» [3, л. 46].

Следует особо отметить, что определить эффективность деятельности дореволюционной школы в сфере борьбы с пьянством и курением достаточно проблематично. Но можно уверенно утверждать, что эту традицию по формированию отрицательного отношения к алкоголю и курению у учащихся продолжает современная школа. Ценность здорового образа жизни является одним из компонентов государственной политики в сфере воспитания. У ребят должно возникнуть сознательное и обоснованное неприятие вредных для физического и психического здоровья привычек и понимание их последствий. Среди направленных на это мер можно назвать беседы со школьниками классных руководителей,

представителей правоохранительных органов (прокуратура, отдел полиции УМВД), наркодиспансера, общественных организаций и т. д.

Библиографический список

1. Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. И-76. Оп. 1. Д. 40.
2. ГАКО. Ф. И-91. Оп. 1. Д. 4.
3. ГАКО. Ф. И-178. Оп. 1. Д. 1.
4. ГАКО. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 1.
5. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. И-57. Оп. 1. Д. 112.
6. Государственное бюджетное учреждение в Тюменской области «Государственный архив г. Тобольске» (ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И-152. Оп. 44. Д. 102.
7. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И-152. Оп. 43. Д. 64.
8. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И-152. Оп. 44. Д. 119.
9. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И-152. Оп. 44. Д. 93.
10. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И-152. Оп. 44. Д. 162.
11. Головачев П. Тюмень, как гнездо народного невежества // Тобольские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1894. № 45.
12. *Голодников К.* Ссыльные в Тобольской губернии и влияние их на нравственный и экономический быт старожилов // Тобольские губернские ведомости. 1891. № 20.
13. Корреспонденция «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1889. № 86.
14. *Кротков С.* Начальная школа как проводник трезвости в народе // Школьный листок. Приложение к Тобольским епархиальным ведомостям. 1910. № 24.
15. Обязательные постановления // Тобольские губернские ведомости. Часть официальная. 1902. № 42.
16. Отчет по краткосрочным педагогическим курсам для учащих начальных училищ Тобольской губ., бывших в 1914 году в г. Кургане с 27 мая по 24 июня и в г. Тобольске с 9 июля по 2 августа. Тобольск, 1915.
17. Отчет по краткосрочным педагогическим курсам, бывшим в гор. Кургане Тобольской губернии с 1-го по 28-е июня 1913 года. Тобольск, 1914.
18. Памятная книжка для Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884.
19. Происшествия в Тобольской губернии // Тобольские губернские ведомости. Часть официальная. 1876. № 29.
20. *Рачинский С.* Из записок сельского учителя // Тобольские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1889. № 21 и 22.
21. Сибирская летопись // Сибирский вестник. 1885. № 9.
22. *Сулимов В. С.* Чувства добрые пробуждать. Из истории светской школы Тобольской губернии в конце XIX – начале XX в. Тюмень, 2004.
23. Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода // Школьный листок при Тобольских епархиальных ведомостях. 1914. № 4.
24. Устав о питейном сборе. СПб., 1873.

УДК 94(470.315) «1941/1945»
В. С. Околотин,
профессор, Ивановский государственный университет

СТРОИТЕЛЬСТВО ТРАКТОРНОГО И АВТОРЕМОНТНОГО ЗАВОДОВ В ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1943 ГОДУ

Данная статья посвящена строительству в 1943 г. в Ивановской области в сложнейших условиях военного времени тракторного (г. Владимир) и авторемонтного (г. Иваново) заводов. Их возведение регламентировалось постановлениями Совета Народных Комиссаров СССР и Государственного Комитета Обороны и сопровождалось совместными организационно-распорядительными решениями Ивановского обкома ВКП(б) и исполкома облсовета. Их введение в научный оборот позволяет преодолеть существующее пробелы в региональном историческом знании и в истории Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Совет Народных Комиссаров СССР, Государственный Комитет Обороны, постановления, строительство, тракторный и авторемонтный заводы

V. S. Okolotin,
Professor, Ivanovo State University

CONSTRUCTION OF TRACTOR AND CAR REPAIR FACTORIES IN THE IVANOVO REGION IN 1943

The article is devoted to the construction of the Tractor (Vladimir) and Car repair (Ivanovo) factories in 1943. Their construction was regulated by the decisions of the Council of People's Commissars of the USSR and the State Defense Committee and was accompanied by joint organizational and administrative decisions of the Ivanovo regional countertop (b) and the regional council executive committee (Until August 1944, Vladimir was part of the Ivanovo region). Their introduction to the scientific turnover can overcome existing gaps in regional historical knowledge and in the history of the Great Patriotic War.

***Keywords*:** Great Patriotic War, Council of People's Commissars of the USSR, State Committee of Defense, Resolution, Construction, Tractor and Author Repair Plants

Введение. К 1943 г. военная экономика Советского Союза через мобилизацию всех ресурсов вступила на новый более качественный этап своего развития. Он характеризовался вступлением в действие мощных производств, ростом сырьевых и энергетических ресурсов, абсолютным ростом общественного продукта и национального дохода. Ход войны стал определяться не только наличными ресурсами, которыми

© Околотин В. С., 2022

обладали воюющие стороны к началу войны, но и способностью использовать весь имеющийся в их распоряжении потенциал [1, с. 192]. В итоге в СССР, в том числе и на территории Ивановской области, развернулось строительство дополнительных цехов на оборонных предприятиях, новых заводов гражданского и военного назначения, а также линий электропередач. К их числу следует отнести расширение производственных мощностей оборонных заводов № 2 (г. Ковров) и «Автоприбор» (г. Владимир) для производства станковых пулеметов СГ-43 и взрывателей к противотанковым кумулятивным авиабомбам, а также новое строительство тракторного и авторемонтного предприятий во Владимире и Иванове соответственно. Именно их возведению, через обращение к постановлениям СНК СССР, ГКО, Ивановского обкома ВКП(б) и исполкома облсовета и уделено внимание автора в данной статье.

Итак, тракторный завод (г. Владимир). 14 и 24 февраля 1943 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР соответственно приняли постановления «Об организации Владимирского тракторного завода (НКСМ)». Руководителем нового предприятия был назначен бывший директор завода «Автоприбор» Я. И. Эпштейн. Строительные работы были возложены на 5 особое строительно-монтажное управление Для их исполнения 10 марта 1943 г. бюро обкома ВКП(б) и исполком облсовета приняли совместное постановление «О мероприятиях по выполнению решений ВКП(б) и СНК СССР об организации производства колесных тракторов УН-2 на базе бывшего завода № 303 в г. Владимире». Постановление предусматривало проведение целого комплекса организационно-административных мероприятий. Так, директора Владимирского тракторного завода (ВТЗ) Я. И. Эпштейна оно обязало подготовить и выдать 5 стройуправлению чертежи на достройку 1-го корпуса и жилого дома № 14, а также принять меры к возврату 300 рабочих, отмобилизованных для бывшего завода № 303. Начальнику 5 стройуправления Миронову было предложено закончить все подготовительные работы, подготовить бараки для приема рабочих, подъездные пути, стройматериалы, инструмент и автогужтранспорт и приступить с 15 марта к строительству тракторного завода.

Владимирскому горкому ВКП(б) и горисполкому было предложено через развитие социалистического соревнования мобилизовать коллектив рабочих и служащих 5 стройуправления на досрочное строительство, пуск и эксплуатацию завода. Постановление обязало зам. управляющего Ивэнерго А. В. Кондакова обеспечить стройплощадку завода снабжением электроэнергией и довести ее подачу, начиная с ноября 1943 г., до 3000 кВт. Руководители облторготдела и облплана обязывались обеспечить строителей и работников завода продуктами питания и строительными материалами. Принято к сведению заявление

начальника УНКВД по Ивановской области М. И. Маркеева о том, что силами УАС НКВД могут быть произведены работы по планировке территории, строительству дорог, коммуникаций и т. д.

Одновременно решено обратиться к руководителям ряда союзных управлений и наркоматов за помощью в обеспечении строительства завода инженерно-техническими работниками и квалифицированной рабочей силой. Так, решено просить начальника Управления трудовых резервов при СНК СССР П. Г. Москатова открепить ремесленное училище № 7 от завода «Автоприбор» и «считать его производственной базой Владимирского тракторного завода», а для подготовки рабочих массовых профессий организовать при заводе школу ФЗО.

Наркома по делам строительства СССР С. З. Гинзбурга решено просить укомплектовать 5 стройуправление необходимыми инженерно-техническими кадрами и квалифицированной рабочей силой. К наркому среднего машиностроения С. А. Акопову решено обратиться за помощью в ускорении разработки рабочих чертежей на строительство и монтаж объектов тракторного завода, а также командировать на ВТЗ 10–15 инженерно-технических и руководящих работников (гл. инженера, гл. технолога, гл. механика и др.) К зам. председателю СНК СССР Л. П. Берии было решено обратиться с просьбой дать указание о выделении строительству тракторного завода 2000 человек из числа военнопленных, размещенных в Ивановской области. От ЦК ВКП(б) и СНК СССР ждали помощи в передаче ВТЗ двух небольших заводов НКАП. Это мощности законсервированного завода № 328 со 130 рабочими для организации производства инструмента и обучения 700–800 человек учеников школ ФЗО. И второе предприятие – завод ОЗПО с литейным и механическим цехами, имевший 300 человек производственных рабочих, для производства специального оборудования.

В числе других мер, предложенных постановлением, были предусмотрены обращения в ЦК ВКП(б) и СНК СССР о передаче ВТЗ совхоза «Коммунар» Ивановского треста Наркомсовхоза РСФСР для создания базы продовольственного снабжения трудового коллектива строителей и работников завода [3, д. 743, л. 21–23]. В результате 28 апреля 1943 г. СНК СССР своим распоряжением обязал Наркомавиапром (А. И. Шахурина) передать НКСМ для ВТЗ завод № 328 со всем имуществом, оборудованием, а также кадровым составом [2, с. 301].

Одновременно с поиском квалифицированных рабочих кадров для строительства тракторного завода было решено задействовать гражданское население г. Владимира. Согласно решениям принятым горкомом ВКП(б) и городским партактивом в конце апреля, каждому члену партии и комсомола, трудящемуся города предстояло отработать на строительстве ВТЗ от 3 до 5 рабочих дней. Труд гражданского населения

предполагалось использовать на земляных, транспортных и подсобных работах, а также на складировании материалов [2, с. 303].

3 мая 1943 г. начальник 5 стройуправления Миронов в обращении к секретарю Владимирского горкома ВКП(б) попросил его, начиная с 4 мая ежедневно направлять на строительство ВТЗ по 200 человек, а по «дням отдыха по 500 человек». При наличии среди направляемых на работу лиц строительных профессий, говорилось в обращении, «последние будут использоваться по специальности». Кроме отправки гражданского населения он попросил рассмотреть возможность временного направления на строительство завода военнослужащих из частей местного гарнизона [2, с. 303].

7 мая 1943 г. бюро Ивановского обкома ВКП(б) и исполкома облсовета приняли очередное постановление «О ходе строительства Владимирского тракторного завода НКСМ». Необходимость его принятия была продиктована низкими темпами строительства ВТЗ, ремонта автотранспорта и строймеханизмов, заготовки строительных материалов и т. д. Предложенные в нем меры были адресованы директору ВТЗ Я. И. Эпштейну, начальнику 5 стройуправления Миронову, секретарям Владимирского горкома ВКП(б), секретарям ряда райкомов ВКП(б), а также председателям горрайисполкомов. Применительно к Я. И. Эпштейну они касались составления графиков работ на май и июнь 1943 г., набора рабочей силы и найма для нее жилых помещений. В свою очередь начальник 5 стройуправления Миронов обязывался восстановить кирпичный завод и с мая по август провести обжиг 2500 тыс. штук кирпича. Ему также предстояло оборудовать и сдать лагерь для военнопленных на 2000 человек. Секретари Владимирского горкома и райкомов ВКП(б), председатели исполкомов обязывались мобилизовать из числа трудоспособного городского и сельского населения 2750 человек, а также коммунистов и комсомольцев для работы на тракторном заводе. Однако, исходя из понимания того, что этого количества будет недостаточно было решено просить у ЦК ВКП(б) и СНК СССР мобилизовать для работы на ВТЗ еще 2000 человек из Ярославской, Кировской, Пензенской и Рязанской областей [3, д. 744, л. 92–94].

Несмотря на принимаемые меры, положение со строительством ВТЗ продолжало оставаться сложным. 14 октября 1943 г. наркомы по строительству и среднего машиностроения СССР С. З. Гинсбург и С. А. Акопов соответственно издали совместный приказ, который содержал обширный перечень указаний, направленных на усиление темпов строительства завода. Контроль за его исполнением был возложен на контрольно-инспекторскую группу Наркомстроя с ежедневным докладом о ходе выполненных работ [2, с. 341–342].

В завершении следует сказать о распоряжении ГКО № 4533 от 10 ноября 1943 г., подписанном В. М. Молотовым. Оно обязывало Наркомстрой, Наркомчермет и Наркомстройматериалов обеспечить проведение строительно-монтажных работ и подготовку к зиме, для чего снабдить, в том числе и ВТЗ, необходимыми материалами, а НКПС выполнить их своевременную доставку к месту назначения [2, с. 345].

Авторемонтный завод (г. Иваново). 27 июля 1943 г. ГКО принял секретное постановление «О плане ремонта автомобилей для Красной Армии и Военно-Морского флота на предприятиях промышленности и НКО в 3 квартале 1943 г.» [4, л. 118–124]. Данным постановлением был установлен план ремонта автомобилей и автомобильных моторов в следующих количествах: капитальный и средний ремонт 17389 и 7410 автомобилей соответственно и ремонт 3655 автомобильных моторов.

Для его выполнения постановление обязало С. З. Гинзбурга, начальника Главвоенпромстроя С. Г. Шапиро, наркома электростанций Д. Г. Жимерина и председателя Мосгорисполкома В. П. Пронина завершить работы по строительству и монтажу второго Московского и Ивановского авторемонтных заводов Наркомата автотранспорта РСФСР [4, л. 122]. Оно также обязало начальника Главного управления трудовых резервов при СНК СССР П. Г. Москатова организовать в 3 квартале 1943 г. на базе авторемонтных заводов в Саратове и Иванове две школы ФЗО с числом учащихся по 250 человек в каждой. Наркомату автотранспорта РСФСР предстояло подготовить для школ производственную базу, а Саратовскому и Ивановскому облисполкомам выделить помещения для организации общежитий. Весь выпуск этих школ закреплялся за Наркоматом автотранспорта РСФСР [4, л. 123].

Согласно приложению к постановлению Ивановский АРЗ должен был специализироваться на ремонте автомобилей ГАЗ-АА и моторов к ним. Всего заводу в 3 квартале предстояло отремонтировать 300 автомобилей и 50 моторов [4, л. 125]. Его надлежало обеспечивать электроэнергией, а трудовой коллектив продовольствием по «нормам особого списка» [4, л. 172,176].

Выводы по статье. Таким образом, в 1943 г. на территории Ивановской области практически с нуля было начато возведение тракторного и авторемонтного заводов. Если на ВТЗ предполагалось выпускать колесные тракторы УН-2, то на заводе в г. Иваново постановлением ГКО предстояло ремонтировать автомобили ГАЗ-АА и моторы к ним. Необходимость их строительства была продиктована потребностями действующей армии и тыла, и осуществлялось в соответствии с постановлениями ГКО, СНК СССР, ЦК ВКП(б), Ивановского обкома ВКП(б) и исполкома облсовета через привлечение возможностей различных наркоматов, мобилизацию гражданского населения, направление военнослужащих, использова-

ние военнопленных, размещенных в Ивановской области, а также напряженный труд работников возводимых предприятий.

Библиографический список

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 7: Экономика и оружие войны. М.: Кучково поле. 2013. 864 с.
2. Владимирский край в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: сборник архивных документов к 75-летию Великой Победы / Гос. архив Владим. обл.; отв. ред. Н. Д. Максимова; сост.: Т. А. Лашманова [и др.]. Владимир, 2020. 504 с.
3. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). ФП-327. Оп. 7.
4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф-644. Оп. 2. Д. 196.

УДК 970/980

С. А. Орлова,
старший преподаватель, Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

РАЗВИТИЕ НЕФТЯНОГО ДЕЛА В БАКИНСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (по материалам сенаторской ревизии А. М. Кузминского)

В 1905 году была проведена ревизия А. М. Кузминского города Баку и Бакинской губернии. В ходе ревизии сенатор обследовал развитие нефтяной промышленности на Апшеронском полуострове. А. М. Кузминский выявил нарушения при сдаче нефтеносных земельных участков, предложил программу реформ, направленных на развитие данной отрасли экономики России.

Ключевые слова: Ревизия сенатора А. М. Кузминского, нефтяная промышленность России, Апшеронский полуостров

S. A. Orlova,
Senior Lecturer, Ivanovo Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

DEVELOPMENT OF THE OIL BUSINESS IN BAKU PROVINCE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY (based on the materials of the senatorial revision of A. M. Kuzminsky)

In 1905, city of Baku and Baku province were revised by A. M. Kuzminsky. During the audit, the senator examined the development of the oil industry on the

© Орлова С. А., 2022

Absheron Peninsula. A. M. Kuzminsky revealed violations in the delivery of oil-bearing land plots, proposed a reform program aimed the development of this sector of the Russian economy.

Keywords: Revision of Senator A. M. Kuzminsky, oil industry of Russia, Absheron peninsula

Материалы сенаторских ревизий начала XX века являются ценнейшим историческим источником, как в капле воды отразившим важнейшие события того периода времени, содержащим глубокую аналитическую информацию о развитии всех сторон жизни общества, государства и экономики России. В частности, в материалах ревизии сенатора А. М. Кузминского имеется интересная информация о развитии нефтяного дела на Апшеронском полуострове в начале XX века. К сожалению, современные историки [1, с. 25–37], изучая указанную проблему, не обращаются к такому историческому источнику, как отчет (и краткая записка с основными выводами отчета) сенатора А. М. Кузминского о ревизии Баку и Бакинской губернии. Цель нашего исследования дать характеристику тех положений, которые содержатся в отчете и в краткой записке сенатора, ввести их в научный оборот.

Высочайшим повелением от 2 марта 1905 г. [8] на сенатора Александра Михайловича Кузминского (1844–1917) была возложена ревизия города Баку и Бакинской губернии в связи с кровавыми столкновениями, произошедшими между армянами и азербайджанцами 6–10 февраля 1905 г. [3, с. 1]. 23 марта 1905 г. сенатору была дана инструкция («разъяснения») о пределах его полномочий и о способе выполнения возложенного на него поручения [5].

Ревизующий сенатор поставил перед собой цель выяснить объем постигшего город и его население бедствия, характер «учиненных» при этом преступлений и выявить лиц, совершивших данные правонарушения [2, с. 1].

А. М. Кузминский, имевший за спиной огромный опыт работы в суде и прокуратуре [6, с. 51], подошел максимально ответственно к расследованию кровавого инцидента. Однако в Российском государственном историческом архиве содержится только текст отчета и краткая записка, но отсутствует делопроизводство ревизии [7].

События 6–10 февраля 1905 г. фактически были только поводом к глубокому обследованию всех сторон жизни города Баку и Бакинской губернии. Ревизия сочетала в себе признаки уголовного расследования, с одной стороны, и обзора, с другой.

Развитию нефтяного дела на Апшеронском полуострове А. М. Кузминский посвятил отдельный раздел своего отчета. Сенатор обнаружил существенные нарушения интересов казны в вопросе

использования государственных нефтеносных участков. Он писал: «…отдельные лица из местных жителей обнаруживали стремление к захвату казенных нефтеносных участков путем предъявления исков о давностном владении, восстановлении нарушенного владения и обращения взыскания по исполнительным листам к лицам, выдававшим себя за собственников земель, в действительности принадлежавших казне. В отчете перечислен ряд дел, в которых, благодаря отчасти безучастному и нерадивому отношению местного управления государственных имуществ к защите казенного интереса, мировые судьи постановляли решения, не выдерживающие сколь-нибудь снисходительной юридической критики. Действия нотариата в иных случаях поражали своею неправильностью. Тем не менее, за не обжалованием и не предъявлением казною исков о праве собственности на отошедшие от нее указанными путями земли, они переходили к частным лицам, быстро перепродавались и таким образом, поступая к промышленникам, служили к расширению разрабатываемой нефтяной площади» [3, с. 22–23].

Таким образом, искусственное сдерживание развития нефтяной промышленности путем не выпуска на рынок казной новых нефтеносных земель было успешно преодолено неправовыми путями при попустительстве местного управления государственных имуществ, указывает сенатор.

Как отмечал А. М. Кузминский, в 1896 году, после почти «четвертьвекового» перерыва, казна выпустила на рынок нефтеносные участки на двух условиях: а) обязательной минимальной годовой добычи нефти, за которую арендатор должен уплачивать попудный взнос и б) единообразной, определяемой на торгах, платы за каждый пуд. Тем не менее, нефтепромышленники добились замены единообразной платы градационной, т. е. постепенно понижающейся после обязательной минимальной добычи, что прямо противоречило статье 589 Устава горного, предусматривающей только неизменяемую попудную плату. А Министерство земледелия и государственных имуществ сдавало значительные земельные пространства под добычу нефти без торгов.

Причем в нарушении второго условия (обязательной сдачи в аренду нефтеносных земель с торгов) сенатор подозревал наличие коррупции в министерстве, хотя, прямо об этом не писал, ссылаясь на то, что «полномочия ревизии не предоставляли ей права исследовать вопрос по источникам министерства» [3, с. 25]. Однако обнаруженные и приведенные сенатором в отчете факты говорили сами за себя. Так, А. М. Кузминский в записке указывает, что в 1895 году в Раманинской даче фирме «Шибаев и К°» участок был сдан без торгов, в декабре 1895 министерство сдало участок в аренду фирме Манташева без торгов, а в следующем году братьям Нобель – тоже без торгов. Таким же образом

получило участки и Московско-Кавказское нефтяное промышленно-торговое товарищество. Причем речь шла о той самой Раманинской даче, которую хотела осваивать фирма «Шибаев и К°». Вот что писал сенатор о товариществе: «Этим предпринимателям сдан был означенный участок под добычу нефти, впредь до выработки, в прямое нарушение 587 ст. Устава горного (Т. VII св. зак., изд. 1895 г.), согласно которой сдача казенных нефтеносных земель частным лицам допускается не иначе, как с торгов и притом участками не свыше десяти десятин, тогда как в данном случае была отведена площадь в тридцать десятин в одном отрубе. Хотя право эксплуатации этого участка было обусловлено осушением средствами предпринимателей трех озер – Раманинского, Сабучинского и Забратского – отводом их вод в Каспийское море самотеком, тем не менее допущенное отступление от закона, точно определяющего порядок сдачи казенных земель, не находят себе объяснения ни в приобретаемых казною выгодах, ибо богатейший нефтяной участок сдан всего из 25 % отчисления в доход казны, тогда как участки вдвое меньшей продуктивности сданы были приблизительно около этого времени из расчета от 35 до 53 %, – ни в тяжести расхода предпринимателей на осушительные работы, стоимость коих была предложена в 700 тысяч рублей, а в действительности обошлась в 664751 р.» [3, с. 24].

По словам А. М. Кузминского, о том, что огромные выгоды извлекало товарищество из этого предприятия, свидетельствует его отчет за 1904 года, из которого видно, что чистая прибыль, при основном капитале в $4^1/_2$ миллиона, достигла более 1,5 млн рублей, что составляло 34,6 %. За вычетом единовременного расхода на осушение озер, чистая прибыль составила 22 %. Но расход этот в будущем, как указывал сенатор, не отразится уже на доходности предприятия. «Не мудрено, таким образом, что казна, при столь льготных и щедрых для предпринимателей условиях сдачи принадлежащих ей земель, извлекает из всей их площади всего около восьми миллионов рублей арендной платы», – возмущался А. М. Кузминский [3, с. 24].

Главное, на что обращал внимание сенатор в указанном деле, то, что сдача Московско-Кавказскому товариществу Раманинского нефтяного промысла была санкционирована Высочайше утвержденным 30 июля 1901 года положением Кабинета министров. В соответствии с этим положением 10 мая 1902 года с предпринимателями был заключен контракт, пункты которого нарушали предусмотренные положением основания сдачи промыслов. В частности, товарищество сначала должно было осушить озера, а потом начинать эксплуатацию месторождения (п. 2 положения). В противном случае надлежало удержать с товарищества залог (п. 32 контракта), что тоже сделано не было. При этом за два года до заключения указанного контракта несколько фирм произвели за

свой счет изыскания по отводу вод из трех озер и предложили условия, не уступавшие тем, которые положены в основание заключенного с Московско-Кавказским товариществом договора [3, с. 25].

Общий вывод, который сделал сенатор при расследовании порядка сдачи Раманинского промысла был таков, что «сдаче промысла последовала в прямое нарушение закона и в явный ущерб казне, так как устранено несомненное на торгах соревнование при наличности серьезнейших соискателей на эту аренду. Контракт с предпринимателями заключен с существенным отступлением от Высочайше утвержденного положения Комитета министров; отступление от него же допущено министром, разрешившим эксплуатацию промысла ранее отвода вод. За всем тем, требование контракта об удержании залога не выполнено» [3, с. 25–26]. В связи с этим А. М. Кузминский высказал сожаление по поводу того, что ревизия была лишена материала, объясняющего, ради достижения каких именно целей был допущен ряд неправильных действий, столь существенно отразившихся на интересах казны. Сенатор отмечает, что ущерб казна будет нести и дальше, поскольку промысел сдан «впредь до выработки», то есть до полного истощения.

Исследуя положение, сложившееся в нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности Бакинской губернии, сенатор поднял проблему монополизма и поставил вопрос о необходимости развития государственного сектора экономики и государственного регулирования. При этом А. М. Кузминского сложно заподозрить, например, в симпатиях к социалистам или другим левым партиям, которые указывали в своих программных документах на эти проблемы [9, с. 465, 468, 498–499, 533].

Сенатор в записке указывает: «…Сама природа сосредоточила на небольшом клочке земли громадные богатства, часть которых еще, можно сказать, совершенно не тронута. И распорядителями всех этих богатств, принадлежащих государству, является не оно само, а небольшая горсть людей, имеющих в своих руках одно сильное орудие – капитал. То государственное достояние, от которого зависит ныне судьба многих сот тысяч десятин леса, служит источником обогащения немногих людей, в своей коммерческой деятельности менее всего заинтересованных в государственной важности нефтяной промышленности, менее всего руководствующихся соображениями и побуждениями общественного характера» [3, с. 27–28].

В доказательство своих слов А. М. Кузминский приводил целый ряд фактов. Он, например, указывал, что продажа керосина и нефтяных остатков (мазута), находится в руках 4–5 крупных фирм, которые сами нефть добывают и перерабатывают. Из них особо выделялись иностранные фирмы братьев Нобель и Ротшильда. «Этот синдикат держит в своих

руках весь русский нефтяной рынок», – писал сенатор [3, с. 28]. Данные А. М. Кузминского о монополистических объединениях подтверждали позднее и советские ученые, в частности, З. И. Ибрагимов [4, с. 422].

Сенатор в своем отчете предложил целую программу реформ в этой области экономики, рекомендовав государству регулировать рыночные цены на топливо с целью их снижения и даже создать государственную регалию «в виде монопольного права государства быть распорядителем всего нефтяного рынка».

Таким образом, в отчете ревизующий сенатор не только проанализировал положение нефтяной промышленности в Бакинской губернии, выявил нарушения законности при сдаче нефтеносных земельных участков в аренду, совершенные в том числе министерством земледелия и государственных имуществ, но и внес свои предложения по усовершенствованию развития нефтяного дела в России.

Библиографический список

1. *Алиева С. И.* Азербайджан в экономической жизни народов Северного Кавказа (нефтяная промышленность: зарождение, развитие и трансформация) // Современная научная мысль. 2013. № 2.

2. Всеподданейший отчет о произведенной в 1905 году по Высочайшему повелению сенатором Кузминским ревизии города Баку и Бакинской губернии. СПб., Б. г.

3. Всеподданнейшая записка, содержащая главнейшие выводы отчета о произведенной в 1905 году, по Высочайшему повелению, сенатором Кузминским ревизии города Баку и Бакинской губернии. СПб., Б. г.

4. *Ибрагимов З. И.* Революция 1905–1907 гг. в Азербайджане // Революция 1905–1907 гг. в национальных районах России: сб. ст. / под ред. Л. М. Иванова, А. М. Панкратовой и А. Л. Сидорова. Гос. изд. полит. лит. М., 1955.

5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XXV. Отд. 1. 1905. СПб., 1908. № 26009.

6. Правительствующий Сенат. СПб., 1912.

7. Российский государственный исторический архив. Ф. 1535. Оп. I. Д. I.

8. Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1905. Отд. I. № 51. Ст. 404.

9. *Тютюкин С. В.* Меньшевизм: страницы истории. М.: РОССПЭН, 2002.

УДК 94(47)
А. П. Павленко,
Российский государственный профессионально-педагогический университет

ОБРАЗЫ А. В. КОЛЧАКА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ В МЕМУАРАХ ОФИЦЕРОВ-ЭМИГРАНТОВ

Рассматриваются воспоминания белых офицеров-эмигрантов, посвященные А. В. Колчаку. Делается вывод, что в мемуарах сформировались три образа А. В. Колчака: апологетический образ идеальной личности рыцаря-офицера; образ реального человека с достоинствами и недостатками; и критический, акцентировавший внимание на ошибках и негативных сторонах этой личности.
Ключевые слова: А. В. Колчак, Первая мировая война, Революция 1917 г., мемуары, белая эмиграция, русское зарубежье

A. P. Pavlenko,
Russian State Vocational Pedagogical University

A. V. KOLCHAK DURING THE FIRST WORLD WAR AND THE REVOLUTION: IMAGES IN THE MEMOIRS OF OFFICERS-EMIGRANTS

The article deals with the memories of white emigrant officers, sacred to A. V. Kolchak. It is concluded that in the memoirs formed three images of the admiral: the apologetic image of the ideal personality of the knight-officer; an image of a real person with strengths and weaknesses; and a critical image, focusing on the mistakes and negative sides of this person.
Keywords: A. V. Kolchak, World War I, Revolution of 1917, memoirs, white emigration, Russian abroad

А. В. Колчак в годы Гражданской войны был одним из лидеров антибольшевистских сил. В то же время рамками этой войны деятельность А. В. Колчака не ограничивалась. Он был активным участником Первой мировой войны, на посту командующего Черноморским флотом оставил след в начале революционных событий 1917 г. Этим периодам его биографии посвятили мемуары, главным образом, бывшие военные. Изучение их воспоминаний об А. В. Колчаке в годы Первой мировой войны и Революции 1917 г., реконструкция созданного образа этого офицера являются целью настоящей работы.

Контр-адмирал М. И. Смирнов оставил ряд работ мемуарного характера о А. В. Колчаке. Первые его воспоминания вышли в 1923 г. и

© Павленко А. П., 2022

были посвящены командующему Черноморским флотом в период Революции 1917 г. Сам мемуарист был очевидцем описываемых событий, тесно взаимодействовал с адмиралом. В мемуарах он дает характеристику своего командира, отмечая положительное и отрицательное: «Отличительными чертами А. В. Колчака были: прямота и откровенность характера, чистота убеждений, горячий патриотизм и доверие к сотрудникам. Презрение к личной опасности и ненависть к врагу выделяли его на войне среди окружающих. В отношении к подчиненным адмирал был строг, вспыльчив и в то же время бесконечно отзывчив. Он являлся кумиром молодых офицеров, старшие же не всегда его любили, так как системой его управления военными частями была требовательность и взыскательность по отношению к старшим начальникам и возложение на них ответственности за состояние их частей. Вспыльчивость его характера иногда переходила в резкость, не стесняясь положением лица, с которым он говорил» [8, с. 77].

В 1930 г. М. И. Смирновым была издана биография адмирала. Был добавлен еще ряд штрихов к ранее описанному образу адмирала, который всё больше идеализируется: «В личной жизни А. В. Колчак был чрезвычайно искренним, честным, отзывчивым и добрым человеком. Умный, образованный, он очаровывал в задушевной беседе. Прекрасный военный оратор, он краткой образной речью проникал в сердца слушателей и способен был увлекать за собой массы. Его правилом, как активного военного моряка, было нападать на врага, но он всегда умел взвешивать шансы успеха. В войне на море ему неизменно сопутствовало военное счастье, и операции, которые он вел, всегда были успешны…» [9, с. 59–60].

Описание адмирала как живого человека с его слабыми и сильными сторонами оставил в созданной в 1933 г. рукописи мемуаров полковник С. Н. Сомов. «Своим внешним видом, решительным тоном отдаваемых приказаний и краткой, ясной формулировкой их, он сразу внушал к себе доверие. … В боевой работе он никогда не боялся риска и даже часто без особой надобности злоупотреблял таковым, подвергая при этом излишней опасности корабли» [2, л. 124].

Автор воспоминаний считал, что адмирал не подходил для должности командующего флотом. У А. В. Колчака эмоции «всегда господствовали над скучными решениями холодного рассудка», «это был идеальный командир морской кавалерии (миноносцев), полный порыва, инициативы и смелости в решениях» [2, л. 124–125]. С. Н. Сомов отметил чрезмерную вспыльчивость и резкость адмирала. Вскоре это привело к тому, что несдержанный до крайности А. В. Колчак испортил отношения со старшими офицерами [2, л. 116–118, 145–147].

Описывая личность А. В. Колчака, мемуарист отмечал: «В обстановке войны, потрясений, он мог зажечь в массах энтузиазм, быть их Вождем, повести их за собой даже на верную смерть, но он не мог бы ими управлять в будничной ежедневной обстановке. Родившийся из войны, он с войной и умер бы. Сложные политические комбинации и интриги были чужды его прямой честной натуре. … По свойствам своего характера он был неподходящим человеком для занятия высокого государственного поста, так как своей резкостью мог вызвать только неприязненное чувство к представленной им власти и к себе лично…» [2, л. 125–126]. В то же время, описывая события первых недель Революции 1917 г. в Севастополе, С. Н. Сомов описывает А. В. Колчака как достаточно гибкого политика, способного найти общий язык с «революционной демократией».

Капитан 2 ранга Г. К. Граф, служивший на Балтике под командованием А. В. Колчака, оставил восторженное описание адмирала: «Весь его облик – олицетворение силы, ума, энергии, благородства и решимости. Ничего фальшивого, придуманного, неискреннего, всё естественно и просто. В нем есть что-то, приковывающее взоры и сердца; он с первого же взгляда располагает к себе и внушает обаяние и веру» [3, с. 210]. Контр-адмирал А. Д. Бубнов оставил следующую характеристику: «Смелый и до крайности решительный он подчинял своей железной воле не только своих сотрудников, но и своих начальников. Свои взгляды и требования он зачастую проводил, не останавливаясь перед сильной резкостью в своих отношениях с людьми. Его пылкая напряженная натура не терпела никаких препятствий, и в деле он всем своим существом «горел как в небе свеча»… А. В. Колчак не был любвеобильным семьянином, на первом месте у него была его работа и его служебный долг» [1, с. 229–230].

Контр-адмирал С. Н. Тимирев в своих мемуарах также посвятил ряд строк А. В. Колчаку. Именно от этого человека его жена, знаменитая Анна Васильевна, ушла к Колчаку. Но этот факт личной жизни мемуариста никак не повлиял на оценки личности соперника. С. Н. Тимирев отмечал, что А. В. Колчак, будучи штабным офицером Балтийского флота, «обладал изумительной способностью составлять самые неожиданные и всегда остроумные, а подчас и гениальные планы операций» [10, с. 12]. В 1915 г., временно возглавив Минную дивизию Балтфлота, А. В. Колчак «…успел развить самым плодотворным образом свою кипучую энергию. Он был создан для службы на миноносцах… Его оперативные замыслы, связанные с миноносцами, всегда были неожиданны, смелы и рискованны, но в то же время ему всегда сопутствовало счастье; однако это не было слепое счастье, а своего рода предвидение, основанное на охотничьей верности глаза и привычке к успеху» [10, с. 38–39].

Один из таких походов А. В. Колчака, правда, уже на Черном море, является центральным в мемуарах капитана 2 ранга А. М. Чернушевича. Он вспоминал, что назначенный на должность командующего флотом А. В. Колчак сразу же, по прибытии в Севастополь, повел корабли на перехват неприятеля. Хотя атакованный немецкий крейсер сумел уйти от преследования, мемуарист писал, что первый поход нового командующего был очень эффектен. Описывая настроения в Севастополе, в связи с назначением А. В. Колчака командующим, А. М. Чернушевич отмечал, что этот факт произвел заметное впечатление. «Флагманы и командиры призадумались, да и было от чего – все знали решительный, энергичный, суровый характер и личную храбрость нового командующего и его неудержимую вспыльчивость… Флагманы и командиры опасались ломки налаженного порядка, ломки совершенно недопустимой в условиях военного времени. Молодежь приняла назначение адмирала Колчака с восторгом – поход на Царьград обеспечен, мечтали многие» [12, с. 40–43].

Вице-адмирал Д. В. Ненюков в мемуарах так охарактеризовал А. В. Колчака перед Первой мировой войной: «…человек глубоко честный и преданный своему долгу. Карьеризма в нем не было никакого. … Он выдвигался исключительно своими делами, а не умением показать товар лицом. Его нельзя было назвать исключительно умным человеком, но он имел душу воина, и главным образом, порыв. Характер у него был очень решительный и порой задерживающие тормоза у него плохо действовали. Но вместе с тем он умел осознавать свои ошибки и принимать меры к их исправлению» [5, с. 174]. Как и А. М. Чернушевич, Д. В. Ненюков остановился на последствиях назначения А. В. Колчака командующим Черноморским флотом. В итоге получился очень живой и в то же время противоречивый образ адмирала. По оценкам мемуариста, назначение нового командующего «…вызвало громадное оживление. Энергичный адмирал, которого сразу прозвали железным за его неутомимость, заставил всех кипеть как в котле. При снисходительном, хотя и храбром, Эбергарде все немного распустились. Колчак сразу начал жесткую подтяжку. Начались беспрестанные выговоры и даже смены с командования прямо сигналом адмирала в море. Наступил своего рода террор. Молодежь восторгалась адмиралом, а люди постарше кряхтели и желали ему от души скорее сломать себе шею» [5, с. 198].

С приходом нового командующего изменилась жизнь в Севастополе. Мемуарист писал: «Адмирал Эбергард с началом войны отменил все балы и вечера и жизнь носила несколько монастырский характер. Адмирал Колчак говорил, что война – это нормальная жизнь воинов, поэтому она не должна ничем нарушать установившихся привычек и обычаев. С его приездом повсюду началось веселье, и сам он принимал

в нем участие» [5, с. 200]. Эта сторона севастопольской жизни адмирала находит подтверждение в воспоминаниях С. Н. Сомова: «Очень часто адмирал Колчак проводил вечера в морском собрании, где устраивались при его участии кутежи. Запрещенная водка в этих случаях подавалась в неограниченном количестве» [2, л. 121].

Критически оценивал личность А. В. Колчака бывший начальник штаба Севастопольской крепости генерал-майор Ф. П. Рерберг. Между штабами флота и крепости существовали напряженные отношения, что отразилось в оценках автора мемуаров. Генерал писал о первом впечатлении от А. В. Колчака: «В первый же день нашего знакомства на вокзале он мне не понравился: производил впечатление человека весьма нервного, принимавшего позы и жесты не натуральные, а как бы обдуманные, и это производило тяжелое впечатление; у него совершенно не было позы барина и высокого начальника, спокойно сознающего свою власть и силу, в чем я потом и убедился, видя, как он раздражался по пустым вопросам и начинал горячиться и кричать, швыряя телефонную трубку или пресс-папье в случаях, когда достаточно было спокойно приказать…» [7, № 10, с. 66]. Ф. П. Рерберг считал, что командующий Черноморским флотом распустил матросов, отдавал явно невыполнимые приказания, не заботился о нуждах Севастопольской крепости и города [7, № 10, с. 67–69; № 11, с. 52–55].

Ф. П. Рерберг полагал, что А.В. Колчак перед революцией 1917 г. был причастен к антиправительственному заговору [7, № 11, с. 56]. О действиях А. В. Колчака весной 1917 г. в начале революции мемуарист утрированно писал следующее: «Он не только не сопротивлялся всем новым требованиям демократии и не поплелся за ними на буксире, а сразу обогнал их: как человек с умом очень быстрым и нервным… он сразу понял своё место и пошел впереди товарищей по революционному пути, все время пользовался огромным авторитетом среди севастопольских революционеров, которые бегали к нему на корабль за всякими мелочами; все революционные распоряжения выполнялись по взаимному соглашению, Колчак первые дни не пропускал ни одного матросского митинга, и всюду был желанным человеком и своими речами ни разу не внёс ни единого диссонанса в общее настроение масс» [7, № 11, с. 56]. «Колчак делал всё возможное, чтобы сглаживать всякие признаки розни, существовавшей между корпорацией офицеров и нижних чинов» [7, № 12, с. 63].

Этот период жизни А. В. Колчака нашел отражение еще в нескольких мемуарах. Полковник Н. Н. Кришевский писал о встрече с А. В. Колчаком в 1916 г. и дал ему такую характеристику: «Высокий, бритый, с энглизированным лицом, с пронизывающим взглядом…, такой энергией и волей веяло от его сурового лица, что невольно верилось

его словам и надеждам» [4, с. 73]. В начале событий 1917 г. А. В. Колчака «уважали, ему верили и на него надеялись». Но, по мнению Н. Н. Кришевского, отличного от других мемуаристов, «не он был причиной порядка, не благодаря ему удалось удержать тысячи несознательных матросов от ужасов Кронштадта, разбоя и анархии. Все это сделала… партия социал-революционеров» [4, с. 89].

Служивший на Черном море капитан А. И. Хорошавин тоже оставил воспоминания о А. В. Колчаке. Его оценка адмирала восторженно возвышенная: «Встречаясь с Колчаком по делам службы и вне ее, я не мог не восторгаться его обаятельной личностью; это был благороднейший человек, кристальной чистоты, пылкий энтузиаст, горевший огнем неисчерпаемой энергии» [11, с. 8].

Контр-адмирал В. К. Пилкин написал очерк, сравнивающий двух современников-адмиралов: А. В. Колчака и М. К. Бахирева (командовал Балтфлотом). Автор писал: «Колчак был воином уж конечно не менее доблестным, чем Бахирев, но другого характера. Он не был спокойным и хладнокровным... Большой недостаток в военном человеке. Но у него были качества, которых не было у Бахирева: была инициатива, была смелость замысла» [6, с. 64].

Историческим фактом, важным для памяти офицеров о А. В. Колчаке, был эпизод, произошедший в Севастополе 6 июня 1917 г. При требовании матросов сдать оружие адмирал демонстративно выбросил в море Золотое оружие. Этот сюжет, с разной степенью подробности, отличаясь небольшими деталями, вошел во многие воспоминания офицеров.

В мемуарах офицеров-эмигрантов сформировались три образа А. В. Колчака. Первый – апологетический, характеризующийся восхвалением и идеализацией личности и деятельности адмирала. Второй образ – реальный человек, с достоинства и недостатками. При этом иногда допускалась и доля идеализации. Третий – критический, на первый план выводились недостатки и ошибки этого офицера. Преобладали первый и второй образы. А. В. Колчак был знаковой фигурой для белой морской эмиграции, вождем, погибшим в борьбе с красными. Это, естественно, налагало отпечаток на оценки мемуаристов.

Библиографический список

1. *Бубнов А. Д.* В Царской Ставке. Воспоминания адмирала Бубнова. Нью-Йорк, 1955.

2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6378. Оп. 1. Д. 1.

3. *Граф Г.* На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. Мюнхен, 1922.

4. *Кришевский Н.* В Крыму (1916–1918 гг.) // Архив Русской Революции. М., 1992. Т. 13.

5. *Ненюков Д. В.* От Мировой до Гражданской войны: Воспоминания. 1914–1920. М., 2014.

6. *Пилкин В. К.* Два адмирала // Морские записки. 1951. Т. 9.

7. *Рерберг Ф. П.* Вице-адмирал Колчак на Черноморском флоте / публ. А. В. Ганин // Военно-исторический журнал. 2008. № 10–12.

8. *Смирнов М. И.* Адмирал А. В. Колчак во время революции в Черноморском флоте // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о февральской революции 1917 г. М., 1991.

9. *Смирнов М. И.* Адмирал Александр Васильевич Колчак (краткий биографический очерк). Париж, 1930.

10. *Тимирев С. Н.* Воспоминания морского офицера. Балтийский флот во время войны и революции (1914–1918 гг.). Нью-Йорк, 1961.

11. *Хорошавин А.* Адмирал Колчак // Морские записки. 1951. Т. 9.

12. *Чернушевич А.* Первый поход с адмиралом Колчаком в Черном море // Морские записки. 1943. Т. 1. № 2.

УДК 94 (470)

А. А. Перевозников,
учитель истории, ГБОУ «Школа № 1468» (Москва)

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ СПОРТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА (на материалах Москвы)

В конце XIX – начале XX века в Российской империи наблюдается массовое увлечение спортом, в большом количестве создаются спортивные организации, в том числе и в Москве. В работе предлагается новый подход к классификации спортивных организаций на примере Москвы.

Ключевые слова: спорт, спортивные клубы, спортивные общества, спортивные организации

A. A. Perevoznikov,
History teacher, School № 1468 (Moscow)

TO THE QUESTION OF CLASSIFICATION OF SPORTS ORGANIZATIONS AT THE END OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES (on based of Moscow materials)

At the end of XIX – beginning of XX centuries, the idea of doing sports became very popular in Russian Empire, a lot of sports organizations were created at that time and Moscow wasn't an exception. In the article the author propose a new way to classify sports organizations based on the example of Moscow materials.

Keywords: sports, sports clubs, sports societies, sports organizations

© Перевозников А. А., 2022

Конец XIX – начала XX века в Российской империи ознаменован массовым увлечением спортом. Данный процесс сопровождался созданием частных спортивных организаций в виде кружков, обществ и клубов. Спорт становится модным увлечением, однако его определение в то время было достаточно широким, что осложняло вопросы классификации спортивных организаций. Данные вопросы были проанализированы на материалах спортивных организаций Москвы.

Целью работы являлся анализ понятия «спорт» в контексте конца XIX – начала XX века и разработка классификаций спортивных организаций Москвы на основе заявленных целей и анализе деятельности.

Понятие «спорт» в конце XIX – начала XX века отнюдь не предполагало регулярной тренировочной и соревновательной деятельности. Под «спортом» в то время понимались «занятия, как имеющие характер физических упражнений для развития силы, ловкости и красоты тела, так и вообще имеющие целью удовольствие» [1].

Также под «спортом» понимался «ряд действий, не производимых с целью заработка, для исполнения которых требуется сила, ловкость, выносливость и отвага» [2, с. 8].

Соответственно понятие «спортсмен» определялось следующим образом: «Тот, кто не преследует в спорте никаких личных целей, кто занимается спортом не для удовлетворения своего тщеславия, не из корысти, не из зависти успехам других, а исключительно из любви к борьбе, к соревнованию. Только тот может быть назван спортсменом, кто ради спорта способен перенесть целый ряд трудностей, лишений и неудобств, и кто не требует за это никакой награды, а удовлетворяется одним лишь сознанием совершенного им спортивного подвига» [2, с. 10].

Таким образом, под категорию «спорт» и «спортсмен» подходили совершенно разнообразные увлечения, порой далекие от современного понимания спорта.

Классификация спортивных организаций была предложена еще циркулярами Министерства внутренних дел в 1906 году. Так, среди обществ, чьи уставы представлялись на утверждение МВД среди прочих выделялись: 1) общественные собрания и клубы (например, шахматные общества); 2) общества спортивные (например, автомобильные и гимнастические общества); 3) человеколюбивые и детолюбивые общества (например, общества содействия физическому развитию детей) [3, л. 1].

При классификации спортивных обществ можно выделить два четко выраженных периода: 1 период – с 1867 по 1909 год и 2 период – с 1910 по 1917 год.

Первый период охватывает время от создания первой спортивной организации Москвы («Московский речной яхт-клуб») до 1909 года, когда в справочниках «Вся Москва» появляется раздел «спортивные

общества». В данный период спортивные организации были немногочисленными, их количество в Москве в начале XX века составляло 15–20 организаций.

Что это были за организации? Все ли они могут быть классифицированы как спортивные? Во-первых, отдельно можно выделить педагогические организации, такие как «Московское гигиеническое общество» и «Общество содействия физическому развитию», созданные в конце XIX века и ставившие цели распространения знаний о физическом воспитании [4, л. 3].

Во-вторых, огромный пласт составляют охотничьи общества и общества, связанные с разведением и испытанием лошадей. В отношении этих обществ уместно говорить не как о спортивных организациях, а как об о «общественно-полезных» или «практических» обществах.

Особняком стоят шахматные и автомобильные клубы. Первые относились к категории общественных собраний, а вторые к техническим обществам, где двигательная активность членов практически не наблюдалась.

Таким образом, за период с 1867 по 1909 год мы видим в Москве около 15 организаций, которые можно признать спортивными. Особенностью этих организаций являлось то, что в их названии присутствовало указание на конкретный вид спорта, который данные общества развивали. В Москве в данный период существовали 8 (!) велосипедных, два гимнастических, два лыжных, конькобежное и теннисное общества, а также речной яхт-клуб, развивавший гребной спорт.

Второй период охватывает время с 1910 по 1917 год. С 1910 года резко увеличивается количество спортивных организаций в Москве и московских пригородах, в так называемых дачных местностях. Этот процесс будет продолжаться до 1914 года, с началом вступления России в Первую мировую войну количество спортивных организаций Москвы уменьшится, однако принципы, положенные в основу классификации сохранятся.

Главная особенность этого периода заключается в появлении многопрофильных спортивных организаций, которые развивали как летние, так и зимние виды спорта. Первая подобная организация в Москве («Сокольнический клуб спорта») была создана еще в 1905 году, однако это было исключение из правил [5, л. 1].

В данный период наблюдается следующая тенденция. Во-первых, «старые» спортивные организации, сохраняя свое прежнее название, переквалифицируются в многопрофильные спортивные объединения, например, «Московский клуб лыжников» и «Общество любителей лыжного спорта» станут флагманами Москвы в легкой атлетике, теннисе и футболе.

Во-вторых, создаваемые в 1910-е годы спортивные кружки и общества будут использовать в своем названии понятие «спорт» и территориальную или национальную принадлежность, например, «Замоскворецкий клуб спорта», «Измайловский клуб спорта», «Британский клуб спорта».

Конечно, исключения были, например, «Московское общество гимнастов», однако в целом однопрофильные спортивные организации постепенно исчезают или отходят на второй план. Так, прекратили свое существование практически все велосипедные организации, а те, которые сохранились, например, «Московский клуб велосипедистов», ограничивались внутренней жизнью и соревнованиями.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. В конце XIX – начале XX века в Российской империи активно развивается спорт и постепенно складывается разветвленная сеть спортивных организаций. Однако в отличии от современного общества «спорт» не рассматривался как соревновательная деятельность, основанная на физической активности. В основе понятия была бескорыстная (непрофессиональная) деятельность, связанная с получением удовольствия, и только в начале XX века это удовольствие стали связывать с необходимой двигательной активностью.

2. Исходя из эволюции определения понятия «спорт» в конце XIX – начале XX века была предложена классификация общественных организаций, так или иначе причисляемых к «спортивным». Она включает в себя: 1) педагогические организации, созданные в конце XIX века и ставившие целью распространение знаний о физическом воспитании; 2) охотничьи общества и общества, связанные с разведением и испытанием лошадей. В отношении этих обществ уместно говорить о них как об «общественно-полезных» или «практических» обществах; 3) шахматные и автомобильные клубы. Первые относились к категории общественных собраний, а вторые к техническим обществам, где двигательная активность членов практически не наблюдалась; 4) собственно спортивные организации. В Москве в конце XIX века существовали велосипедные, гимнастические, лыжные, конькобежное и теннисное общества, а также речной яхт-клуб, развивавший гребной спорт.

3. Эволюция понятия «спорт» в начале XX века не позволяет причислить к спортивным организациям первые три выделенные категории. Однако к спортивным организациям можно добавить автомобильные общества и клубы, которые регулярно устраивали гонки и пробеги. Важность классификации спортивных организаций объясняется путаницей в причислении обществ к тому или иному направлению. Так в справочных адрес-календарях «Вся Москва» в разделе «спортивные

общества» можно встретить «Московское общество любителей фокстерьеров и такс», что вызывает, как минимум, удивление [6].

4. В истории спортивных организаций Москвы дореволюционного периода четко прослеживаются два периода: с 1867 по 1909 год и с 1910 по 1917 год. Граница – 1909–1910 год – связана с оформлением понятия «спортивные организации» и переход к многопрофильным спортивным организациям, которые в Советском Союзе будут известны как «добровольные спортивные общества».

Таким образом, многообразие общественных организаций Москвы в конце XIX – начале XX века ставит вопрос о их детальной классификации, в основе которой будет использоваться смысл понятий, характерных для изучаемого периода.

Библиографический список

1. Спорт // Малый энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. 2-е изд. Т. 2. Вып. 4. СПб., 1909.

2. Ежегодник Общества любителей лыжного спорта в Москве на 1910/1911 г. М., 1910.

3. Центральный Государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 64. Московское губернское по делам об обществах присутствие. Оп. 1. Д. 1. Распоряжения и циркуляры Министерства внутренних дел о порядке организации деятельности обществ и союзов (1905–1915).

4. Центральный Государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 16. Канцелярия Московского генерал-губернатора. Оп. 129. Д. 125. Об утверждении устава Московского общества содействия физическому развитию (1895).

5. Центральный Государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 16. Канцелярия Московского генерал-губернатора. Оп. 139. Д. 106. О ходатайстве французского гражданина Мусси об утверждении проекта устава Сокольнического клуба спорта (1905).

6. Вся Москва. Справочник и адрес-календарь на 1917 год.

УДК 94(47).083
И. Б. Полуэктов,
заведующий архивом, Самарский государственный медицинский университет

ОФИЦЕРСКИЙ СОСТАВ АРМЕЙСКИХ ГУСАРСКИХ ПОЛКОВ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(на примере 5-го гусарского Александрийского полка)

В статье предпринята попытка краткого анализа социального происхождения, возраста, служебного положения офицеров 5-й гусарского Александрийского Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка как характерных представителей офицерского состава армейских гусарских полков накануне Первой мировой войны.
Ключевые слова: Русская императорская армия, офицерский корпус, русская регулярная кавалерия, 5-й гусарский Александрийский полк, Самара

I. B. Poluektov,
Head of the Archive, Samara State Medical University

OFFICERS OF THE ARMY HUSSAR REGIMENTS OF THE RUSSIAN IMPERIAL ARMY ON THE EVE OF THE FIRST WORLD WAR
(on the example of the 5th Hussar Regiment of Alexandria)

The article attempts to give a brief analysis of the social origin, age, and official status of the officers of the 5th Hussar Alexandrian Her Majesty Empress Alexandra Feodorovna's regiment as typical representatives of the officers of Hussar regiments' army on the eve of the First World War.
Keywords: Russian Imperial Army, officer Corps, Russian Regular Cavalry, 5th Hussar Alexandrian Regiment, Samara

В постсоветской России продолжает сохраняться и углубляться интерес к изучению истории Русской императорской армии (РИА), в том числе таких её аспектов, как формирование русского офицерского корпуса, его структура, состав и численность, механизмы комплектования и подготовки, порядок прохождения службы офицерами.

В современной отечественной историографии прорывом в изучении данного вопроса можно считать исследование С. В. Волкова [2], где впервые в обобщённом виде представлена информация о социальном облике русского офицерства, его положении в русском обществе, идеологии и морали, подготовке, обучении, вопросах прохождения службы,

© Полуэктов И. Б., 2022

благосостоянии и бытовых условиях офицеров Российской империи [2, с. 367–368]. Несвободная от определённых идеологических штампов начала 1990-х гг., данная работа, тем не менее, длительный период времени оставалась по сути единственным обобщающим исследованием данной проблемы. В 2010–2020-х гг. значимый вклад в изучение положения офицерского корпуса РИА накануне Первой мировой и в ходе Гражданской войны внёс ряд столичных [3] и региональных историков [5; 10]. Колоссальное количество информации, в том числе архивного характера, о состоянии Русской императорской армии и её офицерского корпуса перед потрясениями 1914–1917 гг. сконцентрировано на электронных информационных ресурсах: в открытой базе данных «Офицеры русской императорской армии» [7] и на Портале «Памяти героев Великой войны 1914–1918 годов» [9].

В то же время, несмотря на значительный объём обобщающей информации в целом по русскому офицерскому корпусу, требует дополнительного изучения постоянный состав воинских частей, размещённых во внутренних округах Российской империи. Данные полки, несмотря на свою героическую судьбу и значимый вклад в защиту Отечества, зачастую не оставили полковых летописей, что требует от современных исследователей обратить внимание на данный аспект работы по сохранению исторической памяти о героических страницах военной истории нашей Родины.

В этой связи представляет интерес для исследователя проведение анализа социального происхождения, возраста, служебного положения, образовательного уровня офицеров армейских кавалерийских полков РИА. Данное обстоятельство определяется в том числе сравнительной малочисленностью данного рода войск (так, к началу Первой мировой войны, русская конница состояла из 57 регулярных полков: 21 драгунского, 18 гусарских, 17 уланских и Крымского конного [1, с. 222–224; 6, с. 2]), что предоставляет возможность более детально и индивидуально изучить различные нюансы биографий и служебной деятельности офицеров-кавалеристов.

При этом хотелось бы отметить одну особенность, характерную именно для кавалерийских офицеров: «<…> наша доблестная конница представляла как бы особую, замкнутую касту <…>. Наличие всего лишь трёх кавалерийских училищ вливало в <…> полки вполне однородный элемент, <…> проникнутый глубокой любовью к конному делу и бесконечно гордящийся званием кавалерийского офицера. Эта однородность состава создавала крепкую спайку среди офицеров родного полка, а ограниченное количество полков и <…> училищ закрывало в <…> касту доступ всяким самозванцам» [1, с. 224–225].

И в рядах этой «касты» по праву выделялся 5-й гусарский Александрийский Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полк.

Александрийские гусары вели свою историю из 80-х годов XVIII в., когда 24 июня 1783 г. по приказу императрицы Екатерины II генерал-майор барон Иван Евстафьевич Ферзен сформировал на базе Далматского и Македонского поселенных гусарских полков 6-ти эскадронный Александрийский легкоконный полк. При этом старшинство вновь организованной воинской части было определено с 11-го августа 1776 г., т. е. с даты создания её предшественников [8, с. 89–90]. За время своего существования полк отличился во многих сражениях и битвах, приобрёл неофициальные, но весьма распространённые наименования: «чёрные (бессмертные) гусары» и пользовался высоким авторитетом среди других, не менее заслуженных воинских частей русской конницы. Этому способствовали как шефство над частью супруги Императора и зачисление в списки полка Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича [8, с. 103], так и боевые заслуги офицеров и нижних чинов полка.

В частности, с момента сформирования полка вплоть до его роспуска в рамках демобилизации «старой армии» 29 января 1918 г. орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия было награждено 25 офицеров (из них двое – за подвиги на полях сражений Первой мировой войны). С 1807 г. более 500 нижних чинов были пожалованы Знаком отличия Военного ордена (с 1913 г. – Георгиевский крест). По количеству награждённых офицеров 5-й гусарский Александрийский Ея Величества полк занимал ШЕСТОЕ место среди всех полков русской кавалерии, отдавая первые позиции гвардейским конным частям и будучи ВТОРЫМ по наградам (после 17-го драгунского Нижегородского полка) в ряду армейских кавполков [8, с. 98].

Что же представляли из себя офицеры, проходившие службу накануне Великой войны в 5-м гусарском Александрийском полку, дислоцировавшемся в 1910–1914 гг. в г. Самаре?

По штату в армейском кавалерийском полку следовало иметь 40 офицеров: 2 полковников, 2 подполковников, 6 ротмистров, 30 штабс-ротмистров, поручиков и корнетов, а также 6 классных и медицинских чиновников, включая священника. На 1 января 1914 г. в Александрийском полку состояли по списку 41 офицер (2 полковника, 2 подполковника, 6 ротмистров, 31 младший офицер) и 8 классных чиновников. Кроме того, к данной воинской части были прикомандированы 2 офицера из других полков 5-й кавалерийской дивизии [11, л. 20 об.].

По социальному происхождению большинство из них принадлежало к правящему классу Российской империи – дворянству: 35 человек

(85,37 %), среди которых двое – командир полка полковник Сесиль Артурович барон фон Корф и корнет Патрик Эмилианович граф Игельстром – являлись представителями титулованной знати [11, л. 1 об., 13 об.]. Из почётных граждан происходило 4 офицера (9,76 %) [11, л. 3 об., 8 об.–10 об.], из крестьян – 1 (2,44 %) [11, л. 3 об.]. Один офицер являлся сыном коллежского секретаря [11, л. 11 об.].

Данные цифры серьёзно отличались от общероссийских показателей: в русской армии (по данным на 1912 г.) классовый состав офицерства выражался в следующем виде (в %, в среднем): дворян – 69,76 %; почётных граждан – 10,89 %; духовенства – 3,07; «купеческого звания» – 2,22; «податного сословия» (крестьян, мещан и др.) – 14,05. Среди генералов потомственные дворяне составляли 87,45 %, среди штаб-офицеров (подполковники-полковники) – 71,46 % и среди остального офицерства – 50,36 %. Из «податного сословия» больше всего было обер-офицеров – 27,99 %, а среди генералов представители этой социальной группы занимали всего 2,69 % [4, с. 100].

Все офицеры полка имели военное образование, окончив одно из трёх имевшихся на тот период в Российской империи кавалерийских училищ: Елисаветградское – 17 человек (41,5 %), Николаевское – 12 (29,3 %), Тверское – 10 (24,4 %). Кроме того, два офицера (4,88 %) – штабс-ротмистр В. В. Кондоиди и поручик А. В. Карцов – окончили Пажеский Его Императорского Величества корпус [11].

По срокам выслуги в офицерских чинах Александрийцы подразделялись следующим образом: свыше 30 лет – 1 (2,44 %; полковник Н. Л. Михонский); свыше 25 лет – 1 (2,44 %; полковник С. А. барон фон Корф); 25 лет – 1 (2,44 %; подполковник В. В. Орачевский); 23 года – 1 (2,44 %; подполковник А. И. Чупрунов); 17 лет – 2 (4,88 %; ротмистры Г. Ф. Беккер и А. А. Павлов; 16 лет – 1 (2,44 %; ротмистр Пузыревский); 15 лет – 3 (7,32; ротмистры М. Ф. Дерюгин, А. Е. Радецкий, М. М. Хондзынский; 13 лет – 1 (2,44 %; штабс-ротмистр В. В. Доможиров; 12 лет – 1 (2,44 %; штабс-ротмистр В. М. Барнов; 11 лет – 1 (2,44 %; штабс-ротмистр С. А. Топорков); 9 лет – 1 (2,44 %; штабс-ротмистр В. В. Кондоиди); 8 лет – 2 (4,88 %; штабс-ротмистр С. П. Гейсман и поручик Т. К. Арсеньев; 7 лет – 1 (2,44 %; поручик И. Л. Кудряшов); 6 лет – 4 (9,76 %; поручики Д. О. Вебер, И. А. Глебов, А. В. Карцов, А. П. Шахназаров; 4 года – 2 (4,88 %; поручики Д. И. Камбулин и К. К. Соколов; 3 года – 4 (9,76 %; корнеты И. С. Варпеховский, А. А. Гальченко, С. К. Голиков, А. Е. Поповицкий); 2 года – 8 (19,51 %; корнеты Г. Я. Бек-Мармарчев, А. А. Верховский, К. Н. Жданов, В. В. Жеребятьев, К. Д. Науменко, Н. Л. Равва 1-й, П. Л. Равва 2-й, Н. Л. фон Шлихтинг); до 1 года – 6 (14,63 %; корнеты С. А. Алашеев,

К. К. Батюшков, В. К. Дмитриев, П. Э. граф Игельстром, А. А. Карамзин, Е. Н. Киленин) [11].

Исходя из представленных данных, 18 офицеров полка (43,9 % от общей численности офицерского состава) имели срок службы до 3-х лет, вследствие чего не обладали достаточным опытом руководства воинскими коллективами. Данное обстоятельство в условиях предстоящих боевых действий порой приводило к принятию ими необоснованных командирских решений, невыполнению вследствие этого поставленных боевых задач, неоправданным потерям среди личного состава и собственной гибели. Именно так погиб будущий кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени (посмертно) корнет К. К. Батюшков, организовавший в нарушение полученного приказа преследование противника, попавший затем в окружение и погибший в ходе неравного боя вместе с 11 подчинёнными [12].

В целом же, офицерский состав полка представлял собой достаточно профессиональный и высокомотивированный воинский коллектив, более половины представителей которого, придерживаясь в основном монархических взглядов, в ходе последующей Гражданской войны поддержало белую сторону и затем отправилось в эмиграцию. В частности, из 41 офицера, числившегося в полку на начало 1914 г., 2 (4,88 %) погибли до начала Первой мировой войны (корнет А. А. Верховский разбился на скачках, корнет П. Э. граф Игельстром застрелился), 3 (7,32 %; корнеты К. К. Батюшков, В. В. Жеребятьев и Н. Л. Равва 1-й) пали в сражениях на русско-германском фронте, 7 (17,07 %) не принимали участие в боевых действиях гражданского противостояния по различным причинам, в отношении 5 (12,2 %) сведений найти не удалось, 24 (58,53 %) участвовали в борьбе против Советской власти [12]. Этому обстоятельству, по мнению автора, способствовали в том числе соответствующее воспитание и классовое происхождение офицеров-александрийцев.

Библиографический список

1. *Бегунова А. И.* Сабли остры, кони быстры…: Из истории русской кавалерии. М.: Мол. гвардия, 1992. 256 с.

2. *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. 368 с.

3. *Ганин А. В*. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг. М.: Центрполиграф, 2019. 318 с. (Новейшие исследования по истории России). ISBN 978-5-227-08672-3.

4. История Первой мировой войны. 1914–1918: в 2 т. / под ред. д-ра ист. наук И. И. Ростунова; АН СССР. Ин-т воен. истории М-ва обороны СССР. Т. 1. М.: Наука, 1975. 446 с.

5. *Кунжаров Е. М.* Офицерский состав 25-го Восточно-Сибирского стрелкового генерал-лейтенанта Кондратенко полка в 1908–1910 годах // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 3 (41). С. 100–102. DOI 10.18324/2224-1833-2020-3-100-102.

6. *Малинко В.* Справочная книжка для офицеров. 7-е изд. М., 1915. 996 с.

7. Офицеры русской императорской армии. URL: https://www.ria1914.info/index.php/ (дата обращения: 03.01.2022).

8. *Полуэктов И. Б., Юсупова С. Н.* Шефские части Русской императорской армии (на примере 5-го гусарского Александрийского полка) // Георгиевские чтения: сборник трудов по военной истории Отечества. Вып. 2 / ред.-сост. К. А. Пахалюк. Изд. дом «Российское военно-историческое общество»; М.: Вече, 2022. 464 с. (Библиотека Российского военно-исторического общества).

9. Портал «Памяти героев Великой войны 1914–1918 годов». URL: https://gwar.mil.ru/about/ (дата обращения: 03.01.2022).

10. *Романов Н. Н.* К опыту исследования офицерского корпуса русской армии на рубеже XIX–XX вв. // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2017. Т. 11, № 2. С. 46–49.

11. Список (по старшинству в чинах) генералам, штаб и обер-офицерам и классным чиновникам 5-го гусарского Александрийского ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ полка. К 1-му января 1914 года. № 91 // РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 430.

12. *Топорков С. А.* Воспоминания // Коллекция документов Музея 5-го гусарского Александрийского Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка (г. Самара).

УДК 323.28(075.8)

А. А. Прибытков,
доцент, Воронежский государственный технический университет
Т. Г. Чекменёва,
доцент, Воронежский государственный технический университет

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МОЛОДЁЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В РОССИИ: ПРИЧИНЫ И ПРОЯВЛЕНИЯ

В статье рассмотрены причины и проявления молодёжного экстремизма в России, который является одним из факторов, угрожающих национальной безопасности и целостности государства.

Ключевые слова: молодёжный экстремизм, экстремистская организация, экстремистские материалы

© Прибытков А. А., Чекменёва Т. Г., 2022

A. A. Pribytkov,
Associate Professor, Voronezh State Technical University
T. G. Chekmeneva,
Associate Professor, Voronezh State Technical University

THE MODERN CONDITION OF YOUTH EXTREMISM IN RUSSIA: REASONS AND MANIFESTATION OF IT

The article deals with the reasons and manifestations of youth extremism in Russia, which is one of the factors threatening national security and integrity of the state.
***Keywords*:** Youth extremism, extremist organization, extremist materials

В настоящее время экстремизм носит многогранный характер и выступает дестабилизирующим фактором в жизни государства и общества. Экстремизм может распространяться как на сферу общественного сознания, общественной психологии, морали, идеологии, так и на отношения между социальными группами (социальный экстремизм), этносами (этнический или национальный экстремизм), общественными объединениями, политическими партиями, государствами (политический экстремизм), конфессиями (религиозный экстремизм).

Федеральный закон РФ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 года № 114 – ФЗ четко определяет, какие процессы относятся к экстремизму, это: деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на:

– насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;

– подрыв безопасности Российской Федерации;

– захват или присвоение властных полномочий;

– создание незаконных вооруженных формирований;

– осуществление террористической деятельности;

– возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию;

– унижение национального достоинства;

– осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой – либо социальной группы;

– пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;

– пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

– публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или совершению указанных действий;

– финансирование указанной деятельности либо иное содействие ее осуществлению или совершению указанных действий, в том числе путем предоставления для осуществления указанной деятельности финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально – технических средств.

Экстремистская организация – общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности», судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности

Экстремистские материалы – предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы [9].

Так, Следственный комитет РФ (СК) летом 2020 года завел несколько уголовных дел после публикаций на сайте проекта «Бессмертный полк» фотографий нацистов, в том числе Адольфа Гитлера. Уголовные дела возбуждены по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 354.1 УК (реабилитация нацизма, то есть одобрение преступлений, установленных приговором Нюрнбергского военного трибунала). Предусмотрено наказание штрафом в размере до 300 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок. Суды, в основном, приговаривают к штрафам, но 19-летний пермяк Даниил Симанов, разместивший на сайте проекта «Бессмертный полк» фотографию изменника Родины – Андрея Власова, получил 200 часов обязательных работ. «Подобные действия преследуют цель одобрения преступлений нацистско-

го режима, установленных приговором Международного военного трибунала в Нюрнберге», – говорится в сообщении пресс-службы СК [6].

Всероссийский центр изучения общественного мнения опубликовал данные исследования о восприятии россиянами инцидента, случившегося в ходе онлайн-акции «Бессмертный полк». Согласно ему, 83 % респондентов осуждают попытки зарегистрировать на акцию офицеров нацистской Германии, а 40 % расценивают это как оскорбление памяти и подвигов советских воинов [3].

В сентябре 2020 года в СК было создано специальное подразделение по расследованию преступлений, связанных с реабилитацией нацизма и фальсификацией истории Отечества [7].

В опубликованном МВД отчете о состоянии преступности указано, что в 2020 году существенно выросло число зарегистрированных преступлений террористического характера и экстремистской направленности. В 2020 году в Число зарегистрированных преступлений экстремистской направленности выросло на 42,4 % и достигло 833. Отдельно было подсчитано число зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. По ст. 280 УК (публичные призывы к экстремистской деятельности) таких было 340 (на 32,3 % больше, чем в 2019 году), 187 из них выявили в МВД, 133 – в ФСБ, два – в СК [5].

Данные о числе приговоров, вынесенных в 2020 году за преступления экстремисткой направленности и террористического характера, озвучил 9 февраля 2021 года председатель Верховного суда России Вячеслав Лебедев на общероссийском семинаре-совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов. По его словам, по «террористическим» статьям осуждены были 575 лиц, а за преступления экстремистской направленности – 325 лиц. Годом ранее, как указал Лебедев, в 2019 году за преступления террористического характера были осуждены 540 человек, а за экстремистские – 335 лиц. Таким образом, по «террористическим» статьям число приговоров выросло лишь на 6,9 %, а по «экстремистским» – снизилось на 3 % [1; 2].

Причины распространения молодежного экстремизма следует искать в общественно-политических и социально-экономических преобразованиях, происходивших в России с конца 80-х годов XX века и предопределивших появление в стране неформальных субкультурных молодежных сообществ, деятельность которых в большинстве своем впоследствии приобрела экстремистский характер [8].

Начиная с 90-х годов прошлого века на россиян обрушился мощнейшим поток насилия и национализма, распутства и разврата, которым грешат многие СМИ, особенно телевидение и так называемая «желтая пресса» [4; 10]. Под этим прессингом вырастает уже втрое поколение

россиян. Лишенные моральных и духовных ориентиров, воспринимая искаженное представление о духовных, общечеловеческих ценностях, молодые люди зачастую становятся доступной добычей манипуляторов от экстремизма [13].

Особенно тревожит то, что деструктивные идеи национализма и религиозного экстремизма в первую очередь затронули именно молодых россиян. В преодолении этих негативных процессов чрезвычайно важна роль семьи, педагогов, старшего поколения, религиозных общин, общественных организаций [14].

Особая роль в формировании личности молодого поколения принадлежит семье. На фоне широкого распространения пьянства и наркомании возрастает количество неполных, неблагополучных семей, число беспризорных детей. Нередко подростки, обделенные родительским теплом и вниманием, озлобленные равнодушием общества, пополняют ряды преступников, в том числе террористов и экстремистов [12].

Особую роль для увеличения численности своих сторонников лидеры и активисты радикальных политизированных структур отводят вербовочной работе в образовательных учреждениях [11].

Молодежный экстремизм на территории Российской Федерации представляет собой трехуровневую систему:

- первый уровень, организационный, предполагает формальное и неформальное членство в организациях и движениях экстремистского толка;
- второй уровень, ментальный, представлен экстремистской политической культурой, а также деструктивными действиями средств массовой коммуникации (экстремистские идеи, ценностные ориентации);
- третий уровень, поведенческий, на котором проявляются конкретные действия и поступки экстремистского толка.

Анализ имеющихся материалов свидетельствует, что экстремизм становится самодостаточным социальным фактором, по целям и разрушительному потенциалу равным, а в определенных условиях и превосходящим террористическую угрозу национальной безопасности государства. Если терроризм, бесспорно, отвергается обществом, то экстремизм – ключевой элемент разрушения основ конституционного строя, все еще воспринимается гражданами как вполне допустимый инструмент политического противостояния.

Библиографический список

1. В России в прошлом году за терроризм осудили 600 человек // ТАСС. 2021. 9 февраля. [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/obschestvo/10659003

2. В России в 2019 году за терроризм и экстремизм осудили почти 900 человек // ТАСС. 2020. 11 февраля. [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/obschestvo/7733351

3. ВЦИОМ: россияне осудили попытки опубликовать на сайте «Бессмертного полка» фото нацистов [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/obschestvo/8472025

4. *Литвинова Ю. И., Чекменёва Т. Г.* К вопросу о влиянии массмедиа на процесс социализации личности в современной России // Государство, общество, Церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XVIII Международной научной конференции, Иваново, 03–04 апреля 2019 года. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. С. 311–314.

5. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2020 года // Сайт МВД России. 2021. 21 января [Электронный ресурс]. URL: https://media.mvd.ru/files/application/2041459

6. СК возбудил дело из-за портретов нацистов на сайте «Бессмертного полка» [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/society/14/05/2020/5ebd01099a79476f16008cd4

7. СК раскрыл судьбу приславших фото нацистов на сайт «Бессмертного полка» [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20210322/natsisty-1602250429.html

8. *Усков С. А., Чекменёва Т. Г.* Субкультура молодежи в современной России // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XIV Международной научной конференции: в 2 ч., Иваново, 18–19 марта 2015 года. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. Ч. 1. С. 679–686.

9. Федеральный закон РФ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/18939

10. *Чекменёва Т. Г., Прибытков А. А.* Информационная агрессия в современном обществе: формы проявления и механизмы защиты // Этологический аспект информационных гражданских войн: история и современность: сб. трудов Всероссийской научной конференции, Новосибирск, 26–27 мая 2020 года / под научной редакцией В. Ш. Сабирова. Новосибирск: Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, 2020. С. 45–55.

11. *Чекменёва Т. Г.* Проблемы обеспечения информационной безопасности студенческой молодёжи в образовательном процессе: опыт Воронежской области // Философия и культура информационного общества: тезисы докладов, Санкт-Петербург, 16–17 ноября 2018 года. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2018. С. 271–274.

12. *Чекменёва Т. Г., Прибытков А. А.* Проблемы обеспечения информационной безопасности молодежи в современной России: психологический аспект // Психологическое благополучие современного человека: материалы Международной заочной научно-практической конференции, Екатеринбург, 11 апреля 2018 года / отв. ред. С. А. Водяха. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2018. С. 121–128.

13. *Чеботок К. И., Чекменёва Т. Г.* Духовно-нравственное состояние Российской молодежи на современном этапе // Россия в XXI веке: новые тен-

денции развития: материалы Международной научно-практической студенческой конференции, Воронеж, 19 декабря 2017 года. Воронеж: Воронежский государственный технический университет, 2017. С. 10–14.

14. Prevention of Extremism among Young People in Modern Russia / T. Chekmeneva, A. Pribitkov, I. Obertyaeva, N. Muhina // Proceedings of the International Scientific Conference "FarEastCon" (ISCFEC 2020), Vladivostok, 01–04 октября 2019 года. Vladivostok: Atlantis Press, 2020. DOI 10.2991/aebmr.k.200312.166.

УДК 930.85

Е. С. Ревякин,
доцент, Ивановский государственный университет

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЮЗА ВОИНСТВУЮЩИХ БЕЗБОЖНИКОВ В ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ОШИБКИ И ПРОСЧЕТЫ

В 1929 году на Ивановскую областную организацию Союза воинствующих безбожников была возложена задача по проведению антирелигиозной пропаганды для преодоления религиозности населения. Однако её деятельность была безуспешной из-за низкого уровня пропаганды и грубых методов работы.

Ключевые слова: религия, церковь, религиозность, антирелигиозная пропаганда, атеизм

E. S. Revyakin,
Associate Professor, Ivanovo State University

ACTIVITY OF THE UNION OF MILITANT ATHEISTS IN THE IVANOVO REGION: MISTAKES AND MISCALCULATIONS

In 1929, the Ivanovo regional organization of the Union of Militant Atheists was entrusted with the task of conducting anti-religious propaganda to overcome the religiosity of the population. However, its activities were unsuccessful due to the low level of propaganda and crule methods of work.

Keywords: religion, church, religiosity, anti-religious propaganda, atheism

Союз воинствующих безбожников (СВБ) – массовая общественная организация целью которой была объявлена борьба с религией на идеологическом фронте, проведение антирелигиозной пропаганды среди населения. Организация была создана в 1925 году, до 1929 называлась Союзом безбожников.

© Ревякин Е. С., 2022

В конце 20-х годов в стране начался процесс складывания тоталитарного политического режима, обострилась идейная борьба по поводу путей дальнейшего строительства социализма, усилилась оппозиционность религиозных организаций и служителей религиозного культа, в том числе и православного духовенства, в отношении Советской власти и ее политики. В результате религия была объявлена «помощницей классового врага», а церковь – «легальной контрреволюционной организацией», был провозглашен лозунг «Борьба с религией – борьба за социализм». В связи с этим партийно-государственное руководство страны поставило задачу резкой активизации деятельности Союза воинствующих безбожников, усиления борьбы с религией, проведения эффективной антирелигиозной пропаганды среди различных категорий населения. Значительную роль в проведении этой работы должны были сыграть местные организации СВБ.

История Союза воинствующих безбожников в Ивановской области берет начало с июня 1924 года, когда при губернском комитете ВКП(б) был создан кружок пропагандистов-антирелигиозников, вскоре преобразованный в губернское общество безбожников. Осенью 1925 года состоялся I съезд Союза безбожников, избравший губернский совет этой организации [14, с. 4–6]. В 1929 году в связи с созданием Ивановской Промышленной области губернская организация СВБ была преобразована в областную. В нее вошли организации Союза безбожников бывших Владимирской, Костромской, Иваново-Вознесенской и Ярославской губерний. В октябре состоялся I областной съезд Союза воинствующих безбожников, избравший областной совет. Главной задачей областной организации было объявлено проведение «массового антирелигиозного похода», «отрыв широких масс народа от религии», вовлечение этих масс в борьбу с религией и объединение их массовую организацию СВБ [11, с. 4; 8, л. 41–42].

Однако решить эти задачи не удалось. Союз воинствующих безбожников в Ивановской области не стал массовой организацией и не был популярен у населения. Этому способствовал ряд серьезных причин. Прежде всего это связано с тем, что прием в ряды СВБ носил форсированный характер и осуществлялся в основном путем поголовной вербовки, без учета желания людей и глубокой подготовительной разъяснительной работы. Целые организации объявлялись «безбожными». Членство в СВБ нередко имело формальный характер, несмотря на то, что численность областной организации в 1929–31 годах возросла с 30 до 150 тысяч членов [3, л. 70–71]. При этом планировалось довести ее до 800 тысяч. Кроме того, до 90 % членов СВБ в области составляли люди с низшим образованием.

Другим существенным обстоятельством, не способствующим успеху деятельности СВБ в Ивановской области, стало то, что не удалось организовать на высоком уровне антирелигиозную пропаганду, увлечь население «идеями атеизма». Антирелигиозное просвещение не было обеспечено достаточной материальной базой и квалифицированными пропагандистами. Только 50–70 % из них имели высшее или среднее образование. Специальную подготовку имели лишь единицы. Так, из 48 освобожденных работников области только 10 были подготовлены к антирелигиозной работе. Кроме того, во многих райсоветах СВБ вообще не было освобожденных работников, работа велась на общественных началах [10, л. 33–35]. В целом 50–80 % организаторов антирелигиозной работы в области имели только низшее образование.

В результате высокий уровень массового антирелигиозного просвещения не был обеспечен, хотя количество проведенных мероприятий было большим. Так, с октября по май 1930 года в области было прочитано 4961 лекций и докладов, охвативших почти 364 тысячи слушателей, проведено 64 вечера вопросов и ответов, которые посетило около 15 тысяч человек, устроены 552 художественные постановки, на которых присутствовало 32782 зрителя и 1186 экскурсий с охватом 48146 участников [10, л. 27–28]. Однако результаты проверок показывают, что их качество очень часто было низким, вызывало недовольство слушателей, например, в Костромском округе, в Кинешме. Так, лекция, прочитанная профессором в Кинешме рабочим химзавода и фабрики «Красная ветка», по утверждению слушателей, представляла собой «набор иностранных и сумбурных слов». В связи с этим рабочие отметили, что он «читал очень скверно» [9, л. 37].

При этом положительный опыт лекторской работы в области также имел место. Однако в целом преобладали «шумные» мероприятия: антирелигиозные карнавалы, митинги, демонстрации, часто сопровождающиеся осквернением храмов, публичным сожжением икон, уничтожением предметов религиозного культа. Нередко применялись формы работы, высмеивающие религию, оскорбляющие чувства верующих. Это вызывало недовольство многих людей, снижала авторитет СВБ, делала его непопулярным среди населения, особенно в сельской местности. Часть духовенства и верующих открыто выступила против проводимых мероприятий. Представитель русского зарубежья Я. П. Поздеева так прокомментировала это: «Несмотря на поддержку властей, у Союза воинствующих безбожников не было большого успеха в борьбе с религией главным образом из-за низкого уровня атеистической пропаганды, а также из-за применения грубых методов в борьбе с церковью и верующими» [12, с. 177].

Не принесла больших успехов и попытка организаций СВБ завоевать авторитет путем их участия в общественно-полезной деятельности, создании нового быта, в ликвидации неграмотности, повышении производительности труда. При этом некоторые результаты в данной сфере были достигнуты. В области имелся положительный опыт в создании «безбожных» колхозов, ударных бригад, цехов. Большинство рабочих – членов СВБ были ударниками. Кроме того, члены СВБ оказывали помощь в уборке урожая, организации субботников, ремонте машин. Однако данный положительный опыт в области не стал массовым. Бригада Центрального Совета СВБ, проверявшая состояние антирелигиозной работы в области отметила, что областная организация СВБ «в целом совершенно недостаточно втянута в производственное соревнование и ударничество», создано было только 70 ударных безбожных бригад, из которых многие развалились вследствие отсутствия должного руководства [10, л. 12].

Кроме того, СВБ практически являлся единственной общественной организацией, занимавшейся антирелигиозной пропагандой. Поэтому он не мог полностью справиться с ее задачами. В большинстве районов партийные организации не руководили на должном уровне антирелигиозной пропагандой, а иногда и препятствовали ей. Профсоюзные и комсомольские организации старались под разными предлогами от нее уклониться. Главной причиной этого была некомпетентность в данной области многих партийных, профсоюзных и комсомольских работников. Отказ от участия в антирелигиозной пропаганде они объясняли тем, что она – задача только СВБ.

В результате в период 1929–31 годов областная организация СВБ не стала массовой и не была популярной у населения. Инструктор Областного совета СВБ М. Попов справедливо утверждал по этому поводу, что «СВБ как массовая организация не чувствуется и как таковая она не известна рабочим» [9, л. 29–31]. Начиная с середины 1931 года ее деятельность стала сворачиваться и постепенно почти полностью прекратилась. В этот период в большинстве районов области уже не было райсоветов СВБ, а деятельность оставшихся носила формальный характер. Например, осенью 1933 года было выявлено, что только в 10–15 районах области эпизодически проводилась работа, но была крайне слабой. В остальных районах она вообще прекратилась [5, л. 31–32]. Ячейки безбожников на многих предприятиях также прекратили существование. Так, в 1935 году они существовали только в 20 из 60 районов области, однако систематической работы не вели [8, л. 49]. Директивы вышестоящих органов не выполнялись, дисциплина в организации отсутствовала. В 1934 году бюро Ивановского обкома партии и областная конференция СВБ признали состояние антирелигиозной работы в

области неудовлетворительным [7, л. 59–60; 13]. Многократные попытки руководства активизировать деятельность СВБ в области успеха не имели. Приблизительная численность областной организации безбожников, по данным Областного совета СВБ, в марте 1936 составила только 10 тысяч членов [2, л. 158]. Необходимо подчеркнуть, что данные негативные явления в деятельности СВБ имели место в стране повсеместно. Однако Ивановская область стала одним из регионов, где кризис в работе организации был наиболее заметен. 29 августа 1933 года газета «Безбожник», резко критикуя Ивановскую областную организацию СВБ за резкое ослабление работы, особо подчеркнула: «То, что произошло в Ивановской организации СВБ является серьезным предупреждением многим нашим организациям» [1].

При этом в 30-е годы в области активно действовали религиозные организации, особенно в сельской местности. Широко отмечались религиозные праздники, прежде всего Рождество и Пасха, совершались религиозные обряды. Верующие часто препятствовали закрытию храмов, снятию колоколов. Организуемые антирождественские и антипасхальные кампании не имели успеха, не вызывали интереса у населения. В условиях слабой антирелигиозной пропаганды церковные и сектантские проповедники получили свободу деятельности и были для населения ближе и понятней, чем активисты и пропагандисты СВБ. В связи с этим председатель Центрального совета СВБ Ярославский Е. М. назвал Ивановскую область одним из регионов, где «налицопопытка церковников и сектантов перейти в наступление на том основании, что в том или ином районе коммунисты успокоились, антирелигиозной пропагандой перестали заниматься и настал для этих врагов удобный момент для того, чтобы перейти в наступление» [15, с. 10]. При этом религиозность в регионе оставалась высокой. По данным переписи населения 1937 года, верующие составляли 57 % населения области, в том числе 37 % – в городе и 74 % – в сельской местности. Среди учащихся верующие составляли 21 %, в Иванове 45 из 100 новорожденных крестили в церкви [6, л. 63].

В 1941 году деятельность Союза воинствующих безбожников во всей стране была приостановлена, а в 1947 году его функции были преданы обществу «Знание». Одной из главных причин отсутствия успеха деятельности СВБ был большой теоретический просчет. Организаторы антирелигиозной работы ошибочно считали, что в условиях социалистических преобразований религиозность населения можно быстро преодолеть благодаря пропаганде атеизма, повышению образовательного уровня населения, улучшению условий труда и быта населения. Английский историк В. Флетчер сказал по этому поводу: «Большевики

унаследовали религиозное общество и простая декларация атеистического материализма официальной идеологией сама собой не могла искоренить глубоко укоренившееся мировоззрение народа», православная церковь «была глубоко вплетена в жизнь российского общества», поэтому «уничтожить социальный институт, так глубоко вкоренившийся в жизнь, как Русская Православная церковь, было не так легко» [16, с. 251]. Деятельность Ивановской областной организации СВБ на практике полностью подтвердила правильность этого утверждения.

Библиографический список

1. Безбожник. 1933. 29 августа.
2. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. П-112. Оп. 3. Д. 24.
3. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. П-327. Оп. 4. Д. 258.
4. ГАИО. Ф. П-327. Оп. 5. Д. 948.
5. ГАИО. Ф. П-327. Оп. 5. Д. 419.
6. ГАИО. Ф. П-327. Оп. 5. Д. 1314.
7. ГАИО. Ф. П-327. Оп. 8. Д. 295.
8. ГАИО. Ф. Р-1420. Оп. 6. Д. 21.
9. ГАИО. Ф. Р-1420. Оп. 6. Д. 36.
10. ГАИО. Ф. Р-1420. Оп. 7. Д. 8.
11. I Областной съезд воинствующих безбожников Ивановской Промышленной области. Резолюции и постановления. Иваново-Вознесенск, 1930.
12. *Поздеева Я. П.* Система атеистического воспитания в СССР // Вестник русского студенческого христианского движения. 1971. № 101–102.
13. Рабочий край. 1934. 2 и 9 июля.
14. Сборник материалов ко II съезду Союза безбожников Иваново-Вознесенской губернии. Иваново-Вознесенск, 1929.
15. *Ярославский Е. М.* О наших задачах. Вступительное слово на Всесоюзном совещании по антирелигиозной пропаганде 9 июня 1935 // Антирелигиозник. 1935. № 4.
16. *Fletcher W. C.* Study in Survival (The Church in Russia 1927–1943). London. 1965.

УДК 930.85
А. Д. Реутова,
доцент, Ивановская государственная медицинская академия

ЗДОРОВЬЕ ВОСПИТАННИЦ ИНСТИТУТОВ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В статье рассматривается влияние условий жизни и процесса обучения в институтах благородных девиц на состояние здоровья их воспитанниц. В основу исследования легли воспоминания самих институток.
Ключевые слова: здоровье, институтки, институт благородных девиц

A. D. Reutova,
Associate Professor, Ivanovo State Medical Academy

HEALTH OF PUPILS OF INSTITUTES FOR YOUNG LADIES IN THE XIX – EARLY XX CENTURIES

The article discusses the influence of the living conditions and education on the state of health of students in the institutes of noble maidens. The article based on the memories of the female students of the institutes.
Key words: health, schoolgirls, institute for young ladies

Сегодня уровень развития гигиены как науки позволяет ей активно заниматься разработкой и реализацией основ первичной медицинской профилактики. Гигиена детей и подростков играет большую роль в предотвращении многих заболеваний школьников. Но в период XIX – начала XX века, о котором пойдёт речь в данной статье, понятие о школьной гигиене только зародилось. Поэтому особый интерес вызывает проблема состояния здоровья воспитанниц института благородных девиц, которые вынуждены были, долгое время находится в учебном заведении. В данной публикации анализ вопроса осуществлён на основе воспоминаний самих бывших институток.

В нашем понимании образ девушки того времени, обучавшейся в институте благородных девиц, представляет собой хрупкое болезненное создание. Но соответствует ли это действительности? Что сами бывшие ученицы думали по этому поводу? Цель исследования – проанализировать проблему здоровья воспитанниц институтов благородных девиц.

В своих мемуарах бывшие институтки указывают, что их здоровье было ничуть не лучше и не хуже своих ровесниц за пределами образовательного учреждения. А. Н. Энгельгардт, воспитанница московско-

© Реутова А. Д., 2022

го Екатерининского института, легенды о чрезвычайной бледности и болезненности институток приписывает «досужей фантазии петербуржцев, которые, как известно, задают тон общественному мнению в России» [2, с. 148]. Конечно, все девочки отменным здоровьем не отличались. Были и слабенькие и кривобокие и даже горбатые, но такими они, как правило, поступали из дома.

Гигиенические условия в учреждениях для благородных девиц являлись удовлетворительными для того времени. Бывшие воспитанницы вспоминают, что помещения проветривались, они были просторными и чистыми. Бельё, в том числе и постельное, было из недорогого материала, но менялось два раза в неделю [2, с. 149]. Правда, ученицы страдали от жёстких кроватей, и от умывания холодной водой. Но на эту проблему педагогический и обслуживающий персонал воспитательных учреждений смотрели как на процедуру закаливания детского организма. Классные дамы строго следили за внешним видом подопечных и их принадлежностями. Неряшество не поощрялось и могло строго наказываться. «Зорко осматривалась очередная институтка, и её причёска, и чистота ногтей, и чистота передника и платья, даже завязывание бантика на переднике не ускользали от внимания классной дамы» [2, с. 84]. Регулярно раз в две недели девочек водили в баню.

В учреждениях предусматривались прогулки на свежем воздухе. Но на них отводилось немного времени. А вот подвижные игры не поощрялись. «Воспитанницы гуляли в саду по получасу, и притом только по мосткам, как всегда, по парам, под предводительством классной дамы… Воспитанницы ненавидели эти прогулки и были бесконечно счастливы, когда их находчивость помогала им сослаться то на ту, то на другую несуществующую болезнь, чтобы избавить себя от этой неприятной повинности» [1, с. 29]. «Игр никаких не было. Теннис и крокет были в распоряжении старших, но я никогда не видела их играющими» [2, с. 394].

Воспитанницы института благородных девиц часто вспоминают, что в помещениях учреждения было очень холодно: «Холод, всюду преследовал нас и к которому с таким трудом привыкали «новенькие» [1, с. 16]. Температура в спальнях не превышала 16 градусов, а в ночное время опускалась до восьми градусов. «Ночью у вас холодно: ваши одеяла ветром подбиты, спите вы без ночных кофт, – длинной рубашкой хоть ноги себе обмотаешь… наряд совсем не был приноровлен к условиям жизни: холщовая пелеринка, накинутая на плечи, не защищала от зимнего холода, когда термометр в классе показывал десять и даже девять градусов, а во время уроков приходилось сидеть с обнаженными плечами» [1, с. 22–24]. В таких условиях у девочек нередко возникали проблемы с заболеванием мочевыделительной системы. Самым распространённым из них было ночное недержание мочи. Но, как вспоминают

сами воспитанницы, «детский ночной грех возбуждал к провинившейся бесчеловечное отношение со стороны всех без исключения окружающих» [1, с. 27]. Даже взрослые, не доискиваясь до причины такого состояния ребёнка, лишь усугубляли ситуацию. «Провинившуюся осыпали бранью, кричали ей, что она опозорила дортуар, и звали классную даму, которая надевала провинившейся мокрую простыню поверх платья и завязывала её на шее. В таком позорном наряде несчастную вели в столовую…» [1, с. 27].

Девочки страдали не только от холода, но и от голода. Малопитательная пища, которую подавали в институте, не насыщала молодой растущий организм. «В завтрак нам давали маленький, тоненький ломтик черного хлеба, чуть-чуть смазанный маслом и посыпанный зеленым сыром... Иногда вместо зеленого сыра на хлебе лежал тонкий, как почтовый листик, кусок мяса, а на второе мы получали крошечную порцию молочной каши или макарон... В обед – суп без говядины, на второе – небольшой кусочек поджаренной из супа говядины, на третье – драчена или пирожок со скромным вареньем из брусники, черники или клюквы… порции были до невероятности миниатюрны. Утром и вечером полагалась одна кружка чаю и половина французской булки. И в других институтах того времени, сколько мне приходилось слышать, тоже плохо кормили, но, по крайней мере, давали вволю черного хлеба…» [1, с. 12]. Особенно тяжело ученицам приходилось в постные дни, которых, как известно, очень много в православном календаре. Необходимо отметить, что Т. Г. Морозова воспитанница Харьковского института начала XX века вспоминает, что в их учреждении девочки не голодали, но пища также была невкусной.

Подобные спартанские условия часто способствовали не закаливанию организма, а возникновению болезней. Да и сами девочки, чтобы хоть чуть-чуть облегчить свою жизнь прибегали к симуляции. Заболевшие девочки отправлялись в лазарет, существовавший при каждом учреждении. Его помещения отличала особенная чистота и опрятность, бельё менялось чаще, чем в дортуарах. Институтки отмечали, что уход за больными был очень тщательным и добросовестным. При лазарете состояла так называемая лазаретная дама, институтский аптекарь, приносивший лекарства, два раза в день, а при наличии тяжелобольных гораздо чаще, приходил доктор, в отдельных случаях нанимались сёстры милосердия. Больным разрешалось вставать не в 6–7 часов утра как обычно, а в восемь, и питание было улучшенным. Родственникам и подругам разрешалось навещать выздоравливающих. Классные дамы также регулярно посещали своих подопечных и должны были выполнять любые их пожелания, если доктор не находил это вредным. Каждый лазарет имел специальное помещение для инфекционных больных,

но, как правило, оно пустовало. Среди эпидемических болезней были распространены: корь, коклюш, скарлатина. Такие больные попадали на карантин, за ними особенно ухаживали и никого к ним не допускали.

Особое наблюдение устанавливалось за болезненными и слабыми девочками. Они переводились ночевать и обедать в лазарет, а отпускались только в классы на уроки. В начале лета после осмотра доктора таким воспитанницам запрещалось купаться и предписывались различные диеты и микстуры. Курс лечения затягивался на несколько недель. Популярно было лечение различными водами, декоктом (отвар из лекарственных трав). Любимым лакомством больных была «девичья кожа» – пастила из корня просвирника (лесной мальвы), применявшаяся как лекарство от кашля.

Необходимо отметить, что в институте благородных девиц были случаи смерти девушек. Но в этом случае данные расходятся. Одни воспитанницы отмечают, что смертность от болезней была ничтожно мала [1; 2] – единичные случаи, которые приводили весь институт в волнение. А другие пишут: «Подобные случаи не были редкостью» [1, с. 16]. Очевидно, это зависело от учреждения. Главной причиной смерти девушек выпускницы называли институтские порядки. Отчасти они правы. Особо чувствительные, нежные натуры не могли привыкнуть к тем суровым условиям, в которых они оказались.

Очевидно, что обучение в течение шести – восьми лет в институте без возможности покинуть его даже на время каникул не лучшим образом сказывалось на здоровье воспитанниц. Поэтому к моменту выпуска полностью здоровых девушек оставалось мало. Так, скудное, однообразное питание, малоподвижный образ жизни и недостаточное пребывание на свежем воздухе приводили к искривлению позвоночника и «оскудению крови» (железодефицитной анемии). Об этом писал в своём отчёте инспектор по медицинской части петербуржского Ведомства учреждений императрицы Марии [2, с. 313–314]. Конечно, в расписание занятий входили гимнастика, танцы, а каждодневный переход из столовой в классы и дортуары составлял около трёх вёрст [2, с. 148]. Летом в рацион вводилось больше фруктов и овощей, воспитанницы длительное время проводили на улице, а здоровым девочкам даже два раза в день разрешено было купаться [2, с. 203–204]. Но перечисленных мероприятий для поддержания здоровья институток явно было недостаточно.

Библиографический список

1. *Водовозова Е. Н.* Дневники смолянки. Воспоминания об институтских нравах. М., 2017.

2. Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / сост., подг. текста и коммент. В. М. Боковой и Л. Г. Сахаровой. М., 2003.

УДК 283/289
Е. А. Решетов,
студент магистратуры, Ивановский государственный университет

СОВЕТСКО-ШВЕДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1927–1930 гг. ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

В публикации выявлены и сгруппированы факты из материалов ведущего печатного политического органа большевиков – газеты «Правда» о многостороннем взаимодействии СССР и Швеции в 1927–1930 гг. Хронологические рамки определяются пребыванием в Стокгольме полпреда В. Л. Коппа. Приведены новые и интересные данные о торговых отношениях СССР и Швеции, о советской «народной дипломатии», культурном взаимодействии, политических настроениях в разных слоях шведского общества.
Ключевые слова: советско-шведские отношения, экономика, политика, «народная дипломатия», культура

E. A. Reshetov,
Graduate student of Ivanovo State University (Ivanovo)

SOVIET-SWEDISH RELATIONS IN 1927–1930. ACCORDING TO THE MATERIALS OF «PRAVDA» NEWSPAPER

The publication revealed and grouped facts from the materials of Bolsheviks' leading political organ – the newspaper «Pravda» – about the multilateral interaction of the USSR and Sweden in 1927–1930. The chronological framework is determined by the stay in Stockholm of the plenipotentiary representative V. L. Koppa. The new and interesting evidences about trade relations between the USSR and Sweden, Soviet «people's diplomacy», cultural interaction, political climate in different social groups in Swedenare shown.
Keywords: Soviet-Swedish relations, economics, politics, «people's diplomacy», culture

Советско-шведские отношения в период работы полпредом в Стокгольме В. Л. Коппа с 1927 по 1930 гг. еще не стали предметом глубокого исследования. Частично восполнить проблемы призвано настоящее сообщение. Источниковой базой выступает газета «Правда» – ведущий и самый информированный орган большевистской партии и советского государства. Издание откликалось на все значимые события международной жизни. В настоящей работе выявлены и сгруппированы по направлениям факты взаимодействия Москвы и Стокгольма в 1927–1930 гг.

© Решетов Е. А., 2022

Экономические отношения СССР и Швеции. «Правда» регулярно сообщала статистические данные о советско-шведском экономическом взаимодействии. В марте 1929 г. газета большевиков писала: за 1927–1929 гг. двусторонний торговый оборот вырос с 15 до 30 млн долларов. Из Швеции в СССР ввозилось электрооборудование, силовые двигатели (в частности, турбины и трансформаторы), лесопильные рамы, паровые турбины, котлы высокого давления, телефонное оборудование, сепараторы, маслобойки и пр. Советский Союз экспортировал в Скандинавскую страну нефтепродукты, табак, хлеб, лесоматериалы, лён, жмыхи, коровье масло, фрукты и т. д. [Правда: орган Центрального комитета и Московского комитета ВКП(б)*, 1927–1930. № 61 от 15.03.1929, с. 1].

В начале 1930 г. «Правда» сообщила о заказе у шведов для лесной промышленности 10 высокоэффективных ребровых станков. Закупка открывала перспективы налаживания собственного производства схожих машин [№ 33 от 03.02.1930, с. 3].

Лесная промышленность интересовала советскую сторону особенно. Древесина и изделия из нее должны были стать важным источником валютных поступлений. И здесь Москва и Швеция выступали более конкурентами, чем партнерами. В этом плане интересны опубликованные в «Правде» выступления крупного партийного и государственного деятеля СССР С. А. Бергавинова, чья деятельность с мая 1927 года оказалась связана с богатым лесом Северо-Западным регионом страны.

В 1927 г. С. А. Бергавинов поднял проблему отставания СССР от Швеции в экспорте леса. Если Советский Союз экспортировал 0,5 млн так называемых стандартов, то скандинавы – 1,5 млн. В итоге СССР так и не достиг показателей Российском империи. Среди причин отставания Бергавинов отмечал отсталые способы рубки и переработки леса. Вновь к проблеме он вернулся в 1929 г. Причем ситуация стала еще хуже. Согласно Бергавинову, теперь СССР в эскорте леса обгоняли не только Швеция, но и Финляндия, Норвегия и Польша [№ 163 от 19.07.1929, с. 5]. Ускорился процесс вытеснения советских товаров с рынков, а страны-конкуренты все увереннее диктовали свои условия на международном рынке.

Среди шведских партнеров-конкурентов «Правда» выделяла И. Крэйгера, которого газета именовала «Спичечным королем» [№ 226 от 01.10.1929, с. 2]. Действительно, спичечный трест этого бизнесмена, заняв доминирующее положение в Швеции, постепенно укреплялся в других странах. К 1929 г. Крейгер захватил 70 % немецкого спичечного рынка, почти вытеснив с него советский товар. «Правда», недовольная

* Далее ссылки на это издание даются в скобках с указанием номера, даты и страницы.

таким положением, обвинила «Спичечного короля» в стремлении установить мировую монополию и в подкупе берлинского правительства. Однако, критическое выступление печатного рупора большевиков особого значения не возымело. В 1930 г. рейхстаг в обмен на крупный займ ввёл на территории Германии шведскую спичечную монополию.

Позиция шведского общества в отношении СССР. «Правда» весь рассматриваемый период акцентировала внимание на проявлении в политике Швеции антисоветских тенденций. Причем часто информацию брала из скандинавской прессы. Яркий пример – обзор публикации в «Свенска Моргонбладет», опубликованный в «Правде» в сентябре 1927 г. Нем содержался призыв к изоляции России. При этом шведская газета называла «безумием» политику, которая из-за развития связей с СССР могла поставить под удар отношения с проверенными странами-партнерами [№ 209 от 14.09.1927, с. 2].

Согласно «Правде», часто во главе антисоветских компаний в Швеции стояли местные социал-демократы. И это не случайно, учитывая подход Коминтерна к социалистам как ведущим защитникам буржуазного строя и противниками коммунистов. По мнению рупора большевиков, апогей выступлений шведских социал-демократов против СССР пришелся на 1929 г. Всё началось со съезда шведских и норвежских горняков весной 1927 г., на который пригласили советскую делегацию союза горнорабочих [№ 71 от 30.03.1927, с. 2]. По итогам форум принял резолюцию о создании единого международного фронта профсоюзов горняков. В следующие два года ситуация кардинально изменилась. На съезде горняков Швеции в 1929 г. социал-демократы потребовали исключения представителей СССР из профдвижения горняков и разрыва с ними любых контактов. Тремя голосами (30 против 27) предложение было принято. В стокгольмской прессе, по данным «Правды», это решение восприняли с удовлетворением и рассматривали как поражение коммунистической идеи [№ 146 от 29.06.1929, с. 1].

Вслед за горняками против Москвы в профдвижении выступили металлурги. Противники СССР заявили, что именно советские представители поспособствовали провалу забастовки шведских горняков в 1928 г. Протест и требование референдума по решению съезда, озвученное председателем ЦК союза горнорабочих СССР и членом Президиума ВЦСПС И. И. Шварцем, принесли лишь частичный результат. В профсоюзе горняков советскую делегацию не восстановили, но было отвергнуто предложение социал-демократов о слиянии профдвижений металлургов и горнорабочих. Такое решение сохранило надежды на возвращение коммунистов в горно-рабочее движение Швеции [№ 148 от 02.07.1929, с. 2].

Материалы «Правды» регулярно сообщали о страхах шведского общества перед «большевистской угрозой», исходящей из Москвы и связанных с ней коммунистов. Показательный пример – почти истерия в стокгольмской прессе в связи с проведением в столице 1 августа 1929 г. так называемого Красного дня. Накануне либеральная и правая печать потребовали силового разгона намечаемых шествий. Их беспокоили выдвигаемые лозунги. Например, шведские солдаты должны были выражать солидарность с Красной армией и заявлять о готовности к борьбе с империалистами. Согласно «Правде», «Стокгольм Даголад» в этой ситуации провокационно заявила, что правительство солидарно с позицией прессы и поддерживает силовое вмешательство [№ 167 от 24.07.1929, с. 2].

Накануне Красного дня в столице Швеции состоялся митинг, посвящённый 15-й годовщине окончания Первой мировой войны. По данным «Правды» собралось не более 1000, по шведским источникам – около 10000. На митинге выступили лидеры социал-демократии с пацифистскими речами, которые имели отчетливый антисоветский оттенок. Кроме того, участники раскритиковано консервативное правительство Швеции за торговлю оружием с СССР. Вечером это заявление было опровергнуто шведским министром торговли [№ 174 от 01.08.1929, с. 2].

После 1929 г., как следует из содержания «Правы» антисоветская волна несколько спала, хотя полностью не схлынула.

Компартия Швеции и СССР. «Правда» все годы существования являлась ведущим органом коммунистов Советской России/СССР, поэтому ее особенно интересовала деятельность единомышленников за рубежом, включая Швецию.

В 1927 г. во время VII пленума Исполкома Коминтерна на совещании организационного отдела с делегацией КПШ прорабатывался вопрос о структурировании управления партией с уровня ЦК до низовых организаций [№ 102 от 08.05.1927, с. 2]. 15 сентября того же года «Правда» опубликовала «Открытое письмо ИККИ членам Шведской коммунистической партии», в котором социал-демократы приравнивались к фашистам. Исполком III Интернационала предупреждал, что современная политика правительства в Стокгольме чревата вовлечением Швеции войну и колоссальными потерями [№ 210 от 15.09.1927, с. 1].

«Правда», сообщая о политической борьбе в Скандинавии, постоянно подчеркивала просоветскую позицию местных коммунистов. Рассказывая о борьбе на муниципальные выборах 1930 г. главная газета большевиков отмечала, что КПШ для привлечения голосов использует фактор Великой депрессии в США, следует коминтерновской линии Коминтерна борьбы фашистами и социал-фашистами, а главное – при-

зывает соотечественников к защите СССР от угрозы стран капитала [№ 240 от 31.08.1930, с. 2].

«Народная дипломатия» в политике СССР на шведском направлении. «Правда», несмотря на свою сугубо идеологическую направленность, содержит интересные факты взаимодействия Москвы и Стокгольма в сфере так называемой «народной дипломатии».

В 1927 г. в Москве планировали масштабный аэросанный пробег по маршруту Москва-Ленинград-Стокгольм. В случае отказа шведов предполагалось ввести запасной план, и провести в 1928 г. пробег Москва-Владивосток [№ 81 от 10.04.1927, с. 3]. Позже маршрут был пересмотрен еще раз. Причем Стокгольм из него исключат [№ 218 от 19.09.1928, с. 3]. У нас нет сведений о том, был ли осуществлен данный план. Известно лишь, что в 1929 г. прошел Всероссийский аэросанный пробег Москва – Ленинград.

В июле 1927 г. пять судов яхт-клуба Ленинградского губернского совета профсоюзов осуществили первое заграничное плавание по Балтийскому морю. Их маршрут пролегал через крупные портовые города, включая Стокгольм. Первое время плавание проходило без эксцессов. Но, когда дело дошло до захода в порт шведской столицы, выяснилось, что моряки, находясь в Финляндии, не оформили шведскую визу. Отсутствие документов, оформленных надлежащим образом, стало основанием для стокгольмских пограничников задержать советских моряков на несколько дней. После осмотра яхт шведы выслали ленинградских мореплавателей [№ 148 от 03.07.1927, с. 2].

Культурные отношения СССР и Швеции. Материалы «Правды» содержат некоторые факты о культурном диалоге Москвы и Стокгольма.

В 1927 г. в столице Швеции проходил XII конгресс Международного кооперативного Альянса. В рамках форума состоялась выставка периодических изданий. Для представителей СССР, принявших участие в конгрессе, организаторы выделили отдельный зал [№ 99 от 05.05.1927, с. 4].

Через три года, в 1930-м, в Стокгольме открылась выставка советского искусства. Свои работы представили мастера четырех ведущих объединений художников СССР – 1) Общества художников-станковистов во главе с Д. П. Штеренбергом (ОСТ), 2) Ассоциации художников революции (бывшей Ассоциации художников революционной России (АХХР)), основанной С. В. Малютиным, 3) Общества московских художников (ОМХ) и 4) общества «4 искусства», с которым были связаны К. С. Петров-Водкин и В. А. Фаворский. Согласно «Правде», выставку посетили более 2000 человек. Причем, у шведов кроме картин художников большой интерес вызвали представленные СССР кустарные изделия из дерева [№ 84 от 26.03.1930, с. 2].

В заключение отметим следующее. Материалы ведущего печатного партийного органа большевиков – газеты «Правда», несмотря на идеологическую нацеленность издания, содержит немало интересных фактов об отношениях СССР и Швеции в 1927–1930 гг. Прежде всего, в области торговли, «народной дипломатии» и культуры. При всей идеологической искаженности значимы также сведения, приводимые газетой, о настроениях разных слоев шведского общества, его страхах перед «большевистской угрозой», а также о местных коммунистах.

УДК 327
А. В. Свиридов,
доцент, Белорусский государственный экономический университет (Минск)

ОТ ЛИТОВСКОЙ РУСИ К РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В рамках Древнерусского государства в регионе, прилегающем к Полесской низменности с севера, начинает свой исторический путь та этническая общность, которая на протяжении тысячелетия сумеет не просто сохранить себя и свою идентичность, но и воплотить её в уникальном социокультурном и политическом пространстве, продолжающего существование в XXI веке.
Ключевые слова: геополитика, Полоцк, Витовт, Московская Русь, Российская империя

A. V. Sviridov,
Associate Professor, Belarus State Economic University (Minsk)

FROM LITHUANIAN RUSSIA TO THE REPUBLIC OF BELARUS

Within the framework of the Old Russian State, in the region adjacent to the Polesskaya lowland from the north, the ethnic community begins its historical path, which for a millennium will be able not only to preserve itself and its identity, but also to translate it into a unique socio-cultural and political space that continues to exist in the 21st century.
Keywords: geopolitics, Polotsk, Vytautas, Moscow, Russian Empire

Выдающийся русский историк Анатолий Уткин не единожды повторял на первый взгляд немудреную, но такую важную сегодня истину: «нет абсолютной гарантии того, что история укажет на правильный путь, но есть твердое понимание того, что, игнорируя историю, мы просто обречены на неправильный выбор» [1, с. 11]. Следуя этим словам, сегодня как никогда ранее хочется оглянуться назад, дать себе, наконец,

© Свиридов А. В., 2022

возможность спокойно и трезво поразмышлять над прошлым, уразуметь себя настоящих и попытаться предугадать нас ожидающее, и, по мере сил своих, предостеречь себя от непоправимых шагов и поступков в будущем.

Такое размышление тем более актуально, что сегодня в очередной раз в истории над западной частью общего русского геополитического пространства нависла смертельная угроза – разворачивается очередной крутой виток продолжающегося цивилизационного противостояния. И вновь на острие борьбы оказывается белорусский народ, которому, видимо, самой Судьбой предначертано всегда первым встречать беду с Запада.

Начальной формой геополитического пространства белорусских земель явилась конфедеративная Киевская Русь, которая став частью православного мира, получила оттиск своеобразного религиозного, культурного и социально-политического устройства, который на фоне слабой идентичности предшествующей социально-политической традиции – лег в основу дальнейшего исторического пути. И именно тогда, в эпоху Позднего Средневековья, определяется и цивилизационный вектор Беларуси. Её региональные особенности, как и любого иного «места-развития», можно определить – по Фоме Аквинскому – как исторически сложившуюся «случайность», которая не принадлежит «природе вещей». Однако известно, что случайностей в чистом виде нет, и они представляют собой пересечение разных проявлений необходимости.

Полоцкое княжество, которое возникло, как объективное проявление эволюционной деятельности людей, заложило фундамент развития белорусской государственности – высшей формы организации средневекового общества и создало условия для проявления характерных особенностей формирования белорусской нации и самосознания людей в лоне высокоинтеллектуальной общеславянской и европейской культуры того времени.

Полоцк стал крупнейшим, наряду с Киевом и Новгородом, центром Древнерусского государства, а по территории, в которую входили по меньшей мере 15 городов, равнялся Герцогству Баварскому или Королевству Португальскому.

На смену раннефеодальной государственности в XIII веке пришло Великое княжество Литовское, Русское и Жамойтское как договорное объединение Литовского, Полоцкого и Витебского княжеств. Не проходит и столетия, как новое геополитическое образование начинает борьбу за восстановление единства древнерусского пространства, но уже в новых исторических условиях. «Как здоровый и сильный организм XIV–XVI вв. … Великое княжество Литовское ведет политику завоеваний. Эта политика долгое время была успешной, а ее направле-

ние четко очерченным: объединение вокруг Вильно главных частей восточно-европейского цикла… Долгое время именно виленский князь был наиболее возможным кандидатом на корону великой восточноевропейской империи, которая включала в себя все пространство Восточной Европы» [2, с. 94].

Великие князья Литовской Руси берут на себя функцию продолжения традиций разорванного древнерусского геополитического пространства. Великолитовские князья видели свои стратегические цели и интересы полностью тождественными целям и интересам киевских князей. В. Ляскоронский обратил внимание на тождество путей, какими совершал свои походы Витовт, с теми, какие известны по половецким походам князей киевских. На этом основание он и заключил, что «Витовтовы походы – это органическое наследие предыдущей жизни русской земли» [3, с. 86].

В виде славяно-православного наследия поднималась та сила, которая могла стать не только продолжением Древнерусского государства, но и правопреемницей бывшей мощи Восточно-Римской империи. Но этому геополитическому проекту так и не суждено было воплотиться в жизнь. Великий поход на Восток и Юг сменился политикой обороны. «Не белорусское Вильно, а российская Москва объединила под своей властью народы великих просторов восточно-европейской равнины» [2, с. 94].

Постепенно уступая геополитическое преимущество Руси Московской, обладавшей мощным тылом на Востоке, Русь Литовская ищет свой тыл и находит его в лице западного соседа – Польши. В Европе формируется новое геополитическое пространство, главной задачей которого для Вильно становится сдерживание Москвы и перехват у нее инициативы по объединению русских земель, для Кракова – противостояние давлению Срединной Европы. Для нас важно отметить, что ключевую роль в этом образовании продолжает играть белорусский (славяно-русский) элемент.

Геополитический союз ВКЛ и Польши был неизбежен. Его необходимость определялась осознанием сторонами, что ни у одной из них нет достаточных сил, чтобы в одиночку противостоять соседям. Положение между Срединной Европой и Россией не оставляло других возможностей продолжения борьбы, кроме объединения.

Главный источник опасности для геополитического пространства Речи Посполитой находился внутри этого организма: так и осталось не преодоленным противоречие между западным дискурсом католицизма и восточным – православия. Продуктивное и успешное лавирование продолжалось на протяжении более пяти столетий. Как пишет Ю. Шевцов, «церковные и религиозные вопросы использовались в регионе исключительно в качестве разменной монеты в ходе геополитических комби-

наций для отражения очередного нашествия» [4, с. 44]. Однако во второй половине XVIII века ничто не помешало геополитическим соперникам Речи Посполитой использовать ее религиозные противоречия в своих интересах.

Что касается белорусского содержания в Речи Посполитой, то оно, как пишет М. Бич, было утрачено еще во второй половине XVII века. «Это произошло в результате ополячивания национальной аристократии, крупной и средней шляхты, которые в погоне за сословными привилегиями и свободами, за власть в Речи Посполитой отреклись от родного языка, культуры и, в конце концов, слились с польскими феодалами «у адзіны народ шляхетны». Существование белорусского этноса ими не признавалось. Белорусский язык и культуру государство не защищало… Показательно, что вопрос о белорусской государственности ни в какой форме не ставился в ходе восстания против царизма в 1794 году» [5, с. 337].

Вхождение белорусского пространства в геополитическое поле Российской империи означало, наряду с прочим, окончание начавшегося еще в середине XIV века противостояния Руси Литовской и Руси Московской за объединение восточнославянских земель. Северо-восточной Руси удалось восстановить свою западную границу, которая была утверждена Владимиром Святославичем и польским князем Болеславом Храбрым на рубеже X–XI веков и отделяла земли, населенные восточнославянскими племенами от польских.

В Российской империи белорусское пространство получает исторический шанс, воспользовавшись которым, оно менее чем через 150 лет предстанет в виде самодостаточной неотъемлемой части «красной» евразийской цивилизации и будет играть в новом образовании ключевую роль на самых ее западных рубежах.

Беларусь медленно, но верно, возвращалась в единое геополитическое пространство славяно-православной цивилизации, с тем, чтобы уже в середине XX века первой принять удар Срединной Европы. Беларусь включается в геополитический проект, который неожиданно для Запада на его восточных границах бросает самый серьезный за четыреста лет вызов западному всевластию. Беларусь – та страна региона между Полесьем и Балтийским морем, которая более всего получила от эпохи существования СССР и более всех остальных проиграла от распада Советской цивилизации.

В рамках Советского Союза рождается новая форма прежней белорусской идентичности, по словам Ю. Шевцова, уникальная для всего восточноевропейского региона. «Обычно местные национальные культуры развивались как культуры противостоящие России/СССР, во всяком случае, манифестировавшие такое противостояние» [4, с. 78]. Советская

идентичность белорусского геополитического пространства выводит белорусов на глобальный уровень осмысления своих приоритетов и выводит за рамки регионального восточноевропейского мышления.

Сегодня Беларусь входит в новую геополитическую эпоху на фоне катастрофы советского пространства конца XX века. Когда белорусы, как представители особой «технологии жизни», в очередной раз в своей истории стоят перед выбором следующего своего шага, следующего своего геополитического союза. Но выбор на самом деле уже сделан: и с точки зрения истории он верен, оправдан и соответствует интересам белорусского геополитического пространства, ослабленного, выжидающего, но накапливающего силы для ответа на очередной вызов истории.

Библиографический список

1. *Уткин А. И.* Вызов запада и ответ России. М., 2003.

2. *Акіншэвіч Л. А.* Пра «цывілізацыйныя асновы» беларускага гістарычнага працэсу // Крыніца. 1995. № 10.

3. *Пресняков А.* Лекции по русской истории. М., 1939.

4. *Шевцов Ю. В.* Объединенная нация. Феномен Беларуси. М., 2005.

5. *Бич М. О.* Государственнсть Беларуси: становление, потеря, юорьба за восстановление IX–XX века // Гуманітарныя і сацыяльныя навукі на зыходзе XX ст. Минск, 1998.

УДК 94(470)

А. В. Сипейкин,
доцент, Тверской государственный университет

КАМПАНИЯ ПО ИЗЪЯТИЮ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В 1922 г. В ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ

В Тверской губернии процесс изъятия церковных ценностей проходил менее драматично, чем в ряде соседних регионов. Главная причина этого заключается в позиции местной церковной иерархии, но несмотря на это местная советская власть продолжала рассматривать Русскую Православную церковь как своего врага.

Ключевые слова: советская антирелигиозная политика, советская антицерковная политика, изъятие церковных ценностей

© Сипейкин А. В., 2022

A. V. Sipeikin,
Associated Professor, Tver State University

THE CAMPAIGN OF SEIZURE OF THE CHURCH VALUES IN 1922 YEAR IN TVER REGION

In the Tver region the process of seizure of the Church Values went much more peacefully than in many others regions. The main cause of it is the conciliatory position of the Tver priesthood, but local soviet authorities kept counting. The Orthodox Church as theirs inveterate enemy.

Keywords: soviet antireligious policy, soviet antichurch policy, seizure of church values

Пришедшая в историографию церковно-государственных отношений с лёгкой руки Е. Ярославского довольно неуклюжая формула «религиозного нэпа» требует детального анализа как случаев относительно бесконфликтных вариантов взаимодействия между светской и церковной властями в 1920-е годы, так и случаев драматического и трагического варианта развития событий. Последние хорошо известны в современной историографии, в то время как изучение сотрудничества между советской и религиозной властью в вопросе об изъятии церковных ценностей сводится зачастую к проблеме «обновленческого» движения. В этой связи интерес представляет ситуация, которая сложилась в Тверской епархии и других регионах, где процесс изъятия церковных ценностей протекал не совсем типично.

В марте 1922 г. при Тверской губернской комиссии по изъятию церковных ценностей создаётся сеть уездных Подкомиссий по изъятию ценностей и Комиссий Помощи Голодающим Поволжья. В них входили представители Губернской комиссии, уездного Финансового отдела и Уездного комитета помощи голодающим. В состав волостных подкомиссий входило по 2 представителя волостной власти (в том числе председатель волисполкома в качестве главы) и 1 представитель местной ячейки РКП. Количество представителей верующих, которые допускались к процессу изъятия, не должно было превышать 5 человек. Волостным подкомиссиям предписывалось не назначать день и час изъятия в часы Богослужений. Церковь на время проведения процедуры («для спокойно-вдумчивой работы») должна была быть закрыта. Для сопровождения изъятых ценностей в Москву допускалось присутствие верующих, но «за счёт самих верующих» [Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. Р – 228. Оп. 2. Д. 183. Л. 5; Ф. Р – 60. Оп. 2. Д. 135. Л. 8–9, 16–18, 27].

Самому изъятию предшествовала подготовительная работа, заключавшаяся в рассылке воззваний с объяснением необходимости изъя-

тия ценностей и организации общих собраний рабочих, служащих и красноармейцев для объяснения целей кампании. Эти собрания завершались принятием соответствующих резолюций. Такого рода подготовка должна была предотвратить эксцессы, связанные с недовольством верующих, подобные тем, которые имели место, например в г. Шуе и других районах страны. Это было тем более важно, что в Тверской губернии уже имели место столкновения между верующими и представителями местной власти в связи с реализацией Советской антирелигиозной политики, например, в г. Осташкове в 1918 г. Представители власти учли печальный опыт прежних лет и вели себя достаточно осмотрительно, тщательно наблюдая за настроениями и поведением верующих, стараясь нейтрализовать любые протесты. Накануне изъятия представители религиозных организаций приглашались на расширенные заседания местных органов власти, где их просили высказаться о том, согласны ли они с отчуждением церковного имущества. Задачами этих заседаний, по признанию сами представителей власти, было «выяснить точку зрения духовенства» и «сговориться со священнослужителями … о безболезненной сдаче ценностей», а также нейтрализовать провокационную деятельности «тёмных элементов», подбивающих толпу на агрессивные действия. В процессе изъятия членам комиссии предписывалось действовать с осторожностью, не приходить в момент совершения богослужений, при входе снимать головные уборы. Деятельность Комиссий по изъятию ценностей проходила в присутствии представителей Церкви, Губмузея и Красной армии. Процесс проходил под наблюдением работников Главного политического управления. Против граждан, агитировавших против изъятия церковных ценностей, заводились уголовные дела. Советская власть соглашалась на возвращение верующим необходимых для богослужения предметов при условии замены их драгоценными металлами, соответствующими весу изъятого. Собственно процесс изъятия ценностей в Тверской губернии прошёл в апреле – в августе 1922 г. Всего в епархии было изъято более 9 фунтов золота, 641 пуда серебра и 660 драгоценных камней – жемчуга, аметистов, топазов, рубинов, изумрудов [ГАТО. Ф.Р – 523. Оп. 1. Д. 722. Л. 28–40, 57–58 об., 60–86, 109–110 об.; Д. 494. Л. 21; Ф.Р – 291. Оп. 5. Д. 494. Л. 1–4, 9–9 об.; Ф.Р – 1310. Оп. 1. Д. 42. Л. 24, 26; Ф.Р. – 260. Оп. 2. Д. 135. Л. 7–36].

Если верить документам, составленным комитетами верующих, процесс изъятия церковных ценностей не вызвал у них «никаких опасений, … порядок изъятия ценностей рассеивает всякие нелепые мысли если у кого такие и были бы за целость и сохранность изъятых предметов» [ГАТО. Ф. Р – 260. Оп. 2. Д. 135. Л. 35]. Между тем, как показывают данные следственных дел, всё было не так просто. Случаи агитации

против изъятия церковных ценностей среди рядовых прихожан имели место [ГАТО. Ф.Р. 1310. Оп. 1. Д. 42; Ф. Р-753. Оп. 1. Д. 84], но священники по опыту прошлых лет хорошо понимали, что в случае драматического развития событий главными виновными будут назначены именно они и старались предотвратить обострение конфликта. Значительную роль в предотвращении каких-либо инцидентов сыграли и советские органы безопасности, быстро реагирующие на «антисоветскую агитацию» во время изъятия.

Большое значение имеет то, как развивались события после осуществления изъятия церковных ценностей. 17 августа 1922 года с разрешения советской власти было созвано собрание духовенства и представителей приходов Тверских благочиннических округов. На нём была высказана благодарность управляющему Тверской епархией Старицкому епископу Петру за последовательное проведение политики аполитичности церкви и соблюдение Декрета об отделении церкви от государства. Участники собрания отметили, что иерарх шёл навстречу всем пожеланиям власти, в том числе по вопросу об изъятии церковных ценностей. Всё это позволило сохранить спокойствие и мир в епархии. В связи с ослабленным здоровьем епископа Петра участники церковного форума решили избрать в помощь иерею 5 лиц «для заведывания делами епархии». Однако власть в лице Тверского губернского отдела государственного управления в регистрации «Совета по заведованию делами Тверской епархии» отказало [ГАТО. Ф.Р – 291. Оп. 5. Д. 335. Л. 1, 3, 15].

Таким образом, для процесса изъятия церковных ценностей в Тверской губернии характерно то, что здесь события развивались в менее драматическом ключе, чем в ряде соседних регионов. Причём связано это не с тем, что среди рядовых прихожан не было людей, которые резко негативно относились к отчуждению церковного имущества, а с позицией священноначалия, в первую очередь – епископа Петра. Вместе с тем местная советская власть в ответ на шаги со стороны местной иерархии сама шла на уступки в вопросе о налаживании системы епархиального управления крайне неохотно, ограничиваясь лишь санкцией на проведение благочиннических собраний, но не разрешая воссоздавать какое-либо подобие прежних Епархиальных Советов и Консисторий даже в качестве временного варианта. Как известно, подобное допускалось только для «обновленческих» структур. Определяющим в отношении Русской православной церкви оставался принцип «разделяй и властвуй». Отличавшие отдельные регионы вроде Тверского исключения в отношениях между церковью и властью только подчёркивали правило. Враг должен был быть уничтожен.

УДК 9(И) 470
А. С. Соколов,
профессор, Рязанский государственный радиотехнический университет имени В. Ф. Уткина

ПОЛИТИКА ВЛАСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПЕРИОД СВЕРТЫВАНИЯ НЭПА 1928–1929 гг. (на материалах Рязанской губернии)

Рассматриваются взаимоотношения Советского государства и Русской Православной Церкви в конце 1920-х гг. В центре внимания борьба Советского государства с православной религией и духовенством. На материалах Рязанской губернии анализируется протестное движение деревни против антирелигиозной политики.
Ключевые слова: церковь, Рязанская губерния, крестьянство, сводка, духовенство, нэп

A. S. Sokolov,
Professor, Ryazan State Radio Engineering University named after V. F. Utkin

THE POLICY OF THE AUTHORITIES TOWARDS THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH DURING THE COLLAPSE OF THE NEP (NEW ECONOMIC POLICY) IN 1928–1929 (based on the materials of the Ryazan province)

The article examines the relationship between the Soviet state and the Russian Orthodox Church in the late 1920s. The focus is on the struggle the Soviet state against the Orthodox religion and the clergy. Based on the materials of the Ryazan province, the protest movement of the village against the anti-religious policy is analyzed.
Keywords: church, Ryazan province, peasantry, summary, clergy, nep

Хозяйственный кризис 1928 г. привел к разгрому правой оппозиции внутри ВКП(б) и окончательному свертыванию новой экономической политики. Был разработан первый пятилетний план предусматривающий ускоренную индустриализацию. С начала 1928 г. почти на каждом заседании Комиссии по проведению декрета об отделении Церкви от государства при ЦК ВКП(б) вопросы ставились и решались исключительно в плане борьбы с церковью, ущемления ее прав и возможностей оказывать влияние на население. В конце 1928 г. и начале 1929 г. резко усилилась антирелигиозная пропаганда, кампания закрытия

© Соколов А. С., 2022

церквей, приходов, монастырей. В январе 1929 г. ЦК ВКП(б) направил партийным организациям письмо «О мерах по усилению антирелигиозной работы», в котором утверждалось, что духовенство и активно верующие занимаются мобилизацией реакционных и малосознательных элементов в целях «контрнаступления на мероприятия Советской власти и компартию» Религиозные объединения всех конфессий объявлялись контрреволюционными организациями [2, с. 252]. 8 апреля 1929 г. Президиум ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О религиозных объединениях», усиливавшее контроль государства над ними. Религиозные объединения не пользовались правами юридического лица; им воспрещалось создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, оказывать денежную и другие виды материальной помощи верующим, они должны были ликвидировать созданные ими богодельни, им воспрещалось проводить экскурсии, специальные детские, юношеские и женские собрания по изучению Библии, организовывать рукодельческие и иные кружки, открывать библиотеки, читальни. Во всех государственных, общественных, кооперативных и частных учреждениях и предприятиях воспрещалось совершать религиозные обряды, церемонии культа и помещать предметы культа. Можно согласиться с мнением, что данное постановление законодательно закрепило мнение о том, что религиозные организации не вправе заниматься какой-либо иной деятельностью, кроме как удовлетворением религиозных потребностей верующих преимущественно в рамках молитвенного здания [5, с. 183].

Следующим шагом на пути реализации политико-идеологических установок относительно религиозного вопроса стали решения XIV Всероссийского съезда Советов в мае 1929 г. Была внесена поправка в статью 4 Конституции РСФСР, согласно которой с целью «ограничении распространения религиозных предрассудков» вместо свободы религиозной и антирелигиозной, была дозволена только свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды. На практике это означало, что власть лишь «терпела» культовую деятельность, ограниченную молитвенным зданием, а все иные возможные формы проявления религиозной деятельности жестоко пресекала. Изменение статьи 4 Конституции РСФСР встречено было очень болезненно руководителями всех религиозных организаций и воспринималось ими как наступление на права и свободы верующих. Одновременно активизировался Союз воинствующих безбожников. В июне 1929 г. состоялся II съезд Союза, в решениях которого антирелигиозная борьба рассматривалась как один из важнейших участков классовой борьбы.

Летом 1929 г. ситуация в «религиозном вопросе» резко ухудшилась. Наиболее нетерпеливые советские работники, активисты «антирелигиозного движения» осуществляли на местах массовое закрытие

церквей. Все это подавалось как «проявление революционной активности», как исполнение желаний масс «покончить со всем, что напоминает религию» [5, с. 190]. Рязанский педагог и краевед С. Д. Яхонтов в «Воспоминаниях» писал о том периоде: «А время и без того напряженное. Осень 1929 г. Храмы закрывались, колокола снимались; в распоряжении властей старина уже не играла роли» [7, с. 578].

Взрыв религиозной нетерпимости повлиял серьезно на социально-политическую ситуацию в стране, особенно в деревне. Наблюдалось недовольство, неповиновение со стороны верующей части населения, а в ряде районов вооруженные столкновения, перерастающие в локальные восстания. Продолжалась практика закрытия монастырей. Так, в 1928 г. был закрыт Чернеевский женский монастырь в Сасовском уезде [1, с. 17]. В 1929 г. вопрос о закрытии храмов решался часто с учетом интересов верующих. Так, в селе Гулынки Рязанского уезда верующим по договору было передано два здания: одно – каменное, приспособленное для культовых целей и второе – деревянное, полуразрушенное и никем не используемое. Гулынский сельский совет ходатайствовал о предоставлении старого здания церкви под избу-читальню [4, с. 32].

С конца 1928 – начала 1929 г. спецсводки Рязанского губотдела ОГПУ отмечают рост массовых выступлений на религиозной почве. Крестьяне выражали свое несогласие с практикой закрытия церквей. Так, в селе Змеевка Скопинского уезда Рязанской губернии в апреле 1929 г. была организована демонстрация женщин с требованием открытия церкви. Сельсовет не разъяснил каких-либо причин закрытия храма. В селе Санском, Шиловской волости, 1 мая на базарной площади недалеко от церкви был поставлен открытый экран для демонстрации картины. Во время постановки экрана в церкви шла служба, по окончании которой верующие, проходившие мимо экрана, особенно женщины, набросились на экран и стали рвать полотно и избивать киномеханика. Комсомольца Маркешкина [6, с. 31, 32]. В мае 1928 г. в Зарайском уезде верующие деревни Мендюкино организовали подписной лист за не передачу собора под клуб [3, л. 448]. Вместе с тем информсводка местного губотдела ОГПУ сообщала, что с закрытием церкви в Сасово недовольство высказывали религиозно настроенные старики и старухи. Молодежь отнеслась безразлично к закрытию храма [3, л. 556].

В условиях борьбы с религией духовенство открыто высказывало антисоветские настроения. Так, в селе Вирюлевки Скопинского уезда священник П. С. Благодовцев в своих проповедях говорил: «Советская власть, это власть не от Бога, власть временная, поэтому ей можно и не подчиняться. Недалеко то время, когда декретами Советской власти и червонцами на посмешище людям будут заклеивать заборы». В селе Хавертово Скопинского уезда священник Тишинский среди крестьян

вел агитацию о войне, говоря: «Безбожие привело к тому, что иностранные государства не в силах более терпеть издевательство над православным духовенством и в сегодняшнем году объявят войну. Сам Троцкий пойдет войной на нас и побьет» [6, с. 33].

Наступление на религию велось путем усиленной пропаганды новых советских норм быта. Так, в марте 1928 г. районный совет Рязанского Союза безбожников принял установку на организацию антирелигиозной работы так, чтобы на Пасху люди шли не в церковь, а в клуб. В этих целях предполагалось провести открытые киносеансы у клубов с установкой громкоговорителей и вывесить антирелигиозные лозунги. Рекомендовалось противопоставить поповской Пасхе культурный отдых [4, с. 30].

Наступление на церковь стало составной частью осуществлявшегося «великого перелома». Лозунгом антирелигиозного движения стал призыв: «Борьба с религией – есть борьба за социализм». Государственная политика наступления на церковную организацию включала в себя: закрытие и ликвидацию храмов, введение административных и социальных ограничений на осуществление богослужебной деятельности, запрет колокольного звона. Служители культов и их семьи лишались гражданских прав, продовольственных карточек, коммунальных квартир. Как «лишенцев» их облагали повышенными налогами. Наступление на традиционные основы патриархального мира вызвал сопротивление крестьян в защиту храмов и священнослужителей. Борьба деревни с антицерковной политикой позволила сохранить отдельные храмы. Антирелигиозная работа партийных, комсомольских и других общественных организаций в условиях отказа от принципов нэпа преследовала цель политического противодействия духовенству и верующим. В последующий период «безбожной пятилетки» ускоренной модернизации советского общества государство заняло наиболее жесткую, по сравнению с предшествующим периодом, позицию в отношении к Русской Православной Церкви. Была поставлена задача полного отказа то «религиозного дурмана».

Библиографический список

1. *Гераськин Ю. В., Джейранов С. Н.* Власть и церковь в период коллективизации в рязанской деревне // Вестник Рязанского государственного университета. 2019. № 2.

2. *Гимпельсон Е. Г.* НЭП. Новая экономическая политика Ленина-Сталина. Проблемы и уроки. (20-е годы XX века). М.: Собрание, 2004.

3. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. Р-4 Оп. 2. Д. 115.

4. *Джейранов С. Н.* Власть и церковь в период коллективизации (на материалах Московской области) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История, Международные отношения. 2021. Т. 21. Вып. 1.

5. *Одинцов М. И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014.

6. Рязанская деревня в 1929–1930 гг.: Хроника головокружения. Документы и материалы / отв. ред.-сост. Л. Виола, С. В. Журавлев. М.: РОССПЭН, 1998.

7. *Яхонтов С. Д.* Воспоминания 1917–1942. Т. 2 / под ред. П. В. Акульшина. М.; Рязань: АИРО XXI, Рязанский государственный университет имени академика И. П. Павлова, 2017.

УДК 34.047 + 93/94

А. А. Сорокин,
старший преподаватель, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

ВОПРОС О МЕЛКОЙ ЗЕМСКОЙ ЕДИНИЦЕ В РЕШЕНИЯХ ГУБЕРНСКИХ КОМИТЕТОВ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ О НУЖДАХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ*

Данная статья посвящена дискуссиям об учреждении мелкой земской единицы в Российской империи в начале XX в. Рассмотрены проекты и ход их обсуждения в губернских комитетах Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности.

Ключевые слова: земское самоуправление, земские выборы, избирательные права, мелкая земская единица, крестьяне

A. A. Sorokin,
Senior lecturer, Lobachevsky State University (National Research University) of Nizhny Novgorod

PROBLEM OF PROJECTS ON A SMALL ZEMSTVO UNIT IN THE PROVINCIAL COMMITTEES OF A SPECIAL MEETING ON THE NEEDS OF THE AGRICULTURAL INDUSTRY

This article is devoted to discussions about the establishment of a small zemstvo unit in the Russian Empire in the early XX century. The projects and the course of their discussion in the provincial committees of the Special Meeting on the needs of the agricultural industry are considered.

© Сорокин А. А., 2022

* *Исследование выполнено при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ в рамках научного проекта № МК-2631.2021.2 «Институт земских выборов в общественно-политическом дискурсе Российской империи на рубеже XIX–XX вв.».*

Keywords: zemstvo self-government, zemstvo elections, electoral rights, small zemstvo unit, peasants

На рубеже XIX–XX вв. одним из наиболее дискуссионных являлся вопрос о дальнейших путях развития местного самоуправления, в т. ч. земского. В либеральных кругах среди прочего в этой связи выдвигался вопрос об учреждении мелкой земской единицы, которая должна была стать низшим уровнем земского самоуправления. Отметим, что часть ее сторонников в основном преследовала такую цель, как ликвидация недостатков крестьянского права и крестьянского общественного устройства. Для других же вопрос о мелкой земской единице сводился не столько к реформе волости (т. е. крестьянского самоуправления), сколько к замене ее низшей земской организацией. И здесь в расчет принимались уже не недостатки волостного управления, а недостатки управления земского, не имевшего на местах низших органов, что не позволяло осуществлять земству прочную связь с селом [5, с. 87]. В 1901–1902 гг. за необходимость учреждения мелкой земской единицы выступили Нижегородская и Симбирская губернские земские управы, Тверское губернское земское собрание и другие земские органы [1, с. 95; 2, с. 126; 4, с. 42–43].

Обсуждался этот вопрос и в ходе деятельности местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, начавших свою работу в 1902 г. По подсчетам современников, за учреждение мелкой земской единицы проголосовали в 81 уездном комитете в 30 (из 34) земских губерниях [3, с. 134–135]. Однако наиболее жаркие дискуссии проходили в губернских комитетах.

В этом отношении показательны дебаты, которые проходили на заседаниях Орловского губернского комитета. Отметим, что его решение было продиктовано практическими предложениями Малоархангельского уездного комитета, полагавшего, что развитие дорожного дела должно потребовать изменения земской организации ввиду его обширности [14, с. 44]. При этом кромский предводитель дворянства В. А. Шеншин был противником такой организации, полагая, что в нее будет некого выбирать. Отвергалась им и идея расширения представительного самоуправления на земских началах: «Для более успешной деятельности земства вовсе не нужно мелкой единицы, а нужны только новые органы контроля…». Женатый на сестре будущего премьер-министра П. А. Столыпина конезаводчик В. А. Офросимов задавался вопросом, кто будет стоять во главе единицы: «Дворян становится все меньше и меньше, остаются крестьяне да разночинцы». Дмитровский предводитель дворянства Н. В. Васич отмечал, что будет сложно достичь баланса сил в такой всесословной организации, чтобы, с одной

стороны, цензовые представители в ней не были «сатрапами», а с другой, чтобы не было произвола со стороны крестьян. Напротив, будущий октябрист, губернский предводитель дворянства М. А. Стахович выступал за децентрализацию самоуправления («…органы самоуправления не должны переплетаться с правительственными органами…») и приближение его к населению. После дискуссий губернский комитет принял постановление о необходимости учреждения выборной мелкой земской единицы, причем предполагалось в целях установления более тесной связи с населением расширить круг избирателей путем понижения размера имущественного ценза (а для лиц с высшим и средним образованием – и возрастного) [14, с. 122–127].

Рязанский губернский комитет 20 голосами против 8 проголосовал за создание «более мелкой организации в помощь уездному земству» в целях «проведения многих агрономических мероприятий в жизнь» [18, с. 19]. Однако первые лица губернии с этим решением не были согласны. Так, вице-губернатор граф Д. Н. Татищев в своем особом мнении, приложенном к журналу заседаний комитета, отмечал, что это вызовет значительный расход и увеличение обложения для населения. Также выражалось сомнение в том, что удастся сформировать состав новых земских органов. При этом подчеркивалось, что привлечение «сельской интеллигенции» из учителей и разбогатевших торговцев и кулаков нежелательно, поскольку первые являются преимущественно пришлыми, не имеющими недвижимости, а потому мало связанными с местностью, а вторые – в принципе «нежелательным элементом» для привлечения к общественной деятельности. Крестьянам-землепашцам же давалась уничижительная характеристика как недостаточно развитым, мало интересующимся общественными делами и неспособным принести пользу в самоуправлении. К этому мнению присоединились и губернский предводитель дворянства В. А. Драшусов и другие представители администрации [18, с. 26]. О своей поддержке меньшинства заявил и председатель комитета, губернатор Н. С. Брянчанинов, повторивший доводы Д. Н. Татищева и отметивший, что действующее законодательство дает возможность земству давать заведывание на местах отдельными отраслями хозяйства и управления особым уполномоченным [18, с. 2].

Также за мелкую земскую единицу проголосовали Смоленский и Новгородский губернские комитеты, при этом председатель последнего выразил пожелание, чтобы она была организована на базе прихода [3, с. 134; 12, с. 13].

Другие губернские комитеты высказались более осторожно. Полтавский комитет при обсуждении предложения Константиноградского уездного комитета об учреждении мелкой земской единицы ограничился

постановлением о необходимости пересмотра крестьянского самоуправления и управления при участии «местных сил», не рассмотрев сам вопрос по существу [16, с. 26]. Пермский комитет признал неудовлетворительность волостного крестьянского самоуправления и постановил «признать необходимым и своевременным приступить к изучению земством и другими компетентными учреждениями» вопроса о мелкой земской единице (при этом председатель Камышловского уездного съезда Д. А. Бырдин заявил, что находит ее учреждение преждевременным, поскольку в крестьянском по составу населении губернии мало «других элементов, способных внести в сельскую жизнь культуру») [15, с. 54].

Псковский комитет, рассматривая предложение Опочецкого уездного комитета о введении мелкой земской единицы, не входя в его подробное обсуждение, постановил без прений по существу высказаться за желательность введения путем соответствующих реформ крестьянского сословия в круг лиц, подчиняющихся общим гражданским законам [17, с. 66–67].

Вятский комитет решил, что он недостаточно компетентен для обсуждения такого сложного вопроса, который может быть решен «только путем серьезной законодательной работы» [7, с. 38–39]. Вологодский комитет вопрос об учреждении мелкой земской единицы оставил на усмотрение Особого Совещания, поскольку поступившие в него ходатайства были лишь мнениями отдельных членов местных комитетов [6, с. 7].

Самарский комитет не отреагировал на предложения землевладельца Г. Н. Костромитинова, выступавшего за необходимость учреждения выборных мелких земских единиц, которые имели бы и самостоятельные функции, и одновременно являлись бы «исполнителями и сотрудниками» уездного и губернского земств [19, с. 67]. Солидарен был с ним и землевладелец Д. Д. Протопопов, который в видел в мелкой земской единице связующее «звено между обывателем и уездным земством», способное дать приток новых сил в земское самоуправление и способствовать плодотворной деятельности на местах [19, с. 119].

В других докладах, представленных на рассмотрение комитета, идея мелкой земской единицы была подвергнута критике. Так, в целом ее поддерживая, землевладелец С. Г. Аксаков полагал, что большую пользу в развитии хозяйственной деятельности могут оказать сельскохозяйственные общества или союзы, созданные на добровольной основе [19, с. 78]. Другой землевладелец, Я. Д. Слободчиков, отмечал несвоевременность ее учреждения, добавляя, что, во-первых, у крестьян в принципе «такое широкое самоуправление, какого не имеет у нас ни одно сословие», а во-вторых, в деревне нет достаточного количества лиц, которые, будучи гласными, «сознательно отнеслись к порученному им делу» [19, с. 111–112].

Проигнорирована была и записка члена губернской земской управы Л. Д. Брюхатова, поданная в Тамбовский комитет. В ней критиковалась сословная организация земства и доказывалась необходимость учреждения бессословных мелких земских единиц, которые будут тесно связаны с земством и обеспечивать реализацию постановлений уездных земских собраний на местах [22, с. 56].

Редакционная комиссия Московского комитета, обсудив заключения уездных комитетов, с перевесом в один голос (три против двух) сочла, что необходимо учреждение мелких земских единиц как «общественных органов земского самоуправления», которые сблизили бы деревню и земство и поспособствовали бы решению местных проблем [10, с. 14]. Сам комитет поддержал ее предложение и в целом высказался за введение мелкой земской единицы, однако постановил, что «ввиду того, что вопрос о мелкой земской единице не может быть правильно разрешен исключительно с точки зрения нужд сельскохозяйственной промышленности, не входить в подробное рассмотрение этого вопроса, но тем не менее высказаться за желательность введения мелких общественных организаций для удовлетворения многих местных нужд» [10, с. 14].

Бывший уполномоченный по сельскохозяйственной части Нижегородской губернии В. Садовень в своей записке Нижегородскому комитету отмечал, что одних губернских и уездных учреждений для решения такого большого количества практических задач недостаточно. Выход им виделся в организации «мелкой земской единицы такого района, который со всеми его реальными нуждами может быть действительно близко знаком как распорядительному, так и исполнительному органу этой мелкой земской единицы, и в котором все эти мероприятия подлежат критике местного общественного мнения, могут идти под действительно фактическим надзором этой организации» [11, с. 78].

Солидарен с ним был и будущий кадет, балахнинский земец Г. Р. Килевейн: «Земские учреждения получат от введения этой мелкой организации незаменимый исполнительный орган, а местные нужды получат наиболее полное удовлетворение». Это нашло поддержку среди части членов губернского комитета, однако 19 голосами против 10 было принято решение отказаться от обсуждения этого вопроса [11, с. 41–42].

Костромской комитет 12 голосами против 8 принял решение о желательности учреждения мелкой земской единицы, но дополнительно большинством 13 голосов против 7 признал этот вопрос несвоевременным и желательным «лишь при условии подъема народного образования и после осуществления Правительством культурно-правовых мероприятий, подготовляющих население к подобной реформе» [8, с. 93].

Риторика противников была следующей. Земский начальник К. А. Бошняк высказался против мелкой земской единицы как подры-

вающей «значение теперешнего уездного земства» [8, с. 60]. Доводы управляющего государственными имуществами Костромской и Ярославской губерний В. С. Дмитриева лежали в иной, сугубо экономической плоскости. По его мнению, при ее учреждении как самооблагающейся единицы самоуправления произойдет слишком неравномерное распределение средств по районам, в результате чего многие мелкие земские единицы не смогут содержать за счет своих сборов различные земские учреждения типа больниц и школ [8, с. 90].

Член-оценщик Харьковского отделения Дворянского банка В. И. Мезенцов считал вопрос о мелкой земской единице навязанным земству «либерально-доктринерской прессой» и утверждал, что в ней «личность подвергнется еще более жестокой нивелировке» массой, связывая это с особенностями избирательной системы. По его мнению, при основе выборов на имущественном цензе «один элемент населения» «будет порабощен другим» за счет разницы в размере собственности у крестьян и крупных землевладельцев, а при отказе от этого ценза при выборах становится неясной правомочность такого органа самоуправления решать имущественные вопросы [24, с. 158–159].

Также отклонили учреждение мелкой земской единицы Курский, Олонецкий, Саратовский, Симбирский и Тверской губернские комитеты [9, с. 18–19; 13, с. 14; 20, с. 97; 21, с. 165–166; 23, с. 68]. Губернские комитеты возглавлялись губернаторами, и далеко не все из них симпатизировали земству (кроме того, многие считали необходимым строго придерживаться повестки Особого совещания, в которую вопросы о реформе местного самоуправления не входили).

Библиографический список

1. Журналы Симбирского губернского земского собрания очередной сессии 1902 года. Симбирск, 1903. 910 с.

2. *Кузьмин-Караваев В. Д.* Мелкая земская единица // Земство и деревня. 1898–1903. Статьи, доклады, рефераты и речи. СПб., 1904. С. 248–258.

3. *Прокопович С. Н.* Местные люди о нуждах России. СПб., 1904.

4. Сборник постановлений Нижегородского губернского земского собрания. Т. 4: 1900–1910. Нижний Новгород, 1914. 1524 с.

5. *Страховский И. М.* Крестьянские права и учреждения. СПб., 1904. VI, 256 с.

6. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. VII: Вологодская губерния. СПб., 1903. IV, 338 с.

7. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. X: Вятская губерния. СПб., 1903. X, 768 с.

8. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XVII: Костромская губерния. СПб., 1903. VIII, 527 с.

9. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XIX: Курская губерния. СПб., 1903. VIII, 875 с.
10. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXIII: Московская губерния. СПб., 1903. VI, 696 с.
11. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXIV: Нижегородская губерния. СПб., 1903. VI, 586 с.
12. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXV: Новгородская губерния. СПб., 1903. VIII, 557 с.
13. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXVI: Олонецкая губерния. СПб., 1903. IV, 280 с.
14. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXVIII: Орловская губерния. СПб., 1903. VIII, 768 с.
15. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXX: Пермская губерния. СПб., 1903. VIII, 551 с.
16. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXXII: Полтавская губерния. СПб., 1903. VIII, 830 с.
17. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXXIII: Псковская губерния. СПб., 1903. VI, 349 с.
18. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXXIV: Рязанская губерния. СПб., 1903. VI, 662 с.
19. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXXV: Самарская губерния. СПб., 1903. VI, 622 с.
20. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXXVII: Саратовская губерния. СПб., 1903. VIII, 673 с.
21. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXXVIII: Симбирская губерния. СПб., 1903. VI, 540 с.
22. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XLI: Тамбовская губерния. СПб., 1903. VIII, 471 с.
23. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XLII: Тверская губерния. СПб., 1903. IV, 475 с.
24. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XLV: Харьковская губерния. СПб., 1903. VI, 510 с.

УДК 94(47)
А. В. Степанов,
доцент, Ивановский государственный университет

СЮЖЕТЫ ИЗ ИСТОРИИ РАННЕГО ХРИСТИАНСТВА НА РУССКОМ КИНОЭКРАНЕ «СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА»

Рассматриваются примеры показа в кинотеатрах России в 1908–1913 гг. европейских фильмов на темы из истории раннего христианства. Анализируются случаи наложения Святейшим Синодом и местными полицейскими властями запретов на их прокат. Высказаны предположения о причинах таких запретов.
Ключевые слова: русский кинопрокат начала XX в., полицейская цензура

A. V. Stepanov,
Associate Professor, Ivanovo State University

EARLY CHRISTIAN HISTORY EPISODES ON RUSSIAN MOVIE SCREENS OF THE "SILVER AGE"

Cases of European fiction films based on early Christian history events being exhibited in Russian movie theaters between 1908 and 1913 are examined. Instances of bans on their exhibition imposed by the Holy Synod and local police authorities are discussed. Possible reasons for the screening-out are supposed.
Keywords: Early 20th century Russian cinema business, police censorship

Во второй половине 1900-хгг. В российскую жизнь стремительно вторглось новое явление – кинематограф. Ни техническое несовершенство первых кинолент, ни примитивность их сюжетов, ни даже чуждость иных жанров игрового кино отечественной культурной традиции не отталкивали зрителя: «синема» молниеносно приобрел колоссальную популярность, став едва ли не первым в нашей истории по-настоящему всесословным зрелищем, способным оказывать мощное воздействие на умы и сердца миллионов людей. В 1912 г. писатель А. С. Серафимович в статье с характерным названием «Машинное надвигается» не без тревожной растерянности констатировал: «Пройдитесь вечером по улицам столиц, губернских городов, уездных городишек, и везде вы встретите одно и то же: вход, освещённый фонариками, и у входа толпу ждущих очереди – кинематограф. <…> Загляните в зрительную залу; вас поразит состав публики: здесь все – студенты и жандармы, писатели и проститутки, офицеры и курсистки, всякого рода интеллигенты и рабочие, приказчики, торговцы, дамы света, модистки, чиновники, словом – все…» [6, с. 8].

© Степанов А. В., 2022

До начала первой мировой войны большинство художественных фильмов, демонстрировавшихся в России, имели западноевропейское или американское происхождение. У себя на родине их создатели не встречали тех цензурных ограничений, которые законы нашей страны (а ещё более – практика их применения) налагали на местный шоубизнес; отечественные власти не могли признать даже взрослых местных кинозрителей столь же граждански зрелыми, какими считались их современники за рубежом. Ю. Г. Цивьян оценивал русскую киноцензуру Серебряного века как «одну из самых суровых в мире» [14, с. 71]. В подобных условиях конфликт государства с кинопрокатчиками (а отчасти и с жаждущим зрелищ российским обществом) становился неизбежным.

Например, выходивший с 1907 г. в Москве журнал «Сине-Фоно» уже в первых номерах сетовал на цензуру кинолент, хотя и не оспаривал ее необходимости. «Мы не будем здесь подымать вопроса, нужна или не нужна эта цензура!» – спешил заверить его обозреватель [7]. Выражавший интересы «театровладельцев» и «демонстраторов» журнал сетовал лишь на неупорядоченность действий властей в этом деле: «Бывали случаи, что какая-нибудь картина идёт в театре одного [полицейского] участка, в соседнем же участке таковая к демонстрации запрещена. Было бы целесообразно и желательно установить цензуру синематографическим лентам в Москве и распространить действие этой цензуры на всю Российскую империю» [8]. Первая половина этого скромного пожелания сбылась через год; вторая – сделать решения московских киноцензоров обязательными для всей страны – так никогда и не осуществилась [3].

С особой придирчивостью российские власти – духовные и светские – относились к зарубежным фильмам, снятым на темы истории христианства. Между тем, на заре кинематографа такие ленты появлялись весьма часто: юное кино, лишенное звука и ограниченное рамками метража, крайне нуждалось в сюжетах, знакомых зрителям с детства и способных, без особых режиссерских изысков, оказывать сильное эмоциональное воздействие на публику [13, p. 47].

Едва ли не первую подобную ленту – «La vie et la passion de Jesus Christ» – изобретатели киноаппаратуры братья Люмьер сняли ещё в 1898 г. и немедленно отправили в Россию. Однако Святейший Синод, которым тогда руководил К. П. Победоносцев, запретил показ фильма, назвав его «надругательством над Евангелием». Синодальный запрет был подкреплен циркуляром Министерства внутренних дел от 2 мая 1898 г. за № 2094, адресованным губернским и городским властям [2, с. 79]. Суровое мнение Синода следует признать, по крайней мере отчасти, справедливым. Авторитетный киновед 1920-х гг. Б. С. Лихачёв,

посмотревший в детстве эту ленту, утверждал, что «более нелепой и неумелой пародии никогда в жизни не видел» [2, с. 39].

Убийственную оценку юного зрителя вызвал не столько сам фильм (Б. Лихачев ошибочно приписал его компании «Пате»), сколько его технически беспомощные «спецэффекты». На наш взгляд, они простительны для картины, снятой на заре киноискусства и имевшей продолжительность 11 минут; для братьев Люмьер она стала последней работой в художественном кино. Впрочем, и современный кинокритик, вполне благожелательный к ранним игровым фильмам, находит, что финал картины – сцена воскрешения, в которой Христос встает из-под могильной плиты – «вызывает непредвиденный комический эффект: она больше похожа на сцену с зомби, а не на чудо» [12].

Отменить запрет на прокат в России уже успевшего порядком устареть французского фильма удалось только в 1908 г.: теперь полиция дозволила показывать его под названием «Рождение и жизнь Христа в картинах», лишь требуя от зрителей снимать шапки в кинозале. Реакция всё еще мало искушенной отечественной публики была на редкость эмоциональной: по свидетельству печати, «картины, особенно страданий Господних, производят чрезвычайно сильное впечатление. Многие не выносят зрелища и падают в обморок. Большинство плачет, и редко кто остаётся бесстрастным зрителем. Публика ломится в театр» [9, с. 44]. Тот же Б. С. Лихачёв и спустя 20 лет помнил, что «публика, смотревшая этот фильм, неистовствовала. Женщины плакали, а во время сцены распятия почти на каждом сеансе происходили истерики» [2, с. 39].

Возможно, задержка с выходом в русский прокат экранизации библейских текстов, в которой артисты изображали Христа, Богородицу и святых апостолов, отбила у западных кинокомпаний желание ввозить сюда новые ленты на эту вечную тему. Но картины на раннехристианские сюжеты продолжали поступать на русский кинорынок под видом исторических фильмов, что позволяло им прорываться сквозь цензурные запреты. Вот некоторые из подобных лент, шедших в России: «Иосиф, преданный братьями» (1909, «Пате»), «Выход евреев из Египта (Библейские сцены)» (1910, «Гомон»), «Смерть за веру. Трагедия из жизни первых христиан» (1910, «Чинес») [10, с. 315; с. 330; с. 348].

Однако прокат в России подобных фильмов становился всё труднее; на рубеже второго десятилетия XX в. показ на экране любых «исторических иллюстраций Ветхого и Нового Заветов» российские власти запретили окончательно [2, с. 100]. Этот факт подтверждает А. Ханжонков, запомнивший «цензурный нажим в конце 1910 года», когда в кинотеатрах запретили «демонстрировать истории из Ветхого и Нового Завета, изображение Христа, Девы Марии и святых угодников и, наряду с этим, порнографию» [11, с. 46].

Одной из первых жертв новых запретов стала кинокомпания «Гомон». В 1910 г. к показу в России не была допущена ее лента «Отче наш» [2, с. 78; 10, с. 342]. Не увидела русская публика и новинок другой французской компании – «Фильм д'ар»: картин «Поцелуй Иуды» (1910) и «Иисус из Назарета» (1911) [5, с. 15, 16]. Шанс попасть на русский экран сохраняли только костюмные драмы жанра «пеплум», в чьих сюжетах судьба первых христиан служила лишь частью богатой киногеничными событиями истории позднего Рима.

Например, в 1913 г. в России триумфально прошел, без помех миновав цензурные препоны, фильм «Камо грядеши», снятый компанией «Чинес» (Италия). Это была грандиозная по размаху съемок (5 000 статистов) и продолжительности показа (120 минут) экранизация романа нобелевского лауреата Генрика Сенкевича «Quo vadis», на рубеже 1912–1913 гг. потрясавшая кинотеатры всей Европы и Соединенных Штатов [5, с. 109–110].

Обозреватель московской газеты писал об этом фильме, не скрывая восторга: «Картина положительно великолепна. Строго выдержанные, стильные костюмы. Прекрасная обстановка, переносящая нас в далёкую нероновскую эпоху. Главные персонажи: Нерон, Петроний, Лигия, Тигеллин, Эвника, Хилон и Марк Виниций великолепны. Лучше всего инсценирован пожар Рима с беспорядочным паническим движением по горящим улицам и сцена в цирке. Десятки львов, разрывающих трупы христиан, вызывают жуткое отвращение, но зато невольно переносят в эпоху» [«Раннее утро». 30 марта 1913 г.].

По воспоминаниям Б. Лихачева, в столице России билеты на «Quo vadis» заказывались заранее; «в самом популярном петербургском кинотеатре», где шла лента, «каждый вечер происходила неимоверная давка» [2, с. 133]. А. Ханжонков, чья компания была эксклюзивным дистрибьютором картины, утверждал, что «по отзывам русской и европейской прессы, постановка "Чинес" побила все мировые рекорды» [11, с. 73]. Подборка восторженных цитат из десятков русских газет, опубликованная профильным журналом, подтверждает небывалую популярность «Камо грядеши» у провинциальной публики [4, с. 4].

На исходе 1913 г. в российских синематографах едва ли не с таким же успехом демонстрировалась другая итальянская киноэпопея – картина «Сим победиши», продукция компании «Фильм д'арте итальяно». Вот как представлял эту ленту владелец «электросалона "Яр"» в Иваново-Вознесенске А. Антропов: «Сегодня последний день идет историческая картина в 6-ти больших отделениях СИМ ПОБЕДИШИ, длина 1400 метров; участвуют львы и боле 15000 человек. Картина эта сама за себя говорит, что доказывает увеличение числа посетителей с каждым днём» [«Ивановский листок». 1 декабря 1913 г.].

В том же номере газеты безымянный обозреватель новостей жизни «Русского Манчестера» делился эмоциями, которые вызывал этот фильм: «В электросалоне “Яр” демонстрируется дивная художественная картина “Сим победиши”. В глазах зрителя воскресают первые века христианства, и воочию представляется живая картина – мучения христианских подвижников, преданных в руки жестокосердых мучителей. Невольно на глазах навертываются слезы – так жаль становится пострадавших за Христа подвижников».

Однако ставшие уже привычными даже провинциальному зрителю подозрения полицейских купюр в допущенных к прокату киноленте сопровождали и этот триумфальный показ. Владелец «Яра» решительно опровергал подобные наветы: «Мне передавали некоторые зрители, что мои конкуренты распространяют ложный слух, будто бы по просмотре картины г-ном полициймейстером вырезано из нее более тысячи метров, на что могу объяснить, что г-н полициймейстер, по просмотре, нашел возможным допустить картину к демонстрированию всю полностью» [«Ивановский листок». 1 декабря 1913 г.].

Своего рода итог цензурным усилиям властей подвел в феврале 1915 г. сотрудник МВД, старший инспектор типографий и книжной торговли Петрограда В. В. Познанский. В инструкции, одобренной столичным градоначальником, он предписал удалять из игровых фильмов сцены богослужений, исполнения церковных обрядов и таинств, а также кадры, в которых актеры играют православных священников или просто творят крестное знамение. Разумеется, не допускалось изображение на киноэкране «Господа нашего Иисуса Христа, Пресвятой Богоматери, Святых Ангелов, Святых угодников Божиих» [1, с. 452].

Почти полный запрет, наложенный Синодом (при поддержке государства) на показ в России фильмов на христианские сюжеты, мог быть продиктован рядом причин. Возможно, иерархи РПЦ учитывали жанровый состав художественных лент, которые шли в отечественных «биоскопах»: в их программах преобладали любовные мелодрамы, эксцентрические комедии, «пикантные» фарсы и криминальные триллеры в стиле гиньоль. Показ в одном ряду с ними киновоплощений сакральных текстов мог быть чреват богохульственной профанацией последних. Возможно, в Синоде опасались также, что контраст между привычными глазу русского «глубинного человека» иконописными образами святых – и актерами, исполняющими их роли на экране, окажется слишком сильным и в итоге сделает иконы менее почитаемыми (а с тем пошатнет и всю народную религиозность). Не исключено, что за запретом стояла боязнь скрытого проникновения в Россию католической традиции церковных мистерий. Наконец, Ю. Г. Цивьян полагал, что своими запрета-

ми «Синод действовал в духе Византийской церкви с ее неприятием театральных постановок» [14, с. 73].

В любом случае, не доверяя стойкости веры своей паствы, церковные владыки упускали в лице кинематографа мощное средство ее духовного просвещения, тем более полезное, что в круге повседневного чтения русского простонародья Библия встречалась не так уж часто. Сильная, эмоциональная и в целом вполне адекватная реакция отечественных зрителей на немногие допущенные к показу в России фильмы, поставленные на сюжеты из истории христианства, показывала безосновательность подобных опасений.

Библиографический список

1. *Ковалова А.* Главные указания при просмотре кинематографических лент // Киноведческие записки. М., 2009. № 92. С. 449–454.

2. *Лихачев Б. С.* История кино в России. Материалы к истории русского кино. Ч. 1. 1896–1913. Л.: Academia, 1927. 214 с.

3. *М.А.* Много шуму… из-за чего же? // Сине-фоно. М., 1909. № 22. С. 6.

4. Отклики печати // Вестник кинематографии. М., 1913. № 10. С. 4–5.

5. *Садуль Ж.* Всеобщая история кино. Т. 2. Кино становится искусством. 1909–1914. М.: Искусство, 1958. 258 с.

6. *Серафимович А. С.* Машинное надвигается // Сине-фоно. 1912. № 8. С. 8–9.

7. *С.Л.* К вопросу о предварительном просмотре картин // Сине-фоно. 1908. № 2. С. 3.

8. [*С.Л.*] К вопросу о предварительном просмотре картин // Сине-фоно. 1908. № 4. С. 3.

9. Фильмография иностранных фильмов в России, 1907–1908 / М. Н. Иорданский, сост. // Киноведческие записки. 2008. № 86. С. 39–58.

10. Фильмография иностранных фильмов в России, 1909–1913 / М. Н. Иорданский, сост. // Киноведческие записки. 2010. № 96. С. 306–353.

11. *Ханжонков А. А.* Первые годы русской кинопромышленности: Воспоминания. М.; Л.: Искусство, 1937. 172 с.

12. http://www.acinemahistory.com/2016/04/la-passion-1898-passion.html

13. *Leyda Jay.* Kino: A history of the Russian and Soviet film. London: George Allen and Unwin Ltd., 1960. 536 p.

14. *Tsivian Yuri*. Sensure bans on religious subjects in Russian films // An invention of the Devil? Religion and early cinema. Sainte-Foy; Lausanne: Presses de l'Universite Laval et Editions Payot, 1992. P. 71–80.

УДК 069
А. Ю. Суслов,
ведущий научный сотрудник, Обособленное подразделение ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ» (Казань)

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МУЗЕЕВ ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ И ПОЖАРНОЙ ОХРАНЫ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

В статье рассматривается история создания и деятельности музеев гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и пожарного дела на территории Республики Татарстан.
Ключевые слова: музей, Казань, Татарстан, гражданская оборона, чрезвычайные ситуации, пожарная охрана

A. Y. Suslov,
Leading researcher, Separate subdivision of the State National Budgetary Institution «Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan» «Institute of the Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan» (Kazan)

HISTORY AND CURRENT STATE OF CIVIL DEFENSE AND FIRE PROTECTION MUSEUMS IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN

The article deals with the history of the creation and activity of the museums of civil defense, emergency situations and fire fighting on the territory of the Republic of Tatarstan.
***Keywords*:** museum, Kazan, Tatarstan, civil defense, emergencies, fire protection

В современной музейной сети Российской Федерации выделяются в качестве отдельной группы ведомственные музеи – различных министерств, учреждений ведомств, которые не находятся в ведении органов управления культурой. Своеобразное место среди них занимают музеи гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и пожарного дела. Как правило, они начали возникать в СССР во второй половине XX в. как пожарно-технические выставки и центры противопожарной пропаганды, комнаты боевой и трудовой славы отдельных частей, региональных центров. С созданием в первой половине 1990-х гг. МЧС Российской Федерации музейная деятельность активизировалась и получила нормативное закрепление.

© Суслов А. Ю., 2022

На данный момент в системе МЧС России создано 122 образования музейного типа (пожарно-технические выставки, музейно-выставочные центры и т. п.). Приказом МЧС России от 3 мая 2011 г. № 216 утверждена Концепция совершенствования и развития исторической работы в системе МЧС России. Центральный музей МЧС России (приказом министра обороны СССР 21 июля 1983 г. был создан Музей гражданской обороны СССР, 20 апреля 1994 г. преобразованный в Центральный музей МЧС России) и образования музейного типа ежегодно посещают более 530 тыс. человек: учащиеся школ, студенты колледжей и вузов, работники организаций и предприятий страны, сотрудники МЧС России и др. Целью музейной деятельности МЧС «является формирование исторического сознания, патриотического, нравственного и эстетического воспитания сотрудников МЧС России и различных категорий населения» [1, с. 130].

Научных работ по изучению создания и функционирования музейной сети МЧС немного. Общий обзор наиболее крупных музеев содержится в статьях А. Я. Понимаскина, В. Н. Брешиной, Н. В. Бородиной, М. Г. Завидской [1; 2]. Отдельные исследователи акцентируют внимание на роль данной группы музеев в распространении научных, профильных знаний среди различных категорий населения, особенно детей и молодежи, по основам безопасности жизнедеятельности, защиты и выживания людей в условиях чрезвычайных ситуаций. Так, авторы коллективной монографии «Комплексный подход МЧС России к формированию культуры безопасности жизнедеятельности» выделяют специальный раздел, посвященный деятельности библиотек и музеев МЧС России в интересах формирования культуры безопасности жизнедеятельности [3]. Эта же проблема рассматривается в статье Л. А. Бондаренко, Г. Г. Дороговой и Е. В. Улановой [4]. Что касается Республики Татарстан, то лишь в справочнике «Все музеи Казани» дана краткая информация о музее Центра противопожарной пропаганды и общественных связей МЧС [5, с. 157–159].

В Республике Татарстан имеется несколько музеев по истории гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и пожарной безопасности. Музей истории ГО и ЧС МЧС Республики Татарстан был создан приказом МЧС РТ № 414 от 16 июня 2004 г. и находится в здании Учебно-методического центра по ГО и ЧС Республики Татарстан (Казань, ул. Кулахметова, д. 5А). В музее семь разделов, посвященных созданию, развитию и функционированию Гражданской обороны ТАССР и СССР, а также развитию Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций на современном этапе. В музее представлены стенды по истории создания МПВО и ГО

ТАССР, средства защиты органов дыхания и кожи личного состава МПВО и пожарной охраны государственной противопожарной службы, приборы радиационной, химической разведки и контроля. Регулярно проводятся мероприятия – Дни открытых дверей, посвященные Всемирному дню гражданской обороны (1 марта), дню гражданской обороны в России (4 октября); организуется показ фильмов об истории гражданской обороны и РСЧС, экскурсии, лекции со слушателями УМЦ по ГО и ЧС Республики Татарстан, школьниками в период проведения месячника гражданской обороны.

Центр противопожарной пропаганды и общественных связей 7 пожарно-спасательного отряда федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы Главного управления МЧС России по Республике Татарстан был создан в 1978 г. и располагается в Казани, ул. Кожевенная, д. 20. По площади (более 500 кв. м.) и количеству единиц хранения (8145) – это крупнейший музей такого профиля в Татарстане. Разделы музея отображают мемориальный и исторический аспекты пожарного дела, развитие пожарно-технического вооружения и пожарно-спасательной техники, историю и развитие автоматических средств пожаротушения, обучение населения правилам поведения на пожарах и их профилактика, кинозал. Примечательными экспонатами являются действующие диорамы: «Пожар старой Казани 1815 г.», «Комната до и после пожара», макет «Театр оперы и балета», «Конный обоз», макеты пожарной техники.

Филиал этого музея располагается в Нижнекамске (ул. Менделеева, 5) и функционирует с 1988 г. Площадь музея около 200 кв. м., количество экспонатов – 194, в том числе макет завода поверхностно-активных веществ ОАО «Нижнекамскнефтехим». Разделы музея, проводимые мероприятия находятся в общем русле деятельности головного музея в Казани.

В Зеленодольске (ул. Наумова, 2а, здание 52 пожарно-спасательной части) находится Музей Зеленодольского пожарно-спасательного гарнизона, созданный в 2015 г. Его открытие было приурочено к юбилейным датам – 25-летию МЧС России и 20-летию МЧС Республики Татарстан. Инициатором проекта выступил начальник 8 отряда ФПС по Республике Татарстан – начальник Зеленодольского пожарно-спасательного гарнизона Зуфар Менхатович Халиуллин. Музей занимает 5 комнат общей площадью около 100 кв. м. и имеет более 500 единиц хранения – наряду с историческими экспонатами (колокол, шлемы брандмейстеров, старинный насос и др.), в коллекции музея широко представлены образцы современного пожарно-технического вооружения и аварийно-спасательного оборудования. Помимо информаци-

онных стендов об истории пожарного дела России, Республики Татарстан и города Зеленодольска, существует экспозиция, посвященная ветеранам ВОВ и пожарной охраны, с подлинными документами, боевыми наградами, военными трофеями; представлены материалы, посвященные участникам боевых действий, а также пожарным династиям Зеленодольского гарнизона; экспонируется макет «Основные виды аварийно-спасательных работ, проводимых подразделениями противопожарной службы». Кроме того, музей – это и своеобразный общественный центр ветеранов и пенсионеров пожарно-спасательной службы Зеленодольска.

Музей пожарной охраны Набережночелнинского пожарно-спасательного гарнизона организован в 2012 г. по инициативе начальника ФГКУ «15 отряд ФПС по Республике Татарстан» Михаила Арсентьевича Иванова и Совета ветеранов пожарной охраны г. Набережные Челны на базе помещений 54-й пожарной части. Хранение фондов организовано в двух комнатах (залах) общей площадью 48 $м^2$ в застекленных шкафах, на столах и постаментах. В музее оборудован уголок памяти погибшему при исполнении служебного долга сотруднику ПСЧ-54 Хайруллину Халиму Муназиловичу. Всего в музее порядка 300 единиц хранения основного, научно-вспомогательного и обменного фонда. Наиболее ценные экспонаты: ручной пожарный насос на конной тяге образца конца XIX – начала XX в., переходящее знамя «Победителю в социалистическом соревновании», удостоверение работника городской пожарной команды (ГПК), 1951 г., форменное обмундирование начальника ГПК, фотографии первой пожарной части с каланчей г. Набережные Челны, трудовых будней личного состава, также металлические пожарные каски образца начала XX в. Отдельный выставочный образец музея – первый пожарный автомобиль пожарной команды г. Набережные Челны – автоцистерна ПМЗ-11 на шасси УралЗиС-5, находился на вооружении в 50–60-е годы XX в., в 2011 г. отреставрирован и установлен на фасаде 56 пожарно-спасательной части по адресу: г. Набережные Челны, проспект Московский, 93. Ежегодно в музее проводятся экскурсии для учащихся образовательных учреждений и воспитанников ДОУ, занятия посвященные истокам становления системы РСЧС для студентов профильных учебных заведений, уроки мужества с кадетами. В 2020 г. впервые проведена церемония принятия присяги вновь принятыми на службу сотрудниками ФПС.

В современных условиях актуализируется задача музеев по оказанию позитивного влияния на формирование общества и его идеологии, семейных и нравственных ценностей, диалога культурных традиций. Таким образом, музеи МЧС занимают важное место в музейном

пространстве Республики Татарстан [6; 7; 8] и решают несколько важных задач – наряду с популяризацией действий пожарных и спасателей, сохранения традиций противопожарной и спасательной служб, они ведут просветительскую работу среди населения по формированию практических навыков безопасности жизнедеятельности, защиты и выживания людей в экстремальных ситуациях.

Библиографический список

1. *Понимаскин А. Я., Брешина В. Н., Бородина Н. В., Завидская М. Г.* Музеи МЧС России // Пожарная безопасность. 2018. № 4. С. 128–137.

2. *Брешина В. Н., Бородина Н. В.* Развитие музейного дела в системе МЧС России // Актуальные проблемы пожарной безопасности: материалы конф. Балашиха, 2019. С. 676–674.

3. *Аюбов Э. Н.* Комплексный подход МЧС России к формированию культуры безопасности жизнедеятельности: монография / Э. Н. Аюбов, Н. В. Твердохлебов, А. Ф. Хоруженко. М.: ФГБУ В ГОЧС (ФЦ), 2012. 201 с.

4. *Бондаренко Л. А., Дорогова Г. Г., Уланова Е. В.* Использование экспозиций музеев и выставочных центров, отражающих тематику деятельности МЧС России по реализации «Концепции формирования культуры безопасности жизнедеятельности» // Технологии гражданской безопасности. 2008. № 5. С. 148–152.

5. Все музеи Казани. Справочник-путеводитель. Казань: Заман, 2004. 256 с.

6. *Суслов А. Ю.* Музейное сообщество Татарстана: основные этапы развития // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2021. № 1 (76). С. 89–93.

7. *Суслов А. Ю.* Формирование и развитие музейного пространства Республики Татарстан // Манускрипт. 2021. Т. 14. Вып. 3. С. 433–437.

8. *Гилазев З. З.* Литературное наследие в музеях Татарстана (на примере татарских писателей) // Казанская наука. 2020. № 11. С. 34–36.

УДК 94 (470.55) «1920/1930»
А. И. Сысов,
учитель истории МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 112»
(г. Трехгорный Челябинской области)

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РАЙОННЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ЗОНЫ ЮЖНОГО УРАЛА С ОКРУЖНЫМИ ОБЛАСТНЫМ РУКОВОДСТВОМ В ХОДЕ РЕАЛИЗАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ЗАДАЧ В СЕРЕДИНЕ 1920-х – СЕРЕДИНЕ 1930-х гг.

Основное внимание в работе уделяется проблеме взаимоотношений районных советских и партийных органов горнозаводских районов Южного Урала с вышестоящими управленческими структурами в условиях форсированной модернизации.
Ключевые слова: горнозаводская зона Южного Урала, партийные конференции, съезды Советов, райкомы, райисполкомы, форсированная модернизация

A. I. Sysov,
History teacher MBOU «Secondary school number 112»
(Trekhgorny, Chelyabinsk region)

RELATIONSHIP OF THE DISTRICT AUTHORITIES OF THE GORNOZAVODSK ZONE OF THE SOUTH URALS WITH DISTRICT AND REGIONAL LEADERSHIP IN THE IMPLEMENTATION OF MANAGEMENT TASKS IN THE MID-1920s – MID-1930s

The main attention in the work is paid to the problem of the relationship between the district Soviet and party bodies of the mining regions of the Southern Urals with higher management structures in the context of forced modernization.
Key words: mining zone of the Southern Urals, party conferences, congresses of Soviets, district committees, regional executive committees, forced modernization

Организация региональной системы управления на Урале в 1920-х – 1930-х гг. была тесно связана с его административно-территориальным делением. В 1920-х гг. в ее структуре выделялось четыре уровня (региональный, окружной, районный, местный), в каждом из которых существовало два компонента: органы Советской власти (съезды Советов, исполкомы и президиумы исполкомов во главе с председателями) и партийные органы (партийные конференции, парткомы и бюро парткомов во главе с ответственными секретарями). После ликвидации

© Сысов А. И., 2022

округов, в 1930 г. в региональной структуре власти осталось три уровня, каждый из которых обладал собственным набором полномочий. Положение, занимаемое районными органами в системе регионального механизма власти, фактически сделало их посредником во взаимоотношениях окружных, а затем областных, администраций с местным аппаратом управления и населением. В связи с этим необходимо определить каковы были особенности взаимоотношений районных органов власти с региональными управленческими структурами, каковы были основные направления их взаимодействий. Рассмотрение этих вопросов возможно на примере деятельности органов власти и управления горнозаводской зоны Южного Урала, значительная часть которой (Миньярский, Катавский, Саткинский, Кусинский, Миасский, Медведевский районы) входила в середине 1920-х – начале 1930-х гг. в Златоустовский округ Уральской области, после разукрупнения которой в 1934 г. влилась в состав вновь образованной Челябинской области.

Советские органы власти являлись структурным подразделением единого централизованного государственного аппарата управления. Хотя формально они были полностью самостоятельны в решении местных вопросов, однако, окружной исполком, согласно ст. 65 Конституции РСФСР 1925 г., имел право осуществлять контроль за деятельностью нижестоящих местных Советов и их исполнительных органов, а также отменять их решения [4, с. 222]. Кроме того, проведение в жизнь постановлений соответствующих высших органов Советской власти было обязанностью районных Советов и их исполкомов. В этой ситуации практически любая установка Златоустовского окружного исполкома становилась обязательной для исполнения районными Советами горнозаводской зоны Южного Урала. Большая часть распоряжений, издаваемых Златоустовским окрисполкомом касалась вопросов хозяйственной деятельности в районах округа и учета кадров. Под особым контролем окрисполкома находились вопросы, связанные сфорсированной модернизацией. Например, в 1929–1930-м гг. Златоустовкий окрисполком непосредственно контролировал ход изыскательских работ в районах возможного размещения металлургического завода «Бакал-гигант». Саткинский и Катавский райисполкомы получили жесткие предписания из Златоуста, в которых от них требовалось оказание всяческой помощи и содействия в поиске подходящих площадок для строительства, а в дальнейшем, в случае положительного завершения изысканий, и в организации самого строительства завода и города [1, л. 22, 34–36].

Начало сплошной коллективизации и раскулачивания также оказалось в зоне особого внимания окрисполкома. На первом этапе раскулачивания в горнозаводской зоне Южного Урала районные органы власти в основном выполняли посредническо-координирующую роль

между окружными и сельскими органами власти. Основные организаторские функции принадлежали руководству Златоустовского округа, в первую очередь окрисполкому, который в тот момент возглавлял С. Т. Галкин. Общий план проведения раскулачивания в округе, в соответствии с требованиями, полученными из Уралоблисполкома, был составлен в окрисполкоме и разослан по районам. В каждом райисполкоме на основе этого плана разрабатывался свой, более детальный, план проведения раскулачивания в самих районах. Председатели райисполкомов несли личную ответственность за его разработку и реализацию [3, л. 27]. После ликвидации округов основные функции, непосредственно связанные с практическим воплощением раскулачивания, перешли к райисполкомам. Их полномочия в этом вопросе значительно расширились [5, с. 198].

После ликвидации округов районные органы власти поднялись на ступеньку выше в иерархической лестнице – они стали непосредственно подчиняться областным структурам. Однако в правовом положении для них мало что изменилось. Уралоблисполком не менее тщательно вел учет кадров в райисполкомах горнозаводской зоны и не менее скрупулезно регламентировал хозяйственную деятельность в районах области. Например, 5 января 1933 г. вышло Постановление Президиума Уралоблисполкома № 4489 «Об установлении севооборотов для колхозов области», в котором местным властям предписывалось для каждого колхоза разработать индивидуальный севооборот. Контролировать реализацию этого постановления и нести за это ответственность должны были райисполкомы [2, л. 79].

Среди других вопросов, находившихся в центре внимания региональных исполнительных органов, реализацию которых также обязаны были райисполкомы, были, например, план хлебозаготовок, снабжение продовольствием семей председателей сельсоветов, ликвидация задолженности заработной платы учителям и др. [2, л. 7, 21, 75–78]. Таким образом, региональные органы власти ставили перед районными исполнительными органами серьезные социально-экономические задачи, за выполнение которых они несли ответственность. При этом самостоятельность районных советских органов власти в горнозаводской зоне Южного Урала носила ограниченный характер.

Одной из основных форм взаимодействия между собой государственных органов власти в рассматриваемый период были съезды Советов, собиравшиеся, согласно ст. 51 Конституции РСФСР (1925 г.), раз в год [4, с. 222]. В ходе работы съездов заслушивались доклады о положении дел на местах, по итогам которых принимались резолюции, которые затем становились руководством к действию. Безусловно, значительная часть подобных заседаний являлась формальностью и даже

тексты резолюций были заранее подготовлены и требовали только редактирования и доработки с учетом возможных прений. Однако, при всем своем несовершенстве, система съездов Советов обеспечивала определенную «обратную связь» в работе с населением, способствовала налаживанию диалога между разными уровнями государственной власти, позволяла иногда поднимать на заседаниях и положительно решать острые проблемы в развитии региона.

Районные партийные органы горнозаводской зоны Южного Урала относительно вышестоящих партийных структур находились почти в одинаковом с райисполкомами положении. Состав районных партийных комитетов вначале утверждал окружной комитет партии, а затем они поступали на утверждение областных комитетов ВКП(б) (ст. 45 Устава ВКП(б) 1926 г.) [13, с. 295–311]. До 1930 г. райкомы были обязаны регулярно предоставлять отчеты о своей деятельности Златоустовскому окружному комитету ВКП(б), а позднее областному комитету ВКП(б). Хотя в состав окружного комитета входили представители от каждого райкома и в какой-то степени могли оказать влияние на принятие некоторых решений, однако они в основном касались вопросов местного значения, серьезно повлиять на решения центральных и региональных органов они, естественно, были не вправе.

Подобно съездам Советов, игравшим связующую роль между разными уровнями государственной власти, аналогичную функцию среди партийных органов выполняли партийные конференции. Партийные конференции обсуждали и выносили решения по наиболее актуальным общественно-политическим, социально-экономическим, культурно-идеологическим и административным вопросам. Решения Златоустовской окружной партийной конференции, которая созывалась раз в год и являлась высшим партийным органом на данной территории, были обязательными для исполнения всеми райкомами горнозаводской зоны. В работе окружной (областной) конференции принимали участие делегаты-коммунисты, представлявшие все районы горнозаводской зоны. Их кандидатуры обсуждались и утверждались на районных партийных конференциях, как, например, это было на 17 партийной конференции Миньярского района в мае 1938 г. [8, л. 10–27.].За весь период существования Златоустовского округа (1923–1930 гг.) состоялось 8 окружных партийных конференций. Окружные конференции, обсуждали установки высших органов партии и государства, задачи, стоявшие перед страной, международное положение, заслушивали и утверждали отчеты окружного комитета, контрольной комиссии, ревизионной комиссии и прочих окружных учреждений, избирали окружной комитет партии, контрольную комиссию, ревизионную комиссию и делегатов на Всесоюзный съезд ВКП(б). Кроме того, обсуждались текущие дела, касаю-

щиеся социально-политического и экономического развития округа, осуществления индустриализации, коллективизации, деятельности профсоюзов, партийного строительства и др. [12]. ВКП(б) изначально формировалась как организация с жесткой дисциплиной, поэтому принятые на окружной конференции решения в обязательном порядке должны были реализовываться на местах. Необходимо также отметить, что региональные и местные партийные комитеты с самого начала создавались в рамках партии как исполнительные органы и должны были играть роль проводников политики партии, которая формулировалась в Центральном Комитете. Безусловно, приоритетное значение имели те вопросы, реализация которых имела общесоюзное значение. Златоустовский окружной комитет, а впоследствии Уралобком ВКП(б), перенявший эстафету непосредственной работы с райкомами горнозаводской зоны, требовал от партийного руководства районов проработки вопросов партийного строительства, кадрового обеспечения [9, л. 15, 24], идейно-политического воспитания [11, л. 263–266], контроля над деятельностью местных Советов (в том числе организация и проведение выборов) [10, л. 31–33]. В конце 1920-х гг. особую актуальность приобрели вопросы, связанные с осуществлением форсированной модернизации. Причем, в отличие от первой половины 1920-х гг., партийные органы сами в это время стали активно участвовать в планировании развития народного хозяйства [11, л. 74–75, 84–87]. Вопросы экономического развития в тот момент, наряду с кадровыми и идеологическими, становятся самыми важными на партийных заседаниях всех уровней.

Необходимым условием успешного руководства партийной организацией Уральской области было оперативное распространение директив в районах, а также их разъяснение, контроль и проверка правильности исполнения на местах. Решением этих задач занимались, как правило, инструкторы организационно-распределительного отдела, выезжавшие в командировки в населенные пункты и на предприятия региона. Периодически инспекционные поездки по области совершали и ответственные должностные лица Уральского обкома партии. Основным способом обратной связи райкомов с Уралобкомом ВКП(б) в этот период была служебная переписка. Например, райкомы горнозаводской зоны регулярно обязаны были предоставлять информационные сводки, выписки из протоколов заседаний, отчеты и другую информацию [6, л. 1–9; 7, л. 1–80.]. Все это помогало областным органам власти сохранять свои политические позиции в регионе и проводить в жизнь генеральную линию партии.

Таким образом, осуществляя свои функции, районные органы власти горнозаводской зоны Южного Урала, как партийные, так и советские,

обязаны были подчиняться вышестоящим – окружным и областным – администрациям и соотносить свою деятельность с их установками.

Библиографический список

1. Архивный отдел администрации Катав-Ивановского муниципального района (АОАКИМР). Ф. 1. Оп.1. Д. 2.
2. АОАКИМР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6.
3. АОАКИМР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1.
4. Конституция (Основной закон) РСФСР (утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.) // СУ РСФСР. 1925. № 31. С. 222.
5. Мукомолов А. Ф. На южноуральских заводах. Кн. 6. М.: Территория, 2007. С. 198.
6. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-288. Оп. 1. Д. 69.
7. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 71.
8. ОГАЧО. Ф. П-310. Оп. 1. Д. 960.
9. ОГАЧО. Ф. П-317. Оп. 1. Д. 56.
10. ОГАЧО. Ф. П-317. Оп. 1. Д. 478.
11. ОГАЧО. Ф. П-317. Оп. 1. Д. 666.
12. ОГАЧО. Ф. П-317. Оп. 8. Д. 2, 22, 85, 86, 124, 218, 344, 447, 942.
13. Устав ВКП(б) 1926 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1970. Изд. 8-е. Т. 3. 1924–1927. М.: Политиздат, 1970. С. 295–311.

УДК 323.1

В. В. Терентьев,
соискатель, Витебский государственный университет имени П. М. Машерова (Витебск, Республика Беларусь)
А. А. Федотов,
профессор, Ивановский филиал Института управления (Иваново, Россия)

К ВОПРОСУ ДЕНАЦИОНАЛИЗАЦИИ НАРОДОВ СССР В ПРОГРАММЕ СТРОИТЕЛЬСТВА КОММУНИЗМА

Программа строительства коммунизма предполагала форсированную денационализацию в целях создания единого советского народа, по образцу которого могли бы провести денационализацию и народы других стран советского лагеря в целях построения единого социалистического общемирового пространства.

Ключевые слова: национальный вопрос, СССР, БССР, денационализация, строительство коммунизма, программа

© Терентьев В. В., Федотов А. А., 2022

V. V. Terentyev,
Aspirant, P. M. Masherov Vitebsk State University (Vitebsk, Republic Belarus)
A. A. Fedotov,
Professor, Ivanovo Branch of the Institute of Management (Ivanovo, Russia)

ON THE ISSUE OF DENATIONALIZATION OF THE PEOPLES OF THE USSR IN THE PROGRAM OF BUILDING COMMUNISM

The program of building communism assumed forced denationalization in order to create a single Soviet people, on the model of which the peoples of other countries of the Soviet camp could also carry out denationalization in order to build a single socialist global space.

Keywords: national question, USSR, BSSR, denationalization, construction of communism, program

В вышедшем в 1954 году томе Большой Советской энциклопедии, в статье, посвященной национальной программе Коммунистической партии СССР, заявлялось: «История подтвердила жизненность многонационального советского государства, которое выросло не на буржуазной основе, развивающей чувство национального недоверия и национальной вражды, а на социалистической основе, которая культивирует чувства дружбы и братского сотрудничества народов», говорилось о решительной борьбе со всякими пережитками национализма и космополитизма, воспитании всех трудящихся в духе интернационализма и советского патриотизма, о том, что страны социалистического лагеря решают национальный вопрос, опираясь на «великий опыт» КПСС [7, с. 293].

В статье, посвященной национальному вопросу, провозглашалось, что «…в противоположность капиталистическим странам, где отношения основаны на угнетении сильными нациями слабых и малых наций, где существует расовая и национальная дискриминация, в мире социализма основным законом национальных взаимоотношений является полное равенство всех рас и наций, социалистическая взаимопомощь и дружба между ними» [8, с. 299]. В статье о нации говорилось, что «…Советский государственный строй оказался образцом многонационального государства, в котором национальный вопрос и проблема сотрудничества наций разрешены наилучшим образом» [9, с. 309].

«В национальной политике постсталинского времени периодически возрождались подходы, характерные для 1920-х годов. Но ни Л. П. Берия, ни Н. С. Хрущев, ни впоследствии Л. И. Брежнев не ставили под сомнение незыблемость и правильность ленинско-сталинской концепции «ограниченного суверенитета» советских этнонаций, пред-

лагая свои варианты «гармонизации» межэтнических отношений в СССР» [5, с. 400].

В 1961 году в Программе КПСС появилась концепция стирания национальных границ в ходе развернутого коммунистического строительства. Выступая на XXII съезде, первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев отметил: «В нашей стране идет процесс сближения наций, усиливается их социальная однородность. В ходе развернутого строительства коммунизма будет достигнуто полное единство наций. … Встречаются, конечно, и такие люди, которые сетуют по поводу того, что стираются национальные различия. Мы им отвечаем: коммунисты не будут консервировать и увековечивать национальные различия. Мы будем поддерживать объективный процесс все более тесного сближения наций и народностей, происходящий в условиях коммунистического строительства на базе добровольности и демократизма. Необходимо усиливать воспитание масс в духе пролетарского интернационализма и советского патриотизма. Следует со всей большевистской непримиримостью искоренять даже малейшие проявления националистических пережитков» [14, с. 217].

Нужно отметить такой характерный для советской исторической науки фактор, что она рассматривала историю входивших в Советский Союз национальных образований, как историю СССР даже в периоды, когда такого государственного образования в принципе не существовало даже в виде идеи. Об этом отношении к истории, как к «политике, обращенной в прошлое» свидетельствовали даже названия школьных учебников по истории [2]. Некоторые из этих учебных пособий видели начало советской истории в глубочайшей древности: «Первые люди появились в нашей стране в глубокой древности 700–600 тысяч лет назад» [10, с. 7]. При этом отмечалось историческое единство народов СССР: «Много важных событий произошло в истории нашей Родины. Предки русского, украинского и белорусского народов столетиями вели героическую борьбу против кочевых племен Востока – хазар, печенегов, половцев» [10, с. 3].

В 1948 г. был издан «Атлас истории СССР для средних школ» под редакцией К. В. Базилевича, И. А. Голубцова, М. А. Зиновьева (I и II части – период до 1917) [1]. По мнению украинского исследователя К. Ю. Галушко «Учебные атласы по истории СССР, издававшиеся с 1948 г., визуально подавали прошлое СССР как прошлое, прежде всего, России и Российского государства, и несмотря на наличие исторических карт «национальных окраин», общий ход исторического процесса приводил их в атласе к вхождению в состав России, после чего они растворялись и в ее истории, и на карте, становясь необозначенными визуальными составляющими или великой державы, или ее определенных широких регионов

… Понимание их прошлого через визуальную информацию исторической карты безальтернативно приводило их в контекст русской истории как на конечную остановку маршрута» [4, с. 536].

На проходившем в 1966 году XXVI съезде Коммунистической партии Белоруссии первый секретарь ЦК КПБ П. М. Машеров отмечал, что «…необходимо воспитывать у нашего народа пламенный советский патриотизм и социалистический интернационализм. ... Задача партийных организаций ... воспитание советских людей в духе братской дружбы народов, понимания общегосударственных интересов, непримиримо относится к даже незначительным проявлениям местничества и национальной ограниченности» [12, л. 412, 423].

Историк И. А. Пушкин, критикуя реализацию государственной национальной политике в Беларуси в советский период, писал, что «…в БССР никто из руководителей не собирался учитывать местные особенности. Интернациональное, в смысле русское, ценилось куда выше, чем национальное. Представители нацменьшинств, особенно те, что были присланы сюда центральными органами власти чувствовали себя в БССР довольно комфортно и самостоятельно. В те годы процент нацменьшинств (особенно русских) среди правящих кадров республики был всегда выше, чем их удельный вес в общем составе население. В первую очередь за счет направленных в республику кадров, а не местных уроженцев» [11, с. 165]. Представляется, что уравнивание «интернационального» и «русского» в данном контексте совсем не отражает действительных исторических процессов, происходивших в БССР и в других союзных республиках в данный период. Русский язык воспринимался не языком «нации угнетателей», а языком советской культуры и межнационального общения [13, с. 36]. В РСФСР в областях с преобладающим русским населением также никто не собирался учитывать «местные особенности». Программа строительства коммунизма предполагала форсированную денационализацию в целях создания единого советского народа, по образцу которого могли бы провести денационализацию и народы других стран советского лагеря в целях построения единого социалистического общемирового пространства.

По мнению исследователя В. И. Новицкого, советская политика относительно этнических общностей имела не только положительные моменты, но и серьезные ошибки и просчеты. Это привело к глубокому кризису в межнациональных отношениях, который до сегодняшнего дня ощущается на постсоветском пространстве [6, с. 23].

Однако советские теоретики в начале 1980-х годов заявляли о полном решении национального вопроса: «В условиях зрелого социализма национальная государственность народов все глубже пронизывается общесоветским содержанием, интернационалистскими принципами.

В Советском Союзе национальный вопрос в том виде, в каком он унаследован от дореволюционного прошлого, решен полностью и окончательно» [3, с. 190]. Декларировалось, что «…весь опыт организации и осуществления межнационального сотрудничества народов страны в разных областях жизни, вся современная социалистическая действительность вырабатывают у советских людей всех национальностей чувства единой семьи, принадлежности к общей социалистической Родине. ...Сегодня самые малые нарядности страны, насчитывающие подчас несколько тысяч, а то и сотен человек, с гордостью говорят: «Нас, советских, 270 миллионов» [3, с. 190–191].

Таким образом, в рамках развития современных глобальных процессов, стирающих национальные границы, советский исторический опыт приобретает особые значение и актуальность, заслуживая внимательного исследования в свете нового развития мировой истории.

Библиографический список

1. Атлас истории СССР для средних школ. М., 1948. Ч. 1–2.
2. *Базилевич К. В.* История СССР. От древнейших времен до конца XVII века. 1950.
3. *Бармичев В. Д.* Союзу республик – шестьдесят. Минск: Наука и техника, 1982.
4. *Галушко К. Ю.* Слияние и растворение: этнические объекты в советской исторической учебной картографии (1928–1958 гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI Международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М.: Политическая энциклопедия: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2014.
4. *Казиев С. Ш.* Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917–1991 годы): дис. … д-ра ист. наук. М., 2015.
6. *Навіцкі У. І.* Савецкая палітыка ў адносінах да этнічных супольнасцей Беларусі // Этнічныя супольнасці ў Беларусі: гісторыя і сучаснасць.
7. Национальная программа коммунистической партии Советского Союза // Большая Советская Энциклопедия. Второе издание. Т. 29. М., 1954.
8. Национальный вопрос // Большая Советская Энциклопедия. Второе издание. Т. 29. М., 1954.
9. Нация // Большая Советская Энциклопедия. Второе издание. Т. 29. М., 1954.
10. *Печкина М. В., Лебейнгурд И. С.* История СССР: учебное пособие для 6 класса. М.: Просвещение, 1971.
11. *Пушкін І. А.* Удзел нацыянальных меншасцей у грамадска-палітычным жыцці Савецкай Беларусі (1919–1990). Мінск: "Выдавецкі цэнтр БДУ", 2010.
12. Стэнаграма XXVI з’езда КПБ // НА РБ. Ф. 4 п. Воп. 2. Спр. 251.

13. *Федотов А. А., Терентьев В. В.* Место интеллигенции в реализации национальной политики советской власти в БССР (1950–1980-е гг.) // Интеллигенция и мир. 2021. № 4. С. 35–48.

14. *Хрущев Н. С.* О программе КПСС // XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 г.: стенографический отчет. М.: гос. Изд-во политической лит., 1962.

УДК 94(470.67) «20» – 029:304

Л. А. Труженикова,
профессор, Дагестанский государственный университет (Махачкала)

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЕВ ДАГЕСТАНА В 2000-е ГОДЫ

В статье рассматриваются вопросы развития музейного дела в республике в 2000-е годы. Акцентируется внимание на постепенном преодолении кризисного периода и налаживании культурно-просветительской деятельности музеев по патриотическому и духовно-нравственному воспитанию подрастающего поколения.

Ключевые слова: Республика Дагестан; музеи; культурно-просветительская деятельность; патриотическое воспитание

L. A. Truzhenikova,
Professor, Dagestan State University (Makhachkala)

THE CULTURAL AND EDUCATION ACTIVITIES OF MUSEUMS IN DAGESTAN IN THE 2000s

The article deals with the development of museum activities in the republic in 2000s. The author emphasizes the gradual overcoming of the crisis period and the establishment of cultural and educational activities of museums in the sphere of the patriotic and spiritual and moral education of the younger generation.

Keywords: Republic of Dagestan, museums, cultural and educational activities, patriotic education

В результате произошедших в 1990-е годы в стране кардинальных изменений в общественно-политической и экономической сферах резко ухудшилось состояние социокультурной и духовной жизни общества. Следует, однако, отметить, что проводимые в начале 2000-х годов мероприятия по улучшению материального положения населения, повышению престижа труда работников социокультурной сферы, позитивные изменения в деятельности объектов культуры, в том числе –

© Труженикова Л. А., 2022

библиотек, музеев, домов культуры, клубов позволяли говорить о намечающихся положительных сдвигах в культурной жизни страны. Большую роль в повышении культурного уровня населения, а особенно в воспитании подрастающего поколения выполняют музеи и библиотеки.

Музеи и музейные комплексы являются важным механизмом сохранения и передачи культурного наследия. Им надлежит выполнить целый ряд функций: социальные, исторические, культурные, образовательные, воспитательные, коммуникационные и др. Посредством музейных объектов подтверждается реальность и материальность культуры прошлых веков, социокультурные предметы прошлого становятся частью современного культурного пространства (интеграция), музейные экспонаты выступают в качестве историко-культурных знаков и символов (идентификация), способствующих развитию историко-культурной памяти молодого поколения (воспитание и образование). Музей является «одним из немногих учреждений, которые предоставляют возможности и создают оптимальные условия для культурной идентификации» [1, с. 51].

Первый музей в Дагестане был открыт в Темир-хан-Шуре в мае 1913 года. В последующие десятилетия в республике было открыто несколько крупных музеев. По состоянию на 2010 год функционировали: Дагестанский государственный объединенный музей с 28 филиалами в городах и районах республики, Дагестанский государственный музей изобразительных искусств имени П. Гамзатовой, Дербентский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, более 100 школьных музеев.

Министерство культуры Дагестана, реализуя в рассматриваемые годы республиканскую целевую программу «Развитие культуры и искусства Дагестана», значительно расширило сеть музейных филиалов. Помимо этого оно вело работу по созданию новых, представляющих собой большую художественную и историческую ценность музейных объектов. Значительная работа по созданию школьных музеев проводилась и Министерством образования РД совместно с районными и городскими администрациями. Так, например, по инициативе коллектива ОАО «Дагэнерго» и за счет его средств в Гунибском районе был построен мемориальный комплекс «Ватан».

Самым крупным музеем республики являлся и является Дагестанский государственный объединенный историко-архитектурный музей имени А. Тахо-Годи (сегодня – Национальный музей имени А. Тахо-Годи), созданный в 1923 году. В музее собраны богатейшие коллекции: этнографическая, огнестрельного и холодного оружия (русского, европейского, восточного и местного производства), произведения изобразительного искусства и др. В 2010-е годы было открыто 22 филиала этого музея.

Дагестанский государственный музей изобразительных искусств имени П. С. Гамзатовой, открытый в 1958 году, является одним из богатейших музеев подобной направленности на Северном Кавказе. В нем хранится самая большая в мире коллекция предметов декоративно-прикладного искусства Дагестана с древнейших времен до XIX века. Коллекция музея включает в себя изделия из серебра, оружие, ковры и образцы старинных ткацких узоров, керамику, изделия из резного дерева и камня. В музее также представлено русское искусство XIX – начала XX века. Восхищают посетителей собранные в этом музее картины западноевропейских мастеров XVI – начала XX века, коллекции живописи, скульптуры, фарфора, представляющие искусство Востока. Большой интерес вызывают работы мастеров современного искусства Дагестана [1, с. 52].

Важнейшим событием в культурной жизни региона стало включение Дербентского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Нарын-Кала» в Список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО (2003 год), а также включение самого города Дербента в Список памятников федерального значения. В Список были также включены земли историко-культурного значения (439 га), шесть музеев: Музей археологии, Музей культуры и быта, Музей ковра и прикладного искусства, Музей природы, Музей боевой славы и Дом-музей Бестужева-Марлинского [3, с. 81].

В 2009 году был открыт этнографический комплекс «Дагестанский аул». Основной целью создания этого музея явилось формирование у народов Дагестана чувства идентичности, осознание дагестанцами историко-культурного и духовного единства.

«Дагестанский аул» – это четыре экспозиционно-выставочных зала: Большой зал, где представлена традиционная одежда дагестанских народов, ювелирные украшения, предметы домашнего обихода народов Дагестана; Малый зал, стилизованный под интерьер горского жилища; Зал – «Мастерская ремесел», посвященный традиционным промыслам народов Дагестана; Выставочный зал предназначен для временных экспозиций, в нем представлена современная авторская одежда, включающая этнические мотивы региона, а также – произведения современного искусства [2].

Музеи проводят большую работу по нравственному, эстетическому и патриотическому воспитанию населения, организуя постоянные и мобильные выставки на темы местной истории, культуры и искусства, героической и патриотической тематики, и т. д. Проведение выставок в Москве, Санкт-Петербурге, других городах, а также за рубежом становится традиционным и знаменательным событием в работе всех музеев республики. Так, например, в преддверии празднования Дня Победы

ежегодно все музеи республики и их филиалы организовывают выставки, посвященные событиям и героям Великой Отечественной войны. Членами телевизионных отрядов краеведов-следопытов, функционирующих при школьных музеях, собран за все прошедшие годы уникальный материал о подвигах земляков, найдены места захоронения сотен дагестанских солдат, погибших в годы войны, организованы памятные мероприятия. Собранный материал передан в фонды музеев.

В рассматриваемый период была проделана большая работа по укреплению материальной базы музеев, реставрации и сохранению исторических и архитектурных памятников, а также по привлечению для этих целей внебюджетных источников финансирования.

В то же время накапливались и систематически не решаемые проблемы, обнаруживались недостатки в развитии самого́ музейного дела, что негативно влияло на выполнение его главной задачи: повышении его роли в нравственном, эстетическом и патриотическом воспитании населения, а особенно – молодежи.

Техническое оснащение музеев, их материальная база значительно отставали от современных стандартов. Не хватало специального экспозиционно-выставочного и фондового оборудования, современных устройств охранной и пожарной сигнализации (например, в ДГОМ отсутствовала система охранной сигнализации), а также площадок для размещения, хранения и экспонирования коллекций. Практически сошла на нет работа по повышению квалификации музейных работников.

Работа по обновлению имеющихся экспозиций и комплектованию музейных фондов, научно-исследовательская и издательская деятельность музеев, связь с учебными заведениями республики нуждались в совершенствовании; финансирование для приобретения экспонатов, организации научных и поисковых экспедиций, для профессионального и целенаправленного изучения материалов и документов, хранящихся в музеях, велось по остаточному принципу. Фактически не велась работа по привлечению спонсорских средств для реализации задач по развитию музейного дела.

Необходимо отметить, что в современном мире, в том числе и в России, музейный бизнес развивается все активнее, появляются новые формы его деятельности: проектная деятельность, менеджмент, маркетинг, франдрайзинг. В музеефикации появились новые тенденции: «современная история» и «современное искусство». Достаточное финансирование со стороны государства и спонсоров дало бы возможность создавать интерактивные выставки и экспозиции и даже создавать отдельные музеи. Вместе с тем появление новых технологий в работе с аудиторией, в экспозиционно-выставочной работе и издательском деле затронуло в определенной степени и деятельность дагестанских музеев.

Хотя перечисленные новации коснулись и музеев республики, однако они все еще продолжали испытывать определенные трудности: приобретение новых экспонатов происходило нечасто, так как на эти цели выделялись минимальные средства, новые выставки организовывались крайне редко, обновленные обзоры музейных коллекций практически не публиковались. Проблема документального оформления и закрепления, охраны исторических и художественных памятников под открытым небом в республике оставалась очень острой, она актуальна и по сегодняшний день. Имевшиеся в развитии музейного дела в республике проблемы требовали самого пристального внимания и решений со стороны Правительства Республики Дагестан и профильных министерств.

В современном мире помимо осуществления воспитательно-образовательной деятельности музей становится также и центром культурного досуга; он представляет собой сложный организм с обширной сетью современных служб, предназначенных для предоставления новых услуг населению и для удовлетворения широкого спектра интеллектуальных и культурно-бытовых потребностей общества. В начале 2000-х годов все эти задачи реализовывались очень трудно и медленно.

Тем не менее, необходимо отметить, что уже именно в 2000-е годы наметились позитивные сдвиги в деятельности музеев республики. Наладилось пусть и небольшое, но стабильное финансирование, начали обновляться фонды. Но самые заметные сдвиги произошли в организации и исполнении музеями их главной задачи – просветительской работы, набирало силу взаимодействие музеев с общеобразовательными учреждениями по решению вопросов патриотического и духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения.

Библиографический список

1. *Базиева Г. Д.* Музей как институт сохранения культурного наследия // Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сборник статей по материалам XLVII Международной научно-практической конференции. М.: Интернаука, 2016. № 4 (43). С. 50–54.

2. Музей-заповедник «Дагестанский аул»: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://dagaul.ru/ (дата обращения: 08.12.2021).

3.Паспорт культурной жизни Республики Дагестан за 2010 год. Махачкала, 2011. 109 с. [Электронный ресурс]. URL: http://minkultrd.ru/articles/deyatelnost/pasport_kulturnoy_zhizni/ (дата обращения: 15.12.2021).

УДК 93/94
А. С. Хрипунов,
заведующий музеем истории и развития ИГЭУ, Ивановский государственный энергетический университет имени В. И. Ленина

РАЗВИТИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ПРОКУРАТУРЫ В 1930-е ГОДЫ

В статье рассматриваются организационные и функциональные преобразования органов прокуратуры в Ивановской области в 1930-е годы. Отмечаются основные направления деятельности прокуратуры в этот период, дается оценка общего положения прокурорского надзора на территории Ивановской области в этот период.

Ключевые слова: Ивановская промышленная область, революционная законность, раскулачивание, прокуратура, репрессии

A. S. Khripunov,
Head of the Museum of History and Development of the State Power Engineering University, Ivanovo State Energy University V. I. Lenin

DEVELOPMENT AND ACTIVITIES OF THE IVANOVO REGIONAL PROSECUTOR'S OFFICE IN THE 1930s

The article deals with the organizational and functional transformations of the prosecutor's office in the Ivanovo oblast in the 1930s. The main directions of the activity of the prosecutor's office during this period are noted. The assessment of the general situation of prosecutorial supervision in the territory of the Ivanovo oblast during this period is given.

Keywords: Ivanovo industrial oblast, revolutionary legality, dekulakization, prosecutors, repression

В 2022 году отечественная прокуратура отмечает свой юбилей. Причем юбилейными эта дата является в двух смыслах: 1) 300 лет с момента образования прокуратуры Петром I в 1722 году; 2) 100 лет с момента восстановления института прокуратуры уже при советской власти в 1922 году. Следовательно, фундамент современной прокуратуры был заложен в советское время. Положение о прокурорском надзоре, принятое в 1922 г., действовало, несмотря на все текущие изменения в государственной жизни, вплоть до 1936 г. Именно в этот период прокуратура по большому счету приняла свой современный статус – надзорно-обвинительного института прокуратуре, которая была в основном инструментом поддержки обвинения в суде [1].

© Хрипунов А. С., 2022

Становление новой прокуратуры в 1930-е годы тесно связано с изменениями в государственной жизни страны, переходу к политике индустриализации и коллективизации, завершением административно-территориальной реформы – укрупнением, а затем и разукрупнением регионов. Последнее напрямую повлияло на организационную структуру прокуратуры Ивановской области.

В октябре 1929 г. согласно постановлению ВЦИК от 14 января 1929 г. из губерний – Иваново-Вознесенской, Ярославской, Костромской и Владимирской была образована Ивановская промышленная область с центром в городе Иваново-Вознесенске. В связи с этим из прокуратуры Иваново-Вознесенской губернии была образована прокуратура ИПО. Остальные губернские прокуратуры вошли в подчинение Ивановской областной прокуратуре в качестве районных прокуратур. Всего в первой половине 1930-х гг. в области было более 60-ти районных и городских прокуратур.

Типовая структура аппарата прокуратуры области или края была установлена Президиумом ВЦИК в октябре 1930 г. С этого времени организационная структура всех областных и краевых прокуратур состояла из: 1) группы общего надзора; 2) группы по наблюдению за судебно-следственными органами; 3) группы по наблюдению за местами заключения; 4) группы по охране труда и производства; 5) группы по наблюдению за органами ОГПУ.

В соответствии с этим делением определялись и ключевые функции прокуратуры в это время. Главной задачей прокуратуры являлось осуществление надзора за точным исполнением законов органами государственной власти, подведомственными им учреждениями, за соблюдением политических, трудовых, имущественных и других прав граждан. Одним из методов осуществления этих задач указывалось привлечение к уголовной ответственности виновных в совершении преступлений лиц.

Также в первой половине 1930-х гг в прокуратуре ИПО действовали промышленный, сельскохозяйственный и соцбытовой отделы. Каждый из них вел надзор в соответствующей отрасли.

В июне 1933 г. Постановлением ЦИК и СНК СССР была учреждена прокуратура СССР, которая должна была объединить все органы прокуратуры Советского государства. Постановлением СНК от 5 ноября 1936 г. была утверждена новая структура центрального аппарата прокуратуры. Так, были ликвидированы действовавшие с 1930 г. промышленный, сельскохозяйственный и соцбытовой отделы. Структурная организация прокуратуры стала выглядеть следующим образом: 1) отдел общего надзора; 2) уголовно-судебный отдел; 3) гражданско-судебный отдел; 4) следственный отдел; 5) отдел по надзору за органами мили-

ции; 6) отдел по специальным делам; 7) отдел по надзору за местами заключения; 8) отдел по жалобам; 9) отдел кадров; 10) особый сектор и бухгалтерия. Такая структура прокуратуры Ивановской области существовала вплоть до 1956 г. В том же 1936 г. в связи с упразднением ИПО, были учреждены Ивановская и Ярославская областные прокуратуры [2, л. 1–4].

В 1930-е гг. основной задачей прокуратуры считалось укрепление революционной законности, охрана социалистической собственности. Однако, зачастую, «революционная законность» трактовалась конъектурно, исходя из политической целесообразности. Органы юстиции часто выступали лишь исполнителями партийных решений – их деятельность нередко шла в фарватере зигзагообразной линии партии, которая шла то в сторону усиления репрессий по отношению к социально-враждебным элементам, то в сторону их смягчения и осуждения «перегибов на местах».

Первым прокурором ИПО стал Л. А. Соснин. До назначения в Иваново-Вознесенск он уже имел опыт прокурорской работы. С 1923 г. он работал в должности прокурора при Наркомюсте, с июля 1927 г. в течение года занимал должность Тамбовского губернского прокурора, а в июле 1928 г. по распоряжению ЦК ВКП(б) был переведен в том же качестве во Владимирскую губернию. С 1 июня 1939 г. он был назначен прокурором ИПО [3, л. 43].

Следующим прокурором ИПО стал И. Л. Драгунский. Руководил он областной прокуратурой с октября 1931 г. по август 1934 г., когда был командирован на другую работу [4, л. 918]. В 1934–1935 гг. должность прокурора Ивановской промышленной области занимал В. В. Москалев.

Период с 1929 по 1935 гг. характеризовался перестройкой системы прокуратуры в связи с новыми социально-экономическими преобразованиями в стране. Ивановская прокуратура в этот период работала по самому широкому спектру вопросов: проводились разбирательства по расследованиям контрреволюционных преступлений и преступлений, связанных с классовой борьбой, нарушений в области промышленности и строительства, реконструкции сельского хозяйства, по различным хозпреступлениям.

Ключевым направлением деятельности прокуратуры было рассмотрение жалоб со стороны граждан. Жалобы эти касались самого широкого спектра проблем: 1) правильности исполнения законодательства в сфере политики раскулачивания; 2) о лишении избирательных прав; 3) правомерности вынесенных судебных приговоров местных судов и т. д.

Особенно часто в документах встречаются сведения по рассмотрению жалоб красноармейцев и их семей о предоставлении им различ-

ных льгот, неправомерном установлении налоговых сборов и т. д. [5, л. 2–6, 48].

Также важнейшее место в работе облпрокуратуры в этот период, согласно документам, являлся надзор за исполнением распоряжений правительственных и партийных органов в хозяйственной сфере.

Например, в 1932 г. органами прокуратуры были выявлены причины срыва социалистического соревнования, ударничества и мероприятий займа на одном из предприятий г. Углича. Всему виной оказалась вредительская деятельность контрреволюционных элементов – группы из 6 человек, состоявших из бывших полицейских и торговцев. В том же году в колхоз «8 марта» «пробрались два кулака, заняли руководящие посты и пытались развалить колхоз изнутри», дискредитируя тем самым идею коллективизации [6, л. 26–31].

На торфоразработках «Рунино. Ярославское болото» прокуратурой были выявлены серьезные нарушения в обеспечении труда рабочих – общественное питание не налажено, спецодежды нет, отсутствует политика массовой работы. В документах особенно отмечается, что рабочие состоят в основном из нацменьшинств, их состав засорен чуждоклассовыми элементами, бригадирами стояли кулаки, которые вели антисоветскую пропаганду и разрешили мулле вести религиозные обряды для рабочих. Все это, по мнению прокуратуры, привело к дезориентации работников и срыву соцсоревнования [6, л. 26–31].

В первую половину 1930-х гг. органы Ивановской областной прокуратуры и подчиненные ей районные прокуратуры неоднократно подвергались серьезной критике – за халатность, неисполнительность, волокиту, непрофессионализм.

Так, например, в материалах камерного совещания облпрокуратуры за 1930 год дается крайне негативная оценка работы прокуроров и следователей Шуйского и Рыбинского районов. Отмечалось, в частности, что подбор следователей зачастую имел случайный характер, что ни прокуроры, ни следователи не знают какие дела находятся в расследовании у поднадзорных им органов. Важнейшие дела по 58-й статье часто велись совершенно неквалифицированными, политически неграмотными низовыми работниками милиции [7, л. 15–16].

В резолюции объединенного совещания работников облсуда и облпрокуратуры в августе 1932 г. подчеркивалось, что «следователи и прокуроры не придают должного политического значения делам о хищении соц. собственности, не осуществляют необходимого надзора за расследованием, не ведут предварительной общественно-массовой работы в колхозах и на фабриках, не используют актив в расследовании преступлений, не принимают мер предупреждения и устранения недостатков по охране и караулу колхозного и фабричного имущества» [8, л. 3–7].

В ноябрьском объединенном совещании того же года органы суда и прокуратуры обвинялись в попустительстве по отношению к кулакам, срывающим сельхоз заготовки и укрывающим хлеб. В частности, в документе прямо говорится, что «судебно-прокурорские работники спокойно относятся к дезорганизаторам заготовок, а именно – в ряде районов работа органов юстиции по заготовкам сельхозпродукции совершенно не развернута». В то же время отмечалось, что к ответственности часто привлекались совершенно невиновные граждане, ввиду «левацких заскоков» прокуроров и судей [8, л. 14].

В докладе о работе прокуратуры за 1933 год констатировались неутешительные факты – кадровое состояние в прокуратуре ИПО крайне неудовлетворительное. Принимая во внимание положительную динамику по социальному и партийному составу – в документе отмечалось, что увеличивается число выходцев из трудящихся и коммунистов, авторы все-таки приходят к неутешительному выводу – качество работы абсолютного большинства прокурорских и следственных работников чрезвычайно низкое [9, л. 22–54].

В подтверждение последнего свидетельствует тот факт, что в 1932 году было принято особое распоряжение для контроля пребывания работников прокуратуры на своих рабочих местах [6, л. 9].

Во второй половине 1930-х годов несколько меняется роль и значение прокурорского надзора, что несомненно связано с деятельность прокурора СССР А. Я. Вышинского, который занимал этот пост с 1935 по 1939 гг.

Отдельно следует сказать о руководителях областной прокуратуры этого периода. Знаковой фигурой в истории Ивановской областной прокуратуры можно назвать Р. М. Карасика, занимавшего должность прокурора области с 1935 по 1938 гг. Именно с его именем можно связать проведение политики массовых репрессий в регионе.

Так, в июле 1937 года в первичный состав Ивановской областной тройки НКВД вошли: В. А. Стырне – начальник УНКВД, Д. С. Епанечников – секретарь обкома, Е. М. Лейбович – заместитель прокурора области. Все трое впоследствии были приговорены к высшей мере наказания. Во второй состав тройки, действовавший с конца июля 1937 г., уже вошел и сам прокурор области – Р. М. Карасик. Уже в 1938 г. он также был арестован и снят с должности, однако, смог избежать расстрела, освободился из мест заключения в 1940 г. [10, л. 58–59].

Так или иначе, участие прокуратуры в репрессиях, арест и предъявление серьезных обвинений в рамках 58-й статьи ее руководителям, не могли не сказаться на внутреннем положении прокуратуры.

Уже 11 августа 1938 года, фактически сразу после ареста Р. М. Карасика при облпрокуратуре прошло камерное совещание, кото-

рое носило характер самоосуждения и покаяния за недобросовестную работу. Очень красноречивым является вывод, сделанный исполняющим обязанности облпрокурора в этот период Суховым: «Приказ прокурора Союза и итог Московского совещания прокуроров требовали от нас перестройки работы в области следствия, прекращения неосновательного возбуждения дел, быстроты расследования, соблюдения всех процессуальных норм и прекращения неосновательного заключения под стражу. <…> Тов. Вышинский требует от нас дисциплины. <…> Таким образом нам нужно выполнять приказ прокурора Союза не так как мы его выполняли, а так как от нас требуют, если мы этого делать не будем, нам скажут, что мы не советские прокуроры и что нам здесь не место» [11, л. 96–97].

Таким образом, серьезные кадровые перестановки в конце 1930-х гг. стали важным стимулом к радикальной перестройке деятельности облпрокуратуры. Если говорить о каких-либо результатах работы прокуратуры во второй половине 1930-х гг., то выяснится, что все они также, как и в предшествующий период имели крайне негативную оценку со стороны руководящих органов. Проблемы были те же – низкий уровень подготовки кадрового состава (более 50 % сотрудников имели лишь начальное образование, фактически не имели никакой квалификации) [12, л. 1–18].

Ивановская прокуратура на фоне ареста облпрокурора Р. М. Карасика в 1938 г. подвергалась критике за полное отсутствие внимания к преступлениям и незаконным действиям, упоминаемым в органах печати. В циркуляре прокуратуры СССР указывалось, что «расследование по газетным заметкам впредь должно проводиться под личным контролем местных прокуроров, как районных, так и областных» [13, л. 11].

Осуждению со стороны центрального аппарата подвергалось не только невыполнение облпрокуратурой ряда своих обязанностей, но и формалистский, бюрократический подход в ведении самых важных дел. Например, ошибочное исключение коммунистов из партии. Данные дела, как отмечается в документах, не были проконтролированы должным образом прокуратурой. Райпрокуроры и следователи возбуждали дела по обвинению во вредительстве, не имея на это толком никаких оснований, на что облпрокуратура закрывала глаза. Райпрокуроры не реагировали на грубейшие нарушения революционной законности, неправильное увольнение и выселение. «Эти грубейшие ошибки явились результатом преступно-легкомысленным отношением со стороны ряда работников прокуратуры к живым людям. Выделенное время на исправление райпрокурорам данных ошибок прошло впустую, т. к. многие райпрокуроры исходят из неправильного и ложного представления, что

исправление этих ошибок может подорвать их авторитет, не понимая, что всякий неправильный арест, неправильное предание суду – на руку врагам нашей родины» [14, л. 1].

Кульминацией критики можно назвать письмо А. Я. Вышинского от 15 декабря 1938 г., где отмечается огромное количество недостатков в работе облпрокуратуры. Основные недочеты можно сформулировать следующим образом: надзор за законностью в области промышленности полностью отсутствует; городские и районные прокуроры не просматривают важнейшие приказы и инструкции; нерегулярно посещают заседания президиумов горсоветов и райсоветов; факты нарушения законов выявляются не своевременно; огромный процент отклоненных протестов райпрокурорами; крайне неудовлетворительное состояние по общему надзору и т. д. В конечном итоге, дается оценка деятельности Ивановской областной прокуратуре за этот период – как одной из худших в стране [15, л. 36–37].

Таким образом, в 1930-е годы организационное оформление института прокуратуры в области. Внутренняя структура надзорного органа в дальнейшем изменялась незначительно, как и ее функции. Однако, в этот период прокуратура области нередко становилась объектом критики со стороны центральных надзорных органов. Одной из главных причин неудовлетворительного качества работы в этот период являлось – формальное отношение к рассматриваемым делам, низкий профессиональный уровень низовых работников. Многие из этих недостатков будут исправлены в последующий период – 1940–1950-х гг.

Библиографический список

1. *Кожевников О. А.* К вопросу о периодизации истории российской прокуратуры // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2016. № 16.
2. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. Р-546. Оп. 1.
3. ГАИО. Ф. П-327. Оп. 1. Д. 2.
4. ГАИО. Ф. П-5282. Оп. 1. Д. 33.
5. ГАИО. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 6.
6. ГАИО. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 2.
7. ГАИО. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 1.
8. ГАИО. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 8.
9. ГАИО. Ф. Р-546. Оп.2. Д. 16.
10. ГАИО. Ф. П-327. Оп. 10. Д. 24.
11. ГАИО. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 316.
12. ГАИО. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 13.
13. ГАИО. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 8.
14. ГАИО. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 41.
15. ГАИО. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 11.

УДК 94(470+57).084.5
В. Л. Черноперов,
заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений,
Ивановский государственный университет

ИСТОРИЯ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ПОЛПРЕДА СССР В. Л. КОППА ИЗ ЯПОНИИ В ШВЕЦИЮ В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ И. В. СТАЛИНА С ОБЪЕДИНЕННОЙ ОППОЗИЦИЕЙ В 1926–1927 гг.

В публикации показаны обстоятельства перемещения В. Л. Коппа с поста полномочного представителя (посла) СССР в Японии на аналогичную должность в Швеции в 1926–1927 гг. Выявлено влияние на этот переход внутрипартийной борьбы в руководстве ВКП(б). Сделан вывод о том, что обстоятельства перемещения В. Л. Коппа из Токио в Стокгольм отражают процесс становления в Советском Союзе единоличной власти И. В. Сталина.
Ключевые слова: В. Л. Копп, полпред, Япония, Китай, Чжан Цзолин, Швеция, ВКП(б), внутрипартийная борьба, И. В. Сталин, В. М. Молотов, Объединенная оппозиция

V. L. Chernoperov,
Head of the Department General History and International Relations Department,
Ivanovo State University

HISTORY OF MOVEMENT OF THE AMBASSADOR OF THE USSR V. L. KOPP FROM JAPAN TO SWEDEN IN THE CONTEXT OF STALIN'S STRUGGLE WITH THE UNITED OPPOSITION IN 1926–1927

The publication shows the circumstances of the transfer of V. L. Kopp from the post of plenipotentiary representative (ambassador) of the USSR in Japan to a similar post in Sweden in 1926–1927. The influence of the inner-party struggle in the leadership of the VKP(b) on this transition is revealed. The conclusion is made that the circumstances of Kopp's transfer from Tokyo to Stockholm reflect the process of Stalin's one-man power in the Soviet Union.
***Keywords*:** V. L. Kopp, ambassador, Japan, China, Zhang Zolin, Sweden, VKP(b), inner-party struggle, Stalin, Molotov, United Opposition

Революционер с дореволюционным стажем и первый полномочный представитель СССР в Японии Виктор Леонтьевич Копп с момента прибытия в Токио в мае 1925 г. развернул масштабную работу по налаживанию отношений СССР со Страной восходящего солнца [4, гл. 9; 8,

© Черноперов В. Л., 2022

гл. 1; 9; 10; 11]. В череде решаемых вопросов дипломат выделял проблемы Южно-Маньчжурской и Китайско-Восточной железной дорог (ЮМЖД и КВЖД) и предлагал при их решении учитывать интересы Японии. Будущее связей с этой страной В. Л. Копп рассматривал как производную от событий в соседнем Китае, где шала ожесточенная борьба революционно-демократических, национально-освободительных, милитаристских и сепаратистских движений.

В дезинтегрированном политически и географически Китае на юге укрепилось правительство партии Гоминьдан, которому СССР оказывал все возрастающую поддержку. В Маньчжурии, точнее в Особом Районе Трех Восточных Провинций Китайской Республики с центром в Мукдене, по территории которого проходила КВЖД, власть захватил маршал Чжан Цзолин, проводивший автономную внутреннюю и, отчасти, внешнюю политику. У Москвы отношения с ним складывались не просто. Чжан Цзолин с трудом заключенный договор о совместном управлении и эксплуатации КВЖД от 20 сентября 1924 г. стал нарушать в начале 1926 г. В этих условиях советская сторона предложила решить спорные вопросы на переговорах. Они открылись в Мукдене в мае 1926 г. Делегацию СССР возглавил видный партийный и государственный деятель Л. П. Серебряков. Вскоре к переговорам в статусе его заместителя подключился полпред в Японии В. Л. Копп.

Дискуссии в Мукдене результатов не принесли. Политбюро ЦК ВКП(б) (или, как часто писали в секретных документах, «Инстанция»), выдержав двухмесячную паузу, решило возобновить с Чжан Цзолином переговоры о КВЖД [6, д. 577, л. 2]. К этому времени Коппа вызвали в Москву [1, л. 1, 4].

За событиями в Китае внимательно наблюдал Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин. В рассматриваемое время в партии шла борьба с так называемой Объединенной оппозицией во главе с Л. Д. Троцким, Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым. И. В. Сталин решил использовать переговоры о КВЖД и вызов Коппа в Москву для решения одновременно кадровых и внутрипартийных вопросов. В письме единомышленнику секретарю ЦК ВКП(б) В. М. Молотову от 3 августа 1926 г. он предложил переместить Коппа из Японии в Италию, а в Токио отправить Каменева [5, с. 76]. Политбюро приняло это предложение 12 августа [6, д. 580, л. 5], но вскоре решение пересмотрело. Раздраженный Генсек вновь обратился к Молотову. В письме от 8 сентября 1926 г. он, подчеркнув, что Копп и Серебряков «не будут проводить нашу политику», «дадут Чжану возможность играть на наших» разногласиях и «загубят наше дело», констатировал: «Обратная посылка Коппа в Японию есть фактическая отмена решения Пол[ит] Бюро о Коппе и Каменеве. Получается некрасиво, когда решения Пол[ит] Бюро

при одном составе отменяются тем же Пол[ит] Бюро при другом составе без достаточных оснований. …Ударяться из одной крайности в другую из-за того, что Чжан, одобренный Коппом, вздумал нас пошантажировать, – не следовало бы» [5, с. 87].

Сталин добился желаемого: перевод Коппа из Японии был подтвержден. Казалось, проблема решена, но Генеральный секретарь не успокоился. Он сохранял недоверие к Коппу и Серебрякову, которое подогревалось фактами – связи первого с Троцким в прошлом (до революции Копп был одно время секретарем Троцкого), а второго – с Объединенной оппозиции в настоящем. В итоге Сталин, сгущая краски, в письме Молотову от 16 сентября 1926 г. фактически обвинил Коппа и Серебрякова в измене. По его словам, они «сообщили Чжану тайну нашей дипломатии, тайну о том, что мы только пугаем Чжана, но воевать из-за КВЖД не станем» [5, с. 88–89].

Напряжение вокруг Коппа усиливала дискуссия в ВКП(б) и Коминтерне о революции в Китае. Оппозиция выступала против уступок местных коммунистов Гоминьдану и за переход в Китае от буржуазно-демократического этапа революции к социалистическому. И. Сталин считал необходимым сохранить союз Коммунистической партии Китая с Гоминьданом и лишь в перспективе ставить вопрос о советизации Поднебесной. В разговоре с Г. З. Беседовским, работавшим в посольстве СССР в Японии в 1926–1927 гг. и позже ставшим одним из первых «перебежчиков-невозвращенцев», Генеральный секретарь назвал главной угрозой китайской революции вооруженную интервенцию Великобритании, поддержанную Японией. Для победы революции Сталин готов был на многое: «Если в Пекине будет советское правительство, то для его спасения от интервенции мы можем отдать японцам не только Владивосток, но и Иркутск… Брест-Литовск еще будет повторяться в разных комбинациях. В китайской революции он может так же понадобиться…» [3, с. 178].

Видение ситуации в Китае Объединенной оппозицией и сталинским большинством в ВКП(б) расходилось с мнением В. Коппа, и в Москве об этом знали [3, с. 167]. Сам полпред в Японии при разговоре с тем же Г. Беседовским, обозначив линию Коминтерна и Политбюро ЦК ВКП(б) как раздувание «всеми средствами» китайской революции, заметил: «…Китай не созрел даже до радикальных форм буржуазной демократии, а говорят уже о поднимающихся требованиях советизации китайской революции»[3, с. 180]. Кроме того, Копп, считая, что позиция Политбюро и Коминтерна угрожает отношениям с Токио, которые имели для Москвы важнейшее значение, подчеркивал: «…Стихийное движение китайских масс на определенной стадии будет угрожать не только английским, но и японским интересам. Японцы будут стараться,

конечно, возможно искуснее конспирировать свою интервенцию. В случае, если таковая произойдет, они … едва ли пойдут на совместную интервенцию с англичанами, но будут защищать до конца свои интересы в Центральном Китае и ни в коем случае не допустят проникновения революционного движения севернее Великой Китайской стены» [3, с. 180].

Оценки В. Коппа, который «в глубине души» посмеивался над экспериментами «а-ля Коминтерн» [3, с. 146], оказывались созвучны позиции заместителя наркома по иностранным делам М. М. Литвинова, который, по свидетельству Г. Беседовского, резко критиковал действия полпреда СССР в Китае Л. М. Карахана и априори, поддерживавшего его Г. В. Чичерина. М. Литвинов считал, что Л. Карахан, ничего не понимает «в той работе, которая ему поручена», и на практике стремился только к тому, чтобы «изо всех сил выслужиться» перед советником полпредства в Китае по военным вопросам М. М. Бородиным – этакой «шпаной», свалившейся «нам на шею прямо из-за кулис чикагской биржи, где он подвизался под фамилией Грузенберга» [3, с. 173].

Оценки Литвинова и Коппа отражали мнение той части советского руководства, которое стремилось сделать ведущей линией международной политики СССР защиту государственных интересов, а не создание еще одного очага мировой революции. Такая позиция была опасна и таила угрозу конфликта с различными силами. В. Копп испытал это в полной мере. Его стремление минимизировать влияние событий в Китае на отношения СССР с Японией привело к противостоянию с советскими разведчиками в Токио. О конфликте стало известно в Москве. В итоге против Коппа оказались настроены влиятельные в ВКП(б) и в Советской стране заместитель председателя Реввоенсовета СССР и заместитель наркома по военным и морским делам СССР И. С. Уншлихт, начальник Разведывательного управления РККА Я. К. Берзин и начальник Особого отдела ОГПУ Г. Г. Ягода [7, л. 33–62].

Противостояние дипломата с «силовиками» укрепляло позицию Сталина, который продолжил продавливать планы перемещения Каменева и Коппа. Четвертого ноября 1926 г. Генсек праздновал успех. Инстанция приняла решение об ускоренном отъезде Карахана в Японию, а Коппа в Италию [6, д. 600, л. 2]. Данное постановление Политбюро ЦК ВКП(б), однако, вызвало непонимание П. М. Керженцева, который в это время занимал пот полпреда СССР в Риме [1, л. 14, 16, 19, 23–24, 25]. Коппа перспектива работы на Апенинах также не радовала [1, л. 10–11]. После дополнительных обсуждений Инстанция 6 января 1927 г. провела неожиданную рокировку: полпредом СССР в Японии назначили главу советской дипломатической миссии в Швеции В. С. Довгалевского, а В. Л. Коппа решили направить на его место в Стокгольм [6, д. 610, л. 2].

Копп, хотя и был подавлен таким решением, не сдавался и 8 января 1927 г. отослал в Политбюро ЦК ВКП(б) следующее письмо: «Настоящим я опротестовываю состоявшееся… постановление Политбюро о назначении меня полпредом в Швецию и прошу о его пересмотре и отмене. Назначение это представляет собой по существу … перевод из страны, в которой СССР имеет крупнейшие политические интересы и где, поэтому, на полпреде лежит ответственейшая политическая работа, в страну, где у нас никаких серьезных интересов нет, и где задача полпреда сводится в основном к чисто-представительским функциям. Ничем … как тяжелой служебной дисквалификацией и серьезным административным взысканием этот перевод, объективно говоря, не является. Со своей стороны я считаю эту дисквалификацию незаслуженной… Если по мнению Политбюро за мной имеются какие-либо неизвестные мне грехи, то в таком случае я должен настаивать на передаче дела соответствующим партийным или советским органам.

Перевод из послов в Японии в посланники в Швеции будет расцениваться шведским, да и другими правительствами, а также шведским общественным мнением … как факт, характеризующий посла с весьма невыгодной для него стороны. <…> Я не вижу оснований после 8 лет дипломатической службы попасть в такое недостойное … положение.

В заключение должен заметить, что поездка в Стокгольм была бы сопряжена для меня с тяжелыми личными жертвами. Моя жена больна острым туберкулезом, и ей категорически воспрещено на долгое время пребывание в северном климате» [1, л. 2].

В Политбюро ЦК ВКП(б) аргументы Коппа проигнорировали и оставили в силе решение о переводе в Швецию. Подчиняясь партийной дисциплине, дипломат выехал в Стокгольм и 4 марта 1927 г. сообщил Литвинову, что «приступил к исполнению обязанностей» на новом месте службы [2, л. 75].

История перемещения полпреда В. Л. Коппа из Японии в Швецию в 1926–1927 гг. отражал процесс становления в СССР единоличной власти И.В. Сталина. В его руках Политбюро ЦК ВКП(б), которое в советской системе власти выступало ведущим директивным институтом по принятию, запуску и контролю важнейших решений, стало главным инструментом в борьбе с явными и мнимыми оппонентами. В частности, через продавливание желаемых Генеральным секретарем кадровых решений.

Библиографический список

1. Архив внешней политики РФ. Ф. 04. Оп. 59. П. 405. Д. 56615.
2. Архив внешней политики РФ. Ф. УК. П. 75. Д. 3194.

3. *Беседовский Г.* На путях к термидору. М.: Современник, 1997. 459 с.

4. История российско-японских отношений: XVIII – начало XXI века: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. С. В. Гришачева. М.: Аспект Пресс, 2015. 336 с.

5. Письма И. В. Сталина В. М. Молотову, 1925–1936 гг.: сб. документов / сост. Л. П. Кошелева и др. М.: Россия молодая, 1995. 286 с.

6. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 3.

7. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 667. Оп. 1. Д. 6.

8. *Черевко К. Е.* Серп и молот против самурайского меча. М.: Вече, 2003. 377 с.

9. *Черноперов В. Л.* Первые шаги советской дипломатии в Стране восходящего солнца (Деятельность полпреда СССР в Японии В. Л. Коппа в мае 1925 г.) // Вестник Ивановского государственного университета. 2010. Вып. 2: История. Философия. Психология. Педагогика. С. 26–36.

10. *Черноперов В. Л.* Япония и японцы в донесениях первого советского полномочного представителя в Стране восходящего солнца В. Л. Коппа (по материалам Архива внешней политики Российской Федерации) // Вестник Ивановского государственного университета. 2010. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 3: История. Филология. Философия. С. 33–39.

11. *Черноперов В. Л.* Назначение В. Л. Коппа первым полпредом СССР в Японии (или путь в Вашингтон лежит через Токио) // Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., 22–23 нояб. 2018 г.: Изд-во ВлГУ, 2019. С. 141–146.

УДК [342.553:364](470+571)(109)

В. А. Чолахян,
профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (Саратов)

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ЗЕМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Статья является исследованием на региональном уровне становления системы земского начального образования в Саратовской губернии в пореформенный период. На основе новых архивных материалов автор доказывает, что земствам удалось в короткий отрезок времени создать сельские школы (училища), сыгравшие важную роль в просвещении народа.

Ключевые слова: Саратовская губерния, земства, земские школы

© Чолахян В. А., 2022

V. A. Cholakhyan,
Professor of Saratov National Research State University. N. G. Chernyshevsky (Saratov)

FORMATION OF THE ZEMSKY EDUCATION SYSTEM IN THE SARATOV PROVINCE IN THE POST-REFORM PERIOD

The article is a study at the regional level of the formation of the zemstvo primary education system in the Saratov province in the post-reform period. On the basis of new archival materials, the author proves that the zemstvos managed to create rural schools (colleges) in a short period of time, which played an important role in educating the people.

Keywords: Saratov province, zemstvos, zemstvo schools

Саратовское земство приступило к просветительской деятельности в сложных условиях хронической нехватки средств и почти поголовной неграмотности населения губернии. В начальный период своей деятельности Саратовское земство, как и многие другие земские учреждения России, отличалось инертностью в делах народного образования. «Их сметы, – отмечал “Вестник Европы” в 1870 г., – состоят по большей части из общеобязательных расходов... Народное образование и народное здоровье трактуется как роскошь, на которую иные уездные собрания или не ассигнуют ничего, или ассигнуют гроши, с которыми нечего делать» [1, с. 754.].

В сфере народного образования, как и в других областях деятельности, функции губернского и уездного земства были различны. Губернское земство ограничивалось финансированием средних учебных заведений, «которые были учреждены и существовали для удовлетворения потребности в образовании населения всей губернии» [2, с. 21]. При этом расходы по народному образованию составляли минимальную часть ассигнований губернского земства, не превышая 10 % всего земского сбора. Но даже без этих земских средств саратовские средние учебные заведения не могли бы существовать, так как правительственные субсидии были мизерны [3, с. 46].

Губернское земство не занималось вопросами начального образования. Как справедливо отмечали гласные, роль губернского земства в развитии начального народного образования сводилось к нулю. Единственной крупной мерой губернских земских учреждений в этой области было отчисление 27 тыс. руб. в 1875 и 1880 г. на выдачу беспроцентных ссуд сельским обществам на постройку одноклассных школ [4, с. 54]. Таким образом, все тяготы по развитию начального образования всецело легли на плечи уездных земств. Именно им принадлежала заслуга создания нового типа начальных учебных заведений – земской школы.

Большинство исследователей к земским или земско-общественным школам относят те сельские начальные училища, которые содержались либо за счет земства и сельских обществ (таких было большинство), либо полностью за счет земства [5]. Общие расходы уездных земств на народное образование из года в год росли: с 22874 руб. в 1871 г. до 180649 руб. в 1890 г. [6, с. 7]. До середины 1870-х гг. расходы сельских обществ превышали траты земства, которое лишь приплачивало часть жалования учителю, а все остальные расходы по содержанию училищ (отопление, освещение, наем здания, плата сторожу) являлась обязанностью сельских обществ.

С середины 1870-х гг. соотношение расходов сельских обществ и земств начинает изменяться. В частности, в Петровском уезде если в 1871 г. земства ассигновали на школы 33,3 %, а сельские общества – 66,7 %, то в 876 г. земство тратило 68 %, сельские общества – 32 % [8, с. 7]. В уездах возникли комиссии по народному образованию, что привело не только к росту числа школ и обучающихся, но и к значительному увеличению затрат уездных земств на народное образование. Однако, как бы не превозносилась роль земств в деле народного просвещения, она была менее заметна по сравнению с тем участием, которое принимали земства в деле медицинского обслуживания населения и прочих вопросах.

В пореформенный период происходил непрерывный рост начальных народных училищ по Саратовской губернии: в 1864 г. насчитывалось 208 школ, в 1874 г. – 298, в 1884 г. – 390, в 1887 г. – 393, в 1890 г. – 403. Анализ количественных показателей (величина ассигнований и число школ) позволяет выделить в развитии земской школы три этапа: 1) 1866 – середина 1870-х гг., 2) середина 1870 – начало 1880-х, 3) середина 1880-х – 1890-е гг. [8, с. 7].

Казалось бы, цифровые данные по первому этапу показывает значительное увеличение (на 90) числа начальных народных училищ, однако исследованные материалы убеждают, что эти данные не отражают истинного положения дел в состоянии народного образования. Во-первых, явно завышено общее количество школ, по всей видимости, за счет так называемых «бумажных», то есть тех, которые существовали лишь в отчетах. Например, в 1870 г. члены уездного Саратовского училищного совета сообщали, что, по официальным сведениям, в уезде школ было 69 народных училищ с 2657 учениками, а на самом деле сельских школ был 35, а учеников – 1253 [9, с. 56].

Во-вторых, качество образования было крайне низким, о чем свидетельствуют документы. Типичный пример положения в сельской школе приводит Ф. Воскресенский: «Стар-Лебежайская школа помещалась в наёмной квартире от общества. Учителем в ней был крестьянин,

кончивший курс в уездном училище... Учеников в ней 20. Писать умеет трое, считать вовсе не учены» [10, с. 5].

С начала 1870-х гг. положение начинает изменяться к лучшему. Десятилетие (1874–1884 гг.) было периодом повсеместного роста земских школ в России, что отвечало потребностям капиталистического развития страны. Развитие буржуазных отношений требовало хотя бы минимального уровня образованности населения, и деятельность Саратовского земства в области просвещения была частью этого процесса. За 1874–1884 гг. в губернии было открыто около 100 училищ. Так, в середине 1880-х гг. в Аткарком уезде существовало 56, в Балашовском – 75, в Петровском – 37, в Хвалынском –24 народных школы [11, с. 8]. Особое положение в развитии просвещения занимал Камышинский уезд. К середине 1880-х гг. здесь насчитывалось 109 школ, из них 26 – в русских селениях, а остальные – в немецких колониях [12, л. 21].

К середине 1880-х гг. земская школа становится основным типом начальной школы: в училищах Министерства народного просвещения обучалось 1700 чел., в земских школах – 35 тыс., в немецких (которые содержались с пособием от земства) –25 тыс. чел. [13, л. 90–91].

В этот период наблюдается не только количественные, но и качественные изменения в положении земской школы. Как отмечают исследователи, именно в это время происходит становление и развитие настоящей земской школы. Срок обучения в таких школах был продолжительнее (3–4 года), круг предметов шире, использовалась передовая по тому времени методика обучения. Сами крестьяне говорили, что «ребята из земской школы выходят умнее» (имеется в виду сравнение с другими типами начальных школ) [14, л. 135].

Увеличение числа земских школ отражало стремление крестьян к грамотности, что являлось закономерным результатом проникновения капитализма в деревню. Особую роль в этом стремлении сыграла льгота новобранцам. В целом по губернии процент грамотных новобранцев увеличился с 15 % в 1875 г. до 23,6 % в 1887 г. [15, л. 561]. По мнению В. П. Вахтерова, «земство может очень много сделать для осуществления идеи всеобщего обучения» [16, с. 37].

С середины 1880-х гг. начинается третий этап в развитии земской школы, когда за 6 лет (1884–1890 гг.) было открыто 13 народных училищ. В этот период сокращаются и ассигнования уездных земств на народное образование. Саратовская губерния в данном случае не была исключением, ибо процесс замедления земской просветительской деятельности шел в России повсеместно. Главная причина этого явления заключалась в общем повороте самодержавия в начале 1880-х гг. к «разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции» [17, с. 295], первой жертвой которой стало просвещение. Правительство,

стремясь сделать школу «орудием своей реакционной политики», утвердило Положение о ЦПШ **(**Церковно-приходская школа**),** где земству предлагалось передать дело народного образования в руки духовенства. Земства Саратовской губернии отнеслись к ЦПШ сдержанно. В 1890 г. губернское собрание приняло постановление: «Предложение … об оказании пособия ЦПШ отклонить» [18, л. 62].

Характерной чертой начальной школы Российской империи была ее мозаичность и многотипность, обусловленная историческим ходом развития государства. Исследователями выделяется 60 типов начальных учебных заведений, имевших свои уставы и программы [19, с. 70]. «Положение о народных училищах», утверждённое в 1874 г., оставалось на рубеже XIX–XX вв. основным государственным документом, определявшим всю систему начального образования в России [20, с. 40].

Тормозящее воздействие центральной власти усиливалось или ослабевало в зависимости от внутриполитической ситуации в государстве и связанного с ней общего имперского курса. Так, в период бурного общественного подъема, накануне буржуазных реформ и во время их проведения, деятельность правительства, вынужденного считаться с требованиями либерально-демократических сил, способствовала значительному расширению школьной сети и улучшению постановки учебного процесса в школах.

На практике царское правительство не ставило задачи широкого просвещения народа. Образование не стало всеобщим, обязательным и бесплатным. На сферу образования возлагалось, в первую очередь, решение чуждых ей политических задач, в ущерб ее общекультурной миссии.

Таким образом, в пореформенный период происходило становление системы начального образования. Земские учреждения сделали немало для развития народного образования. Однако не все ее компоненты функционировали успешно, не было между ними устойчивой связи, многие элементы еще предстояло создать, более того, вся система в целом, скованная полицейским аппаратом самодержавного государства, действовала замедленно и не удовлетворяла запросам социально-экономического развития страны.

Библиографический список

1. Вестник Европы. 1870. С. 754.

2. Доклады губернской управы очередному губернскому земскому собранию 1883 г. Саратов, 1883. Ч. 2. С. 1.

3. Журналы очередного губернского земского собрания 1888 г. Саратов, 1888. С. 46.

4. Обозрение деятельности губернской управы. 1874–1875. Саратов, 1875. С. 54; Журналы очередного губернского земского собрания 1874 г. С. 46–47.

5. *Пирумова Н. М.* Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М., 1986. С. 48; *Тарасов К. К.* Профессионально-объединительное движение народных учителей и его роль в общественной борьбе // Общественное движение в России XIX века. М., 1986. С. 187 и др.

6. *Морозова Е. Н.* Культурно-просветительская деятельность Саратовского земства. Саратов, 1988. С. 7.

7. Там же.

8. Там же.

9. Отчет Саратовского уездного училищного совета за 1870/1871 уч. год. Саратов, 1872. С. 56.

10. *Воскресенский Ф.* Народное просвещение в Хвалынском уезде // СЗН. 1901. № 11–12. С. 5.

11. *Морозова Е. Н.* Указ. соч. С. 8.

12. ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 73. Л. 21.

13. ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 73. Л. 90–91.

14. *Маскина А. С.* Таврическое земство в 1866–1890 гг. (Социальный состав, бюджет и практическая деятельность): дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. С. 135.

15. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2122. Л. 561.

16. *Вахтеров В. П.* Всеобщее обучение. М., 1897. С. 37.

17. *Ленин В. И.* Указ. соч. С. 295.

18. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4736. Л. 62; Ф. 5. Оп. 1. Д. 900. Л. 59.

19. *Полутина Е. В.* Социокультурная жизнь провинциального города на рубеже XIX–XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Саранск, 2006. С. 70.

20. *Дышлова А. Н.* Культурный и образовательный уровень рабочих города Москвы в 1900–1914 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 2003. С. 40.

УДК 93/94+087.2

Л. Л. Щавинская,
старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (Москва)

ДЛЯ ВСЕХ ПРАВОСЛАВНЫХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ЗАРУБЕЖЬЯ: ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Е. И. ФЕСЕНКО (1850–1926)

В статье рассмотрена многолетняя деятельность одного из крупнейших православных издательств Российской империи, принадлежавшего почетному гражданину Одессы Е. И. Фесенко, выходцу из простой украинской сельской семьи.

Ключевые слова: Православие, Российская империя, религиозное просвещение, издательская деятельность, Ефим Иванович Фесенко

© Щавинская Л. Л., 2022

L. L. Shchavinskaja,
Senior research fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

FOR ALL ORTHODOX OF THE RUSSIAN EMPIRE AND ABROAD: PUBLISHING ACTIVITY OF E. I. FESENKO (1850–1926)

The article examines the long-term activity of one of the largest Orthodox publishing houses of the Russian Empire, owned by an honorary citizen of Odessa, E. I. Fesenko, an ordinary man from a simple Ukrainian rural family.

***Keywords*:** Orthodoxy, the Russian Empire, religious enlightenment, publishing, Efim Ivanovich Fesenko

По сей день в домах православных жителей многих стран мира сберегаются произведения печати, выпущенные одесским издательством Ефима Ивановича Фесенко. Прежде всего это печатные цветные православные иконы разных размеров и цветные виды святых мест, которые в последнее время стали особенно интересовать также отечественных и зарубежных коллекционеров. За долгие годы наших экспедиционных исследований в нескольких странах Европы, прежде всего в России, Украине, Белоруссии, Польше, Литве и других, в живом обиходе у православного населения мы встречали помимо многочисленных иконных изображений еще и различные книжные издания, выпущенные издательством Е. И. Фесенко. Нам стало очевидно, что распространение продукции этой фирмы было огромным, всепроникающим и даже межконтинентальным [6, с. 11–19; 5, с. 79–85]. Вот только о самом ее создателе и итогах его деятельности почти на столетие как бы забыли и лишь в начале XXI в. заговорили вновь [1, с. 131–147; 8]. Впрочем, не все так просто с памятью о Е. И. Фесенко и его деле. Летом 2021 г. в Одессе был разрушен особый историко-культурный памятник – здание издательского комплекса Е. И. Фесенко, возведенное еще в первой половине XIX в. и позднее приспособленное им под свои нужды.

За несколько месяцев до своей кончины в 1926 г. создатель одного из крупнейших православных издательств Российской империи Е. И. Фесенко напишет в своих рукописных мемуарах какие цели он ставил перед собой, организуя в 1883 г. собственную типографию. 75-летний мемуарист, урожденный «черниговский казак», потомственный гражданин Одессы вспоминал: «…я решил прийти навстречу этому простому деревенскому народу, т. к. я и сам произошел с народа. Я родился в селе и в селе и вырос. Я с детства был близок к народной нужде. Я решил заняться народным издательством: издать для народа разные образки (в основном иконные изображения. – *Л. Щ.*), отпечатать любимые образки цветными красками, и сделать их по цене доступными простому сельскому народу. А распространять их в народе можно чрез эти

же монастыри, которые служат для народа. Надо приступить к собственному более обширному издательству, надо получить, чтобы ни стало, точные копии местных чудотворных икон и виды монастырей. А это можно получить только на местах и самому посетить эти места. Я решил лично посетить южные и часть северных монастырей…» [9, с. 254–255].

Всего через несколько лет после организации собственной типографии суммарные тиражи книг и брошюр, выпущенных фирмой Е. И. Фесенко начинают достигать сотен тысяч экземпляров, а тиражи различных листовых материалов, в числе которых были и иконные изображения, – миллионов. Эти издания расходились «по обширной Руси-Матушке» и стали украшать «собою стены православных храмов Божиих и скромные жилища православного люда не только в нашем отечестве – России, но и в единоверных ей Греции, Болгарии, Сербии, Румынии, Палестине, Египте и в других, еще более отдаленных окраинах Православного Востока» [7, с. 18–19]. Пришедший в 1869 г. в Одессу в буквальном смысле пешком из своего дальнего глухого украинского села Е. И. Фесенко становится одной из самых заметных фигур в городе, который не только активно печатал, но и сам писал различные произведения православной литературы, в том числе путеводители по святым местам, заказывал их возможным авторам, был инициатором создания целых серий подобных изданий, включая периодические, выпускавшиеся десятилетиями. Его слава одесского православного издателя, тесно сотрудничавшего с афонскими монастырями, становится не только общероссийской, но и международной. Знаменитый афонский старец Амвросий в 1891 г. благословляет Е. И. Фесенко: «…дело Ваше очень полезно для Вас и для всего Православного народа. Я могу пожелать успеха и Божией помощи» [9, с. 266].

В последующие после этого четверть века, то есть вплоть до 1917 г., фирма Е.И. Фесенко и его жены Веры Феодосьевны выпускает огромными тиражами для православного народа, в том числе и для живущих «в отдаленной Америке», согласно «запросам и нуждам религиозно-просветительского дела», вверяя «себя религиозно-просветительскому служению православно-русскому народу» и в конечной цели осуществляя «общее делание… на пользу Святой Церкви и дорогого Отечества», издает тысячи «изображений святых икон и картин религиозного содержания» [10, с. 3], сотни наименований книг и брошюр, бессчетное количество разнообразного рода листовых материалов.

В годы Первой мировой войны фирма Е. И. Фесенко начинает включать в свой издательский репертуар множество разного типа изданий, рассчитанных на использование в русских войсках, в том числе в кругу их рядового состава. Типография Фесенко печатала плакаты с приказами для расклейки в казармах, пособия «для обучения нижних

чинов в обстановке военного времени», учебные таблицы, уставы и наставления, различные справочные и популярные издания, такие, например, «Военный переводчик (русско-польско-немецкий)», «Справочная книга военного врача», «Молитвенник для воинов». Отдельным разделом каталога военных изданий Фесенко был «Духовный отдел», в котором представлено «около 2000 изданий» духовно-нравственного содержания. Владельцы фирмы подчеркивают свое собственное видение роли простого русского воина, в основном крестьянина, отмечая, что издательство вот уже тридцать три года своими изданиями культивирует в простом православном русском народе любовь и преданность вековым заветам Великой России благодаря общедоступным изданиям священных изображений, картин, книг и брошюр, посвященным религии, любви к Родине. «Мировая война превратила крестьянина в воина и деятельность издательства, вслед за ним, перенеслась туда, где проливает кровь и являет беззаветное мужество и отвагу, бывший хлебопашец – ныне русский витязь. Письма русских солдат из Действующей Армии доказывают, какие чувства и бодрость вселяют в великую рать подобные издания» [2, с. 2].

В начавшемся лихолетье Гражданской войны, понимая, что для всего населения Российской империи и для них лично наступают трагические времена, Е. И. Фесенко и В. Ф. Фесенко в своем послании многомиллионному православному миру пишут о продолжении своего излюбленного дела по изданию икон, книг, листков и картин духовно-нравственного содержания, не щадя при этом ни трудов, ни средств на его усовершенствование и улучшение. Издатели делятся со своими заказчиками «теми чувствами и душевными переживаниями, кои побуждали и побуждают их вести это святое дело с подобающим тщанием и усердием», убедившись на собственном опыте, что «живая сердечная вера в Бога и мирная, скромно–трудовая семейная жизнь составляют основу счастья православно-русских людей». Они отмечали, что и наши предки находили для себя излюбленное чтение «в житиях святых, в чтении книг духовно-нравственных, на них воспитывали и свою семью и потому только древняя Русь получила именование “Святой”, Православной Руси». Свою величайшую награду издатели видят в том, что их издания «в этом отношении принесут хоть малейшую долю пользы». «Трудиться во славу Божию и на пользу дорогой Родины было всегдашним нашим стремлением. Насколько мы его осуществляем, насколько успешны наши труды, да и успешны ли они вообще, судить, конечно, не нам…» [11, с. 3].

Последний каталог издательства Фесенко «1916–1917» гг. [4] в разделе хромолитографированных изданий насчитывает более 1000 «изображений св. икон и картин религиозного содержания» разных

размеров, более 100 видов «монастырей, храмов и святынь, изображения крестов на бумаге и картины разного содержания», более 300 мужских и женских «именных образков». В нем также представлены «Альбом замечательнейших храмов в России и заграницей, как величайших памятников церковной архитектуры», 10 выпусков «Живописного описания русских святых мест», более сотни наименований выпускаемых книг и брошюр разного содержания, около 150 наименований листков, «содержащих молитвы, духовно-нравственные наставления о предметах веры и жизни христианской». Кроме того, в каталоге содержатся описания выпущенных издательством брошюр и книг для войск, различные военные пособия, учебники, уставы. Более подробно военные издания фирмы были перечислены в специально выпущенных каталогах [2].

Издательская деятельность Фесенко по своим особенностям и параметрам в определенной степени может быть сравнима с аналогичной деятельностью И. Д. Сытина [6, с. 12]. Е. И. Фесенко рассчитывал на распространение своих изданий преимущественно в православной среде, и прежде всего простонародной. Он относился к своему делу «как к подвигу служения духовной пользе народа – к осуществлению одной из самых серьезнейших религиозно-просветительских задач церкви» [3, с. 493–494].

Библиографический список

1. *Закіпна Г. В.* Перший український друкар Одеси // Дом князя Гагарина. Вып. 3. Ч. 1. Одесса, 2004.

2. Издательство Е. И. Фесенко. Одесса. 1916 г. Каталог военных изданий. Одесса, 1916.

3. Именные иконы для крещаемых. Издание Одесской хромолитографии Е. И. Фесенко // Церковные ведомости. 1909. № 10.

4. Каталог изображений св. икон, картин, книг и листков Евфима Ивановича Фесенко. 1916–1917. Одесса, [1917/1918].

5. *Лабынцев Ю. А.* Крупнейший издатель народной православной печатной продукции Е. И. Фесенко – популяризатор духовных песнопений Хрисанфа Саковича // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XVI Междунар. науч. конф., Иваново, 5–6 апреля 2017 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2017. Ч. 2.

6. *Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.* Е. И. Фесенко – один из крупнейших издателей народной православной печатной продукции XIX–XX вв. // Славянский мир в третьем тысячелетии. Этнические, конфессиональные, социокультурные идентичности народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. Е. С. Узенева. М.: ИСл РАН, 2017.

7. Празднование десятилетия типографии и хромолитографии Евфима Ивановича Фесенко, в Одессе. 15 декабря 1883 – 15 декабря 1893. [Одесса], 1894.

8. Семейный альбом одесского издателя Е. И. Фесенко. Одесса: Одесская городская типография, 2007.

9. *Фесенко Е. И.* Воспоминания // Одесский литературный музей. КП-2558/2.

10. *Фесенко Е. И., Фесенко В. Ф.* От издателей // Каталог изображений св. икон, картин, книг и листков Евфима Ивановича Фесенко. Одесса, 1914.

11. *Фесенко Е. И., Фесенко В. Ф.* От издателей // Каталог изображений св. икон, картин, книг и листков Евфима Ивановича Фесенко: 1916–1917. Одесса, [1917/1918].

УДК 94(47).084.8

К. А. Юдин,
доцент, Ивановский государственный химико-технологический университет

СОВЕТСКАЯ КИНОПОЛИТИКА НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье исследуется советская политика в сфере кинематографии. Предпринимается попытка рассмотреть специфику регулирования медиапространства, обозначить расстановку политико-идеологических приоритетов с учётом атмосферы военного времени и геополитических факторов в целом, изучить их влияние на тематику кинофильмов, образно-визуальную составляющую.

Ключевые слова: советская кинополитика, культура, Великая Отечественная война, идеологический контроль, пропаганда, «образ врага»

K. A. Yudin,
Associate Professor, Ivanovo State University of Chemistry and Technology

SOVIET FILM POLICY ON THE EVE AND DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article examines the Soviet policy in the field of cinematography. An attempt is made to consider the specifics of media space regulation, to identify the alignment of political and ideological priorities taking into account the atmosphere of wartime and geopolitical factors in general, to study their impact on the subject of films, the figurative and visual component.

Keywords: Soviet film policy, culture, the Great Patriotic War, ideological control, media space, “the image of the enemy”

Великая Отечественная война затронула абсолютно все сферы общественной жизни, перешедшие на тяжелейший и изнурительный мобилизационный режим, связанный с чрезвычайно-ускоренными

© Юдин К. А., 2022

темпами и ритмами функционирования как хозяйственных объектов, так и учреждений культуры, искусства. Не исключением из этих процессов стал и советский кинематограф. Он был призван выполнять ответственную миссию – стимулирования и поддержания патриотических настроений, морально-психологической устойчивости фронтовиков, работников тыла, а также простых советских граждан, вынужденных претерпевать военную повседневность. «В суровые дни Отечественной войны, – уверяла всех с известным пафосом главная печатная трибуна страны, газета «Правда», в октябре 1941 г., – наше кино должно быть умелым агитатором, верным другом соратником советского человека на фронте и в тылу <…> Все новые картины так или иначе раскрывают одну центральную тему – самую волнующую для миллионов советских зрителей: тему патриотизма, любви к Родине, свободе и родному народу» [9]. «Высокоидейные фильмы, – отмечалось осенью 1943 г., – помогают народу бороться за правое дело. Для кино, более чем для какой-либо другой области искусства открыт путь к сердцам людей. В этом – величайшая сила киноискусства…» [6]. Объемы / масштабы художественного и документального кинопроизводства, классификация создаваемой медиа-продукции достаточно изучены в историографии [2; 12; 13; 14], а ранее неоднократно воспроизводились в официальных источниках – периодической печати, историко-киноведческой публицистике (см.: [1, с. 196–206, 215]). В силу этого, рационально сфокусировать внимание только на отдельных *векторах кинополитики.*

В первую очередь, следует подчеркнуть, что кинополитический курс в целом сформировался еще в довоенное время и был направлен на достижение долговременного аккумулятивного эффекта по легитимации власти, регулирующей расстановку образно-визуальных акцентов на медиапространстве по своему усмотрению. Об этом, в частности, свидетельствует судьба кинофильма С. М. Эйзенштейна «Александр Невский» (СССР, 1938), претерпевшего в 1939–1941 г. разные циклы востребованности и признания. Восторженно-хвалебные отзывы сменились информационной «изоляцией» в связи с подписанием пакта Молотова-Риббентропа в 1939 г., сделавшего нежелательным избыточное проявление национально-патриотических настроений в не дружественном, антигерманском дискурсе (см. об этом: [4]). Но после начала Великой Отечественной войны и вторжения немецких войск на территорию СССР, естественно, сравнение с немецко-шведской агрессией и экспансией, имевшей место быть в XIII в., стало вполне допустимым и приобрело остро актуальный характер. Верификацией тезиса о том, ведущей функцией советского кинематографа являлось «пропагандистское обеспечение внешнеполитического курса» [12, с. 47] выступала стратегия по дуалистическому восприятию и репрезентации «образа врага» в реаль-

ности и на экране. Немецкий народ «отделялся от руководителей Третьего рейха и изображался одновременно в виде жертвы и борца с фашизмом, действующего под руководством коммунистов» [5, с. 75].

Криминализация и «демонизация» нацистской угрозы в некоторых кинопроизведениях приобретала индивидуально-персонализированный и, тем самым, лимитированный характер. В этом смысле показательным стал образ А. Гитлера в исполнении С. А. Мартинсона в кинофильме «Новые похождения Швейка» (СССР, 1943, реж. С. Юткевич), где нацистский фюрер был посажен в клетку и затравлен как «беспородный бешеный пес». Карикатурная *дегуманизация* [7] лидера Третьего рейха как «главного нацистского преступника» синхронно должна была способствовать *регуманизации* [8] образа немецкого народа в целом, необходимой для его духовно-политической реабилитации уже в мирное время. Кроме того, разоблачение «звериного лица гитлеризма» на основе фальсифицированных данных о несуществующих преступлениях или преувеличенных проявлениях жестокости пресекались цензурой [10, с. 417–419]. Указанная *амбивалентность «образа врага» / другого*» также приобрела долгосрочно-универсальный характер, став и инструментом регулирования взаимоотношений с США, сначала как союзником по антигитлеровской коалиции, а затем в годы «холодной войны» – новым врагом-соперником в культурно-геополити-ческом состязании. Представления о «двух Америках» [8, с. 286] – «Америки Пентагона» и «Америки для американцев» (непримиримость к одному не противоречила снисходительности к другому модусу) уже тогда стали политико-идеологическим и информационным «маятником», влиявшим на степень интенсивности сотрудничества СССР и США, в том числе – в сфере кинематографии.

В 1942 г. на экраны вышел документальный фильм «Разгром немецких войск под Москвой» (СССР, 1942, реж. Л. Варламов, И. Копалин), который стал значительным «медиа-мостом» между СССР и США. В США была подготовлена адаптированная версия, диктором-рассказчиком выступил известный актер Э. Дж. Робинсон. Картина получила встречное официальное признание: в СССР она была удостоена сталинской премии первой степени в области литературы и искусства, в США – премии Национального совета кинокритиков США (1942), а затем «Оскара» в номинации за «лучший документальный фильм» (1943). 14 мая 1943 г. председатель Комитета по делам кинематографии при СНК СССР И. Г. Большаков в своем письме, адресованном наркому внешней торговли СССР А. И. Микояну, обосновывал целесообразность увеличения импорта американских кинофильмов [3, с. 661]. 26 мая 1943 года [там же, с. 663] было принято решение о выпуске на советский экран кинофильма «Моя миссия» («Миссия в Москву», США, 1943, реж.

М. Кёртиц), непосредственно символизировавшего отдушину в идеологическом антагонизме и ставшего симптомом дружественной фазы в отношениях между СССР и США. Далее, через год, в 1944 году Комитет по делам кинематографии выразил заинтересованность в приобретении еще одного из известных фильмов, рассматриваемых в историографии вместе с уже упомянутой выше картиной «Миссия в Москву», а также «Песнью о России» (США, 1944, реж. Г. Ратов) и «Днями славы» (США, 1944, реж. Ж. Турнёр) как примеры просоветских симпатий в Голливуде [17, p. 23]. Речь шла о картине «Северная звезда» (США, 1943, реж. Л. Майлстоун) [3, с. 692].

В то же время, параллельно с официальными проявлениями дружественного благорасположения к американскому медиапространству, в отношении некоторых советских кинематографистов были предприняты психополитические атаки, призванные «напомнить» творческой интеллигенции о необходимости укреплять идеологический иммунитет к «чужой» культуре. Подверглась критике вступительная статья-рецензия режиссера Л. З. Трауберга к кинофильму «Вива Вилья» / «Да здравствуйте Вилья» (США, 1934, реж. Д. Конуэй, Х. Хоукс, У. А. Уэллмен). «Вступительная статья Л. Трауберга, – отмечал начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров к сценарию “Вива Вилья” *является уступкой буржуазной идеологии*, дезориентирует советского читателя, затрудняет критический подход советских кинодраматургов к *американской буржуазной кинематографии»* [там же, с. 658]. Далее, в 1944 г. И. В. Сталин в очередной раз заинтересовался творчеством А. П. Довженко, обнаружив в киноповести «Украина в огне» проявление «националистических извращений», «антиленинского ревизионизма» [там же, с. 693]. Все это сопровождалось эскалацией начатой еще в довоенный период напряженности на общем, институциональном уровне (см.: [15; 16]). И. Г. Большаков в июле 1943 г. жаловался, что Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) злоупотребляет своими экспертными полномочиями, бюрократизирует процесс рассмотрения киносценариев [10, с. 219–220]. Но начальник Управления, которым тогда был Г. Ф. Александров, напротив, был убежден, что основным препятствием для развития советской кинематографии выступает «ограниченность т. Большакова и желание прикрыть свою бездеятельность», которая мешают ему понять, что «дело не в “процедуре” утверждения сценария, а в том, что Комитет по делам кинематографии представляет в ЦК ВКП(б) совершенно негодные сценарии» [3, с. 678].

Ценные сведения о настроениях в кинематографическом сообществе предоставляли органы государственной безопасности. Так, в записке, составленной наркомом государственной безопасности В. Н. Мер-

куловым в марте 1946 г., но оценивающей предшествующий период развития советской кинематографии (1944–1945 гг.) передавалась позиция кинорежиссера И. А. Пырьева: «…Современной темы в нашей кинематографии не существует. Все бояться за нее браться, и в первую очередь сам Большаков. Не так повернешь тему, не тому угодишь, не так будет поставлен вопрос – и вы сталкиваетесь с запрещением вашего сценария. Поэтому Эйзенштейн сидит на “Иване Грозном”, Пудовкин – на “Нахимове”, Петров хочет ставить “Порт-Артур”, Барнет – “Волки и овцы”. Я же сам хочу делать Достоевского. Это интересно и не опасно. При такой цензуре, какая сейчас есть в Комитете и других более высоких инстанциях, мы только и сможем выехать на истории или на классиках…» [там же, с. 722].

В целом, подводя итоги, стоит отметить следующее. Режим военного времени серьезно повлиял на функционирование советской кинематографии, внес коррективы в темпы и ритмы кинопроизводственного процесса. Состояние напряженности и повышенной конфликтности было вызвано не только информационно-институциональной состязательностью, но стало следствием психофизиологических, эмоциональных перегрузок, о чем с тревогой сообщал С. М. Эйзенштейн И. В. Сталину в январе 1944 г. [там же, с. 690]. При этом цензурно-идеологический контроль на всех этапах и циклах сформировавшегося еще до войны кинополитического курса оставался жестким, охватывая максимально широкий жанровый и проблемно-тематический спектр объектов регулирования.

Контролировали киножурналы, искореняя в них «рутину, не совместимую с передовым киноискусством» [там же, с. 710], фильмы-биографии, не допуская картины, которые могли «испохабить тему», «принизить и обеднить образ великого русского поэта» (см. судьбу к/ф «Лермонтов», СССР, 1943, реж. А. Гендельштейн [там же, с. 675]), под пристальным вниманием находилось советское фэнтези. Киносценарий В. Швейцера и А. Роу «Конец Кащея Бессмертного» первоначально был квалифицирован как «глумление над русским фольклором», но все же фильм был снят [11, с. 192–193]. Огромную роль играли музыкальные комедии, призванные осуществлять эффектную репрезентацию советских ценностей не только внутри страны, но и составлять конкуренцию зарубежной кинопродукции, ее распространению на освобожденных территориях Европы [3, с. 713–714]. При этом не меньшее значение, чем идеологическим, агитационно-пропагандистским методам, придавалось материальному стимулированию, как в виде дополнительного ассигнования, финансового поощрения, так и премирования кинодеятелей, присвоения почетных званий, сталинских премий.

Библиографический список

1. *Большаков И. Г.* Советское киноискусство в годы Великой Отечественной войны. М.: Госкиноиздат, 1950. 216 с.

2. Кино на войне. Документы и свидетельства / авт.-сост. В. И. Фомин. М.: Материк, 2005. 941 с.

3. Кремлевский кинотеатр. 1928–1953. Документы. М.: РОССПЭН, 2005. 1120 с.

4. *Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А.* Периодическая печать о фильме «Александр Невский» (1938–1939). (Часть II) // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 114–135.

5. *Кринко Е. Ф.* Образы противника в массовом сознании советского общества в 1941–1945 годах // Российская история. 2010. № 5. С. 74–88.

6. Об идейности в киноискусстве // Правда. 1943. 29 сент.

7. *Рябов О. В.* Женщины нацистской Германии в зеркале советской карикатуры (на материале журнала «Крокодил» // Уральский исторический вестник. 2019. № 3 (64). С. 84–92.

8. *Рябов О. В.* Регуманизация «чужих»: эволюция репрезентаций «врага номер один» в американском кинематографе холодной войны // Диалог со временем. 2021. Вып. 77. С. 277–290.

9. Советское кино в годы Отечественной войны // Правда. 1941. 12 окт.

10. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. М.: РОССПЭН, 2007. 806 с.

11. *Спутницкая Н. Ю.* Птушко. Роу: Мастер-класс российского кинофэнтези. М.: Берлин: Директ-медиа, 2018. 371 с.

12. Токарев В. А. «Кара Парам! Кара!»: польская тема в предвоенном кино (1939–1941 годы) // Отечественная история. 2003. № 6. С. 47–59.

13. *Тряхов И. С.* Образ врага в периодической печати в годы Великой Отечественной войны (на примере Владимирской области) // Вестник ВлГУ им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2019. № 1 (21). С. 12–24.

14. *Храмкова Е. Л.* Отечественная историография истории кино 1941–1945 годов на рубеже XX–XXI веков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 78. С. 123–130.

15. *Юдин К. А.* «Кино... не может быть аполитичным»: контроль над советским киноискусством (1928–1941 гг.) // Россия XXI. 2021. № 5/6. С. 142–161.

16. *Юдин К. А.* «Надо покончить с двурушничеством в показе картин…»: советский зритель и власть в период «позднего сталинизма» // На пути к гражданскому обществу. 2019. № 4 (36). С. 108–117.

17. *Shaw T.* Hollywood's Cold War. Amherst: University of Massachusetts Press, 2007. 352 p.

СОДЕРЖАНИЕ

Пленарное заседание

Лабынцев Ю. А. Исповедник церковной соборности: духовное наследие протопресвитера Терентия Теодоровича (1867–1939) …….. 5

Ефимович Е. В., **Шупенько Т. И.** Конституционный процесс в Российской Федерации и Республике Беларусь: роль Православной церкви …… 9

Павлюченков Н. Н. «Мы не живем церковью»: священник Павел Флоренский о духовной жизни церковного народа в России в начале XX века …… 14

Ганчар А. И. Реорганизация римско-католических семинарий в Российской империи в 1906–1915 гг. (на примере Виленской семинарии) ……... 19

Чикаева Т. А. У кого есть своё Отечество: взгляд из прошлого и настоящего …… 25

Петров И. В. Смена парадигмы отношений между Православной Церковью и государством в 1939–1941 гг. (на примере стран Балтии) ……... 31

Кураев А. Н. Неполитические организации в России в 1904–1907 годах …… 36

Усманов С. М. Протоиерей Георгий Флоровский о церковном историке Василии Васильевиче Болотове …… 42

Секция 1

«РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ (РУБЕЖ XIX–XX вв. – НАЧАЛО XXI в.)»

Афонасенко И. М. Дворянские гербы протоиереев Русской православной церкви в Российской империи ……... 45

Балдин К. Е. Из истории финансовой деятельности Императорского Православного Палестинского Общества: всероссийские сборы денежных средств в вербное воскресение ….. 50

Бурдин Е. А., Сафин К. В. О некоторых тенденциях развития православия в Средневолжье в конце XX – начале XXI в. (на примере культовых объектов культурного наследия) ……..... 55

Горожанина М. Ю. Советская власть и православное духовенство Кубани в 1920-е годы …… 61
Долгих А. Н. Проблема церковного раскола в России XVII века в русской и советской романистике …….. 67
Коняев А. Е. С благодарностью от архиепископа (нотариус города Углича Иван Иванович Башилов: подробности карьеры) 72
Короневский В. И. Уподобление членов императорской семьи православным святым как способ легитимации власти монарха в поздней Российской империи (на примере культа св. Евфросинии Полоцкой) ……. 77
Кукушкин В. Л., Кукушкина И. А. Земское служение вологодского священника А. В. Беляновского ……. 82
Малышева О. Л. Политика государства в отношении РПЦ в условиях революционных потрясений начала XX века …….. 88
Менщиков И. С. Сельское духовенство и крестьянский мир в Зауралье в начале XX века ……. 93
Минько С. И. Святая блаженная Валентина Минская …… 99
Начапкин М. Н. Русская Православная церковь о событиях февральской революции 1917 года …… 104
Паршуков В. А. От казачьего офицера до священника: жизненный путь Михаила Каргополова …….. 109
Половникова М. Ю. Вятская и Слободская епархия при епископе Никоне в начале XX в. …… 115
Сазонов Д. И. Иллюзорная реальность проводимых советской евгеникой опытов по созданию нового человека (на примере религиозных общин Верхне-Волжского региона в 1960–1970-е годы) ……. 119
Сергеев Ю. Н., Александров А. П. Репрессии православного духовенства Уфимской епархии в 1930-е годы …… 125
Суздальцева И. А. Строительство православных церквей в Порт-Петровске (вторая половина XIX – начало XX века) … 129
Табунщикова Л. В. Антирелигиозные диспуты 1920-х гг. в Донском регионе …… 133
Шушканова Е. А. Церковные расходы в бюджете сельской общины Енисейской губернии …….. 137
Якунин В. Н. Основные события и повседневная жизнь Самарской и Сызранской епархии в 2004 г. …… 142

Секция 2

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ/ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ В ОСМЫСЛЕНИИ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (РУБЕЖ XIX–XX вв. – РУБЕЖ XX–XXI вв.)

Воробьев Е. П. «Никогда капитализм не был таким свирепым, таким бессмысленным, таким людоедским, как теперь». Взгляды и деятельность С. К. Минина …….. 148

Гаврилова В. В. Различные аспекты свободы и прав человека в православном понимании ……... 154

Гладышев Д. Ю. Личность Л. Н. Толстого: попытка психологического анализа …… 160

Гофман А. А., Тимощук А. С. Интеллигенция в осмыслении устойчивости российского общества …… 166

Грошева И. А., Грошев И. Л. Советское и постсоветское в представлениях современной молодёжи …….. 171

Грошева Л. И. Интеллектуальная элита виртуального пространства в восприятии современной молодёжи ……. 176

Дежнев В. Н. Образ будущего России как проекция традиционных отечественных ценностей ……... 182

Князев М. А. Публицист Б. М. Юзефович и дворцовый комендант П. П. Гессе: к истории взаимоотношений и сотрудничества ….. 187

Ковров Э. Л. Аксиомы русского либерализма в «Уроках жизни» В. А. Маклакова ……... 193

Костылева Е. Л., Точенов С. В., Червяков А. И. Булат Окуджава и Ивановский Молодежный народный театр Регины Гринберг ……... 199

Купалова В. А. Формирование патриотизма и гражданской идентичности будущих педагогов ……. 205

Лещинский А. Н. К итогам изучения церковных разделений XX–XXI веков …… 210

Лукьянчикова Л. В. А. Г. Гойхбарг о развитии земельного права в первые годы советской власти …… 214

Лях Е. Е. Неомонотеизм в религиозной жизни современной России ……... 219

Павлов К. В. К вопросу о «предопределении» формирования пролетарской и антисоветской интеллигенции в России: оценка интеллигенции в дореволюционной публицистике В. И. Ленина (1913–1914 гг.) …….. 224

Полещук Ю. А. Ценностные ориентации и профессиональные типы личности студентов-психологов 3 курса ……. 229
Синин Е. Ю. Использование образа Н. В. Устрялова Г. Е. Зиновьевым во внутрипартийной борьбе в ВКП(б) в 1925–1927 гг. …… 233
Стогов Д. И. Политические взгляды протоиерея Петра Миртова 239
Суханова Н. И. Противостояние «красные – белые» в институциональной политике в 1917–1920 гг. ……... 245
Фролова Е. А. С. А. Муромцев как теоретик права ……. 250

Секция 3

«РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО (РУБЕЖ XIX–XX вв. – НАЧАЛО XXI в.)»

Балахонова М. А. Вклад вузовской интеллигенции Ивановской области в судьбу фронта и тыла в 1941–1942 гг. ……. 255
Белоногов Ю. Г. Карательная политика военных трибуналов в отношении дезертиров производства в 1942 г. (на материалах приговоров на осужденных работников завода № 172 Наркомата вооружений СССР) …….. 260
Бойко С. И. Формирование патриотических ценностей военнослужащих разных религиозных конфессий в России и Белоруссии ……... 266
Бунин А. О. О деятельности государственно-кооперативной системы кредитования российской деревни в 1923–1924 годах … 271
Бутрин Е. С. Городская перепись в Иваново-Вознесенске в 1916 году …….. 275
Верещагин И. Ф. Динамика межконфессиональных отношений в Архангельской области в современных условиях …….. 282
Виноградова Ю. А., Околотин В. С. Роль отдела народного образования в создании государственной системы музейных учреждений во Владимирской губернии (1918–1922 гг.) ….. 287
Волоскова М. Н. Судьба репрессированного священнослужителя Иоанна Павловича Лоскутова (на примере Тверской области) 292
Гаврилов С. В. «Историк-гражданин» в годы Первой русской революции (на материале общественно-политической деятельности В. И. Семевского) …….. 296
Горячев И. В. О динамике численности работников государственных органов и органов местного самоуправления Владимирской, Ивановской, Костромской, Ярославской областей в начале XXI в. (на материалах Федеральной службы государственной статистики) …… 302

Гулин А. О. Участие казачьих войск в боевых действиях Русской армии на персидском фронте Первой мировой войны в 1917–1918 гг. …… 305
Дианова Е. В. Научно-просветительные культурфильмы в антирелигиозных кампаниях 1920-х годов …….. 311
Донцев С. П. Межрелигиозный совет СНГ как институт межкультурной и межрелигиозной коммуникации …… 318
Дроботушенко Е. В. Недостатки в работе Совета по делам религий при совете Министров СССР во второй половине 1970-х гг. …….. 324
Дряблова Е. Е. Аппарат ЦК РКП(б) и развитие исторической науки в первые годы советской власти ……. 329
Ершова Т. В. Историческая хроника как источник изучения стачечного движения в России в годы Первой мировой войны … 332
Ильин Ю. А. Складывание механизма продовольственной диктатуры как важнейшего компонента политики военного коммунизма в российской деревне (2-я половина 1918 г.) …. 337
Исакова Л. В. Состав и компетенция уездного училищного совета (на примере Арзамасского уездного училищного совета Нижегородской губернии) ……. 344
Ковров Т. А. Участие дворян в учётно-ссудных комитетах при отделениях Государственного банка Владимирской губернии (1887–1917 гг.) …….. 350
Комиссарова И. А. Промысловый налог в первые годы новой экономической политики: законодательство, проблемы сбора, роль в бюджете …….. 355
Конев Е. В. Христиане веры евангельской Кузбасса и Хакасии в 40–60-е гг. XX века …….. 362
Корников А. А. Геральдика Кировской области: происхождение, символика и современное состояние ……. 367
Крайнов Г. Н. Западные мифы о Московской битве 1941–1942 гг. 373
Кудряшова А. С. Организация помощи кустарному производству местными органами самоуправления (на материалах Нижегородской губернии) …….. 377
Кузнецов А. А., Улизко П. В. Историческая политика. Новые подходы западных стран к интерпретации Второй мировой войны …… 382
Ладанова А. А. Хозяйственники-руководители Иваново-Вознесенского государственного текстильного треста в 1921/22–1925/26 гг. ……. 388

Леонов Д. Е. Русско-японская война 1904–1905 гг. на страницах «Ярославских епархиальных ведомостей» …… 394
Листопадов Д. Ю. К вопросу о потерях Русской армии в ходе Брусиловского прорыва …….. 400
Листопадов Ю. Г. Работа лагерей труда и отдыха для школьников в РСФСР (конец 1960-х – начало 1970-х годов) …….. 405
Личак Н. А. Сохранение памятников искусства и старины города Ярославля в 1920–1930-х годах …… 411
Матвиенко В. А. Советская власть и формирование системы антирелигиозного образования …….. 415
Медоваров М. В. Александр Битков – оружейный магнат и публицист ……. 421
Миронов А. В. Несовершенства указа 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости» и попытки их преодоления (на материалах Минской епархии) ……. 427
Михайлов С. С. Юхан Парис или Харлампий Осипов: кто был последним ассирийским священником-беженцем в России 432
Михальченко С. И. Богословское творчество Е. В. Спекторского 438
Музафарова Н. И. Культурное и духовное развитие этносов Волжско-Уральского региона (конец XIX – первые два десятилетия XX в.) …….. 442
Неупокоев И. В. Начальная церковная школа как инструмент борьбы с пьянством и курением (на материалах Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX века) …… 447
Околотин В. С. Строительство тракторного и авторемонтного заводов в Ивановской области в 1943 году …….. 453
Орлова С. А. Развитие нефтяного дела в Бакинской губернии в начале XX века (по материалам сенаторской ревизии А. М. Кузминского) ……. 458
Павленко А. П. Образы А. В. Колчака в годы Первой мировой войны и революции в мемуарах офицеров-эмигрантов …….. 464
Перевозников А. А. К вопросу о классификации спортивных организаций конца XIX – начала XX века (на материалах Москвы)……. 470
Полуэктов И. Б. Офицерский состав армейских гусарских полков Русской императорской армии накануне Первой мировой войны (на примере 5-го гусарского Александрийского полка) …… 475
Прибытков А. А., Чекменёва Т. Г. Современное состояние молодёжного экстремизма в России: причины и проявления 480

Ревякин Е. С. Деятельность Союза воинствующих безбожников в Ивановской области: ошибки и просчеты …….. 486
Реутова А. Д. Здоровье воспитанниц институтов благородных девиц в XIX – начале XX в. …… 492
Решетов Е. А. Советско-шведские отношения 1927–1930 гг. по материалам газеты «Правда» …… 496
Свиридов А. В. От Литовской Руси к Республике Беларусь ….. 501
Сипейкин А. В. Кампания по изъятию церковных ценностей в 1922 г. в Тверской губернии ……... 505
Соколов А. С. Политика власти по отношению к Русской Православной Церкви в период свертывания нэпа 1928–1929 гг. (на материалах Рязанской губернии) ……. 509
Сорокин А. А. Вопрос о мелкой земской единице в решениях губернских комитетов особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности ……. 513
Степанов А. В. Сюжеты из истории раннего христианства на русском киноэкране «Серебряного века» ……. 520
Суслов А. Ю. История и современное состояние музеев гражданской обороны и пожарной охраны в Республике Татарстан 526
Сысов А. И. Взаимоотношения районных органов власти Горнозаводской зоны Южного Урала с окружными областным руководством в ходе реализации управленческих задач в середине 1920-х – середине 1930-х гг. …….. 531
Терентьев В. В., Федотов А. А. К вопросу денационализации народов СССР в программе строительства коммунизма …… 536
Труженикова Л. А. Культурно-просветительская деятельность музеев Дагестана в 2000-е годы ……. 541
Хрипунов А. С. Развитие и деятельность Ивановской областной прокуратуры в 1930-е годы ……. 546
Черноперов В. Л. История перемещения полпреда СССР В. Л. Коппа из Японии в Швецию в контексте борьбы И. В. Сталина с объединенной оппозицией в 1926–1927 гг. 553
Чолахян В. А. Становление системы земского образования в Саратовской губернии в пореформенный период ……... 558
Щавинская Л. Л. Для всех православных Российской империи и зарубежья: издательская деятельность Е. И. Фесенко (1850–1926) …….. 563
Юдин К. А. Советская кинополитика накануне и в период Великой Отечественной войны …….. 568